

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 1

Грамматические процессы и системы в диахронии
Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

МОСКВА
2020

Издание основано в 2013 г.

Издание выпуска осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований грант № 19–012–20004

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы выпуска

Г. И. Кустова, доктор филол. наук (Москва, Россия);

А. А. Пичхадзе, член-корреспондент РАН (Москва, Россия)

Редакционный совет

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

Яннис Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария),

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

Канд. филол. наук А. Е. Сомова

Редколлегия благодарит Уолкера Томпсона (Walker Riggs Thompson)
и Ричарда Дина (Richard Andrew William Dean) за помощь в подготовке издания.

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 1

Grammatical processes and systems in diachrony
In memoriam of Andrey Anatolyevich Zaliznyak

MOSCOW
2020

The Journal was founded in 2013
The Issue is published with financial support of the Russian Foundation for Basic Research
Project N 19-012-20004

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editors of the Issue

Galina I. Kustova, D.Sc. (Moscow, Russia);
Anna A. Pichkhadze, D.Sc., Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia).

Editorial board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nasset, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФЦ 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Оливье Азам (Париж, Франция)	
Особенности выбора вида инфинитива, употребляемого в современном русском языке в функции древнерусского супина	9
М. А. Бобрик (Москва)	
Морфологические таблицы древнерусского языка А. А. Зализняка (Из наследия)	31
Е. А. Галинская (Москва)	
Грамматическая вариативность в языке новгородской деловой письменности конца XVI века	41
С. В. Дьяченко, Е. Г. Жидкова, А. В. Тер-Аванесова (Москва)	
Причастия прошедшего времени и перфектные конструкции в говорах под Опочкой	55
О. Ф. Жолобов (Казань)	
Диагностические глагольные формы в древнерусских паримейниках и Толстовском сборнике XIII в.	88
С. И. Иорданиди (Москва)	
К истории именительного множественного на -á в именах несреднего рода	106
А. М. Кузнецов (Даугавпилс, Латвия)	
Употребление указательных местоимений сь, тѣ, онѣ в Зографском евангелии.	123
И. И. Макеева (Москва)	
Порядок слов в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» в риторических произведениях Кирилла Туровского	134
Е. А. Мишина (Москва)	
Отрицательный императив в древнерусском языке	154
А. М. Молдован (Москва)	
Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности	182
Г. А. Мольков (Санкт-Петербург)	
Заимствования в трактатах А. П. Ганнибала по геометрии и фортификации (1725–1726 гг.): к истории неизменяемых прилагательных в русском языке	198
М. О. Новак (Казань)	
Формы именного склонения в Толстовском сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39)	209
П. В. Петрухин (Москва)	
К переводу новгородской берестяной грамоты № 383	217
А. А. Пичхадзе (Москва)	
Отрицание при составном сказуемом в древнерусском языке	222
И. А. Подтергера (Гейдельберг, Германия)	
Относительные предложения в русско-церковнославянском переводе «латинских» книг Геннадиевской библии (на примере 1-ой книги Паралипоменон)	240
О. Г. Ровнова (Москва)	
Следы древнерусских энклитик в говоре старообрядцев Южной Америки	279
Д. В. Сичинава (Москва).	
К интерпретации некоторых берестяных грамот	297
Витторио С. Томеллери (Мачерата, Италия)	
Филологические проблемы и лингвистическая интерпретация Цицероновых «Парадоксов» в предполагаемом переводе А. М. Курбского	314
А. В. Циммерлинг (Москва)	
Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты посольских книг Ивана III	326
И. С. Юрьева (Москва)	
Есть ли разница между начати и почати в перифрастических конструкциях?	373

CONTENT

Olivier Azam (Paris, France)	
Particularities of the choice of aspect for modern Russian infinitives used with the function of the Old Russian supine	9
Marina A. Bobrik (Moscow)	
Andrei A. Zalizniak's morphological tables of Old Russian	31
Elena A. Galinskaya (Moscow)	
Grammatical variation in the language of late 16th century Novgorod business writing	41
Svetlana V. Dyachenko, Elena G. Zhidkova, Alexandra V. Ter-Avanesova (Moscow).	
Past participles and perfect constructions in OPOCHKA dialects	53
Oleg F. Zholobov (Kazan)	
Diagnostic verb forms in Old Russian paroemiarions and the 13th-century Tolstovsky sbornik . .	88
Sofia I. Iordanidi (Moscow)	
On the history of the nom. Pl. Inflection in -á of non-neuter nouns	106
Anatoly M. Kuznetsov (Daugavpils, Latvia)	
The use of demonstrative pronouns <i>sb</i> , <i>tb</i> , <i>onb</i> in Codex Zographensis	123
Irina I. Makeeva (Moscow)	
On word order in verb-direct object combinations in the sermons of Cyril of Turov	134
Ekaterina A. Mishina (Moscow)	
The negated imperative in Old Russian	154
Alexandr M. Moldovan (Moscow)	
Variation of the 1st person plural form of the copula/auxiliary in Old Russian texts.	182
Georgy A. Mol'kov (St. Petersburg)	
Borrowings in the treatises of A. P. Gannibal on geometry and fortification (1725–1726): towards a history of indeclinable adjectives in Russian	198
Maria O. Novak (Kazan)	
On nominal forms in Tolstovsky sbornik from the 13th century (NLR, F.p.I 39).	209
Pavel V. Petrukhin (Moscow)	
On the translation of the Novgorod birchbark letter no. 383	217
Anna A. Pichkhadze (Moscow).	
Negation in non-verbal predicates in Old Russian	222
Irina A. Podtergera (Heidelberg, Germany)	
Relative clauses in the Russian Church Slavonic translation of the “Latin” books of the Gennadius bible (the case of 1 Chronicles)	240
Olga G. Rovnova (Moscow)	
Traces of Old Russian enclitics in the old believer dialect of South America	279
Dmitry V. Sitchinava (Moscow)	
On the interpretation of certain birchbark letters	297
Vittorio S. Tomelleri (Macerata, Italia)	
Philological problems and linguistic interpretation of the translation of Cicero's “Paradoxes” attributed to Andrey Kurbsky	314
Anton V. Zimmerling (Moscow)	
East is East? Translated and original letters in the Embassy books of Ivan III	326
Irina S. Yurieva (Moscow)	
Is there a difference between <i>nachati</i> and <i>pochati</i> in periphrastic constructions?	373

Оливье Азам

*Высшая Нормальная школа / Институт лингвистики при Сорбонне
(Париж, Франция)
azamoam@club-internet.fr*

ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ВИДА ИНФИНИТИВА, УПОТРЕБЛЯЕМОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ФУНКЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО СУПИНА

На фоне обычного преобладания совершенного вида инфинитива для выражения цели — особенно после союза «чтобы» — обращает на себя внимание противоположная тенденция, когда инфинитив цели употребляется без союза как дополнение к глаголу передвижения, то есть в функции древнерусского супина. Здесь наблюдается явная склонность к употреблению несовершенного вида, особенно заметная, когда при введении в высказывание союза «чтобы» несовершенный вид инфинитива приходится заменять на совершенный вид.

Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл **освободить** крестьян от крепостного права. [М. Задорнов]

≠ Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл, чтобы *освободить* крестьян от крепостного права.

Представляется, что изучение закономерностей выбора вида инфинитива цели вынуждает выделить среди инфинитивов цели особую подкатегорию инфинитива-супина, требующую отдельного изучения.

После рассмотрения того, как осуществляется выбор вида инфинитива после разных приставочных и простых глаголов передвижения, будет показано, что бо́льшая совместимость инфинитива с несовершенным видом объясняется как особой, тесной связью между глаголом передвижения с инфинитивом в супинальном употреблении, так и особым типом цели, который выражает этот инфинитив. В отличие от остальных инфинитивов цели, современный инфинитив в функции древнерусского супина выражает цель лишь вторично, через выражение места назначения, превращая назначение в цель перемещения.

Ключевые слова: выбор вида в инфинитиве, глаголы движения, цель, супин, супинальное употребление инфинитива, аллатив.

0. Введение. Инфинитив назначения как наследник древнерусского супина

Настоящая работа посвящена одной из каверзнейших трудностей в освоении русского языка — выбору вида инфинитива «цели», или «назначения» при глаголе передвижения.

При выражении цели действия внимание говорящего сосредоточивается на достижении результата, который часто совпадает с достижением предела, выражающимся употреблением совершенного вида (СВ), что и объясняет преимущественное использование инфинитивов СВ для выражения цели.

В самом распространённом типе выражения обстоятельства цели посредством глагола, а именно в придаточных предложениях с союзом *чтобы*, пропорция случаев употребления СВ так велика, что в педагогических целях иностранным студентам обычно говорят, — правда, не без обобщений и упрощений, — что после *чтобы* без отрицания по умолчанию употребляется СВ:

1. Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл, чтобы *освободить* крестьян от крепостного права.

А употребление несовершенного вида (НСВ) инфинитива после *чтобы* требуется лишь при наличии таких веских факторов, как повтор действия или фокусирование на его обстоятельствах и на самом его процессе¹.

Зато при употреблении инфинитива цели в качестве дополнения к глаголу передвижения тенденция противоположна: преобладает употребление инфинитива НСВ.

2. Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл **освобождать** крестьян от крепостного права. [М. Задорнов]

В классическом учебнике О.П. Рассудовой отмечено, что «в сочетаниях, передающих направленность субъекта к действию, преимущественно употребляется инфинитив несовершенного вида» [Рассудова 1968: 63]. К сожалению, Рассудова уделяет данному вопросу лишь пару страниц, и большинство её примеров не аутентичны, а выдуманы *ad hoc*, при этом проведённое ею разграничение между «сочетаниями, имеющими значение цели», и «сочетаниями, обозначающими не цель, а лишь направленность субъекта к какому-то действию», не помогает разобраться в этом вопросе в силу своей недостаточной ясности. Тем не менее предлагаемое разграничение дало интересную зацепку и послужило отправной точкой для нашего размышления.

Как известно, в функции обстоятельства цели после глагола передвижения современный инфинитив заменяет древнерусский с у п и н, другую глагольную форму именного типа. Ср. в церковнославянском переводе Синайского патерика X в. (по: [Пожгаи 2003]):

¹ В этой работе будет рассматриваться только инфинитив без отрицания, выражающий не повторяющееся действие.

3. Идоущю на рѣкоу воды **пить**. Синайский Патерик 69v.17
4. Идоу **видѣть** тебе. Синайский Патерик 46v.15
5. Идохъ **мытъ** с.а. Синайский Патерик 133.10

Супин существовал не только в общеславянском, но и в других индоевропейских языках (например, в латыни), но с самого появления старославянского и древнерусского как письменных языков с супином стал конкурировать инфинитив. В следующем знаменитом отрывке «Повести временных лет» встречается супин *княжить*, соединённый с инфинитивом *володѣти* при помощи союза *и*:

6. земля наша велика и обилна: а наряда в ней нѣтъ: да поидѣте **кнѣжить**^[супин] и **володѣти**^[инфинитив] нѣми Лаврентьевская летопись, л. 7 [ПСРЛ I: 20].

Судя по работам И. Пожгаи и Г.А. Молькова, эта форма, по всей видимости, дольше сохранялась в живой восточнославянской речи, чем в южнославянской². Дата окончательной потери супина в истории русского языка достаточно поздняя. «В древнерусских рукописях <...> употребление супина наблюдается вплоть до XIV века, и только начиная с XV века он был вытеснен окончательно инфинитивом» [Пожгаи 2003: 400].

Мы попробуем объяснить преобладание употребления НСВ инфинитива при глаголах передвижения. Разумеется, супин как таковой давно ушёл в прошлое. Но, учитывая, что современный инфинитив цели при глаголе передвижения выполняет не одну из исконных функций инфинитива, а заменяет древнюю глагольную форму, расшатанную давно, но утраченную сравнительно недавно, можно задаться вопросом, не связано ли преобладание употребления НСВ изучаемого инфинитива с его ролью бывшего супина?

Опираясь на тщательный анализ взаимоотношений глагола передвижения и инфинитива, мы покажем, чем сочетание «глагол передвижения + инфинитив» существенно отличается от параллельной конструкции с союзом *чтобы* с инфинитивом, и выявим необходимость признать особый статус инфинитива, употребляемого в современном русском языке в функции древнего супина.

Сначала мы рассмотрим выбор вида инфинитива в зависимости от типа и формы управляющего глагола передвижения, начиная как раз с тех глаголов передвижения, которые требуют инфинитива СВ.

² «При учете материала рукописей разных изводов отчётливо выделяются две группы: восточнославянские, сохраняющие супин почти в том же объёме, в каком он был известен старославянским памятникам, и южнославянские (болгарского и сербского изводов), в которых отражена систематическая правка -тъ на -ти.» [Мольков 2003: 328].

1. Пределы выбора вида инфинитива назначения

1.1. Практически обязательное употребление совершенного вида при некоторых приставочных глаголах передвижения

Примеры от № 7 до № 28 показывают, после каких глаголов — вопреки общей тенденции — практически всегда или в большинстве случаев требуется инфинитив назначения СВ. Речь идёт о парных приставочных глаголах передвижения с приставкой *за-* (типа *заходить/зайти*)³:

7. Он зашёл купить папирос. [А. Н. Толстой. Черная пятница (1924) НКРЯ]
8. Зайду *спросить*, как у него дела. [Интернет]
9. Отец его ждет сегодня с обеда, вероятно, не утерпит и зайдет *рассказать* окончание «казуса». [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898) НКРЯ]
10. Он сказал, что завтра поутру зайдет *узнать* о моем здоровье. [Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863) НКРЯ]⁴

³ На первый взгляд выбор вида инфинитива после *зайти* в следующем примере является исключением из правила, требующего инфинитива назначения СВ после *зайти*:

Мы сидели еще с барышнями у Арины Семеновны в ожидании отца Николая, который присылал из церкви с покорнейшею просьбою подождать его, приказывая, что, как он освободится, так сам зайдет просить достопочтенных гостей. [А. Ф. Писемский. Плотничья артель (1855)]

На самом деле этот гапакс объясняется особым значением глагола *просить* в данном контексте. В этом предложении *просить* значит ‘пригласить’, а в этом значении инфинитив *просить* употребляется в литературе XIX века в качестве инфинитива как СВ, так и НСВ. Поэтому в вышеприведённом примере Писемского представляется целесообразным интерпретировать *просить* после *зайдет* как инфинитив СВ.

Мы выражаем благодарность И. Б. Иткину, который указал нам несколько примеров, содержащих инфинитив *просить* в смысле *пригласить*, явно употребляемый как инфинитив СВ. Из «Плотничьей артели» Писемского И. Б. Иткин приводит два примера:

— Позвольте, батюшка Алексей Феофилактыч, — начала она, — просить вас осчастливить меня вашим посещением.

— Нимфодора Михайловна, Минодора Михайловна, позвольте и вас просить к себе на чашку чаю.

Но самый убедительный пример употребления инфинитива *просить* как инфинитива совершенного вида И. Б. Иткин нашёл в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1824):

С л у г а. Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Ф а м у с о в (встаёт). Ослы! сто раз вам повторять? *Принять* его, *позвать*, просить, *сказать*, что дома, что очень рад. Пошёл же, торопись.

Из этих примеров можно однозначно заключить, что у классиков форма инфинитива *просить* в смысле ‘пригласить’ — двувидовая или что глагол *просить* функционировал как «полуторавидовой», по выражению И. Б. Иткина.

⁴ Но с другим глаголом передвижения в синонимичном контексте употребляется инфинитив НСВ:

Забеспокоившись, он быстро *оделся* и *пошел* узнавать у соседей: не видел ли кто-нибудь его матери и старухи в круглых очках? [А. И. Пантелеев. Ленка Пантелеев (1938–1952) НКРЯ]

11. Что это на тебя нашло? — Заходил *попросить* о помощи. Дурацкая история, но я не знаю, как из нее выпутаться. [Игорь Ефимов. Суд да дело (2001) НКРЯ]
12. Правда, когда бывал за границей, заходил *посмотреть* соборы большие, знаменитые. [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999–2003) НКРЯ] (В этом примере действие «заходить» повторяется, и при каждом повторе происходит осмотр соборов.)

об одновидовых глаголах передвижения СВ с приставкой *с-* (типа *сходить*)⁵:

13. Наш сосед дядя Гриша сходил *посмотреть* на этот памятник и вернулся недовольный. [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006) НКРЯ]
14. Сходил *снять* копии с последних страниц — вот этих самых. [Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002 НКРЯ]
15. Он сходил *напоить* коня, затем спустился к Ангаре, чтобы посмотреть, не видать ли чего постороннего. [Валентин Распутин. Живи и помни (1974) НКРЯ]
16. — Я схожу *позвонить* по телефону-автомату, — сказал Щуровский. [Л. Овалов (Л. С. Шаповалов). Рассказы майора Пронина (1939) НКРЯ]
17. Вот и Опанас не сходил *посмотреть*, что делают ослы [Н. В. Кукольник. Максим Созонтович Березовский (1844) НКРЯ]
18. Я сходил *поздравить* ее и был приглашен на вечер. [А. Н. Вульф. Дневник (1828) НКРЯ]

о приставочных глаголах передвижения СВ с приставкой *в-* (типа *войти*):

19. Никто не вошел *проверить*, спят ли они на самом деле. [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009) НКРЯ]
20. Вошёл *взглянуть, проверить*. <Rassudova 1968>

о парных приставочных глаголах передвижения с приставкой *вы-* (типа *выходить/выйти*); при этих глаголах в качестве инфинитива назначения в СВ употребляется, как правило, делимитативный глагол на *по-*:

21. Он вышел на минуту *подышать* свежим воздухом. [Спагис 1968: 313]
22. Итак, дожидаться, когда он выйдет *покурить* или *подышать* перед сном океанской прохладой, и сделать это. [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009) НКРЯ]
23. Инструктор периодически выходит *покурить*, оставляя меня одну за рулем. [Дарья Данилова. Вождение за нос (2014) НКРЯ]

⁵ Разумеется, после *сходить* также регулярно встречается инфинитив назначения НСВ. Но только тогда, когда речь идёт о другом глаголе *сходить*: не об одновидовом *сходить* СВ, а о НСВ парного глагола *сходить/сойти* в смысле 'спускаться/спуститься':

Чудились ему смутные лики святых, куда зачастую сам Спаситель сходил утешать измученного и избитого мальчика. [В. И. Немирович-Данченко. Святые горы (1880) НКРЯ]

В отличие от *perfectivum tantum* *сходить*, пара *сходить/сойти* не входит в список исключений глаголов передвижения, требующих инфинитива назначения СВ.

24. Старому доктору было скучно постоянно находиться в своей комнате, иногда он выходил посидеть на крыльце [В. А. Каверин. Открытая книга (1949–1956) НКРЯ]

о приставочных глаголах передвижения СВ с приставкой *под-* (типа *подойти*):

25. Подошёл узнать, спросить, посмотреть. [Рассудова 1968: 66]
 26. Я хотела подойти рассмотреть черно-белые фотографии на стенах. [Елена Негода. Педсовет с последним из могикан (2003) НКРЯ]
 27. К вождю же сейчас даже подойти положить цветочки нельзя. [Первомайские гюки // «Богатей» (Саратов), (2003) НКРЯ]
 28. К нему как бы невзначай могли подойти рассказать о себе, о своей жизненной ситуации, узнать его мнение. [Геннадий Пруцков. И помыслы были чисты (2003) НКРЯ]

При глаголе же НСВ *подходить* возможно употребление как инфинитива СВ, так и инфинитива НСВ:

«Подходить» + инфинитив СВ

29. Тур Хейердал подходит поздравить меня. [Павел Павел. «Оживление» истуканов // «Техника — молодежи» // «Техника — молодежи», 1989 НКРЯ]
 30. Он неловок, не подходит приветствовать^[двувидовой], поцеловать как раньше. [В. В. Библихин. Сергей Сергеевич Аверинцев (1984–1986) НКРЯ]
 31. Винсент начинает учиться в мастерской Кремона, но за исключением Тулуз-Лотрека никто не подходит посмотреть, что у него получается. [Север Гансовский. Винсент Ван Гог (1970) НКРЯ]
 32. Нынче няня подходит взять его от меня, он засмеялся, зажмурился и прижался ко мне — верно, думал, что спрятался. [Л. Н. Толстой. Война и мир. (1867–1869) НКРЯ]

«Подходить» + инфинитив НСВ

33. А в конце службы, когда крест все подходят целовать, он еще и каждого лично обольет! [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) НКРЯ]
 34. Начинаются танцы. Мнимый француз-Дубровский подходит приглашать Машу. [Д. Марголин. Спутник меломана. (1908) НКРЯ]
 35. Чуть дрожа, он встал, и так же крадучись подошёл к портрету вплоть, как подходят просить благословения. [С. Н. Сергеев-Ценский. Печаль полей (1909) НКРЯ]
 36. Дети высыпают из залы и подходят благодарить дедушку. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. (1887–1889) НКРЯ]

1.2. Объяснение выбора инфинитива СВ при вышеперечисленных глаголах

а) При глаголах типа *заходить/зайти* или при одновидовом *сходить* употребление СВ инфинитива объясняется спецификой семантики приставки: в приставках

за- и с- в одновидовых глаголах передвижения заложена идея о возвращении, о передвижении туда и обратно. Конечная цель передвижения — возвращение к исходной точке, отсюда и употребление инфинитива СВ для завершения действия.

У глаголов типа *войти* или *подойти*, помимо семантики предлога, на выбор вида инфинитива могло влиять воздействие близких по смыслу конструкций, требующих СВ.

б) войти

С приставочными глаголами на в- в настоящем времени совершенного вида предпочтение отдаётся другой конструкции — типа *войду, сделаю*, в которой инфинитив заменяется на настоящее время совершенного вида. Вместо конструкции прошедшего времени *Вот я вошёл спросить: «Ну, как дела?»* скажут в будущем:

37. Вот я войду, *спрошу*: «Ну, как дела?» [Интернет]

Не исключено, что у глаголов с приставкой в- систематическое употребление настоящего времени СВ оказало влияние на выбор вида инфинитива и в прошедшем времени.

в) подойти

Когда сам глагол *подойти* употребляется в инфинитиве, исключительное употребление СВ инфинитива глагола назначения объясняется тем, что оборот «*подойти* + инфинитив» восходит не к употреблению инфинитива в качестве супина, а к другой грамматической структуре, в которой инфинитив не управляется глаголом *подойти*, а стоит наравне с ним и употребляется в совершенном виде. Первоначальная структура ещё видна в высказываниях, в которых *подойти* отделяется от второго инфинитива запятой [38–40] или соединяется с ним при помощи союза [41]. В таких высказываниях второй инфинитив в совершенном виде просто развивает смысл инфинитива *подойти*, уточняя, какое действие вызвало перемещение в пространстве.

Инфинитив, отделённый от подойти запятой

38. «Наверное, боятся летать, — решила она. — Надо подойти, *успокоить*». Подошла, склонилась к старшему, хотела сказать что-нибудь доброе. [Кровавый промысел // «Солдат удачи» (2004) НКРЯ]
39. Так и хочется подойти, *погладить* ее и *сказать*: «Гут!» [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь» (2002) НКРЯ]
40. Еще вчера можно было подойти, *спросить* что-то, а сегодня человека уже нет, и ничего не спросишь!» [Александр Терехов. Бабаев (2003) НКРЯ]

Инфинитив, соединённый с подойти союзом и

41. Мне остается только хотя бы подойти к ней и *попросить* прощения, а дальше... [Переписка в icq (2008) НКРЯ]

Структура первоначальной конструкции ещё явственнее при наличии нескольких инфинитивов, уточняющих причину перемещения:

42. К дедушке всегда можно подойти, *обнять* и *погладить* пальчиком между глаз и по носу, и десятибалльный шторм моментально сменится полным штилем. [Татьяна Соломатина. Большая собака (2009) НКРЯ]
43. Сейчас подойти, *обнять*, *взять* на руки теплое, сладкое тельце. [А. А. Андропова. Золотая рыбка (2008) НКРЯ]

г) Что же касается глаголов типа **выйти**, в наших примерах (от №21 до №24) при них употребляется инфинитив СВ д е л и м и т а т и в н ы х глаголов с приставкой *по-*. Выбор СВ обусловлен здесь синергией семантики приставки глагола передвижения *вы-* и приставки делимитативного инфинитива *по-*⁶.

2. Преобладание инфинитива НСВ, когда выбор совершается свободно (но не произвольно)

2.1. Глагол принадлежит к грамматической категории «глаголов передвижения»

Со всеми остальными глаголами передвижения возможно употребление обоих видов при явном преобладании инфинитива НСВ. Эту тенденцию иллюстрируют примеры употребления НСВ при самых показательных глаголах передвижения — при простом однонаправленном *идти* (примеры №№ 44–68) и ингрессивном СВ *пойти* (примеры от №№ 71 —82).

идти

• Глагол передвижения в настоящем времени несовершенного вида

44. Лично я иду **спать**. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012) НКРЯ]
45. Не зря же в русском языке принято говорить «иду **слушать** оперу», а не «иду **смотреть** оперу». [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996) НКРЯ]
46. Ладно, иду **зубрить**, дело привычное. [Там же]
47. Эта мысль мне нравится, отвечает Митя, но в постель потом — сейчас я иду **спасать** кошку, а вы, девушки, будете мне ассистировать. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012) НКРЯ]
48. Иду **успокаивать** Сашу. [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)]
49. Ещё мы с Русланом во вторник идем **записываться** в горный клуб наш мгушный (если хочешь, присоединяйся) [Переписка в icq (2008) НКРЯ]

⁶ О решающей роли делимитативной приставки в синергии, ведущей к выбору СВ, свидетельствует тот факт, что после *выходить/выйти* употребление НСВ не исключается. Иными словами, после *выходить/выйти* чаще всего употребляется либо инфинитив СВ делимитативного глагола, либо инфинитив НСВ:

Соколов вышел провожать гостей [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960) НКРЯ]

Вдруг Гольцман поднимется и выйдет искать? [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008) НКРЯ]

50. Я, как обычно, в 6.30 иду сына **будить**, а он уже не спит, настроение — хуже некуда [Наши дети: Подростки (2004) НКРЯ]
51. Я иду **мыть** руки в ванную. [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)]
52. Бабуля будит меня в пять часов утра, я иду **донить** корову и выгоняю в стадо — какие утра, боже мой! [Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001)]

• *Глагол передвижения в прошедшем времени*

53. Вечерком, когда все шли **спать**, я написал письмо своему хозяину. [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854) НКРЯ]
54. (*О Наполеоне*) Он не просто шёл в Россию, он шёл **освобождать** крестьян от крепостного права. [Михаил Задорнов. На концерте (2014)]
55. Павел шёл **истреблять** христиан, и вдруг перед ним предстал Сам Христос [Митрополит Антоний (Блум). Учение Павла не от людей, а от Бога (1975–1985) НКРЯ]
56. Она покидала свой черёд дел, шла **помогать** соседке [Александр Солженицын. Матренин двор (1960) НКРЯ]
57. А после приобретения нужных ему изданий шёл **осматривать** экспонаты краеведческого музея. [Илья Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... (2003) НКРЯ]
58. Она знала о нём всё, — его чтение детских книг в постели перед сном, его лицо, когда он шёл **чистить** зубы... [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

• *Глагол передвижения в инфинитиве*

59. Все собираются идти **смотреть** удивительного фокусника. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]
60. — Марта сказала, что ты ещё с вечера сговаривался с садовником идти **ловить** птиц около оранжереи. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958) НКРЯ]
61. Мне надо идти **собирать** рюкзак. [Переписка в icq (2008)]
62. Но Алексей, прождав её напрасно, мог идти **отыскивать** в селе дочь Василия кузнеца. [А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830) НКРЯ]

• *Глагол передвижения в повелительном наклонении*

63. То ли дорогу иди **строить**, то ли мастерскую заводи. [А. И. Мусатов. Клава Назарова (1958) НКРЯ]
64. «Ничего не бойся, иди опять **учиться**, справишься». [Кундузой Юлдашева. Дочери смотрят на нас (1987) НКРЯ]
65. Я немедленно Маринке говорю: — Сейчас же иди **выгуливать** собаку. [Сергей Есин. Стоящая в дверях (1992) НКРЯ]
66. Закончил школу, получил документ — иди **сдавать** самостоятельно. [Сергей Шерстенников. Генерал Федоров: спасибо за подсказку (2002) НКРЯ]

67. От этого увлекательного занятия [его] оторвал голос Муртазы: — **Иди смотреть**, про вас показывают. На маленьком экране переносного телевизора... [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012) НКРЯ]
68. — Ты **иди смотреть** закат, — говорит она. [Нина Щербак. Роман с филфак-ком (2010) НКРЯ]

Преобладание НСВ инфинитива назначения при однонаправленном глаголе особенно заметно после глагола передвижения в повелительном наклонении, когда наблюдается конкуренция между «*иди* + инфинитив в **НСВ**» и близкой по смыслу конструкцией «*иди* + императив», в которой глагол в императиве стоит в **СВ**, а не в НСВ:

69. — Ты **иди встретить** ее внизу, — сказали Ваньке. [Василий Шукшин. Ванька Тепляшин (1972–1973) НКРЯ]
70. **Иди чисть** картошку и протирай столы. [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009) НКРЯ]

пойти

• Глагол передвижения в настоящем времени совершенного вида

71. Я от вас не скрою, что **пойду говорить** по телефону с княгиней Верой Николаевной. [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911) НКРЯ]
72. А когда распушенное чадо принесёт аттестат в конце года, я **пойду нюхать и колоться**? [Наши дети: Подростки (2004) НКРЯ]
73. **Пойдѣшь гулять**, а очутишься всегда здесь у ворот. [А. Н. Островский. Гроза (1860) НКРЯ]
74. Гагин объявил нам, что **пойдѣт** сегодня **рисовать** этюд с натуры! [И. С. Тургенев. Ася (1858) НКРЯ]
75. Дело моё важное, вероятно, сам прокурор **пойдѣт обвинять**. [А. Ф. Кони. Игуменья Митрофанья. Из записок и воспоминаний судебного деятеля (1908) НКРЯ]

• Глагол передвижения в повелительном наклонении

76. **Пойдѣмте** пиво **пить**. [А. Н. Толстой. Черная пятница (1924) НКРЯ]
77. Тугилово от нас недалеко, всего три версты: **подите гулять** в ту сторону или поезжайте верхом; вы, верно, встретите его. [А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830) НКРЯ]
78. Едут, в самом деле. **Пойдѣм встречать**. Узнает ли она меня? [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904) НКРЯ]

• Глагол передвижения в инфинитиве

79. Пришлось **пойти гулять** одной. [Сати Спивакова. Не всё (2002) НКРЯ]

• Глагол передвижения в прошедшем времени

Сохраняя свое главное значение перемещения в другое место, глагол **пошёл** фокусирует внимание именно на начале действия, обозначаемого инфинитивом

назначения, выступая по отношению к нему в роли почти ингрессивного фазисного глагола:

80. — Тут он отвернулся, чтоб скрыть своё волнение, пошёл **ходить** по двору около своей повозки. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841) НКРЯ]
81. И пошёл **переодеваться, мыться**, облил голову холодной водой, смочил одеколоном и причесал короткие курчавые волосы, ещё раз взглянул в зеркало: лицо было свежо, глаза блестели! [И. Бунин. Митина любовь. (1924)]
82. После обеда Анна пошла **одеваться** в свою комнату, и Долли пошла за ней. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

С глаголом *идти* примеры с инфинитивом СВ встречаются редко и, преимущественно, в прошедшем времени:

83. Я не себя шёл **показать**, мне журнал дорог. [Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999) НКРЯ]
84. И он шёл **проверить**, лично **удостовериться**. Но — инкогнито. [Там же]
85. Леонидов сам выслушал от него сегодня обидные слова и, однако, шёл: может, даже как раз и шёл **доказать**, что его зря, напрасно обидели. [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955–1959) НКРЯ]

При глаголе *идти*, стоящем в презенсе, примеры употребления инфинитива крайне редки:

86. Он говорит, что <...> наши жилища должны принадлежать его воинам и что он идёт **отобрать** все это у тебя, у нас. [Л. А. Чарская. Галина правда (1912)]

С глаголом *пойти* в настоящем и прошедшем временах инфинитив СВ встречается ещё реже, и почти все примеры восходят к XIX в. или даже к концу XVIII в.⁷:

87. Теперь пойду **сделать** к тому распоряжение. [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)]
88. Напоивши их, пошла **одеться**. Няня мне сказала: «Не сказывайте вашему мужу, что вы были ночью у них». [А. Е. Лабзина. Воспоминания (1810) НКРЯ]
89. — Папа, и я пойду с вами, — сказала, картавя, княжна. (...) — Allons! — сказал князь и, пока княжна пошла **одеться**, провел гостя в кабинет, который тоже оказался умно и богато убраным кабинетом [А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858) НКРЯ]

Зато после инфинитива «пойти» довольно часто встречается инфинитив СВ:

⁷ Зато в близкой по смыслу конструкции типа *пойду сделаю* инфинитив назначения НСВ заменяется настоящим временем СВ:

Я пойду скажу, чтобы вам что-нибудь приготовили да чтобы накормили вашего кучера на кухне. [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993–2003) НКРЯ]

90. — Да... — неохотно отозвалась Надежда Михайловна, вставая, чтобы пойти помыть липкие от апельсина руки [Марина Зосимкина. Ты проснешься. (2015) НКРЯ]
91. Ну, что ж, пойти поработать?.. [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970) НКРЯ]
92. Могу ли я спросить ваше благородие, — спросил отрок, — должен ли я дожидаться его величества здесь или пойти доложить? [Ю. Н. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933) НКРЯ]
93. Только не засни опять, пожалуйста, мне ещё надо пойти разбудить твою маму. [Г. А. Газданов. Вечер у Клэр / Начало романа (1930) НКРЯ]

Это отклонение от общей тенденции к употреблению инфинитива НСВ при простых однонаправленных глаголах, скорее всего, объясняется влиянием близкой по смыслу конструкции, в которой инфинитив *пойти* не управляет вторым инфинитивом, а соединяется с ним при помощи союза *и*. В последнем случае оба инфинитива стоят на одном плане, и, разумеется, второй может стоять в СВ⁸:

94. Когда барышня говорит: «Настроение неважное, надо пойти и накупить себе всякой Ла Перль», имеется в виду накупить себе не только женственного белья тонкой работы оной марки, но и прочей изящной всячины, которая по весне так повышает девичий тонус. [Невинный допинг // «Домовой» (2002) НКРЯ]

2.2. Глагол, управляющий инфинитивом, обозначает передвижение в широком смысле и не принадлежит к категории глаголов движения

Как супин в древнерусском, инфинитив назначения в НСВ употребляется также при глаголах, не принадлежащих к грамматической категории глаголов передвижения. Примеров значительно меньше, но здесь тоже преобладает инфинитив НСВ — не только при глаголах, обозначающих неопредельное действие (98), но и при предельных глаголах, которые достигнут своего предела (99).

95. Первый появившийся офицер <...> послал будить командира роты [Олег Павлов. Степная книга (1990–1998) НКРЯ]
96. Ты и меня послал умирать, но я вот, уж извини, выжил... [Николай Дежнев. Год бродячей собаки (2002) НКРЯ]
97. Бельё сушить повесили. (Из к/ф [Русские сериалы])
98. — Потом сел играть в карты, а я пошла одеваться; в этот вечер он был в нашей ложе и на другой день объявлен женихом. [И. А. Гончаров. Обрыв (1869) НКРЯ]
99. В эту пасхальную ночь 1914 года, после замечательной ночной службы в церкви Екатерининского дворца, мы все вчетвером, без отца, который был с Царской Семьей в Ливадии, отправились разговляться домой. [Боткина 2010: 195]

⁸ См. выше употребление инфинитива СВ при инфинитиве *подойти* (1.2.в, примеры № 38 до № 40).

2.3. Эллиптические обороты. Употребление инфинитива-супина, как правило в НСВ, возможно даже при эллипсисе глагола передвижения

В русском языке часто опускается сам глагол передвижения, если в высказывании есть указание на место назначения: «*Ты куда?*»

Эллиптические высказывания с опущением глагола передвижения являются, вероятно, самыми показательными примерами преобладания выбора НСВ для выражения инфинитива назначения:

100. Бери и делай. [Комментарий] И куда? Стены **красить**? [Интернет, ВКонтакте]
101. — Тренер, Вы куда?
— **Знакомиться**. (Из к/ф [Русские сериалы])
102. (*После минуты молчания водитель говорит случайной попутчице, которая только что упомянула жениха*). А вы? С родителями **знакомиться**? (Из к/ф [Русские сериалы])

Подобные примеры эллиптических высказываний доказывают, что инфинитив при глаголе передвижения обозначает в первую очередь именно *назначение*, а не цель, что и отражается на выборе НСВ. А *contrario* наличие инфинитива НСВ позволяет адресанту правильно интерпретировать эллипсис и понять, что был опущен именно глагол передвижения.

3. Типология инфинитивов назначения НСВ при глаголе передвижения

Обилие примеров позволяет составить типологию инфинитивов, употребляемых в несовершенном виде.

3.1. Инфинитив обозначает неопредельное действие или предельное действие, представляемое как неопредельное

— Инфинитив НСВ может обозначать неопредельное действие или действие, представляемое как неопредельное:

103. Иду спать.
≠ Мне нехорошо. Пойду прилягу.
104. Пойдёмте ужинать. И снова настала тишина. [Б. Л. Пастернак. Воздушные пути (1924) НКРЯ]
105. Пойду готовить. (Из к/ф [Русские сериалы])
106. Ладно! Я **бухать** поехал. Если что, пишите в ЛС. [Интернет]

Здесь глагол передвижения — это почти что фазисный глагол, указывающий на начало действия. Это касается в особенности глагола *пойти* в прошедшем времени:

107. Стиль: пошла поливать огород. [Виктория Складчикова. Интернет]

108. Хватит дуться! Пошли танцевать! (Из к/ф [Русские сериалы])
109. Пойдёмте танцевать... (Танцует с Петей.) [А.П. Чехов. Вишневый сад (1904) НКРЯ]

3.2. Инфинитив обозначает предельное действие

— Инфинитивом может обозначаться также *предельное* действие, и здесь следует различать несколько случаев.

3.2.1. Инфинитив обозначает предельное действие, которое можно себе представить как сложный продолжительный процесс

3.2.1.1. Первый вариант

Действие, обозначаемое инфинитивом, не обязательно достигнет своего предела.

110. О чём может мечтать провинциальная девчонка, приехавшая покорять Москву? (Из к/ф [Русские сериалы])
111. Ладно, пойду мириться^[ИКЗ]. (Из к/ф [Русские сериалы])
≠ Пошла... Пойду помирюсь с ним и выйду за него. (В. Даль. Старик годовик. 1832)
≠ Я пойду помирюсь с ней. (Из к/ф [Русские сериалы])

Здесь употребление НСВ не вызывает никаких вопросов, так как о достижении предела речь не идёт.

3.2.1.2. Второй вариант

Действие, обозначаемое инфинитивом, скорее всего, достигнет своего предела, но говорящий по каким-то причинам воспринимает его как оказывающее некоторое «**сопротивление**» либо потому, что действие неприятно говорящему, либо потому, что оно кажется ему более или менее сложным:

112. — В Москву?
— Да, поеду сдаваться. Из к/ф [Русские сериалы]
113. А Вы туда случайно не няней **наниматься** пришли? Из к/ф [Русские сериалы]
114. Иди оформлять пропуск. Из к/ф [Русские сериалы]
115. Потом сел играть в карты, а я пошла одеваться; в этот вечер он был в нашей ложе и на другой день объявлен женихом. [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

3.2.2. Инфинитив обозначает простое предельное действие, долженствующее достигнуть своего предела и не представляющее особой сложности

• **Совершенный вид**

Разумеется, такие действия могут быть выражены посредством инфинитива СВ. Употребление инфинитива СВ особенно часто встречается при глаголах

выйти и *прийти* в прошедшем времени. Здесь можно привести, между прочим, три примера из Рассудовой:

116. Он вышел на дорогу *посмотреть*, идёт ли Люба. [Рассудова 1968: 65]
117. Я приехал к тебе *погостить*. [Спагис 1968: 313]
118. Я вообще-то *попрощаться* пришла. Я уезжаю. (Из к/ф [Русские сериалы])
119. Пришёл *проститься*. [Рассудова 1968: 64]
120. Пришёл *дать* Вам совет, как организовать работу. [Там же: 65]

• *Несовершенный вид*

Но видовая особенность инфинитива назначения при глаголе передвижения заключается в том, что даже если он обозначает простое предельное действие, инфинитив может употребляться в НСВ.

121. В два часа ночи встаю, иду *снимать* кастрюлю с огня. [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001) НКРЯ]
122. Тут мне кто-то звонит, пошел *отвечать*, но в трубке было молчание, затем смех и какой-то шум. (Из к/ф [Русские сериалы])
123. Пойдём *знакомиться* с пассажиром. (Из к/ф [Русские сериалы])

Вместо того чтобы представить предельное действие как точку или ограниченный отрезок времени, говорящий, выбирая НСВ инфинитива, имеет возможность представить его как *полую*, наподобие неопределённого или сложного предельного действия.

3.3. Определение круга глаголов, которые невозможно употреблять в инфинитиве несовершенного вида при глаголе передвижения для обозначения простого предельного действия, долженствующего достигнуть своего предела

Примеры (124)–(134) показывают, что приемлемость употребления инфинитива НСВ для обозначения действия, долженствующего достигнуть своего предела, прямо зависит от степени сложности, которую говорящий может приписать действию, обозначаемому инфинитивом назначения. Чем проще действие, обозначаемое инфинитивом, тем меньше вероятность употребления НСВ вида.

124. Виталий побежал после уроков домой оставить сумку.
125. Виталий побежал после уроков домой, чтобы оставить сумку.
126. *Виталий побежал после уроков домой оставлять сумку.
127. *Виталий побежал после уроков домой, чтобы оставлять сумку.
128. *После уроков Виталий будет оставлять сумку дома.
129. Анна пошла в библиотеку взять новый учебник.
130. Анна пошла в библиотеку, чтобы взять новый учебник.
131. *Анна пошла в библиотеку брать новый учебник.
132. Анна пошла в библиотеку выбрать новую книгу.

133. ?? Анна пошла в библиотеку выбрать новую книгу.

134. Анна пошла в книжный магазин выбрать новую книгу.

Мы установили, что в НСВ, как правило, не употребляются лишь инфинитивы тех глаголов, которые в том же самом контексте не могут употребляться в будущем времени НСВ в общефактическом значении (см. № 128).

Вычеркнутые примеры могут быть корректны (даже в случае действия, которое должно достигнуть предела), но только при особых обстоятельствах. Можно сказать: *Пошла брать новый учебник*, но это значит, что *брать* — это целая процедура. Поэтому можно сказать также *Пошла выбирать* — но это опять акцент на длительности, т. е. действие не такое простое. Обычно, когда вы идёте в библиотеку за книгой, вы знаете, какую книгу взять. Но если вы заходите в книжный магазин, процесс может быть сложнее: вы необязательно знаете, какую книгу купите и купите ли вообще. Поэтому употребление НСВ в варианте № 134 безоговорочно принимается информантами, а без широкого контекста — как в примере № 133 — вызывает у них сомнения.

4. Выводы

4.1. Выражение цели через назначение.

Первичность аллативного значения инфинитива, употребляемого в современном языке в функции древнерусского супина

Из рассмотрения приведённых примеров можно заключить, что преобладание употребления НСВ инфинитива при глаголе передвижения объясняется аллативным значением, присущим инфинитиву, употребляемому в роли древнерусского супина.

Нельзя согласиться с О.П. Рассудовой, что инфинитив-супин «обозначает не цель». Разумеется, инфинитив в своем супинальном употреблении существует в блоке с управляющим глаголом и выступает здесь как естественный распространитель глагола передвижения. Инфинитив действительно обозначает в первую очередь назначение, но это не повод не видеть в нём также выражение цели. На самом деле инфинитив-супин всегда обозначает и направление, и цель, но цель он выражает только вторично, через выражение назначения. В других же инфинитивах цели первично именно обозначение цели, а аллативная сема, как правило, отсутствует. Аллативная сема отсутствует или совсем уходит на задний план даже после глаголов передвижения, употребляемых с союзом *чтобы*, так как при помощи союза синтаксически чётко отделяется назначение от цели, на которой в этом случае и сосредотчивается внимание говорящего, ориентируя его чаще всего на выбор СВ с союзом *чтобы*. Но в инфинитиве-супине первично именно аллативное значение, а выражение цели только вытекает из самого аллативного значения.

Первоначальное аллативное значение инфинитива-супина чётче всего ощущается, когда инфинитив употребляется как дополнение к бесприставочному однонаправленному глаголу: *Иду спать*. Инфинитив-супин *спать* приводит необходимое уточнение места назначения.

4.2. Древнерусский супин.

Диахроническое подтверждение первичности аллативного значения современного инфинитива при глаголе передвижения

Первичность аллативного значения вытекает из истории этого инфинитива. Что такое общеславянский супин, который был заменён изучаемым нами инфинитивом? Именная форма, от которой сохранилась лишь устойчивая форма винительного падежа, употребляемого в качестве аллатива, то есть для обозначения места направления.

Итак, этимологически любой супин древнерусского языка и, следовательно, семантически любой инфинитив направления, заменивший супин, является не только обстоятельством цели, но и — в первую очередь — обстоятельством места с аллативным значением. Вот почему современный инфинитив в супинальном употреблении выражает заодно направленность и цель, но в первую очередь — направленность, и только во вторую очередь цель, делая из самого действия, обозначающего направленность, цель передвижения.

Ввиду первичности выражения направленности и неотделимости инфинитива-супина от глагола передвижения, все семы, которые так или иначе уточняют описываемое передвижение, играют значительную роль, которая отражается на выборе вида.

Вырисовывается такая картина: при союзе *чтобы* по умолчанию употребляется СВ, а при употреблении инфинитива-супина по умолчанию выбирается НСВ. Как мы напомнили во введении, с союзом *чтобы* для замены СВ инфинитива на НСВ вид требуются веские причины. При употреблении же инфинитива-супина наблюдается аналогичная, хотя и противоположная ситуация: по умолчанию употребляется инфинитив НСВ, и несовершенный вид заменяется совершенным только при наличии таких факторов, как семантика приставки глагола передвижения (*зайти, выйти*) или инфинитива (*покурить, подышать*), вес контекста (*пойти купить чего-нибудь на ужин*), лексическое значение глагола в инфинитиве или влияние близких по смыслу, но синтаксически разных конструкций (*войду, скажу; пойду спрошу; можно подойти, обнять и погладить*, и т. д.).

При этом, когда употребляется несовершенный вид с союзом *чтобы*, конструкция с союзом почти приравняется к конструкции с инфинитивом без союза и, наоборот, при употреблении инфинитива с о в е р ш е н н о г о вида после глагола передвижения без союза *чтобы* конструкция с инфинитивом-супином по смыслу и типу фокусирования почти приравняется к конструкции с союзом *чтобы*.

5. Заключение. Пояснительные схемы. Инфинитив цели как точка, отрезок времени или полупрямая. Полупрямая как типичное представление об инфинитиве-супине

Рассмотрим логическую цепочку А-В-С, в которой «А» обозначает глагол передвижения, «В» — действие в инфинитиве, и «С» — результат действия в инфинитиве или действия, следующие за действием «В».

Когда говорящий выбирает конструкцию «*чтобы* + инфинитив», он смотрит на конец этой цепочки, на связь между В и С, лексически выражаемую союзом *чтобы* и эксплицитно выделяемую употреблением СВ:

Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл, чтобы **освободить** крестьян от крепостного права.

Инфинитив после *чтобы* выражает только цель, чаще всего конечную цель. Поэтому при помощи союза *чтобы* редко делается акцент на самом процессе.

Зато, когда вместо *чтобы* выбирается конструкция с инфинитивом назначения и цели, употребляемым как древний супин,

Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл **освобождать** крестьян от крепостного права.

говорящий больше фокусируется на связи между А (то есть передвижением) и В (действием в инфинитиве), чем между В (действием в инфинитиве) и С (результатом действия в инфинитиве или действиями, следующими за действием в инфинитиве).

С прагматической точки зрения в первом случае, с союзом *чтобы*, говорящий смотрит вперёд, направо. Во втором же случае — при употреблении инфинитива в функции супина — он смотрит левее. Впрочем, видимо, этот прагматический нюанс именной формы глагола, выражающей заодно направление и цель перемещения, уже чувствовался латинскими грамматиками. *Supinus* на латыни значит 'загнутый назад'. В этом-то и раскрывается парадоксальный статус инфинитива-супина: хотя он обозначает направление и цель передвижения, он выражает их, прежде всего, как распространение передвижения и сосредоточивает внимание говорящего именно на связи между действием-назначением и исходным *передвижением*, чаще всего оставляя на периферии поля зрения результат действия в инфинитиве. Именно этим и объясняется, что в примере Рассудовой:

135. Звонок. Тата бежит открывать. [Рассудова 1968: 64] инфинитив-супин позволяет представить предельное, несложное действие, неминуемо долженствующее достичь своего результата, именно как процесс, тогда как инфинитив цели после *чтобы* требовал бы здесь выбора СВ. В предложении «Звонок. Тата бежит открывать» для говорящего важна связь между действиями «бежать» и «открывать», а не то, кого Тата увидит, открыв дверь, или то, что произойдёт потом.

Итак, употребляя инфинитив в качестве супина, говорящий может представить себе цепочку действий тремя разными способами. Вернёмся в заключение к трём показательным примерам О.П. Рассудовой [1968: 65], изменяя предлагаемые ею схемы.

1. Действие-объект (инфинитив) представляется как точка.

2. Действие-объект представляется как отрезок времени, контекстуально ограниченный, в первую очередь, последовательными действиями.

В обоих случаях употребляется СВ, даже при таком глаголе, как *пошёл*. Для инфинитива-супина эти первые две схемы иллюстрируют исключение, сближая его с конструкцией с союзом *чтобы*.

П р а в и л о иллюстрирует третья схема:

При употреблении инфинитива-супина вместо конструкции с союзом *чтобы* говорящий обычно представляет действие как **полупрямую**: *Иду спать. Он пошел покупать новый костюм.* В поле зрения говорящего входит только начальный этап действия-объекта, говорящий фокусируется на стыке между движением и действием-объектом (*иду и спать, пошёл и покупать, бежит и открывать*), а достижение предела действия в инфинитиве остается вне фокусирования, чем и объясняется употребление НСВ не только с неопределёнными глаголами (*иду спать, иди работать*), как ожидалось, но и с предельными глаголами (*пошла переодеваться, Тата бежит открывать, иду снимать кастрюлю с огня*), что для иностранца может на первый взгляд оказаться особенно парадоксальным на фоне общего преобладания СВ для выражения цели.

Поэтому для изучения микрограмматики выбора вида при выражении цели инфинитивом нам представляется необходимым чётко отделить инфинитивы, выражающие только цель, не от инфинитивов, выражающих «лишь направленность субъекта к какому-то действию», как предлагала О. П. Рассудова, а от инфинитивов, выражающих цель только вторично и через выражение назначения. Для последних предлагаем название «инфинитив-супин» в значении «инфинитива, употребляемого в современном русском языке в функции древнерусского супина». Такое название полностью соответствует как современному употреблению, так и истории этих форм, из которой они получили свои видовые особенности.

Источники

Боткина 2010 — Т. Е. Боткина. Воспоминания о Царской семье // Царский лейб-медик. СПб., 2010. С. 51–439.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Русские сериалы – Сообщество «Русские сериалы, фильмы, мелодрамы» в социальной сети «ВКонтакте», 2010–2019 гг. (<https://vk.com/videos-57851085>)

Литература

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947 / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М., 2001.

Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. 7. Вып. 4. 1948. С. 303–316.

Мольков Г. Супин в древнерусских списках Евангелия XI–XIII веков // *Rozprawy komisji językowej*. Tom LVI. 2018. С. 319–332.

Мирохина Т. М. Грамматическая категория вида русского глагола: учебное пособие. Елец, 2009.

Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // Известия АН СССР. Сер. «Литература и язык». Т. 45. 1986. № 5. С. 413–424.

Падучева Е. В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциальное значение // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 34–45.

Падучева Е. В. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 64–74.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива. М., 1996.

Пожгаи И. Употребление супина в Синайском патерике // *Studia Slavica Savariensia*. 2003. 1–2. С. 397–403.

Пожгаи И. Употребление инфинитива в Синайском патерике // *Studia Slavica Hungarica*. 2013. 58/2. С. 449–458.

Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1968.

Спагис А. А. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1968.

Olivier AZAM

*École Normale Supérieure, Centre de Linguistique en Sorbonne
(Paris, France)*

azamoam@club-internet.fr

PARTICULARITIES OF THE CHOICE OF ASPECT FOR MODERN RUSSIAN INFINITIVES USED WITH THE FUNCTION OF THE OLD RUSSIAN SUPINE

It is a well-known fact that infinitives of purpose are mostly used in the perfective, in particular after the conjunction *čtoby*. But when we examine the choice of the aspect of infinitives of purpose coming immediately after a verb of motion (without a conjunction), we notice the completely opposite tendency of using mostly the imperfective. This use of the imperfective aspect becomes especially noticeable after the conjunction *čtoby* + clause when the imperfective aspect must be replaced by the perfective.

Napoleon ne prosto šěl v Rossiju, on šěl osvoboždat' krest'jan ot krepostnogo prava.. [M. Zadornov]

≠ Napoleon ne prosto šěl v Rossiju, on šěl, čtoby osvobodit' krest'jan ot krepostnogo prava.

It appears that the study of patterns in the choice of aspect of the infinitive of purpose obliges us to distinguish among infinitives of purpose **a special subcategory of infinitives used in Modern Russian in the syntactic function of the Old Russian supine**. This subcategory requires dedicated research.

After briefly reviewing the choice of the aspect of the infinitive after different prefixed and simple verbs of motion, we demonstrate that the greater compatibility of the infinitive following a verb of motion with the imperfective could be explained by a special close connection between the verb of motion and the infinitive used as the former **supine**, as well as by a **special type of purpose** expressed by the infinitive after a verb of motion. Unlike other infinitives of purpose, the modern infinitive used in the function of the Old Russian supine expresses purpose secondarily, through the expression of destination. The infinitive is thus used in an **allative** meaning so that destination comes first, and purpose is only a consequence of the expression of destination.

Keywords: choice of aspect in the infinitive, verbs of motion, purpose, supine, infinitive of purpose, allative.

References

Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)*. Moscow, 1971.

Maslov Yu. S. Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke. *Izvestiya Akademii nauk USSR. Otdelenie literatury i yazyka*. T. 7. Vyp. 4. 1948. S. 303–316.

Mirokhina T. M. *Grammaticheskaya kategoriya vida russkogo glagola: uchebnoe posobie*. Elets, 2009.

Mol'kov G. Supin v drevnerusskikh spiskakh Evangeliya XI–XIII vekov. *Rozprawy komisji językowej*. Tom LVI. 2018. Łódź: Łódzkie towarzystwo naukowe. S. 319–332.

Paducheva E. V. K semantike nesovershennogo vida v russkom yazyke: obshchefakticheskoe i aksial'noe znachenie. *Voprosy yazykoznaniya*. 1991. № 6. S. 34–45.

Paducheva E. V. Rezul'tativnye znacheniya nesovershennogo vida v russkom yazyke: obshchefakticheskoe i aksional'noe. *Voprosy yazykoznaniya*. 1993. № 1. C. 64–74.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke, semantika narrativa*. Moscow, 1996.

Paducheva E. V. Semantika vida i tochka otscheta (v poiskakh invarianta vidovogo znacheniya). *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Ser. «Literatura i yazyk»*. T. 45. 1986. № 5. C. 413–424.

Pozhgai I. Upotreblenie infinitiva v Sinayskom paterike. *Studia Slavica Hungarica*. 2013. 58/2. C. 449–458.

Pozhgai I. Upotreblenie supina v Sinayskom paterike. *Studia Slavica Savariensia*. 2003. 1–2. C. 397–403.

Rassudova O. P. *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom yazyke*. Moscow, 1968.

Spagis A. A. *Parnye i neparnye glagoly v russkom yazyke*. Moscow, 1968.

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moscow; Leningrad, 1947 / Pod red. G. A. Zolotovoy. 4-e izd. Moscow, 2001.

М. А. Бобрик

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

marina.bobrik@online.de

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

А. А. ЗАЛИЗНЯКА

(Из наследия)*

Перед читателем первая публикация выработанных А. А. Зализняком грамматических таблиц древнерусского языка. Три таблицы — субстантивное склонение, местоименное и адъективное склонение, спряжение — компактно отражают основные словоизменительные типы и дают представление о гетерогенности и вариативности древнерусского письменного языка. Таблицы публикуются факсимиле по авторским рукописям, в двух версиях — русской и французской. Публикации предпослана преамбула публикатора, в которой идет речь о специфике таблиц А. А. Зализняка и их научной и дидактической значимости для исторической русистики.

Ключевые слова: А. А. Зализняк, древнерусский язык, морфологические таблицы древнерусского языка.

В домашнем архиве А. А. Зализняка в элегантной черной в белую клетку картонной папке с бордовым подбоем и с этикеткой «Древнерусский язык» хранятся материалы к лекциям и отдельным занятиям. Внутри сверху лежит бледно-розовая прозрачная папочка — конспект лекций под заголовком «Древнерусский язык (в б. Архивном ин-те). Осень 1991 г. (1-я лекция — 9 октября)», 8 нумерованных, исписанных с обеих сторон разворотов А4 в линейку. После краткого введения о двучастном устройстве истории русского языка как дисциплины и периодизации самой этой истории А. А. Зализняк переходит к исторической грамматике XI–XIV вв.; фонетическая система и основные события ее эволюции рассматриваются в трех ракурсах: «в синхронном аспекте», «в аспекте диахронического развития» (прямая хронология) и «в контр-диахроническом аспекте» (ретроспективный взгляд от современного русского языка назад). Затем А. А. Зализняк пишет: «Что касается *морфологии* — см. таблицы». «Грамматические таблицы древнерусского

* Материалы публикуются с разрешения наследников.

языка» лежат следом за конспектом курса, три пронумерованных листа — 1) субстантивное склонение, 2) местоименное и адъективное склонение, 3) спряжение. В папке есть и французская версия таблиц, которая понадобилась для преподавания в Женевском университете (1992–2000). Обе версии — русская и французская — публикуются здесь факсимиле.

Базовое наполнение этих таблиц составляет материал языка, который А. А. Зализняк называл «стандартным» древнерусским (наддиалектный язык непереводаемых текстов, *vieux russe*). Варианты флексий отмечаются по трем идиомам, а именно: старославянский (*vieux slave*), русский извод церковнославянского языка (*slave russe*), древненовгородский (*vieux novgorodienne*). Включая в себя варьирующие элементы этих идиомов, таблицы дают представление о гетерогенном составе древнерусского языка и его вариативности. Однако если новгородская версия таблиц хорошо известна по грамматическому очерку в книге «Древненовгородский диалект» (1995; 2004), то таблицы древнерусского языка в полном их объеме никогда не публиковались. Вообще компьютерной их формы, насколько мы знаем, не существует. Студенты получали таблицы в виде копий рукописи. Именно так, написанными живой рукой, эти таблицы публикуются факсимиле и здесь. Ясный, гармоничный почерк автора, помимо четкости самих таблиц, как будто призван визуально сообщить уверенность в разумной красоте человеческого языка.

Принципы представления грамматики в этих таблицах А. А. Зализняка, по сути, те же, что и в таблицах современной русской морфологии, опубликованных в его русско-французском словаре (1961), а затем в «Грамматическом словаре» (1977; 2003). Единство концепции и метаязыка, обеспечивающееся единством исследовательской личности (счастливое обстоятельство для русистики!), делает всю серию грамматических таблиц удобным инструментом понимания русской языковой эволюции — в «диахроническом» и «контр-диахроническом» аспектах, в научных исследованиях и в преподавании.

Важные свойства таблиц А. А. Зализняка — их компактность и доступность. Предельной степени этих качеств ему было до азарта интересно достичь сначала для собственного понимания, чтобы затем передать инструмент понимания другим. Не случайно впервые таблицы современной русской морфологии А. А. Зализняк включил в пособие практического свойства¹ — «Краткий русско-французский словарь». Таблицы входят здесь (как и позднее в «Грамматическом словаре») в грамматический очерк, смысл которого в предисловии определяется следующим образом:

„Ce précis vise surtout à faire comprendre la structure générale de la morphologie russe qui est, à juste titre, réputée pour sa complication. Il pourra parfois servir d'ouvrage d'initiation, mais le plus souvent il sera employé comme guide pratique”.

¹ Словарь стал прямым развитием тех уроков русского языка, которые А. А. Зализняк давал в 1957–1958 гг. в Париже своим товарищам по Эколь Нормаль. Материалы занятий, кажется, не сохранились.

Продолжение этого пассажа напрямую касается таблиц:

„Les tableaux morphologiques qui le suivent sont très complets, et le système de notation rendra plus abordable, nous l'espérons, la complexité réelle de la morphologie russe” [Зализняк 1961: 7].

Принцип доступности (*abordable*) будет для А. А. Зализняка важнейшим вплоть до «Словаря древнерусского ударения» (2014) с его вполне минималистским «Очерком истории русского ударения».

В преподавании любого письменного языка (будь то санскрит, арабский, древнеперсидский или древнерусский) А. А. Зализняк сообщал слушателям тот способ освоения, который выработал и считал оптимальным для себя самого: краткий грамматический очерк («компендиум») + краткий словарь. С этим багажом в руках, полагал он, можно не страшась приступать к чтению текстов любой сложности, и многочисленные его слушатели убеждались в этом на собственном опыте. Грамматические таблицы древнерусского языка — удобный практический инструмент при чтении древнерусских текстов. С самого начала освоения языка они дают возможность научиться увидеть целое, чтобы затем, по мере продвижения вперед, уже не терять его из виду, хотя бы и приходилось касаться деталей. Речь идет о тренировке чувствительности к соотношению фрагмента и целого. Приведу рукописный текст А. А. Зализняка из той же черной папки²:

Мы читаем тексты и занимаемся мелкой «деталистикой», но цель шире:

а) древнерусский

б) история — сложение современной системы

Но мне еще важнее:

в) лингвистика (как таковая, а не русистика) как стержень и опора познания в этих вопросах.

Т. е. на всех уровнях есть конкретности, к-рые неплохо узнать, но можно и не знать; и есть опыт применения лингвистического подхода (лингв. критериев истины).

Отличие лингвистики от математики:

доказательства не абсолютны. Причина:

гуманитарная сфера — где разные человеческие (и иные) факторы могут нарушать идеальное действие закономерностей.

Напр. описка писца;

эффект какого-то единичного события в обществе или престижа отд. лица, etc.

Отсюда, увы, возм-ть массы чепухи и шарлатанства по поводу языка. Этруски — это русские. «Этимологии» Фоменко etc. etc.

На критику — их ответ (напр., о нерегул. фонет. соотв-ях): но разве так не бывает?

Увы, бывает. Но, к счастью, редко. И статистика выручает.

² Отдельный листок, относящийся, по-видимому, ко второй половине 2000-х годов.

Язык очень сложен. Закономерностей много. Поэтому тычок пальцем в небо нарушает обязательно их несколько. А малая вероятность в 3–4-й степени — это ≡ опровержение.

И, напротив, признак истины — схождение плюсов в одной точке; когда всё чисто. Случайно «всё чисто» почти не бывает.

Наше чтение — упражнение в этом!

Источники

Зализняк 1961 — Краткий русско-французский словарь / Составил А. А. Зализняк. Около 10 000 слов. С приложением очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике. М., 1961.

Marina A. Bobrik

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

marina.bobrik@online.de

ANDREI A. ZALIZNIAK'S MORPHOLOGICAL TABLES OF OLD RUSSIAN

This is the first publication of grammar tables of Old Russian. The basic inflectional types are represented in three compact tables — substantive, pronominal and adjectival declensions, and verb conjugation — and provide a concise overview of the heterogeneity and variability of written Old Russian. The tables are published as a facsimile according to the author's manuscripts in two versions, Russian and French. The preliminary remarks by Marina A. Bobrik stress the specifics of Zalizniak's grammar tables as well as their scientific and didactic relevance for historical Russian linguistics.

Keywords: Andrei A. Zalizniak, Old Russian, morphological tables of Old Russian.

1

Морфологические таблицы древнерусского языка Существительное склонение

	<u>а-склонение</u> (f, иногда m)	<u>о-склонение</u>		<u>и-скл.</u> (m)	<u>ѣ-скл.</u> (f, m)	КОНСОНАНТ. СКЛ.
		m	n			
SING.						
N.	-а / -ѧ (или -и - в осо- бом подтипе)	-з / -б (VN: -е / -б)	-о / -е	-з	-б	-Ѧ (часть с усечением)
V.	-о / -е	-е / -ю		-оу	-и	= N.
A.	-оу / -ю (VS: -Ѧ / -ѧ)	-з / -б (но преимущест- венно = G, у наименова- ний лиц)		-з	-б	m, f: -б n: = N
G.	-зи / -ѣ (VS: -зи / -ѧ; SR: -зи / -ѧ, -ѣ; VN: -ѣ / -ѣ)	-а / -ѧ		-оу (или -а)	-и	-е (или -и)
D.	-ѣ / -и (VN: -ѣ / -ѣ)	-оу / -ю (иногда -ови / -еви у наименований лиц)		-ови (или -оу)	-и	-и
L.	= D.	-ѣ / -и (VN: -ѣ / -и, -ѣ)		-оу	-и	-е, -и
I.	-ою / -ею (VS: -оѧ / -еѧ)	-зѣ / -бѣ (VS: -омѣ / -емѣ)		-зѣ	f: -бю (ию) (VS: -иѧ) m: -бѣ	f: -бю (ию) (VS: -иѧ) m, n: -бѣ
PLUR.						
N.V.	-зи / -ѣ (VS: -зи / -ѧ; SR: -зи / -ѧ, -ѣ; VN: -ѣ, -зи / -ѣ)	-и / -и (VN: -и, -ѣ / -и)	-а / -ѧ	-ове	f: -и m: -бѣ (иѣ)	m, f: -е, -и n: -а
A.		= N.V.A. а-склонения		-зи	-и	m, f: -и n: -а
G.	-з / -б	-з / -б		-овз	-ии	-з
D.	-амз / -ѧмз	-омз / -емз		-змз	-бмз	-бмз
L.	-ахз / -ѧхз	-ѣхз / -ихз (VN: -ѣхз / -ихз, -ѣхз)		-зхз	-бхз	-бхз
I.	-ами / -ѧми	-зи / -и		-зми	-бми	-бми, -зи
DUAL.						
N.V.A.	-ѣ / -и (VN: -ѣ / -ѣ)	-а / -ѧ	-ѣ / -и (VN: -а / -ѧ)	-зи	-и	-и
G.L.	-оу / -ю	-оу / -ю		-овоу	-бю, (-ию)	-бю (ию), -оу
D.I.	-ама / -ѧма	-ома / -ема		-зма	-бма	-бма

Обозначения:

VS - старославянский
SR - церковнославянский русского извода
VN - древненовгородский диалект
(VR - "стандартный" древнерусский)

х/у - твердый/
/мягкий варианты

		Местоименное склонение		Адъективное склонение (= полные формы прилагат-х)		
		м, п	ф	м	п	ф
SING.	N.V.	= субстантивное скл. (для м, п — 2-скл., для ф — 3-скл.)		-зи / -ии	-оу / -еу	-аа / -ааа
	A.			= N. или G.		-оуу / -юуу (VS: -жиж / -ижиж)
	G.	-ого / -его	-отб / -етб (VS: -оа / -еа; SR: = VS с фонетической русификацией; VN: -отб, -он / -етб, -ен)	-ого / -его (VS, SR и VN: -аго / -аго)		-отб (иногда -зтб) / -етб (иногда -тб) (VS: -зта / -ата; SR: = VS с фонетич. русификацией; VN: -тб, -ти / -тб, -ти)
	D.	-омоу / -емоу	-ои / -еи	-омоу / -емоу (VS: -оу(оу)моу / -юу(оу)моу; SR, VN: -оумоу, -омоу / -юмоу, -емоу)		-ои / -еи (VS: -ти / -ии; SR: = VS с фонетич. русификацией; VN: -ти, -ои / -ти, -еи)
	L.	-омь / -емь	= D.	-омь / -емь (VS: -тмь / -имь; SR: = VS с фонетической русификацией; VN: -тмь, -омь / -тмь, -емь)		= D.
I.	-тмь / -имь	-ою / -ею (VS: -оиж / -еиж)	-зимь / -имь		-ою / -ею (VS: -оиж / -еиж)	
PLUR.	N.V.	= субстантивное скл.		-ии / -ии	-аа / -ааа	-зтб / -тб (VS: -зта / -ата; SR: = VS с фонетич. русификацией; VN: -тб, -зтб / -тб)
	A.			= N.V.A. pl f		
	G.L.	-тхз / -ихз		-зихз / -ихз		
	D.	-тмз / -имз		-зимз / -имз		
	I.	-тми / -ими		-зими / -ими		
DUAL	N.V.A.	= субстантивное скл.		-аа / -ааа	-ти / -ии (VN: -аа / -ааа)	-ти / -ии (VN: -ти / -ти)
	G.L.	-ою / -ею		-ою / -ею (VS: -оюу / -юуу; SR: = VS)		
	D.I.	-тма / -има		-зима / -има		

Спряжение (окончания и суффиксы)

3

СИСТЕМА ПРЕЗЕНСА

	SING. I спряж. II спряж. Атема- тич.	PLUR. I спряж. II спряж. Атема- тич.	DUAL. I спряж. II спряж. Атема- тич.
Презенс	1. -оу/-ю -ю -мь (VS: -ѣ/-ѣѣ -ѣѣ)	1. -емъ -имъ -мъ (VN: также -еме, -име, -ме)	1. -евѣ -ивѣ -вѣ
	2. -еши -иши -си	2. -ете -ите -те	2. -ета -ита -та
	3. -еть -ить -ть (VS: -етъ, -итъ, -тъ; VN: -е, -и, -ѣ или так же, как VR)	3. -оуть/-ють -нать -оуть (VS: -ѣтъ/-ѣтъ, -нать VN: -оу/-ю, -на, -ѣ или так же, как VR)	3. -ета -ита -та (VS: также -ете, -ите, -те)
Импера- тив	—	1. -ѣмъ/-имъ -имъ -имъ (VN: -имѣ/-имѣ, -имѣ, -имѣ)	1. -ѣвѣ/-ивѣ -ивѣ -ивѣ (VN не засвидет.)
	2. -и (и з) -и -и -жь (VS: -ѣѣ)	2. -ѣте/-ите -ите -ите (VN: -ите/-ите)	2. -ѣта/-ита -ита -ита (VN: -ита/-ита)
Причастие (деепри- частие)	I спряж.: sg m, n -а/-ѣ (VS: -ѣ/ѣ; SR: -ѣ, -а/-ѣ; VN: -ѣ/-ѣ; sg f -оучи/-ючи (VS: -ѣшти/-ѣшти; SR: -оучи/-ючи); II спряж.: sg m, n -ѣ (VS: -ѣ); sg f -ѣчи (VS: -ѣшти; SR: -ѣщи); рл m -то же с -ѣ: -оучеѣ.		

Склоняемые причастия (малоупотребит. в VR, VN). Действит.: суффиксы
I спряж. -оуч/-юч- (VS: -ѣшт-, -ѣшт-; SR: -оуч-/ -юч-), II спряж.
-ѣч- (VS: -ѣшт-; SR: -ѣщ-). Страдат.: суффиксы -ом- (I), -им- (II)

СИСТЕМА ИНФИНИТИВА

	SING. ГЛАСН. ОСНОВЫ НА: СОГЛ.	PLUR. ГЛАСН. ОСНОВЫ НА: СОГЛ.	DUAL. ГЛАСН. ОСНОВЫ НА: СОГЛ.
Аорист (малоупо- требит. в VR, VN)	1. -хъ -охъ	1. -хомъ -охомъ	1. -ховѣ -оховѣ
	2. } -ѣ (ино- -ѣ	2. -сте -осте	2. -ста -оста
	3. гдѣ -сть VS -стѣ	3. -ша -оша	3. -ста -оста (VS: также -сте, -осте)
Импер- фект (малоупо- требит. в VR, VN)	1. -ахъ, -ѣхъ	1. -ахомъ, -ѣхомъ	1. -аховѣ, -ѣховѣ
	2. } -ашѣ, -ѣшѣ	2. -асте, -ѣсте	2. -аста, -ѣста
	3. } -ѣше, -ѣше	3. -ахоу, -ѣхоу	3. -аста, -ѣста

(VS: более сложная система, с -аа-, -ѣа- перед х, ш;
SR: = VS [с русификацией] или VR)

Перфект: причастие с суффиксом -л- + связка (есмь, еси, еѣ)

Инфинитив: суффикс -ти [к, г + ти → -чи, VS -шти, SR -щи]

Супин: суффикс -тъ [к, г + тъ → -чь, VS -шть, SR -шь]

Причастие (деепричастие): sg m, n -ѣ, f -ѣши, рл m -ѣше
(при основе на гласн. -вѣ, -вѣши, -вѣше)

Склоняемые причастия. Действит.: суффикс -ѣш- (после гласн.
-вѣш-). Страдат.: суффиксы -н-, -т- (при основе на
гласн.), -ен- (при основе на согл.).

A. Zaliznjak

Tableaux morphologiques du vieux russe
La déclinaison des substantifs

1

	<u>a</u> -déclinaison (f. parfois m)	<u>o</u> -déclinaison		<u>u</u> -décl. (m)	<u>i</u> -décl. (f, m)	décl. consonnan- tique
SING.		m	n			
N.	-a / -a (ou -и - dans un sous-type spécial) (VN: -e / -b)	-z / -b (VN: -e / -b)	-o / -e	-z	-b	-Ø (souvent apocope)
V.	-o / -e	-e / -io		-oy	-и	= N.
A.	-oy / -io (VS: -ъ / -ѣ)	-z / -b (mais = G. pour les noms de personnes)		-z	-b	m, f: -b n: = N
G.	-z / -b (VS: -z / -a SR: -z / -a, -b VN: -b / -b)	-a / -a		-oy (ou -a)	-и	-e (ou -и)
D.	-b / -и (VN: -b / -и)	-oy / -io (parfois -ови / -еви pour les noms de personnes)		-ови (ou -oy)	-и	-и
L.	= D.	-b / -и (VN: -b / -и, -b)		-oy	-и	-e, -и
I.	-oio / -eio (VS: -оѣ / -еѣ)	-zmb / -bmb (VS: -omb / -emb)		-zmb	f: -bio (nio) (VS: -иѣ) m: -bmb	f: -bio (nio) (VS: -иѣ) m, n: -bmb
PLUR.						
N.V.	-z / -b (VS: -z / -a SR: -z / -a, -b VN: -b, -z / -b)	-и / -и (VN: -и, -b / -и) = N.V.A. de l' <u>a</u> -décl.	-a / -a	-obe	f: -и m: -bie (nie)	m, f: -e, -и n: -a
A.				-z	-и	m, f: -и n: -a
G.	-z / -b	-z / -b		-ovz	-ии	-z
D.	-amz / -tamz	-omz / -emz		-zmz	-bmz	-bmz
L.	-axz / -taxz	-bxz / -ixz (VN: -bxz / -ixz, -bxz)		-zxz	-bxz	-bxz
I.	-ami / -tami	-z / -и		-zmi	-bmi	-bmi, -z
DUEL						
N.V.A.	-b / -и (VN: -b / -b)	-a / -a	-b / -и (VN: peut- être, -a / -a)	-z	-и	-и
G.L.	-oy / -io	-oy / -io		-ovo	-bio (nio)	-bio (nio), -oy
D.I.	-ama / -tama	-oma / -ema		-zma	-bma	-bma

VS - vieux slave

SR - slave "russe"

VN - vieux novgorodien

(VR - vieux russe "standard")

x / y - variante dure /
variante molle.

	Дéclinaison pronominale			Дéclinaison adjectivale (= formes pleines)		
	m.	n.	f.	m.	n.	f.
SINGULIER	N.V.	Comme pour les sub- stantifs de l' <u>o</u> -dél. (m, n) et de l' <u>a</u> -dél. (f)			-зи / -ии	-а / -а
	A.				= N. ou G.	-оу / -еу (VS: -ѣ / -ѣ)
	G.	-ого / -его	-отъ / -етъ (VS: -омъ / -емъ SR: modèle VS: parfois russifié VN: -отъ, -онъ / -етъ, -енъ)	-ого / -его (VS, SR et VN: -аго / -аго)		-отъ (parfois -ѣтъ) / -етъ (parfois -ѣтъ) (VS: -ѣтъ / -ѣтъ SR: modèle VS parfois russifié VN: -ѣтъ, -ѣтъ / -ѣтъ, -ѣтъ)
	D.	-омоу / -емоу	-онъ / -енъ	-омоу / -емоу (VS: -оу(оу)моу / -ѣ(оу)моу SR: -оумоу, -омоу / -юмоу, -емоу)		-онъ / -енъ (VS: -ѣтъ / -ѣтъ SR: modèle VS parfois russifié VN: -ѣтъ, -онъ / -ѣтъ, -енъ)
	L.	-омъ / -емъ	= D.	-омъ / -емъ (VS: -ѣмъ / -имъ SR: modèle VS parfois russifié VN: -ѣмъ, -омъ / -ѣмъ, -емъ)		= D.
	I.	-ѣмъ / -имъ (VS: -омъ / -емъ)	-ою / -ею (VS: -омъ / -емъ)	-ѣмъ / -имъ		-ою / -ею (VS: -омъ / -емъ)
PLURIEL	N.V.	Comme pour les sub- stantifs, voir plus haut			-и / -и	-ѣ / -ѣ
	A.				= N.V.A. ^{доп} f PC	-ѣ / -ѣ (VS: -ѣтъ / -ѣтъ SR: modèle VS parfois russifié VN: -ѣтъ, -ѣтъ / -ѣтъ, -ѣтъ)
	G.L.	-ѣхъ / -ихъ			-ѣхъ / -ихъ	
	D.	-ѣмъ / -имъ			-ѣмъ / -имъ	
	I.	-ѣми / -ими			-ѣми / -ими	
DUEL	N.V.A.	Comme pour les sub- stantifs, voir plus haut			-ѣ / -ѣ (VN: peut- être, -ѣ / -ѣ)	-ѣ / -ѣ (VN: -ѣ / -ѣ)
	G.L.	-ою / -ею			-ою / -ею (VS: -ою / -ею; SR: modèle VS parfois russifié)	
	D.I.	-ѣма / -има			-ѣма / -има	

Conjugaison (à part les alternances dans les bases)

Système du présent

	sg. I conj. II conj. Verbes athém.	pl. I conj. II conj. Verbes athém.	du. I conj. II conj. Verbes athém.
Présent	1. -oy/-ю -ю -мб (VS: -ѣ/-ѣѣ -ѣѣ)	1. -емз -имз -мз (VN: de même -еме, -име, -ме)	1. -ебѣ -убѣ -бѣ
	2. -ешн -ишн -сн	2. -ете -ите -те	2. -ета -ита -та
	3. -еть -ить -тъ (VS: -етѣ, -итѣ, -тѣ VN: -е, -и, -ѣ (parfois -етѣ, -итѣ, -тѣ))	3. -оуѣ/-юѣ -нѣѣ -оуѣ, -нѣѣ (VS: -ѣѣ/-ѣѣѣ, -нѣѣѣ etc VN: -оу/ю, -нѣ, -оу, -нѣ (parfois comme VR))	3. -ета -ита -та (VS: de même -ете, -ите, -те)

Impératif	—	1. -ѣмз/-имз -имз -имз (VN: -имѣ/-имѣ, -имѣ, -имѣ)	1. -ѣбѣ/убѣ -убѣ -убѣ (VN non attesté)
	2. -и (etѣ) (VS: -ѣѣ)	2. -ѣте/-ите -ите -ите (VN: -ите/-ите)	2. -ѣта/-ита -ита -ита (VN: -ита/-ита)

Grandif	I conj.: sg m, n -а/-ѣ (VS: -ѣ/-ѣ; SR: -ѣ, -а/-ѣ; VN: -ѣ/-ѣ) sg f -оуѣ/-юѣ (VS: -ѣѣ/-ѣѣ; SR: -ѣѣ, -ѣѣ; VN: -ѣѣ/-ѣѣ)	II conj.: sg m, n -ѣ (VS: -ѣ) sg f -ѣѣ (VS: -ѣѣ; SR: -ѣѣ)

Participes (déclines) (peu usités en VR, VN). Actif: suffixes I conj. -оуѣ/-юѣ (VS: -ѣѣ/-ѣѣ; SR: -ѣѣ, -ѣѣ; VN: -ѣѣ/-ѣѣ), II conj. -ѣѣ (VS: -ѣѣ; SR: -ѣѣ). Passif: suffixes -ом- (I), -им- (II)

Système de l'infinitif

	sg. bases en: voyelle consonne	pl. bases en: voyelle consonne	du. bases en: voyelle consonne
Aoriste (peu usité en VR, VN)	1. -хз -охз	1. -хомз -охомз	1. -хобѣ -охобѣ
	2. } -ѣ (parfois -ѣѣ) 3. } -ѣѣ (VS: -ѣѣ)	2. -ѣте -ѣѣте	2. -ѣѣ -ѣѣѣ
		3. -ѣѣ -ѣѣѣ	3. -ѣѣ -ѣѣѣ (VS: de même -ѣѣ, -ѣѣѣ)
Imparfait (presque usité en VR, VN)	1. -ѣхз, -ѣѣхз	1. -ѣхомз, -ѣѣхомз	1. -ѣхобѣ, -ѣѣхобѣ
	2. } -ѣѣѣ, -ѣѣѣѣ	2. -ѣѣѣ, -ѣѣѣѣ	2. -ѣѣѣ, -ѣѣѣѣ
	3. } -ѣѣѣѣ, -ѣѣѣѣѣ	3. -ѣѣѣѣ, -ѣѣѣѣѣ	3. -ѣѣѣѣ, -ѣѣѣѣѣ

(VS: système plus compliqué, et avec -ѣѣ, -ѣѣ devant х, ш; SR: modèle VS partiellement russifié)

Parfait = participe en -ѣ- avec une copule (ѣсѣѣ, ѣсѣѣ etc.)

Infinitif: suffixe -ѣѣ (к, г + ѣѣ donnent -ѣѣ, VS -ѣѣѣ, SR -ѣѣѣ)

Supin: suffixe -ѣѣ (к, г + ѣѣ donnent -ѣѣ, VS -ѣѣѣ, SR -ѣѣѣ)

Grandif: sg m, n -ѣ, f -ѣѣ (pour les bases en voyelle: -ѣѣ, -ѣѣѣ), pl m -ѣѣѣ (après voyelle: -ѣѣѣ)

Participe actif: suffixe -ѣѣ (bases en voyelle: -ѣѣ, -ѣѣѣ)
Participe passif: suffixes -ѣѣ, -ѣѣ (bases en voyelle), -ѣѣ (bases en consonne)

Е. А. Галинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ НОВГОРОДСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI ВЕКА

В статье описываются случаи морфологической и синтаксической вариативности, отраженные в «Записной книге старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. (РГАДА, ф. 1144, оп. 1, № 1 и № 4). При этом рассматриваются только те явления, которые находились за пределами нормы делового языка. «Записная книга» свободно отражает фонетические черты новгородского диалекта конца XVI в., так что написаниям, за которыми усматриваются грамматические особенности, тоже можно доверять. Случаи вариативности таковы. **1.** В творительном падеже единственного числа женского рода сосуществовали окончания *-ою/-ею* и *-ој/-еј*, хотя при значительном перевесе в сторону *-ою/-ею*. **2.** В местном падеже числительного *трие* исконная форма *трехъ* варьировалась с формой, пришедшей из родительного падежа, — *треи*. **3.** Конструкция «*два / три / четыре / полтора* и др. + форма на *-ы/-и*» сосуществовала с конструкцией «*два / три / четыре / полтора* и др. + форма на *-а*» при явном преобладании первой. **4.** Наблюдалась вариативность древнего типа родо-числового синтаксического оформления количественных конструкций (сочетания числительного в именительном / винительном падежах с существительным присоединяли к себе согласуемые слова в форме женского рода) и изредка появляющегося нового типа (согласуемые слова стояли во множественном числе). **5.** В дательном и местном падежах женского рода единственного числа притяжательных прилагательных параллельно употреблялись именные и местоименные окончания. **6.** В притяжательных конструкциях присутствовала вариативность форм *князя, князь, княжиш, княжь, княже* и *князе*. **7.** Сосуществовали конструкции с координируемым и некоординируемым причастием при форме именительного падежа существительных. Таким образом, в целом ряде звеньев грамматической системы новгородского диалекта конца XVI в. шли процессы перехода от одного состояния к другому, что и обусловило наличие вариантных форм и конструкций.

Ключевые слова: новгородский диалект конца XVI века, историческая морфология, исторический синтаксис, грамматическая вариативность.

Исследование А. А. Зализняком новгородских берестяных грамот показывает, что, при всей морфологической специфике древненовгородского диалекта, во многих точках грамматической системы уже в ранний период, когда древненовгородский диалект еще не испытывал влияния говоров центра, существовала некоторая вариативность окончаний.

Например, формы И. и В. пп. мн.ч. твердого варианта **ā*-склонения имели окончания *-ѣ* и *-ы*, хотя и при преобладании окончания *-ѣ*, например: а) **кѣлѣ** № 247 (сер. XI в.), **[г]вѣздѣ великѣ** Ст. Р. № 8 (перв. пол. XII в.), **коуиѣ** № 164 (кон. XI — перв. четв. XII в.), **подъшьвѣ** № 438 (кон. XII — нач. XIII в.); б) **коуплены** № 439 (кон. XII — нач. XIII в.), **роуки** № 9 (сер. XII в.).

Есть отдельные указания на то, что в И. и В. пп. дв.ч. мягкого варианта **ā*-склонения наряду с окончанием *-и* было и окончание *-ѣ*, например: а) **дѣвѣ дѣжѣ** (мера количества зерна) № 863 (втор. четв. XII в.), б) **ѣвѣ гривни <...> моѣ** (с графическим эффектом *ѣ* → *е*) № 483 (втор. пол. XIII в.).

Такая же вариативность наблюдалась в форме И.п. мн.ч. муж. р. **ō*-склонения — например: а) **въкоупникѣ** № 821 (сер. XII в.); б) **смьрьди** № 247 (XI в.) и в форме М.п. ед.ч. муж. р. мягкого варианта **ō*-склонения, например: а) **на конѣ** № 78 (вт. пол. XII в.); б) **на тѣхони кони** № 926 (перв. пол. XIII в.) [Зализняк 2004: 98–99, 108–109].

Вариативность в ненормированном диалектном языке вообще встречается не так уж редко, в чем мы можем убедиться, обратившись к современным русским говорам. Так, в пределах южнорусского наречия и среднерусских говоров есть целый ряд ареалов, где сосуществуют формы с окончаниями *-а* и *-ы* в И.п. мн.ч. существительных среднего рода с основой на парный твердый согласный типа *сѣлы, ѳкны, вѣдры и сѣла, ѳкна, вѣдра* [ДАРЯ II, карта 33], а на востоке великорусской территории (и на севере, и на юге) имеются говоры, где сосуществуют формы типа *в гѳроде* и *в гѳроду* [ДАРЯ II, карта 22].

При работе с деловыми текстами XVI–XVII вв. следует обращать внимание на явления, находившиеся за пределами нормы делового языка, в которую входили, например, окончания **ō*-склонения во множественном числе, формы прилагательных Р.п. ед.ч. жен. р. на *-ые*. Тогда, выявив вариативность, можно проследить процесс видоизменения и становления тех или иных элементов грамматической системы.

Материалом для настоящего исследования послужили две рукописи новгородского происхождения, хранящиеся в РГАДА (ф. 1144 «Новгородская приказная палата», оп. 1, № 1 и № 4). Название книги № 1 в описи архива — «Книга записная кабалам на холопей», а название книги № 4 там же — «Книга кабальная записей на разных лиц». На сайте РГАДА обе они имеют одинаковое название «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг., но по сути представляют собой один документ, учтенный в РГАДА в виде двух самостоятельно существующих единиц хранения, которые были оформлены по отдельным переплетам еще в конце XIX в., когда они пребывали в Московском архиве Министерства юстиции. Записные книги старых

и новых крепостей велись в Новгороде с 1 декабря 1597 г. по 31 января 1598 г. Они представляют собой изложение полных, докладных и кабальных грамот, оформлявших права на владение холопами в XVI в. (в основном в последней его четверти) и в некоторых весьма редких случаях в начале XVI в. и последней трети XV в. Важно заметить, что мы имеем дело в основном с пересказами указанных документов, а не со списками с них, хотя небольшие фрагменты списков иногда присутствуют. Дело в том, что обычно пересказы, в отличие от списков, которые копируют более ранние оригиналы, отражают языковую ситуацию периода, когда они создаются (ср. анализ типов падежного синкретизма, отраженного списками и пересказами XVII в. псковских грамот XIV–XV вв. [Алпатов 2005: 89–92]). Книга №4 состоит из 230 лл., на каждом из которых стоит скрепа дьяка Дмитрия Алябьева, служившего в Великом Новгороде с марта 1594 г. по май 1602 г., см. [Веселовский 1975: 21]. Книга №1, состоящая из 201 лл., имеет скрепу Дмитрия Алябьева на лл. 1–141, которые и были изучены для настоящего исследования. Далее приплетена челобитная грамота 1596 г. (л. 142); оставшиеся листы написаны в XVII в., поскольку лл. 143–167 скреплены подписью дьяка Федора Опраксина (Апраксина), служившего в Великом Новгороде с 21 марта 1624 г. по 1625/26 г. [Там же: 28], а лл. 168–201 имеют скрепу Ивана Зиновьева, о котором известно, что он был дьяком в Великом Новгороде в 1660 г. [Там же: 195].

Лл. 1–141 книги №1 (далее — **К1**) написаны шестью почерками:

1-й почерк: лл. 1–8 об.; **2-й** почерк: лл. 9–75 об.; **3-й** почерк: лл. 76–77, часть л. 85 об., сер. л. 90 об. — 92 об.; **4-й** почерк: лл. 77 об. — 90 об. до сер. л., 93–93 об.; **5-й** почерк: лл. 94–125 об.; **6-й** почерк: 126–141 об.

Книга №4 (далее — **К4**) написана пятью почерками:

1-й почерк: лл. 1–32 об.; **2-й** почерк: лл. 33–104 об.; **3-й** почерк: лл. 105–136 об.; **4-й** почерк: лл. 137–222 об.; **5-й** почерк: лл. 223–230 об.

Следует заметить, что 1-й и 3-й почерки К4 внешне схожи, графически относятся к одному типу, но анализ орфографических особенностей показывает, что они принадлежат разным писцам. Так, в 1-м почерке 35 замен **ѣ** на **е** в слог под ударением и 18 случаев замены в этой же позиции **ѣ** на **и**, а в 3-м буква **ѣ** употребляется в основном в соответствии с этимологией, так что отмечены только три замены **ѣ** на **е** и три замены **ѣ** на **и** в ударном слоге при примерно равном количестве листов, занятых каждым из почерков. Показательны также окончания И.-В. пп. мн.ч. прилагательных (в том числе субстантивированных): в 1-м почерке сосуществуют примерно в равном количестве формы с окончаниями *-ые* (например, *дѣѣ служилые кабалы* К4-12) и *-ыя* (например, *дѣе служилыя кабалы* К4-10 об.), а в 3-м почерке есть только окончание *-ые* (например, *три служилые кабалы* К4-110)¹.

¹ При приведении примеров из рукописей используется упрощенная орфография: **і** передается как **и**, **ѡ** как **о**, **ѣ** как **э**, **ѧ** и **ѧ** как **я**, **ѣ** как **кс**, **ѣ** как **ф**; титла раскрываются, а восстановленные буквы берутся в круглые скобки. Во всех почерках в большинстве случаев употребления букв **ѣ** и **ѣ** они имеют единый размашистый начерк. В тех случаях, когда твердость или мягкость согласного очевидна, ставятся соответственно буквы **ѣ** и **ѣ**, а там, где твердость или мягкость могут быть связаны с диалектными особенностями, используется нейтральный знак **ѣ**.

При этом 3-й почерк К1 и 5-й почерк К4 принадлежат руке одного и того же писца. Это видно как из анализа начерков, так и из графико-орфографических навыков, представленных в обоих почерках. 3-м почерком К1 написаны пять листов, а 5-м почерком К4 — восемь листов, и в обоих почерках одинаково активно заменяется **ѣ** на **и** в слоге под ударением при отсутствии замен **и** на **ѣ**; используется лигатура «ва», где к «в», пишущемуся в виде треугольника, снизу без отрыва руки приписывается «а» в виде греческой альфы (помимо этого, в 3-м почерке К1 есть аналогично устроенная лигатура «на», а в 5-м почерке К4 — «ца»).

Одному и тому же писцу принадлежат 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4. Об этом можно сделать вывод не только по графическому типу письма, но и в результате анализа орфографии и языка обоих отрезков текста. И в том и в другом почерке имеются многочисленные замены **ѣ** на **и**, которым сопутствуют обратные замены **и** на **ѣ**. И там и там мы находим отсутствующее в других почерках обозначение долгого глухого шипящего буквосочетаниями **сш**, **сшп**: *пущици*^и К1-79 об., *прикасцики* К1-79 об., *восианая* К1-89; *Вересицаги* (Р. ед., имя) К4-138 об., 172, *восицаная* К4-142, *исцею* ('истца') К4-195, 203, *Насцоки*^и К4-198, *с плосица*^{ли} К4-172, *отвесшика* (В.п.) К4-195. И, наконец, в этих двух почерках мы находим форму М.п. (и в одном случае Р.п.) слова *оба* с окончанием -ух: в *обию^х каба^х* К1-86 об., в *ои|бѣю^х каба^х* (с опiskой) К1-83 об., в *обию^х каба^х* К4-183, 192, *у полны^х <...> ув обию^х* К4-212 об.

Итак, обе книги насчитывают девять почерков. Без сомнения, все писцы были новгородцами, так как они отражают фонетические диалектные черты, которые реконструируются по другим деловым текстам новгородского происхождения конца XVI — первой половины XVII в. (см., например, [Галинская 2002: 12–42]). Самая яркая из этих черт — взаимная мена букв **ѣ** и **и** в ударных, а иногда и в безударных слогах. Впрочем, интенсивность замены **ѣ** на **и** у разных писцов разная — у некоторых примеры обнаруживаются в обильном количестве, а у других — редко. Обратная (гиперкорректная) замена **и** на **ѣ** есть не во всех почерках. Ср. некоторые примеры:

	Замена ѣ на и	Замена и на ѣ
К1 , 1-й почерк	<i>крипо^ѣти</i> 5 об., <i>мѣ^ити</i> 3, <i>Ме^ѣвидевъ с(ы)нѣ</i> 2, <i>диловую запи^ѣ</i> 3 об.	<i>о нѣ^х</i> 1 об., <i>Тѣханко</i> 2, <i>Максѣмко^ѣ</i> 4 об., <i>Клѣ^ѣмко</i> 7, за <i>Тѣмофиева с(ы)на</i> 6 об.
К1 , 2-й почерк	<i>дви</i> 22 об., <i>згорила</i> 43 об.	<i>онѣ</i> 27 об., 28, 31, 42 об., 52 об.
К1 , 3-й почерк = К2 , 5-й почерк	<i>бигае^ѣ</i> К1-76, <i>ти крипости</i> К1-92, <i>О^ѣдри^ѣ</i> К1-92 об., <i>соби</i> К4-230, у... <i>Кра^ѣнослипова</i> К4-226 об., <i>наместника</i> (Р.п.) К4-224	
К1 , 4-й почерк = К2 , 4-й почерк	<i>сестри</i> (Д.п.) К1-90, <i>Тимофию</i> К1-82, <i>влади^ѣ</i> К4-191 об., <i>соби</i> К4-212	<i>Денѣско</i> К1-78 об., <i>о^ѣ нѣхѣ</i> К1-79, <i>с Оксѣньицею</i> К1-81, <i>Орѣнку</i> К1-82, <i>Дмѣтрѣ^ѣ с(ы)нѣ</i> К1-83, <i>з де^ѣмѣ</i> К4-147, <i>Дмѣтрѣ^ѣка</i> (Р.п.) К4-172 об., <i>Домнѣца</i> К4-147 об.
К1 , 5-й почерк	<i>дивку</i> 95 об., с... <i>нимкою</i> 99, у <i>дида</i> 114 об., <i>вели^ѣ</i> 110 об., <i>на и^ѣ дитеи</i> 101 об.	<i>того * днѣ</i> 98 об., в <i>пятѣ ру^ѣлехѣ</i> 101 об., <i>бѣти челомѣ</i> 108 об., <i>челоуѣ^ѣную</i> 122 об., <i>Фѣли^ѣ</i> 99

К1 , 6-й почерк	<i>Сергиева до" 129 об., Ма^тфиева до" 141, во "вори 127 об. и др. (часто)</i>	<i>о^т здѣѣже"я 130 об., очмѣ 127 об., не "лу-жила нѣгдѣ 141</i>
К4 , 1-й почерк	<i>вели" 1 об., не умие" 3, дити 10 об., Фади"кова (Р.п.) 23</i>	
К4 , 2-й почерк	<i>а ничто... б(о)гъ поиле" 57</i>	<i>за Оксѣнью 46, Фетѣньица 70 об.</i>
К4 , 3-й почерк	<i>Сергиеву до" 13 об., Патракиеву до" 128</i>	<i>онѣ 118, Фетѣшка 125, перед ... Черкасѣ"м 117об.</i>

В К1 и К4 свободно отражаются и другие фонетические явления, так что написаниям, за которыми мы усматриваем грамматические особенности новгородского диалекта конца XVI в. и которые находятся за пределами норм делового языка, тоже можно доверять. Перейдем, таким образом, к некоторым разновидностям грамматической вариативности, отраженным в исследованной рукописи.

1. В истории русского языка прошел процесс отпадения конечных безударных гласных фонетического слова. А.А. Зализняк сформулировал правило (с небольшим количеством исключений), которому подчинялся этот процесс: отпадавшему гласному предшествовал одиночный согласный или группа [ст], и такие гласные не составляли отдельного морфа. В ряде случаев процесс носил факультативный характер (подробнее см. [Зализняк 2002: 550–558]). Под действие указанного правила попадала и флексия творительного падежа слов женского рода *-ою/-ею*. В силу специфики содержания записной книги в ней употребляется огромное количество форм творительного падежа, ср.: ... *да Нилова жена з де"ми с Ле"шкою да с Ми"кою да с Васкою да с Богда"ком да з Гру"кою да Макси" Григорев с(ы)нѣ прозвище Скоко" с(ы)нѣ з женою с Фунею з Дмѣтриевою дочерю да з де"ми с Созо"ком прозвище с Первушкою да с Матюшею да с Офроскою да с Нени"кою* К4-191. При этом подавляющее большинство таких форм имеют окончание с не отпавшим еще гласным, тогда как формы с окончанием *-ои/-еи* (например, *с муже"м с Тимошкои* К1-81 об., *за дочерю своею за Федо"еи* К1-100 об., *с Васи"мско" с Фомино" дочерю* К4-36 об., *з женою ево з Дуницой с полоня"кои* К1-101, *с Олексой* К4-216 об.) на их фоне крайне малочисленны. Причем есть почерки, в которых вообще всегда употребляются только окончания *-ою/-ею* — К4, 1-й почерк и К4, 3-й почерк. Таким образом, вариативность окончания творительного падежа женского рода, хотя и существовала, но в конце XVI в. очень большой перевес был в сторону флексии *-ою/-ею*, что и не удивительно, поскольку даже в XIX в. формы с этой флексией были вполне употребительны, ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: *Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее икатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою*.

2. В древнерусском языке слово *трие* имело, как известно, парадигму множественного числа **ї*-склонения, то есть после прояснения редуцированных формы выглядели так: И.п. *трие/три*, Р.п. *треи (-ej)*, Д.п. *трем*, В.п. *три*, Т.п. *треми*, М.п. *трех*.

Одна из первых инноваций, произошедших в склонении слова *трие*, — это влияние местного падежа на родительный и появление в нем формы *трех*. О. Ф. Жолобов обнаруживает форму *трехъ* в памятниках XIV в. [Жолобов 2006: 243].

Однако во 2-м почерке К1 отмечается результат весьма нестандартного пути развития противоположного типа: здесь в М.п. регулярно употребляется форма *треи*: *кабала... в треи рубле*^х К1-23, 24, 35, 44 об., *кабала... в тре^и рубле*^х К1-38 об., 50, 54 об. Тут произошла нетривиальная экспансия формы Р.п. на М.п. Насколько мне известно, ранее такая форма М.п. в памятниках русской письменности не отмечалась. Но случаи употребления формы *трехъ* в этом почерке тоже есть: *в тре^х рубле*^х К1-12, 18, 47 об., 49, 56 (2 р.). Для остальных почерков форма *трехъ* — единственная. Склонение числительных не входило в зону нормирования делового языка, поэтому можно думать, что обе формы существовали в новгородском диалекте в широком смысле этого понятия, а варьирование могло быть как между разными говорами новгородского типа, так и в пределах одного говора.

3. В процессе преобразования числительных, который был весьма сложным, происходило и изменение их синтаксической сочетаемости. В частности, в результате утраты категории двойственного числа бывшая форма И.-В. пп. дв. ч. существительных **ѡ*-склонения, имевшая флексию *-а* и находившаяся в сочетаниях со словами *два*, *оба*, стала осознаваться как форма Р.п. ед.ч. Вновь сформировавшаяся сочетаемость распространилась и на два других счетных слова — *трие*, *четыре*, которые исконно согласовывались с существительными, стоявшими в И.-В. пп. (И. *трие/четыре* *столи*, В. *три/четыри* *столи*), отчего сейчас в русском литературном языке представлены сочетания не только типа *два дуба*, но и типа *три дуба*, *четыре дуба*. О.Ф. Жолобов пишет, что они утвердились лишь в XVII в., «получив распространение во второй половине XVI в.» [Жолобов 2006: 226], хотя спорадически формы на *-а* проникали в сочетание с числительным *три* и раньше (приводятся три примера из новгородских берестяных грамот XIV в. и четыре примера из книжных текстов XIV–XV вв.) [Там же: 225–226].

В исследуемой новгородской рукописи конца XVI в. перед нами предстает следующая картина.

С числительными *три* и *четыре* в основном сохраняется старая сочетаемость (в тексте представлены формы В.п.): *три ру^бли* К1-5 об., 76, 133, 134, *три рубли* К1-45, К4-87 об., 139, 140, 141, 146 об., 179 об. и др., *три ру^бли* К4-85, 85 об., 86, *три сыны* К4-22, *четыре ру^бли* К1-8, 46 об., об., 129, 132, 133 об., 137, К4-38 об., 84, *четыре у^лы* К4-207 об.

Но изредка встречаются и новые формы: *три ру^бля* К1-114, К4-118, *четыре ру^бля* К2-225.

При этом исконные формы на *-а* при слове *два* единичны: *за два ру^бля* К1-33, *два ру^бля* К1-76 об., К4-124 об. Видимо, в новгородском диалекте влияние старой сочетаемости существительных с *два* было не столь сильно, хотя, несомненно, имело место. Более продуктивным оказалось противоположное влияние — конструкция типа *три рубли* воздействовала на сочетание существительного с числительным *два*, отчего многочисленными оказались следующие примеры: *два рубли* К1-10, 20 об., 64, 138 об., *два ру^бли* К1-77 об., 80 об., 123, 141, К4-22, 61 об., 137 об., 138, 139 об., 141 об., 142, 146, 160 об., 176, 197, 199 об. и др. Мало того, существительные на *-ы/-и* могли вытеснять существительные на *-а* из «половинного» счета,

где исконной была форма Р.п. существительного (*полъ вътора рѹбла*), отчего мы находим: *полтора // рубли* К4-153 об., 200 об.//201, *полтора рѹбли* К4-139, 224, *по^нтора рѹбли* К4-62 об., 66 об., *по^нтре^я рѹбли* К4-140, *по^нчетве^рта рѹбли* К4-161 об., хотя бывает и *по^нтора рѹбля* К4-128 об., *по^нтре^я рѹбля* К4-119.

В итоге сформировалась вариативность: конструкция «два / три / четыре / полтора и др. + форма на -ы/-и» сосуществовала с конструкцией «два / три / четыре / полтора и др. + форма на -а» при значительном преобладании первой. Большая или меньшая архаичность сочетания числительного с существительным здесь роли не играла: например, в 5-м почерке К4 сочетаются *два рѹбли* 230 и *четыре рѹбля* 225. Впрочем, возможно, были индивидуальные предпочтения в выборе одной из двух конструкций. Так, писец, которому принадлежит 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4, использует только конструкцию «два / три / четыре + форма на -ы/-и».

4. Как известно, под влиянием того, что слова *пять* — *девять* были существительными **ѣ*-склонения женского рода, любые сочетания числительного в И.-В. пп. с существительным присоединяли к себе согласуемые слова в форме женского рода [Зализняк 2004: 168]. Такое согласование представлено и в текстах записной книги (встречены только формы В.п., примеры для сокращения списка приводятся без учета срединных выносных букв): *два рѹбля московскую* К1-76 об., *за два рѹбля московскую* К1-33, *два рѹбли московскую* К1-64, 80 об., 123, 138 об., *три рѹбли московскую* К1-5 об., 76, 85, об., 86, 133, 134 об., *три рѹбля ноугородцкую* К1-114, *три рѹбли ноугородцкую* К4-87 об., *четыре рѹбли московскую* К1-8, 46 об., 129, 132, 133 об., 137, *четыре рѹбли дене^г ноугородцкую* К4-84, *пя^т рѹбле^в московскую* К1-127 об., 128 об., 130 об., 135 об., 137, 138, 139 об., *шесть рѹбле^в московскую* К1-45 об., 47, *шесть рѹбле^в дене^г московскую* К1-46, *сем^ь рѹбле^в московскую* К1-126 об., *се^м рѹбле^в московскую* К4-6, *полтора рѹбли ноугородцкую* К4-62 об.

То же может происходить при опущении слова «один»: *да^н <...> рѹбль ноугоро^нцкую* К1-2 об. Однако чаще в таком случае представлено согласование в мужском роде со словом «рубль»: *рубль ноугоро^нкои* К4-140 об., *рубль ноугоро^нкои* (sic) К4-198 об., *рубль ноугоро^нцкои* К1-104, *рубль наогоро^нцко^н* (sic!) К4-21 об., *взя^н <...> рѹбль моско^вскои* К1-124. Сочетания со словами, обозначающими другие числа, также могут присоединять к себе определения не в женском роде, причем есть два варианта форм множественного числа — более частотный В.п. и более редкий Р.п.: 1) *два рѹбли ноугоро^нкие* К4-142, *по^нтора рѹбля ноугоро^нцкие* К1-128 об., *четыре рѹбли ноугоро^нцкие* К4-38 об., *по^нтора рѹбли ноугоро^нцкие* К4-66 об., *три рѹбли дене^г моско^вски^е* К4-85; 2) *по^нтре^я рѹбля моско^вски^х* К4-119, *два рѹбли ноугоро^нцкихъ* К4-61 об.

Таким образом, в конце XVI в. сосуществовали древний вариант родо-числового синтаксического оформления количественных сочетаний и новый вариант при преобладании первого.

5. В праславянском языке притяжательные прилагательные склонялись по именному склонению, а в древнерусском языке в их парадигмы начали постепенно проникать местоименные формы. Первыми приобрели полные формы Т.п. ед. ч. муж. и ср. р. и косвенные падежи множественного числа, например, *со розбоинниковымъ*

товаромъ Гр. рижан к Витебскому кн. Михаилу Константиновичу ок. 1300 г., **ро-
вѣихъ вѣ(вери)ць**) ‘денег за рабыню’ Новг. бер. гр. №335 (60–70-е гг. XII в.),
с **Офремовыми людьми** ‘с Офремовыми людьми’ Новг. бер. гр. №192/191 (нач.
XIV в.). Материалы памятников письменности показывают, что становление ме-
стоименных форм у притяжательных прилагательных во множественном числе за-
вершилось в XIII в., а в Т.п. ед. ч. муж. и ср. р. — к началу XIV в. [Кузнецов, Иор-
даниди, Крысько 2006: 166, 173]. Постепенно новые местоименные формы стали
проникать и в другие косвенные падежи единственного числа (сейчас их нет только
у притяжательных прилагательных с суффиксом **-ов** в Р. и Д. пп. ед. ч. муж. и ср. р.).

Далее будет приведен материал записной книги, который позволяет показать,
как в конце XVI в. складывается картина в тех косвенных падежах мужского и жен-
ского рода (средний род не представлен), которые сохранили именные флексии по-
сле XIV в., т.е. в Р., Д. и М. пп. муж. и жен. р.²

В **мужском** роде есть только именные флексии: **Р.п.** *де^иги заняла ув а^хмета
дмитриева с(ы)на жо^итухина* К1-23, *с на^имѣстнѣча* доклада К4-195 об. **Д.п.** *ми-
хаилу ста^икову с(ы)ну* К1-29 об., *по федорову веле^ию* К4-107. **М.п.** *в ч(е)л(о)вѣки*
в ма^итѣику якушеве с(ы)не горчаки К4-195 об. (форма М.п. единственная, а форм Р.
и Д. пп. много, но они интереса не представляют, поэтому приведено только по два
примера).

В **женском** роде картина не столь однозначна.

В **Р.п.** имеются лишь именные флексии **-ы** и **-ѣ/-е** (вариативность **-ы/-ѣ** обуслов-
лена двумя типами падежного синкретизма в именном склонении новгородского
диалекта XVI в., см. [Галинская 1991: 32]; вариативность **ѣ/е** орфографическая):
и у кабалы руки послуховы нѣ^и К1-73 об., *и дмѣтриевы руки нѣтѣ* К1-99, *у у^ияны
михаиловы жены трусова* К4-35 об., 36, *да степановы дочерѣ* (**ѣ** исправлен из **и**)
о^идо^ики <...> у ни^и в холо^истве двѣ дочери К1-125 об., *у гордѣевы жены зено^иевы
дочери* К4-38 об., *в ма^ирино ивановы жены <...> мѣсто* К4-59 об., *в сестры своеи
оленино мѣсто яко^илевы жены кобылина* К4-171, *у ма^ии у ивановѣ* дочери новокце-
нова К1-100 об., *з боркове улицы* К1-132 об., 133.

В Д.п. и М.п. обнаруживается сосуществование именных и местоименных окон-
чаний.

В **Д.п.** именное окончание **-ѣ(е)** и местоименное окончание **-ои** представлены
примерно в равных небольших количествах: *сестре своеи ану^ии петрове* дочери
К4-30 об., *по е^и иванове данои* К4-149, *жены е^и дружининои о^идо^иицы на ма^итѣи*
и на е^и жену на мала^ию дѣла не дѣлати никакова ‘Дружининой жене Овдотьице
не следует предъявлять претензии к Матфею и его жене Маланье’ К1-62. В то же
время в **М.п.** именные окончания **-ѣ(е)** и **-ы** встречаются регулярно в больших ко-
личествах (например: *жена^ит <...> на дени^иеве* дочери К4-110, *жена^ит <...> на не-
ждане на мишуковы* дочери К4-123), а местоименное окончание **-ои** отмечено толь-
ко два раза: *женитца* (инф.) <...> *на о^идо^иице на андрѣевои* дочери К1-62, *жена^ит*

² Т.п. ед.ч. жен. р. не рассматривается, поскольку там именные и местоименные формы всех
прилагательных исконно совпадали (например, **новою**).

был ... на ога^{фи}це на каба^нной на дмитриево^н дочери К4-41 об. Таким образом, в Д. и М. пп. присутствовала вариативность именных и местоименных флексий, и можно констатировать, что в М.п. местоименная флексия еще не была частотной.

6. Из посессивных конструкций в древнерусском и старорусском языке наиболее частотными были две: с двумя притяжательными прилагательными типа *князь Федоровъ намѣстникъ* ('наместник князя Федора') и с родительным принадлежностью и притяжательным прилагательным типа *Ивановъ крестьянинъ Климова* ('крестьянин Ивана Климова'). Обе эти конструкции, часто в еще более осложненном виде, например с относительным прилагательным, образованным от имени, широко представлены в «Записной книге». Значительная вариативность здесь наблюдается при упоминании принадлежности князю, называемому по имени или по имени и фамилии.

а) В редких случаях используется Р.п. слова «князь», например: *князъ василе^н кн(я)зя ивано^в с(ы)нѣ мышецко^и* К1-16 об., *князъ миха^нло кн(я)зя тимо^фивѣ с(ы)нѣ мышие^цко^н* К1-92.

б) Столь же редко встречается несклоняемая форма князь: *кн(я)зь ива^н кн(я)зь офона^се^н с(ы)нѣ мецкерско^г* К4-157, *да^н <...> за племя^нѣцею за своею за ро^нною за та^нною за кн^я ивановою дочерю кня^ж дми^риева с(ы)на меще^сково* К4-107. Можно полагать, что эта форма была усеченной и застывшей, такое известно в современной разговорной речи с именами при отчествах: у *Михал Ивановича*, к *Василь Петровичу* и т. д. Доказательством того, что так и было, служат случаи, где форма князь написана вместо Р.п. князя вне притяжательных конструкций: *о^г великого кн(я)зь ивана васи^левича* К4-11, *кн(я)зъ ивана де^нги дошли* К4-124, *за печатю намѣстника и воеводы кн^я семена а^рдасовича черкасско^г* К4-117 об., *по з(о)с(у)дар(е)ве ц(а)ря и великого кн(я)зъ ивана васи^левича всеа русии грамоте* К4-117 об., *о^г кн(я)зъ миха^нла федорови^{ча}* К4-118, *о^г кн(я)зъ семена романовича* К4-119.

в) Один раз отмечено притяжательное прилагательное «княжий»: *писано та^нга кн^яж^я вере^нсково* К4-208 (это именно форма княжья, так как в скорописи при вынесении над строкой буквы согласного перед буквой гласного опускается обозначение йота).

г) Частотно употребление притяжательного прилагательного «княжь»³, например: *князъ михаило кн^яж^я ивано^в с(ы)нѣ меще^ско^г* К4-19 об. При этом определяемое имя может быть не мужского рода и стоять не только в И.п., но и в косвенных падежах, ср.: *кн^яж^я васи^лева жена никитина с(ы)на белосел^ско^г* К1-2 об., *у кн(я)зя михаила у кн^яж^я тимоф^фева с(ы)на мышецко^г* К1-16 об., *кн^яж^я тимоф^фиеву с(ы)ну* К1- 82 об. Таким образом, форма княжь не в И.п. ед.ч. муж.р. также была усеченной и застывшей.

д) Столь же часто употребляется еще одна застывшая форма — княже, причем определяемое имя также может быть мужского или женского рода и стоять в любом падеже: *степа^н кн(я)же ивано^в с(ы)нѣ елецко^г* 18 об., *кн(я)же о^ндрѣва жена*

³ Возможно, что это прилагательное, образованное по праславянской модели с суффиксом *j, было еще живым, поскольку есть и другие аналогичные случаи: *митрополи^н дя^к* К4-123, *митрополи^н дя^к* К4-148, *с намѣстнѣча доклада* К4-195.

К4-187, де^изи заняли у кн(я)же дмитрие^вско княини кропо^ткина К1-17, кн(я)зю ивану кн(я)же иванову с(ы)ну елецко К1-45.

е) И, наконец, видимо, в результате контаминации между Р.п. князя и притяжательным княже появляется застывшая форма князе: кн(я)зь егу^б да кн(я)зь рома^и кн(я)зе ондрѣвы дѣти мышш^икие К1-89, жена^т на ма^реце на кн(я)зе иванове прида^инои К1-86, на е^т кн(я)зе данилово имя К1-80, Федо^р кн(я)зе ма^тфѣе^в с(ы)нѣ меще^рс^кого К4-148.

Итак, в притяжательных конструкциях наблюдается вариативность форм князя, князь, княжиш, княжь, княже и князе, причем они могут варьироваться в одной фразе: у кабалы руки кня^ж федора да кн(я)зя васи^иа мышш^ицкихъ К1-118. Можно предположить, что в последних двух случаях княже и князе становились своего рода первыми частями сложных слов с соединительным гласным.

7. В современных севернорусских и западных среднерусских говорах распространены конструкции «И.п. имени + некоординируемая форма краткого страдательного причастия» типа курочка унесено, см. [Кузьмина, Немченко 1971: 29–36 и карта № 1]. В записной книге встречены такие конструкции наряду с конструкциями с координируемым причастием. Приведем некоторые примеры.

а) Причастие не координировано: и у ни^х прижыто в холоп^тве с(ы)нѣ нечаико да до^и матрушка К1-53, на кабалѣ по^дписано рука губново стросты К4-169, на заде данои написано рука ждана ты^ркова К1-39//39 об., на печати рѣзано пр(е)ч(и)с^тая на пр(е)с^толе со младенцо^м К4-96 об., печа^т печатано К4-118 об., печа^т писано К4-147, печа^т черчено К4-207 об., печати писано 230 об.

б) Причастие координировано: кабала писана К1-115 об., печа^т писана К4-22, 66 об., 119, у по^нны^х печа^т ув обио^х писана К4-212 об., послуси писаны К4-119, 138, прикажики <...> писаны К4-122 об., ... которые писаны К4-47 об.

При этом бывает, что две разнотипные конструкции стоят рядом: писано та^мга кня^жа вере^нсково да туто * писана птица К4-208.

Интересно заметить, что если в конструкцию вклинивается деепричастие, то причастие координировано всегда: и тѣ крипо^сти записа^в о^тданы са^ттанаку да роману кушелевымъ К1-5 об., и та по^нная кабала записа^в о^тдана са^мсону з бра^тею К1-7 об.//8, и та даная и кабала записа^в о^тдана богдану зеленину К4-223 (подобные случаи весьма многочисленны).

Таким образом, мы видим, во-первых, что конструкции с некоординируемым причастием, характерные сейчас для новгородских говоров, были достаточно распространены уже в XVI в. (в новгородских берестяных грамотах отмечены лишь единичные примеры — такие, как ж радатѣ не възато полѣ третѣ гривнѣ № 799, XII в., куплено по полу гривни роже а пшеница по сороку бес кѹни № 775, XIII в.), а во-вторых, что они еще сосуществовали с конструкциями, в которых причастие координировано.

Итак, в целом ряде звеньев грамматической системы новгородского диалекта конца XVI в. шли процессы перехода от одного состояния к другому, что и обусловило наличие вариантных форм и конструкций.

Источники

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.

Литература

Алпатова Е. А. Формы родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV–XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.

Галинская Е. А. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Жолобов О. Ф. Числительные / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.

Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Прилагательные / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III. М., 2006.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Elena A. Galinskaya

Moscow State Lomonosov University

(Moscow, Russia)

eagalinsk@mail.ru

GRAMMATICAL VARIATION IN THE LANGUAGE OF LATE 16TH CENTURY NOVGOROD BUSINESS WRITING

The article describes cases of morphological and syntactic variability as reflected in the *Book of Old and New Serfdoms in Novgorod Presented to the Clerk Dmitry Alyabyev* of 1597–1598 (RGADA, Fund 1144, Register 1, No. 1 and 4). It should be noted that only those phenomena which were outside the norms of the business language are considered. The *Book of Old and New Serfdoms* effortlessly reflects the phonetic features of the Novgorod dialect of the late 16th century; spellings reliably reflect grammatical features. The cases of variation are as follows:

1. In the Instr. Sg. Fem., the endings *-oju/-eju* and *-oj / -ej* coexisted, albeit with considerable dominance of *-oju / -eju*.

2. In the Loc. of the numeral *triye*, the original form *trekh* varied with an unusual form *trej* which came from Gen.

3. The construction “two / three / four / one and a half, etc. + form on *-y/-i*” coexisted with the construction “two / three / four / one and a half, etc. + form on *-a*” with predominance of the former.

4. Variability of the ancient type of quantitative constructions (numeral in Nom. / Acc. and the noun + coordinated words in the feminine form) and sporadic use of a new type (words coordinated in the plural) were observed.

5. Nominal and pronoun inflexions in the Dat. and Loc. Fem. of possessive adjectives coexisted.

6. In the possessive constructions there was variability amongst the forms *knyazya*, *knyaz'*, *knyazhii*, *knyazh'*, *knyazhe*, *knyaze*.

7. Uncoordinated forms of short participles coexisted with coordinated forms.

This variance of forms and structures was caused by processes of transition between states in the grammatical system of the Novgorod dialect of the late 16th century.

Keywords: Novgorod dialect of the late 16th century, historical morphology of Russian, historical syntax of Russian, grammatical variation.

References

Alpatova E. A. *Formy roditel'nogo-datel'nogo-mestnogo padezhey yedinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh s istoricheskoy osnovoy na *-a v pamyatnikakh pskovskoy pis'mennosti XIV–XVII vekov*. Thesis (Moscow State Lomonosov University). Moscow, 2005.

Galinskaya E. A. K istorii sinkretichnykh imennykh form v russkikh severo-zapadnykh govorakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 1991. № 5. S. 28–36.

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow, 2002.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*. Moscow, 1971.

Kuznetsov A. M., Iordanidi S. I., Krys'ko V. B. *Prilagatel'nyye (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Vol. III)*. Moscow, 2006.

Veselovskiy S. B. *D'yaki i pod'yachiye XVI–XVII vv.* Moscow, 1975.

Zaliznyak A. A. *Pravilo otpadeniya konechnykh glasnnykh v russkom yazyke*. In: Zaliznyak A. A. «*Russkoye imennoye slovoizmeneniye*» s prilozheniyem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu. Moscow, 2002. P. 550–558.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. Moscow, 2004.

Zholobov O. F. *Chislitel'nyye (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Vol. IV)*. Moscow, 2006.

С. В. Дьяченко

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svet-lan-a@list.ru*

Е. Г. Жидкова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
zhidkova_elena85@mail.ru*

А. В. Тер-Аванесова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
teravan@mail.ru*

ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ И ПЕРФЕКТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГОВОРАХ ПОД ОПОЧКОЙ

В работе дается описание форм и синтаксических функций причастий прошедшего времени и в первую очередь — их употребление в перфектных конструкциях в говорах Опочецкого р-на Псковской области. Материал представляет собой полную выборку контекстов с причастиями из приблизительно пяти часов аудиозаписей диалектной речи. В опочецких говорах и небольшой части соседних с ними тверских *ш*-причастия образованы от основы прошедшего времени (*явил-ши* и под.), что не встречается нигде за пределами этого небольшого ареала. Употребление полных и кратких форм, вид, залоговые формы причастий рассмотрены в связи с их синтаксическими функциями. Описано образование форм перфекта настоящего, прошедшего времени, сослагательного наклонения, отрицательных форм перфекта, диатезные типы перфектных конструкций, падежное маркирование субъекта и объекта. Согласование глагола-связки и причастий с подлежащим и их формы в случае отсутствия подлежащего охарактеризованы в связи с особенностями редукции /о/ в заударном конечном открытом слоге. Приводятся количественные данные по употреблению форм *н/т*-причастий, согласованных и несогласованных с подлежащим, в том числе несогласованных неусеченных форм (/дано/) и усеченных (/дан/); несогласованные формы совпадают с формами среднего рода. Опочецкие говоры имеют особую систему морфолого-диатезных типов

перфектных конструкций, выделяющую их среди других восточнославянских диалектов. Как и системам большинства северно- и среднебелорусских говоров, опочечкой системе свойственно строгое распределение залоговых форм причастий в зависимости от переходности/непереходности глагола; вследствие этого в объектно-результативных конструкциях выступают *н/т*-причастия от переходных глаголов, а в субъектно-результативных — *ш*-причастия от непереходных глаголов; в большинстве русских говоров это распределение нарушено. В отличие от белорусских говоров, в опочечких говорах, как и во всех русских говорах, знающих формы перфекта, агенс может быть выражен сочетанием «у+родительный/местный падеж»; как и в северо-западных русских говорах, в них возможно отсутствие согласования *н/т*-причастия с подлежащим, что для белорусских говоров нехарактерно.

Ключевые слова: псковские говоры, причастие, перфектные конструкции, лингвогеография.

Перфектным конструкциям в северо-западных русских говорах посвящена большая литература. Важнейшими диалектологическими работами по русско-му перфекту остаются монографии и статьи И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко и В. И. Трубинского, в первую очередь это [Кузьмина, Немченко 1971; Кузьмина 1975; Трубинский 1983; 1984]. Книга [Кузьмина, Немченко 1971]) представляет собой энциклопедию по синтаксису причастных форм в русских говорах, где описаны встречающиеся в русских говорах морфологические и диатезные типы перфектных конструкций и употребление причастий в других синтаксических функциях; в ней полностью учтен материал ДАРЯ, собственные экспедиционные записи авторов, собран и проанализирован материал диалектологических описаний первой половины XX в. Русские диалектные перфектные конструкции рассматривались в типологической перспективе, в сопоставлении с типами европейского перфекта [Недялков, Яхонтов 1983; Трубинский 1984; Плунгян 2016] и в ареальном аспекте — взаимовлияния перфектных (результативных) конструкций языков циркумбалтийского региона [Wiemer 2004; Seržant 2012; Arkadiev, Wiemer 2018]. Вместе с тем не пропала необходимость изучения перфектных конструкций в отдельных говорах. В работах, посвященных частным проблемам русских перфектных конструкций, уточняются ареалы употребления некоторых из них (например, о ситуации в архангельских говорах см. [Пожарицкая 2014]), уточняется характер варьирования форм перфекта в одном говоре (см., например, [Морозова 2004] о варьировании согласованных и несогласованных *-н/-т*-причастий в опочечком говоре старообрядцев на р. Иссе), предпринимались попытки установить условия употребления *ш*-причастий и форм прошедшего времени в одном селигеро-торжковском говоре [Рыко 2002]. Работ, посвященных системам перфектных конструкций в русских говорах немного, можно назвать [Маркова 1989; Эркер 2014]. Можно думать, что говоры различаются не столько набором, сколько частотой употребления тех или иных перфектных конструкций.

В настоящей работе мы попытались описать формы и синтаксические функции причастий прошедшего времени и в первую очередь их употребление в перфектных конструкциях в говорах Опочецкого р-на Псковской области, на материале, собранном в 2017 г. Перфектные формы и конструкции в опочецких говорах рассматриваются в этой работе в следующих аспектах: образование причастий прошедшего времени; синтаксические функции причастий и употребление полных и кратких форм; вид и залоговые формы причастий прош. времени в связи с их синтаксическими функциями; образование форм перфекта настоящего, прош. времени, сослагательного наклонения и отрицательных форм перфекта; падежное маркирование субъекта и объекта в разных морфолого-диатезных типах перфектных конструкций; формы глагола-связки и причастий в перфектных конструкциях, их согласование с подлежащим и их формы в случае отсутствия подлежащего. В описании акцент сделан на морфологии причастных форм, выступающих в разных синтаксических функциях (однозначно определить которые в диалектном тексте не всегда возможно). Задача работы состоит и в том, чтобы показать специфику опочецкой системы морфолого-диатезных типов перфектных конструкций, ее отличие от территориально близких ей восточнославянских систем.

Семантики форм перфекта мы почти не касаемся. Отчасти этот пробел восполнен тем, что в приложении к работе приводятся списки глаголов, от которых в нашем материале зафиксированы формы перфекта. Это два списка глаголов, от которых формы перфекта образуются при помощи *иш*-причастий и *н/т*-причастий. Списки представляют собой сводку данных, на которые мы опирались и которые были получены в результате полной выборки контекстов с формами причастий прош. времени из некоторого объема сплошных расшифровок аудиозаписей речи носителей говоров.

Опочецкие говоры по диалектному членению К.Ф. Захаровой — В.Г. Орловой [1970] относятся к среднерусским говорам Псковской группы. На юге они граничат с южнопсковскими говорами Невельского, Себежского и Пустошкинского р-нов Псковской обл., до 1929 г. входивших в состав Витебской губ.; эти говоры относятся к Западной группе южнорусского наречия, по [Захарова, Орлова 1970], однако ранее считались говорами белорусского языка в составе его северо-восточного диалекта [Карский 1903; Опыт 1915]. Н.Н. Дурново считал опочецкие говоры севернорусскими, смешанными с белорусскими [Дурново 2000: 77], тот же взгляд на эти говоры отражен и на карте Е.Ф. Карского.

Историко-диалектологическая реконструкция племенного диалекта кривичей, предложенная С.Л. Николаевым, показала, что только в современных говорах окрестностей Опочки представлен весь набор явлений, восходящих к древнему кривичскому диалекту, его псковской ветви [Николаев 1988; 1989]. Таким образом, смешанные с синхронной точки зрения говоры в результате классификации на основании специально отобранных явлений, существенных с точки зрения исторической фонетики и акцентологии, оказываются «центральными». Вместе с тем на современной диалектологической карте эти говоры выделяются рядом «эксклюзивных» изоглосс. Это особые (1) правила редукции безударных гласных:

в предупредительной позиции аканье и сильное яканье практически без отклонений, в конечной безударной позиции факультативно сохраняется оканье и ёканье, а также «расширение» гласных верхнего подъема *и* и *ы*, см. [Образование 1970: 372; Чекмонас 2002; Дьяченко и др. 2017]; (2) система флексий презенса — компромисс между «белорусской» (чередование тематических [е] и [о] в презенсе глаголов I спряжения) и «псковской» (окончания 3 л. без *-ть*) системами; (3) система флексий *а*-склонения; и, наконец, особая система перфектных конструкций (ее, как будет показано ниже, тоже можно рассматривать как компромисс между северо-восточной белорусской и псковской системами).

1. Образование причастий прошедшего времени. Суффиксы причастий

Причастиями прош. времени мы будем называть производные формы глагольной парадигмы с суффиксами *-ш-*, *-н-*, *-т-*, как изменяемые (собственно причастия), так и неизменяемые (деепричастия). Как известно, деепричастия исторически восходят к причастиям и представляют собой «застывшие» формы именительного падежа ед. числа действительных причастий. В русских диалектных перфектных конструкциях изменяемые страдательные причастия прош. времени и неизменяемые действительные причастия прош. времени (деепричастия) параллельно употребляются в составе сказуемого, и, учитывая эту их общую синтаксическую функцию, в работах по русскому диалектному синтаксису принято называть те и другие причастиями, см. в частности [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1984].

Действительные причастия прош. времени в опочечских говорах образуются с помощью суффикса *-ш-* непосредственно от основы форм прош. времени. Глаголы с основой претерита на гласный: *явѣлшѣ*, *спалшѣ*, *нагнулшѣ*, *пѣкалѣлшѣ* и т. п.; ну-глаголы с основой претерита без *-ну-*: *размѣкшѣ*; атематические: *ѣлшѣ*; С-корневые глаголы: *памѣршѣ*, *вырѣшѣ*, *замѣршѣ*, *атцвѣлшѣ*, и лишь у глагола *идти* *ш-*причастие образуется «этимологически правильно» от основы претерита: *ушѣлшѣ*, из **šьd-ъš-i*. В речи старшего поколения суффикс причастий *-лшѣ-* представлен практически без исключений (см. ниже о территориальном распространении этой формы суффикса), среднее и младшее поколение носителей говоров предпочитает стандартную форму суффикса *-вшѣ-*.

В примерах *закрѣлшѣ*¹ 2х ЕНМ¹, *приѣхалшѣ* ЛСО представлен редкий фонетический вариант суффикса *-ш-*, обусловленный изменением [ш]>[с] после согласного. Смешение [ш] и [с], как известно, является древней псковской особенностью, но в современных говорах видна тенденция к замене [ш] на [с] в соседстве с согласным [Глускина 1962; Николаев 2005: 94–112]. По данным [ДАРЯ II, карта 112], в 1950-е гг. в опочечских говорах был зафиксирован вариант *ушѣлшѣ* (или *ушѣлшѣ*, наряду с *ушѣлшѣ*), отражающий то же фонетическое изменение [Николаев 2005: 108]; однако нами было отмечено только *-шѣлшѣ*.

¹ См. список информантов в конце статьи.

В географическом плане образования на *-ли-* (с согласным *л*) практически не выходят за пределы компактного ареала, границы которого очерчиваются линией: верховья р. Великой до впадения в нее Иссы, включая населенные пункты по ее левому берегу — Опочка — Новоржев — Великие Луки [ДАРЯ II, карта 111]. Форма суффикса *-ли-* действ. причастий прош. времени, таким образом, является одной из «эксклюзивных» опочецких изоглосс. В пределах указанного ареала в двух населенных пунктах зафиксирована форма *ушóлшы* [ДАРЯ II, карта 110], образованная в соответствии с «опочецким» инновационным правилом образования *ш-*причастий².

Конечный безударный гласный неизменяемых действительных причастий прош. времени (деепричастий) — [ы] или, гораздо реже, [е] (*-(л)шы* или *-(л)ше*). Варьирование гласных в данном случае, видимо, объясняется фонетически — факкультативным расширением конечного безударного гласного верхнего подъема, представленным и в других разрядах слов, например в прош. мн. *пíли* / *пíле* [Чекмонас 2002; 2004; Дьяченко и др. 2017: 266–267].

Распределение суффиксов *-н-* и *-т-* страдательных причастий прош. времени тривиально; об особенностях образования и ударения страдательных причастий прош. времени см. [Дьяченко и др. 2017: 289–291]. Краткие и полные *н-*причастия имеют в суффиксе один *н*.

2. Синтаксические функции причастий прошедшего времени. Полные и краткие формы причастий

В опочецких говорах, как и в литературном языке, с разными синтаксическими функциями связано употребление полных (*н/т-* и *ш-*причастия), кратких (*н/т-*причастия) и неизменяемых (*ш-*причастия) форм, см. таблицу 1. Полные и краткие формы причастий в этих говорах морфологически различаются достаточно отчетливо: примеры со стяжением гласных в результате выпадения интервокального *j* единичны, зафиксированы в окончаниях прилагательных и глаголов [Дьяченко и др. 2017: 267–268].

В табл. 1 указано приблизительное количество примеров причастий прош. времени в разных синтаксических функциях, поскольку в диалектном тексте не всегда можно определить эти функции однозначно. В нашем материале отчетливо выделяются депиктивные употребления, для которых характерны полные формы причастий (пункт Б). Довольно хорошо разграничиваются употребления неизменяемых

² Интересна западная граница этого ареала: она приблизительно совпадает с границей распространения флексии *-е/ Р., Д., М.* падежей ед. ч. и счетной формы существительных *а-*склонения (*сястрé*), западнее этой границы распространены системы с флексией *-и/ в* этих падежах (*сястры́*). Обе изоглоссы проходят по территории Опочечкого р-на, так что говоры старообрядцев на Иссе включаются в основной «опочецкий ареал», а говоры Барсановской волости (мы располагаем данными по д. Рогаткино), видимо, примыкают к более западным говорам Красноборского р-на Псковской обл., где еще в первой четверти XX в. население говорило на языке сету (авторы благодарят Петра Кеянова за этот комментарий).

и-причастий в роли обстоятельств (пункт Г) и их предикативные употребления в составе форм перфекта; здесь морфологическим критерием разграничения может быть залог причастия, см. раздел 6. Более или менее отчетливо выделяется группа атрибутивных употреблений (пункт А), возможные иные трактовки примеров из этой группы указаны ниже.

Таблица 1

Синтаксические функции причастий прош. времени; полные, краткие, неизменяемые формы причастий

	Полные формы	Краткие и неизменяемые формы
Определение	15	1 (краткая форма)
Депиктив	2	—
Сказуемое в перфекте	5	336 (краткие и неизменяемые формы)
Сказуемое не в перфекте	3	—
Обстоятельство	—	9 (неизменяемые <i>и</i> -причастия)

Сложность представляет разграничение предикативных «перфектных» и «неперфектных» употреблений полных *и/т*-причастий (полные *и*-причастия, видимо, отсутствуют случайно), все примеры приведены в пункте (В).

А. Атрибутивные употребления причастий прош. времени представлены 15-ю примерами из нашей выборки; краткая форма страд. причастия выступает только в примере (6), прочие демонстрируют полные формы. Среди примеров есть одиночные причастия (1), (2), имеющие при себе указательное местоимение *такой/такей* (3)–(5), причастные обороты с зависимыми словами, выражающими субъект действия (6)–(7) или средство (8); в примерах (9)–(10) причастия входят в группу сказуемого. В примерах (11)–(12) причастия *крещёный*, *провождёный* ‘по ком отслужена заупокойная служба’ можно считать атрибутами при опущенном определяемом имени или дополнениями.

- (1) *Виданая* дефчѡнка... *А ужѡ фспѡмнить не магѹ, ужѡ фсѣ ѡ меня з галавѣ выѡшло. Вот пѡмню я, виданая, я тябѣ давнѡ ня видила?* ЕГЯ;
(Эту) девочку *случалось видеть* (мне раньше). А уже вспомнить не могу, уже всё у меня из головы вышло. Вот помню я, что *случалось видеть*...
- (2) *И ѣтът лён малѡчънѣй, ф прудѣ, мачѣли* ЕНМ;
И этот лён *молоченый* — в пруды, мочили (из рассказа об обработке льна).
- (3) *Вот кѹплиные такѣе ф стѣнке* ЕГЯ;
Вот *купленные* такие в шкафу (купленные на рынке старообрядческие кресты, в отличие от старинных литых крестов).
- (4) *Аддѣланѣй такѣй, красѣвенький, ф кѣлидѡре стайтъ он сичѣс. Такѡй, и он кѣк, и аддѣланѣй такѡй* ЕГЯ;
Отделанный такой, красивенький, в коридоре стоит он (сундук) сейчас.
- (5) *Навязывайе рѣз бѣба, а в мянѣ ужѡ рѣзвѣравали, и крѣстѡв нет... дѣньги бѣли — взяла и купѣла. Тѣк вѡт, в мянѣ ф кивѡде ляжѣтъ вот ѣтът лимѣнивий... И такѣй вот влѣтъѣй, пѣляжѹ, на магѣлкѣх ужѣ* (крест) ЕГЯ;

- Навязывает раз торговка на рынке, а у меня уже разворовали, и крестов нет. Деньги были — взяла и купила, так вот, у меня в киоте лежит вот этот алюминиевый. И такой же вот *вмурованный*, я вижу, уже на кладбище (возможно перфектное прочтение: И такой вот *вмурован*, вижу, на кладбище).
- (6) *Там мо́же вот в сунду́ке ка́кие-то я ду́му е́сь са́тканы́ када хо́ш пѣлатѣ́нцы. Ии́ше в ма́ме как-то яны, тка́ла и яна́ са́ма. На́ряде э́тот ста́в. И та́м вот ы тка́ла. Я ду́маю еи́ше йе́сть шма́ты ка́кие-то тка́ные, ф са́мой ЕГЯ; Там, может быть, вот в сундуке какие-то, я думаю, есть вы́тканные, если хоче́шь (посмотре́ть), полоте́нца. Еще́ ма́ма как-то их... и тка́ла она́ са́ма. О́снуёт э́тот ста́нок, и на нѣ́м вот и тка́ла. Я ду́маю, е́щё е́сть куски́ полотна́ ка́кие-то тка́ные, е́ю са́мой.*
- (7) *А вот в ма́ме што тка́ные там, то е́сть шма́ты, фсе́ фки́нуты в э́тѣм сунду́ке ЕГЯ; А вот ма́ма кото́рые тка́ла там, то е́сть куски́ полотна́, все́ заки́нуты в э́тот сунду́к³.*
- (8) *Эту ста́рѣя па́стро́йка, га́рела́ так стра́ишь! Шы́фирѣм крѣ́тъя, шы́фир бра́сае́ куды хо́ш, к на́м г до́му, у мя́ня за до́м зѣки́да́ль вон ту́да ЕГФ; Это́ ста́рая по́стро́йка, го́рела́ так стра́шно! Кры́тая ши́фером, ши́фер бро́сает куды́ попало́, к на́шему до́му, у мя́ня за до́м заки́дало вон ту́да.*
- (9) *Ки́пы — ка́да сѣ́вязаны́ е́ты, сѣ́напы́. А еф там ки́п навя́зѣно́ мно́гу! ЕГЯ; Кипы — это́ ко́гда сѣ́ззаны́ сно́пы. Вон там кип навя́зано́ мно́го!*
- (10) *То́к — ну, це́ментѣм за́ли́тае фсе́ АЯЕ; То́к — ну, все́ за́лито́е це́ментом.*
- (11) *Прѣ́вади́тъ фся́гда пра́вѣдо́ють. А ни́прѣва́жѣ́ных — кто втѣ́пищѣ́ не пра́вѣдо́ють, и кто за́дави́щѣ́ ни пра́вѣдо́ють. Э́тъ у́же бе́с при́нимае... Бе́с вла́де́я. На то́е кла́ду́тъ, то́лько ни́прѣва́жѣ́ныи ЕНМ; Отпе́вать — все́гда отпе́вають. А не отпѣ́тых — кто уто́пится — не отпе́вають, и кто пове́сится — не отпе́вають, это́ у́же бе́с при́нимает. Бе́с вла́деет. (Их в до́ме) кла́дут на то́ же (ме́сто), то́лько (они́) не отпѣ́тые.*
- (12) *Ви́ти не́т шасна́щѣ́тъ ле́т, вот тябе́ и крѣ́щѣ́ной ЕНМ; Вити́ нет в жи́вых ше́стна́дцать ле́т, вот те́бе и кре́щѣ́ный (а некрѣ́щѣ́ные жи́вы).*

Б. Причастия в депиктивной функции:

- (13) *При́диши ро́зѣвинѣ́кий, размя́кши́й (из бани) АЯЕ;*
- (14) *Тяпе́рь да́лжны́ де́ти хади́тъ ф шко́лу пѣ́дга́товле́ные ЗИИ.*

³ С атрибутивным прочтением этого примера: 'а которые *тканые* мамой, то есть шматы, все закинуты в этом сундуке' может конкурировать прочтение, при котором *тканые* является сказуемым относительного придаточного 'а которые *тка́ла* ма́ма шматы, закинуты...'. В других примерах относительных придаточных сказуемое в перфекте выражено кратким *н/т*-причастием: *Ф ка́во́ и до́м ку́плен* — *прие́дутъ, неде́льки дѣ́ве па́буду́тъ* — *дѣ́сѣви́да́нье* 'Кто купил дом, приедут...' ЕНМ; *Ка́то́рѣй чѣ́лаве́к да́н, то́т на́ки́дывае́, сѣ́язѣ́ и ски́не* 'Кого назначили, тот набрасывает на воз, отвезет и выгрузит' ЕНМ. Ср. также с *и*-причастием в изъяснительном придаточном: *Нау́тро фста́ѣм и гля́де́м, ка́ко́й расѣ́ывѣ́лиши* 'Утром встаём и глядим, какой цветок расцвёл' АЯЕ.

В. Предикативные «неперфектные» употребления, по-видимому, представлены у немногих полных форм причастий прош. времени. «Неперфектная» трактовка сказуемых кажется предпочтительной, если причастие — несовершенного вида (см. примеры (15)-(17)); в этих примерах глаголы, от которых образованы причастия, называют способы обработки предметов, а причастия (*крашеный, копанный, кошенный*) — качества предметов или результаты действий, актуальных как таковых (актуальность их результатов не соотносена с определенным временным планом, что характерно для перфектных значений). Для четырех примеров полных причастий совершенного вида (18)-(21) можно предполагать «перфектное» прочтение. Однако в примерах (20)-(21) контекстное соседство предикативных кратких и полных причастий при описании одной и той же ситуации (*все в сарае в этом сожжѣны* и *народ сожжѣнный был* в примере (20); *посажѣнный он туды* и *туда влит* в примере (21)) может свидетельствовать либо о возможности варьирования полных и кратких причастий в перфектных формах, либо о семантическом различии полных и кратких форм: выражении полными формами значения качества, а не результата действия. О синтаксической функции формы *тканые* (7) см. в сноске 2.

- (15) *Рáньшѣ жѣ бѣли некрáшыные* АЯЕ;
Раньше же были некрашенные (полы).
- (16) *Ну прудѣ такіе. В прудѣ вода. Ну ани навёрнѣ копъные, етъ без менѣ капáли* ЕНМ;
Ну пруды такие, в пруду вода. Ну они, наверное, копанные, это копали, когда меня тут не было.
- (17) *А вездѣ бѣла не вы́къшена. Ската́-тъ нѣтъ в дярѣвни, тáм теперѣ жьлѣц то́ка дѣржа скати́ну, ската́-тъ нѣтъ. Ну вот. Фсѣ няко́шънае, па ёту́й травѣ фсѣ паи́ло* ЕГФ;
А везде было не выкошено. Скота-то нет в деревне, там теперь съёмщик только держит скотину, скота-то нет. Ну вот, всё некошенное, и по этой траве пошёл огонь.
- (18) *Жалѣ́знѣи но́жики, там рязи́на па́дбѣ́тъя* ЗИИ;
Железные ножки, внизу подбитая резина.
- (19) *Кто пагѣ́п, а кѣ́то и пѣ́калѣ́чнѣ́й, а кто и аста́лся жьывѣ́й* ЕНМ;
Кто погиб, а кто и раненый, а кто и остался живой (в аварии).
- (20) *Гварѣ́тъ, с... ребѣ́тѣнки фси ско́рну́лишы, фси ф с ё́тъ, ф сара́е в э́тъм сажѣ́жо́ны, и фси наро́тъ сажѣ́жо́нный* был ЕГФ;
Говорит (очевидец): дети все скорчились, все в сарае в этом сожжены. И все, люди были сожжѣнные.
- (21) *И ё́н тудѣ́ вме́ришы, па́са́жѣ́нѣ́й он туды, и вот ба́льшѣ́й та́ко́й, лимѣ́невѣ́й... вот та́ко́й ба́льшѣ́й и тудá вли́тъ* ЕГЯ;
И он (крест) туда (в надгробную плиту) намертво влип, вставленный он туда. И вот большой такой, алюминиевый... вот такой большой, и туда вмурован.

Г. В роли глагольных модификаторов (обстоятельств), как и в литературном языке, в опочецких говорах выступают неизменяемые *ш*-причастия, образованные от переходных и непереходных глаголов. Напротив, в роли сказуемых в перфектных конструкциях залоговые формы причастий строго распределены в зависимости от переходности / непереходности глаголов, и перфектные формы с *ш*-причастиями образуются только от непереходных глаголов (см. раздел 6). Ниже материал по причастиям в роли обстоятельств приводится полностью.

В примерах (22)–(25) неизменяемые *ш*-причастия образованы от переходных глаголов. В примере (23) возможна трактовка *забра́лиши* как образования от переходного глагола *забрать* или от непереходного *забраться*. В (22)–(23) *ш*-причастия могут быть интерпретированы и как формы перфекта наст. времени, выступающие в роли сказуемого (однако в этом случае они, будучи образованы от переходных глаголов, являются исключением из правила о соотношении залоговых форм причастий и переходности, свойственного формам перфекта) или как неизменяемые причастия в роли глагольного модификатора. В примерах (24–25), а также (43) предпочтительна трактовка *ш*-форм как модификаторов глагола, обозначающих действие, предшествующее другому, выраженному финитной формой.

- (22) *Ады́а́ль скы́нълишы, балта́е нага́м* ЕНМ;
Скинув одеяло, болтает ногами ~ Скинула одеяло, болтает ногами (о тяжело больной).
- (23) *В долк забра́лишы, атрабаты́вьтъ на́дъ* ЕНМ;
Забравшись в долги, надо отрабатывать ~ Взяв в долг, надо отрабатывать ~ В долги забрался, (и теперь) надо отрабатывать ~ (Если) забрал в долг, (то) надо отрабатывать.
- (24) *Паши́, рей абмъла́ти́лишы, а мужы́кы ко́сютъ, а ба́бы тада гра́бють грабля́м* ЕНМ;
Пошли, обмо́лотив овин; а мужики косят, а бабы гребут граблями.
- (25) *Я иду́ каро́вы пѣда́и́лишы, ни магу́ даже ниско́лька шага́тъ* ЕНМ;
Я иду, подоив коров — совсем не могу шагать (из-за ушиба).

Неизменяемые *ш*-причастия от непереходных глаголов выступают в функции модификаторов глагола, обозначая действие, предшествующее действию, названному финитной формой (26)–(27), или являющееся его причиной (28)–(29):

- (26) *А я ви́дела тихо́нку, што ё́н стаи́тъ пришо́бчы, я взя́ла спря́талася и не пѣказа́лася* ЕГЯ;
А я видела из укрытия, что он *пришёл* и стоит (=стоит *пришед*), я взяла спряталась и не вышла к нему.
- (27) *А я аде́лася так з гълаво́й, гълаву́ аде́ла, ляжу́ прити́хшы* ЕГЯ;
А я накрылась так, с головой, голову накрыла, *притихла* и лежу (=лежу *притихнув*).
- (28) *Мне и та́к наро́т нѣдае́л хадѣ́лишы к тябе́* ЕГФ;
Мне и так люди надоели, *тем что постоянно ходят* к тебе (=надоели *ходя*).

- (29) *Каво́ мне де́лътъ, нѣда́ели звани́лишы* ЕГФ;
Что мне делать, надоели, *тем что всё время звонят* по телефону (=надоели звоня).
- (30) *И как ты жы́ла ни гуля́лишы, как ты карьми́лася?* ЕГЯ;
И как ты жила *не гуляя* (т. е. ничего в жизни не видела)?

Обращает на себя внимание «ярко диалектный» характер употребления *ш*-причастий в примерах (26)–(30). В частности, «литературным» аналогом *ш*-причастий от глаголов несовершенного вида в примерах (28)–(30) являются деепричастия наст. времени, но даже при подстановке таких форм на место *ш*-причастий, как в наших «переводах» примеров (28)–(29), мы не получаем стандартных употреблений.⁴

3. Вид причастий прошедшего времени

В формах перфекта употребляются причастия совершенного вида. Исключением могут быть формы *элиши* и *не элиши* (пример (43)), однако предпочтительна «неперфектная» трактовка причастий в этом примере, см. раздел 5, *не спáлишы* (106), *ткáные* (7). На употребление причастий прош. времени несовершенного вида в других синтаксических функциях ограничений, по-видимому, нет: *виданая* девчóнка (1), *лён молóченный* (2), *шматы́... ткáные* в маме (6), (7), *пострóйка... шифером крýтая* (8) (причастия в роли атрибутов); *некрáшенные* (полы) (15); *они навёрно кóпанные* (16); *всё некрóшеное* (17) (причастия в роли предикатов, не в формах перфекта); *надоел ходи́лиши, надоели звони́лиши, жила не гуля́лиши* (28)–(30) (неизменяемые причастия в роли обстоятельств). Примеры, кроме (2), (6)–(8), (15), (17) демонстрируют схожие значения ‘обработанный некоторым способом’. В примере (1) представлено редкое в опочечких говорах экспериенциальное значение причастия прош. времени ‘девчонка, которую мне доводилось видеть = которую я видывала’; примечательно, что это значение, считающееся развитием перфектного значения [Горбова 2016], выражено причастием в атрибутивной функции.

4. Формы перфекта

Формы перфекта образуются при помощи вспомогательного глагола *быть* и причастия прош. времени, действительного или страдательного.

Вспомогательный глагол в форме прош. времени и сослагательного наклонения согласуется с подлежащим в роде и числе; если подлежащее отсутствует или

⁴ Между тем в восточнорусских говорах такие употребления встречаются: *Он надо́ёт тебе́ ходя́* (о бегучей собаке, которую хозяйка вынуждена разыскивать по деревне) Пустоша Шатурск. Московск.; подобные примеры приводятся в [Кузьмина, Немченко 1971: 200–209]. Ср. также *Не работа́ не заплóтят* ‘Если не работал, тебе не будут платить пенсию’ Шеино Шатурск. Московск.; и с *миш*-причастием: *И вот не рабо́тавши им де́ньги* ‘И вот, хотя они не работали, получают пенсию’ Пустоша Шатурск. Московск.

выражено количественным сочетанием, связка имеет форму ср. рода⁵ с окончанием *-/o/*. В настоящем времени вспомогательный глагол опускается.

Действительные причастия, или *и*-причастия, — неизменяемые.

Страдательные причастия, или *н/т*-причастия, как правило краткие (полные формы встречаются крайне редко, все примеры, которые могут иметь «перфектную» трактовку, приведены выше в разделе **2В**), могут быть согласованы или не согласованы в роде и числе с каноническим подлежащим. Несогласованные формы бывают двух видов: 1) неусеченные — совпадающие с формой ср. рода, с окончанием *-/o/* (*написано / написанъ / написана*) и 2) усеченные — совпадающие с формой муж. рода, с нулевым окончанием (*написан*); последние развиваются из форм ср. рода путем усечения конечного гласного [Трубинский 1983: 216]. В перфектных конструкциях без подлежащего и в случаях неканонического подлежащего *н/т*-причастие имеет форму ср. рода, неусеченную или усеченную.

Определение грамматической характеристики глагола-связки и *н/т*-причастия затруднено омонимией некоторых их форм, обусловленной фонетически и акцентуационно. Для опочечких говоров характерна факультативная редукция заударной */o/* в конечном открытом слоге, иначе говоря, варьирование форм с конечными безударными [*o*], [*ъ*], [*a*] на месте */o/*. В нашем материале форма ср. рода трижды встретилась без редукции: [*бы́ло*] ЕГЯ, АЯЕ 2х, 13 раз — с редукцией конечного гласного⁶, ср. об */o/* в причастных формах в разделе 7.

Все формы прош. времени *V*-корневых глаголов в опочечких говорах имеют ударение на корне независимо от праслав. акцентной парадигмы глагола (за исключением ударения на некоторых приставках и частице *не* у глаголов а. п. с *быть* и *дать*, подробнее см. [Дьяченко и др. 2017: 288–289]). Эти особенности редукции и ударения приводят к частичной омонимии форм ж. и ср. рода глагола-связки в прош. времени: м. *бы́л*, ж. *бы́ла, бы́ль*, ср. *бы́ло, бы́ль, бы́ла*, мн. *бы́ли, бы́ле*. Тем не менее синтаксическая дистрибуция форм связки свидетельствует о согласовании ее с подлежащим и употреблении форм ср. рода при отсутствии подлежащего, см. разделы 7–9.

Формы *н/т*-причастий имеют накоренное или насуффиксальное ударение [Там же: 289–291], поэтому формы ср. рода отличаются от форм ж. рода причастий только в тех случаях, когда конечная заударная */o/* представлена как [*o*].

⁵ Употребление форм ср. рода в тех же условиях в балтийских языках принято называть дефолтным согласованием, см., например, [Arkadiev, Holvoet, Wiemer 2015].

⁶ [*o*] в соответствии с */o/* в заударном конечном открытом слоге гораздо более последовательно произносится в говоре старообрядцев на р. Иссе, чем в основном массиве опочечких говоров, расположенных восточнее. Однако и говору старообрядцев свойственна факультативная утрата лабиализации аллофонов */o/* в этой позиции. Постулирование не знающего исключений сохранения [*o*] у старшего поколения носителей этого говора [Чекмонас 2004; Морозова 2004] приводит к необходимости трактовать формы *н/т*-причастий с конечными [*a*] и [*ъ*] как отсутствие согласования причастия с подлежащим, при котором причастие выступает в форме женского рода [Морозова 2004], что представляется нам ошибочным. Однако это не уменьшает значимости работы Н. А. Морозовой и не снижает ее высокую оценку.

Редукция /о/ до [а] или [ъ] приводит к омонимии форм ж. и ср. рода, которая может быть лишь частично снята с учетом контекста, поскольку, в отличие от форм глагола-связки, формы *н/т*-причастий могут быть согласованными и несогласованными с подлежащим. Кроме того, омонимичны формы *н/т*-причастий м. рода, согласованные с подлежащим, и усеченные несогласованные формы, ср. в следующих клаузах:

Дом продана; Дамá продана (/продано/: причастия ср. р., несогласованные неусеченные формы);

Карóва продана (/продана/: ж. р., согласованная форма, или /продано/: ср. р., несогласованная неусеченная форма);

Всё продана (/продано/: ср. р., согласованная или несогласованная неусеченная форма);

Дом продан (/продан/: м. р., согласованная форма, или /продан/ < */продано/: ср. р., несогласованная усеченная форма);

Карóва продан; Всё продан; Дамá продан (/продан/ < */продано/: ср. р., несогласованные усеченные формы).

Грамматическая характеристика сказуемого, в состав которого входят неизменяемые *иш*-причастия, может быть установлена только по форме связки прош. времени или сослагательного наклонения и по контексту.

Формы перфекта прошедшего времени с отрицанием. В формах перфекта прош. времени частица *не* ставится перед причастием, если в предложении нет других отрицательных слов:

(31) *А вездé **бы́ла не вы́къшена*** (А везде было не выкошено) ЕГФ;

(32) *А ётъ ярмънки, **бы́ль не спáлишы*** АЯЕ;

А когда ярмарки — не спали (=было не спалиш; т.е. в те дни молодежь не ложилась спать).

Если в предложении есть второе отрицание, то частица *не* ставится перед глаголом-связкой:

(33) *Ни разу **не был вы́гнът** с рабо́те* ЕГЯ;

(Сын) ни разу не был выгнан с работы.

(34) *Я выхажу́, он там дъмыва́е катёл — о, бап, ф тябя́ так никада́ **не было вы́чышишън***, как я вы́чысьтил катёл. Я гърю, ну и мьладéц ЕГЯ;

...ты так никогда не вычищала (= у тебя не было вычищен(о)), как я вычистил котёл.

Формы перфекта в условных и оптативных конструкциях. В условной ирреальной конструкции зафиксирована форма перфекта прошедшего времени без частицы *бы*:

(35) *Эсли п не ба́пки, уш и́а давно́ **зъхарóнен бы́ла*** ЕГЯ;

Если бы не бабки (знахарки), уж меня бы давно похоронили (=я была захоронен(о)).

Ср. перфект наст. времени в условных конструкциях, выражающих реальное условие:

(36) *Ёсьли твой расцвѣлши, ты будиш жыть баўато, а ёсьли не расцвѣлши, то, то ты, ну как: жыдѣ будиш, а тихоничко* АЯЕ;

Если твой цветок расцвёл — ты будешь жить богато, а если не расцвёл, то как: жить будешь, но потихоньку (гадание на Иванов день).

Форма перфекта прошедшего времени представлена при союзе *чтоб*:

(37) *Приказываю, штоб бы́ли приѣхали* Сярёшка с Ольгой, *штоп* Ольга *напѣла* АЯЕ;

Прошу, чтобы *приехали* Серёжка с Ольгой.

В оппозитивной конструкции с союзом *хоть бы* отмечена форма перфекта наст. времени:

(38) *Ходь бы адин струк асталиш* (*Хоть бы* один стручок гороха *остался*) ЕГЯ.

5. Залог причастий в формах перфекта

Залог причастий в формах перфекта в опочецких говорах зависит от переходности/непереходности глагола: переходные глаголы образуют формы перфекта со страдательными причастиями, непереходные, в том числе возвратные, — с действительными; в формах перфекта суффикс *-ся* у причастий от возвратных глаголов отсутствует. Вот несколько примеров опочецкого употребления перфектных форм от переходных и непереходных глаголов:

(39) *У мяня тапѣрь аста́лиш* там анна́ или дьвѣ нибальшѣнькии кнѣишкѣ, а та́к, фсѣ́ там ф цѣ́рьквѣ аста́вленъ, што́ мне фсѣ́ и ня на́да, то́льке са́мые гла́вные ЕГЯ;

У меня сейчас *остались* там одна или две небольшие книжки, а все остальные *оставила* (=оставлено) в церкви, потому что мне все и не нужны, только самые главные.

(40) *Ну ёто та́м нѣста́ялиш* ёт адува́н ЕНМ;

Ну это там *настоялся* этот одуванчик (о приготовлении настойки для растирания).

(41) *И вы́лит* та́кой ба́льшѣ́нный стука́н ка́кой-то ш ча́во-ту там, с э́той с ызвѣ́стки, там што́-то бе́лаѣ, што́ там, ш ча́во разво́дють, *развѣдѣ́на* ка́кая-нить ка́шыца́й, и ё́н туды́ *вме́риш*, *наса́жанэ́й* он туды́, и вот ба́льшѣ́й та́кой, лимѣ́невый, вот та́кой ба́льшѣ́й, и тудá *вли́т* ЕГЯ;

И *отлит* такой огромный истукан (памятник) какой-то, из чего-то там, из известки; там что-то белое, что там, что разводят — что-то *развели* кашницей, и он (крест) туда *влил* намертво, *вставленный* он туда; и вот такой величины, алюминиевый, вот такой большой, и туда *вмурован* (описание надгробия со старообрядческим крестом).

Данное распределение иллюстрируется материалом в приложении к статье. В опочецких говорах по реке Великой это правило практически не знает

исключений. Немногие исключения из этого распределения, то есть *иш*-причастия от переходных глаголов и *н/т*-причастия от непереходных в составе перфектных форм, имеют, по-видимому, общерусское распространение (примеры (42)–(44); см. [ДАРЯ III (2), карта 1]; далее приводим все встретившиеся, в том числе спорные примеры.

А. Перфектные формы глаголов *выпить* (42) и *есть* (43). В последнем примере неизменяемое причастие *елиши* может иметь двоякое прочтение: как формы перфекта наст. времени — сказуемого основной предикации или как глагольного модификатора:

- (42) *Пáрњи фсегдá **выпилиши** на девятник* ЕНМ;
Парни всегда *пьяные* на девятник⁷.
(43) *Мы то́ ли **э́лиши**, то́ ли **не э́лиши**, зя́млю капа́им* ЕНМ;
Мы то ли *ели*, то ли *нет*, землю копаем ~ Мы, то ли *поев*, то ли *не поев*...

Б. Перфектная форма от непереходного (*про*)*гореть* образована с суффиксом *-н*⁸:

- (44) *Зга́рoда ма́ленька **бы́ла пръга́рѣн*** ЕГФ.
Немного *прогорела* изгородь (=была *прогорѣн(о)*).

В. В нескольких случаях характер основы, от которой образована перфектная форма, не может быть однозначно установлен. В примере (45) *наио́бччы* может быть образовано от переходного *найти* или непереходного *найтись*; в первом случае отклонение от правила соотношения переходности глагола и залоговой формы причастия можно объяснить влиянием очень частотных непереходных производных от основы *идти* (см. приложение); образование от *найтись* соответствует правилу. В примере (46) — образование от неясной диалектной основы: *прозабыть* или *прозабыться* ‘забыть всё, потерять память’. Причастие *заны́лиши* в примере (47), видимо, от *заняться* и соответствует основному правилу.

- (45) *Мам, **бы́л** у тея до́ш?* — *Да так, тока не́скулька ка́плей в вядрэ **наио́бччы*** ЕГФ;
Мам, был у тебя дождь? — Да так, только несколько капель в ведре (*я*) *нашла* ~ *нашлось*.

⁷ Престольный праздник в д. Барабаны, день ярмарки.

⁸ Предикативные *н/т*-причастия от этой основы фиксируются и в восточнорусских говорах, ср. в говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл.: *Бы́ла́ был клю́ква тут ря́дом, а всё сго́рело. Тепе́рь там всё **сго́рѣто***. В восточнорусских говорах редкие образования такого рода от непереходных глаголов встречаются в системах, для которых характерны объектно-результативные конструкции с предикативными *н/т*-причастиями от переходных глаголов (*Дом по-строен*) и субъектно-результативные конструкции с предикативными *иш*-причастиями от ограниченного числа непереходных и переходных глаголов со значением состояния: *Он (не) е́миши, (не) пи́миши, (не) спа́миши, вы́пимиши, со́гну́миши* и под., см. [Кузьмина, Немченко 1971]; к этому типу относится и русский литературный язык, ср. обсуждение форм типа *Он выпимиши* в [Ландер 2005].

- (46) *Вот ви́диши в мя́ня ско́льки сабы́тий фся́ких бы́ль. И я ъи́ше ня всё забы́ла. Та́к уже я **пръзабы́лишы**, а вот как за́гва́рила, ии́шо вот ы па́мьть е́сь, мно́гу гадо́в мне!* ЕГЯ;
И я ещё не всё забыла. Так-то уже я (всё) *перезабыла*, а вот когда начала говорить — ещё вот память есть. Много лет мне! ~ Так-то уже я *забылась* (потеряла память)...
- (47) *Сын въпи́ва́я, а вну́к не ву́пива́я. Ну мьладе́й, нъ рабо́ту хо́дя, **заны́лишэ** фсе́ дяла́м, рабо́туй* ЕГЯ;
Сын выпивает, а внук не выпивает. Ну молодой, на работу ходит, *занят* (занялся) всё делами, работой.

Таким образом, «исключения» из правила о соответствии между залогом причастий в формах перфекта и переходностью/непереходностью глагола таковы: не являются; поэтому альтернативные «перфектные» прочтения *ш*-причастий в примерах (22)–(25), по-видимому, следует отклонить и считать, что в них *ш*-причастия от переходных глаголов выступают в синтаксической функции глагольных модификаторов (обстоятельств).

В говоре старообрядцев на Иссе в конструкциях без подлежащего изредка встречаются формы перфекта, образованные *н/т-причастиями от непереходных глаголов*. Н. А. Морозова приводит четыре таких примера, при том что проанализированный ею материал составляет около 500 контекстов:

- (48) *Хърашо ня жы́то;*
(49) *Пахо́жано, пъстра́мствъно;*
(50) *Вся́ко, гъва́рить ли, рабо́тано* [Морозова 2004: 190].

В этом можно видеть влияние северно- или среднепсковских говоров на говоры по р. Иссе (возможно, отличия от основной массы опочецких говоров отражают миграции старообрядцев или приток к ним населения из других районов Псковской области).

6. Падежное маркирование субъекта и объекта в перфектных конструкциях

Семантический субъект в конструкциях с предикатом — действительным причастием обычно выражается И. падежом (примеры 51–52); этот диатезный тип конструкций принято называть субъектно-результативными [Недялков, Яхонтов 1983; Трубинский 1983]. Субъект состояния может быть выражен Д. падежом (53).

- (51) ***Жалуды́к** ати́ехалишы на́ три сънтиме́тра* ЕГФ;
Желудок отъехал (сдвинулся в сторону) на три сантиметра.
- (52) *Вот **он** у меня бы́л... та́кой по́лный зы́делалишы, пе́ряпра́вилишы. Как ры́бе не́т — так фсе́, никаво́ ня и́йсьть* ЕГФ;
Вот он (кот) у меня было *сделался* такой полный, поправился. Как рыбы нет — всё, ничего не ест.
- (53) *А **мне́** и со́н был сасни́лишы* (А мне и сон приснился) ЕНМ.

В перфектных конструкциях с предикатом — страдательным причастием субъект (агенса) регулярно выражается сочетанием «предлог у (*в*) + «родительный-местный» падеж: его флексии совпадают с флексиями родительного падежа в ед. числе (54) и с флексиями местного падежа во мн. числе (примеры (55)–(56)); во мн. числе для различения Р. и М. релевантны только формы существительных. Контаминация окончаний Р. и М. при предлоге у связана с фонетическим неразличением предлогов *и и *въ и встречается только в говорах с неразличением этих предлогов; это явление отмечается во всех псковских, в южнорусских воронежских говорах [Малышева, Тер-Аванесова 2016]; точные его ареалы неизвестны⁹.

- (54) *Ета фсё в явб былъ акóшена* ЕГЯ;
 Это всё он (тогда) **выкосил** (=всё у него было окошено).
- (55) *Хоть бы адін струк астáлишы, фсё уже в кры́сах ъбмьлóчън* ЕГФ;
 Хоть бы один стручок гороха остался, **всё** уже **обмолотили** **крысы** (=всё у крысах обмолочен(о)).
- (56) *Мáмка гварíть а́на в Стрéлине, там ф пъртизáнъх заны́та* ЕГФ;
 Мама говорит: она в Стрелине, там **ее** **захватили** **партизаны** (=она у партизанах занята).

Изредка в перфектных конструкциях с предикатом — страдательным причастием субъект выражается Т. падежом (57).

- (57) *Фсё нажы́т са́мой* (Всё сама нажила (=всё нажит(о) *самой*)) ЕГФ.

В опочечких, как и в других северо-западных говорах, такой способ выражения субъекта (агенса) встречается в конструкциях со сказуемым, в состав которого входит страдательное причастие, и подлежащим, выражающим семантический объект, — объектно-результативных [Трубинский 1983: 218] (см. примеры (54)–(56) и ниже в разделе 8), а также в конструкциях без подлежащего — безличных результативных [Там же: 217–218] (см. примеры (110)–(113) в разделе 9). В типологической литературе объектно-результативные и безличные результативные конструкции с выражением агенса сочетанием предлога с формой Р. падежа получили название «агентивный перфект» [Seržant 2012], «посессивный перфект» [Плунгян 2016: 27], «вторичный посессивный результатив» [Трубинский 1983: 221–222].

Семантический объект в перфектных конструкциях со страдательным причастием обычно выражается И. падежом (примеры (58)–(59), и никогда — В. (примеры вроде *Корову подоено*, известные в восточноновгородских говорах, в опочечких говорах отсутствуют).

⁹ В опочечких говорах при предлоге у (*в*) < *и- «родительный-местный» падеж употребляется также в посессивных конструкциях: *Вот такі дела в ба́бе* (Вот такие дела у бабы) ЕНМ; *А ф про́шльм гаду́ — ой, ва фсѣх мно́га яблѣк (...у всех много яблок)* ЕНМ; *Ранѣшы цыгáни — был у них вазжáк, в цыгáнѣх, ф тábьре* (Раньше цыгане — был у них вожак, у цыган, в таборе) ЕНМ; *А думáють, ф пиньсианѣрах дѣньги* (А думают, что у пенсионеров есть деньги) ЕИИ. Аблативное значение того же предложно-падежного сочетания: *Куплю бáнку мьлáкá в сасѣда* (у соседа) ЕНМ.

- (58) *А чым эты **пирогі** нчы́нѣна: **свѣкла** напа́рен, на тѣртку натѣрт* ЕНМ;
А чем эти пироги начинены (=пироги начинёно): свѣкла напарена, на тѣрке натѣрта (=свѣкла напарен(о), натѣрт(о)).
- (59) *Эсли п не ба́пки, уи **я** давно́ захаро́нен бы́ла* ЕГФ;
Если бы не бабки (знахарки), меня бы уже давно похоронили (=я захоронен(о) была).

Отмечены случаи выражения прямого объекта Р. падежом — в конструкции с отрицанием (60) и при выражении количества (61).

- (60) *Не, нам **льго́т** не да́н* ЕНМ;
Нет, нам не дали льгот (=льгот не дан(о)).
- (61) *Пагляжу́ — и тапе́рь **фсё** в мяня **каво́-то** нары́то; там **фсякии** **кака́я-то** то́ча бы́ла ра́ньше, тка́ли ставы́ бы́ли, **то́чы** **како́й-то** нало́жънъ, падру́шники **какіе-то** и **сеча́с** **ста́рые**. **Каво́-ту** нары́то **туды** **фсяво́**, **фсячына*** ЕГЯ;
Посмотрю — и сейчас всё у меня чего-то накидано (в сундуке), там всякие — какая-то точка (полотно) была раньше, ткали — ставы были, — наложено какой-то точки, полотенца какие-то старые и сейчас. Чего-то накидано туда *всего*, всячина.

7. Перфектные конструкции с каноническим подлежащим

В нашем материале около 330 примеров перфектных конструкций. Большинство примеров — это конструкции с синтаксическим подлежащим, в меньшей части подлежащее отсутствует.

Для нашей темы важно разграничить подлежащие, выраженные одиночными именами и местоимениями в И. падеже или сочетаниями типа *Серезжа с Олей*, *Серезжа и Оля* (канонические подлежащие, с которыми сказуемое согласуется в роде и числе), и подлежащие, выраженные количественными сочетаниями (неканонические подлежащие, при которых сказуемое имеет форму ср. рода).

Согласование сказуемого в роде и числе с каноническим подлежащим выражается в первую очередь в форме глагола-связки прош. времени. Примеры (62)–(63) демонстрируют согласование связки с подлежащим м. рода ед. ч., примеры (65)–(67) — с подлежащим ж. рода ед. ч., примеры (68)–(69) — с подлежащим ср. рода ед. ч., примеры (64), (70), (83) — с подлежащим мн. числа. Согласование подлежащего и глагола-связки прош. имеет место в формах перфекта сослагательного наклонения (примеры 35, 37).

Н/т-причастие может быть согласовано или не согласовано с подлежащим, в последнем случае оно имеет усеченную или неусеченную форму ср. рода. На варьирование согласованных, несогласованных неусеченных форм и несогласованных усеченных накладывается факультативная редукция конечного /о/, и все это вместе приводит к омонимии части словоформ причастий (см. выше раздел 4).

Наличие/отсутствие согласования *н/т*-причастия с подлежащим однозначно определяется в том случае, если подлежащее имеет форму мн. числа: согласованные

причастия имеют окончание *-[ы]*: *кресты бы́ли отда́ны* (70), *дама́ про́даны* (78), *сделаны́ у́ши* (116); несогласованные неусеченные — *-/o/* (фонетически *-[ъ]* или *-[а]*): *суха́ри прае́дена* (79), *дама́ купле́на* (80); несогласованные усеченные не имеют окончания: *ста́рыи пало́жън* (81).

При подлежащем м. рода в нашем материале различаются неусеченные несогласованные причастия с окончанием *-/o/* (*-[ъ]* или *-[а]*) — *он был ро́жена, был привезе́на* (63), *мага́зин закрýтъ* (72) — и согласованные и несогласованные усеченные формы, которые совпадают друг с другом: *пъзванóчник разби́т был* (64), *вкíнут па́спърт* (71).

При подлежащем ж. рода противопоставлены несогласованные усеченные формы причастий, не имеющие окончаний — *нага́ была́ сла́ман* (66), *маги́ла вы́къпън* (73) — и совпадающие друг с другом в силу неразличения */o/* и */a/* в заударном слоге согласованные и несогласованные неусеченные формы, те и другие имеют окончания *-[а]/-[ъ]*: *бы́ла ба́йня пѣста́влена, пакрýта* (67).

Наконец, при подлежащем ср. рода (а также в безличных конструкциях и конструкциях с неканоническим подлежащим) выступают усеченные или неусеченные формы среднего рода предикативных *н/т*-причастий. Первые не имеют окончания: *пальто́ былъ ишы́т* (69), *акно́ аткры́т* (77), вторые имеют окончание *-/o/*, которое может быть представлено как *[o]*: *што́-нибудь не забы́то* (74), *ухó пате́рено* (75) или как *[а]/[ъ]*: *зды́льнь фсе́* (76).

Неизменяемое *ш*-причастие в составе форм перфекта или нулевая связка настоящего времени, понятно, согласования с подлежащим не выражают: *отец был устроили́и* (62), *кости́ были выроси́и* (64), *яна состари́иши, я оста́ишы, вси вмѣ́ришы* (65), *лицо́ было переверну́иши* (68), *я подгои́иши* (82).

- (62) Ну ате́ц примѣ́рна **был** как-тѣ устро́ишы — *спла́в гна́ли лес на ряке́* ЕНМ; Отец тогда вроде как-то *устрои́лся* на работу — *сплав гнали, лес по реке* (=оте́ц был устро́ишы).
- (63) А он семимѣ́сичный **был ро́жена, был привезе́на** ЕГФ;
А его (внука) *родили* семимесячным и *привезли* (=он был ро́жено, был привезе́но).
- (64) **Бы́ла разби́ишы, пѣзванóчник разби́т был** весь. Вот тут *бальши́ишы* ко́стки **бы́ли вы́ръишы** ЕГФ;
Я тогда *разбилась, разби́ла* весь позвоночник. Вот тут *выросли* большие косточки (=я была *разбили́иши*; *позвоночник был разби́т* (или *разбит(о)*); *кости́ были выроси́иши*);
- (65) И яна́ ужó **саста́риишы бы́ла**, и яна́ *кака́я-то безуро́нная, кто́ ей гдѣ састро́ил там бу́тку, анна́ жы́ла, вроде у ей́ никаво́ не́ было. Гъва́ри́тъ, што́ я бажѣ́свенна **аста́ишы**, давно́ фси **вмѣ́ришы** ЕГЯ;
И она́ уже (к тому времени) *состари́лась*, и она не имела родственников, кто-то где-то построил ей домик, жила одна, вроде, у нее никого не было. Говорит, что я *осталась* божественной (монахиней), *все* родные давно умерли (=она́ *соста́риишы бы́ла, я оста́ишы, все умѣ́риши*).*

- (66) *И нага́ **бы́ла** сла́ман* ЕНМ;
Носу тогда сломала (=нога́ была сло́ман(о));
- (67) *То́ка **бы́ла** ба́йня **пъста́влена, пакры́та, и** фсе́* ЕНМ;
Только баню поставил, покрыл, и умер (=байня была поставлена, покрыта или поставлено, покрыто).
- (68) *У йой лицо́ фсе́ **бы́ль** тудá **пириверну́лишы*** ЕГФ;
У нее тогда всё лицо на бок перекошилось (=лицо было перевернулиши).
- (69) *Мне и пальто́ од **бы́ль** зымнийо **шишит*** АЯЕ;
Мне и пальто вот зимнее тогда сшили (=пальто было сшит(о)).
- (70) *Крясты́ рэзвэрава́ли фси́. Бы́ль, крэст предабрэ́цкый-предабрэ́цкый, ёто... в ба́тьки в маво́ в ро́ннава, и он как уйэхал сперва́ ешишо где-то, и было́ крясты́ ба́льшы́е в йево́ бы́ли. И мне́ **бы́ли** адда́ны* ЕГЯ;
Кресты разворовали все. Был крест предобрецкий, это у батьки моего родного, и он как уехал сперва еще куда-то, и тогда у него были большие кресты. И мне тогда (их) отдали (=кресты) были отданы).
- (71) *Ф камо́т **фкинът** пáспэрт* ЕГЯ;
В комод бросила паспорт (=вкинута паспорт).
- (72) *Мага́зин **закры́тъ, а** ёты ж кэбаки́ день и но́т таргую́тъ* ЕНМ;
Магазин закрыт, а эти же кабаки день и ночь торгуют (=магазин закрыто).
- (73) *Зьплати́л за ёту маши́ну, задвину́ли гроб, паёхэ́ли, маги́ла **вы́кэпън**, апусьти́ли, зэкапа́ли и паи́ли* ЕНМ;
Заплатил за эту машину, задвинули гроб, поехали, могила выкопана, опустили, закопали и пошли (=могила выкопан(о)).
- (74) *Што́-нибу́тъ ёто и фсе́ так, ыи́ше й ни **забы́то*** ЕГЯ;
Что-нибудь это и всё так, ещё и не забыла (=что-нибудь не забыто).
- (75) *Он ты ви́диши — ухо́ **патэ́рено, гла́с** **патэ́рен**, два́ инва́лида жы́вэ тут, я и он* ЕГЯ;
Он (кот), ты видишь — ухо потерял, глаз потерял, два инвалида живёт тут — я и он (=ухо потеряно, глаз потерян или потерян(о)).
- (76) *Тяпе́рь **зьде́льнъ** фсе́ ни па-мо́ему, фсе́ па-сво́иму* ЗИИ;
Теперь всё сделали не по-моему, всё по-своему (=всё сделано).
- (77) *Сквозня́к — акно́ **аткры́т*** ЗИИ;
Сквозняк: окно открыто (=окно открыт(о)).
- (78) *Там какие́ дама́ **про́дъны** — прие́жжа́ють* ЕНМ;
В дома, которые продали там, приезжают (=дома проданы).
- (79) *Хвати́лась — уи ма́й суха́ри фси́ **праё́дена*** ЕГФ;
Хватилась — уж мои сухари все прогрызли (мыши) (=сухари проедено).
- (80) *Вот в Ба́раба́нъх и дама́ **ку́плена*** ЕНМ;
В Барабанах и дома купили (=дома куплено).
- (81) *Где ста́рыи **пало́жън**, тудá и мьлады́х кла́ду́тъ* ЕНМ;
Где похоронены старые (т. е. родители), туда, в ту же могилу, хоронят и молодых (т. е. их детей) (=старые положен(о)).

- (82) *Дѣ фся, я и па вѣсу и пѣ фсямѹ, я пѣдгаишѣлишы, какъ с таво свѣту приишѣччы* ЕГФ;
 Да вся, я и по весу и по всему, я дошла, как будто пришла с того света (=я подгошилиши).
- (83) *Там бѣли асташи свѣкръ, и свѣякрѣвка — фси пирамѣрѣли* ЕГЯ;
 Там остались свѣкор и свекровь — все поумирали.

В табл. 2 представлено количественное распределение предикативных *н/т*-причастий без окончания, с окончаниями *[-a]/[ъ]*, *[-o]*, *[-ы]*. В таблице приводится количество форм с указанными окончаниями в конструкциях с подлежащим ж., м., ср. рода и мн. числа, а также в безличных конструкциях и конструкциях с подлежащим — количественно-именным сочетанием.

Таблица 2

Флексии *н/т*-причастий в конструкциях с каноническим подлежащим ж., м., ср. рода и мн. числа, безличных конструкциях и конструкциях с неканоническим подлежащим

	М.р.	Ж.р.	Мн.ч.	Ср.р.	Безл.	Колич.-именные сочетания
-#	26 (7) (1)	36 (1) (12)	17 (0) (9)	9 (0) (3)	8 (2) (1)	7 (0) (1)
-o				4 (3) (0)	1 (1) (0)	3 (3) (0)
-a, -ъ	8 (1) (1)	24 (6) (3)	13 (0) (0)	6 (1) (0)	16 (6) (0)	4 (1) (0)
-ы			12 (7) (0)			

Жирным шрифтом указано общее число примеров в нашем материале, первая цифра в скобках — число примеров у ЕГЯ, вторая цифра в скобках — число примеров у АЯЕ.

На основании табл. 2 можно сделать некоторые выводы о количественном соотношении согласованных, несогласованных неусеченных и усеченных форм причастий в составе сказуемого перфектных конструкций. Хотя наш материал представляет собой полную выборку причастных форм из имеющихся текстов, он, по-видимому, недостаточен для того, чтобы адекватно отразить это количественное соотношение. Так, соотношение числа усеченных и всех других форм неодинаково при подлежащем ж. рода (36:24), мн. числа (17:25) и ср. рода в конструкциях с подлежащим и без него (24:34). Вместе с тем, в двух последних синтаксических позициях это соотношение довольно близкое: усеченные формы составляют 40–41 % от общего числа форм. О соотношении числа несогласованных и согласованных форм можно судить по позиции при подлежащем мн. числа: они соотносятся как 30:12. У причастий при подлежащих м. и ж. рода различие согласованных и несогласованных форм скрыто их частичной омонимией.

Табл. 2 показывает, что формы причастий ср. рода с безударным окончанием *[-o]* в нашем материале являются редкостью: они встретились всего 8 раз (7 раз у ЕГЯ и 1 раз у ЕГФ), причем только при подлежащем ср. рода и в разных типах безличных конструкций. Формы с редукцией гласного в этой позиции, т. е. с *[-a]* и *[-ъ]*, зафиксированы в 26 примерах, а при подлежащем м., ж. рода и мн. числа представлены только формы с редукцией в окончании (ср. в разделе 4 о конечном гласном в форме глагола-связки). Более архаичную картину показывают данные Н. А. Морозовой по говору старообрядцев: формы причастий с окончанием

-[о] встретились 4 раза при подлежащем м., ж. рода и мн. числа и 34 раза — при подлежащем ср. рода и в безличных конструкциях, в то время как формы с редукцией зафиксированы лишь 9 раз [Морозова 2004: 185–208]. Выше уже говорилось, что говор старообрядцев сохраняет [о] в заударном конечном слоге более последовательно, чем опочечские говоры Повеличья, а эти последние составляют большую часть нашего материала. Вместе с тем примечательно, что ЕГЯ, которую интервьюировала Н. А. Морозова, когда той было чуть больше 70 лет, в разговоре с нами продемонстрировала устойчивую тенденцию к согласованию *н/т*-причастий с подлежащим и довольно редко употребляла усеченные формы.

В табл. 2 учтены данные по двум информантам, ЕГЯ 1927 г. р. и АЯЕ 1938 г. р., они показывают, что распределение вариантов у информантов различно и, по-видимому, коррелирует с возрастом. Усеченные формы причастий типа *сделан* независимо от наличия/отсутствия подлежащего преобладают у самой младшей информантки АЯЕ; идиолекты ЕНМ и ЗИИ близки в отношении употребления форм страдат. причастий; в целом меньше релевантных несогласованных форм у ЕГЯ и ЕГФ.

8. Конструкции с неканоническим подлежащим

Конструкции с неканоническим подлежащим в нашем материале представлены примерами, в которых подлежащее выражено количественными сочетаниями и родительным падежом прямого объекта. Сказуемое во всех этих случаях имеет форму ср. рода.

Количественные сочетания в роли подлежащего — это сочетания И. падежа квантификатора: количественного числительного (84)–(87), собирательного числительного (87), местоимений *сколько* (88), *сколько-то* (89), *несколько* (45), а также *много* (90)–(91), *вовсю* (92), *полные две деревни* (86) с именами или местоимениями в Р. п. К неканоническим подлежащим можно отнести случаи выражения прямого объекта Р. падежом в конструкциях со сказуемым — *н/т*-причастием, имеющих отрицание или выражающих неопределенное количество (примеры (60)–(61)).

- (84) *В мяня **быль** насушън два мяшкá сухарей ямú* ЕГФ;
Я насушила ему (коту) два мешка сухарей (=у меня было насушен(о) два мешка).
- (85) *Гъварить, уже два мяшкá **накладень**, абирáють с той пълавине, ф тябя фсё ииас съвязуть* ЕГФ;
Говорит: уже наложили два мешка, собирают с той половины деревни, у тебя сейчас всё увезут (о мародерстве во время войны) (=два мешка накладено).
- (86) *А нас там **сагнán** нарóду пóльные двѣ дерѣвни* ЗИИ;
А нас там согнали полные две деревни народу (=нас согнан(о) две деревни народу);
- (87) *Нас пятера **астáлишы**. Барабáньски три чылавѣка **астáлишы**, и фсё, а эты — дамá наку́плинь, приѣдутъ уѣдутъ, и фсё. И ф Сярóських там два чылавѣка **астáлишы*** ЕНМ;

- Нас пятеро осталось. Барабанских три человека осталось, и всё, а эти — накупили домов, придут-уедут, и всё. И у Серовских там два человека осталось.
- (88) *Ско́лькѣ прѣ вайну́ сло́жѣнъ пѣсин* (Сколько про войну сложено песен) ЗИИ;
- (89) *Вот свѣкрѣви бѣлъ там ско́лько-то да́дин со́ток* АЯЕ;
Свекрови тогда сколько-то там дали соток (=сколько-то соток было даден(о)).
- (90) *А эф там кип навязано мно́гу! А, там кип мно́гу накі́дано* ЕГЯ
А вон там навязали много кип сена (=навязано много кип).
- (91) *Мно́гѣ, карто́шки мно́гѣ пасѣ́жѣнъ* (картошки много посажено) ЗИИ;
- (92) *Вво́лю синяко́в панѣ́шѣн* ЕНМ;
Сколько хочешь синяков было за всю жизнь (= вволю синяков поношено).

9. Перфектные конструкции без подлежащего

Перфектные конструкции без подлежащего представлены в говоре *безличными* предложениями со сказуемым в форме ср. рода. Средний род сказуемого выражается формой связки прош. времени: *бы́ло* или, в случае редукции конечного гласного, *бы́ла/бы́лъ*; а также формой *н/т*-причастия: неусеченная форма причастия ср. рода имеет окончание {о} (*зала́мано* или, в случае редукции, *вы́къшена/зде́льнѣ*), усеченная форма ср. рода не имеет окончания (*вы́ръбѣтън*).

Безличные перфектные конструкции представлены следующими группами примеров.

А. Конструкции с *н/т*-причастиями, в которых субъект и объект не выражены (отсутствуют, неизвестны или несущественны). В таких клаузах обычно имеются обстоятельства, иногда выражается бенефактив (94)–(96). В литературном языке этим конструкциям, как правило, соответствуют безличные предложения со сказуемым — страдательным причастием.

- (93) *Там же про́писью ф паспѣрѣти бѣлъ записѣн*, что я з два́цать дивѣтоо го́ду ЕГФ;
Там же прописью в паспорте было записан(о), что я с 29-го года.
- (94) *Зна́чит су́жѣна та́к, вот ы мнѣ так су́жѣна* ЕНМ;
Значит, так суждено, вот и мне так суждено.
- (95) *Мнѣ бы́ла зде́льнѣ* (Мне было сделано, т. е. на меня навели порчу) ЕГФ;
- (96) *Дѣвк, тябѣ зде́льнѣ, и зна́ши, си́льнѣ крѣпкѣ ззе́льнѣ* ЕГФ;
Девка, на тебя навели порчу, и ты знаешь, навели очень сильно (=тебе сделано).
- (97) *Туда́ зде́льнѣ што рѣзварѣчы́вѣцѣ* ЗИИ;
Туда сделано, чтобы разворачиваться.
- (98) *У нас там, у мя и избы-то ба́льшии, ме́ста п хватѣло, дѣ и зала́маны, и в до́ме зала́мано. И та́м и шкапы́ наку́плены, и крава́ти, там фсе́ заста́влено* ЕГЯ;
У меня и комнаты-то большие, места б хватило, но и заставлены, и в доме заставлено.

- (99) *А, да, да, нъзывáлися пáлицы. Вот примернъ дасóчка, а к ётуй вото тák прарéзанъ. Ана шыро́кая, а ёта — в руку́ взятъ* ЕНМ;
А, да-да, назывались палицы. Вот, например, досочка, а к этой ее стороне вот так *прорезано*. Она широкая, а эта прорезь — чтобы можно было взять в руку. (Возможен ж. род *прарéзанъ*, в этом случае предложение неполное.)
- (100) *А тагда́-та сьне́гу не́ былъ, зимá была́ бессне́жная. А вездé **бы́ла не вы́кошена**. Ската́-тъ не́т в дяре́вни, та́м тепе́рь жыле́ц тока́ де́ржа скати́ну, ската́-тъ не́т* ЕГФ;
...а везде было не выкошено.

Б. Конструкции с неизменяемыми *ш*-причастиями, в которых не выражен субъект; их литературными аналогами являются безличные предложения со сказуемым в форме прош. времени ср. рода, см. (101)–(103).

- (101) *Тебе зде́лнъ, тябе **астáлишы жы́ть** нямно́га* ЕГФ;
Тебе сделано (т. е. на тебя навели порчу), тебе *осталось* жить немного.
- (102) *Спаси́бъ ма́льцы прие́хли ма́й. Паши́л, гъваря́тъ, што́-тъ там па́хне ды́мъм, Бо́рька с Ле́нькѣй паши́ли, а там уже́ ба́льшѹи́шим гъламя́нъм **вы́гърелишы**, то́къ што́ не зга́релишы шатѐр з драва́м* ЕГФ;
...а там уже большущим пятном *выгорело*, едва не сгорела поленница.
- (103) *Вот туды́ к Макси́мхе, там тапе́рь **заро́бишы*** ЕГЯ;
Вот туда в сторону Максимихи — там теперь заросло.

В. Безличные конструкции с *ш*- и *н/т*-причастиями, в которых не выражены ни субъект, ни объект действия, однако они известны из контекста. Некоторым клаузам в литературном языке соответствуют неполные предложения (104)–(105), (107), другим — неопределенно-личные.

- (104) *Яблѹки вяза́ли тут в Бъраба́нхъ, то́же **бы́ль пи́ривярну́лишы*** ЕНМ;
Яблоки везли как-то раз в Барабанах — тоже *перевернулись* (=было перевернулиши, т. е. перевернулся грузовик, который вез яблоки).
- (105) *В Апо́чки тут рабо́ты не́ былъ — он на се́вер, **бы́ль уе́хлишы*** ЕПЕ;
В Опочке тут работы не было — он на север, *уезжал* (=было уехалиши).
- (106) *А э́тъ я́рмънки — **бы́ль не спа́лишы*** АЯЕ;
А это (когда) уличные гуляния, (мы) *не спали* (=было не спалиши).
- (107) *А ёто не́мцы жглі́ — атку́до пѣрьтиза́ны би́ли, ёты ж ди́рявня́ фси жглі́. Па пе́рвосси фси с наро́дом бы́ли сажжѹн. В ё́тъм, в Ме́линке, в А́ртыо́хъве, ф Стре́лине, та́м жъ с наро́дъм **бы́ль сажжѹн*** ЕГФ;
А это немцы жгли, откуда партизаны стреляли, эти ж деревни все жгли. По-началу все (деревни) с людьми были сожжены. В этом, в Меленке, в Артюхове, в Стрелине — там же с людьми *сожгли* (=было сожжено).
- (108) *Ф Филё́ве **бы́ль** у на́с **пу́шишън**. Ну, вот тák анна́ пѣлавинъ, тут се́ни, а тут в друго́й пѣлавине́ жы́ли де́душкъ з ба́бушкѣй, а та́я пѣлави́на бы́ла да́ден нам ну, зва́ли ра́ньше изба́-чита́льня, мы хади́ли тудá гуля́ли вот* АЯЕ;

В Филёве у нас *пустили* (=было *пущено*). Ну вот так одна половина избы... ту половину дали нам, ну, раньше называли изба-читальня, мы ходили туда гулять вот (т. е. сельская администрация разрешила молодежи собираться на посиделки в избе-читальне).

- (109) *А я вот уже после вайны́, со́рѣк чатьвѣртый гот, уже ѡсвѣбжѣн была, а я уже зямлю́ капала* ЕНМ;
А я вот уже после войны — 44-й год, уже *освободили* (=освобожден(о) было) — я копала землю.

Г. Конструкции с *н/т*-причастием, в которых агенс выражен сочетанием «предлог *у* + родительный-местный», а объект не выражен. В этой группе объединены примеры, в которых объект ясен/известен из контекста (110–112), как в примерах группы В, и примеры, в которых объект не определен или несуществен (113), как в группах А и Б.

- (110) *Я выхажу́, он там дѣмывае катѣл — о, бап, ф тябя́ так никада́ не́ было вычы́ишн*, как я вычистил котёл. *Я гѣрю, ну и мѣладѣц*. (Ты никогда так не *вычищала*, как я вычистил котёл (=у тебя́ не было *вычищен(о)*)).
- (111) *В мя́ тапѣрь, ну я уже и забуваюся, дѣчушка, вот ты гаварыш и вот ётъ, ско́льке знако́мых придуть, а в мяня́ ужо ка́к пѣзабы́тъ* ЕГЯ;
У меня теперь... ну я уже и забываюсь, дочушка. Вот ты говоришь и вот это — сколько знакомых придут, а я уже вроде (их) *позабыла* (=у меня *по-забыто*).
- (112) *Бѣлай вѣтка и накида́н карѣнья. А у меня на́кно́ былъ на́ста́влен* ЕГФ;
Водка, и накинано корень (или Р. *коренья*; состав настойки для растирания). А я *поставила* на окно (=у меня было *поставлен(о)*).
- (113) *И ѡ нас́ былъ вы́кышнѣ, а́тава то́къ былъ аста́лишы. Падро́ишы, но фсе́ равно́ дѣ таво́ стра́ишн гарѣла* ЕГФ;
И мы *выкосили* (=у нас было *выкошено*) (возможно, здесь посессивное у нас, а не выражение агенса, в этом случае данный пример близок к (100)).

По примерам В и Г можно видеть, что в опочецких говорах известные из контекста субъект или объект действия в перфектных конструкциях могут быть опущены, а сами конструкции в этом случае оформляются как безличные, т. е. их сказуемое имеет форму ср. рода. Однако омонимия форм как *н/т*-причастий, так и, в меньшей степени, глагола-связки в прош. времени, нулевая связка в наст. вр. и несклоняемость *ш*-причастий часто приводят к невозможности разграничения на основании морфологических критериев безличных, неполных предложений и предложений с однородными сказуемыми. Так, к группе Г, по-видимому, можно отнести примеры с *н/т*-причастиями и нулевой связкой (114)–(115), к группе В — примеры (116)–(118); во всех случаях, разумеется, есть возможность трактовки этих предложений как неполных с несогласованными причастиями в составе сказуемого (114)–(115) или как однородных сказуемых в предложениях с подлежащим (в примерах (116)–(118)). Скорее всего, причастия согласованы с подлежащим в примерах (119)–(120) и выступают в составе сказуемых неполных предложений.

- (114) *У мяня **выръбътън**, я рабѣтъла ф калхѣзе* ЕГЯ;
Я выработала (= у меня выработано) (возможно, неполное предложение:
у меня выработан (стаж)).
- (115) (А вы из колодца берёте воду?) — *Я качаю, мне **правѣден** у сына* ЗИИ;
Я качаю, мне сын провёл (воду) (=проведен(о) у сына) (возможно, неполное
предложение: *Мне проведена (вода) у сына* или *Мне проведен (водопровод)*
у сына).
- (116) *Здѣльны к этым лаптям такие вѣшы, с нѣтъкъ **сплѣтена**, нѣзываюцѣ*
абѣры, вот тагда замѣтаеш вакрук нѣкъ и паиѣл ф пѣле. Шиытай дѣ калѣна
матѣи ЕНМ;
Сделаны к этим лаптям такие уши, из ниток *сплетено* или *сплетены*, назы-
ваются обѣры (=сплетено: сказуемое ср. рода безличного предложения или
несогласованное причастие в составе однородного сказуемого при подлежа-
щем мн. ч. уши).
- (117) *Дом ф Парядине и сечас, **не продана*** ЕНМ;
Дом в Порядине есть и сейчас, *не продано* (несогласованная неусеченная
форма ср. рода в безличной конструкции или однородное сказуемое при
подлежащем дом).
- (118) *Дан с съцапѣки, приходя* ЕНМ;
Дали из соцопеки, приходит (помощница по хозяйству) (=дан(о), несогласован-
ная усеченная форма ср. рода: сказуемое в безличном предложении или сказу-
емое при опущенном подлежащем *помощница* в неполном предложении).
- (119) *Танькъ паишлѣ, у какоѣ плѣтъѣ **адѣта**!* АЯЕ;
Танька пошла, в какое платье одета!
- (120) *Вот ѣхная дѣчка маѣм рабѣтникѣм и есь, з заишиѣте **дѣна*** ЕНМ;
Вот их дочка и есть мой работник, (ее) дали из социальной защиты.

10. Предложения без подлежащего и со сказуемым, выраженным неизменяемыми *и*-причастиями

Предложения без подлежащего и со сказуемым, выраженным неизменяемыми *и*-причастиями, в нашем материале встретились главным образом с нулевой связкой, что не позволяет однозначно определить грамматическую характеристику сказуемого и, следовательно, тип односоставного предложения. Как показывают примеры, приведенные в разделе 9, для опочецких говоров характерны безличные перфектные конструкции (со сказуемым в форме ср. рода), субъект или объект которых названы в более широком контексте или ясны из конституации; их аналогом в литературном языке являются неполные предложения. Это обстоятельство не позволяет исключать безличные предложения и в примерах (121)–(125). Вместе с тем множественное число субъекта, устанавливаемое из контекста в примерах (121)–(123), не столь очевидным образом — в (124), позволяет предполагать в этих примерах и неопределенно-личные односоставные конструкции. В примере (125), возможно, представлено неполное предложение.

- (121) *Вот зьдесь **приёхлышы**, то́жъ вод два́цц фтаро́въ ужé уйежжа́ють* ЗИИ;
Вот здесь приехали, тоже 22-го уже уезжают.
- (122) *Жы́ли там, с Апóчки **приёхафышы*** (Жили там, приехали из Опочки) ЕПЕ.
- (123) *А в дярэ́вни наро́ду нет, **вбе́кшы** з дамо́ф* ЕНМ;
А в деревне народу нет, убежали из домов.
- (124) *Там **расстро́илишы**, там бог знае што* ЕНМ;
Там построили много домов, там бог знает что.
- (125) *Я в го́рђе ня жы́ла, ну, **бы́ль съехлышы** так мале́нькь з де́тям* АЯЕ;
Я в городе не жила, ну отъезжала ненадолго к детям (была/было съехалиши).

11. Вместо выводов. Залог причастий в формах перфекта: лингвогеографический аспект

Опочечское распределение залоговых форм причастий в составе форм перфекта в зависимости от переходности глагола характерно далеко не для всей обширной восточнославянской территории распространения перфектных конструкций.

Как известно, объектно-результативные конструкции с предикативными *н/т-причастиями*, образованными от переходных глаголов (*Дом построен*), в восточнославянских диалектах распространены повсеместно. Весьма обширную территорию распространения имеют субъектно-результативные конструкции с предикативными *ш-причастиями* (*Он уиёдши* ‘он ушёл’): их ареал охватывает западную диалектную зону русского языка, территорию северо-восточного диалекта белорусского языка и центральные белорусские говоры; несравненно реже этот тип конструкций встречается на территории юго-западного диалекта белорусского языка и в примыкающих к ним русских говорах южнее линии Рославль — Брянск [ДАБМ, карта 205; ДАРЯ III (2), карта 1; Кузьмина, Немченко 1971, карта 1; Трубинский 1983: 217]. В пределах ареала субъектно-результативных конструкций типа *он уиёдши*, тем самым, имеет место характерное для опочечских говоров распределение залога предикативных причастий в зависимости от переходности глагола. Границы этого ареала в большой степени связаны со смоленско-полоцкой и псковско-новгородской диалектными областями. Однако в большинстве русских говоров и некоторой части белорусских, входящих в этот ареал, данное распределение является нестрогим или вовсе нарушенным из-за распространения ряда инновационных перфектных конструкций.

Объектно-результативные конструкции с *ш-причастиями* от переходных глаголов (*Дом постро́ивши* ‘дом построен/построили’), очевидно, являются инновационными и встречаются в двух относительно небольших компактных ареалах: в русских селигеро-торжковских говорах и в говорах северо-западной Белоруссии, примыкающих к Литве и Латвии; в тех же говорах менее распространены объектно-результативные конструкции с *н/т-причастиями* от переходных глаголов. Отличие селигеро-торжковских от северо-западных белорусских систем заключается в том, что в первых может быть выражен агент при помощи сочетания «предлог *у* + родительный»: *У него дом постро́ивши* ‘он построил дом’,

а для вторых такое выражение агенса нехарактерно [ДАБМ, там же; ДАРЯ III (2), карты 1, 2; Эркер 2014]. По-видимому, появление данного типа конструкций происходило в двух ареалах независимо друг от друга.

В большинстве русских говоров, знающих перфектные конструкции (за исключением южнопсковских говоров Себежского, Невельского, Пустошкинского р-нов, смоленских говоров, опочецко-великолукских и узкой полосы южных вологодских говоров), получили более или менее широкое распространение безличные перфектные конструкции с *н/т*-причастиями от непереходных глаголов: *Было жито* 'Вот как) жили'; *(У него) уйдено* 'он ушел'; *У него же-ненко* 'Он женился' [Кузьмина, Немченко 1971, карта 2; ДАРЯ III (2), карты 1, 2]]. В очень небольшой степени, как мы видели, такие конструкции проникли и в говоры старообрядцев на Иссе, но в основном ареале опочецких говоров их нет.

Согласно картам 2, 3 в [Кузьмина, Немченко 1971], выражение агенса (субъекта) сочетанием «предлог *у* + родительный» в целом характерно для северно- и среднерусских говоров с перфектными конструкциями и отсутствует в южно-русских. А. Даниленко указывает, что данный конструктивный элемент характерен и для некоторых белорусских и украинских говоров [Danylenko 2015], однако в атласах это явление не картографировано; возможно, оно имеет рассеянный характер распространения. Очевидно, возникновение этого явления связано в первую очередь с псковско-новгородской территорией; распространение оно получило в пределах средневековых Псковской и Новгородской земель, на что указывает южная граница его распространения: по данным И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, она соотнесена с границей современных Опочецкого и Великолукского р-нов (их говорам это явление свойственно) и Себежского, Невельского, Пустошкинского, Велижского (в которых оно отсутствует). Как известно, это не просто южная граница среднерусских говоров, но и граница русского и белорусского языков по [Опыт 1915], во многом повторяющая границу Великого княжества Литовского и прилегающих к нему территорий, в разное время находившихся в зоне его политического влияния.

Судя по картам в [Кузьмина, Немченко 1971], с юго-западным отрезком границы распространения сочетаний «предлог *у* + родительный» в значении агенса (субъекта) полностью совпадает южная граница ареала не согласованных с подлежащим предикативных *н/т*-причастий, усеченных и неусеченных (*Миска помыто/помыт*).

Таким образом, опочецкие, небольшая часть великолукских и торопецких говоров объединяются с сопредельными им русскими говорами Западной группы южнорусского наречия (по К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой), они же белорусские, согласно [Опыт 1915], и большей частью белорусских говоров в отношении строгого распределения залоговых форм причастий в составе перфектных (результативных) конструкций в зависимости от переходности глагола. (То же распределение этих причастий, согласно картам И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, имеется в южных вологодских говорах.) С другой стороны, очень небольшой компактный ареал, включающий опочецкие говоры и прилегающую к ним часть названных тверских говоров, отделяется от ареала "северо-восточных белорусских" систем перфектных конструкций тем, что в опочецких говорах отразились специфически русские

особенности перфектных конструкций: агенс (субъект) выражается сочетанием «у + родительный падеж», *н/т*-причастия могут не иметь согласования с подлежащим и при отсутствии согласования могут выступать в неусеченной и усеченной формах. Опочечкая система перфектных форм и конструкций, таким образом, выделяется своей спецификой среди других восточнославянских систем; по сравнению с другими русскими системами она отличается большей архаичностью (в том, что касается залоговых форм причастий).

Вместе с тем, опочечкая система перфектных конструкций представляет собой компромисс между «белорусским» и «русским» принципами устройства (напомним, что Н. Н. Дурново считал опочечкие говоры смешанными русско-белорусскими). Территорией распространения опочечких перфектных конструкций является небольшой зазор между северной границей систем выражения перфекта белорусского типа и мощным пучком изоглосс, образующих южную границу распространения синтаксических явлений, свойственных северо-западным и северным говорам русского языка.

Информанты

ЕГЯ — Евфимия Григорьевна Яковлева (зап. в Антоново, род. в Марфино), 1927, 4 кл.; ЕНМ — Евгения Николаевна Михайлова (зап. в д. Барабаны, род. в д. Росляки), 1928, 4 кл.; ЕГФ — Екатерина Григорьевна Фёдорова (зап. в Сорокино, род. в Самсоново), 1929, 4 кл.; ЕПЕ — Елена Петровна Екимова (зап. в д. Большие Рогатки, род. в Рогаткино), 1930, 4 кл.; ЗИИ — Зинаида Ивановна Иванова (Кадниково), 1932, 6 кл.; АЯЕ — Александра Яковлевна Емельянова (зап. в с. Глубокое, род. в д. Водобег), 1938, 7 кл.; ЛСО — Любовь Савельевна Орехова (Барсаново), 1957, 10 кл., училище.

Приложение

1. Глаголы, от которых зафиксированы *н/т*-причастия в перфектных конструкциях (в обратном алфавитном порядке)

привезти 'привезти'	прорезать
привезти 'привязать' (<i>привёзин</i>)	срезать
развести 'размешать с водой'	навязать 'много связать'
провести (водопровод)	привязать
отвести	соткать
сплести	наделать 'много сделать'
вынести (из дома)	приделать
дать (<i>да́н, да́дин</i>)	сделать 'сделать', 'навести порчу'
накидать	прислать
продать	разослать
отдать	заломать 'заставить вещами'
выполоскать	сломать

выгнать	сохранить
выкопать	начинить (пироги)
собрать	заполнить
выбрать	захоронить 'похоронить'
записать	настроить 'много построить'
выписать (очки)	построить
выработать (стаж)	стопить 'истопить'
намотать	купить
накачать (воду)	откупить 'выкупить'
одеть	напарить
сдеть 'снять' (одежду)	подвесить
натереть	повесить
прогореть (<i>пръгарён</i>)	окосить
подбить	выкосить
разбить	поносить 'носить несколько раз'
прибить (приколотить молотком)	бросить
пробить	наметить
отправить	обмолотить
заставить (мебелью)	вычистить
оставить	пустить 'разрешить входить'
поставить 'построить'; 'поставить'	приучить
наготовить	сшить
посадить (растения)	разрушить
освободить	насушить
родить	накласть
загородить	проесть 'прогрызть'
судить 'предопределить судьбу'	вкинуть
нажить	забыть
наложить	позабыть
обложить	нарыть 'набросать'
положить 'похоронить'	закрыть
сложить (печь)	покрыть
грузить	занять 'захватить в плен'
нагрузить	взять 'пригласить, нанять'
влиять 'вмуровать'	потерять
вылить 'отлить' (из металла)	сжечь

2. Глаголы, от которых зафиксированы *ш*-причастия в перфектных конструкциях (в обратном алфавитном порядке)

перейти (<i>пирешо́тишы</i>)	зарасти (<i>заро́шишы</i>)
прийти (<i>пришо́ччы</i>)	подрасти (<i>падро́шишы</i>)
пройти (<i>прашо́ччы</i>)	вырасти (<i>вы́ръшишы</i>)
выйти (замуж) (<i>вы́шетшы</i>)	расцвести (<i>расцвё́лышы</i>)

найтись (<i>нашо́ччы</i>)	собраться ‘сойтись’ (<i>сабра́лишы</i>)
разойтись ‘распространиться’; ‘разбо- леться’ (<i>рэ́зашо́ччы</i>)	остаться (<i>аста́лишы</i>)
спать (<i>не спа́лишы</i>)	спрятаться (<i>спря́талишы</i>)
приехать (<i>прие́хлишы, при́ехафсы, при́ехафшы</i>)	разбиться ‘ушибиться’ (<i>разби́лишы</i>)
уехать (<i>вйе́хлишы</i>)	переправиться ‘потолстеть, поправить- ся’ (<i>перяпра́вилишы</i>)
съехать ‘сездить, уехать’ (<i>сье́хлишы</i>)	явиться не запылиться (<i>яви́лишы ни запы- ли́лишы</i>)
отъехать ‘отодвинуться’ (<i>ате́хлишы</i>)	родиться (<i>ради́лишы</i>)
заболеть (<i>зэбалéлишы</i>)	развалиться (<i>рэзвали́лишы</i>)
околеть ‘замерзнуть, потерять чувстви- тельность от холода’ (<i>ноги э́калэ́лишы</i>)	отвалиться (<i>атвали́лишы</i>)
помереть (<i>памё́ришы</i>)	сосниться ‘присниться’ (<i>со́н был сасни́лишы</i>)
умереть (<i>умё́ришы</i>)	расстроиться ‘расстроиться, настроить много домов’ (<i>расстро́илишы</i>)
сгореть (<i>не зга́релишы</i>)	устроиться ‘устроиться на работу’ (<i>устро́илишы</i>)
выгореть (<i>вы́гэ́релишы</i>)	состариться (<i>саста́рилишы</i>)
выпить ‘выпить, опьянеть’ (<i>вы́пилишы</i>)	договориться (<i>дэ́гэвары́лишы</i>)
подгошить ‘дойти до истощения’ (<i>пэ́дга- шы́лишы</i>)	поколоться ‘покрыться трещинами’ (<i>пэ́кало́лишы</i>)
есть (<i>э́лишы</i>)	расколоться ‘покрыться трещинами’ (<i>рэ́скало́лишы</i>)
погибнуть (<i>паги́лишы</i>)	нагнуться (<i>нагну́лишы</i>)
вмёрзнуть ‘намертво вклеиться’ (<i>вме́р- ишы</i>)	перевернуться (<i>пери́вярну́лишы</i>)
примёрзнуть (к чему-либо) (<i>примё́ришы</i>)	скорнуться ‘согнуться, скрючиться’ (<i>ско́рнулишы</i>)
привыкнуть (<i>привы́кишы</i>)	прозабыться ‘перезабыть всё’ (<i>йа́ прэ́забы́лишы</i>)
притихнуть (<i>прити́хшы</i>)	закрыться ‘запереть дверь, запереться’ (<i>закры́лси</i>)
засохнуть ‘заснуть’ (<i>засо́хшы</i>)	заняться (<i>заня́лиэ фсе́ дялам</i>)
прибечь (<i>прибе́кшы</i>)	настояться (<i>нэ́стайа́лишы</i>)
убечь (<i>вбе́кшы</i>)	
замазаться ‘испачкаться’ (<i>замáзэ́лишы</i>)	
привязаться ‘пристать, вести себя навяз- чиво’ (<i>привязáлишы</i>)	
сделаться ‘стать’ (<i>зэде́лалышы</i>)	

Источники

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III, часть 1. Лексика. Минск, 1997. Вып. III, часть 2. Синтаксис. Лексика. Минск, 2000.

Опыт 1915 — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Литература

Глускина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. Вып. 1. Псков, 1962. С. 28–57.

Горбова Е. В. Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, иммедиатность: чем определяется значение перфекта? // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII, часть 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта. СПб., 2016. С. 39–66.

Гребёнкина М. Ю. Результатив и перфект в одном опочечком говоре (курсовая работа, НИУ «Высшая школа экономики», рукопись).

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в Опочечкий р-н Псковской обл. // Русский язык в научном освещении. 2017. №2 (34). С. 257–312.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. СПб., 1903.

Кузьмина И. Б. Еще раз о конструкциях типа *картошка выкопано, кони запряжено, пол помыто* в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 202–234.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Ландер Ю. А. Русский разговорный субъектный результатив (рукопись).

Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Предлог *у* < *и, *въ в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): к юбилею Марины Леонтьевны Ремнёвой / Сост. О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М., 2016. С. 224–227.

Маркова Н. В. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история. Дисс. ... филол. наук. Институт русского языка АН СССР. М., 1989.

Морозова Н. А. Несогласованные пассивные конструкции в говорах под Опочкой на Псковщине // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 185–207.

Морозова Н. А., Чекмонас В. Н. К проблеме грамматического статуса и значения сочетаний *быть* прош. + л-овые формы глагола в старообрядческих говорах Литвы // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 2003.

Морозова Н. А., Чекмонас В. Н. Две заметки о причастных формах в псковских говорах под Опочкой // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 159–167.

Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций / В. П. Недялков (ред.). Л., 1983. С. 5–41.

Николаев С. Л. Рефлексы *s (*z), *š (*ž) и *sj (*zj) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 94–112.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах. 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–225.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII, ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта. СПб., 2016. С. 7–36.

Пожарицкая С. К. О лингвогеографических параметрах функционирования причастных форм в русских говорах // Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects. Bergen, 2014. С. 109–129.

Рыко А. И. Причастия на -ии в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 171–193.

Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 216–226.

Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Чекмонас В. О формах типа гуля́ле, пошлѐ (мы, они) гуляли, пошли' и под. в псковских говорах под Опочкой // Slavistica Vilnensis 2002 (=Kalbotyra 51(2)). 2002. С. 13–38.

Чекмонас В. Н. Заударное оканье в псковских говорах под Опочкой // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 36–57.

Эркер А. Способы выражения прошедшего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье // Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects. Bergen, 2014. С. 130–149.

Arkadiev P., Holvoet A., Wiemer B. Introduction: Baltic linguistics — State of the art // Contemporary approaches to Baltic Linguistics / P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.) Berlin, 2015. P. 1–109.

Arkadiev P., Wiemer B. Perfects in Baltic and Slavic (draft, [https://www.academia.edu/37596051/Perfects_in_Baltic_and_Slavic]).

Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? // Word. Vol. 56. 2005. No 3. P. 347–379.

Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal account // Lingua. 122. 2012. N 4. P. 356–385.

Wiemer B. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // What makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components / W. Bisang, N. P. Himmelmann & B. Wiemer, (eds.). Berlin; New York, 2004. P. 271–331.

Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

svet-lan-a@list.ru

Elena G. Zhidkova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences / Russian

State University for the Humanities

(Moscow, Russia)

zhidkova_elena85@mail.ru

Alexandra V. Ter-Avanesova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

teravan@mail.ru

PAST PARTICIPLES AND PERFECT CONSTRUCTIONS IN OPOCHKA DIALECTS

The paper describes the forms and syntactic functions of past participles and, above all, their use in perfect constructions in the dialects of the Opochka District in Pskov Region. The material is a complete sample of contexts with participles from approximately five hours of audio recordings of dialectal speech. In Opochka dialects and a small portion of neighboring Tver dialects, *š*-participles are derived from the stem of the past tense forms (*javiš'i*); such forms are not found anywhere outside this small area. The use of full and short forms, aspect, and voice in the forms of participles are considered in connection with their syntactic functions. The article describes the formation of present and past perfect forms, the subjunctive mood, negative perfect forms, diathetic types of perfect constructions, and case marking of subject and object. The coordination of the auxiliary verb and participles with the subject and their forms in the case of the absence of a subject are described in connection with reduction of /o/ in the final open syllable. Opochka dialects have a special system of morphological and diathetic types of perfect constructions, which distinguishes them from other East Slavic dialects. Like most Northern and Middle Belarusian dialects, they are characterized by a distribution of voice forms of participles depending on the transitivity of the verb: in object-resultative constructions, *n/t*-participles of transitive verbs occur, whereas in subject-resultative ones *š*-participles of intransitive verbs do. In most Russian dialects, there are deviations from this distribution. Unlike Belarusian dialects, in Opochka dialects, the agent can be expressed by a combination of «*u* + genitive/local case». This is characteristic of all Russian dialects in which perfect constructions occur.

Keywords: Pskov dialects, participle, perfect constructions, linguogeography.

References

Arkadiev P., Holvoet A., Wiemer B. Introduction: Baltic linguistics — State of the art. *Contemporary approaches to Baltic Linguistics*. P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.) Berlin, 2015. P. 1–109.

Arkadiev P., Wiemer B. *Perfects in Baltic and Slavic* (draft, [https://www.academia.edu/37596051/Perfects_in_Baltic_and_Slavic]).

Chekmonas V. N. Zaudarnoe okan'ye v pskovskikh govorakh pod Opochkoy. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. Vyp. II (VIII). Moscow, 2002. S. 36–57.

Chekmonas V. O formakh tipa *gulyále, pashlé* '(my, oni) gulyali, poshli' i pod. v pskovskikh govorakh pod Opochkoy. *Slavistica Vilnensis* 2002 (=Kalbotyra 51(2)). 2002. S. 13–38.

Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? *Word*. Vol. 56. 2005. No 3. P. 347–379.

Durnovo N. N. Oчерк истории русского языка. In: Durnovo N. N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka*. Moscow, 2000.

D'yachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ron'ko R. V., Ter-Avanesova A. V. Ekspeditsiya v Opochetskiy r-n Pskovskoy obl. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017. No 2 (34). S. 257–312.

Erker A. Sposoby vyrazheniya proshedshego vremeni v belorusskom smeshannom govore na balto-slavyanskom pogranich'ye. *Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Bergen, 2014. S. 130–149.

Gluskina S. M. Morfonologicheskie nablyudeniya nad zvukom [ch] v pskovskikh govorakh. *Pskovskie govory*. Vyp. 1. Pskov, 1962. S. 28–57.

Gorbova E. V. Rezul'tativnost', eksperientsial'nost', inkluzivnost', imediatnost': chem opredelyaetsya znachenie perfekta? *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. XII, chast' 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 7. Tipologiya perfekta*. St. Petersburg, 2016. S. 39–66.

Grebenkina M. Yu. *Rezul'tativ i perfekt v odnom opochetskom govore* (Thesis NIU «Vysshaya shkola ekonomiki», Moscow, manuscript).

Karskiy E. F. *Etnograficheskaya karta belorusskogo plemeni*. St. Petersburg, 1903.

Kuz'mina I. B. Eshche raz o konstruktsiyakh tipa kartoshka vykopano, koni zapryazheno, pol pomyto v russkikh govorakh. *Russkie govory: K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki*. Moscow, 1975. S. 202–234.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*. Moscow, 1971.

Lander Yu. A. *Russkiy razgovornyy sub'ektnyy rezul'tativ* (rukopis').

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Predlog *u < *u, *v* v yuzhnorusskom govore: fonetika, upravlenie, semantika. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire: III Mezhdunarodnyy simpozium: Trudy i materialy (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 23–26 maya 2016 g.): k yubileyu Mariny Leont'yevny Remnevoy / Sost. O. V. Dedova, E. V. Petrukhina, L. M. Zakharov*. Moscow, 2016. S. 224–227.

Markova N. V. *Dialektnye sposoby vyrazheniya sub"ekta i ob"ekta v Onezhskikh govorakh i ikh istoriya*. Thesis, Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, 1989.

Morozova N. A. Nesoglasovannye passivnye konstruksii v govorakh pod Opochkoy na Pskovshchine. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. Vyp. II (VIII). Moscow, 2002. S. 185–207.

Morozova N. A., Chekmonas V. N. Dve zametki o prichastnykh formakh v Pskovskikh govorakh pod Opochkoy. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. Vyp. II (VIII). Moscow, 2002. S. 159–167.

Morozova N. A., Chekmonas V. N. K probleme grammaticheskogo statusa i znacheniya sochetaniy byt' prosh. + l-ovye formy glagola v staroobryadcheskikh govorakh Litvy. *Pskovskie govory: sinkhroniya i diakhroniya. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Pskov, 2003.

Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E.. Tipologiya rezul'tativnykh konstruksiy. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksiy*. V. P. Nedyalkov (red.). Leningrad, 1983. S. 5–41.

Nikolaev S. L. Refleksy *s (*z), *š (*ž) i *sj (*zj) v pskovskikh govorakh i v dvukh pskovskikh rukopisyakh XV–XVI vv. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii*. Vyp. 6. Slavyanskaya dialektologiya i istoriya yazyka. Moscow, 2005. S. 94–112.

Nikolaev S. L. Sledy osobennostey vostochnoslavjanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh russkikh narodnykh govorakh. 1. Krivichi. *Balto-slavyanskije issledovaniya 1986*. Moscow, 1988. S. 115–154.

Nikolaev S. L. Sledy osobennostey vostochnoslavjanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh russkikh narodnykh govorakh. 1. Krivichi (okonchanie). *Balto-slavyanskije issledovaniya 1987*. Moscow, 1989. S. 187–225

Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov. Moscow, 1970.

Plungyan V. A. K tipologii perfekta v yazykakh mira. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. T. XII, ch. 2. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vyp. 7. Tipologiya perfekta. St. Petersburg, 2016. P. 7–36.

Pozharitskaya S. K. O lingvogeograficheskikh parametrah funktsionirovaniya prichastnykh form v russkikh govorakh. *Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Bergen, 2014. S. 109–129.

Ryko A. I. Prichastiya na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropetsko-kholmskogo regiona. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2002. №2 (4). S. 171–193.

Trubinskiy V. I. *Ocherki russkogo dialektного sintaksisa*. Leningrad, 1984.

Trubinskiy V. I. Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksiy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Leningrad, 1983. S. 216–226.

Wiemer B. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages. *What makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. W. Bisang, N. P. Himmelmann & B. Wiemer, B. (eds.). Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 271–331.

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka*. Moscow, 1970.

О. Ф. Жолобов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)
ozolobov@mail.ru*

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАРИМЕЙНИКАХ И ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII В.*

В статье рассматриваются вариативные глагольные формы, распределение которых формирует грамматические subsystemы и определяет типологию текстов. Такие формы имеют диагностический характер. В статье приводится полный перечень диагностических параметров на основе морфосинтаксиса глагола. Описывается употребление таких диагностических форм, как простой аорист, аорист с добавочным окончанием, имперфект с добавочным окончанием, перфективный имперфект, перфект 3 л. и некоторые другие. В статье анализируется рукописный материал паримейников разного происхождения, связанных с кирилло-мефодиевской традицией. Выясняется статус простого аориста в древнерусском книжном языке. Центральное место занимает анализ вариативных форм глагола в мегатексте — Толстовском сборнике XIII в., включающем как древнерусские оригинальные и переводные тексты, так и ранние списки болгарских переводных текстов.

Ключевые слова: древнерусские рукописи, грамматическая вариативность, диагностические формы глагола.

Недавний опыт исследования переводческой деятельности в домонгольской Руси показал, что она опирается на некую транскультурную мегаграмматику, единицы которой по-разному реализуются и распределяются в конкретных текстах, при том что те или иные граммы генетически соотносятся с несколькими центрами книжности и, по существу, воспроизводят диалектные различия в праславянском, а кроме того, в ряде случаев зависят от греческих источников. А. А. Пичхадзе выделяет в этом своем исследовании раннедревнерусских переводов следующие типы глагольных форм, которые определяют классификацию группировок текстов, так что данные типы форм следует считать диагностирующими: (1) аорист с приращением -тъ, -сть, (2) аорист рѣхъ, рѣша, (3) имперфект на -шѣта, -шѣте,

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00428).

(4) формы дв. числа на -тѣ, (5) формы вѣмь и вѣдѣ, (6) перфект, (7) перифрастический прохибитив, (8) сослагательное наклонение в целевых и косвенно-побудительных предложениях (см. [Пичхадзе 2011а: 347–349 и др.]). Данные типы форм вместе с тем характеризуют и оригинальные древнерусские тексты, к показаниям которых А. А. Пичхадзе в своем исследовании также эпизодически обращается. Это лишний раз подтверждает транскультурный характер средневековой книжной грамматики в целом. Приведенный перечень диагностических глагольных форм, несомненно, должен быть расширен. В него должны быть включены (9) формы перфективного имперфекта и (10) формы 2 л. ед. числа простых претеритов, как это сделано А. А. Зализняком в исследовании «Слова о полку Игореве» (см. [Зализняк 2008б: 94–114]). Диагностической значимостью при классификации текстов обладают (11) формы простого и (12) сигматического аориста от основ на согласный, (13) имперфекты 3 л. с добавочным окончанием -тъ, (14) имперфекты с отменой чередования в основе, а также (15) формы нулевого презенса, (16) *praesens historicum* и (17) супин (см. [Жолобов 2016а; 2016б; 2016в; 2016г; 2017: 122–126, 146–155; Крысько 2014; Крысько, Мольков 2017; Мольков 2017а; 2018б; Страхова 2011; Žolobov 2016]). Малоизученным остается диагностический статус (18) причастных форм (см., в частности, новые данные в работах [Мольков 2017б; Пичхадзе 2011б; Пичхадзе 2016]). Как показывают последние исследования, важное значение при классификации текстовых типов имеют (19) статистические параметры языковых единиц (см. [Баранов, Жолобов 2020]).

Общая мегаграмматика XIII в. охватывает все наличные формы, встречающиеся в рукописных источниках этого времени. Наряду с нейтральными формами, она включает целый ряд диагностических единиц, которые содержат дополнительную лингвистическую, лингвотекстологическую или культурную информацию, помимо собственно грамматической.

Ярким примером таких единиц являются формы простого аориста. Простой аорист, как известно, восходит к формам индоевропейского безаутментного имперфекта, т. е. инъюнктива (см. [Елизаренкова 1982: 281–283; Мейе 1951: 199, 203; Семереньи 1980: 317]). По-видимому, его морфонологическая невыразительность — отсутствие аффиксальных показателей — и послужила толчком для нового претеритально-го удвоения в праславянском и восстановления индоевропейской тернарной оппозиции — образования суффиксального имперфекта (см. [Жолобов 2017: 26–33]). Зоны консервации простого аориста связывают с западными южнославянскими диалектами, носителями которых были Кирилл и Мефодий, а также их ученики. В восточных южнославянских диалектах, как и в восточнославянских, простой аорист замещался сигматическим тематическим аористом. Таким образом, формы простого аориста диагностируют моравское или македонское происхождение текстов. Мы обнаружили позднерусскую рукопись, в которой простой аорист оказался довольно частотным. В Захаринском паримейнике 1271 г. представлено 16 простых аористов. Это больше, чем в каком-либо другом позднерусском источнике.

Сохранность простых аористов в Захаринском паримейнике свидетельствует о том, что антиграфом рукописи был довольно архаичный источник, поскольку даже

в наиболее ранних и считающихся самыми близкими к протографу древнерусском Лазаревском паримейнике XII в. и болгарском Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. простые аористы в ряде случаев заменяются сигматическими тематическими¹. См. некоторые такие замены, наряду с сохранением форм в Захариинском паримейнике:

н погнаша же егѣпѣтане • н вѣнѣдоу въ слѣдѣ нхъ Зах 9г18–10а2	внѣдѣ Григ 6 об., 4
н не ѡбрѣтоу воды да бѣша пѣан Зах 10г3–5	не ѡбрѣтошѣ Григ 7, 5

Простой аорист замещен сигматическим тематическим уже в самом раннем Лазаревском паримейнике². Показательна среднеболгарская инновация — аорист с окончанием имперфекта и перемещение в постпозицию возвратного местоимения в Григоровичевом паримейнике:

сѣиши роднхъ н вѣзнесохъ • ти же сѣ ѡбѣрѣгоу мене Зах 27г9–13	сѣиши роднхъ н вѣзвѣснхъ • ти же сѣ ѡбѣрѣгоша мене Лаз 10а4–6 ³ ; ти же ѡбѣрѣгохъ сѣ мене Григ 14, 3–4

Еще более выразителен пример простого аориста в 3 л. дв. числа, где представлен, кроме того, диагностический тип форм с генетически первичным окончанием -тѣ, в то время как в восточноболгарском и восточнославянском ареалах здесь рано было обобщено вторичное окончание -та, ввиду омонимии дуальных форм на -тѣ и форм 2 л. мн. ч. В других паримейниках здесь уже представлена замена простого аориста на сигматический тематический:

н нѣдѣе оба вѣзкоупѣ Зах 134б6–7	н нѣдѣста оба вѣзѣпѣ Лаз 59б3–4	н ѣдѣста оба вѣзѣпѣ Григ 53, 20–21

Ср. также ошибки в передаче первой формы простого аориста в Григоровичевом паримейнике при сохранении правильной формы в Захарьинском:

¹ В Захариинском паримейнике мы нашли следы глаголического протографа в использовании буквенной цифири, что свидетельствует об архаичности его антиграфа [Жолобов 2016: 155].

Лазаревский (Сковородский) паримейник (РГАДА, Тип. 50) является самым ранним из сохранившихся списков древнеславянского паримейника. В записи XVII в. указана его принадлежность Лазареву монастырю и эпизодическая — Сковородскому. Первоначальная его датировка XIV в. в последнее время существенно удревнена. С некоторым колебанием рукопись отнесена ко второй половине XII в. или рубежу XII–XIII в. в [СК 2002: 641]. С. М. Михеев обнаружил в рукописи почерк писца Милятина евангелия Домки, которое недавно было издано и исследовано Г. А. Мольковым, доказательно датировавшим рукопись первой половиной XII в. [Михеев 2019; Мольков 2018а: 47]. Начало и конец рукописи утрачены.

² Сходная картина наблюдается с древнерусскими списками Паренесиса Ефрема Сирина. В новгородском Типографском списке 70–80-х гг. XIII в. в отдельных случаях сохраняется простой аорист нѣндоу, прѣндоу, тогда как в галицко-волыньском Погодинском списке этого же времени простой аорист заменен на сигматический тематический нѣндоша, прѣндоша, а в восточно-русских Академическом и Троицком списках XIV в. простой аорист был воспринят как нулевой презенс и исправлен на стандартный презенс нѣндуть, прѣндуть [Жолобов 2014: 132–133].

³ В Лаз несколько раз встречается окказиональная форма личного местоимения род. п. ед. ч. **мене** вместо **мене**.

<u>взъзавнѣсу</u> же сѧ ѿ еанма • н <u>прндау</u> въ вьсь сѧнмъ снѣз нъзѣ Зах 11611–15	<u>взъзавнѣнѣ</u> же сѧ ѿ еанма •• н <u>прндѣ</u> въ снѣмъ снѣзъ <u>изъзѣ</u> Григ 7, 20–21

Заметим, что только в Захариинском и Лазаревском паримейниках сохранился и архаичный имперфект 3 л. дв. ч. на -шете, который, судя по Житию Андрея Юродивого, еще мог быть актуальной формой в древнерусской письменности к. XI в. (в Захариинском паримейнике с графическим эффектом ь=ѣ):

дѣ ѣ дѣѣ сѧуетанѣ къ себѣ • н дѣѣма <u>прнкрѣашете</u> вьрь хуу телеса нхъ Лаз 76г14–18; дѣѣ сѧутанѣ къ себѣ • н дѣѣ <u>прнкрѣашеть</u> вьрхуу телесе нхъ Зах 171в15–17г1	••ѣ•• сѧуетанѣ къ себѣ ••ѣ••ма врьху ^ѣ <u>прнкрѣахѣ</u> тѣлесе нхъ Григ 68, 18–20

В среднеболгарском Лобковском паримейнике 1294–1320 гг., как и в древнерусском Троицком паримейнике XIV в. простого аориста уже нет вовсе. В приводящемся ниже чтении он отсутствует и в самом раннем списке — Лазаревском паримейнике, хотя в этой рукописи имеются примеры и сохранения простого аориста 3 л. мн. ч.:

н ѿ всехъ гадѣ соущихъ по земли • дѣѣ дѣѣ • <u>внндау</u> къ ноевн въ ковчегѣ • мужьскъ полъ н женьскъ Зах 81а8–15	н ѿ всехъ гадѣ неустыжныхъ соущихъ по земли акоже акоже • <u>внндаша</u> къ ноевн въ ковчегѣ гъ мужьскъ полъ н женьскъ Лаз 38г3–9; ѿ ѿ всехъ гадѣ соущихъ по земли <u>внндашѣ</u> к ноевн въ ковчегѣ • мужьскъ полъ да женьскъ Тр 34в14–19	н ѿ всехъ гадѣ сѧущихъ по земли ••ѣ•• акоже акоже <u>внндашѣ</u> къ ноевн въ ковчегѣ Лоб 54, 10–12

Воспроизведение форм простого аориста 3 л. мн. ч. в новгородских паримейниках могло поддерживаться широким использованием в новгородском диалекте нулевых форм презенса 3 л. мн. ч., омонимичных простому аористу, при том что оба типа форм восходят к безаугментному имперфекту-инъюнктиву. В рукописях изредка встречается правка простого аориста, воспринятого как нулевой презенс, на форму со стандартной флексией -ть:

н сѧтворн море соущъ н раздѣлѣнѣ море • н <u>внндау</u> тѣ снѣ нъзѣн посреѣ моря по соуху Лаз 94б16–20	н сѧтворн море соущю • н раздѣлѣнѣ вода • н <u>внндаша</u> снѣ нъзѣн посреѣ моря по соуху Зах 9г10–15

В Захариинском паримейнике находим и нетематический аорист от основ инфинитива на согласный, в то время как в более ранних Лазаревском и Григоровичевом паримейниках здесь уже выступает сигматический тематический аорист:

вьсь днѣ <u>разверъшасѣ</u> всн истоуннѣн безднѣн • н хлѣбн небескыи <u>ѿверъшасѣ</u> • н бѣѣ дждѣ на земли •• днѣн • н ѿ нощнн Зах 84а7–14	въ сѣ днѣ <u>разверъзшасѣ</u> истоуннѣн безднѣн • н хлѣбн небснѣнѣ <u>ѿверъзшасѣ</u> Лаз 41а7–12; вьсь днѣ <u>разверъзшасѣ</u> воды ѿ хлѣбн небннѣ • н бѣѣ дождѣ велнкъ на земли Тр 36б1–6	вьсь днѣ <u>разверъзшѣ</u> сѣ всн ѿстоуннѣн безднѣнѣ •• н хлѣбн небеснѣнѣ <u>ѿверъзшѣ</u> сѣ •• бѣ • н бѣѣ дждѣ на земли •• ѿ•• днѣн •• н ••ма: нощнн Григ 35, 5–8

Хотя все эти кирилло-мефодиевские формы являются частью общей мегаграмматики XIII в., их положение в древнерусской письменности существенно различается. Так, в отличие от сигматических аористов типа и научсѣ и навѣсѣ, простой аорист был довольно широко распространен в древнерусских списках конца

XI — начала XII в., когда и происходило развитие древнерусской книжной нормы⁴. Согласно Г. А. Молькову [2017а], в древнерусском Погодинском евангелии XI в. представлено 22 формы простого аориста, а в Толстовской псалтыри XI в. — 124 формы (!)⁵. Тем не менее простой аорист полностью отсутствует в оригинальных древнерусских источниках, а это означает, что другие формы простых претеритов были актуальными, узуальными, а не искусственными книжными образованиями.

Толстовский сборник (далее Тол) — рукопись РНБ, Ф.п.1.39, которую датируют второй половиной XIII в. [СК 1984: 324]. Являясь мегатекстом, Толстовский сборник представляет такой же срез транскультурной мегаграмматики, как и гораздо большая по объему сумма древнерусских рукописных книг⁶. Мегаграмматика мегатекста включает, наряду с глубокими архаизмами и славянизмами разного происхождения, своего рода модернистские проявления — образования, современные созданию памятника. Внутри мегатекста диагностические глагольные формы распределены чрезвычайно неоднородно, так что совокупная его грамматическая система складывается из несовпадающих грамматических субсистем. Причины этого коренятся в генетической и дискурсивной разнородности входящих в сборник текстов, характере их внутренней структурированности, а также глубине языкового горизонта авторов или переводчиков. Хотя Захариинский паримейник и Толстовский сборник фактически имеют одинаковую датировку, набор и дистрибуция диагностических глагольных форм в них разительно расходятся. Это обусловлено тем, что в состав Тол входят оригинальные раннедревнерусские сочинения и переводы, а также южнославянские переводы постстарославянского периода, в то время как Зах восходит к антиграфу, который в ряде чтений воспроизводит чтения кирилло-мефодиевского протографа. В Тол встретила лишь одна форма, которую можно истолковать и как причастную, и как простой аорист 1 л. ед. ч., хотя первое выглядит предпочтительнее: *яко бо двѣ дѣи роднъ бѣдѣ • н яко бѣ роднъ прѣже къкъ върюю • не сказанъ емоу рѣтко молуаннемъ ѹнстнъ накъкъ н не словомъ испытати прѣяхомъ* Тол 51об. Контекст находится в Слове на Рождество Иоанна Златоуста, как значится в заглавии текста. М. О. Новак в недавней работе доказала, что в действительности Слово является компиляцией, осуществленной, судя по всему, на славянской почве [Новак 2019]. В приведенном контексте как раз обнаруживается, вероятно, один из текстовых швов, поскольку 1 л. ед. ч. сказуемых внезапно сменяется 1 л. мн. ч.

Вместе с тем ряд форм, которые относятся к разряду диагностических, известны и оригинальным древнерусским текстам. Это относится прежде всего к сигматическому аористу основного глагола речи: *рѣхъ, рѣхомъ, рѣстѣ, рѣша*. Так, в Зах в переводном тексте нередко встречается тематический аорист, тогда как в оригинальной

⁴ Примеры сигматического нетематического аориста без чередования в суффиксе -с- от разных основ в раннедревнерусских списках южнославянских переводов единичны. См., в частности: *се же н створиъ • н аще малымъ вѣше науасъ* ГБ 144а; *н не показяхъ • макъуаншнмъ крауеваннъ нмн накъсъ* ГБ 301в; *н понмаше н бѣсн бнюще н сѣса н въ бездѣноу н прѣдаша н тынмъмъ княземъ* ЖН 320.

⁵ Ранние датировки этих источников принадлежат Г. А. Молькову.

⁶ О составе сборника см. [Жолобов 2018].

паримье Борису и Глебу — нетематический, который заменяется тематическим в Троицком списке XIV в.:

н рѣша новгородци можемъ княже боротн по тебе Зах 257, 24–26	н рекоша новгородци можемъ княже борити по тебе Тр 138a9–12

Как установил А. А. Гиппиус, в начальной части летописи употребляется исключительно нетематический сигматический аорист рѣша [Гиппиус 2009: 249]. Полагаем, это свидетельствует о том, что данная форма как индоевропейско-пра-славянский архаизм сохранялась в разных славянских ареалах в силу ее функциональной специализации и особой значимости — подобно тому, как был унаследован изолированный индоевропейский перфект въдѣ ‘я знаю’, которому наследует частица *ведь* в русском языке.

Употребление нетематического аориста типа рѣша представляло собой речевой автоматизм, как это отчетливо видно по следующей греко-славянской параллели в Супрасльской рукописи (см. [SJS I: 121]):

тн нн въсего просаѣтъ • даднѣ бо рѣша намъ отъ масла вашего Supr 373, 5 (ср.: даднѣ намъ отъ олава вашего Mt 25, 8 Mar)	καὶ οὐδὲ τὸ πᾶν ζητοῦσι. Δότε γὰρ ἡμῖν, φησὶν, ἐκ τοῦ ἐλαίου ὑμῶν

В славянском переводе грамматическая форма имеет иные морфологические характеристики, нежели греческая форма, а кроме того, что более важно, она находится, в отличие от греческого текста, в позиции энклитики, что и свидетельствует об автоматизированном речевой практикой ее употреблении. А. А. Зализняк рассматривал энклитическое употребление отдельных форм данного глагола (*реку, рече, рѣци*), критически оценивая придаваемую им обычно функцию вводного слова, однако он рассматривал только поздние среднерусские источники [Зализняк 2008a: 44–45].

Такое же связанное с речевым автоматизмом употребление аориста рѣша мы находим в проповедях Кирилла Туровского в списке Толстовского сборника второй половины XIII в.:

нстрѣбнмъ бо рѣша память его Тол, 10; Нз испытанмъ рѣша добръ • възвѣмъ
н ище второе прозрѣвшаго 28 об.; моужн бо рѣша галнлѣнстнн что стонте зраще
на нбо 33; сзидѣ бо рѣша на землю ннкому же не уювшю • н се рабнн нсѣа шеразъ
въсхсуднть • онн же рѣша не будемъ покорн • аще не оуслышнмъ слова бѣна 36⁷.

Доказательством устойчивости такого употребления является не только частотность, но и распределение по четырем разным гомилиям. Встречается и неэнклитическое, самостоятельное употребление данной формы в синтаксическом параллелизме:

⁷ Последняя форма рѣша занимает синтаксическую позицию предиката. В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова первая форма отсутствует, вместо второй находим *рекош* [Сухомлинов 1858: 54]. В рукописи покорн, в списке второй половины XIV в. покорнн (см. [СДРЯ VII: 50]).

нн въздаша хвалы бѣн въздвигну възшосмоу раслабленаго ѿ одра немощн- нн рѣша
 како ти са брате жнлы оукрѣпнша Тол 20 об.⁸

Нейтральная тематическая форма также встречается, однако намного реже и всегда в синтаксической позиции предиката:

Сн бо рече соломонъ помыслиша и прѣльстншася ослѣпн ^{бо} ѿ злоба нхъ • рекоша бо
 оуловнмъ правдннка • руганнємъ и ранами стажемъ его • и смѣртню бездѣпотноу
 ошоднмъ его Тол 9; Ыто же и ещѣ хощете ѿ мене слышатн • понеже рекоуѣ вамъ
 и не вѣруете • еда и вы оуученици его съ мною хощете быти 29 об.; к немоще
 възгласевше стѣни наши рекоша ѿцн 40 об.

Позиционное разграничение форм говорит об их равной актуальности в речи. Интернет-издание Толстовского сборника, которое мы готовим в рамках проекта РФФИ, сопровождается модулями онлайн-поиска и онлайн-указателей. Онлайн-указатели фиксируют очень неравномерное распределение нейтральных и диагностических форм в сборнике. Всего на 97 листах, где уже проведена разметка, представлено восемь форм рѣша, из которых шесть распределены между четырьмя гомилиями Кирилла Туровского, занимающими первые 46 листов рукописи, а оставшиеся две находятся в Житии Василия Великого (л. 68 об.–88 об.) рядом с тематической формой нарекоша (л. 81)⁹.

На этих же 97 листах обнаруживается пять тематических форм рекоша, из которых две находятся в двух гомилиях Кирилла Туровского (см. выше), а оставшиеся три в небольшом по объему апокрифическом Сказании Афродитиана на л. 56 об.–62 (л. 592х, 60), что может свидетельствовать в пользу болгарского происхождения переводчика.

Из других форм этого глагола встречаются лишь 1 л. ед. и мн. ч. со следующим распределением форм: рѣхъ — 2 (гомилии Кирилла Туровского, л. 19 об., 32 об.), 1 (гомилия Кирилла Иерусалимского, л. 94 об.); рекохъ — 1 (гомилия Кирилла Туровского, 29 об.), 1 (Слово на Рождество Христово, л. 57); рѣхомъ — 0; рекохомъ — 2 (Сказание Афродитиана, 61 2х), 1 (Житие Василия Великого). Тематический аорист 1 л. ед. ч. нзрѣкохъ встречается в анонимном поучении (л. 23 об.), 1 л. мн. ч. ѿрекохомъ — в Сказании Афродитиана (л. 62). У Кирилла Туровского в 1 л. мн. ч. употребляется другой перфективный глагол — сказадохомъ (л. 13 об.), однако не при цитировании, а при отсылке к прежде рассказанному (нже вса ѿ ангѣла реченаа къ мюроносцамъ • ѿ хѣ сказадохомъ).

Столь неравномерное распределение аористных форм основного глагола цитирования рѣшн/рѣун (без учета нейтральной формы 3 л. ед. ч. рече) — 11 из 19 зафиксированы в гомилиях Кирилла Туровского — подчеркивает его особую значимость для дискурсивно-прагматической характеристики структурных частей

⁸ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова рекоша [Сухомлинов 1858: 40].

⁹ На л. 23–25 находится анонимное поучение, которое не принадлежит Кириллу Туровскому, после шести проповедей Кирилла Туровского размещено еще одно анонимное поучение (л. 46–48), а затем анонимное Слово о премудрости (л. 48–49 об.).

Толстовского сборника как мегатекста. Частотные глагольные формы цитирования у Кирилла Туровского связаны с проповеднической стратегией, тяготеющей к сюжетам драматургического типа, диалогической речи, которые нацелены на достижение выразительности и своеобразного документализма — исторической достоверности. Заметим, что в проанализированном материале сборника имеются и другие гомилии — это два анонимных поучения, Слово о премудрости, Слово на Рождество с именем Иоанна Златоуста, два размеченных в интернет-издании огласительных поучения Кирилла Иерусалимского. По частотности указанных аористных форм с гомилиями Кирилла Туровского сопоставимо только Сказание Афродитиана — произведение с необычным для средневекового текста драматургическим дискурсом, почти целиком построенное на диалогах персонажей. Частотность нетематического аориста вместе с тем свидетельствует о сохранении у Кирилла Туровского архаической системы морфосинтаксического оформления цитирования, а также о значимости использования документально-прямой речи самой по себе.

Только у Кирилла Туровского встречается прямая речь в прямой речи, которая вводится в этом случае закономерным перфектом того же глагола:

кѣ собѣ самн прю сѣставляше ꙗꙑху. ꙗко створи мѣ галѣѣаннѣмъ семѣмъ ꙗꙑху <...>
се же ꙗвѣ естъ ꙗко роугаеться ꙗꙑдѣнъ сен црѣвн. не ѡ нъ соухомъ блѣдѣннѣмъ
рекаѣ естъ. настанеть вѣѣмъ. ꙗгда ннъ вѣ горѣ сен ннъ вѣ нѣѣмъ. покланѣтъсѣ бѣн
дхѣмъ Тол 27 об., 28.

Используя этот же глагол в сослагательном наклонении, Кирилл Туровский берет на себя смелость представить воображаемый экзегетический монолог Христа — ‘но словно бы так сказал Господь’:

нѣ да ꙗꙑ мнѣмъ. ꙗко семѣмъ ꙗꙑдѣнѣмъ се ꙗꙑ хѣ. нѣ вѣмъ намъ прнѣмѣннѣмъ
крѣпнѣмъ блѣтъ <...> нѣ ꙗко се бѣи рекаѣ кѣ нѣѣѣѣѣмъ томѣ ꙗꙑ. се вѣ тоѣ
всѣѣ аѣама мѣзѣлн нѣѣннѣ. нѣ падѣша прѣстоꙑпленнѣмъ вѣзѣѣѣѣ нѣ всѣрѣѣѣѣ
клатѣмъ тоѣ нѣѣнъ ѡѣѣѣ <...> Тол 22.

С помощью сослагательного наклонения в целевом предложении второго по частотности глагола прямой цитации глаголатн у Кирилла Туровского приводится ожидаемая долженствующая речь, которая раскрывает содержание того, чему воспрепятствовала зависть противников Христа: «но зависть так и не позволила им познать Божию благодать, дабы говорить так: велик ты, Господи, и чудны дела твои, ибо посетил нас милостию и принес избавление людям своим». См.:

нѣ закнѣтъ не даѣше нѣмъ познати бѣѣ блѣтн. да бѣѣша ꙗꙑлн тако. вѣлн ꙗꙑ ꙗꙑ
нѣ ꙗꙑдѣнъ дѣла твоѣ. ꙗко посѣтнѣ ꙗꙑ насъ мѣтнѣ. нѣ стѣорн нѣѣѣѣѣмъ лѣѣмъ
скѣннѣмъ. нѣ нѣѣѣѣѣмъ ѡ сѣѣѣѣѣмъ прѣѣѣѣѣмъ. кѣ собѣ самн прю сѣставляше ꙗꙑху
<...> Тол 27 об.

С отсылками к прямой речи связаны в сборнике номинативные причастные формы прошедшего времени *рекъ*, которые в проповедях Кирилла Туровского

также преобладают: наряду с пятью примерами из проповедей (л. 3, 26, 31, 35 об. 2х), встречается одна форма в анонимном поучении (46 об.) и две в Житии Василия Великого (л. 81, 82 об.). В Житии Василия Великого встречается форма жен. рода *рекши*, что связано с особым «фемининным» сюжетом в этом тексте (см. ниже). У Кирилла Туровского встречается также плюральная форма *рекше* при пояснении: *якоже историчи и вѣтны • рекше летописцы и пѣснотворцы • прикланяють своя слоухы • въ бзвѣшаи межю цѣрн ратн и възплученни* 38¹⁰. В отдельных текстах наблюдаются причастия настоящего времени от данного перфективного глагола: *рекущи* (жен. р.) — в Житии Василия Великого (л. 83 об.), *рекуще* (мн. ч.) — в Слове на Рождество (л. 52), в Сказании Афродитиана (л. 61 об.).

В отличие от этого, причастные формы настоящего времени глагола относительно равномерно распределены в сборнике. 13 примеров глагола находятся в Словах Кирилла Туровского (л. 5, 8 об., 9 об., 10, 10 об., 15, 17 об., 20, 28, 28 об., 32, 35, 41) и 14 случаев в других текстах: по одному в двух анонимных поучениях (л. 24, 46 об.), два — в Слове на Рождество Христово с именем Иоанна Златоуста (л. 50, 56 об.), два — в Сказании Афродитиана (л. 59, 62), три — в Легенде об Авгаре (62 об., 63 об., 64 об.), четыре — в Житии Василия Великого (л. 75 об., 81 об., 83, 88), один — в огласительном поучении Кирилла Иерусалимского (89 об.). Вместе с тем плюральные номинативные формы количественно распределены неравномерно. В гомилиях Кирилла Туровского насчитывается 10 форм глаголюще (л. 9 об., 21 об., 22 об., 26 об., 27, 29 об., 34 об. 2х, 36, 41), а в остальных текстах лишь шесть примеров: один — в Слове на Рождество (л. 56 об.), два — в Сказании Афродитиана (л. 57, 60), три — в Легенде об Авгаре (л. 64, 64 об., 68). Тем не менее частотность причастных форм в двух апокрифических текстах оказывается очень высокой, поскольку они имеют небольшой объем. Количественные характеристики причастных форм в этом случае обнаруживают наличие в этих текстах «драматургического» напряжения, обусловленного их диалоговой насыщенностью. Житие Василия Великого, в свою очередь, отличается особая частотность причастных форм жен. рода глаголющи, вводящих прямую речь, что обусловлено одним из сюжетов текста с новым персонажем-женщиной: таких форм здесь пять (л. 86, 86 об., 87 2х, 87 об.), тогда как, помимо Жития, эти формы единичны и относятся к речи Богородицы — в гомилии Кирилла Туровского (л. 9 об.) и в Легенде об Авгаре (л. 66) (см. также две упомянутые выше формы жен. р. причастий глагола *реши*).

В то же время только у Кирилла Туровского используются нечленные косвеннопадежные формы ед. ч. глаголюща и глаголюще в составе конструкции «винительный с причастием» и в причастном обороте в качестве одного из морфосинтаксических средств введения цитирования¹¹:

¹⁰ Только в его гомилиях используется также пояснительный союз *снрѣуъ*: *нже нарицається вифзѣдъ • снрѣуъ шѣуа коупель* 17; *радѣште бо са съ мною яко шѣрѣтоуъ нзгѣзшюу драгмѣу • снрѣуъ дша всѣхъ улѣкѣ по шѣствнемъ издыкѣ* 33; *и вѣдоша по възкрѣнни въ стѣи града • снрѣуъ въ нѣнзи сномѣ* 33 об.

¹¹ А. А. Зализняк уравнивает в разговорном древнерусском языке все косвеннопадежные формы причастий с прилагательными, в отличие от номинативных нечленных форм, которые используются как предикаты [Зализняк 2004: 134, 181].

СЛЫШАМАЪ БО КЕСН ПРѢКА ГЛАША. ЯКО ОТРОУА РОДНѢСА СНЪ КЪШНЬНАГО ТОЛ 19 ОБ.; СЛЫШН МАТФѢЯ ГЛАША О ННХЪ. Н МНОГА ТЕЛЕСА ПОУКЕШНХЪ СЪХЪ КЪСТАША. Н ВНДОША ПО КЪСКРѢННН КЪ СЪАН ГРАДЪ 33 ОБ.; СН ЖЕ ѿ ННРЕМННА РАЗУМѢН ГЛАША. ДША ЯЖЕ КРАГЪ КЪ ПРѢНСПОДНАМА СЪВЕДЕ. ТЫЯ ЖЕ ГЪ НА НЕСА КЪЗВЕДЕ 35 ОБ.; ПОМАНОУЕЪ БО БЛЖНЪ ПРѢРУСКОЕ СЛОВО ГЛАШЕ. СЪБЕРѢТЕ МНОУ ПРОПѢЗНА НГО. ДА СА ПРОСЛАВНѢ БЪ КЪ СЪВЕДѢ СЪХЪ СКОУХЪ 39 ОБ.

Эти контексты важны также тем, что в них обнаруживается одна из синтаксических зон консервации архаичных нечленных форм.

Таким образом, только в проповедях Кирилла Туровского используется весь арсенал лексико-грамматических способов введения цитирования, документирования прямой речи. Очевидно, что значительное место в нем занимают узуальные архаизмы, так что их употребление у Кирилла Туровского важно для реконструкции синтаксических зон консервации архаизмов.

Неравномерно распределены в мегатексте аористы на -тъ, которые принято связывать с кирилло-мефодиевской книжной традицией. Как и в случаях с аористом рѣша, только в гомилиях Кирилла Туровского полностью господствуют аористные формы на -тъ, в то время как в восходящем к кирилло-мефодиевскому переводу Захариинском паримейнике наблюдается вариативность форм аориста при существенном преобладании тъ-форм. Распределение вариативных форм в сборнике следующее: *кѣзѣтъ* — 0 vs. *кѣзѣ* — 2 (Сказание Афродитиана, л. 59 об., 61 об.), 2 (Житие Василия Великого, л. 70, 81 об.); *начѣтъ* — 3 (гомилия Кирилла Туровского, л. 39, 39 об., 40), 1 (Житие Василия Великого, л. 78) vs. *нача* — 1 (Легенда об Авгаре, л. 63), 7 (Житие Василия Великого, л. 70 об., 78 об., 80 об., 81, 81 об., 85); *ѡчѣтъ* — 1 (Легенда об Авгаре), 2 (гомилия Кирилла Иерусалимского, л. 962х) vs. *ѡчѣ* — 0; *подѣтъ* — 1 (гомилия Кирилла Туровского, л. 35 об.) vs. *подѣ* — 0; *пѣтъ* — 1 (гомилия Кирилла Туровского) vs. *пѣ* — 0; *прѣтъ* — 4 (гомилии Кирилла Туровского, л. 5 об. 2х, 6 об., 30 об.) vs. *прѣ* — 1 (Легенда об Авгаре, л. 65 об.), *прѣа* — 1 (Житие Василия Великого, л. 78), *прѣа* — 1 (оглашение Кирилла Иерусалимского, л. 97 об.); *снѣтъ* — 1 (гомилия Кирилла Туровского) vs. *снѣа* — 0. Таким образом, только в гомилиях Кирилла Туровского в сборнике аористы с добавочным окончанием -тъ от основ на этимологический носовой гласный становятся единственно возможным типом форм, так что в этом случае воспроизводится норма наиболее архаичных старославянских источников. Нужно заметить, что и лексический состав подобных глаголов у Кирилла Туровского наиболее разнообразен. В компилятивной гомилии, приписанной Иоанну Златоусту, встречается *прѣнѣтъ* 51 об. Только у Кирилла Туровского встречается русифицированная форма аориста с добавочным окончанием: *сѹмрѣтъ* Тол 10 об. vs. *штрѣ* 63 об. в апокрифической Легенде об Авгаре; *шкѹмрѣ* 86 об., *сѹмрѣ* 88 об. в Житии Василия Великого; *прѹстрѣ* 95; *сѣмрѣ* 95 об. в огласительном поучении Кирилла Иерусалимского.

Аорист глагола **быти** в 3 л. ед. ч. во всех текстах сборника употребляется с добавочным окончанием. Аналогичные формы глагола **дати** также употребляются с добавочным окончанием в древнерусской форме **-(с)ть**, тогда как приставочные

образования от него в ряде текстов варьируются с формами без добавочного окончания, см.: *подасть* 83 об. vs. *ѡда* Тол 86 об.; *вѡдасѧ* 70; *вѡзда* 82 об. — все в Житии Василия Великого; *ѡдасть* 96 об.; *подасть* 90 vs. *вѡзда* 97 об. — в огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского. В отличие от этого, в гомилиях Кирилла Туровского приставочные глаголы всегда имеют добавочное окончание: *вѡдасть* 22 об.; *вѡздасть* 33 2х, 42 об.; *подасть* 31; *предастъ* 7 об.; *прѣдасть* 9, 9 об., 25 об.

Расширенный языковой горизонт гомилий Кирилла Туровского отразился также в особых формах имперфекта — маркированных, диагностических единицах мегаграмматики: только у него в сборнике являются обычными новые имперфекты с отмененным чередованием, которые могут быть соотнесены с основами презенса: *мыслаше* Тол 4¹², *носаше* 15¹³, *вѡзмуѡташетьсѧ* 16 об., *вѡзмуѡташе* 17, *лыѡташе* 40. Только у него находим имперфекты с кратно-перфективным значением: *вѡзмуѡташетьсѧ* 16 об.¹⁴, *презрѡху* 16 об., *вѡзмуѡташе* 17, *не сумѡзлѡнаху* 21 об.¹⁵, *не даѡаше* 27 об. Отрицание не создает новой семантической разновидности перфективных имперфектов. Инвариантное грамматическое значение у всех форм одно и то же — они обозначают действие завершенное неопределенно многое количество раз, отрицание лишь подчеркивает исчерпанность обозначенного имперфектом действия и наделяет его потенциальным модальным значением невозможности:

н все се сѡдѡваху жѡдовьскыѧ старѣнныѧ нѡ заѡнсть не даѡаше нмѡ познатн бѣѧ блѣтн Тол 27 об.¹⁶.

Такое же значение передается и предикативным причастием настоящего времени данного глагола в другой проповеди Кирилла Туровского:

добрн ѡба стада пастырн • за неже н дѣю свою положнсте • не даѡуѡе вѡлѡу кѡ агнецѡм прѣлѣжнтсѧ Тол 43 об.—44.

В сборнике, помимо проповедей Кирилла Туровского, встречается лишь два имперфекта 3 л. мн. ч. с добавочным первичным окончанием -ть в синтаксической зоне консервации праславянской по происхождению формы перед местоимением н: *вѡпрашахуть* н Тол 60 (Сказание Афродитиана)¹⁷; *молахуть* н 96 об. (огласительное

¹² В одном случае имперфект по ошибке заменен в Толстовском списке паронимичным причастием: *югоже арнн ѡ бѧ ѡѡа ѡсѣщн мыслаше* Тол 39 (в других списках *мыслаше* [Сухомлинов 1858: 58]).

¹³ Такая же форма встречается в древнерусском переводе апокрифической Легенды об Авгаре: *носаше* Тол 67 об.

¹⁴ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова *вѡзмуѡшесѧ* [Сухомлинов 1858: 36].

¹⁵ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова *умѡлаху* [Сухомлинов 1858: 41].

¹⁶ В списке второй половины XIV в. по изданию М. Сухомлинова: *Н все сѡдѡху жѡдовьскыѧ старѣнныѧ, но заѡнсть не даѡашеть нмѡ познатн бѣѧ блѣтн* [Сухомлинов 1858: 45].

¹⁷ В этом случае по ошибке — перед союзом н, как видно из контекста: *Глѣцѡм нерѣмѡлѡм • уѡ се еѡть ѡко премудрѡм персьскѡм прѣтн сѧ ѡвѣненѡм звѣздѡнѡм • н вѡпрашахуть н старѣнныѧ*

поучение Кирилла Иерусалимского). В гомилиях Кирилла Туровского, в отличие от этого, наблюдаются самые разнообразные случаи употребления форм с добавочным окончанием как в 3 л. мн., так и ед. ч., что подчеркивает собственно древнерусскую узусальную особенность имперфекта:

негоже спомъ бнѣмъ нарѣахууть кнѣжыни Тол 8 об.; сѣбрахууться въ нѣрѣмъ 16 об.; не въровахууть немю· нъ протнвоу блѣтн хуулатъ 16 об.; негда бо въздохууташеться вода 16 об.; неже н нѣса повѣдахууть звездоу 31 об.; Нмѣишь же съ собою ꙗъ 35 об.

Перед местоимением н в списке сборника отражено развитие напряженного редуцированного, как в древнерусских юго-западных источниках: сърѣтахуутн н 9 об.¹⁸

Гомилии Кирилла Туровского противопоставлены другим текстам антологии по частотности форм перфекта, в том числе с нулевой связкой. В его проповедях на 43 листах представлено 53 формы перфекта: 28 форм 2 л., из которых 2 формы мн. ч., и почти равное количество форм 3 л. ед. ч. — 25, из которых 4 формы с нулевой связкой. Вместе с тем в сборнике представлен текст с еще большей частотностью форм перфекта 3 л. ед. Это апокрифическое Сказание Афродитиана. Здесь встречается 16 форм перфекта в 3 л. ед. ч., при том что текст имеет небольшой объём — 5 листов с половиной. Для сравнения отметим, что в Житии Феодосия Печерского при гораздо большем объёме, близком объёму гомилий Кирилла Туровского, встречается лишь 13 перфектов. Кроме того, в Сказании представлена одна форма 2 л. ед. ч., одна форма 1 л. мн. ч. и три формы 2 л. мн. ч. Перфект в переводе не зависит и от греческого оригинала, в котором господствует аорист [Пенькова 2018]. В других текстах сборника перфекты либо отсутствуют, либо представлены единичными примерами, среди которых лишь четыре формы 3 л. ед. ч. и одна форма 3 л. мн. ч.: Слово о премудрости — сѧ ... роднѧ Тол 48; Слово на Рождество Христово Иоанна Златоуста — посѣтнѧ естъ 54 об.; Легенда об Авгаре — нѣлнѧ есн 62 об.; Житие Василия Великого — прѣянн соуть 73 об., есн ... нзмудрнѧ 82 об., есть ... вндѧ 84, створнѧ 85 об., слышѧ лн есн 86 об.; в двух поучениях Кирилла Иерусалимского — ѡложѧ есн 93, дѣѧ есн 95, сѧгрѣшѧ есн 95 об.

Необычно высокая частотность форм перфекта, употребляемых, в частности, и рядом с аористом, в Сказании Афродитиана могла бы свидетельствовать о восточнославянском происхождении перевода. Однако указанные выше диагностирующие единицы говорят скорее в пользу преславской традиции перевода: в Сказании при отсутствии нетематических частотны тематические аористы глагола рѣцн, употребляются лишь аористы без добавочного окончания -тъ,

жндѡвъскѧ • ѡ будущеѡмъ ѹго дѣѧ естъ пришлн • н ѡбѣщахѡмъ се • егоже нарѣуеѧ месню • роднѧ естъ.

¹⁸ Для сравнения: в Зах нет имперфектов с добавочным окончанием, а в гораздо более раннем Лаз такие формы изредка отмечаются, см.: порабѡцахууть ꙗъ Лаз 78; ѡганѧхууть ꙗъ 82.

встречается старославянская форма имперфекта бѣаше (л. 58, 58 об.), целевые и косвенно-побудительные предложения оформляются только индикативом¹⁹, наблюдаются ошибки в согласовании причастий, как в ранних южнославянских переводах²⁰. То, что перфект в 3 л. ед. ч. всегда употребляется со связкой, не соответствует обычной древнерусской норме, когда при соседстве с подлежащим связка опускается.

Тем не менее широкое употребление перфекта в самом раннем из трех имеющихся переводов Сказания требует объяснения. Оно обусловлено особым драматургическим дискурсом, проявляющимся в обилии диалогических пассажей, о чем уже речь шла выше. Этот факт очень важен, он лишний раз подтверждает исходную тесную связь перфекта со сферой прямого обмена информацией. В Сказании в диалогах могут употребляться и аористы, которые обозначают историческое прошлое, в отличие от перфектов, сообщающих о том, что стало известно в текущий момент. См., в частности:

жеруе прупе уто съднши сѣѣ дѣяние писанна доспѣло есть на ны • н есть намы
ѿ санскита лица шлануеномъ быти • еже живуще меутахомъ и владѣхомъ • к сему
оуже не даемъ пррѣтѣ Тол 59 об.

Показательно, что перфект со связкой употребляется в цепи именных сказуемых с препозиционной связкой, обслуживающих дефинирующие суждения типа «А есть Б», но не смешивается с ними. Перфектные причастия, напротив, осложняются постпозиционной связкой и нужны для информирующих предикаций о 'ставшем' при дейктической соотнесенности с моментом речи. См.:

н рекоша црѣю корень бжѣскын н црѣкын взсклонилъся есть • нѣнаго н земнаго црѣ
шбразъ приносѣ • їстоуникъ бо карниъ вѣнфеломъскыа земля есть дѣн вѣнецъ же
шбразѣ црѣаго есть проповѣданне на землѣ угодѣорнио • ѿ нюдѣ взстало есть
црѣтво еже жндовскѣу память ѿвержеть • а неже бжѣн падоша на дзскахъ • сконуанне
ѣти нхъ преспѣло есть Тол 59.

Таким образом, перфект в Сказании отчетливо соотносится с типом текста, с его драматургической структурой, насыщенной диалогической речью, как это наблюдается в значительной мере и в проповедях Кирилла Туровского, также отличающихся высокой частотностью перфектных форм. Можно утверждать, что высокая частотность форм перфекта продуцируется дискурсивно-прагматической природой текста, а ранний перевод Сказания Афродитиана в Толстовском списке подтверждает исходную принадлежность перфекта прямой речи с предикациями интерпретирующих сообщений о ставшем, обусловленными семантикой связочно-го глагола и структурой перифраз 'Х ставшее есть'.

¹⁹ В отличие от идущей вслед за Сказанием апокрифической Легенды об Авгаре (л. 62 об.–68 об.), которая включает, наряду с русизмами, и сослагательное наклонение в целевом предложении: да бы послалъ к нему пррѣтѣу тѣ їкѣну Тол 67.

²⁰ См., например: мы же шбою шлануе написано имущи • въ страну свою занесомъ Тол 61 об.

Источники, каталоги, словари и электронные коллекции

ГБ — 13 слов Григория Богослова (XI в.). РНБ, Q.п.1.16. 377 л.; по изд.: *Т. В. Кокорина, А. А. Соколова, О. А. Зуга*. 13 слов Григория Богослова [Электронный ресурс: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1].

Григ — Григоровичев паримейник (XII–XIII вв.). РГБ, Григ. 2. 104 л.; по изд.: [Рибарова, Хауптова 1998].

ЖН — Житие Нифонта Констанцского (1222 г.). РГБ, Тр. 35. 178 л.; по изд.: *Матеріяли з історії візантійско-слов'янської літератури та мови* / Підг. А. В. Ристенко. Одеса, 1928. С. 239–383.

Зах — Захариинский паримейник (1271 г.). РНБ, Q.п.I.13. 264 л.; по интернет-изданию: *О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова*. Захариинский паримейник 1271 г. [Электронный ресурс: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>].

Лаз — Лазаревский (Сковородский) паримейник (первая половина XII в.). РГАДА, Тип. 50. 126 л.

Лоб — Лобковский паримейник (1294–1320 гг.); разночтения по изд.: [Рибарова, Хауптова 1998].

Мольков 2018а — Милятино евангелие. Рукопись РНБ, Ф.п.I.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Описание языка, подгот. текста, коммент., словоуказатели Г. А. Молькова. М.; СПб., 2018а.

Рибарова, Хауптова 1998 — *З. Рибарова, З. Хауптова*. Григоровичев паримейник. I. Текст со критички аппарат. Скопје, 1998.

СК 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

СК 2002 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XI. М., 1988–2016–.

Тол — Толстовский сборник (вторая половина XIII в.). РНБ, Ф.п.I.39. 184 л.; по изд.: *О. Ф. Жолобов, А. А. Бакиаева и др.* Толстовский сборник втор. пол. XIII в. [Электронный ресурс: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>].

Тр — Паримейник (втор. пол. XIV в.). РГБ, Тр. 4. 142 л.; по изд.: *О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова*. Паримейник втор. пол. XIV в. [Электронный ресурс <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>].

SJS I–IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1956–1997.

Литература

Баранов В. А., Жолобов О. Ф. Лингвостатистическое исследование частотных слов в Словах Кирилла Туровского (по рукописи РНБ, Ф.п.I.39) // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2020. № 1 (в печати).

Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игореві... — 3». Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Т. XVII. 2009. № 2. С. 248–287.

Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Жолобов О. Ф. О рефлексах *ti-* и *t-* форм глаголов в древнерусском языке // Russian Linguistics. Vol. 38. 2014. No. 1. С. 121–163.

Жолобов О. Ф. Древнерусский глагол: к истории презенса. Казань, 2016а.

Жолобов О. Ф. Заметки о словоформе *e* ‘есть’ в древнерусской и старославянской письменности // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Т. 5. 2016б. № 1. С. 114–125.

Жолобов О. Ф. Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016в. 1 (63). С. 91–99.

Жолобов О. Ф. Простой индикатив в кирилло-мефодиевских источниках (к интернет-изданию Захариинского паримейника 1271 г.) // Russian Linguistics. Vol. 40. 2016г. No. 2. С. 153–172.

Жолобов О. Ф. Древнерусская грамматика: простые претериты и *praesens historicum*. Казань, 2017.

Жолобов О. Ф. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 73–77.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008а.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008б.

Крысько В. Б. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122–148.

Крысько В. Б., Мольков Г. А. Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 73. 2017. Hft. 2. С. 331–395.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Михеев С. М. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2019. Vol. 8. № 2. С. 7–65.

Мольков Г. А. Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. 2017а. № 1 (33). С. 179–195.

Мольков Г. А. Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках Евангелия // Русский язык в научном освещении. 2017б. № 2 (34). С. 180–193.

Мольков Г. Супин в древнерусских списках Евангелия XI–XIII веков // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Т. LXVI. 2018б. С. 319–332.

Новак М. О. Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39): атрибуция и композиция // Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции (Рим — Салерно, 4–9 февраля 2019 г.). М., 2019. С. 137–142.

Пенькова Я. А. Перфект и аорист в Сказании Афродитиана по Толстовскому списку XIII в. // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 155–159.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011а.

Пичхадзе А. А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библиистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011б. С. 462–480.

Пичхадзе А. А. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. 2016. С. 499–515.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. Т. XX. 2011. № 2. С. 240–293.

Сухомлинов М. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. II. СПб., 1858.

Žolobov O. Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) // *Zeitschrift für Slawistik*. 2016. 61 (2). P. 305–321.

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga region) Federal University

(Kazan, Russia)

ozolobov@mail.ru

DIAGNOSTIC VERB FORMS IN OLD RUSSIAN PAROEMIARIONS AND THE 13TH-CENTURY TOLSTOVSKY SBORNIK

The article examines variable verb forms whose distribution creates grammatical subsystems and determines the typology of texts. Such forms are diagnostic in nature. The article provides a complete list of diagnostic parameters based on the morphosyntax of the verb. The use of diagnostic forms such as the simple aorist, the aorist with an additional ending, imperfect with an additional ending, perfective imperfect, the perfect tense (third person), and some others, is described. The article analyzes handwritten material from the Paroemiarion connected to the Cyrillo-Methodian tradition and of varying origin. The status of the simple aorist in written Old Russian is clarified. The focus lies on the analysis of the variable forms of the verb in a megatext, the 13th-century Tolstovsky Sbornik, which includes both Old Russian originals and translated texts, as well as early lists of Bulgarian translated texts.

Keywords: Old Russian manuscripts, grammatical variability, diagnostic forms of the verb

References

Baranov V. A., Zholobov O. F. Lingvostatisticheskoe issledovanie chastotnykh slov v Slovakh Kirilla Turovskogo (po rukopisi RNB, F.p.I.39). *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. 2020. № 1 (forthcoming).

Elizarenkova T. Ya. *Grammatika vedyyskogo yazyka*. Moscow, 1982.

Gippius A. A. «Rekosha drouzhina Igorevi... — 3». Otvet O. B. Strakhovoy (Eshche raz o lingvisticheskoy stratifikatsii Nachal'noy letopisi). *Palaeoslavica*. 2009. T. XVII. No 2. S. 248–287.

Krys'ko V. B. Ob izdanii Skitskogo paterika. *Voprosy yazykoznaniya*. 2014. № 5. S. 122–148.

Krys'ko V. B., Mol'kov G. A. Yazykovye osobennosti Uchitel'nogo evangeliya Konstantina Preslavskogo i ego drevneyshego spiska. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 73. 2017. Hft. 2. C. 331–395.

Meillet A. *Obshchieslavyanskiy yazyk*. Moscow., 1951.

Mikheev S. M. Minei dvukh Domok: Eshche raz o pistsakh sluzhebnykh miney iz novgorodskogo Lazareva monastyrya. *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 8. 2019. No 2. S. 7–65.

Mol'kov G. A. Prostoy aorist v drevnerusskoy pis'mennosti. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017a. № 1 (33). S. 179–195.

Mol'kov G. A. Nesoglasovannye prichastnye formy v rannikh drevnerusskikh spiskakh Evangeliya. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017b. № 2 (34). S. 180–193.

Mol'kov G. Supin v drevnerusskikh spiskakh Evangeliya XI–XIII vekov. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*. T. LXVI. 2018b. S. 319–332.

Novak M. O. Slovo na Rozhdestvo Khristovo v Tolstovskom Sbornike XIII v. (RNB, F.p.I.39): atributsiya i kompozitsiya. *Devyatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniya. Materialy konferentsii (Rim — Salerno, 4–9 fevralya 2019 g.)*. Moscow, 2019. S. 137–142.

Pen'kova Ya. A. Perfekt i aorist v Skazanii Afroditiyana po Tolstovskomu spisku XIII v. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh po-lietnicheskoy sredy: opyt i perspektivy*. T. 2. Kazan', 2018. S. 155–159.

Pichkhadze A. A. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt*. Moscow, 2011a.

Pichkhadze A. A. Slavyanskoe prichastie-skazuemoe v zavisimyykh predikatsiyakh kak pokazatel' modal'nosti i evidentsial'nosti. *Bibleistika. Slavistika. Rusistika: K 70-letiyu zaveduyushchego kafedroy bibleistiki professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva*. St. Petersburg, 2011b. S. 462–480.

Pichkhadze A. A. O predikativnom vs. atributivnom upotreblenii prichastiy v drevnerusskom: neizmenyaemye prichastiya. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*. Vyp. 10. 2016. S. 499–515.

Semerén'i O. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie*. Moscow, 1980.

Strakhova O. B. Augmentnyy imperfekt i dve normy: novyy vzglyad v svete statisticheskikh dannyykh. *Palaeoslavica*. T. XX. 2011. № 2. S. 240–293.

Sukhomlinov M. *Rukopisi grafa A. S. Uvarova*. T. II. St. Petersburg, 1858.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow, 2008a.

Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *vzglyad lingvista*. Moscow, 2008b.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. 2-e izd. Moscow, 2004.

Zholobov O. F. O refleksakh ti- i t-form glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russian Linguistics*. Vol. 38. 2014. No. 1. S. 121–163.

Zholobov O. F. *Drevnerusskiy glagol: k istorii prezensa*. Kazan', 2016a.

Zholobov O. F. Zametki o slovoforme e 'est' v drevnerusskoy i staroslavvyanskoy pis'mennosti. // *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. T. 5. 2016b. № 1. S. 114–125.

Zholobov O. F. Prostoy indikativ v Vygoleksinskom sbornike. // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016v. 1 (63). S. 91–99.

Zholobov O. F. Prostoy indikativ v kirillo-mefodievskikh istochnikakh (k internet-izdaniyu Zakhariinskogo parimeynika 1271 g.). *Russian Linguistics*. 2016g. Vol. 40, No. 2. C. 153–172.

Zholobov O. F. *Drevnerusskaya grammatika: prostye preterity i praesens historicum*. Kazan', 2017.

Zholobov O. F. Tolstovskiy sbornik XIII v. kak megatekst. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh polietnicheskoy sredy: opyt i perspektivy*. T. 2. Kazan', 2018. S. 73–77.

Žolobov O. Present tense forms variability in the Paroemiaron Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition). *Zeitschrift für Slawistik*. 2016. 61 (2). P. 305–321.

С. И. Иорданиди

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

siordanidi@yandex.ru

К ИСТОРИИ ИМЕНТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО НА -А́ В ИМЕНАХ НЕСРЕДНЕГО РОДА

Поводом к работе над становлением и развитием номинативных плюральных форм мужского рода на -а́ (*городá, рукавá*) послужила статья А. А. Зализняка, в третьей части которой исследован названный сюжет («Вопрос об Им. мн. несреднего рода на -а́» [Зализняк 2018: 21–30]). Вопрос о происхождении рассматриваемых форм, сложный и, на наш взгляд, дискуссионный, все еще требует пересмотра роли различных факторов в становлении и развитии Им. мн. несреднего рода на -а́.

В предлагаемой статье обсуждаются следующие вопросы: 1) генезис исследуемых форм; 2) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших новую флексию на первых этапах ее существования; 3) распространение форм на -а́ на протяжении истории языка (с вниманием к их хронологической и территориальной отнесенности).

Ключевые слова: история языка, древнерусская морфология, плюральные формы, флексия, акцентная парадигма.

Предварительные замечания

Новая статья Андрея Анатольевича Зализняка [2018] заслуживает самого пристального изучения. Мы остановимся на её третьей части, посвященной формам Им. мн. числа на -а́ (типа *лесá*), которая представляет большой интерес для тех, кто занимается этой проблемой. Наше исследование данной флексии было опубликовано довольно давно [Иорданиди 1982: 247–266]. Представляя свои соображения, наблюдения и материалы, в значительной мере дополненные, подчеркнем, что исследование А. А. Зализняка остается высоким образцом всестороннего анализа интересующей нас проблемы. Задача автора заключается в том, чтобы по мере сил и возможностей сосредоточиться на некоторых итоговых наблюдениях А. А. Зализняка.

В соответствии с нашими представлениями о становлении исследуемых форм выделяем три сюжета: 1) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших

нетривиальную флексию (термин А. А. Зализняка) в начальный период ее существования; 2) расширение состава слов с флексией -á, иллюстрируемое материалами, распределенными по хронологии и территориальной отнесенности; 3) происхождение исследуемой формы.

Как кажется, чтобы осознать весь масштаб этой морфологической истории, имеет смысл сначала обратиться к материалам, чтобы, как писал Р. Якобсон по другому поводу, «уяснить себе исторический процесс и усвоить правила игры аналогий» [Якобсон 1985: 176].

Существует более двух десятков работ, специально посвященных названной проблеме. В статье наряду с собранными нами материалами, извлеченными из памятников и исторических и диалектных словарей, использованы также материалы других авторов, исследовавших этот вопрос. По мере необходимости затрагиваются проблемы связи акцентных парадигм с процессом распространения исследуемой флексии номинатива в начальный и в ненаачальный периоды его развития. Известно, что этот сюжет подробнейшим образом изложен в многочисленных публикациях А. А. Зализняка [2002: 478–526; 2002а: 545–549; 2014: 269–276], поэтому нет необходимости подробно его излагать.

Материалы

Итак, начало функционирования нетривиальных номинативов относится к XV в. В этот период формы на -á представлены лишь единичными примерами, в первую очередь словами со значением парности (*бока, рукава*). Их трактовка как плюрализированных форм дв. числа в некоторых контекстах представляется убедительной. Первоначально новое окончание -á возникает в акцентной парадигме *с*, где все слова выступали с начальным ударением, а во мн. числе единого ударения не было (*гóродъ гóрода* — *городóвъ, гóроды* и т. д.). В дальнейшем происходит расширение акцентуационных рамок для слов, принимающих флексию И. мн. -á. Ограничения структурного и акцентного характера, накладываемые в начальный период на распространение флексии -á, обусловлены тем, что односложные основы с подвижным ударением раньше других попадают в русло морфологических преобразований: ср. историю форм родит.—местн. ед. ч. на -у (*лесу*) и И. мн. на -ов'е (*плодове*). По нашим наблюдениям, к числу ранних случаев употребления исследуемых форм в значении мн. ч. можно отнести следующие:

рукава же риз ихъ широци (мн.ч.) Сб. Кир.-Белозер., 1476¹;

Рукава же ризъ широци а долзи Хожд. Игн. Смольнянина 1392 г. по сп. XV в.;

Татарове же многи града поимаша и волости повоеваша Лет Авр 1495, стб. 129 (но — *начаша ставити города...* по Сулѣ ЛН XIII₂, 68 об.);

¹ Сокращения названий источников соответствуют принятым в цитируемых источниках, а также в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (Т. 1–11. М., 1988–2016) и «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Т. 1–30. М., 1975–2015).

а в *колокола* латыни звонят Путеш. новг. архиеп. Антония, сп. нач. XV в. (но — *колоколы* съима у *стыа* софие ЛН XIII–XIV, 3 об. (1066); *колоколы* изнесоша всѣ ЛИ ок. 1425, 194 об. (1171)).²

Сюда же можно отнести с некоторыми колебаниями и формы дв. числа с числительным *три*:

изѣмь. три *златника* Пр 1383, 73в; видѣста три *столпа* яки дугы зарны 75б (примеры из [Жолобов, Крысько 2001: 200–201]).

О. Ф. Жолобов видит здесь не формы мн. ч., а лишь потенциальную линию их развития. В берестяных грамотах сочетания с числовым словом *три* и флексией *-á* представлены также спорадически:

по *г*: *рѣбла* ГрБ 65 (первое сорокалетие XIV в.); *о г*: *рѣбла* 144 (10–30 XIV в.); *г*: *полосца* (70–90 XIV в.) [Там же].

По справедливому замечанию О. Ф. Жолобова, в двойственном квантитативе, утратив ясную морфологическую принадлежность, форма на *-á* стала выступать не как член подпарадигмы дв.ч., а как изолированная форма И–ВП муж.р. на *-á* [Там же: 203].

В среднерусский период закрепление И. мн.ч. *-á* в этом классе слов происходит в условиях длительного сосуществования с флексией *-и(-ы)*: *глазы* — обычная форма до конца XVI в. (например: о *стыи* Пантелеймоне поспѣши уже *глази* спа(т) хотяъ Пар XIV–XV, приписка, 99 об.), *роги*, *рукавы* отмечаются на протяжении XVIII в.

В течение XVI–XVII вв. формы на *-á* получают дальнейшее распространение, хотя все еще остаются малоупотребительными. В деловых документах этого периода можно отметить следующие:

жернова новые запасные АЮ, 1568 г.;
пожаловати <...> *леса* пашенные Арх. Маслова 26, 32;
и *леса* велѣно отмѣжѣвати Арз. акты 162;
луга Там же [Ананьева 1960: 326];
тагана и решотки <...> все было в счете Дом XVI, 125 [Демидова 1958 144: 79],
а также *города*, *моста*, *мастера*, *луга*, *струга*, *снега* [Иорданиди 1982: 216].
Дублетность форм на *-а/ -и(-ы)* обнаруживается в оформлении одних и тех же лексем в пределах одного контекста:
на лѣвой сторонѣ *луга* Гороховских слободщиков, а сошлис <...> тѣ *луги* съ Спаскими луги Гр 1529, 154, и т. д.

² В примере *Того лѣта пригонѣ быль хрестьяномъ к Новугороду города ставити* Лет Авр, стб. 178 форма *города* в значении ‘ограда, стена’ может быть интерпретирована как форма дв. ч. В Комиссионном списке I Новг. летописи и в IV Новг. летописи в этом контексте ей соответствует форма ед. числа *городъ*.

Флексия -á, закрепляясь как новообразование разговорного языка, неравномерно распространяется в различных диалектных системах. Более широкая употребительность исследуемых форм наблюдается в южнорусском ареале. Чрезвычайно показательны данные курских, воронежских и других южнорусских деловых документов, содержащих большее число форм на -á в сравнении с данными новгородских, двинских, в особенности, московских памятников, представляющих эти образования в единичных случаях. Так, форма *леса* отмечается 16 раз в «Материалах для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI–XVIII столетии», *колокола* — 12 раз в «Воронежских писцовых книгах» 1651–1661 гг. [Демидова 1958: 76–79]. «Памятники южновеликорусского наречия» [Памятники 1977],] также содержат словоформы на -á: гдѣ *леса* болшие омѣривал 17 и т. п. В то же время деловой язык Москвы демонстрирует строгую лимитированность форм И. мн. на -á: в «Уложении» 1649 г. зафиксированы лишь словоформы *лѣса* 82, 159, 211, 233 и *суда* (но обычно — *суды*) [Андреева 1969: 16]. В «Письмах и бумагах Петра I» также отмечается несколько аналогичных форм: *берега*, *бока*, *колокола*, *леса* [Семин 1953: 11].

Опережающее развитие форм на -а в обиходно-разговорной речи находит отражение в скудном инвентаре примеров на -á в книжном языке XVI–XVII вв. В «Казанском летописце» зафиксирована лишь одна такая словоформа: во граде Казани звонѣ в *колокола* 395; в бытовых повестях этого периода отмечены формы *глаза*, *острова*, *леса*, *города* [Фролова 1948: 183] Ср. также: за волосы дерут, и под *бока* толкают <...> и в *глаза* плюют [Жит. Авв. 82] (в аналогичных контекстах Аввакум употребляет множественное число, ср.: меня водили пешева на патриархов двор, также *руки* ростяня [Там же 83], в дв.ч. было бы *руцѣ*).

К середине XVIII в. список лексем, оформляемых флексией -á, значительно расширяется, но нетривиальное окончание в ряде случаев выступает одновременно с окончанием -и(-ы). М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» приводит такие дублетные формы, как *береги* — *берега*, *луги* — *луга*, *лѣсы* — *лѣса*, *островы* — *острова*, *снеги* — *снега*, *струи* — *струга*, *колоколы* — *колокола*. Только с флексией -á отмечены *бока*, *рога*, *глаза* [Ломоносов 1952: 46]. О закреплении форм ИП мн.ч. на -á к концу XVIII в. дает представление перечень словоформ, извлеченных из памятников этого периода различных жанров: *берега*, *бока*, *борова*, *вечера*, *воза*, *глаза*, *голоса*, *города*, *доктора*, *дома*, *колокола*, *края*, *леса*, *лоцмана*, *луга*, *мастера*, *меха*, *невода*, *образа*, *обицлага*, *острова*, *паруса*, *повара*, *погребя*, *пояса*, *рога*, *снега*, *струга*, *терема*, *хлева*, *якоря*, *завеса*, *плуга*, *шага*, *ордена*, *волоса*, *стога*, *ястреба* [Очерки 1964: 209]. Образования с флексией -á, принадлежащие разговорному языку, в литературном языке не являются стилистически маркированными, что находит отражение в употреблении этих форм в произведениях «высокого» жанра: *града*, *луга*, *берега*, *острова* и др. [Там же: 208].

На протяжении XIX в. сфера функционирования флексии -á значительно расширяется, распространяясь далее в область суффиксальных и заимствованных образований: *лекаря*, *ассессора*, *писаря*, *лоцмана*, *доктора*, *профессора*, *смотрителя*, *служителя*, *вензеля*, *корпуса*, *автора*, *рубежа*, *молота*, *слесаря*, *кельнера*,

фельдшера, тормоза и мн. др. Параллельно с ростом дублетных образований (*веки — века, ветры — ветра, волосы — волоса, дома — дома, поясы — пояса, суды — суда, учителя — учителя, месяцы — месяца, стоги — стога* и др.) наблюдается тенденция к вытеснению отдельных форм на *-и(ы)* формами на *-á* (*снега́, дома́* и др.)³. Дальнейший рост словоформ с флексией *-á* уже не связан с ограничениями акцентного и структурного характера лексем, а является фактом грамматической аналогии и семантики. В современном литературном языке, по данным А. А. Зализняка, насчитывается около 250 слов м.р. с флексией ИП мн.ч. *-á* (в разговорной профессиональной речи и в диалектном языке таких форм существенно больше) [Зализняк 2002: 546–547]. Заметим, что совсем недавно прозвучало *флотá* (по радио), *матеря́* (по телевидению) и *ключá* (в речи рабочих).

Диалектные материалы свидетельствуют об активном распространении флексии *-á*, которая, обладая сильным индуцирующим характером, оформляет существительные не только мужского, но и женского рода. По говорам отмечаются следующие словоформы на *-á*: *бора, вереда, воза, волка, ворона, голода, грома, двора, дуба, жука, ключа, куста, лова, морока, моста, парома, пола, полка, ряда, конюха, выхода, запаха, пальца, пластыря, приговора, промысла, ситца, уговора, арбуза, войлока, дьякона, кавалера, оратора, рекрута, топора, верста, в голова, крутыи гора, деревня, яблоня, пустота, податя, волостя, зелена, круча, грязя, печя, площадь, степя, церквя, шинеля* и мн. др. [Обнорский 1931: 8–58].

Материалы ДАРЯ показывают, что распространение флексии *-á* связано с широким диалектным массивом, ограниченным соседством с белорусской и украинской языковой территорией, хотя и там изредка встречаются такие формы (например, *вуса*). В ряде севернорусских говоров флексия *-а* оформляет суффиксальные образования на задненебный согласный, оставась в этом случае безударной: *вороненка, сапоженка, башимаченка, мужичонка* [Там же]; *братишка, дворишка, глазка, рукавка* [Бромлей, Булатова 1972: 102–103] *парнишоночка, торфушка, крайка* [Соцкова 1976: 41]. Окончание *-á* распространено в говорах гораздо шире, чем в литературном языке; оно оформляет имена, известные нормированному языку только с флексией *-и(-ы)*: *парня, волоса, моста, фунта, кола, солода, хмеля, севера, живата, сока, груза, двора, хвартука, мѣнастыря, выбара, һлубя, льдыря* и др. [Иорданиди 1982: 220–221].

Процесс распространения наблюдаемой флексии захватывает сущ. женского рода, в основном в ареале южнорусского наречия и среднерусских акающих говоров. По наблюдениям С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой, оформление имен женского рода флексией мн. числа *-á* связано не только с типом склонения, но и с принадлежностью к определенному акцентологическому классу (имеется в виду принадлежность к генетическим **-а* и **-i*-основам и ударность основы в ед. числе и окончания во мн. числе). В говорах отмечаются такие номинативы, как: *бровя,*

³ Исследуемый процесс оказался весьма активным. По словам Я. К. Грота, «... окончание *-а*, *-я* во множественном числе имен мужского рода чрезвычайно распространено в языке и, можно сказать, беспрерывно делает в нем новые завоевания» [Грот 1899: 329].

ведомостя, вестя, ветвя, вещь, властя, волостя, горстя, грудя, дверя, должно-
стя, дробя, жердя, зелена, кистя, плетя, крепостя, кровя, лошада, матеря, дочеря,
ноча, областя, очередь, печя, плетя, площадь, податя, помоча, реча, сетя, скатер-
тя, снастя, соля, степя, цепя, церквя, частя, щеля, баня, буква, вишня, воля, гру-
ша, деревня, дыня, книга, конюшня, кожа, кофта, куча, мельница, оглобля, роца,
свадьба, сила, ступа, тыква, тысяча, улица, хата, шуба и мн. др. [Бромлей, Бу-
латова 1972: 102–103]. Здесь также обнаруживается флективный параллелизм —
И. мн. на -á и -и(ы), т. е. *брови* — *бровя*, *силы* — *сила* и т. п. [Там же].

Становление номинативов мн. на -á, как и становление унифицированной па-
радигмы мн. числа с показателем множественности *a*, относится не к простым по-
ступательным процессам, а к сложным и неравномерным. «Необычайная внешняя
прихотливость» истории форм на -á [Ожегов 1955: 26] связана со многими разно-
плановыми факторами: сменой акцентуации, частотностью, семантикой, сменой
стилистической маркировки⁴ и т. п. Приведем сравнительные данные об интересу-
ющих нас формах по работам А. Х. Востокова [1831: 378–383], Я. К. Грота [1899:
329–332], В. И. Чернышева [1970: 504–505]. Эти работы демонстрируют увеличе-
ние год от года списка исследуемых словоформ, вместе с тем Грот не включает
в свой список слова *боров*, *брег*, *возраст*, *ректор* и др., фигурирующие у А. Х. Вос-
токова; список Чернышева существенно шире, но автор не включает такие слова,
как *вахтер*, *веред*, *вертел*, *вымпел*, *гетман*, *пекарь*, *ротмистр*, *рупор*, *череп* (как
ненормативные для описываемого периода). Как справедливо отмечал С. И. Оже-
гов, «многие слова, приобретая это окончание, в дальнейшем его не сохранили
и возвращались к старому. Взамен появлялись новые серии слов с окончанием -á»
[Ожегов 1955: 25].

Происхождение

Относительно происхождения И. мн. с флексией -á в именах несреднего рода
было выдвинуто множество гипотез. Они известны, но позволим себе совсем
коротко напомнить о них. А. И. Соболевский полагает, что появление новообра-
зований на -á (*лѣсá*, *городá*) связаны с дуальными формами (типа *бокá*, для ко-
торых предполагается конечное ударение), собирательными (типа *господа* с удар-
ным -а, *латина* с безударным -а), и сущ. на -ья (*братия*, *зятя*, *дядя*, *каменья*
и т. п. с любым ударением) [Соболевский 1907: 218–222]. А. А. Шахматов, счи-
тая основным в решении исследуемой проблемы вопросы акцентологии и опира-
ясь на представление о развитии номинатива-аккузатива на -á в дуалисе от слов
с подвижным ударением, полагает, что формы И. мн. на -á являются продолжени-
ем исчезнувших форм дв.ч. [Шахматов 1911: 503]. С. П. Обнорский обосновывает

⁴ Любопытное замечание о «своего рода» дополнительном распределении грамматического
и стилистического варьирования ближе к концу среднерусского периода было сделано Д. Вор-
том: «... начало и середина XVII в. были временем усиления грамматической стандартизации
и, одновременно, — временем ослабления стилистических ограничений» [Ворт 2006а : 328].

точку зрения А. А. Шахматова обширным диалектным материалом и делает ряд интересных наблюдений относительно дальнейшего развития рассматриваемых форм [Обнорский 1931: 54]. Колебания Л. А. Булаховского относительно места ударения в субстантивных формах И.-В. дв. ч. муж. рода (на первом слоге или на последнем) дают ученому основание усомниться в образовательной активности дуальных форм и вернуться к гипотезе В. Ягича об аналогических отношениях Р. ед. — И. мн. (*облака* — *облака́*, *бе́рега* — *берега́*) [Булаховский 1953: 127 и след.]. В работах последующего периода причины появления флексии И. мн. муж. рода на *-á* рассматриваются или в связи с утратой форм дв. ч. или с индукцией И. мн. ср. рода при участии ряда сопутствующих факторов, в частности акцентологического аспекта, унификации флексий Д., М., Т. мн. и выделения показателя множественности *a*.

Оригинальное видение этого процесса изложено в вышеназванной статье А. А. Зализняка, который подробнейшим образом рассматривает процесс постепенного распространения форм И. мн. на *-á*, исходя из принадлежности соответствующих слов определенным акцентным парадигмам. Полагая, что замена старых форм на новые была стимулирована тенденцией к установлению единого ударения во всей субпарадигме мн. числа, ученый констатирует, что новое окончание появляется только в акцентной парадигме *c*, где все слова в ед. числе имели начальное ударение (*гóродъ*, *гóрода*, *луг*, *луга*), а во мн. числе «единого ударения не было», и это соотношение «получило статус синхронического правила». Далее, по мере продвижения к нашему времени, в описываемый процесс включаются слова других типов акцентуации — с различного рода нюансами (в литературном языке), но в говорах процесс развития исследуемых форм не подчиняется разного рода ограничениям, действующим в литературном языке.⁵

А. А. Зализняк, делая выводы о причинах становления номинатива на *á*, категорически отвергает участие в этой истории форм дв. числа [Зализняк 2018: 28] и называет два фактора, приведшие к появлению образований на *-á* в И. мн.: 1) распространение единого показателя мн. числа *a* — из косвенных падежей и 2) и развитие новых словоформ И. мн. со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью, позволяющей им сочетаться с определениями и предикатами как в ед., так и во мн. числе [Там же].

⁵ На возможность совмещения двух факторов, обуславливающих образование форм мн. числа на *-a* в современном русском языке, обращает внимание Д. Ворт. Помимо места ударения в ед. числе (где ударение или падает на единственный слог, или — в двусложных и многосложных словах — ударным является предпоследний слог: *жéмчуг*, *óткуп*, *пóезд*, *áдрес*, *пáрус*, *бу́фер*, *пе́карь*, *дирéктор*, *кондúктор*, *профéссор*, *учи́тель*, *прожéктор* и др.), автор обращает внимание на сегментно-фонологические условия возможности образования мн. числа на *-a*, а именно: присутствие в основе муж. рода нео- или псевдополногласия. Это следующие основы: 1) с восточнославянским полногласием — *берег*, *тетерев*, *голос*, *колокол*; 2) русские основы, отчасти повторяющие фонологическую структуру полногласных сочетаний, — *пóтрых*, *тóрмоз*; 3) с основами на плавные, которым предшествуют смычные, в исконных или заимствованных словах — *вёчер*, *тóполь*, *сóболь*, *штéпсель*, *шóмпол* [Ворт 2006: 19]. Представляется, что детальный анализ этих фактов должен иметь место в дальнейших исследованиях.

Поддержанная А. А. Зализняком теория о развитии в И. мн. флексии *á* из косвенных унифицированных форм Д., Т., М. кажется убедительной⁶. Но, как мы полагаем, резонно было бы обратить внимание на историю нетривиальных форм И. мн. существительных ср. рода — типа *дѣлы*, появляющихся в то время, когда унифицированные флексии мн. числа -ам, -ами, -ах уже утвердились в языке. Как нам представляется, этот процесс — не что иное, как экспликация мощнейшей тенденции нейтрализации рода в парадигмах мн. числа, вылившейся в «зеркальный» процесс появления нетривиальной флексии-и(-ы) в И. мн. имен ср. рода из парадигмы имен муж. рода.

Стоит заметить, что В. Ягич [1889: 104–105] первым высказал предположение о том, что «... эти формы (И.мн. на -á — *С.И.*), довольно поздние, стали входить в употребление только тогда, когда в трех косвенных падежах уже установились окончания амъ, ахъ, ами... Нельзя, однако, утверждать, что упомянутых трех падежей было достаточно для воспроизведения именительного на а... Спрашивается, не действовала ли тут, в самом деле, аналогия окончания среднего рода на а?». Вот что важно, как нам представляется.

На этом утверждении есть смысл остановиться. Правомерный вопрос о причинах, по которым И. мн. ср. рода был взят «на вооружение» И. мн. муж. рода, может получить аргументированный ответ. Мы исходим из положения, наиболее четко сформулированного В. К. Журавлевым и В. П. Мажюлисом о том, что генерализация флексий осуществлялась по горизонтальной оси парадигм [Журавлев, Мажюлис 1978: 39]. Что касается ударности флексии И. мн. *а*, то это не только и не столько результат влияния индуцирующих форм разного рода, а следствие включения таких форм в парадигму с инновационными флексиями *ам*-, *-ами*, *-ах*. Эта «тройка» формирует во множественной парадигме колонное ударение.

Итак, важнейший процесс, определивший судьбу субстантивных парадигм во мн. числе, — процесс нейтрализации признака грамматического рода. Он представлен, в частности, и в «зеркальной» замене исконных форм сущ. ср. рода мн. числа на -а формами на -и(-ы): *сѣлы*, *бревны*, *письмы* и т. п. Такие формы появляются одновременно с формами И. мн. муж. на -á, т. е. в начале среднерусского периода: *числы* Пч XV, 1 об., *лѣты* Гр (двин.) XV в., *сѣлы* с бортью ДДГ 1401–1402; а въ грамотѣ у васъ <...> *имяны* не писаны АЮБ, 15. Б. Унбегаун приводит форму *осмеры колесы* ЛО 1553, 133 [Unbegaun 1935: 163–164]; В XVI–XVII вв. зафиксировано много таких образований: *блюды*, *государствы*, *царствы*, *княжествы*, *помѣсты* [Сосон 1962: 68–69], *болоты*, *бревны*, *воеводствы*, *войски*, *деревы*, *жилицы*, *зеркалы*, *знамены*, *колесы*, *окны*, *письмы* [Даневич 1961: 8] и т. п. Что

⁶ Эта точка зрения наиболее четко была сформулирована А. А. Зализняком ([2002], первое издание 1967 г.), а затем, независимо от этой работы, В. М. Марковым [1974: 121]. Аналогичную концепцию развивает Г. А. Хабургаев [1990: 152 и след.], трактуя а как показатель множественности именной парадигмы. Заметим, что в юго-западных говорах в XIV в. «уже сложилась весьма унифицированная парадигма *о-склонения: ИП -ове — РП -ов — ДП -ом — ТП -ми — МП -охъ (типа *панове*—*пановъ*—*паномъ*—*панми*—*панохъ*)» [Иорданиди, Крысько 2000: 272–273; Иорданиди 1981: 172; 1982: 13–14 и др.].

касается территориального распространения этих инноваций, то в новгородских и двинских грамотах они минимальны — например, *ловищи*. В южных деловых документах, напротив, они весьма многочисленны: *месты, стоилы, письма, окны, урочищи, гумны, тяглы, копыты, наси(л)ствы* и т. п. [Памятники 1977]. Эти формы отмечаются очень часто в памятниках деловой письменности XVII в.; С. П. Обнорский [1931: 118–121] приводит ряд примеров, извлеченных им из диалектных материалов и фольклора: *болоты, гнезды, лицы, бревны, веслы, ворота, кольца, пойлы, ествы, полотенцы, платы, ружьи, корыты, сукны, полены, мясы, бельмы, дровы, полотны* и мн. др. Ареал распространения флексии И. мн. ср. рода на *-и(-ы)* — западные области, пограничные с территорией украинского и белорусского языков, а также центральные и южные области, где наблюдается функционирование исследуемых образований параллельно с исконными формами на *-а*.

О значительном распространении форм на *-и(-ы)* имен сред. рода можно говорить, лишь начиная с конца XVII в. В памятниках XVIII — первой половины XIX в., несмотря на стилистическую маркированность (они квалифицируются как разговорные), такие формы отмечаются очень часто (в том числе в текстах литературного и нейтрального характера): *правилы, правы, ядры, эхи, злодействы, предисловиш, состояниш, блаженствы, поученьи, белилы, блюды, знамены, кольца, копыты, леты, лицы, монисты, озеры, окны, паникадилы, перила, письма, полотны, пугалы, пятны, ребры, румяны, селы, сердцы, стеклы, сушилы, удилы, утры, чады, чучелы, яйцы, яствы* и др. Резкое сокращение форм на *-и(ы)* начинается со второй половины XIX в. [Очерки 1964: 234]. В книжном языке исследуемые формы утверждаются в кругу лексем на *-ко*: *яблоки, окошки, перышки, местечки* и др. Однако в диалектном языке и фольклоре И.-В. мн. на *-и(ы)* у имен ср. рода представлен значительно шире: *болоты, коленцы, гнезды, лицы, бревны, веслы, пойлы, ведры, корыты, сукны, буркалы, полотны, сёдлы* и т. п. [Бромлей, Булатова 1972: 102]. Ареал распространения этой флексии — западные области, пограничные с территориями укр. и белорусского языков, а также центральные и южные ареалы, где наблюдается функционирование рассматриваемых образований параллельно с формами на *-а*. В «Атласе говоров центральных областей к северу от Москвы» [ДАРЯ, карта № 9] И. мн. ср. рода на *-и(-ы)* зафиксирован в оскольских, костромских, калининских говорах в виде разорванных ареалов; такие формы засвидетельствованы в старобелорусских материалах (*дѣлы, мѣсты*) и в современных белорусских говорах: *воиски, ворота, вёдры, леты, письма, пёры, палотны, помёлы, сёдлы, яйцы, яблоки* и др. [Карский 1956: 141], но отсутствуют в украинском языке.

Унификация системы падежных флексий (как и унификация системы падежных противопоставлений) является содержанием процесса нейтрализации признака рода в парадигмах мн. ч. Эта унификация протекает как сокращение ряда синонимичных флексий: муж. род *столи/стола/столове/стола*, т. е. от ср. рода к муж. — здесь флексия *-а* используется наряду с *-и(-ы)* или вместо нее; от муж. рода к ср. — *-и(-ы)* наряду с *-а* или вместо нее: *мѣста/мѣсты*.

Думается, что в описании становления флексии И. мн. *-а* в кругу существительных несреднего рода причиной формирования унифицированной парадигмы

мн. числа явился процесс нейтрализации грамматического рода, а средством стала замена маркированных по роду флексий немаркированными. Полагаем, что возникновение И мн. муж. рода на — á инициировано формами номинатива ср. рода мн.ч. на -а с одновременной поддержкой формами косвенных падежей на -ам, -ах, -ами. Мы, таким образом, разделяем точку зрения В. Ягича. Ученым впервые четко был показан ход распространения номинативных форм И. мн. на -á.

А. А. Зализняк в своей статье уделяет особое внимание роли форм И.дв. на -а в истории И.мн. муж. рода на -á. Описание сложных перипетий, сопровождавших стабилизацию акцентуации форм именительного падежа дуалиса, приводит автора к мысли, что явная конкуренция форм *ро́га* и *рога́*, *бо́ки* и *бока́*, *гла́зы* и *глаза́*, фигурирующих в древнерусских текстах, не могла создать благоприятную ситуацию для закрепления И. мн. муж. рода на -á под влиянием этих форм [Зализняк 2018: 24–29].

Выводы ученого о «непричастности» форм дуалиса к формированию И. мн. на -á, как кажется, еще нуждается в анализе. На основе статистических данных об ударности/безударности интересующих нас форм А. А. Зализняк приводит материалы из акцентуированных памятников, где ударные формы численно уступают безударным, и солидаризируется с В. М. Марковым, который писал: «...от решающей роли образований типа *бе́рега*, *бо́ка* по необходимости приходится отказаться» [Марков 1974: 22].

В последних исследованиях показано, что дуальные формы существовали вплоть до конца древнерусского периода, а в таких сочетаниях, как например, *два часа*, *два шага*, В. В. Виноградов и А. А. Зализняк видели на синхронном уровне счетный падеж или счетную форму.

И все-таки, по нашему мнению, формы И. дв. на -а входили в число индуктивов И. мн. муж. р. на -á. Согласно О. Ф. Жолобову, «утрата дв. числа в древнерусском языке была длительным процессом. Она прошла четыре этапа накопления нейтральных числовых форм, заменявших маркированные формы, результатом чего явилось внутрикатегориальное семантико-грамматическое обобщение <...> завершился <...> четвертый этап к началу XV в. <...> Наиболее значительная роль в речевой трансформации числового противопоставления принадлежала <...> конструкциям с двумя именами, которые начинают смешиваться с конструкциями, содержащими многоименные последовательности» [Жолобов, Крысько 2001: 207]. И еще: «Распад дуальной подпарадигмы не затронул формы И–ВП дв.ч. в сочетаниях типа *два года*» [Там же: 209]. Добавлю со своей стороны, что эти формы функционировали еще в XVII в. и продолжают функционировать в современном языке, превратившись в квазиродительный падеж ед. числа. Говоря об утрате дв. числа, надо разделять две составляющих: категорию дв.ч. и ее формы. Ср. высказывание А. Мейе: «...исчезновение дв. числа происходило постепенно и оставило во всех языках обильные следы, морфологические и синтаксические» [Мейе 1951: 260].

Приходится сделать непопулярный вывод о том, что ударность флексии -а в кругу индуцирующих слов не имела определяющего значения в процессе закрепления

флексии *á* в словах м. р. (ср. И. мн. ср. рода *о́кна*, *бо́лота*, *я́дра*, *су́кна*, *озéра*, но *сердцá*, *делá*, *местá*, *стадá*). Распространению инновационных форм на *-á* способствовали также собирательные этнонимы: *башикира*, *зиягола*, *ижера*, *корела*, *литва*, *меря*, *морава*, *мордва*, *мурома*, *норова*, *печера*, *свея*, *черемиса*, *угра*, *чуваши*, *латина* и разнородные многочисленные образования на *-ья*, фиксирующиеся начиная с XIII в.: *камения* ПрЛ XIII в., Пр 1383, ЛИ ок. 1425; *листя*, *колосья*, *уголья*; *братья*, *шурья*, также не имеющие стабильной конечной акцентуации [Еселевич 1979: 91 и след.; Азарх 1977: 189–210].

Итак, развитие номинатива на *-á* в именах несреднего рода привело к следующим процессам: а) формированию унифицированной парадигмы с элементом *а* — показателем значения множественности и б) вытекающим отсюда противопоставлением парадигм ед. и мн. числа по структурно-акцентологическим признакам.

Обратимся к той категории слов, которые в контексте нашей проблемы также были предметом особого внимания [Иорданиди 1985: 247–266]. В древнерусском языке старшей поры слова типа *горожанинъ*, *родитель*, *мытарь* составляли особый словоизменительный класс в склонении, объединяющем существительные бывших согласных основ. Но их словоизменение можно назвать контаминированным. На протяжении XI–XVII вв. исконная флексия И. мн. *-е* (*камене* и т. п.) вытесняется флексией *-и*: *граждане*, *вавилуныя*, *аравляне*, *амазоняне*, *дворяне*, *бояре*, *полочане*, *селчане*, *поселяне* vs. *татари(ы)*, *суряни*, *горожани(ы)*, *хрестьяни(ы)*, *болгары*; *родители*, *дѣлатели*, *учители*, *мучители* vs. *грабители*, *чистители*, *сѣвѣдѣтели*; *мытаре* vs. *пушкар*, *рыбар*, *государ*, *постар*, *келар* и т. д.

С конца XV в. памятниками разговорного языка, а в XVI–XVII вв. — и книжного языка у существительных типа *горожанинъ* и *родитель* документируются формы И. мн. на *-‘а*: *христьяня*, *бояря*, *устюжания*, *дворяня*, *граждана*, *мѣщаня*, *никоняня*, *гречаня* и под. Позднее, с первой трети XIX в., эту флексию получают слова на *-тель*: *родителя*, *смотрителя*, *служителя* и т. п.

Начиная с XVI в. появляются формы номинатива на *-а* у слов типа *горожанинъ*: *бесермена*, *бояра*, *галичана*, *дворяна*, *граждана*, *новгородчана*, *миряна*, *хуторяна*, *самаряна*. Они отмечаются на севере русской диалектной территории (см. обширную библиографию и материалы в статье [Иорданиди 1985: 260–263]).

Вопрос о происхождении таких форм был предметом специальных исследований. По мнению А. А. Шахматова, формы на *-а(-я)* являются результатом перехода конечного безударного *е* → *‘а*; развитие же унифицированных флексий косвенных падежей стало причиной отвердения исходных согласных и появления номинатива на *-а* [Шахматов 2010: 335]. Аналогичного мнения придерживается Н. Н. Дурново [1924: 286]. С. П. Обнорский связывает подобные образования с влиянием собирательных этнонимов (*корела*, *черкеса*) и т. п. [Обнорский 1931: 134]. П. С. Кузнецов высказывает предположение о происхождении флексии *-‘а* под влиянием форм типа *братия*. Что касается флексии И. мн. *-á*, то, по мнению ученого, следует иметь в виду два индуцирующих фактора: класс собирательных имен на *-а*, которые согласовывались по мн. числу (*корела*, *литва*, *латигола*, *меря*, *мордва*, *мурома*, *черемиса*, *ижера*

и др.), и формы на -а, получившие твердый согласный в конце основы под влиянием косвенных падежей [Кузнецов 1959: 54]. Подытоживая, подчеркнем, что определенная роль в развитии номинатива на -á в этой категории слов играла лексическая семантика — и те, и другие имели значение лица и собирательности.

Некоторые выводы

В свете вышеизложенного можно констатировать, что флексия -á в именах несреднего рода явилась результатом действия нескольких факторов, которые прямо или косвенно способствовали утверждению этих нетривиальных форм. К их числу, помимо выдвинутых А. А. Зализняком, — показателя множественности *а* и собирательных разного рода, — относятся по нашему мнению, также такие, как влияние И.-В. дв. числа, влияние И. мн. имен ср. рода с исконной флексией -á (фактор, на важности которого настаивал в свое время В. Ягич) и более широкий круг имен собирательных, помимо названных А. А. Зализняком. Эти факторы действовали в одном направлении — как индукторы становления рассматриваемого в данной статье феномена. Что касается основного регулятора распространения формы И. мн. муж. рода с флексией -á (как и И. мн. ср. рода с флексией -ы), то он кроется в глобальной грамматической тенденции, действовавшей на протяжении истории языка — в унификации средств выражения падежно-именных форм, о чем уже многократно говорилось в ряде работ по исторической грамматике русского и др. славянских языков; этот процесс стимулировал развивающуюся тенденцию к акцентной противопоставленности парадигм ед. и мн. числа.

Источники

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Морфология. Комментарии к картам. Вып. II. Карта №9. / Ред. Аванесов Р. И., Бромлей С. В. М., 1989.

Жит. Авв. — Житие проропа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / Ред., вступ. статья и коммент. Н. К. Гудзия. М., 1934.

Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7. М–Л., 1952.

Памятники 1977 — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Составители С. И. Котков и Н. С. Коткова. М., 1977.

Литература

Азарх Ю. С. К истории собирательных типа *братья*, *зверье* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 189–210.

Ананьева В. П. К вопросу о формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода на -и, -ы, -ове, -а в «Казанском летописце» // Уч. зап. Московского гос. пед. института. Т. 148. М., 1960. С. 312–328.

Андреева Л. С. Формы имен существительных в дипломатической корреспонденции Московской Руси (на материале статейных списков XVI–XVII вв.). Казань, 1969.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Булаховский Л. А. Курс истории литературного языка (Исторический комментарий). Т. 2. Киев, 1953.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.

Ворт Д. Условия образования множественного числа на *-á* в современном русском языке // Ворт Д. Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 15–20.

Ворт Д. Об окончаниях *-am*, *-ami*, *-ach* в русском языке XVI–XVII веков // Ворт Д. Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 321–329.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831.

Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // Грот Я. К. Филологические разыскания. Труды. Т. 2. СПб., 1899. С. 329–332.

Даневич А. В. Грамматические особенности русских повестей второй половины XVII в. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1961.

Демидова Г. И. Из истории форм именительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке XII–XVII вв. // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. института. Т. 144. Л., 1958. С. 145–166.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Еселевич И. Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань, 1979.

Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. М., 2001.

Журавлев В. К. Мажюлис В. П. Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. Вильнюс, 1978.

Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 478–526.

Зализняк А. А. О показателях множественного числа в русском склонении // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002а. С. 545–549.

Зализняк А. А. К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке // Язык. Константы. Переменные. Сб. статей. Памяти А. Е. Кибрика. СПб., 2014. С. 269–276.

Зализняк А. А. Функции флексии именительного падежа *-a* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. №1 (35). С. 9–32.

Иорданиди С. И. К истории функционирования флексии именительного множественного *-ov'e* в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 167–183.

Иорданиди С. И. Из истории форм существительных именительного множественного на -а́ в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1980. М., 1982. С. 212–237.

Иорданиди С. И. Из истории вариантных флексий именительного множественного в русском субстантивном склонении // Учебные материалы по проблеме синонимии. Ч. 1. Ижевск, 1982. С. 13–14.

Иорданиди С. И. Формы именительного множественного существительных типа *горожанинъ, родитель, мытарь* в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1982. М., 1985. С. 247–266.

Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Множественное число именного склонения / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I. М., 2000.

Карский Е. Ф. Белорусы. Вып. 2–3. Киев, 1956.

Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Обнорский С. П. Именное склонение в русском языке. Вып. 2. Л., 1931.

Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 5–33.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменение в формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964.

Семин И. Е. Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра I». Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1953.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Соцкова О. А. О некоторых особенностях употребления форм числа (на материале ярославских говоров) // Вопросы русского языка. Ярославль. 1976. С. 41–45.

Фролова С. В. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII–XVIII столетий // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та. Вып. 9. Куйбышев, 1948. С. 175–194.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи // *Чернышев В. И.* Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

Шахматов А. А. Курс истории русского языка. Т. 3. СПб. 1911.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. Изд.-2-е. М., 2010.

Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. С. 176–197.

Cocron F. La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie). Paris, 1962.

Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935.

Sofia I. Iordanidi

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

siordanidi@yandex.ru

ON THE HISTORY OF THE NOM. PL. INFLEXION IN -Á OF NON-NEUTER NOUNS

This paper discusses the formation and development of nominative plural forms of the masculine gender in -á and is inspired by A. A. Zaliznyak's article in the first issue of the journal *Russian Language and Linguistic Theory* 2018/1. The third part of A. A. Zaliznyak's article focusses on the question of the Nom. Pl. inflexion in -á of non-neuter nouns. The question of the origin of the forms under consideration is complex and, in our opinion, subject to debate. A review of the role of various factors in the formation and development of non-neuter nouns with Nom. Pl. in -á is still needed. The article discusses such issues as:

- 1) the genesis of the forms under examination;
- 2) the structural and accentual characteristics of the words which obtained the new ending in the first stages of their existence;
- 3) the expansion of forms in -á throughout the history of the Russian language (with attention to their chronological and areal aspects).

Keywords: Russian language history, morphology, plural forms, ending, accent paradigm.

References

Ananjeva V. P. K voprosu o formakh imenitel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitel'nykh muzhskogo roda na -i, -y, -ove, -a v «Kazanskom letopisce». *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni Lenina*. T. 148. Moscow., 1960. S. 312–328.

Andreeva L. S. *Formy imen sushchestvitel'nykh v diplomaticheskoi korrespondencii Moskovskoi Rusi (na material'e stateinykh spiskov XVI–XVII v.)*. Kazan', 1969.

Azarkh Yu. S. K istorii sobiratel'nykh tipa *bratya*, *zverye* v russkom yazyke. *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniya*. 1975. Moscow, 1977. S. 189–210.

Bromlei S. V., Bulatova L. N. *Ocherki morfologii russkikh govorov*. Moscow, 1972.

Bulakhovskii L. A. *Kurs istorii literaturnogo yazyka (Istoricheskii kommentariy)*. T. 2. Kyiv, 1953.

Chernyshev V. I. *Pravil'nost' i chistota russkoi rechi*. In: Chernyshev V. *Izbrannye trudy*. T. 1. Moscow, 1970.

Cocron F. *La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie)*. Paris, 1962.

Danevich A. V. *Grammaticheskie osobennosti russkikh povestey vtoroy poloviny XVII veka*. Thesis. Kyiv, 1961.

Demidova G. I. Iz istorii form imenitel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitel'nykh v russkom yazyke XII–XVII vv. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. T. 144. Leningrad, 1958. S. 145–166.

Durnovo N. N. *Ocherk istorii russkogo yzyka*. Moscow; Leningrad, 1924.

Eselevich I. E. *Iz istorii kategorii sobiratel'nosti v russkom yazyke*. Kazan', 1979.

Frolova S. V. Imennoe sklonenie v russkoi original'noi bytovoi povesti XVII–XVIII stoletii. *Uchenye zapiski Kuibyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta*. Vyp. 9. Kuibyshev, 1948. S. 175–194.

Grot J. K. O russkom udarenii voobshche i ob udarenii imen sushchestvitel'nykh. In: Grot J. K. *Filologicheskies razyskaniya. Trudy*. T. 2. St. Petersburg, 1899. S. 329–322.

Iordanidi S. I. K istorii funkcionirovaniya fleksii imenitel'nogo mnozhestvennogo -ove v vostochnoslov'anskikh yazykakh. *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniya*. 1979. Moscow, 1981. S. 167–183.

Iordanidi S. I. Iz istorii form sushchestvitel'nykh imenitel'nogo mnozhestvennogo na -á v russkom yazyke. *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniya*. 1980. Moscow, 1982. S. 212–236.

Iordanidi S. I. Iz istorii variantnykh fleksij imenitel'nogo mnozhestvennogo v russkom substantivnom sklonenii. In: *Uchebnye materialy po probleme sinonimii*. Chast' I. Izhevsk, 1982. S. 13–14.

Iordanidi S. I. Formy imenitel'nogo mnozhestvennogo sushchestvitel'nykh tipa gorozhanin, rodite'l, mytar' v istorii russkogo yazyka. *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniya*. 1982. Moscow, 1985. S. 247–264.

Iordanidi S. I., V. B. Krys'ko. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. I. Mnozhestvennoe chislo imennogo skloneniya*. Moscow, 2000.

Karsky E. F. *Belorusy*. Vyp. 2–3. Kyiv, 1956.

Khaburgaev G. A. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Imena*. Moscow, 1990.

Kuznecov P. S. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka*. Moscow, 1959.

Markov V. M. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Imennoe sklonenie*. Moscow, 1974.

Meillet A. *Obshcheslav'anskii yazyk*. Moscow, 1951.

Obnorskii S. P. *Imennoe sklonenie v russkom yazyke*. Vyp. 2. Leningrad, 1931.

Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitel'nogo i prilagatel'nogo. Moscow, 1964.

Ozhegov S. I. Ocherednye voprosy kul'tury rechi // *Voprosy kul'tury rechi*. Vyp. 1. Moscow, 1955., S. 5–33.

Semin I. E. *Imennoe sklonenie v «Pis'makh i bumagakh Petra I»*. Thesis. Kujbyshev, 1953.

Shahmatov A. A. *Kurs istorii russkogo yazyka*. T. 3. St. Petersburg, 1911.

Shahmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka*. Izd. 2-e. Moscow, 2010.

- Sobolevskii A. I. *Lekcii po istorii russkogo yazyka*. Moscow, 1907.
- Sockova O. A. O nekotorykh osobennost'akh upotrebleniya form chisla (na materiale yaroslavskikh govorov). *Voprosy russkogo yazyka*. Yaroslavl', 1976. S. 41–45.
- Unbegaun B. *La langue russe au XVIe siècle*. Paris, 1935.
- Voroncova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya*. Moscow, 1979.
- Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika*. St. Petersburg, 1831.
- Wort D. Usloviya obrazovaniya mnozhestvennogo chisla na -a v sovremennom russkom yazyke. In: Wort D. *Ocherki po russkoi filologii*. Moscow, 2006. S. 15–20.
- Wort D. Ob okonchaniyakh -am, -ami, -ach v russkom yazyke XVI–XVII vekov. In: Wort D. *Ocherki po russkoi filologii*. Moscow, 2006. S. 321–329.
- Yagich V. *Kriticheskie zametki po istorii russkogo yazyka*. St. Petersburg, 1889.
- Yakobson R. Morfologicheskie nabl'udeniya nad slav'anskim skloneniem. In: Yakobson R. *Izbrannye raboty*. Moscow, 1985. S. 176–197.
- Zaliznyak A. A. Zakonomernosti akcentuacii russkikh odnoslozhnykh sushchestvitel'nykh muzhskogo roda. In: Zaliznyak A. A. *Russkoye imennoye slovoizmenenie s prilozeniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu*. Moscow, 2002. S. 478–526.
- Zaliznyak A. A. O pokazatel'akh mnozhestvennogo chisla v russkom sklonenii. In: Zaliznyak A. A. *Russkoye imennoye slovoizmenenie s prilozeniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu*. Moscow, 2002. S. 545–549.
- Zaliznyak A. A. K voprosu ob akcentnoi evolucii enklinomenov v russkom yazyke // Yazyk. Konstanty. Peremennye. *Sbornik statei. Pam'ati A. E. Kibrika*. St. Petersburg, 2014. S. 269–276.
- Zaliznyak A. A. Funkcii fleksii imenitel'nogo padezha -a v russkom yazyke. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic theory]. 2018, № 1 (35). S. 9–32.
- Zholobov O. F., Krys'ko V. B. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. II. Dvoystvennoe chislo*. Moscow, 2001.
- Zhuravlev V. K., Mazhulis V. P. *Iz diakhronicheskoy morfologii slav'anskikh i baltiiskikh yazykov*. Vil'nus, 1978.

А. М. Кузнецов

Даугавпилсский университет

(Даугавпилс, Латвия)

anatolijs.kuznecovs@du.lv

УПОТРЕБЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ СЪ, ТЪ, ОНЪ В ЗОГРАФСКОМ ЕВАНГЕЛИИ

В старославянском языке три указательных местоимения, в отличие от тех же местоимений реконструируемого праславянского языка, уже не были связаны каким-либо отношением с лицом участников диалога. В присубстантивной позиции *съ* в диалоге обычно указывает на предмет, находящийся перед глазами и в центре внимания, а *тъ* — на отсутствующий предмет, т. е. становится анафорическим, *онъ* сохраняется в некоторых устойчивых сочетаниях типа *на онъ полъ*. В роли субстантивов те же местоимения сочетали в себе указательную функцию и функцию 3-его лица. Их форма *И. падежа* окончательно вытеснила местоимение **н/ѡ/ѣ*, дейктическая функция закрепилась за местоимением *съ*, а анафорическая реализовалась всеми тремя, но в сочетании с разными союзами — *а съ, н съ, н тъ, онъ же*. В косвенных падежах они использовались в случае противопоставления нескольких предметов, вне противопоставления сохранялись косвенные падежи анафорического местоимения **н/ѡ/ѣ*.

Ключевые слова: старославянский язык, указательные местоимения, диалог, нарратив, анафора.

В старославянской системе мы находим три указательных местоимения *съ, тъ, онъ*. К ним примыкают еще местоимение *оѡ*, которое использовалось обычно в перечислительных конструкциях с сопоставительным значением *оѡ... оѡ/дрѡугѡн*, и анафорическое местоимение **н/ѡ/ѣ*. Указательная функция нормально реализуется в присубстантивной позиции в ситуации диалога. Но дейктическая функция, как указывали уже античные авторы, плавно перетекает в анафорическую, если объектом указания является не присутствующий предмет, а то, что следует искать в речевом потоке [Бюлер 1993: 109–114]. В таком случае указательные местоимения совершают экспансию в сферу действия анафорического местоимения **н/ѡ/ѣ*. Действительно, использование последнего в присубстантивной позиции представляло уже редкие случаи в славянской речи [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 81–90].

Самым трудным является вопрос о первоначальных семантических различиях трех указательных местоимений. Считается, что система указания в некоторых индоевропейских языках была трехступенная, например, в латинском: «**Hic** есть указательное местоимение первого лица; оно указывает на предмет, близкий говорящему по месту или времени или только что упомянутый. По-русски ему соответствует **этот**. Часто оно подходит по значению к словам: *мой, наш*. <...> **Iste** есть указательное местоимение второго лица; оно указывает на предмет, находящийся перед говорящим. По-русски ему соответствует **этот** (иногда **тот**). Часто подходит по значению к словам: *ты, вы, твой, ваш*. <...> **Iste** есть указательное местоимение третьего лица; оно указывает на предмет, отдаленный от говорящего по месту или времени или упомянутый раньше» [Соболевский 1998: 372–375].

Такую же систему исследователи видят и в праславянском: *сь* — ‘этот, ближайший предмет и предмет в отношении к говорящему лицу’, *тъ* — ‘тот предмет и предмет в отношении ко 2-ому лицу’, *онъ* — ‘тот, вне отношения к говорящим’ [Мейе 1951: 353–354]. Однако как соотносится эта гипотетическая система с системой местоимений в старославянских памятниках, пока остается неясным.

Что касается латинского местоимения *iste*, то В. Н. Топоров доказал у этого местоимения изначальность значения ‘тот самый, именно тот’ и его происхождение из соединения двух местоимений **is-to-* (ср. славянское прилагательное *истинъ* ‘истинный, настоящий’) [ЭССЯ 8: 246–247]. Уцелевшие редкие примеры употребления атрибутивного местоимения **n/ia/ie* дают повод интерпретировать и его как ‘этот самый, вот этот’. Например, в приписке дьякона Григория к Остромирову евангелию в молитвенной части (диалогической в начале) используется указательное местоимение *се*: *ГЛАВА ТѢБѢ ГН ЦРЮ НБСЪНЪНЪ ЯКО СЪПОДЪБН МА НАПИСАТИ СЕУЛНѢ СЕ* <...> *НАПИСАХЪ ЖЕ СЕУЛНѢ СЕ* рабѹ БЖНЮ <...> *Много же ЛѢ дарѹн БЪ СЪТЖАВШОУМОУ СЕУЛНѢ СЕ* 294 об., а во второй части (монологической), сообщая свое имя, Григорий употребляет уже анафорическое местоимение — *АЗЪ ГРИГОРН ДНІАКЪ. НАПИСАХЪ СЕУЛНѢ І* 294 об., т. е. с эмфатической функцией ‘это самое, вот это’. Значение ‘тот самый’ обнаруживается и у местоимения *тъ* (см. примеры ниже).

1. Присубстантивная позиция¹

Анализ употребления указательных местоимений в присубстантивной позиции в Зографском евангелии показал, что указание не связано с отношением к лицу участников диалога, как это предполагается для праславянского периода (*сь* ↔ *азъ*, *тъ* ↔ *ты*, *онъ* ↔ **н*), ср.:

Лк 15.23 *І прнѣдѹше тельць оупнтѹны| заколѹте. І ѣдѹше да ве|селѹмъ сѹ. 24 Ъко снѹ мѹи сѹ* (οὗτος ὁ υἱός μου; *hic filius meus*).| *мрѹтеѹ бѹ І ожнѹе. І згѹ|блѹ бѹ І обрѹте сѹ²,*

¹ Здесь в сокращении представлен материал публикации [Кузнецов 2018].

² В цитатах опущены некоторые диакритические знаки.

но: Лк 15.32 **вѣзвесѣлѣ|тѣ же сѣ ѿ вѣздрѣдовѣ|тѣ подобаше· ѣко брѣтрѣ| твоѣ сѣ** (ὁ ἀδελφός σου οὗτος; frater tuus *hic*). мрѣтѣвѣ бѣ ѿ|жнѣ· ѿзгыбѣвѣ бѣ ѿ|брѣте сѣ.

На самом деле в обоих случаях местоимение указывает на предмет в центре внимания не только говорящего, но и слушателей.

Не наблюдается и обязательной зависимости от греческого оригинала, т. е. распределения **сѣ** — οὗτος, **тѣ** / **онѣ** — ἐκεῖνος, ср.:

Ин 18.17 **Гла же раба двѣ|рынца петровѣ· еда ѿ тѣ| отъ оуѣннѣ сѣн ѣѣа того** (τοῦτου).|| **Гла онѣ нѣсѣмѣ.**

В центре внимания может оказаться любой присутствующий предмет:

Мк 15.39 **Вндѣвѣ же сѣ|тѣннѣ стоѣмѣ прѣмо емоу·| ѣко тако вѣззпнѣвѣ ѿздыше·| реуе·**
Вѣ истннѣ ѣѣѣ сѣ (οὗτος).| **снѣ бѣжѣ бѣ;**

Мф 4.3 **ѿ прѣ|стѣпнѣ кѣ нѣмоу днѣволѣ·| ѿскушѣмѣ н ѿ реуе· аште снѣ| сѣн бѣжнѣ· рыцн**
да каменнѣ сѣ (οὗτοι) | **хѣбѣн бѣждѣтѣ;**

Лк 18.11 **фарнѣ| же ставѣ· снѣе вѣ сѣбѣ| молѣаше сѣ· бѣ [нет титла] хѣлѣ| тѣбѣ**
вѣздымѣ· ѣко нѣсѣмѣ| ѣко ѿ проуѣнѣ ѣѣн· хѣштѣ|ннѣн· неправѣдннѣн·| прѣѣбѣды·
лн ѣко ѿ сѣ (οὗτος) | **мытарѣ;**

Мк 8.1 **Вѣ тѣ дѣн пакѣ многоу на|роду сѣштѣ· ѿ не ѿмѣштѣ|мѣ ѣсѣо ѣстн·**
прнзѣвѣвѣ| нѣ оуѣннѣ своѣ гла ѿмѣ·| ^{8.2} мнѣ мн естѣ народе сѣ (τὸν ὄχλον)·|
ѣко оуже трн дѣн прнѣдѣ|тѣ мнѣ· ѿ не ѿмѣтѣ ѣсѣо| ѣстн.

Это же местоимение используется в ситуациях, когда интересующий говорящих предмет не находится перед глазами. В таких случаях дейксис переходит в анафору — отсылку к предтексту, что особенно заметно в отречении Петра, где используется придаточное определительное с местоимением **нѣ**:

Мк 14.71 **(ѿнѣ же наѣмѣтѣ ротнѣ сѣ| ѿ клѣтн сѣ· ѣко не вѣмѣ ѣѣѣ сѣго** (τοῦτου). **ѣже**
<= ВП ед. муж. нѣ (ὁν, егоже МЕ)> гѣете· [ѿ вѣторн — *стерто*])|| **ѿ вѣторнѣнѣ**
коуѣзѣ вѣспѣтѣ·| ѿ помѣнѣ петѣрѣ гѣѣ· ѣкоже| реуе емоу нѣ;

Ин 11.47 **сѣбѣ|раша же архнѣрей· ѿ фарнѣсѣ сѣворѣ· ѿ гѣѣѣ хѣтѣ| сѣтворнмѣ· ѣко ѣѣѣ**
сѣ (οὗτος) **знѣмннѣ многа творнѣтѣ;**

Ин 7.46 **отѣвѣштѣмѣ словѣ|гѣ· ннѣконѣе тако естѣ·|| гѣѣ ѣѣѣ· ѣко сѣ** (οὗτος) **ѣѣѣ.**

Предмет может быть и неконкретным:

Лк 10.5 **Вѣ нѣѣѣ домѣ вынѣдете ко|лнѣждѣ· прѣвѣе гѣнѣте·| мнѣ домѣ сѣмоу** (τοῦτο).

В таких же контекстах отмечается и местоимение **тѣ**:

Мф 27.19 **сѣдыштѣ же е|моу на сѣднштн· послѣ| кѣ нѣмоу жена своѣ гѣлѣ|штн· ннѣѣсѣе**
тѣбѣ·| ѿ правѣдннѣкоу томоу (ἐκεῖνον).| **многа бо пострадѣхѣ днѣ|сѣ вѣ сѣнѣ его радн;**

Лк 19.27 **(ѿбѣуе врагѣ моиѣ тѣ** (τοῦτους). **не| хотѣвѣшѣмѣ мнѣ· да цѣрѣ бн|мѣ бѣмѣ**
надѣ ннмн· прн|вѣдете ѣ сѣмо· ѿ нѣѣѣ|тѣ ѣ прѣдѣ мноѣ;

Лк 1.61 **ѿ рѣшѣ ен·| ѣко ннѣѣтѣе естѣ отѣ рѣдѣннѣ тѣвоѣго· ѿже нарнѣѣтѣ| сѣ**
ѿменѣмѣ тѣмѣ (τοῦτο);

Мк 9.29 ἰ ρεуе ιμз. тз (тоῦτο) ροδз не ιματз| ннунимъже ιζητη. тзкзмо|| μοληтесѡν
ἰ постомъ.

В монологической речи чаще всего встречается соединение местоимения *ты* с местоимением *я* в определительном придаточном:

Ин 18.16 Петра же| стояше при двърехъ вѣнѣ|. ѿзиде же αλλος ‘дру-
гой’|. иже бѣ знаема архiereскн|. ѿ рече двърннчн. ѿвѣде петра;
Лк 19.15 и вѣдѣтъ егда сѧ вѣзвратн прнмѣ| ѿрече. ѿ рече да прнгла|сатъ емоу αβελ
тѣ (τούτους). има же дастъ сѣребро. да оубѣ|сѣ какъ коупѣжъ сѣтъ сѣ|творнѣн.

Что касается употребления в диалоге атрибутивного *он*, то отмечен единственный пример, где местоимение относится к отсутствующему предмету и является анафорическим:

Мф 27.63 ΓΛΩΣΣΗΤΕ· ΓΗ ΠΟΜΗΝΕΥΧΟΜΕ· ΕΚΟ ΛΕΣΤΕΙΝ ΟΝΤ (ΕΚΕΙΝΟΣ) ΡΕΥΕ· ΕΩΤΕ ЖНЕЗ СЫ·
ΠΟ ΤΡΕΥΖ ΔΝΕΥΖ ΕΖСТАΝΕ.

Таким образом, все три местоимения в таких контекстах конкурируют, но *он* уже уходит из употребления.

В собственно указательном значении местоимение *он* отмечается только во фразеологических сочетаниях пространственного значения, причем в монологических частях евангельского текста, где субъектом ориентации является Иисус:

Мф 4.25 **ѿ** по нѣмь ѿдоша|| народи мнози· отъ галилеѣа· **ѿ** декаполѣа· **ѿ** отъ ѿлма ѿ н|
юдеѣа· **ѿ** сѣ оного полу (пѣравъ ‘на той стороне’) ѿ ордана;

Мф 8.18 οὐζῶντες ἔτι· | πολλοὶ λαοὶ περιπατοῦσιν ἐπὶ τῆς θαλάσσης | ἀλλὰ οὐκ ἔστιν ὁ πόντος· (εἰς τὸ πέρας ‘на противоположный берег’) | πόλις;

Лк 8,26 ѿ прѣдѡша на| землѣхъ ѿеннсаретскѣхъ| ѣже естъ оу онъ полъ (ἀντιπέρα)
галл|леѣ;

Мф 14.22 | АБНЕ ОУБѢДН ОУГ҃Е|ННХЪЗІ КЪЛѢСТН КЪ КОРАБЬ· | Ъ ВАРНТН І НА ОНОМЪ ПОЛОУ (εις τὸ πέραν).| ДОНЪДЕЖЕ ОУЪПОУСНТНЪ НА|РОДЪ.

Примеры с темпоральным значением также допускают взаимозамену всех трех анафорических местоимений в монологических контекстах:

Лк 1.24 ПО СН҃҃҆ (ταύτας) ЖЕ Д҃НЬ҃҆. ΖΑΥΑΤΖ ΕΛΗΣΑΒΕΤЬ ЖЕНА| ΕΓΩ;

Лк 6.12 БЫСТА ЖЕ КЪ ДЬНН ТЪ (ταύταις). ΙΖΗΔΕ ΚЪ ГОРЖ| ΜΟΛΗΤΗ ΣΑ· Ι ΕЪ ОБ НОШТЬ||
КЪ ΜΟΛΗΤΕЪ ΕΒ̄ΗΝ;

Мф 26.55 ВѢ ТѢ (ἐκείνη) ΥΑΣ ρε|ρε нѢ кѢ народомъ. Ѣко на|разбои́нка ли ѣздосте.|
сѢ орѣжемь ѣ дрько́мни. ѡти ма. по вѣа днѣ сѣдѣ|хъ сѢ вами. вѢ црѣкѣ оу҃а.
ѣ не ѡстѣ мене;

Мф 14.1 ВѢ ОНО (ἐκεῖνον) ВРѢ|МА- СЛѢШАВЪ ІРОДЪ ТЕТРА|АРХЪ- СЛОУХЪ ΧΒЪ. 14.2 ἰ ρευε|
ОТРОКОМЪ СКОІМЪ- СЕ ΕΣΤЪ| ΙΩΑΝЪ ΚΡΥΣΤΗΤΕΛЬ.

Особый случай представляют примеры, где греческое местоимение αὐτός ‘сам, тот самый’, т. е. выделительно-отождествительное, переведено славянским местоимением тѣ. Чаще всего эти приметы содержат темпоральные существительные:

Лк 2.38 **ѿ** та **вѣ** **тѣ** (αὐτῇ 'в тот же самый') **уасѣ**. прѣста|вѣшии ѿсповѣдааше сѣ| **гѣн**.
ѿ **гѣлаше** о **нѣмѣ**.|| **вѣсѣмѣ** **уаѣ**шѣ^ѣ**мѣ** **ѿ**збавлѣнѣ **вѣ** **мѣ**;
 Лк 12.12 **сѣ**ѣ бо **дѣхъ** наоучѣтъ **вѣ**|| **вѣ** **тѣ** (αὐτῇ) **уасѣ** **ѣ**коже подоба|етъ **гѣ**лати;
 Лк 20.19 **ѿ** **вѣ**зѣ|скаша. архереи **ѿ** **кѣ**нѣнѣ|нѣнѣн. **вѣ**зложѣнѣ на **нѣ**|| **рѣ**цѣ **вѣ** **тѣ** (αὐτῇ)
уасѣ. **ѿ** оубо|ша сѣ **люди**. **разоумѣша** бо **ѣ**ко **кѣ** **нѣ**мѣ **рече** прѣтѣ|вѣ| **сѣ**ж;
 Лк 23.12 **ѿ** **вѣ**исте же сѣ| **дрогѣ**. **ѿ**родѣ же **ѿ** **пѣ**ла|тъ **вѣ** **тѣ** (αὐτῇ) **дѣ**нѣ **сѣ** **собо**ж.
 прѣжде бо **бѣ**ашете **вѣ**ра|ждѣ **ѿ**мѣшта **ме**жду **собо**ж;
 Лк 13.14 **ѿ**тъ|вѣ|шта^ѣ **вѣ** же **архисинагогѣ**. **не**годоуѣ. **зѣ**нѣ **вѣ** **сѣ**ж|бѣтѣ **ѿ**цѣн **нѣ** **нѣ**.
гѣлаше| **народоу**. **шестѣ** **дѣ**нѣ **естѣ**.|| **вѣ** **нѣ**же **достѣ**тъ **дѣ**ла|тѣ. **вѣ** **тѣ** (αὐταῖς) оубо
 прѣх|сѣ|шѣ **цѣ**лѣте сѣ. **а** **нѣ** **вѣ** **дѣ**нѣ **сѣ**ж|бѣтѣнѣ;
 Лк 13.1 **Прѣ**клѣуѣ же сѣ. **ѣ**тернѣ **вѣ** **то** (αὐτῷ) **вѣ**рѣ|мѣ. **пѣ**вѣдаѣшѣ. **ѣ**моу о| **гѣ**лѣнѣхѣ.
ѿхѣже **кѣ**рѣ **пѣ**тѣтъ [| т.е. Пилат]. **сѣ**мѣсѣ **сѣ** **жѣ**ртѣамн **ѿ**хѣ.

Реже местоимение относится к абстрактным существительным и названиям человека:

Ин 14.11 **вѣ**рѣ **ѿ**мѣте **мѣ**нѣ. **ѣ**ко **а**зѣ|| **вѣ** **ѿ**цѣ. **ѿ** **ѿ**цѣ **вѣ** **мѣ**нѣ. **ѿ**шѣ| **лн** же **нѣ**. **зѣ** **та**
 (αὐτά) **дѣ**ла **вѣ**рѣ| **ѣ**мѣте **лн**;
 Ин 9.18 **нѣ** **ѣ**сѣ же **вѣ**рѣ **ѿ**юдеи о **нѣ**мѣ.|| **ѣ**ко **бѣ** **сѣ**нѣ **ѿ** **про**зѣрѣ. **до**нѣдеже **вѣ**згласѣша
роднѣ|**тѣ**лѣ. **то**го (αὐτοῦ) **про**зѣрѣ|**вѣ**шѣ|**ѣ**го;
 Лк 2.8 **ѿ** **бѣ**ахѣ **пѣ**стѣрн **вѣ** **то**у|ждѣ (тῇ αὐτῇ) **сѣ**ра|жнѣ **бѣ**дашѣ. **ѿ** **сѣ**рѣжшѣ|
сѣраж **но**шѣнѣж. о **ста**дѣ| **сѣ**оѣмѣ.

Особенно интересны сочетания с именем собственным:

Мк 6.17 **тѣ** (αὐτός) бо **ѿ**родѣ. **пѣ**сѣла^ѣ **ѣ**тъ **ѿ**ана. **ѿ** **сѣ**вѣ|зѣ **ѿ**. **вѣ** **тѣ**мѣнѣнѣ. **ѿ**роднѣ
ѣдѣ **радн**. **жѣ**нѣ **фѣ**нѣпѣ| **ѣ**тра **сѣ**оѣго. **ѣ**ко **ѣ**женн сѣ. **ѣ**ж;
 Мк 12.36 **тѣ** (αὐτός) бо **дѣ**дѣ **рече**. **дѣ**хѣ|мѣ **сѣ**тѣмѣ. **рече** **гѣ** **гѣ**нѣ **мо**ѣмоу. **сѣ**дн **ѣ**сѣнѣж|
мѣнѣ. **до**нѣдеже **пѣ**ложѣ **вѣ**ра|гѣ **тѣ**сѣ. **пѣ**дѣнѣжнѣ **но**га|ма **тѣ**ѣма.

Подобное употребление местоимения **тѣ** известно и в древнерусских деловых текстах, ср. в Грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода 1130 г.:

даже которѣн **кѣ**нѣзѣ по **мо**ѣмѣ **кѣ**нѣ|**жѣ**нѣнѣ **пѣ**учѣнѣтѣ **хѣ**тѣтн **ѿ**ѣтн оу **сѣ**тѣ **гѣ**ѿрѣнѣ|**ѣ**.
а **ѣ**з. **ѣ**оудн **зѣ** **тѣ**мѣ **нѣ** **сѣ**тѣ|**ѣ** **ѣ**цѣ **нѣ** **тѣ** [= тот самый, сам] **сѣ**тѣн **гѣ**ѿрѣнѣнѣ оу **нѣ**гѣто
 <= у которого> **ѿ**тнмаѣтѣ 5–8;
 да **сѣ**уднѣтѣ **ѣ**моу **ѣ**з **дѣ**нѣ **пѣ**нѣшѣтнѣ|**ѣ** **сѣ**ѣго **нѣ** **тѣ** **сѣ**тѣн **гѣ**ѿрѣнѣнѣ 20–21.

Наконец, местоимение **сѣ** может использоваться в перечислительно-сопоставительных конструкциях в соединении с другими местоимениями:

Лк 20.16 **прѣ**дѣтъ **ѿ** **пѣ**гоубѣтѣ| **дѣ**ла|**тѣ** **ѣ**сѣ (τούτους). **ѿ** **вѣ**дастѣ| **ѣ**нѣоградѣ **ѿ**нѣмѣ
 (ἄλλοις 'другой, иной');
 Мф 10.23 **ѣ**гда же **гѣ**натѣ **ѣ**з **вѣ**| **гѣ**радѣ **сѣ**мѣ (ταύτη). **бѣ**гѣнтѣ **вѣ**| **дрѣ**гѣ|**ѣ** (ἐτέραν
 'другой, иной'). **амнѣ** бо **гѣ**лѣ| **ѣ**амѣ. **ѣ**ко **нѣ** **ѿ**мѣтъ **ѿ**ско|нѣуѣтн сѣ **гѣ**радѣ **ѿ**лѣвѣ|
донѣдеже **прѣ**дѣтъ **сѣ**нѣ| **ѣ**сѣзѣ.

2. Позиция субстантива

Если же указательные местоимения занимают место существительного, то они начинают выполнять одновременно с указательной и функцию местоимения третьего лица, т. е. относятся к лицу или предмету, не участвующему в диалоге. А в монологическом тексте, где дейктическая функция полностью преобразуется в анафорическую, они не могут занимать начальную позицию, здесь они появляются только после соответствующего существительного. Именно в субстантивной роли указательные местоимения начинают конкурировать с анафорическим местоимением *н/я/я.

В диалогическом тексте местоимение-субстантиват сь возможно в начальной позиции. Именно здесь оно сохраняет свою дейктическую функцию, если предмет указания присутствует в данной ситуации и находится в центре внимания или уже отсутствует, но остается в центре внимания.

В вопросительном предложении относительно местоимения-подлежащего сь задается вопрос, а далее по тексту местоимение сь (греч. οὗτος) сменяется анафорическим *н/я/я (греч. αὐτός) в косвенном падеже:

Мф 8.27 ὤϣη же ὕδιν|ша сѧ гл҃ѡште• кѣто сь (οὗτος) εἰсѣ въо вѣтрн• і море по|слушашѣтѣ его (αὐτοῦ);

Мф 12.23 і днѣлѣхѣ| сѧ всн народн• гл҃ѡште•| еда сь (οὗτος) есѣ сн҃ъ дѣлѣ;

Мф 13.55 не сь (οὗτος) лн есѣ|| тектонѡвъ сн҃ъ• не матн лн| его (αὐτοῦ) нарнцѣтѣ сѧ марнѣ• і| братрнѣ его і ѡснфѡвъ• і оснфѡвъ• і снмѡнъ• і юда.

Во всех примерах местоимение сь можно передать по-русски словом *этот*. В таких контекстах складывается супплетивная пара сь/его.

Она дополняется отношением сь/егоже:

Лк 9.9 і рече іродѣ• іоаннѣ азъ оуѣкнѡхѣ• кѣто| же есѣ сь (οὗτος)• о немѣже (περὶ οὗ) азъ| слѡшѣ таковаѣ• і нска|аше вндѣти і;

Ин 6.42 і гл҃ахѣ| не сь (οὗτος) лн есѣ сн҃ъ іоснфѡвъ•| емѡуже (οὗ) мѡи зѡемѡвъ• оца| і матерѣ• како оубо сь (οὗτος — здесь уже анафорическое употребление) гл҃ѣ| тѣ • въо сѣ нсе сѡннѣ;

Ин 7.25 гл҃ахѣ| же етернѣ отъ інмѡлѣнъ•| не сь (οὗτος) лн есѣ егоже (ὁν) іштѣ|тѣ оубнтн.

С указательной функцией в прямой речи местоимение сь используется и в повествовательных предложениях:

Мф 3.17 і се гласѣ сѧ нбсе гл҃а•|| сь (οὗτος) есѣ сн҃ъ мон• вѣзл҃ѡблѣ|нѣ• о немѣже (ἐν ᾧ) бл҃гѡвѣнѡхѣ;

Мф 27.37 і положнѡ вѣзл҃ѡу главо его• вннѣ на|псанѣ• сь (οὗτος) есѣ іс҃ъ цр҃ь ію|дѣискѣ;

Мф 27.54 сѣтннѣ же і н|же бѣахѣ сѧ ннмѣ• стрѣгѣ|ште нсѣ• вндѣвѣше трѣсѣ| і бѣвѣшаа• оубѡвѣша сѧ| гл҃ѡште• вѣ істинѣ бж҃іи| сн҃ъ сь (οὗτος) бѣ;

Ин 6.58 **сѣ** (οὗτος) естѣ хлѣбъ сѣшѣдѣ| сѣ нѣе не ѣкоже ѣша оцѣн|| ваши маинѣ и оумъ
рѣша·| ѣдан хлѣбъ сѣ жнѣз бж|детѣ въ вѣкѣ;

Ин 9.20 отъвѣштаете ѡмъ| родителѣ его и рѣста·| то вѣвъ ѣко **сѣ** (οὗτος) естѣ снъ|
наю· и ѣко слѣпъ родн сѣ;

Мк 14.69 и вндѣвѣшн і пакы іна рабѣи· наумъ|тѣ глѣтн кѣ стѣмштнмъ·| ѣко **сѣ**
(οὗτος) отъ ннхъ естѣ.

Если же предмет оказывается уже определенным, то у указательного местоимения **сѣ** или **тѣ** на первый план выходит анафорическая функция 3-его лица 'он':

Мф 9.3 и сѣ етерн отъ кзннжнн|кѣ рѣша кѣ себѣ· **сѣ** (οὗτος) влѣсвнмнсаетѣ;

Мф 26.61 рѣсте· **сѣ** (οὗτος) реуе могъ| разорнтн црковъ бжннж· и трымъ днѣмъ сѣззда|
тн нж;

Лк 23.35 и стѣахъ людѣ· зѣраште· подражаахъ же і| кзнѣзн глѣжште сѣ ннмн·| ннѣ
естѣ спѣлъ· да спѣ|тѣ и сѣ· аште **сѣ** (οὗτος) естѣ хъ снъ| бжнн ѡзѣзранъ;

Ин 6.5 възведъ же оун нѣ·| вндѣ ѣко мнѣогъ народъ грѣ|детѣ кѣ нѣмоу· глѣ кѣ фн|
лпоу· унмъ коупнмъ хлѣ|бѣ да ѣдатѣ снѣ (οὗτοι).

Если предмет отсутствует перед глазами участников диалога, но является уже известным, то используются местоимения **онъ** или **тѣ** (греч. ἐκεῖνος, οὗτος):

Ин 7.11 іудѣ же его іскахъ въ праздникѣ· и глѣхъ· кѣде естѣ **онъ** (ἐκεῖνος);

Ин 16.13 егда| [ж]е прндѣтѣ **онъ** (ἐκεῖνος) дхъ істн|ннѣ настаптѣ въ· на| всѣхъ
істннж· не о себѣ бо| глѣтн імѣтѣ· нъ елнко аште| оуслѣшнтѣ· глѣтн імѣтѣ·|
и грѣдѣштѣ възвѣстнтѣ вамъ·^{16.14} **онъ** (ἐκεῖνος) ма прославтѣ· ѣко отъ| моего
прнметѣ· и възвѣ|стнтѣ вамъ;

Ин 9.12 рѣшѣ же емоу кѣто **тѣ** (ἐκεῖνος) естѣ·| глѣ не вѣмъ;

Ин 4.29 прндѣте и вндѣте ѡка· іже ре|уе мн въсѣ елнко сѣтворн|хъ· еда **тѣ** (οὗτος)
естѣ хъ.

Ср. пример, где сначала используется указательное **сѣ** в указательно-анафорической функции, а затем усилительно-отождествительное **тѣ** 'это именно он; он самый' в отношении того же лица:

Мф 14.2 и реуе| отрокомъ своімъ· **сѣ** (= сѣ, οὗτος) естѣ| іѡанъ крѣстнтѣль· **тѣ** (αὐτός)
въ|скрѣсе отъ мрѣтѣхъ·| и сего радн снѣзъ дѣжтѣ| сѣ о нѣмъ (ἐν αὐτῷ).

Но даже в ситуации, где речь идет о двух разных лицах, возможно использование одного и того же местоимения **сѣ**:

Ин 11.37 етерн же отъ| ннхъ рѣша· не можааше| лн **сѣ** (οὗτος) отвѣзъ оун слѣ|
поуемоу· сѣтворнтн· да·| и **сѣ** (οὗτος) не оумѣетѣ;

Лк 21.4 въсн бо снѣ (οὗτοι)| отъ ѡзѣйтѣка възрѣгшѣ въ даръ бжн· а сн (αὐτῇ) отъ|
лншенъ своего· вѣсе і|мѣнѣе своѣ възрѣже.

В местоименно-соотносительных конструкциях гораздо чаще, чем пара **сѣ**—**нже** (οὗτος — ὅς), используется соотношение **тѣ** — **нже** (οὗτος, ἐκεῖνος или αὐτός — ὅς) или **тѣ** — членное причастие:

Мф 26.48 прѣдаѡи же ꙗко дасть ѡмъ знаменне. егоже (ὁν) аште| лобѣжѣ. то (= тѣ, αὐτός) естъ. ѡмѣте н (αὐτόν);

Мф 26.23 (ὁν) же отъвѣ|штавъ реуе. омоуни (ὁ ἐμβάψας) съ мно|жъ въ солно рѣжѣ. тѣ (οὗτος) ма прѣ|дасть;

Мф 12.50 ѡже (ὅστις) бо аште| творитъ волѣн оца моего| ѡже естъ на нѣсѣхъ. тѣ (αὐτός) бра|тъ мон. ѡ сестра. ѡ мѣн е|стъ;

Мк 8.35 ѡже бо а|ште хоштеть дѣшъ своѣхъ съ|пастн погубитъ ѡ. ѡ нже (ὅς) | погубитъ дѣшъ своѣхъ мене| радн. ѡ ѡбѣлнѣ тѣ (—) сѣтѣ| съ (αὐτήν);

Мк 7.20 глаголаше же. ѡко исхудааште| отъ ѡка. то (ἐκεῖνο) скръзнитъ ѡка.

Лицо, о котором говорится, может быть как конкретным и определенным, так и не-конкретным и неопределенным. Местоимение тѣ чаще оказывается в постпозиции к нже или к причастию. Ср. соединение двух конструкций, вложенных одна в другую:

Ин 1.33 ѡ азъ не видѣхъ его. | нъ пославы (ὁ πέμψας) ма крѣстн|тъ въ водѣ. тѣ (ἐκεῖνος) мнѣ реуе. | надъ нже (ἐφ' ὃν) оузырншн дѣхъ. | съхудаашъ ѡ прѣзываетъ | штъ на нѣмъ. съ (οὗτος) естъ крѣстн дѣхъ сѣмь.

В нарративной части текста все три указательных местоимения используются в анафорической функции. В интродуктивных контекстах:

Мф 27.57 поздѣ же бѣвѣшю. прнде| ѡка богатъ. отъ арматеѣн. | ѡменемъ ѡснфъ. ѡже | оуѣн съ оу ѡка. ⁵⁸ съ (οὗτος) прнстѣ|нъ къ пилату. просн тѣ|ла ѡка;

Лк 19.2 ѡ се| мѣжъ ѡменемъ нарнца|емъ забѣхѣа. ѡ съ (αὐτός) бѣ| старѣ мѣтаремъ. ѡ тѣ (αὐτός) | бѣ богатъ;

Лк 2.36 ѡ бѣ анна пророуница. дѣштн| фановѣлѣа. отъ колѣна| сурока. ѡ (αὐτή) заматерѣвѣшн. | въ днѣхъ мносѣхъ. жнѣшн съ мѣжемъ ѡ лѣ. | дѣвѣства своего;

Лк 8.41 ѡ се прнде| мѣжъ. емоу же бѣ ѡма ѡарѣ. ѡ тѣ (οὗτος) кѣназъ сѣнѣшн|штъ бѣ. ѡ падъ прн ногоу| ѡ боу. моѣаше | вѣнн|тн въ домъ своѣ;

Лк 7.12 ѡко же прнблнжн съ къ вратомъ града. | ѡ се ѡношаахъ оумѣрѣшн| сѣнъ. ѡноаа матерн своѣи. ѡ та (αὐτή) бѣ вдова. ѡ наро|дъ отъ града много бѣ съ нѣ|ѣнъ.

В сопоставительных контекстах ‘народ — субъект’:

Мк 6.47 ѡ кеуероу бѣвѣшю. бѣ бо ко|рабѣль посрѣдѣ морѣ. ѡ съ (αὐτός) едн|нъ на землѣ;

Мф 8.24 ѡ се трѣсѣ| велн бѣстъ въ морн. | ѡко покрывати съ корабѣлю| вѣнѣмн. ѡ тѣ (αὐτός) сѣпааше;

Лк 5.1 ѡдѣ же| належаштъ емъ народовъ. да| бѣ слышашн слово бѣнѣ. | ѡ тѣ (αὐτός) бѣ стоѣ прн езерѣ кенн|сарѣсѣѣ;

Ин 9.9 ѡ ѡнн глаголахъ подо|бнѣ емоу (αὐτῷ) естъ. ѡнъ (т. е. прозревший; ἐκεῖνος) же| глаголаше ѡко азъ есмь;

Лк 6.8 ѡнъ (αὐτός) же вѣ|дѣаше помышленѣ ѡхъ. | ѡ реуе мѣжевн ѡмѣшн|емоу. соухъ рѣжѣ. ѡста|нн. ѡ станн посрѣдѣ. ѡнъ (—) | же вѣста.

Стоит отметить, что в сочетаниях с сочинительными союзами местоимения особым образом распределяются: ѡ съ, н съ, н тѣ, ѡнъ же.

В повествовательных контекстах в последовательности «существительное — анафорическое местоимение»:

- Ин 13.6 **п**рѣде же кѣ снмѣ|ноу петроу. ѿ **г**ла емоу **тѣ** (ἐκεῖνος)| **г**н̄. тѣи ан̄ моу оумзѣшн|
нозѣ;
Лк 15.27 **онѣ** (ὁ) же реуе емоу. братѣ| твои прѣде ѿ **з**акла оцѣ| твои. тельць оупнтѣн
нѣи| **ѣ**ко сѣдрава ѿ **п**рнѣтѣ;
Мк 4.27 ѿ **с**пнтѣ. ѿ **в**зста|етѣ ношѣ ѿ днѣ. ѿ сѣмѣ **п**ро|зѣбаеѣтѣ. ѿ растетѣ **ѣ**коже
не| **в**ѣстѣ **онѣ** (αὐτός);
Ин 9.11 **от**звѣшта **онѣ** (ἐκεῖνος) ѿ| реуе. **ѹ**кѣ. нарнѣаемзи нѣ| брнне сѣтворн. ѿ **п**ома|
за оун̄ мн̄;
Мф 27.32 **ѿ**сх||даште же **об**рѣтѣ **ѹ**кѣ. **к**врн|нѣѣска. **ѿ**менем̄ снмѣна| **с**емоу (τοῦτον)
задѣша понестн **к**рѣстѣ| его;
Лк 19.19 **ре**уе же ѿ **т**емоу (τοῦτω). ѿ тѣи бѣдн| **на**дѣ. **д̄** ѿ **г**радѣ.

В сопоставлении нескольких субъектов могут использоваться пары **тѣ** — **сѣ**, **тѣ** — **онѣ**, личные местоимения и **тѣ** — **онѣ**. Здесь наблюдаем и формы косвенных падежей всех трех местоимений:

- Ин 6.29 **от**звѣшта нѣ ѿ **ре**уе **ѿ**мѣ. **с**е естѣ дѣло бѣнѣ| **да** **в**ѣроуете **кѣ тѣ. егѣ**же (εἰς
ὅν) **п**осѣла **онѣ** (ἐκεῖνος);
Ин 5.19 **не** можетѣ **снѣ** творнтн| о сѣбѣ ннѣсѣже. аште не **ѣ**же внднтѣ оца **т**ворашта|
ѣже (ἃ) **б**о **онѣ** (ἐκεῖνος) творнтѣ. **сн** (ταῦτα) ѿ **снѣ**|| **та**коже творнтѣ;
Ин 5.38 ѿ **с**ловесе его не **ѿ**мате **п**рѣ|бываѣшта **кѣ** **в**асѣ. **з**аѿнѣ **егѣ**же (ὅν) **тѣ** (ἐκεῖνος)
посѣла. **с**емоу (τοῦτω) **в**ѣ| **в**ѣрѣ не **ѣ**млетѣ;
Ин 21.21 **с**его (τοῦτον) **вн**дѣвѣ **п**етрѣ **г**ла **ѿ**сѣн̄. **г**н̄| **а** **сѣ** (οὗτος) **ѹ**бѣто. ²² **г**ла емоу нѣ|
аште **х**оштѣ **да тѣ** (αὐτόν acc.+ inf.) **п**рѣбѣ|детѣ. **д**онѣдеже **п**рнѣдѣ||**ѹ**бѣто **ѣ** **т**ебѣ.
по **мнѣ** **тѣи** **г**радн̄;
Ин 5.35 **онѣ** (ἐκεῖνος) | **бѣ** **с**вѣтнѣннѣ **г**ора. ѿ **с**вѣ|та. **вѣ**и же **х**отѣсте **в**ззѣра|довати
сѣ. кѣ **ѹ**асѣ **с**вѣтѣ|ннѣ **егѣ** (αὐτοῦ). (об Иоанне Крестителе);
Лк 3.16 **от**звѣ|штавааше **ѿ**мѣ **ѿ**анѣ **г**ла. **а**зѣ **о**убѣ **к**одоѣ **к**рыштаѣ **вѣи**| **г**радѣтѣ же
крѣпн̄ **м**ене. **ѣ**моу же **нѣ**сѣм̄ **д**остоѣнѣ| **от**рѣшнтн **р**емене **с**апогоу| его. **тѣ** (αὐτός)
вѣи **к**рѣстнтѣ **д̄х**о|мѣ **с**тѣм̄. ѿ **о**гнѣм̄;
Ин 4.12 **есн** оца **на**шего **ѿ**ѣкова. **ѣ**же| **д**астѣ **намѣ** **к**ладазѣ. ѿ **тѣ** (αὐτός)| **ѣ** **н**его **п**нтѣ
ѿ **снѣ**е его| ѿ **с**котн̄ его;
Мф 13.11 **онѣ** же **от**звѣштавѣ **ре**уе| **ѣ**ко **вѣмѣ** **д**ано естѣ **р**азоу|мѣтн. **та**ина **ѿ**рѣтѣнѣ|
нѣѣскаго. **онѣмѣ** (ἐκεῖνοις) же не **д**ано| естѣ;
Ин 7.27 **нѣ** **с**его (τοῦτον) **вѣмѣ** **от**з|кѣдоу **сѣ** (—) естѣ. **а** **хѣ** **ег**да|| **п**рнѣтѣ. **н**нѣ|тоже
не **вѣ**стѣ| **от**зкѣдоу естѣ;
Лк 18.13 **а** **м**ытарѣ| **ѣ**здалеуе **стоѣ. не** **х**отѣ|аше **нн** **о**уню **с**воею **кѣ**зѣ|етн **на нѣ**о. **нѣ**
бѣше **п**рѣ|сн **с**коѣ **г**ла. **бѣ** **м**нѣстн|кѣ **бѣ**дн̄ **м**нѣ **г**рѣшннѣкоу|. ¹⁴ **г**ла **вѣмѣ. сн**нѣ
сѣ (οὗτος) **вѣ**| **д**омѣ **с**коѣ **о**п^равѣданѣ **п**а|уе **онѣ**го (παρ' ἐκεῖνον). **ѣ**ко **всѣ**кѣ **в**ззѣно|
сѣ **сѣ. сѣмѣ**рнтѣ **сѣ. ѿ** **сѣмѣ**рѣнѣ **сѣ** **в**ззѣсѣтѣ **сѣ**;

Мф 8.9 ѿбо азъ ѹкѣ есмь | подѣ владыкоу • ѿмы подѣ соборѣ воишѣ • ѿ глѣжѣ | семоу (τοῦτο) | ѿдѣ • ѿ ндетѣ • ѿ друу/гоумоу | прѣдѣ • ѿ прѣдетѣ • ѿ рабоу моемоу | сѣтворѣ се (τοῦτο) | ѿ сѣтворѣтѣ;

Лк 14.9 ѿ прѣшѣдѣ зъбавѣ тѣ • ѿ оноу (αὐτόν) • || реуѣтѣ тѣ • даждѣ семоу (τοῦτο) | мѣ | сто • ѿ тѣгда науѣнешѣ сѣ | стоудомѣ • послѣдѣнѣе мѣ | сто | дрѣжатѣ;

Мф 4.10 тогда глѣ емоу нѣсѣ | отѣдѣ днѣвоу • пѣшетѣ бо | гю ѣв своемоу | поклонѣшѣ сѣ | ѿ томоу (αὐτόν) | ѣдномоу | послоу/жншѣ;

Ин 5.47 аштѣ лѣ того (ἐκεῖνου) | кѣ/нѣгмѣ | вѣрѣ | нѣ елѣтѣ • | како моѿмѣ | глѣмѣ | вѣрѣ | ѿметѣ;

Ин 9.28 онѣ | же | оукоу/шѣ | ѿ (αὐτόν) | ѿ рѣшѣ • тѣ | оуѣнѣ/кѣ | ѣн | того (ἐκεῖνου) • | мѣ | моуѣ/нѣ | ѣсѣ | оуѣнѣнѣ •

Таким образом, в переводе Евангелия местоимения **сѣ**, **тѣ**, **онѣ** в атрибутивной позиции используются в указательной и анафорической функциях и имеют полную парадигму, причем употребление местоимения **онѣ** уже резко сокращено до устойчивых словосочетаний. В субстантивной роли они сохраняют указательное значение в диалогическом режиме, однако противопоставление между ними базируется не на корреляции с личными местоимениями и вполне свободно от греческой системы местоимений. Обычно для указания на лицо или предмет, присутствующий в ситуации диалога, используется местоимение **сѣ**, а об отсутствующем говорится **тѣ** или **онѣ**. В нарративном режиме все три местоимения выполняют анафорическую функцию и являются взаимозаменяемыми. Однако если речь идет о нескольких сопоставляемых объектах, то данные местоимения регенерируют свое указательное значение, создавая пары **сѣ** — **онѣ/тѣ**. Что касается местоимения **онѣ**, то его косвенные падежи продолжают использоваться только в сопоставительных контекстах, вне этих контекстов употребительна только форма **И**. падежа.

Словари

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 8 (*ха–*јъвьlga). М., 1981.

Литература

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.

Кузнецов А. Употребление указательных местоимений **сѣ**, **тѣ**, **онѣ** в присубстантивной позиции в Зографском евангелии // Valoda–2018. Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXVIII Zinātnisko rakstu krājums. Daugavpils, 2018. С. 31–37. Доступно на сайте: https://du.lv/wp-content/uploads/2019/02/Valoda_2018_DRUKA_GALA.pdf

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Прилагательные // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III. М., 2006.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Соболевский С. И. Грамматика латинского языка: Часть теоретическая. Морфология и синтаксис. СПб., 1998. (Фототипическое изд.: М., 1948).

Anatoly M. Kuznetsov
Daugavpils University
(Daugavpils, Latvia)
anatolijs.kuznecovs@du.lv

THE USE OF DEMONSTRATIVE PRONOUNS *сѣ*, *тѣ*, *онѣ* IN *CODEX ZOGRAPHENSIS*

The three demonstrative pronouns in Old Church Slavonic, in contradistinction to the same pronouns in reconstructed Common Slavic, were already in no way connected to the participants of a dialogue. The attributive pronoun *сѣ* usually indicates a present object in the centre of attention, whereas the pronoun *тѣ* indicates an absent object and functions anaphorically. The pronoun *онѣ* is used only in idiomatic constructions — e.g. *na onѣ polѣ*. The pronouns used as substantives have two functions — one deictic and the other as a third-person marker. Their nominative fully replaced the nominative of the pronoun **jь/ja/je*. The pronoun *сѣ* reserved its deictic function in dialogue, but all three pronouns had an anaphoric function, though only in combination with different conjunctions — *a сѣ*, *i сѣ*, *i тѣ*, *онѣ же*. The forms of oblique cases are used when several objects stood in opposition to one another; otherwise, the oblique cases of the pronoun **jь/ja/je* are preserved.

Keywords: Old Church Slavonic, demonstrative pronouns, dialogue, narrative, anaphora.

References

- Bühler K. *Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka*. Moscow, 1993.
- Kuznetsov A. Upotreblenie ukazatel'nykh mestoimenii *сѣ*, *тѣ*, *онѣ* v prisubstantivnoi pozitsii v Zoграфском yevangelii. *Valoda–2018. Valoda dažādu kultūru kontekstā. XX-VIII Zinātnisko rakstu krājums*. Atb. red. S. Polkovnikova. Daugavpils: Saule, 2018. C. 31–37 [https://du.lv/wp-content/uploads/2019/02/Valoda_2018_DRUKA_GALA.pdf].
- Kuznetsov A., Iordanidi S.I., Krys'ko V.B. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Prilagatel'nye. Vol. III*. Pod red. V.B. Krys'ko. Moscow, 2006.
- Meillet A. *Obshcheslav'anskii yazyk*. Moscow, 1951.
- Sobolevskii S.I. *Grammatika latinskogo yazyka: Chast' teoreticheskaya. Morfologiya i sintaksis*. St. Petersburg, 1998. (Fototipicheskoe izd. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1948).

И. И. Макеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

irinamakeeva2007@mail.ru

ПОРЯДОК СЛОВ В ГРУППЕ «ЛИЧНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА + ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ» В РИТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Статья посвящена исследованию расположения глагола и прямого дополнения в Словах древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского (по списку XIV в.). Для авторского текста характерна препозиция глагола, хотя часто встречается его постпозиция. Такое расположение глагола и дополнения обусловлены несколькими факторами, которые рассматриваются в статье.

Ключевые слова: Слова Кирилла Туровского, древнерусский язык, синтаксис, порядок слов, глагол, дополнение.

1. В многочисленных исследованиях, посвященных сочинениям древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского, неоднократно рассматривались языковые особенности текстов. Синтаксис произведений оставался и остается вне поля зрения. Между тем именно особенности построения словосочетаний и предложений демонстрируют специфику языка и стиля Кирилла.

В этом отношении перспективно исследование восьми риторических произведений писателя, которые, хотя и принадлежат к одному жанру, оказываются довольно разными по синтаксическим параметрам. Среди них есть как собственно похвальные Слова («Слово на Пасху», «Слово на Вознесение», «Слово в неделю цветonoсную»), так и имеющие сюжетную основу («Слово о снятии тела Христова с креста», «Слово памяти отцов Никейского собора»). Разнообразна их тематика: они написаны на праздники начиная с Вербного воскресенья и кончая седьмой неделей после Пасхи, когда отмечается память отцов-участников I Вселенского Никейского собора. Все это сказывается на содержании и на используемых автором языковых средствах.

Общим для риторических произведений писателя является немногочисленность сложноподчиненных предложений. Преобладают цепочки предикаций, которые можно рассматривать как простые предложения или как части сложносочиненного предложения.

1.2. Проведенное ранее изучение расположения атрибута в именных группах в риторических сочинениях Кирилла показало, что для него характерна препозиция. В этом отношении Слова древнерусского писателя оказываются наиболее близкими к источнику совершенно другого рода — «Русской Правде» [Макеева 2018; 2019]. Среди именных групп с атрибутом значительную долю составляют словосочетания со словоформами в винительном падеже прямого объекта. При этом нередко встречается дистантное расположение атрибута, которое возникает за счет его отделения от существительного личной формой глагола. Таким образом, именные группы с атрибутом оказываются тесно связанными со словосочетаниями «личная форма глагола + прямое дополнение». И в некоторых случаях можно говорить о влиянии первых на вторые при выборе расположения компонентов словосочетаний.

1.3. В качестве прямого дополнения выступают имена существительные, иногда — субстантивированные причастия и прилагательные, расположение которых относительно глагола варьируется. Дополнение, являющееся личным местоимением, обычно находится в постпозиции по отношению к глаголу, а остальные местоимения — в препозиции. Случаи отступления от такого расположения встречаются, но редко.

В старших списках Слов Кирилла Туровского, датируемых XIII–XIV вв.¹, как постановка атрибута, так и расположение прямого дополнения остаются неизменными. Расхождения встречаются, но они единичны². Намеренные изменения порядка слов предпринимали только некоторые писцы в поздних списках. В рукописях XVI–XVII вв. возможны замены глагольных форм: вместо причастия употребляется личная форма глагола и наоборот. В старших списках в составе словосочетания «личная форма глагола + прямое дополнение» такие расхождения единичны.

Расположение личной формы глагола и прямого дополнения рассмотрено в восьми риторических произведениях Кирилла Туровского по списку Увар-589 XIV в.³

¹ Рукопись РНБ, Ф. п. I. 39, Сборник, 2-ая половина XIII в. (далее Толст-39); рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 589, 4°, Сборник, XIV в. (далее Увар-589); рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 20, Сборник, XIV в. (далее Чуд-20).

² Особо следует сказать о списке Тр-9 XV в. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9, Сборник). В эту рукопись вошли семь риторических произведений Кирилла Туровского: «Слово в неделю цветоносную» (л. 32 об.), «Слово на Фомину неделю» (л. 68), «Слово о снятии тела Христова с креста» (л. 73 об.), «Слово о расслабленном» (л. 81), «Слово о слепце» (л. 96 об.), «Слово на Вознесение» (л. 102), «Слово памяти отцов Никейского собора» (л. 111 об.). Два первых и два последних текста в Тр-9 имеют незначительные отличия от старших списков, как и начало «Слова о снятии тела Христова с креста» и конец «Слова о слепце». Однако примерно с л. 75 в Тр-9 начинается редакторская правка: дополнения фраз, замена лексики, другой порядок слов. Аналогичные изменения представлены в «Слове о расслабленном» и в большей части «Слова о слепце» (примерно до л. 100).

³ Это единственный из старших списков, содержащий все восемь текстов, которые находятся на лл. 224 об. — 283. В приводимых примерах для большей ясности при описании структуры предикаций и особенно периодов упрощена орфография и частично расставлены знаки препинания.

Порядок слов в группе «личная форма глагола + прямое дополнение», обозначаемый как VO или OV (где V — личная форма глагола, O — дополнение-существительное), в риторических произведениях Кирилла Туровского представлен следующим количеством примеров.

Произведение	VO	OV
«Слово памяти отцов Никейского собора» (СПОНС) ⁴	35	19
«Слово о слепце» (СС)	28	31
«Слово о снятии тела Христова с креста» (ССТХК)	58	38
«Слово на Пасху» (СП)	31	21
«Слово в неделю цветочную» (СЦ)	18	22
«Слово на Фомину неделю» (СФН)	32	49
«Слово на Вознесение» (СВ)	38	13
«Слово о расслабленном» (СР)	26	27

В «Слове о снятии тела Христова с креста» группа «личная форма глагола + прямое дополнение» встречается чаще остальных не только потому, что это самый большой текст. На частотность группы влияет содержание: в основу этого произведения положены события Страстной пятницы и субботы. «Слово памяти отцов Никейского собора» ненамного меньше, но в силу специфики его содержания в нем чаще отмечаются именные группы с атрибутом.

В целом в риторических произведениях Кирилла Туровского преобладает позиция глагола. В четырех текстах (СС, СЦ, СФН, СР) чаще встречается постпозиция глагола, и в «Слове на Фомину неделю» количество таких случаев значительно превосходит показатели остальных трех текстов.

При подсчетах учтены цитаты из Священного Писания, число которых в риторических произведениях древнерусского писателя довольно велико. Изучение расположения атрибута показало, что при цитировании Библии он находится в постпозиции [Макеева 2018: 90]. Прямое дополнение в цитатах может находиться как в постпозиции, так и в препозиции: *пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои, и въдаша въ ядь мою золчь* (СП; Псал. 21: 17, 68: 22); *сберу на ня злая и стрѣлы моя скончаю в них* (СС; Второзак. 32: 23). Кирилл сохранял то же расположение дополнения и глагола, какое было в первоисточнике, хотя возможно изменение места компонентов⁵. Сложность заключается в том, что Кирилл использовал ветхозаветный и новозаветный тексты достаточно свободно. Он мог соединить в одной цитате фрагменты из разных библейских книг или использовать аллюзию (парафраз), а также включал мелкие фрагменты и отдельные словосочетания из Священного Писания непосредственно в авторское повествование. Обычно цитаты, подчас

Расхождения в порядке слов и в отдельных словоформах с самым ранним, но неполным списком Толст-39 оговариваются особо.

⁴ В скобках здесь и ниже приведены сокращенные названия произведений, используемые в примерах.

⁵ Случай такого изменения в ряду других отличий цитат в Словах Кирилла Туровского от первоисточника приведен в [Рогачевская 1992: 188].

вовсе не являющиеся таковыми в строгом смысле слова, вводятся разными формами глаголов *реци* и *глаголати*; указание на источник может быть как точным, так и самым общим (*пророкъ*); нередко вместо этого назван персонаж, которому принадлежит высказывание (*самъ бо ꙗко мѡисѣѣмъ глѣтъ* — СФН). Как правило, удается отделить авторский текст от использованного первоисточника, хотя иногда это нелегко сделать⁶. Ввиду всего вышесказанного корректнее не производить подсчет случаев VO и OV без учета библейских цитат.

2. Преобладание препозиции глагола, хотя и незначительное, позволяет предположить, что порядок VO был обычным и нейтральным. Это положение подтверждается аналогичным следованием компонентов в Новгородской I летописи, где порядок VO встречается вдвое чаще, чем OV [Пичхадзе, Родионова 2011: 151].

2.1. Расположение объекта-существительного в препозиции в Словах Кирилла Туровского обусловлено несколькими факторами, значимость и частотность которых сильно варьируются. Из них прежде всего надо назвать рематизацию глагола и вхождение группы «личная форма глагола + прямое дополнение» в придаточное предложение определенного вида. Эти факторы можно отнести к стандартным, их роль отмечается в разных текстах.

Для произведений Кирилла Туровского важнейшим фактором, влияющим на расположение личной формы глагола и прямого дополнения, является структура фрагмента текста (периода), в которой реализуется риторическая стратегия писателя⁷. Помимо общей структуры, порядок следования компонентов в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» может быть обусловлен противопоставлением и сопоставлением соседних предикаций, их параллелизмом или, напротив, разным построением, наличием обобщающего понятия при нескольких предикациях, нахождением рассматриваемого словосочетания в начале текста или структурно-смыслового фрагмента. Значимым для расположения компонентов

⁶ Одним из подобных примеров является следующий фрагмент: *ѡ немже прорече канѡфа. томоу кдиному оумрети за весь миръ [за весь миръ оумрети Толст-39]. не просто сего прорече. но жрецъ бѣ сего лѣта Увар-589 л. 248. Он восходит к Ио. 11: 50–51: ни помышлѣате. ꙗко оу не естъ намъ да единъ члвкъ оумреть за люди. а не весь ѡзѣкъ погыбнеть. сего же о себѣ не рече. нъ архирен съи лѣтоу томоу прорече. ꙗко хотѣаше иѣ оумрѣти за люди [Евангелие от Иоанна 1998: 55]. В связи с этим следует упомянуть точку зрения Ф.Н. Двинятина, который Слова Кирилла отождествлял с «традиционным текстом», то есть со Священным Писанием; см. [Двинятин 1995].*

⁷ Кирилл Туровский является продолжателем традиций византийского торжественного красноречия, используя характерные для него приемы. Как всякий талантливый писатель, он делает это по-своему. Ю.К. Бегунов в сопоставительном анализе «Слова о снятии тела Христова с креста» Кирилла и Слова Григория Цамблака на ту же тему показал, что ее выбор лишь отчасти предопределяет композиционные приемы, которые тесно связаны со стилистическими средствами [Бегунов 1971]. Риторическая стратегия древнерусского писателя складывается из многих составляющих: особенностей композиции, связанной с темой, используемых стилистических средств, причем важно, как, по словам Ю.К. Бегунова, стилистические приемы «работают на содержание». В риторическую стратегию писателя входит и отбор языковых средств, также «работающих на содержание».

оказывается принадлежность группы «личная форма глагола + прямое дополнение» к несвободным словосочетаниям, а также случаи, когда она представляет собой *figura etymologica*. Лексическое значение или принадлежность компонентов к определенному разряду, влияющие на постановку атрибута, при выборе расположения глагола и прямого дополнения имеют значение лишь иногда. Частными случаями являются особый порядок в конструкции с двойным винительным (*accusativus duplex*) и препозиция дополнения и постпозиция глагола в вопросительных предикациях с местоимениями *кьи* и *какъ*.

3. Часть случаев, когда личная форма глагола находится после дополнения, обусловлена актуальным членением предложения. В постпозитивном расположении глагола можно предполагать его актуализацию⁸, или рематизацию: *всѣх же гласы окончиваетъ Павелъ глаголя...* (СВ); *кыиждо бо рабъ своего господина хвалить* (СЦ); *и всѣ недугъ мои обратилъ есть въ здравие* (СР); *Евжинъ плачь на радость преложилъ* (ССТХК). См. также раздел 8.

4. Явно выраженной зависимости расположения глагола и дополнения от того, находится ли группа в главном предложении или в придаточном, не наблюдается. Тем не менее в немногочисленных определительных и условных придаточных, имеющих рассматриваемую конструкцию, часто отмечается постпозиция глагола: *...на муку волную, еюже ада попра, адама изведе и съмьртъ попра* (ССТХК); *...иже Костянтина цѣсаря от проказы очисти и многа ины чюдеса створи*; *...иже слѣпцю очи словом отверзе и нѣмому молитвою глаголати створи* (СПОНС); *помысли, иже... душеполезныя плоды гобъзуютъ*; *...в нюже поновленья празднуемъ въскресения*; *...имаже слѣпымъ очи отверзохъ и глухымъ слухъ даровахъ* (СФН)⁹; *аще и младеньцѣ изби...* (Там же); *аще бо и брашно обрящю...* (СР); *...идѣже вы своя дѣти бѣсомъ закаласте* (СС)¹⁰. Аналогичная картина представлена в Новгородской I летописи; в «Пчеле» равно употребителен порядок VO и OV [Пичхадзе, Родионова 2011: 156, 149].

В придаточных предложениях с побудительной частицей *да* также чаще отмечается постпозиция глагола; см. раздел 5.3.

Другие виды придаточных предложений немногочисленны, поэтому нет достаточных сведений о тенденции расположения в них личной формы глагола и прямого дополнения: *...дондеже и чермъное море проидоша* (СФН); *...яко отверзе коли кто слѣпу очи рожену* (СС); *яко свѣщаща свѣтъ золь* (СП); *почесть творяще ему, егда и Лазаря из гроба възва и от мертвѣхъ его въскрѣси* (СЦ); *...прорече, егда призва... ефесьскыя священники* (СПОНС).

5. Целесообразно сначала рассмотреть, как могут быть построены две и более соседних предикации в составе структурно-смысловых фрагментов текстов (периодов). При этом необходимо учитывать даже те предикации, которые

⁸ Об актуализации в связи с синтаксическим членением см. [Ковтунова 1976: 67–76].

⁹ Однако в другом придаточном с тем же глаголом и дополнением обратный порядок: *...яко отверзе коли кто слѣпу очи рожену* (СС).

¹⁰ Остальные примеры с таким же порядком см. ниже в составе анализируемых периодов. Предикации с порядком VO см. в разделах 5.2, 5.4.1.

не имеют в своем составе группы «личная форма глагола + прямое дополнение», поскольку общий принцип препозиции или постпозиции глагола распространяется и на них¹¹.

5.1. Один тип построения соседних предикаций основан на параллелизме, то есть в каждой из них глагол будет находиться или в начале, или в конце: *Како ты терниемъ вѣнчашиа, и золчи с оцтомъ напоишиа, и еще пречистая ти ребра копи-емъ прободошиа* (ССТХК); *Се бо наша болѣзни понесе, и за ны пострада, и раною его вси исцѣлѣхомъ* (Там же); *днесь апостоли на жребя своя ризы възложишиа, и Христось верху ихъ въсѣде* (СЦ); *падиаго преступлениемъ възведе, всѣхъ бо грѣхы возьмъ на крестѣ пригвозди* (СП); *остави небеса и позвавшиаго на ня Христа и обратися в преисподняя ада с прельстившимъ его змиемъ* (СПОНС). Хорошо демонстрирует параллелизм следующий пример, где в каждой предикации на последнем месте находятся соотносительные *във адъ* — *в раи* с предшествующей глагольной формой: *идеши бо във адъ да Адама съ Евгою <...> паки въведиши в раи* (ССТХК).

Параллелизм распространяется и на целый период: *днесь бо Христось своя раздаваетъ комуждо дары: даеть отцю принесеную имъ жертву плоть, посылаетъ апостоломъ святыми свои духъ, въводитъ душа святыхъ пророкъ въ небесное царство, раздѣляетъ своимъ угодиномъ горняго града обители, отверзаетъ праведникомъ раи, вѣнчаетъ страдавшая за нь мученики, посылаетъ страсто-терпцемъ чудес благодать, даеть святителемъ душеполезная прошения, отпущаетъ грѣшникомъ прегрѣшения, милуетъ вся творящая волю его и хранящая заповѣди его, посылаетъ благовѣрнымъ княземъ нашимъ здравье телесем и душамъ спасенье и врагомъ одоление, утверждаетъ церкви, обогащаетъ церковники, честны творить служащая ему ерѣя и дьяконы, освящаетъ монастыри, прославляетъ игумены, укрѣпляетъ на терпѣнне мнихи, благословляетъ вся крестьяны... (СВ). Уникальность этого большого периода заключается в том, что в каждой предикации имеется глагол и прямое дополнение, которые расположены в одном и том же порядке VO¹².*

5.2. В другом — противоположном — типе построения соседних предикаций глагол меняет свое место в каждой из них: *днесь горы и холми точать сладость, удолия и поля плоды господеву приносятъ* (СЦ); *днесь народи постилають господеви ризы своя, друзии же от древа ломяще вѣтви постилаху* (Там же); *обнажи предо всѣми своя ребра и гвоздиньныя язвы на руку и ногу показаетъ Фомѣ* (СФН); *вѣнчаимъ, братие, царицю днемъ и дары честны с вѣрою тои принесемъ* (Там же); *Иисусъ Христось единъ ополчися на вся бѣсовьскыя силы и власти темныя испроверже* (СВ); *вселестьное искоренисте тернье, и богоразумье во вся человѣки присадисте, и оладѣвшую грѣхи землю евангельскимъ раломъ въздѣласте* (СПОНС).

¹¹ Возможно, надо учитывать и причастные предикации, так как причастия нередко выступают в роли второстепенного сказуемого.

¹² Поэтому в «Слове на Вознесение» количество примеров с препозицией глагола почти в три раза больше по сравнению с постпозицией.

Подобное изменение порядка слов в соседних предикациях можно рассматривать как разновидность хиазма¹³, благодаря которому Кириллу Туровскому удается избежать однообразия и монотонности¹⁴.

На сочетании параллелизма и хиазма древнерусский писатель нередко строит целые периоды, как, например, в «Слове на Фомину неделю»: виждю руцѣ твои (VO), имаже прежде створи всю тварь (VO), и раи насади (OV), и чловѣка созда (OV), и имаже благослови патриархы (VO), имаже помаза царѣ (VO), имаже освяти апостолы (VO); в «Слове о слепце»: ... сынове Ияковли погубити мыслять пришедшаго, садукѣи прозрѣвшаго на судище влекутъ (OV), иродѣяне сборище совокупають (OV)..
... книжници изумѣвшися пытаются родителю (VO)..
... старци укаряють в субботу отверзшаго очи (VO)..
... фарисѣи лстяще народы хулять чудотворца (VO), жерцы изгоняють от сборища помилованаго богомъ (VO), архиерѣи претяють прозрѣвшему да похулить просвѣтившаго и (VO); в «Слове о расслабленном»: се в тобѣ всего Адама мозоли шѣлихъ (OV), и пашиа преступленьемъ възведохъ (OV), и всеродную того клятву отяхъ (OV), отмыхъ скверну всякого прегрѣшенья... (VO), взискавъ обрѣтохъ шедшаго в пути... (VO), обязахъ раны уязвенаго бѣсовскими разбоиници (VO), възляхъ на язвы его моя крови вино и масло (VO).

5.3. Особым образом построен период в «Слове о снятии тела Христова с креста». Он состоит из нескольких пар предикаций. В первой предикации каждой пары речь идет о событиях последних дней земной жизни Христа и о его смерти, а во второй — о том, с чем это соотносится. За исключением двух случаев, вторая предикация в паре является придаточным предложением с частицей *да*. Рассматриваемые словосочетания «личная форма глагола + прямое дополнение» находятся в каждой второй парной предикации. Расположение глагола и дополнения в них варьируется, хотя чаще отмечается постпозиция глагола¹⁵. В приведенном ниже тексте для наглядности каждая пара предикаций расположена на новой строке и разделена знаком — (тире):

На трости губюю оцта съ золчию вкуси — да загладить рукописание чловѣчьскихъ съгрѣшенихъ (VO);

¹³ О хиазме в русском литературном языке XVIII в. см.: [Ковтунова 1969: 78–79].

¹⁴ Ср. пример с одинаковым порядком глагола и прямого дополнения, но разным расположением атрибута: *тамо побѣди власти темныя крестомъ, изведе всероднаго адама со всѣми...* Намного реже, но все же встречаются примеры параллелизма и хиазма в расположении атрибута.

¹⁵ Ср. порядок в следующих придаточных, часть из которых приведена при анализе других факторов, влияющих на расположение глагола и дополнения: *да ти своя болѣзни напастъ исповѣдѣ*; ... *да богомъ чловѣка створю* (СП); *претяють ... да похулить просвѣтившаго и* (СС); ... *да чловѣкъмъ сладость и църкви потребная подастъ*; ... *да очистии оскверниуюся землю...* *да освятии чловѣчское естество* (СФН); ... *да змий погубитъ и чловѣка спасти* (ССТХК); *носяще араматы да тѣло помажутъ Иисусово* (СП); ... *да... в руцѣ господни душу предамы* (СПОНС); ... *да послеть и намъ пресвятыи свои духъ* (СВ). В «Пчеле» в таких же предложениях господствует порядок VO; см. [Пичхадзе, Родионова 2011: 150].

Копиємъ в ребра прободенъ бысть — да пламенное оружие отложитъ, бранящее человеѣкомъ входа в раи (OV);
Кровь с водою¹⁶ из ребръ источи (OV) — имаже телесную всю скверну очистивъ и душа человеѣча освятить есть (OV);
Связанъ бысть и терниемъ вѣнчанъ — да разрѣшитъ от узъ дьяволъ человеѣкы (VO) и терние прельсти вражия искоренитъ (OV);
Солнце помрачи (OV), и землю потрясе, и твари всеи плакаться створи — да адская разрушитъ скровища (VO), и тамо суущихъ души свѣтъ видѣшиа (OV);
Въ гробѣ яко мъртъвъ положенъ бысть — и от вѣка умършимъ животъ дарова (OV);
Каменемъ с печатми утверженъ — да адова врата и веревя от основания скрушитъ (O и OV).

Таким образом, как построение отдельных предикаций, обычно двух соседних, так и предикаций в составе периода, а в них — порядок слов в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» зависит от риторической стратегии, которой следует Кирилл Туровский.

5.4. Особого внимания заслуживает «Слово на Фомину неделю», в котором количество употреблений глагола в постпозиции, а прямого объекта — в препозиции намного больше, чем в других Словах. Причем основной массив таких примеров приходится на ту часть произведения, в которой Кирилл изображает картины весенней природы, сопровождая их символично-аллегорическими толкованиями. Именно в этой части сначала М. И. Сухомлинов, потом В. В. Виноградов¹⁷ находили сходство со Словом Григория Богослова (Назианзина) с толкованиями Никиты Ираклийского «В новую неделю, и о весне, и о святом мученике Маманте, и о обновлении» (начало: «Поновления чтете...»).

Однако древнерусский писатель не повторяет византийский первоисточник. Достаточно двух примеров, чтобы увидеть больше различий, чем сходства:

Слово Григория Богослова: ... *нынѣ лунѣ кругъ прозрачнѣи*; Толкования Никиты Ираклийского: *Нынѣ лунѣ кругъ прозрачнѣи есть себе, зимѣ бо темнѣишии есть въздуха ради дебелости*. Слово Кирилла Туровского: *Нынѣ луна с вышняго съступившии степени большему свѣтилу честь подаетъ. Уже ветхшии закон по писанию преста с суботами, и церковь Христову закону с неделю честь подаетъ*;

Слово Григория Богослова: *И рыбарь глубины съзираетъ, и мрѣжу очищаетъ, и на каменехъ сѣдитъ*; Толкования Никиты Ираклийского: *И рыбарь глубины съзираетъ и очищаетъ мрѣжу, и горѣ на камени сѣдя ловит*. Слово Кирилла Туровского: *Рыбари глубину божия вочеловеѣчения испытавше полну церковную мрежу ловитвы обрѣтають*.

¹⁶ Так в Толст-39; в Увар-589 *свою* вместо *с водою*.

¹⁷ См. [Сухомлинов 1858: 29–33; Виноградов 1915: 117–128].

Даже если обнаруживается совпадение отдельных слов (мрѣжа, рыбарь, глоубина и др.) и близость некоторых фраз¹⁸, предполагать влияние византийского произведения на порядок слов в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» в сочинении древнерусского писателя нет оснований, ср. у Кирилла Туровского: *и се уже огради сладку подавають воню*; в Толкованиях Никиты Ираклийского: *и овошницѣ слатку воню посылають*.

5.4.1. В целом часть «Слова на Фомину неделю» Кирилла Туровского, о которой идет речь, построена по определенной схеме¹⁹, но она из-за большой величины фрагмента неочевидна. Рассматриваемая группа находится как в описаниях природы, так и в их символично-аллегорических толкованиях, и содержащие ее предикации не всегда являются соседними. Тем не менее обычно дополнение находится в препозиции, а глагол — в постпозиции²⁰. Приведенные ниже примеры включают предикации, находящиеся в картинках природы и относящихся к ним толкованиях²¹; словосочетания с редким в этой части порядком VO снабжены соответствующей пометой:

небеса просвѣтишася ... свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдаютъ...; апостоли же ... святымъ духомъ осѣнени воскрѣсение Христово ясно проповѣдаютъ;

солнце красуяся к высотѣ възсходитъ и радуяся землю²² огрѣваетъ; взиде бо праведное солнце от гроба Христоръ, и вся вѣрующая к нему спасаетъ; луна с вышняго съступивши степени болишему свѣтилу честь подаетъ; ... църкы Христову закону с недѣлю честь подаетъ;

днесь весна красуется... и горнии²³ вѣтри тихо повѣвающе плоды зобъзуютъ, и земля сѣмена питаючи зеленую траву раждаетъ; весна убо естъ

¹⁸ Ср. у Кирилла Туровского: *Нынѣ небеса просветишася, темных облакъ яко вретичѣ совлекошася*; у византийского автора: *Нынѣ небо свѣтлѣе, темных облакъ яко одежда чръны свѣлѣкся*.

¹⁹ Она состоит из двух больших фрагментов, а те, в свою очередь, из нескольких периодов, начинающихся словами *нынѣ* или *днѣ*: *днѣ ветхага конецъ приаша. и се быша вса нова... нынѣ нѣса просвѣтишася... ннынѣ снѣгъ красуѣтася... нынѣ лѣна... ннынѣ зима грѣхувнага... днѣ весна красуѣтася... ннынѣ новоражаеми агньци и оуныци... ннынѣ древа лѣторасли испоуцають... ннынѣ ратан слова... днѣ ветхага конецъ приаша. и се быша вса нова... ннынѣ все доброголѣныа птица... днѣ поновишася всѣхъ стѣхъ чинове... днѣ новымъ людемъ...*

²⁰ В «Слове о расслабленном» в монологе Христа есть небольшой фрагмент, в котором он говорит о созданном ради человека мире. Здесь глагол тоже находится в постпозиции: *тебѣ всю тварь на работу сътворих; небо и земля тебѣ служита, оно влагою, а си плодомъ; тебе ради солнце светомъ и теплою служитъ и луна съ звѣздами нощъ обѣляетъ; тебе дѣля облаци дѣждемъ землю напаяют и земля всаку траву сѣменити и древа плодовая на твою службу въздрацають; тебе ради рѣкы носятъ, пустыни зѣври питають.*

²¹ В их число не включены предикации с двойным винительным и с дополнением *Христос, бог, господь*, которые рассматриваются отдельно.

²² Такова правильная форма слова, зафиксированная в Толст-39.

²³ Это прилагательное читается в Увар-589 и близких к нему списках. У Кирилла Туровского было *бурнии*, что и представлено в большинстве рукописей.

красная вѣра Христова²⁴, яже крыцинемъ поражаетъ челоуѣчское накы-
ество (VO); бурнии же вѣтри грѣхотворении помыслы, иже... душепо-
лезныя плоды гобъзуютъ; земля же естества нашего... духъ спасения ра-
жаетъ;
новоражаемии агньци быстро путь перуце скачють... млеко учения
сѣсуть;
древа лѣторасли испущаютъ и цвѣти благоухания процвѣтають, и се уже
огради слатку подавають воню (VO);
рѣкы апостольскыя рыбы наводняются, и язычныя рыбы плодъ пуща-
ють, и рыбари глубину божия вочелоуѣчения испытавшие полну църковную
мрѣжю ловитвы обрѣтають;
мнишскаго образа трудолюбивая пчела... ангелы и челоуѣки удивляетъ,
и си на цвѣты излетающе медвенныи сотъ стваряють, да челоуѣкъмъ сла-
достъ и църкви потребная подасть;
постыници и пустыньници от руки господня труда мъзду прियाши въ гор-
нимъ градѣ съ святыми веселятся.

5.4.2. Количество примеров с постпозицией глагола и препозицией дополнения в «Слове на Фомину неделю» пополняет еще один фрагмент — обращение писа-
теля к пастве. В коротком периоде имеется пять случаев такого порядка: вѣруемъ
Христу богу нашему, распенъшему поклонимся, въскресшаго прославимъ, явление-
муса апостоломъ вѣруимъ, и своя Фомѣ показавшаго ребра въспоиъмъ, пришедшаго
оживить насъ похвалимъ, и просвѣтившаго ны исповѣдаемъ, всѣхъ благъ подав-
шаго намъ обилие възвеличимъ...

5.4.3. Такой же порядок слов Кирилл Туровский использует в обращении к паст-
ве в другом своем сочинении — «Слове в неделю цветоносную». В нем в бôльшей
первой части обращения первое место в предикациях занимает глагол, в том числе
и в группах «личная форма глагола + прямое дополнение» (за исключением по-
следнего придаточного предложения): придѣмъ поклонимся ему; припадемъ ему
яко блудница мыслно; останѣмся якоже и она от злыхъ дѣлъ; излѣбимы яко миро
на главу его вѣру и любовь нашо; изидемъ с любовью яко и народи въ стрѣтение
ему; слоимъ гнѣводержание; въскликнемъ молитвами и безлобиемъ яко младенци;
придемъ милостыни къ нищимъ; въслѣдуимъ смирениемъ, постомъ, бдѣниемъ
и божественнымъ покаяниемъ; уготоваимъ, яко и горлицю, смѣрениемъ душа наша;
пойдемъ съ идушимъ на страсть волную; возмемъ крестъ свои претерпѣниемъ вся-
кая обиды; распнемся браньми ко грѣху; умѣртимъ похоти телесныя; въскликнемъ
осанна въ вышнихъ, благословенъ еси пришедый на муку волную, еюже ада попра,
адама изведе и сѣмьртъ попра. Далее следует фраза **ДО СДЕ ЖЕ СЛОВО ШКРАТНВШЕ**,
устанавливающая границу между первой и второй частями обращения. После нее
меняется общая тематика призывов и их построение — теперь глагол оказывается
в постпозиции (кроме последней предикации): пѣсньми яко цвѣты святую цър-
ковь вънчаемъ и празникъ украшимъ; богови хвалословение въслѣмъ; да спасителя

²⁴ В этой фразе по спискам варьируется порядок слов, из-за чего меняется ее смысл.

нашего възвеличимъ; да радостно празноваши в мирѣ достигнемъ тридневнаго въскръсения.

Короткое обращение к пастве есть также в заключительной части «Слова на Вознесение»: придѣмъ и мы, братье, въ святую църковь, възвеличимъ Христа бога нашего, давшиаго ны животъ прославимъ и по сихъ обѣщавшиаго небесное царство възнесемъ имя его вкупѣ... Чередование предикаций с разным порядком слов в рассматриваемой группе и краткость обращения лишают его той стилистической выразительности и потенциального эмоционального воздействия на паству, которой обладают другие аналогичные фрагменты риторических произведений Кирилла Туровского.

6. Семантика сопоставления или противопоставления — следующий по значимости фактор, оказывающий влияние на расположение личной формы глагола и дополнения²⁵. В подобных предикациях дополнение находится в препозиции, а глагол в постпозиции.

6.1. Обычно семантика сопоставления и противопоставления реализуется в одной предикации, в паре предикаций или в двух находящихся рядом парах: да не токмо Иисуса, нъ и Лазаря погубять (СЦ); она купѣль многое²⁶ приимаючи, единого исцѣляше (СР); Христосъ въскръсе, а жерци и фарисѣи стражѣ мьздятъ (СП); в жидѣхъ бо чюдеса створи, а языкомъ благодать и спасение дарова (СЦ); израиль отречеся позвавшиаго въ вѣчную жизнь, а языки вѣровавшиа въ небесное царство въведе (Там же); Она бо от змия свѣтъ прия, вы же от ангела слово слышите. Радость вамъ глаголю, вы же спасение миру проповѣдите (СП).

6.2. На основе такой же семантики может быть построен период: Иисусъ Христосъ распинаемъ бѣ яко человекъ и яко богъ <...> яко человекъ възпивъ испусти духъ, нъ яко богъ землю потрясе и камене распадется; яко человекъ в ребра ударяемъ, но яко богъ завѣсу перваго закона полма раздѣра; яко агнецъ кровь свою источи за кровь агнецъ закалаемыхъ в пустыни на жертву, и собою жертву за спасение всего мира богу и отцю принесе; яко человекъ въ гробъ положенъ бысть, и яко богъ олтарь язычская църкве освяти (СП); что сътворимъ галилѣяну сему Иисусу яко <...> старечьская преданья в посмѣхъ²⁷ положилъ есть, а рыбарѣ тиверидьскаго езера невѣгласы суцая же по себѣ нынѣ водить; изъ църкве продающих овца и голуби изгонитъ, а мытари и грѣшники приима в жертвеникъ въводитъ; на архиерѣя и книжники господьскы грозится, фарисѣемъ с левгиты акы властель прѣтитъ <...>, а блудницѣ от любодѣицъ отводя святы нарицая глаголетъ (СС).

6.3. Сложной с точки зрения расположения глагола и дополнения является ситуация, когда на той же семантике сопоставления / противопоставления основана

²⁵ Аналогичная ситуация представлена в «Пчеле», где при сопоставлении и противопоставлении достаточно часто фиксируется порядок ОВ [Пичхадзе, Родионова 2011: 142–144]. Исследователи неоднократно отмечали, что антитеза является одной из излюбленных фигур у Кирилла Туровского.

²⁶ Правильным является чтение Толст-39 *многи*. Речь идет об Овчей купели, в которой многие страждущие окунались, но единицы получали исцеление.

²⁷ Исправлено в соответствии с чтением Толст-39; в Увар-589 ошибочно *в помыслѣхъ*.

большая часть текста, как в «Слове памяти отцов Никейского собора». Чем крупнее период, тем больше вероятность того, что в нем окажется одна или более чем одна группа «личная форма глагола + прямое дополнение» с препозицией глагола. Именно это имеет место во вступлении «Слова памяти отцов Никейского собора». Оно частично построено на мотивах паримий, читающихся на великой вечерне накануне празднования памяти 318 отцов-участников I Вселенского Никейского собора, на котором было осуждено арианство. Речь в них идет об истории Авраама, и в связи с этим в Слове обыгрывается символическое значение числа 318 (см. Быт. XIV14–19). Кирилл Туровский проводит параллель между ветхозаветными событиями и событиями церковной истории, сначала говоря об Аврааме, потом о святых отцах.

В начале, несмотря на семантику сопоставления, в постпозиции находится не глагол, а дополнение: *но Аврамъ телесную створи побѣду видимомъ во емъ, а си къ духовнѣи сдолѣша рати невидимыя побѣдиша бѣсы*. Такой порядок слов продиктован дистантным расположением атрибута, при котором существительное (в данном случае являющееся прямым объектом) занимает конечную позицию²⁸. Аналогичные случаи есть и в других приведенных выше и ниже примерах (*вселестное искоренисте терње, слатку подавають воню, адская разрушитъ скровища, смъртное уторже ядро*). Поскольку порядок слов в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» допускает значительную вариативность, а в именной группе с дистантным расположением атрибута является достаточно жестким, в постпозиции оказывается дополнение. Таким образом, фактор наличия дистантно расположенного атрибута оказывает влияние на постановку дополнения, поскольку место глагола в данном случае фиксировано²⁹.

Далее в тексте отмечается постпозиция глагола. Как и в примерах выше, для наглядности парные смысловые единицы даны через знак тире и помещены в одном абзаце:

Аврамъ 5 цѣсарь съ силами ихъ побѣди и Лота сыновца своего възврати; — а си вся еретики духовными исѣкоша мечи и церковь Христову възвратиша от кумиролуженья;

Аврама възвращающася от сѣча цѣсари³⁰ благослови иерѣи божии Мелхиседек и хлѣбъ с виномъ изнесе; — а святии наши отци по низложеньи и по проклятьи богоборецъ еретикъ самъ богъ отецъ благослови и прослави и святыи духъ вѣнча и освяти.

²⁸ Подробнее о порядке слов в именной группе при дистантном расположении атрибута в Словах Кирилла Туровского см. [Макеева 2018: 101–102; 2019: 210–213].

²⁹ Если не ограничиваться прямым дополнением, то есть формой винительного падежа существительного, количество подобных примеров увеличивается.

³⁰ Все начало фразы приведено по Толст-39; таким оно было и в аутентичном тексте Кирилла. В Увар-589 здесь неудачное изменение падежных форм, в результате которого понимание смысла затруднено.

6.4. Еще один период, основанный на противопоставлении, находится в «Слове о снятии тела Христова с креста»:

онъ послушавъ свѣта вражия въсхотѣ быти богъ и проклять бысть; — се же послушавъ отца бысть сы богъ и чловѣкъ да змяя погубить и чловѣка спасеть;

онъ простеръ руцѣ къ древу възбраньному смъртное уторже ядро и бывъ рабъ грѣху снуде от едема въ адъ; — Христось же на крѣстѣ руцѣ простеръ осуждения грѣховнаго и от смърти чловѣка свободи.

7. Остальные факторы, от которых зависит расположение личной формы глагола и прямого дополнения, хотя и встречаются нечасто, могут существенно повлиять на количественные показатели словопорядка в группе «личная форма глагола + прямое дополнение».

7.1. Первый среди них — наличие обобщающего понятия, которое дважды встречается в «Слове о слепце». В одном случае период устроен очень просто: после общего понятия *всего чловѣка* перечисляются разные исцеленные Христом люди: ... *всего чловѣка здрава створивъ: раслабленаго въстави, хромья убыстри, прокаженья очисти, слукья исправи, глухия и нѣмыя добръ слышаща и глаголивы створи, сухорукья укрьпи, бѣсы от чловѣкъ прогна, слѣпыя просвѣти*. Здесь нельзя исключать влияния «Слова о законе и благодати» мт. Илариона, к которому, возможно, восходит фрагмент, хотя первоисточником с большой долей вероятности следует считать Евангелие от Матфея X 8³¹.

Другой случай использования обобщающего понятия с последующим перечислением нескольких объектов из-за большого размера фрагмента на первый взгляд не очевиден. Схематически он выглядит следующим образом: ...*не бысте избивали посланыхъ к вам от Бога пророкъ... Иеремию каменьемъ побисте... Исаю древяною претросте пилюю... Иосию поразисте в Самарию... великаго Иезекиля прольясте кровь*. Сложность заключается в том, что предикации с прямым дополнением отделены друг от друга и от обобщающего понятия *пророкъ* другими предикациями, включая цитаты, так что нелегко понять, как организован период и почему глагол находится в постпозиции. Ср. последнее словосочетание *прольясте кровь*, которое не тождественно трем другим и потому имеет другой порядок компонентов.

8. В начале произведения или структурно-смысловой части личная форма глагола и прямое дополнение встречаются редко. Такая предикация начинает «Слово о слепце»: *Милость божию и чловѣколюбие господа нашего Иисуса Христа, благодать же Святаго Духа... скажаю вам*. Находящиеся в препозиции дополнения, с одной стороны, называют тему произведения, в основу которого положена евангельская история об исцелении Христом слепорожденного; с другой стороны, они выступают как тема в плане актуального членения предложения.

³¹ Перечень исцеленных Христом у Илариона меньше, но расположение дополнения и глагола аналогичное: ... *слѣпыя ихъ просвѣти. прокаженныя очисти. сължкы исправи. бѣсныя исцѣли. ослабленыя оукрьпи. мертвыя въскрьси* [Молдован 1984: 86].

В «Слове о снятии тела Христова с креста» имеется одно и то же словосочетание с разным порядком компонентов: *Нынѣ же Иосифа благообразного с мюроносицами похвалимъ, послужившаго по распятыи тѣлу Христову; Похвалимъ нынѣ Иосифа приснопамятнаго, благообразнаго же и досточюднаго*. В первом случае после предисловия в текст вводится сквозной персонаж, заявленный в названии; далее через него как главное действующее лицо переданы изложенные в произведении события. Дополнение здесь называет тему, личная форма глагола — рему. Во втором примере группа с препозицией глагола начинает также упомянутую в названии похвалу Иосифу — новую часть произведения³². Такой порядок компонентов, с одной стороны, является обычным; с другой стороны, дополнение, которое к тому же имеет несколько атрибутов в постпозиции, выступает в роли ремы.

9. Конструкций с двойным винительным (accusativus duplex) в Словах Кирилла Туровского мало, поэтому можно сделать только отдельные наблюдения над порядком слов в этих случаях, не претендующие на выявление закономерностей. Такие конструкции интересно сопоставить с другими, где одно из дополнений имеет форму творительного падежа.

9.1. В единственной группе с глаголом *створити* оба существительных находятся в препозиции: *благовѣрныя люди престоль богови вмѣстилище святому духу створишиа* (СЦ); ср.: *да богомъ челоуѣка створю* (СР), где глагол также находится после обоих дополнений³³.

9.2. Глаголы речи чаще оказываются между существительными-дополнениями³⁴: *агнѣця глаголю иже от языкъ кроткыя люди* (СФН); *люди же наричет вся*

³² Аналогичные предикации, в которых такая же глагольная форма находится в препозиции, есть в других произведениях Кирилла. В «Слове о слепце» она присутствует в начале заключительной части текста — в похвале слепцу: *похвалимъ помилованаго богомъ челоуѣка*. В «Слове на Фомину неделю» предикация *похвалимъ красную сию недѣлю новую* как будто тоже начинает новый смысловой фрагмент.

³³ В текстах имеется небольшое количество конструкций с глаголом *(с)творити*, прямым объектом, выраженным неличным местоимением или существительным (именем собственным), и прилагательным в винительном падеже с общим значением «сделать кого-л. каким-л.». Глагол находится в постпозиции: *всѣхъ вода крѣщенья здравы творить; Лазоря... словомъ жива створи* (СР); *иже... вся плодовиы покаянемъ створисте* (СПОНС); *глухия и нѣмыя добръ слышатица и глаголивы створи* (СС). Если в качестве прямого объекта выступает личное местоимение, то сохраняется такое же расположение глагола, а местоимение вместо обычной постпозиции оказывается в препозиции: *...иже тя цѣла створи* (придаточное), *... иже мя цѣла створи* (придаточное) (СР); *чюжа его собѣ створишиа друзи и знанья* (СС). Иначе в следующем случае, где постпозицию прилагательного можно объяснить рематизацией: *никтоже васъ умѣ мнѣ дарова, нѣ же мя створи цѣла* (СР). Ср. предикации с другими глаголами: *вѣскрѣсиа тя видѣхомъ* (СП); *мертва ли себе нареку, жива ли себе помышляю* (СР).

³⁴ В древнерусских памятниках в словосочетаниях с двойными косвенными падежами порядок слов не является фиксированным, хотя препозиция первого косвенного падежа, обозначающего тему, значительно преобладает [Глинкина 1968: 148]. Расположение глагола в цитируемой работе не рассматривается, но по приведенным схемам видно, что он может находиться в препозиции, постпозиции и между существительными.

языки, грѣхъ своихъ ради сведены въ адъ, а чада наричетъ иже в законѣ скончашася (СВ); *старца бо язычскыя намѣнуеть люди* ‘под старцами подразумевает язычников’ (СЦ)³⁵; ср. следующий пример с постпозицией глагола: *младенцы же вся хрестыяны прообрази иже ничтоже пытають о Христѣ* ‘детьми же всех христиан представил, которые ничего не испытывают о Христе’ (СЦ)³⁶.

9.3. Место существительного прямого объекта может занимать местоимение: *землю ли ты благоцѣвствующу нареку; святителя ты и старѣишину прозову* (ССТХК)³⁷; *господа мя нарече* (СФН). Наряду с такими словосочетаниями Кирилл Туровский использовал конструкции с существительным в творительном падеже: *небомъ ли ты прозову; апостоломъ ли ты именуу; священномученикомъ ли ты нареку* (Там же). Оба типа словосочетаний имеют один и тот же порядок слов: существительные (или существительное) находятся в препозиции, а глагол — в постпозиции. Местоимение, будучи энклитикой, занимает срединную позицию, и это один из немногих случаев, когда оно располагается перед глаголом. Данные предикации, чередуясь с другими, являются опорными в структуре периода, который составляет часть похвалы Иосифу Аримафейскому в «Слове о снятии тела Христова с креста».

10.1. Среди групп «личная форма глагола + прямое дополнение» в риторических произведениях Кирилла Туровского есть небольшое количество связанных словосочетаний и словосочетаний *figura etymologica*. В последних глагол находится в постпозиции, а дополнение в препозиции: *се тѣло съмърть умъртви и тварь всю истлѣвшую обнови* (СП); *сниде самъ господь в адъ и попра бѣсовское царство крестомъ и съмърть умъртви* (Там же); *пѣсньныя глаголы глаголетъ* (СВ); *праведныи судъ судите* (СР). Однако в придаточном предложении встречается и обратный порядок: *сѣвѣиша сѣмъ золь* (СП).

10.2. В связанных словосочетаниях порядок следования дополнения и глагола разный: *уметы створи* (ССТХК); *прикланяють ... слухи, приклоните... слухи, укланяете слухи* (СПОНС)³⁸; *вѣру яти* (СФН)³⁹. Первое словосочетание, имеющее значение ‘пренебречь’, встречается, как кажется, только у Кирилла Туровского (еще раз в его же «Слове в неделю цветоносную»)⁴⁰. Словосочетания *прикланяти слух(и)* и *приклонити слух(и)* известны по разным источникам и почти везде, как

³⁵ Пример приведен по списку Писк-92 (РГБ, собр. Пискарева, №92, XV в.), близкому к старшему неполному списку Толст-39. Очевидно, таким было чтение протографа. В других рукописях имеет место вторичная замена прилагательного (в Увар-589: *старца бо всячскихъ...*) или глагола (в Чуд-20: *послѣдуютъ*), при которых фраза становится непонятной.

³⁶ Пример приведен по Писк-92, чтение которого кажется наиболее исправным.

³⁷ По спискам это чтение варьируется; пример приведен по Чуд-20.

³⁸ В Толст-39 *отклоняете слухы*.

³⁹ В монологе Христа в заключительной части произведения императив *вѣру ими* чередуется с императивами *не буди невѣренъ, вѣруи, виждь*; в ответной речи Фомы использованы глагольные формы *вѣрую и вижду*.

⁴⁰ См. [Срезневский 1989: 1205]. В «Слове в неделю цветоносную» в Увар-589 находится причастие *уметы створившие*, а в Писк-92 и Чуд-20 — личная форма глагола *уметы створиша*.

и в сочинении Кирилла, глагол находится в препозиции⁴¹. В очень распространенном фразеологизме *вѣру яти* именно такой порядок компонентов отмечается в разных памятниках; см. [Пичхадзе, Родионова 2011: 130–132].

Вместе со связанными словосочетаниями следует рассматривать клише, в которых глагол находится в постпозиции: *смерть попра*; *ада попра* (СЦ); *живот дарова* (СП).

10.3. К клишированным можно отнести словосочетание *(с)творити чудо*, которое очень часто встречается в памятниках. С разным порядком компонентов оно пять раз употреблено в произведениях Кирилла Туровского. Дважды глагол находится в препозиции, причем во втором примере — в придаточном определительном, где чаще отмечается обратный порядок: *по всеи Палестинѣ створи чудеса и не вѣровахуть ему* (СР); *в нихже бѣ и богоблаженнии Спиридонѣ, имже створи боже чудо въ сборѣ* (СПОНС). Один случай постпозиции глагола объясняется семантикой сопоставления: *в жидѣхъ бо чудеса створи, а языкомъ благодать и спасение дарова* (СЦ); второй — наличием при дополнении слова со значением большого количества: *... многа ины чудеса створи* (СПОНС). Третий случай постпозиции глагола объяснить трудно, если только не предполагать его рематизацию: *по въпросѣхъ своихъ ученик дивно чудо творить* (СС).

11. Тенденцию к постановке в той или иной позиции демонстрируют некоторые лексемы. Так, дополнения *Христос* и *бог* преимущественно находятся в препозиции⁴²: *о своемъ бо неради животѣ да Христа приобрящеть*; *ты же радуяся на свою руку Христа бога носилъ еси*; *ты же тогда радуяся на свою руку бога носяще* (ССТХК); *да и мы, братье, того Иисуса Бога нашего прославимъ* (СР); *пастыри свиряюще веселимъ Христа хвалять*; *да и учителя Христова стада о всѣхъ молящися Христа славятъ*; *дѣлатели с надежею тружашающиеся плододавца Христа призываютъ* (СФН); *с нимъ веселящися Христа славятъ* (СС). Отступления от такого расположения представлены в четырех предикациях: 1–3) *прославили есте на земли Христа сына божия, и тѣ прославилъ есть васъ на земли* (СПОНС); *и прославишиа Иисуса Христа сына божия святы наши отци, и утвердишиа църковь <...>, и научишиа вся вѣровати* (Там же); *сбор же святыхъ отецъ 300 и 18 радости исполнишиа и прославишиа Бога и праздновати повелѣшиа* (Там же). Здесь можно видеть рематизацию объекта, обозначенного прямым дополнением, а в первых двух примерах — еще и в сочетании с параллелизмом; 4) *знаимъ Христа Бога Спаса нашего, емуже слава...* (СФН). Это заключительная фраза произведения, вполне традиционная по своему построению.

Дважды в функции прямого дополнения встретилось существительное *господь*: *апостоли же днесъ на Сионѣ вшедше к нему познаша господа*; *свою кождо поюще пѣснь славятъ господа* (СФН). Хотя оба раза оно расположено в постпозиции,

⁴¹ В СДЯ для словосочетания *приклонити слух* при двух случаях порядка VO один раз (в «Пчеле») отмечен порядок OV; для *приклонити слух* порядок VO представлен в большом количестве источников, а порядок OV — один раз [СДЯ 8: 452, 453].

⁴² Такое же расположение слова *богъ* отмечается в «Пчеле» и «Житии Андрея Юродивого»; см. [Пичхадзе, Родионова 2011: 137, 145].

причем в той части произведения, где любое другое дополнение находится в препозиции (об этом см. выше), о тенденции постановки слова *господь* из-за малочисленности примеров судить трудно.

12. На постановку дополнения в препозиции влияет наличие относящегося к нему слова со значением большого количества; см. об этом [Пичхадзе, Родионова 2011: 155].

В Словах Кирилла Туровского есть один такой случай; предикация является определительным придаточным предложением: ... *иже Костянтина цѣсаря от проказы очисти и многа ины чюдеса створи* (СПОНС). В другой предикации, также при препозиции дополнения, имеется определение со значением малого количества: *мало нѣчто скажемъ а [так!] поновлении въскрѣсения* (СФН).

13. Порядок ОV отмечен в вопросительных предложениях с относящимся к дополнению вопросительным местоимением *кыи* или *какъ*: *какы воня възлѣю на твое святое тѣло; кыя ли гробныя пѣсни исходу твоему въспую; кую похвалу створимъ достоину твоего блаженства* (ССТХК).

14. Как и в именной группе с атрибутом, так и в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» нередко встречается дистантное расположение компонентов. В зависимости от того, что именно находится между дополнением и глаголом, можно выделить несколько типов дистантных словосочетаний.

14.1. Первый тип: личная форма глагола и дополнение разделены атрибутивным словосочетанием (в том числе являющимся несогласованным определением), иногда — причастием с зависимым словом: *терние прельсти вражия искоренить*⁴³; *да разрѣшитъ от узъ дьяволъ челоуѣки; образъ своя служба предать еси; внушаите моихъ слезъ рыдание; кивотъ с божиемъ словомъ принесе; видите божия смотрения таинство; гробныя пѣсни исходу твоему въспую* (ССТХК); *ту полагаху жертвенныхъ овецъ утробы; злѣ расточихъ даемо в раи богатство; повѣдаху сына божия силу; грѣси мои вся уды телеси моего раслабиша* (СР); *помяну бо блаженни цѣсарь пророчское слово; полну църковную мрежю къ църкви Христовѣ привлекоше* (СПОНС). Изредка дистантное расположение компонентов в именной группе с атрибутом и в словосочетании глагола с дополнением возникает за счет включения одного в другое: *скверну прадѣдняго очиститъ грѣха* (ССТХК).

14.2. Второй тип: личная форма глагола и дополнение разделены относящимися к глаголу (иногда — к дополнению) словами или словом (кроме относящегося к дополнению атрибута): *да адова врата и веря от основания скрушитъ, подажъ всѣмъ намъ твоя помощь, видѣста утрѣ во гробѣ два аныѣла; гвоздинныя язвы на руку и на ногу показываетъ Фомѣ* (ССТХК); *тебѣ всю тварь на работу сътворих* (СР); *своя раздаваетъ комуждо дары; посылаетъ апостоломъ святыи свои духъ* (СВ); *прозрѣвшаго на судище влекутъ; изгонять от соборища помилованаго богомъ; Иеремию каменемъ побисте* (СС); *мрѣжю ловитвы обрѣтають; обнажи предо*

⁴³ Следует обратить внимание на то, что в этом примере и в группе с атрибутом, и в группе с дополнением представлен менее частотный порядок: атрибут находится в постпозиции, а дополнение — в препозиции.

всѣми своя ребра; понавляемъ побѣднии (по Толст-39) на врагы день; исповѣдаите первое о мне исаино писание (СФН); испросите душамъ нашимъ отпустить грѣховъ; да отверзеть намъ врата (СПОНС).

14.3. Третий тип: личная форма глагола и дополнение разделены более чем одной группой слов или даже предикацией: *показаетъ своего божества исконьнаго дѣла образъ (СС), да Адама от ада съ Евгою падиша преступлениемъ паки въведиши в рай; божие тѣло с Никодимомъ въ плащаницю с воями обивъ положилъ еси (ССТХК); излѣими яко мюро на главу его вѣру и любовь; уготоваимъ яко и горлицю смѣрениемъ душа наша (СЦ); святые же пророки и преподобныя праведники съ собою на небеса въ святые въводитъ градъ; послю яко обѣщахъ вамъ инога параклита; даетъ отцу принесенную имъ жертву (СВ); рыбарѣ тиверидьскаго езера, невѣгласы сущая же, по себѣ нынѣ водить (СС); възляхъ на язвы его моя кровя вино и масло (СР); святыи наши отци по низложенъи и по проклятыи богоборецъ еретикъ самъ богъ отецъ благослови и прослави (СПОНС); жертву за спасение всего мира принесе (СП).*

Во всех трех типах словосочетаний с дистантным расположением личной формы глагола и прямого дополнения нет фиксированного места компонентов: и глагол, и дополнение могут находиться в препозиции и постпозиции. Большая свобода расположения компонентов таких словосочетаний коррелирует с общим незначительным преобладанием препозиции глагола. В именных группах с атрибутом при общем существенном преобладании препозитивного употребления атрибута наблюдается его постановка в препозиции и в дистантных словосочетаниях.

15. В целом в риторических произведениях Кирилла Туровского в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» препозиция глагола, которая представляется его нейтральным, немаркированным расположением, лишь незначительно преобладает над постпозицией. Постановка глагола после дополнения обусловлена рядом факторов: рематизацией глагольной формы, построением соседних предикаций и целых периодов с использованием параллелизма и хиазма и их довольно сложных комбинаций, семантикой противопоставления и сопоставления, местонахождением группы «личная форма глагола + прямое дополнение» в начале текста или структурно-смыслового фрагмента, наличием общего понятия и еще несколькими частными более или менее значимыми факторами. Одни из них актуальны для разных памятников церковнославянского языка; использование других факторов, особенно таких как наличие обобщающего слова и построение отдельных предикаций и целых периодов, характерно для Слов Кирилла Туровского. Очень хорошо авторская установка видна на функционально схожих пассажах — обращениях к пастве, которые демонстрируют разные способы построения текста, в том числе реализуемые в порядке расположения глагольной формы и дополнения. Порядок компонентов в группе «личная форма глагола + прямое дополнение» оказывается гораздо менее жестким по сравнению с расположением атрибута в именной группе. Это проявляется также в разных типах словосочетаний с дистантным расположением дополнения, которое может находиться как в препозиции, так и в постпозиции, тогда как атрибут в таких же словосочетаниях стоит в препозиции.

Источники

СДЯ 8 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 8. М., 2008.

Евангелие от Иоанна — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая и др. СПб., 1998.

Молдован 1984 — *Молдован А. М.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.

Литература

Бегунов Ю. К. К стилистике торжественного красноречия: Кирилл Туровский и Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1971. С. 39–51.

Виноградов В. П. Уставные чтения. Вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915.

Глинкина Л. А. Вторые косвенные падежи // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968. С. 96–150.

Двинятин Ф. Н. Лингвопоэтический анализ Торжественных Слов святого Кирилла Туровского. Автореферат дисс. <...> канд. филол. наук. СПбГУ, 1995.

Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Макеева И. И. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в риторических произведениях Кирилла Туровского // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 87–104.

Макеева И. И. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в «Слове о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика-2. М., 2019. С. 199–216.

Пичхадзе А. А., Родионова А. В. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 127–161.

Рогачевская Е. Б. Библейские тексты в произведениях русских проповедников // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992.

Сухомлинов М. И. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. 2: Памятники словесности. Вып. 1. СПб., 1858. С. XIII–LXI.

Irina I. Makeeva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
irinamakeeva2007@mail.ru*

ON WORD ORDER IN VERB-DIRECT OBJECT COMBINATIONS IN THE SERMONS OF CYRIL OF TUROV

The article discusses position of the verb and object in three Sermons of Cyril of Turov, an Old Russian writer from the 12th century (based on a 14th-century manuscript). Placing the verb at the beginning is characteristic of the author's texts, but examples of the verb being placed in final position are also frequent. This type of positioning of verb and object depends on several factors, which are discussed in this article.

Keywords: sermons of Cyril of Turov, Old Russian language, syntax, word order, verb, object.

References

Begunov Yu. K. K stilistike torzhestvennogo krasnorechiya: Kirill Turovskiy i Grigoriy Tsamblak. *T"rnovska knizhovna shkola*. Veliko T"rnovo, 1971. S. 39–51.

Vinogradov V.P. *Ustavnye chteniya. Vyp. III. Ocherki po istorii greko-slavyanskoy tserkovno-uchitel'noy literatury*. Sergiev Posad, 1915.

Glinkina L.A. Vtorye kosvennye padezhi. *Sravnitel'no-istoricheskiy sintaksis vostochnoslavyanskikh yazykov. Chleny predlozheniya*. Moscow, 1968. S. 96–150.

Dvinyatin F.N. *Lingvopoeticheskiy analiz Torzhestvennykh Sloz svyatogo Kirilla Turovskogo*. Thesis SPbGU. St. Petersburg, 1995.

Kovtunova I.I. *Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII — pervoy trety XIX v.* Moscow, 1969.

Kovtunova I.I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya*. Moscow, 1976.

Makeeva I.I. Poryadok slov v atributivnykh slovosochetaniyakh v ritoricheskikh proizvedeniyakh Kirilla Turovskogo. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2018. №2 (36). S. 87–104.

Makeeva I.I. Poryadok slov v atributivnykh slovosochetaniyakh v «Slove o snyatii tela Khristova s kresta» Kirilla Turovskogo. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Paleoslavistika-2*. Moscow, 2019. S. 199–216.

Pichkhadze A.A., Rodionova A.V. O poryadke slov v sochetaniyakh «lichnaya forma glagola — pryamoe ob'ektnoe dopolnenie» v drevnerusskom yazyke. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2011. №1 (21). S. 127–161.

Rogachevskaya E.B. *Bibleyskie teksty v proizvedeniyakh russkikh propovednikov. Germenevtika drevnerusskoy literatury X–XVI vv.* Moscow, 1992.

Sukhomlinov M.I. *Rukopisi grafa A. S. Uvarova. T. 2: Pamyatniki slovesnosti*. Vyp. 1. St. Petersburg, 1858. S. XIII–LXI.

Е. А. Мишина

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
kmishina@mail.ru*

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена исследованию функционирования форм императива под отрицанием в древнерусском языке. В современном русском языке отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида, при этом формы императива под отрицанием от глаголов разных видов имеют разное значение: императив НСВ — прохибитивное значение (выражается запрет), императив СВ — превентивное значение (выражается предостережение). В древнерусском языке отрицательный императив НСВ также преобладает, однако отрицательный императив СВ употребляется шире, чем в современном русском. Проведенный анализ показывает, что в древнерусском языке еще не сформировалась функциональная оппозиция превентив (СВ) vs. прохибитив (НСВ), вырисовывающаяся довольно чётко в современном русском языке: в отрицательных контекстах древнерусские тексты демонстрируют более свободную, по сравнению с современным русским языком, конкуренцию между СВ и НСВ, при этом семантическая разница между формами отрицательного императива разных видов была во многом обусловлена различиями в аспектуальной семантике, а прагматические функции накладывались дополнительно. В дальнейшем в процессе исторического развития СВ в императиве под отрицанием сузил свой функциональный (иллокутивный) диапазон и стал реже употребляться.

Ключевые слова: отрицание, простой императив, перифрастический императив, превентив, прохибитив, глагольный вид, древнерусский язык.

В сочетании с отрицанием императив обозначает побуждение к несовершенному действию. В современном русском языке отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида, причем отрицательные формы императива от глаголов разных видов имеют разное значение, см. [Булыгина 1982: 75; Храковский, Володин 1986; Бирюлин, Храковский 1992: 35; Гусев 2013: 61–62; Zorikhina Nilsson 2013; Добрушина 2014] и др. Отрицательный императив НСВ имеет прохибитивное значение, то есть выражает запрет на совершение

действия ('не делай Р'). Употребление НСВ в современном русском языке является обычным для запрета, СВ в значении прохибитива в большинстве случаев невозможен, ср.: *Не включай свет!* (НСВ) vs. **Не включи свет!* (СВ). Форма императива от глагола СВ в сочетании с отрицанием, как правило, имеет превентивное значение, выражает предостережение (*Не упади! Не простудись*). Значение превентива двухкомпонентно: (а) говорящий сообщает о том, что может произойти некоторое нежелательное событие Р и (б) побуждает сделать так, чтобы Р не произошло [Гусев 2013: 61–62]. Семантическая двухкомпонентность превентива (выражается опасение возможного нежелательного события + предостережение) позволяет считать превентив частным случаем апрехенсиива (выражается опасение возможного нежелательного события)¹. Как правило, значение прохибитива и превентива связывают с контролируемостью (прохибитив) и неконтролируемостью (превентив) действия, несовершенство которого пытается каузировать говорящий, ср. (1а) и (1б), или всей ситуации в целом (1в):

- (1а) *Не поливай мой кактус чаще двух раз в месяц!* — контролируемое действие;
- (1б) *Не забудь полить мой кактус!* — неконтролируемое действие;
- (1в) *Смотри не полей мой кактус! Я его уже поливал вчера* — контролируемое действие, неконтролируемая ситуация.

Однако в отношении контролируемости / неконтролируемости нужны определенные оговорки. Несмотря на то, что данная функциональная дистрибуция представлена в современном русском языке в качестве магистральной тенденции, существуют исключения и проблемные контексты. Кроме того, для успешности императивной формы параметр контролируемости ситуации говорящим (или же его уверенность в том, что он ее контролирует) в определенном смысле обязателен, см. об этом ниже в п. 2.2.

В восточнославянских памятниках древнерусского периода, как и в современном русском языке, отрицательный императив от глаголов НСВ выражал значение прохибитива (см. п. 1). Что касается формы императива СВ, то в сочетании с отрицанием она могла выражать как превентивное (см. п. 2.1–2.2), так и прохибитивное значение (см. п. 2.2–2.3). В настоящей статье анализ сосредоточен на функционировании форм императива 2 л.

1. Отрицательный императив НСВ (прохибитив)

В древнерусских текстах отрицательный императив от глаголов НСВ, как и в современном русском языке, выражает прохибитивное значение: говорящий может пытаться каузировать прекращение совершения действия, происходящего в момент речи (2)–(3) или несовершенство некоторого действия (или действий) в ближайшем

¹ В [Добрушина 2006; Добрушина, Даниэль 2008] предлагается считать апрехенсиив и превентив двумя самостоятельными значениями, однако приводимые в этих работах аргументы свидетельствуют, скорее, не о параллельной модели, а о модели по типу матрешки.

будущем (4)–(7), причем в последнем случае речь, как кажется, чаще идет о потенциально многократных ситуациях. Временной интервал, относящийся к будущему, может практически соприкасаться с моментом речи (начинаться на его границе), как в (7) — и сейчас не слушай, и в будущем. Такого рода контексты встречаются в повествовательных жанрах (летописях, житиях, повестях) и грамотах:

- (2) **всѣволодъ же исповѣда всѧ бѣвшѧа. и рече ѿ ѿизаславъ брате не тужи** (ПВЛЛ, л. 67) — «Всеволод же рассказал ему о всем случившемся. И сказал ему Изяслав: Брат, не печалься!»;
- (3) **пригнавшѣ сторожеве рекоша ѿ ѿизаславъ. не лежи княже глѣбѣ ти пришеелъ на тѧ** (Сузд. лет., л. 106об. = Киев. лет., л. 131об.) — «Примчавшись, сторожа сказали ему: Не лежи, князь, ведь Глеб пришел воевать с тобой»;
- (4) **Данилъ же и Василко створишѣ. заветъ. положивъ имъ реко** [в др. сп.: **рекоша**] **не помогайте кнѣзю своему** (Гал. лет., л. 268) — «Данил же и Василко составили договор, наказав им: Не помогайте князю своему»;
- (5) **и рече ѿ ѿизаславъ братъ ваю а мой ѿцъ тако рекъ. к городу же не приступайте доколѣже придоу** (Киев. лет., л. 122) — «И сказал им: Брат ваш, а мой отец, так сказал: “К городу же не приступайте, пока не приду”»;
- (6) **и посла пред ними слѣ глѣ сице. цю се идути к тебѣ варязи <...> раточи та разнѣ. а сѣмо не пущай ни единого** (ПВЛЛ, л. 25) — «И послал перед ними послов, говоря так царю: Вот, идут к тебе варяги, <...> разгони их, а сюда ни одного не пускай»;
- (7) **повѣди княже на свой столъ а злодѣевъ не слушай** (Новг. I лет., л. 134) — «Поезжай, князь, на свой престол, а злодеев не слушай».

Часто отрицательный императив НСВ употребляется для запрета нелокализованного во времени действия, потенциально многократного (8)–(12). Контексты такого типа редки в летописях, но довольно широко представлены в текстах, содержащих различные поучения («Пчела», «Повесть об Акире Премудром», «Слово» и «Моление» Даниила Заточника, сочинения Кирилла Туровского, «Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи», «Поучение Владимира Мономаха» и др.), причем в этом значении в древнерусских текстах НСВ частотнее СВ (приблизительно 67 % : 33 %), также возможного в прохибитивном значении (см. п. 2.3):

- (8) **Сынъ, на обѣдѣ сѣдъ, <рѣ>гү своему не помышлай зла** (Акир, с. 73) — «Сын, сидя на обеде, другу своему не желай зла»;
- (9) **Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не держи села близъ княжа села** (Даниил Заточник, с. 20–21) — «Не строй (букв. не имей) свой дом рядом с царским двором, и не держи села рядом с княжьим селом»;
- (10) **Не пренмай же оученья ѿ латынь. ихъ же оученье развращено** (ПВЛЛ, л. 39об.) — «Не перенимай учения от латинян: их учение развращено»;
- (11) **хощеши ли сѧ властѣ не бѣати. злаго не твори и похвалитъ тѧ** (Сузд. лет., л. 245об.) — «Если хочешь не бояться власти, злого не делай, и похвалит тебя»;

- (12) **Снѣ, в сѣдѣнѣ виногра^д не входи. и съ без^змною женою не сходи^{сѣ} и свѣ^ѣ** [вместо: свѣ^ѣта] **с нею не твори** (Акир, с. 75) — «Сын, в виноградник судьи не входи, и с безумною женою не сходи^{сѣ}, и совет с ней не твори».

Как показано в [MacRobert 2013: 283–285], в старославянских текстах отрицательные императивы НСВ употребляются в тех же значениях, что и в древнерусском (примеры взяты из работы К. М. МакРоберт). С одной стороны, они выражают запрет действий, имеющих место в момент речи (**не дѣйте дѣтти приходити къ мнѣ** Мк 10:14) или в будущем, так что точкой отсчета является настоящий момент (**иди и отъсѣлѣ не съгрѣшаи** Ин 8:11), а с другой — выражают общий запрет нелокализованных во времени действий (**не забываи вѣсѣхъ въздааніе его** Пс. 102.2). Последний пример демонстрирует наиболее частотное значение отрицательного императива НСВ в старославянском.

2. Отрицательный императив СВ

Такой четкой функциональной дистрибуции СВ (превентив) vs НСВ (прохибитив), как в современном русском языке, в древнерусских текстах не обнаруживается. По-видимому, данная тенденция развилась позднее. Связано это, прежде всего, с более широким, по сравнению с современным состоянием, функционированием императивных форм СВ: они могли употребляться не только в превентивном, но и в прохибитивном значении. Кроме того, далеко не всегда выбор и употребление СВ или НСВ можно объяснить различием между случаями, когда речь идет о контролируемом или неконтролируемом действии или ситуации, а скорее различиями в аспектуальной семантике². Дополнительная сложность в установлении значения в древнерусских текстах связана с тем, что в них отсутствуют такие лексические показатели, как *смотри, только* и др. (*Смотри не упади! Только не простудись!*), которые довольно часто (хотя и не обязательно)³ сопровождают употребление превентивов СВ в современном русском языке.

2.1. Превентив

В ряде древнерусских контекстов (их число невелико) у форм императива СВ, как и в современном русском языке, можно усмотреть превентивное значение в том случае, когда речь идет о предупреждении неконтролируемых или плохо контролируемых нежелательных событий, например:

- (13) **но ты королю своего слова не забуди** **како же еси реклъ. вже володимиръ съступитъ то тобѣ оу галича стояти впасть** (Киев. лет.,

² О том, что в славянских языках оппозиция превентив (СВ) : прохибитив (НСВ) укладывается в более общие тенденции аспектуального выбора — в частности, превентивное значение является следствием комбинации отрицания и совершенного вида для обозначения событий, локализованных во времени, см. [Wiemer, в печати].

³ См. [Зализняк Анна, Шмелев 2000: 41; Добрушина, Даниэль 2008].

л. 163–163об.) — «Но ты, король, своего слова не забудь, какое ты произнес: если Владимир нарушит клятву, то ты снова станешь у Галича»;

- (14) не забудь Льва о позъвъѣ до рѣжи (НБГ № 122, 1410–1420-е гг.) — «Не забудь Льва в связи с вызовом [на суд]».

В приведенных контекстах речь идет о предупреждении, попытке каузации не-совершения единичного действия в конкретной ситуации в будущем ('не забудь, когда будет нужно / когда придет время'). В сходных контекстах с конкретно-референтным субъектом возможен и НСВ (*не забывай*⁴). В этом случае, по всей вероятности, происходит совмещение семантики запрета (говорящий посылает слушающему определенный директивный посыл, выражающий его желание: 'не забывай' = 'помни') с семантикой предостережения⁵, ср.:

- (15) толико гавлаю ти вже есть състѹпилъ володимеръ хрѣтѣного цѣлованнѣ. но ты толико не забывай свое^ѣ слова. еже еси реклъ (Киев. лет., л. 163об.) — «Сообщаю тебе, что Владимир нарушил клятву. Но ты только не забывай своих слов, которые ты произнес!»;
- (16) вномѹ же изнемогающю. възрѣвъ на игѹмена и рече. не забывай игѹмене еже ми кси вѣща^ѣлъ (ПВЛЛ, л. 64) — «А тот, изнемогая, посмотрев на игумена, сказал "Не забывай, игумен, что ты мне обещал"».

Приведенные примеры с НСВ близки также к другим контекстам узуального типа с референцией к ситуации, нелокализованной во времени (17)–(19): говорящий побуждает адресата не совершать действие каждый раз, когда это может быть актуально ('не забывай никогда = всегда помни')⁶, ср.:

- (17) тебѣ же. ча^д молюся. вниман себе. не забывай кляукъ его. блюди же въ мдрѣти и трезвнса о всемъ (ЖАЮ, 1311–1313, с. 223) — «Молю же тебя, чадо, следи за собой, не забывай козней его, будь мудрым и бдительным во всем»;
- (18) сироты милуй. болящихъ не забывай. вдовамъ помаган (ЖАЮ, 6035–6036, с. 444) — «Сирот милуй, болеющих не забывай, вдовам помогай»;
- (19) снѹ, аще что просиши, а҃҃ (sic!) бѣ. то не забывай и не вѣди ако небрегыѣ (Акир, с. 47) — «Сын, если просишь что-то у Бога, то не забывай (этого) и не будь, как тот, кто пренебрегает (его дарами)».

Таким образом, как видно из приведенных примеров, выбор между СВ : НСВ зависел не только от выражаемого значения «превентив : прохибитив»,

⁴ Следует отметить, что в древнерусских текстах не встретилось форм императива от глагола *забывать* без отрицания. В современном русском языке без отрицания эта форма также практически не встречается.

⁵ Такое совмещение возможно и в современном русском языке, о чем свидетельствует сочетание известных лексических показателей превентива (*смотри, только*) не только с формами императива СВ, но также и НСВ (такие употребления зафиксированы, например, в НКРЯ), ср.: *Смотри/Только не забудь нас!; Смотри/Только не забывай нас!*

⁶ Как отмечается в [Zorikhina Nilsson 2013: 90] для выражения запрета повторяющегося действия во всех современных славянских языках выбирается исключительно НСВ.

но и от выражаемой аспектуальной семантики: СВ (конкретная единичная ситуация в будущем) vs НСВ (нелокализованная во времени ситуация). В действительности для пары *не забудь* : *не забывай* (а также ряда других глаголов) похожее положение дел имеет место и в современном русском языке. Так, существует довольно много контекстов, когда выбор СВ или НСВ можно объяснить не столько функционально-дискурсивной оппозицией «превентив : прохибитив», сколько, скорее, особенностями аспектуальных значений. Например, в ситуации с конкретной референцией к единичной ситуации в будущем (20а) возможен императив СВ и невозможен НСВ, в то время как в контекстах с референцией к обобщенной, генерической ситуации возможен только НСВ (20б). При этом форма императива СВ в таких случаях чаще (хотя и не всегда) сочетается с инфинитивом СВ, а форма императива НСВ — с инфинитивом НСВ. Употребление СВ (наряду с НСВ) возможно также в некоторых типах контекстов, например в слоганах, призывах типа (20в), выражающих нелокализованное во времени действие. В этом случае значение императива СВ оказывается близким к наглядно-примерному значению, когда типичное выражается через единичное, в отличие от НСВ, более характерного для обозначения повторяющейся или генерической ситуации, ср.:

- (20а) *Маша, уходя с кухни (когда будешь уходить с кухни), не забудь выключить свет!* (в этот конкретный раз);
Петя, пора спать! Не забудь почистить зубы перед сном! (в этот конкретный раз).
 (20б) *Маша, уходя с кухни, не забывай выключать свет!* (всегда, когда уходишь);
Петя, не забывай чистить зубы перед сном! (всегда, когда ложишься).
 (20в) *Уходя с кухни, не забывай / не забудь выключить свет!* (каждый раз)
Ложась спать, не забывай / не забудь почистить зубы перед сном!

Приведем еще несколько контекстов, в которых у императивов СВ можно усмотреть превентивное значение. В примере (21) первая форма отрицательного императива НСВ (*не мори*), по-видимому, имеет прохибитивное значение (побуждение к прекращению контролируемого действия: морить или не морить себя голодом князь решает сам и может этот процесс контролировать), в то время как второй отрицательный императив СВ (*не помори*) имеет скорее превентивное значение в ситуации, когда речь идет о предотвращении возможного, но не планируемого действия: у князя нет цели специально уморить голодом людей в городе, но если осада будет продолжена, то это может произойти. Аналогичная ситуация представлена в примере (22): у князя, к которому обращаются его люди, нет цели ни погибнуть самому, ни погубить свою дружину, но, с точки зрения говорящих, вероятность такая есть:

- (21) **и послаша в градъ к братѹ сѣтославѹ гл҃ше · не мори сѧ голодомъ с дружиною · и люди не помори · но лѣзѣи сѣмо къ на^м** (Сузд. лет., л. 136) — «И послали в город к брату Святославу, говоря: “Не мори себя с дружиною голодом, и людей своих не умори, но иди сюда к нам”»;

- (22) **кѣже сила его велика. а оу тебе мало дружинты <...> не погуби на^с ни самъ не погыни** (Киев. лет., л. 145об.) — «Князь, сила его велика, а у тебя мало дружины <...> Не погуби нас и сам не погибни!».

Превентивное значение (предупреждение наступления неконтролируемого действия) у отрицательного императива СВ можно усмотреть и в контекстах (23), (24а), (25а), (26). Во всех приведенных примерах с СВ имеет место референция к конкретной единичной ситуации в будущем, в отличие от контекстов с формой императива НСВ (с прохибитивной семантикой), имеющей референцию к моменту речи (24б), (25б) или к нелокализованной во времени ситуации (25б), ср.:

- (23) **къ горѣ болювнѣхъ добродѣтели дондеши. нѣ и тогда не раслави себе. нѣ потерпи** (Кирилл Туровский. «Сказание о черноризском чине») — «Когда дойдешь до горы богоугодных добродетелей, и тогда не потеряй твердости (букв. не расслабься), но потерпи»;
- (24а) **чадца не оубонтеса нахоженъа ихъ не могутъ во намъ си безъ бѣа попущенъа створити ничтоже** (ЖЛР, л. 95) — «Чада, не пугайтесь/испугайтесь (букв. не убойтесь⁷) их, так как не могут они без Божьего попущения ничего сделать», ср. с НСВ в (24б) и (24в);
- (24б) **и рече ангѣлъ не бонса. иди путемъ твоимъ къ иерлѣму** (ПВЛИ, л. 98об.) — «И сказал ангел: “Не бойся! Иди своим путем к Иерусалиму”»;
- (24в) **ѡце и мнози злонравци. на тѣ клеветють. то не бонса и^х** (Пчела, с. 661) — «И если многие злые на тебя клеветуют, то не бойся их»;
- (25а) **вы же вѣдоущѣ дѣла и^х сель скверна и бѣоу гноусна. не оустрашите множества и^х** (ИИВ, л. 425б) — «Вы же, знающие дела их, столь скверные и Богу гнусные, не устраситесь их количества», ср. с НСВ в (25б);
- (25б) **ѡ црѣ не оустрашанса. се бо есть мѣжъ оу мене в темницѣ, емѣже имѣ арапаръ, въразомъ снѣчено [вместо: сличенъ] мнѣ, и повѣненъ есть смрти. да свелекши ризы с мене, вълече и** (Акир, с. 139) — «От царя [наказания] не бойся (букв. не устрашайся), так как есть в моей тюрьме человек, зовут его Арапар, внешне похожий на меня. И он приговорен к смерти. Так что сняв с меня одежду, одень его»;
- (26) **(а ме)[н]ѣ послалѣ корѣлѣ на каино море а (не п)омѣшаи не испакости каинецамо ни соби присловіа возми** (НБГ №286, 1360–1380 гг.) — «[А меня (?)] послали к карелам на Каяно море. А ты смотри не помешай, не напакости каянцам и себе не заполучи худой славы».

⁷ Ср. современную диалектную и просторечную форму: Не забойся! *Не буду водиться с тобой, если забойшься!* (НКРЯ: В. Осеева. Динка).

2.2. Превентив или прохибитив?

Как упоминалось в начале статьи, прохибитив и превентив обычно противопоставляют по контролируемости (прохибитив) / неконтролируемости (превентив) действия, совершение которого пытается каузировать говорящий [Бирюлин, Храковский 1992: 35; Гусев 2013: 61]. В то же время, неконтролируемость события (наступление которого пытаются предотвратить говорящий) противоречит общему требованию контроля говорящего над ситуацией, что, в свою очередь, является необходимым условием успешности повелительного высказывания [Гусев 2013: 25]⁸. Данное противоречие снимается за счет того, что действие, обозначенное превентивом, выступает в действительности как относительно контролируемое. Говорящий полагает, что имеет опосредованный контроль над ситуацией, что его призыва достаточно, чтобы на нее повлиять, из чего, в свою очередь, следует, что говорящий не считает, что у адресата нет никакого контроля над ситуацией, а скорее, наоборот: по мнению говорящего, адресат в состоянии повлиять на ситуацию и не допустить нежелательного действия, совершив (или не совершив) ряд контролируемых действий [Бирюлин, Храковский 1992: 38]. Таким образом, формы императива СВ под отрицанием совмещают семантику неконтролируемости выражаемого действия (лексическая семантика) с внешним контролем говорящего над ситуацией в целом (семантика императива). Употребление отрицательного императива СВ от глаголов с контролируемой семантикой обозначаемого действия возможно в современном русском языке в том случае, если в ситуацию добавляется какой-то элемент неконтролируемости (*Смотри, не подари ему книгу, которая у него уже есть!*, пример из [Зализняк Анна, Шмелев 2000: 41]).

В древнерусских текстах отрицательные императивы СВ от глаголов с контролируемой семантикой могли употребляться шире, чем в современном русском языке. В ряде контекстов значение императива СВ трудно однозначно определить как превентивное или прохибитивное, и таких контекстов больше, нежели тех, в которых превентивное значение очевидно (см. выше п. 2.1). В примерах (27)–(31) у отрицательных императивов СВ (*не повѣдите, не оугаси, не прѣстѣпи, не начини, не погоуби*) можно предположить превентивное значение — попытку предупредить наступление случайного действия (*Не проболтайтесь никому ненароком!; Не загаси случайно свечу; Смотри, не скажи что-нибудь поперек; Только не начини ничего хулить ненароком*). С позиции носителя современного русского языка такое прочтение может казаться весьма вероятным, однако однозначных доказательств такому прочтению нет. Равновероятно здесь можно усмотреть и запрет (предупреждение нежелательных, но вполне контролируемых действий): князь ожидает, что его слуги могут/захотят сознательно рассказать о его приказе кому-нибудь; женщина может по той или иной причине решить погасить свечу; посланные могут сознательно начать перечить или возмущаться, и т. п.:

- (27) **wn же рче нмѣ не повѣдите никомуже. шедше оубинте брата моего бориса** (ПВЛИ, л. 50) — «Он же сказал им: «Не рассказывайте / смотрите,

⁸ Как отмечается в [Добрушина 2006: 57], полностью неконтролируемое действие не может быть передано с помощью превентива (**Смотри, не умри!*). Правда, с иронической интонацией в качестве шутки такое высказывание представляется возможным.

- не расскажите (букв. не расскажите) никому. Пойдите убейте брата моего Бориса»);
- (28) аще сѣдаши вечеръ на ложѣ своемъ и оузриши змиа плъзуща къ тобѣ, повелѣи всѣмъ соущимъ с тобою ѿстоупити. ты же не оугаси свѣща на свѣтѣнищѣ, егоже нынѣ оустрою горѣти въ чѣтъ богу (Александрия, с. 5) — «Если, сидя вечером на ложе своем, увидишь змея, ползущего к тебе, прикажи всем, кто будет с тобою, отойти. Ты же не гаси / смотри, не загаси (букв. не загаси) свечу на светильнике, который нынче зажгу в честь бога»;
- (29) и борзо падѣ на лицѣ своемъ. и поклониса мужу тому. и все еже речеть к тобѣ створи не прѣступѣ рѣчи емоу в онъже днь приступиши рѣчь его и оумерши [в др. сп.: оумреши] (ПВЛИ, л. 98об.) — «И тотчас пади ниц и поклонись мужу тому, и все, что он скажет тебе, исполни. Не нарушай / Смотри, не наруш (букв. не преступи) приказаний его. Если же нарушишь, в тот же день умрешь»;
- (30) егда же придеши к нему. не начини никака лихага словеса. нъ дхмъ сътренѣмъ и смиренѣмъ срѣцемъ съ слезами и съ въздыханѣмъ измолѣсѣ (ЖАЮ, 4914–4916, с. 394) — «Когда же придешь к нему, не начинай / только не начини (букв. не начини) [говорить] никаких дурных слов, но с духом сокрушенным и со смиренным сердцем, со слезами и воздыханием помолись»;
- (31) левъ князь. посла семена своего дадьковича. ко сѣови своему <...> река емоу. поѣдь вонъ из города. не погоуби земли (Вол. лет., л. 305об.) — «Князь Лев послал Семена, сына своего воспитателя, к своему сыну, говоря ему: “Поезжай вон из города, не губи (букв. не погуби) земли”».

Можно предположить, что приведенные контексты демонстрируют сочетание значения запрета, выражаемого формой императива (выражается предписывающая воля говорящего), и предостережения, выражаемого СВ в комбинации с отрицанием (имеет место желание предотвратить нежелательное действие в случайной ситуации)⁹. Кроме того, следует отметить, что во всех примерах, как и в приведенных выше в п. 2.1, имеет место референция к единичному действию в будущем.

В старославянском языке, как отмечается в [MacRobert 2013: 286], также встречаются употребления отрицательного императива СВ, в семантику которых включается компонент предостережения, ср. (примеры взяты из работы К. М. МакРоберт):

- (32) ни въ весь выниди ни повѣждъ никомуже въ всѣх (Мк 8:26) — «(Смотри) не заходи (букв. не войди) в деревню, и не рассказывай (букв. не расскажи) никому в деревне»;

⁹ Следует отметить, что семантический компонент «ожидания» наступления некоторого события практически всегда возникает в контексте «отрицание + глагол СВ» [Зализняк Анна 2015: 315] вследствие того, что компонент намерения осуществить действие или его ожидания входит в презумптивную часть значения СВ, которая не попадает в сферу действия отрицания [Падучева 1996: 54–56; 2013: 203]. У отрицательного императива СВ это семантическое нарушение появляется также вследствие двухкомпонентности его значения. Под отрицание может попасть только одна из частей значения, и часть, содержащая информацию о возможном наступлении некоторого неблагоприятного события, не попадает под отрицание (см. об этом ниже в п. 2.3.2).

- (33) егда зъванъ бѣдѣши цѣмъ на бракъ. не сяди на прѣдѣннѣмъ мѣстѣ. еда кѣто чыстынѣи тебе бѣдетъ зъванъ (Лк 14:8) — «Когда тебя позовет кто-нибудь на свадьбу, не садись (букв. не сядь) на лучшее место, вдруг окажется, что приглашен кто-то важнее тебя».

В (32)–(33), как и в приведенных выше контекстах (27)–(31), представлен, скорее, сплав превентивного и прохибитивного значений, а не только «чистое» предупреждение. В (33), в отличие от приведенных выше примеров (27)–(31), имеет место референция к нелокализованной во времени ситуации, обычно свойственная контекстам с НСВ, ср. (8)–(12). По-видимому, употребление императива СВ в (33) может быть объяснено функционированием в кратно-парной конструкции (*егда ... то*), где в придаточной части (со значением условия) употреблен презенс СВ (бѣдѣши), мотивирующий (или даже «навязывающий») выбор императива СВ в главной части, ср. со сходными примерами из древнерусских памятников:

- (34) Якоже во неводѣ не удержитъ воды, точію єдины рыбы, тако и ты, княже, не вѣдержи злата, ни сребра, но раздаван людем (Даниил Заточник, Слово, с. 53) — «Как невод не удержит воды, только рыбу, так и ты, князь, не удержи ни золота, ни серебра, но раздавай людям» ;
- (35) аще злоба придетъ, то не порайса (Акир, с.31) — «Если случится что-либо злое, то не возрадуйся».

В [Wiemer, в печати] отмечается, что апрехенсивы (а превентив следует считать частным случаем апрехенсива, см. об этом выше) практически всегда имеют конкретную временную ориентацию (в подавляющем большинстве случаев речь идет о действиях, которые могут произойти в ближайшем будущем или начаться прямо на границе настоящего и будущего) и плохо сочетаются с многократными или хабитуальными событиями. По-видимому, этим обстоятельством объясняется неоднозначная (кажущаяся двойственной) семантика императива СВ в древнеславянских контекстах в тех случаях, когда имеет место референция к ситуации, нелокализованной во времени. В контекстах, описывающих потенциально многократные ситуации (33)–(35), императив СВ, по-видимому, выражает совмещение прохибитивной семантики (это значение задается семантикой императива и поддерживается генеричностью ситуации) с превентивной (этот компонент значения задается сочетанием аспектуальной семантики СВ с отрицанием, семантикой неконтролируемости или плохой контролируемости, а также прагматической идеей «пользы для говорящего»¹⁰). В восточнославянском ареале отрицательный императив СВ в контекстах с референцией к обобщенной ситуации встречается, как правило,

¹⁰ В [Wiemer, в печати] выражена интересная мысль о том, что превентивное значение и значение угрозы близки, поскольку предупреждение в действительности является вербализацией угрозы — с той лишь разницей, что угроза преследует интерес говорящего, а превентив — интерес адресата. По-видимому, в рассмотренных в данном разделе неоднозначных контекстах превентивное значение кажется «более ощутимым» — в тех случаях, когда в роли бенефициара выступает адресат (28), (29), (30), а прохибитивное — в тех случаях, когда заинтересованным лицом является говорящий (27), (31).

в церковнославянских (переводных или ориентированных на них) текстах, содержащих поучения, типа «Изборника 1076 г.» или «Пчелы» (в летописях и берестяных грамотах такие контексты редки или отсутствуют совсем), ср. также контексты типа *не убиш*, рассмотренными ниже в п. 2.3.1:

- (36) **Не въсхощи веселова<тъ>сѧ въ мирѣ семь. все бо веселии свѣта сего: съ плачьмь коньчавактъсѧ** (Изб. 1076, л. 9об.) — «(Смотри) не веселись (букв. Не захоти веселиться) в этом мире, так как все веселие этого мира с плачем заканчивается»;
- (37) **Не посмѣисѧ чюжемоу падению. да самъ скоро падъ смѣху бѹдеши. отъ нихъже не хочеш** (Изб. 1076, л. 73об.) — «Не смейся / «(Смотри) не посмейся (букв. Не посмейся) над чужим падением, чтобы, упав, вскоре самому не оказаться осмеянным теми, от кого ты этого не хочешь»;
- (38) **Не оуклонисѧ добро створити тревоющемоу дондеже роука твоѧ имать помощь** (Пчела, с. 631) — «Не уклоняйся (букв. не уклонись) от благодетельствования нуждающихся, пока рука твоя может помочь»;
- (39) **Въ пироу не обличн ближнего, ни похощи его. въ радости его** (Пчела, с. 760) — «На пиру (смотри) не обличи ближнего, не обругай его в радости его».

2.3. Прохибитив СВ

2.3.1. Запретительные контексты

В древнерусских памятниках обнаруживаются и такие контексты, в которых основным у формы отрицательного императива СВ становится не превентивное (предупредительное), а прохибитивное (запретительное) значение: выражается запрет ожидаемых (иногда запланированных) и очевидно контролируемых действий:

- (40) **а мѣстислава емше не створите ему ничтоже приведете и ко мнѣ** (Киев. лет., 203об.) — «А схватив Мстислава, не делайте (букв. не сделайте) ему ничего (плохого) и приведите его ко мне», ср. с императивом НСВ в (11);
- (41) **видѣвъ же въ снѣ нѣкого глѹща емоу. александре, не помысли сла собѣ сотворити въ тоурѣ** (Александрия, с. 36) — «Увидел же он во сне некоего человека, говорящего ему: “Александр, не вздумай посла отправить в Тур”», ср. с императивом НСВ в (8);
- (42а) **и внесоша тѣло александрово въ градъ. рече же начальникъ <...> того здѣ не положите, но въ градѣ, ниже естъ въ ракодидѣ създадъ** (Александрия, с. 104) — «И внесли тело Александра в город. Сказал же начальник <...>: “Этого (человека) здесь не кладите (букв. не положите), но в городе, который он создал в Ракодиде”», ср. с императивом НСВ в (42б);

- (426) **тѣло на томѣ не клади** <...> **мала дѣла блюдо** [др. сп.: **блюда**] (Вопрошание, с. 502) — «Тело [Агнца] на этом [блюде] не клади <...>, потому что блюдо маленькое»;
- (43) **рече же к немѣ епифанъ. «ѡче мои добрыи. что ти есть. молю ти сѧ. не по-
тан мене. чадо** [в др. сп.: **чада и**]. **своего раба. ꙗкоже вижу тѧ тако
слезѡща и молчаща на многы ча** (ЖАЮ, 5936–5939, с. 440) — «Сказал же ему Епифан: “Отец мой добрый, Что с тобой? Не утай от меня, твоего чада и раба, так как вижу тебя плачущим и молчащим долгое время”»;
- (44) **вы же чада бжѣя послушанте оученыа и. не ѡрините наказаныа црковно.
ꙗкоже вы наказалъ мефодии оучитель вашъ** (ПВЛЛ, л. 9об.) — «Вы же, дети Божьи, послушайте учения и не отвергайте (букв. не отвергните) церковного поучения, как вам заповедал Мефодий, учитель ваш»;
- (45) **матѣви еси молвилъ толнко мнѣ емати скота боле же за мене скота
не поустѣ** (НБГ № 550, 1180–1200 гг.) — «Ты сказал Матею: “[Лишь] столько (подразумевается: сколько уже собрано) я должен собирать денег (т.е. дани). Больше же ты мне денег не поручай (букв. не поручи)”»;
- (46) ... - [т]р[и] (г)ри[внь] **н[ѣ] отпоустѣти** (НБГ № 676, 1160–1180-е гг.) — «... [такой-то должен] три гривны — не прощай (букв. не отпусти)».

В современном русском языке такое функционирование отрицательных императивов СВ, как правило, невозможно: при переводе практически во всех случаях СВ приходится менять на НСВ. В древнерусском же языке, по-видимому, еще не сформировались аспектуальные ограничения (превентив — СВ vs. прохибитив — НСВ), которые действуют в современном русском языке, но была возможна конкуренция: прохибитив (СВ/НСВ) vs. превентив (СВ/НСВ?¹¹). Представляется, что выбор СВ в приведенных выше контекстах может быть обусловлен чисто аспектуальной семантикой: имеет место референция к единичной ситуации в будущем, соответственно, для каузации ненаступления единичного действия в будущем в древнерусском языке выбирается СВ¹². НСВ же, как было сказано выше (см. п. 1), в древнерусских текстах чаще (хотя и не всегда) употребляется для запрета потенциально многократного действия в ситуации, нелокализованной во времени.

В древнерусских церковнославянских памятниках восточного извода в качестве особого типа следует выделить употребления отрицательного императива СВ в библейских цитатах, восходящих к старославянским переводам. Речь идет об известных контекстах, восходящих к десяти заповедям (*не убий, не укради*) и подобных им, в которых отрицательный императив выражает запрет действия, нелокализованного во времени:

¹¹ Вопрос о том, могло ли значение предостережения у форм отрицательного императива НСВ от глаголов с неконтролируемой семантикой (см. п. 2.1) не только сопутствовать семантике запрета, но и выходить на первый план, на наш взгляд, является дискуссионным и требует специального исследования.

¹² В сочетании с отрицанием употребление императива СВ для каузации несовершения единичного действия в будущем возможно в современном словенском языке, см. [Zorikhina Nilsson 2013: 92].

- (47) **пишетъ во сѧ не прелюбы дѣи. ни оубини** (Пчела, с. 783) — «Ибо написано: Не прелюбодействуй, не убей».

О таких употреблениях в старославянском см. [MacRobert 2013: 286]. В качестве устойчивых выражений они сохранились и в ряде современных славянских языков (болгарский, сербо-хорватский, чешский, русский), см. [Zorikhina Nilsson 2013: 91]. Очевидно, что в современный русский язык такие употребления проникли из церковнославянского и сохраняются в качестве архаизмов.

2.3.2. Контексты просьбы и мольбы

Прохибитивное (а не превентивное) значение отрицательного императива часто реализуется в ситуации просьбы или мольбы. В таких контекстах в древнерусском языке было возможно употребление императива от глаголов НСВ (как и в современном русском), ср.:

- (48) **видѣвъше же грѣцѣ оубоашасѧ. и ркошѧ выславше ко ѡльгови. не погубѧни горѡ имемьсѧ по дань. такоже хоцеши** (ПВЛИ, л. 12) — «Увидев же это, греки испугались и, послав к Олегу, сказали: Не губи город, мы согласимся на дань, какую захочешь»;
- (49) **ѡже нѣ сѧ велите мирити. то не стойте на нашен земли. а жизни нашеѧ ни селѣ нашѣ не губите. но ать изяславъ поидеть вѣ свои володимирѣ. а вы вѣ свою землю. поидите** (Киев. лет. л. 141) — «Если вы велите нам мириться, то не стойте на нашей земле, и жизнью наших и сёл не губите, но пусть Изяслав пойдёт в свой Владимир, а вы в свою землю пойдите»;
- (50) **высла кнѣзь гюрги съ поклономъ. къ княземъ. не денте мене днѣ. а заѡтра пондоу из города** (Новг. I лет., л. 86) — «Выслал князь Гюргий с поклоном к князьям: “Не трогайте меня сегодня, а завтра я уйду из города”»;
- (51) **тогда же Мьстиславъ Соудислава посла. к зятю своему князю Данилоу. рекъти не ѡстоупан ѡ мене** (Гал. лет., 254об.) — «Тогда же Мстислав послал Судислава к зятю своему князю Данилу, говоря: “Не отступайся от меня”».

В приведенных контекстах отрицательные императивы НСВ выражают запрет на совершение действия в ближайшем будущем. Таким же образом формы отрицательного императива функционируют и в современном русском языке, ср.:

- (52) — Не губи семью, Егорушка, деток не губи (НКРЯ: Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей, 1973).

Наряду с императивами НСВ в контекстах просьбы¹³ могли употребляться и императивы СВ, причем, как показывает статистика, чаще, чем НСВ (приблизительно 60% : 40%). Возможно, отрицательные императивы СВ преобладали именно

¹³ Следует оговориться, что в древнерусских текстах не всегда легко отличить просьбы от советов и указаний, поэтому выделение этой группы относительно условно.

потому, что просьба, как правило, имеет референцию не к обобщенной ситуации (для таких контекстов типичен НСВ), а к конкретной ситуации в будущем¹⁴, ср.:

- (53) **и нынѣ мѡю ти сѧ: не погуби мене** [в др. сп.: мене], **но съблюди мѧ, ако^ж и азъ тѧ соблюдохъ** (Акир, с. 137) — «И теперь молю тебя: не погуби меня, но сохрани меня в целости, как и я тебя сохранил»;
- (54) **рекоуче не имѣи на ны в томъ жалобѣ <...> и не помани злобѣ нашихъ. а крѣтъ к намъ цѣлоуи** (Киев. лет., л. 126, ср. Пс 78:8) — «Говоря: “Не вини нас <...> и не вспоминай (букв. не помяни) наших злых дел, а крест к нам целуй”»;
- (55) **не створи ми пакости а се твои кыевъ** (Сузд. лет., л. 115об.) — «Не делай (букв. не сотвори) мне зла, вот Киев твой»;
- (56) **кня^а великийн не опустит мѣстѣ чѣстныхъ. не пожжи цркви стѣхъ** (Сузд. лет., л. 146об.) — «Великий князь, не опустоши мест честных, не пожги церквей святых»;
- (57) **Княже мои, господине! Не отрини раба скорбящаго, не лиши мене живота своего** (Даниил Заточник, с. 65) — «Господин, князь мой! Не отвергни раба скорбящего, не лиши меня жизни моей»;
- (58) **водае паровокъ моемъ з на десѣте гривено а не ѱдережи посолн семо** (НБГ № 624, 1160–1180-е гг.) — «Выдай слуге моему семнадцать гривен, не откажи (букв.: не удержи [за собой]), [и] пошли сюда»;
- (59) **нѣ пожали г(о)сподине про сигы ѣще сегово нету** (НБГ № 147, 1220–1240-е гг.) — «Не прогневайся, господин, из-за сегов: еще сегов нет».

В древнерусских памятниках формы отрицательного императива СВ в прохитивном значении довольно часто встречаются в молитвах. Как уже упоминалось выше, в летописи такие формы попадали, очевидно, под влиянием книжного языка, а также в составе цитат (дословных или менее точных) из церковнославянских текстов, прежде всего библейских и богослужебных, ср.:

- (60) **такѡ и мене сподоби прияти стрѣтъ. се же не ѿ противныхъ принимаю. но ѿ брата своего. и не створи кмѣ ги в сѣмъ грѣхѣ** (ПВЛЛ, л. 46) — «Так и меня сподобь принять страдания. Я принимаю это не от врагов, но от брата своего. И не сотвори, Господи, ему в этом греха»;
- (61) **ги оуслыши мѡтвѣ мою. и не вниди в сѣдъ с рабомъ своимъ** (ПВЛЛ, л. 45об., ср. Пс. 142:2) — «Господи, услыши молитву мою и не судись (букв.: не войди в суд) с рабом своим»;

¹⁴ Такая же тенденция наблюдается в контекстах просьбы/мольбы в современном болгарском: преимущественно употребляется СВ, а НСВ возможен тогда, когда просьба имеет отношение непосредственно к моменту речи или к возможному повторению действия, см. [Пете 1991: 80].

- (62) *молаше ѿ со(до)мѣ глѣ гн̑. не погуби праведнаго с нечѣтивыми* (ХИД, 633 об., ср. Быт. 18:25) — «(Авраам) молил о Содоме, говоря: Господи, не погуби праведнаго с нечестивыми»;
- (63) *наказана накази ма гн̑. но смрти не предажь мене* (Сузд. лет., л. 122, ср. Пс. 117:18) — ср.:
- (64) *наказана накази ма. рече гн̑. смрти не предан¹⁵ мене* (Киев. лет., л. 200) — «Наказывая, накази меня, Господи, но смерти не предай меня»;
- (65) *но влѣко. гн̑ бѣ мои не ѿригни мене до конца. но тако воля твоя гн̑ тако и млѣть* (Киев. лет., л. 225, ср. Пс. 118:8) — «Но владыко, Господи Боже мои, не отринь меня совершенно, но как воля твоя, Господи, так и милость»;
- (66) *аще пастѣхъ еси не встави мене не вступи ѿ мене, ꙗко скорбь бли^з* (Кирилл Туровский «Повесть о беспечном царе», л. 80, ср. Пс. 37:22) — «Если Ты пастух, не оставь меня, не отступи от меня, так как скорбь близко».

Ср. с редким употреблением НСВ:

- (67) *и створи ма достонна оверѣсти влѣть оу тебе. вышнѣи великага сила. страшныи. не оставали насъ* (ЖАЮ, 270–272, с. 173) — «И сделай меня достойным получить от Тебя благодать. Вышний, Сильный, Страшный (Господь), не оставляй нас».

В [MacRobert 2013: 287–288] отмечается, что в старославянских текстах имеет место функционально-прагматическая дистрибуция. Подавляющее большинство отрицательных императивов, обращенных к Богу, образованы от глаголов СВ, в то время как отрицательные императивы, обращенные к людям, преимущественно (но не всегда) образованы от глаголов НСВ. В молитвах, обращенных к Богу, древнерусский сходен со старославянским за счет влияния церковнославянских текстов. В просьбах же, обращенных к людям, встречается как СВ, так и НСВ (примерно в равных пропорциях), причем употребление СВ, по-видимому, в свою очередь поддерживалось молитвенными контекстами, обращенными к Богу. Следует отметить, однако, что такая прагматическая дистрибуция довольно хорошо вписывается в аспектуальную. Несколько странно предполагать, что Богу можно указывать, прося о чем-то, что он должен делать или не делать всегда или никогда. Соответственно, такие мольбы в текстах редки, а, как было показано выше, именно для генерических и многократных ситуаций типичен НСВ, в то время как СВ более характерен в контекстах, имеющих референцию к конкретной ситуации в будущем, как в приведенных выше примерах с просьбами, обращенными как к Богу (60)–(66), так и к людям (53)–(59).

Представляется, что в случае с выбором НСВ (48)–(51), например, *не губите* (49), акцент смещается на настоящий момент («*прямо сейчас не губи, а также в будущем*»), что порождает эффект «повышающейся актуальности» и «напряженности момента» («*sence of urgency*» [Forsyth 1970: 208–209]). Выбор же СВ акцентирует

¹⁵ Презентная основа *дај-* от инфинитива *даати*, по всей вероятности, очень рано начала соотноситься с инфинитивом *дати*.

внимание на конечном результате, то есть в данном случае его ненаступления: для говорящего актуально, что действие не должно достигнуть результата, то есть не должно ни в коем случае произойти. Кроме того, как уже упоминалось выше, значение отрицательного императива СВ состоит из двух частей (информативной: ‘может произойти Р’ и предписывающей: ‘сделай так, чтобы Р не произошло’), а в сферу действия отрицания может попадать только одна из частей [Гусев 2013: 62]. В случае с отрицательным императивом информативная часть не попадает в сферу отрицания, что порождает дополнительный семантический компонент ожидаемости наступления нежелательного события. Дополнительное модальное семантическое наращение «ожидается, что может наступить событие Р», возникающее за счет сочетания СВ с отрицанием, имеет место как в превентивных, так и в прохибитивных контекстах с отрицательным императивом СВ¹⁶. Все это делает отрицательный императив СВ (по сравнению с НСВ) более категоричным и экспрессивным, ср. не совсем типичное использование отрицательного императива СВ в современном русском языке в рекламных слоганах, эксплуатирующих именно этот эффект категоричности¹⁷:

- (68) *Не позволяйте равнодушию победить сочувствие! Помогайте детям!* (Социальная реклама, 2019);
Имидж — ничто, жажда все. Не дай себе засохнуть (Sprite, 2000 г.);
Спаси и сохрани Россию. Не допусти красной смуты! Голосуй за Ельцина!
 (Лозунг демократов в кампании по выборам президента, 1996).

В приведенных примерах с отрицательным императивом СВ выражается скорее прохибитивное значение, нежели превентивное. В таком обобщенно-референтном контексте более привычным был бы императив НСВ. Однако императив СВ воспринимается как более категоричный.

Таким образом, как мы попытались показать, семантическая разница между контекстами с отрицательными императивами НСВ и СВ в прохибитивном и превентивном значениях в древнерусском языке была, по-видимому, обусловлена прежде всего различиями в аспектуальной семантике, на которые накладывались дополнительные семантические и прагматические значения.

Следует также отметить, что, по всей вероятности, некоторые из выражений с отрицательным императивом СВ (например, *не ими вѣры, не дай Бог*), встречающиеся в ранних памятниках, уже в древнерусский период клишировались и представляли собой устойчивые выражения, ср.:

¹⁶ Данная семантическая особенность объединяет функционирование императива СВ в контексте отрицания с другими глагольными формами (презент СВ, имперфект СВ, действ. прич. наст. вр. СВ), у которых под отрицанием также может возникать семантическое наращение «ожидания наступления некоторого неблагоприятного события Р» см. [Мишина 2012; Мишина, в печати].

¹⁷ Такого рода языковая игра на границе возможного и правильного языкового употребления, имеющая целью привлечь внимание, в рекламе не редкость. Ср. относительно недавнюю рекламу Макдональдса *I am loving it*, играющую на обычной неупотребительности глаголов состояния в Present Continuous.

- (69) сѣтославъ же всеволодичъ. слашетъ къ ярославоу река. брате не имни имъ вѣрѣ (Киев. лет., л. 222об.) — «Святослав же Всеволодич посылал к Яро-славу, говоря: “Брат, не верь им”»;
- (70) не дай бѣ ни единому крѣстьянину того створити (Поучение Ильи, л. 180об.) — «Не дай Бог сотворить этого никакому христианину».

3. Перифрастический прохибитив

В качестве прохибитивной встречается также достаточно редкая в древнерусских текстах отрицательная инфинитивная конструкция, образованная сочетанием частицы **не**, формой императива от глагола **моуи** и инфинитива знаменательного глагола (**не моуи / моуѣте** + инф.); о развитии этой конструкции в древнерусском языке см. [Пичхадзе 2008]. Перифрастический прохибитив встречается и в старославянских памятниках¹⁸. Смысл этой конструкции можно передать примерно так: *‘Не смей делать/ни в коем случае не делай Р’*. В современном русском языке ее аналогом можно считать конструкцию *не (вз)думай(те)* + инф. В древнерусском языке перифрастический прохибитив мог образовываться как от глаголов СВ (71)–(74), так и НСВ (75)–(78):

- (71) моуѣа княже тоуѣ и братома твоима не моуѣте погубити русьскыѣ земли (ПВЛЛ, л. 88об.) — «Молим, князь, тебя и твоих братьев: не губите/не вздумайте погубить русскую землю»;
- (72) рабе бѣи. моуѣ ти са. не моуи створити коу [в др. сп.: сего] дѣла на хлапѣ оца моуко (ЖАЮ, 1639–1640, с. 238) — «Раб божий, моуѣ тебя: не смей делать (букв. не сделать) этого с холопом моего отца»;
- (73) а иже кто (по)каеѣса не моуѣте тажки заповѣди дати (Поучение Ильи, л. 177об.) — «А если кто-то покается, не смейте дать ему тяжелое наказание»;
- (74) не моуи са ослоушати (НБГ № 779, 1180–1200 гг.) — «Не смей послушаться»;
- (75) црѣю се идутъ к теуѣ варязи. не моуи и держатѣ въ градѣ. или то створатѣ ти зло. како и сде (ПВЛЛ, л. 25) — «Царь, вот идут к тебе варяги. Не вздумай держать их в городе, а не то сотворят тебе зло, как и здесь»;
- (76) лежитѣ ти выволоченѣ в огородѣ. но не моуи имати его (Киев. лет., л. 208об.) — «Вот он лежит, выволоченный в огород, но не смей его забирать»;

¹⁸ Перифрастический прохибитив является конструкцией праславянского происхождения, причем, по всей вероятности, эта конструкция была прежде всего разговорной: она фиксируется чаще в письменных источниках, отражающих живой язык. В древнейших восточнославянских (как и старославянских) памятниках в этой конструкции встречается только глагол **моуи**, тогда как в южнославянских языках уже в древности возможны и другие глаголы: **хотѣти**, **дѣлати**, **брѣщи**, **родити** (см. [Reinhart 1998; Mihaljević, Reinhart 2005]), подробнее, а также ссылки на литературу см. в [Пичхадзе 2008: 233–234].

- (77) грѣ^х вели^кѣ^чѣ въ томъ. не можи того творити (Вопрошание, с. 502) — «Грех большой, сказал, в этом есть, не смей этого делать»;
- (78) **А сиротамъ не можете великон ѡпитемьн давати** (Поучение Ильи, л. 177об.) — «А сиротам не смейте большой епитимьи давать».

В древнерусском языке, по всей вероятности, перифрастический прохибитив выполнял эмфатическую функцию (употреблялся при выражении настоятельной просьбы (71)–(72), настойчивой рекомендации (73), (78) или строгого запрещения (74)–(77)), придавая высказыванию особую экспрессию. В этой связи кажется показательным, что в данной конструкции инфинитивы от глаголов СВ оказывались более предпочтительными, чем от НСВ: приблизительно 60 % СВ к 40 % НСВ), см. статистику по древнерусским памятникам в табл. № 1. Данное обстоятельство кажется не случайным и хорошо согласуется с общей тенденцией функционирования СВ в отрицательных контекстах в древнерусском языке, поскольку, как уже отмечалось выше, во многих случаях формы СВ под отрицанием выступают в качестве более экспрессивных и эмфатически нагруженных по сравнению с формами НСВ. Об эволюции этой конструкции см. п. 5.

Таблица № 1¹⁹

СВ vs. НСВ в перифрастическом прохибитиве

	не можи + СВ	не можи + НСВ
Повесть временных лет	1 погоувити	1 държати
Поучение Владимира Мономаха	0	1 лѣнитисѧ
Киевская лет. = Суздальская лет.	1 сътворити	0
Галицкая лет.	0	1 страпати
Берестяные грамоты	6 добыти, ослушатисѧ, оставити, пожалити, порещи, сѣгрѣшити	0
Поучение Ильи	3 дати, сътворити, оутанги	3 давати, обливати, отлагчати
Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи	0	1 творити
Поучение Луки Жидаты	0	2 свадити (2 р.)
Житие Андрея Юродивого	6 ослушатисѧ, помиловати, поставити, прославити, сътворити, оужасноутисѧ	6 забывати, красти, творити, тоужити (3 р.)
Александрия	1 съмоутити	0
Чудеса Николы	4 почюдитисѧ, престоупити, сѣлъгати, оутанги	1 лѣнитисѧ
Всего	22	16

¹⁹ Сочетания с инфинитивами от глагольных основ, неохарактеризованных в аспектуальном отношении (ити, вити, мълвити, пѣти и др.), а также от глаголов, аспектуальную принадлежность которых в силу разных причин (в том числе и из-за низкой частотности) трудно определить однозначно (повѣдати, зазърѣти и др.), не учитывались при подсчетах. Глаголы, которые уже в древнерусский период употреблялись (за редким исключением) как глаголы НСВ (творити, глаголати), включались в число глаголов НСВ. О методике определения аспектуального значения см. в [Мишина 2018].

4. Историческое развитие и остаточные свидетельства

4.1. Следует отметить, что в отрицательных контекстах тенденция к сдвигу выбора в сторону формы императива НСВ прослеживается довольно рано. В целом уже в ранних древнерусских памятниках в контекстах с отрицательным императивом НСВ фиксируется чаще, чем СВ. Ниже в табл. №2 представлена общая статистика по памятникам, включенным в древнерусский подкорпус НКРЯ. Из таблицы видно, что императив НСВ встречается почти в два раза чаще, чем СВ: при суммарном учете примеров по всем памятникам общее соотношение СВ : НСВ получается приблизительно 38 % : 62 % с вариациями по отдельным памятникам и жанрам. Так, например, в берестяных грамотах, где много просьб и нет контекстов с референцией к обобщенной ситуации, соотношение СВ : НСВ будет почти равным (52 % : 48 %).

Таблица № 2²⁰

СВ vs НСВ в отрицательном императиве

древнерусские памятники	Всего «не + импер.»	СВ		НСВ	
	кол-во	кол-во	%	кол-во	%
Пчела	121?	42? (+ 5 не даи; + 4 не рци)	35 %	79?	65 %
Повесть об Акире	47	10 (+ 1 не даи; + 2 не рци)	21 %	37	79 %
Киевская летопись	33	13	39 %	20	61 %
Берестяные грамоты	33	17 (+ 6 не даи)	52 %	16	48 %
ЖАЮ	28?	10?	35 %	18	65 %
Суздальская летопись	26	15	68 %	11	42 %
Поучение Луки Жидяты	24	11 (+ 2 не даи)	46 %	13	54 %
Поучение Владимира Мономаха	20?	4	20 %	16	80 %
Повесть временных лет по Ипатьевскому списку	18	6	33 %	12	67 %
Даниил Заточник	15	7 (+ 2 не даи)	48 %	8	52 %
Александрия	14	7	50 %	7	50 %
Кирилл Туровский	12	8	67 %	4	27 %
Чудеса Николы	11?	3?	28 %	8	73 %
Сочинения Илариона	10	7	70 %	3	30 %

²⁰ При подсчете соблюдались принципы, изложенные в сноске 19. Формы императива **не дан** (по всей вероятности, эта основа довольно рано начала соотноситься с инфинитивом **дати** СВ, а не **дати** НСВ) исключались из общего подсчета форм СВ (статистика по этим формам приведена отдельно в скобках); производные от **дати** (**не предан**, **не продан**) учитывались среди форм СВ. Императивы от глагола **реци** включались в число форм СВ за исключением контекстов, когда **не рци** вводит прямую речь (такие формы из подсчета исключались, данные по ним приведены отдельно в скобках), поскольку в роли маркера прямой речи глагол **реци**, по-видимому, мог сохранять актуальную неохарактеризованность, ср. с функционированием действ. прич. наст. времени (**рька**, **рькоучи**) [Мишина 2018: 176–177]. Формы императива от глагола **быти** также исключались из подсчета. Знак «?» при цифре означает, что в данном случае возможна погрешность из-за ошибочности какой-либо из форм.

древнерусские памятники	Всего «не + импер.»	СВ		НСВ	
	кол-во	кол-во	%	кол-во	%
История Иудейской войны	10	4	40 %	6	60 %
Житие Феодосия Печерского	9	2	— ²¹	7	—
Новгородская Первая летопись	9	2	—	7	—
Галицкая летопись	6	1 (+ 1 не даи)	—	5	—
Житие Авраамия Смоленского	6	3	—	3	—
Поучение Ильи	5	0 (+ 8 не даи) (+ 3 не рци)	—	5	—
Волынская лет.	4	1	—	3	—
Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи	2	0 (+ 7 не даи) (+ 1 не рци)	—	2	—
Хождение игумена Даниила	2?	2?	—	0	—
Житие Леонтия Ростовского	1	1	—	0	—
Всего	466	176	38 %	290	62 %

В позднейших списках отдельных памятников отрицательный императив СВ в прохибитивном значении начинает заменяться на императив НСВ:

- (79) **они же рекоша оуже не оубни еа дѣтати дѣла сего** (Сузд. лет. по Лаврентьевскому своду 1377 г., л. 100) — «Они же сказали: “Не убивай (букв. Не убей) её ради этого ребенка”».

Ср. тот же контекст в Московском летописном своде, кон. XV в. (по списку XVI в.) с императивом НСВ: **Они же рекоша ему уже не убиваи еа, дѣтати дѣла сего** (л. 35об.).

- (80) **река кыпанѡ братѣа моѣа не можѣте створити зла не оубните игорѣа** (Сузд. лет. по Лаврентьевскому своду 1377 г., л. 105об.) — «Говоря киевляном: “Братя мои, не делайте зла, не убивайте (букв. не убейте) Игоря”».

Ср. тот же контекст в Киевской летописи с императивом НСВ: **река кыпаномъ браѣ моѣа не можѣте сего створити зла ни оубиванѣ игорѣа** (Киев. лет. по Ипатьевскому своду ок. 1425 г., л. 1296 = МЛС, л. 50).

Однако, несмотря на общую тенденцию к сужению употребления СВ в отрицательном императиве, более свободное, по сравнению с современным русским языком, функционирование отрицательных императивов СВ с прохибитивным значением было возможно еще в XVIII–XIX вв.:

- (81) — *Да, графиня, потому что не удостоиваете даже и теперь меня ответом. Только двух минут прошу у вас... Грудь моя полна... Не убейте меня отказом, потому что мысль о вашем презрении сведет меня в могилу...* (НКРЯ: Н. А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года, 1831–1840);

²¹ Считать проценты для такого маленького количества примеров не представляется целесообразным.

- (82) *Призри их великодушно, не оставь их твоим покровительством, не оставь твоим советом и ту, которая по смерти жены моей им служила вместо матери, не отвергни иногда её прошение, и дай ей наставление* (НКРЯ: А. Н. Радищев. Письмо А. Р. Воронцову, 1790);
- (83) *Устимовичу, Сакену и Хомякову не откажитесь от меня поклон передать* (НКРЯ: А. С. Грибоедов. Письма, 1828);
- (84) — *Отцы родные, не погубите! И Данилка снова отчаянно засту-
чал лбом об пол* (НКРЯ: Н. С. Лесков. Божedomы, 1868).

По-видимому, многие из таких употреблений сохранялись под влиянием церковнославянского языка по аналогии с обращениями к Господу в молитвах (*Господи, не оставь меня; Не отвергни моления моего; Не отвори лица Твоего* и т. п.), которые, в свою очередь, часто являются цитатами из псалмов (ср. с примерами (60)–(66) из древнерусских памятников), а также библейскими контекстами типа *Не убей! Не укради!*, рассмотренными выше (п. 2.3.1). Однако в переводах Библии на современный русский язык (и в синодальном, и в современном, осуществленном Российским библейским обществом в 1995–2010 гг. [Библия 2016]) в подобных случаях часто (хотя и не всегда) выбирается уже императив НСВ, причем в современном переводе НСВ выбирается чаще, чем в синодальном, ср.: *не убивай, не кради* (синод.) / *не воруй* (совр.) Исход 20:13–16; *не оставь, не удайся* (синод.) / *не покидай* (совр.) Пс 37:22, *не помяни* (синод.) / *не вменяй* (совр.) Пс 78:8, *не оставляй* (синод.=совр.) Пс 118:8, *не входи в суд* (синод.) / *не судись* (совр.) Пс 142:2 и др.). В современном русском языке употребления императивов СВ сохранились с отдельными глагольными лексемами, как правило, в устойчивых клишированных оборотах типа: *Не дай Бог!; Не приведи Господь!; Пожалуйста, не откажите!; Не сочтите за труд; Не погубите!* и др.:

- (85) *Я очень прошу, не откажите в помощи!* (НКРЯ: Российский фонд помощи (2002) // «Домовой», 2002.11.04);
- (86) — *Не откажитесь подсесть к нашему столу, у нас есть для вас интересное дело* (НКРЯ: Э. Хруцкий. Операция прикрытия, 1984);
- (87) *Не дай ему обогнать тебя!*
- (88) *За то, что предупредил — спасибо, я это запомню. — Да уж не оставь старика. — Посиди там полчаса* (НКРЯ: П. Галицкий. Цена Шагала, 2000);
- (89) *Please, не оставьте мой пост без внимания!* (НКРЯ: Красота, здоровье, отдых: Красота (форум), 2005).

Остаточные свидетельства более широкого функционирования отрицательного императива СВ на более ранних стадиях развития сохранились в современном русском языке также в разного рода формулах — например заговорах (90) — и в условном значении (91):

- (90) *Или како страшное, ночью во двор ходят: Столп дворяной, хозяин дворовой, меня не устраши, а во сне Расскажи* (НКРЯ: Арханг. обл., 1994);

- (91) *Неизвестно, сколько бы это могло еще продолжаться, не войди²² в комнату, где спрашивали Володю, школьный его учитель, сердитый физик Адам Егорович* (НКРЯ: Ю. Герман. Дорогой мой человек, 1961).

Сопоставление статистических данных по формам отрицательного императива СВ и НСВ по различным подкорпусам НКРЯ в хронологической перспективе (см. табл. № 3) показывает, что доля СВ в древнерусском и современном русском языке вполне сопоставима (в современном русском она на 10 % меньше), в то время как подкорпус современного церковнославянского языка демонстрирует обратное соотношение СВ : НСВ (примерно 2 : 1), что хорошо соотносится с данными, приведенными выше: большинство контекстов церковнославянского подкорпуса составляют молитвы, для которых типичен СВ.

Таблица № 3²³

	Всего не + императив	СВ		НСВ	
		кол-во	%	кол-во	%
Древнерусский подкорпус НКРЯ ²⁴	466	176	38 %	290	62 %
Основной подкорпус НКРЯ (современный рус. яз.)	6333	1654	26 %	4679	74 %
Церковнославянский подкорпус НКРЯ (современный церковнослав. яз.)	3402	2317	68 %	1085	32 %

4.2. Исследование употребления перифрастического прохибитива в диахронической перспективе показывает, что в истории русского языка в данной конструкции имела место ожидаемая тенденция к сужению функционирования форм СВ и постепенной экспансии НСВ. Как в древнерусский, так и в старорусский период формы инфинитива СВ преобладают над инфинитивом НСВ (приблизительно 60 % СВ : 40 % НСВ). В старорусском подкорпусе НКРЯ (в этот период более употребительной становится форма **не могли(те)**) обнаруживается 20 контекстов с СВ²⁵ на 14 контекстов с НСВ. В XIX в. данная конструкция была еще вполне живой (хотя, возможно, уже и просторечной); в качестве формы императива употребляется форма ед. ч. *не могли* (форма мн. ч. *не можете* встретила всего несколько раз в НКРЯ), см. (92)–(93). В современном же русском перифрастический прохибитив перестает

²² Об этой конструкции см. [Holvoet 2018].

²³ В таблице приведены точные цифры, однако надежность статистических данных всё же может быть оценена лишь приблизительно. По отношению к древнерусскому языку мы сталкиваемся со сложностями, касающимися в некоторых случаях неоднозначности в определении аспектуального значения. Что же касается современного русского языка, то, к сожалению, статистические данные по НКРЯ, подсчитанные автоматически, не лишены определенной погрешности (так, например, они включают примеры, ошибочно продублированные в корпусе).

²⁴ В подсчетах учитывались данные не только тех памятников, которые выложены в древнерусский подкорпус НКРЯ, но также и тех, которые на данный момент в открытый доступ еще не выложены (см. табл. 2).

²⁵ Включенный в данную статистику глагол *реши*, некоторые формы которого свидетельствуют о его былой неохарактеризованности (см. [Мишина 2018: 176–177]), для старорусского периода мы считаем уже глаголом СВ.

употребляться в литературном языке, однако продолжает иногда использоваться в разговорной речи, а также в художественной литературе в качестве элемента, используемого для языковой игры или стилизации речи персонажа (94)–(95). Начиная с XIX в., соотношение форм инфинитива СВ : НСВ в данной конструкции становится обратным древнерусскому: НСВ встречается примерно вдвое чаще, чем СВ. По данным НКРЯ (основной, устный, газетный, поэтический подкорпуса) на приблизительно 145 случаев форм НСВ приходится ок. 70 форм СВ:

- (92) *Если же там какая-нибудь станет до свадьбы добираться — боже сохрани! не моги и подумать (СВ)! (НКРЯ: Гончаров. Обыкновенная история, 1847);*
- (93) *Никак ты плакать сбираешься? И думать (НСВ) не моги! (НКРЯ: А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся, 1849);*
- (94) *И в уме не держи, батюшка! Пальцем тронуть (СВ) меня не моги. Уймись лучше! (НКРЯ: Ф. В. Гладков. Повесть о детстве, 1948);*
- (95) *У кошки четыре ноги,
Позади нее длинный хвост,
Но трогать (НСВ) ее не моги
За ее малый рост, малый рост (фольклорный текст).*

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в древнерусском языке (на раннем этапе) еще не сформировалась функциональная оппозиция «превентив (СВ) vs. прохибитив (НСВ)», вырисовывающаяся довольно чётко в современном русском языке. В сочетании с отрицанием императив от глаголов СВ не обязательно имел значение превентива, но мог также выражать прохибитивное значение — некоторые лексемы сохранили такие употребления до наших дней (часто как устаревшие). Кроме того, границы между превентивами и прохибитивами были более размытыми: в ряде случаев можно говорить о синкретичном сочетании этих значений в одной форме. Семантическая разница между контекстами с отрицательными императивами НСВ и СВ в древнерусском языке была, по-видимому, обусловлена прежде всего различиями в аспектуальной семантике, на которые накладывались дополнительные семантические и прагматические значения, что в целом согласуется с гипотезой, высказанной в [Вимер 2015: 587] о том, что историческое развитие оппозиции СВ : НСВ развивалось в направлении от более объективных функций (например, акциональные свойства или кратность) к более субъективным (прагматическим). Можно также констатировать, что в прохибитивных контекстах форма отрицательного императива СВ, по-видимому, была эмфатически более нагруженной по сравнению с императивом НСВ.

На основании сравнения функционирования отрицательного императива в древнерусском и современном русском языке можно сделать вывод о том, что СВ в императиве под отрицанием в целом сузил свой функциональный (иллокутивный) диапазон и стал употребляться реже. Прежде всего он был вытеснен из сферы

прохибитива, в то время как НСВ, напротив, был ограничен прохибитивными значениями, что согласуется с общим направлением развития функционирования отрицательного императива в других славянских языках, см. [Wiemer, в печати].

Источники

Акир — Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.

Александрия — Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5–105.

Библия. Современный русский перевод: [Пер. с древнеевр., араб. и древнегреч.]. М.: Российское Библейское общество, 2016.

Вол. лет. — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 848–938.

Гал. лет. — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–848.

Даниил Заточник — Слово и Моление Даниила Заточника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1952.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // Молдован. А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М. 2000. С. 159–450.

Житие Авраамия Смоленского — Житие Авраамия Смоленского. По списку ГИМ, Уваров. № 350–1°, XVI в., л. 322–343.

Житие Леонтия Ростовского — Житие Леонтия, епископа Ростовского. По списку РГБ, ф. 304 (Тр.-Серг. Лавры), № 745, л. 94–97об.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 71–135.

Изб. 1076 — Изборник 1076 года / Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. 2-е изд., перераб. и доп. Т. I. М., 2009.

ИИВ — «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004. С. 63–684.

Иларион — Сочинения Илариона, митрополита Киевского («Похвала Владимиру», «Молитва», «Исповедание веры»). По списку ГИМ, Син. 591, 2-я пол. XV в.

Киев. лет. — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

Вопрошание — Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель (=Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII). М., 2011. С. 358–534.

МЛС — Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. 25. Изд. 2-е. М.; 2004.

НБГ — Новгородские берестяные грамоты // Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Новг. I лет. — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000.

ПВЛЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

ПВЛИ — Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.

Поучение Влад. Мономаха — Поучение Владимира Мономаха // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 2001. С. 240–256.

Поучение Ильи — Поучение Ильи Иоанна // *Попов А.* Неизданный памятник русского церковного права XII в. // ЖМНП. 1890. Ч. 271. № 10 (октябрь). Отд. II. С. 275–300.

Поучение Луки Жидяты — *Мильков В. В.* Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное своеобразие и политическая подоплека [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Milkov.shtml> (дата обращения: 22.11.2019). С. 83–92.

Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.

Сузд. лет. — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

Кирилл Туровский — Сочинения Кирилла Туровского: Повесть о беспечном царе его мудром советнике (по списку ГИМ, Синод. № 935, XVI в.); Притча о душе и теле (по списку ГИМ, Чуд. 20, XIV в.); Сказание о черноризском чине (по списку ГИМ, Синод. № 132 (Новгородская или Климентовская кормчая), XIII в.), по древнерусскому подкорпусу НКРЯ.

ХИД — Хожение игумена Даниила. По списку ГИМ, Синод., № 181, XVI в.

Чудеса Николы — Цикл из восьми чудес Николая мирликийского. По списку РНБ Ф.п.1, 46, кон. XII в. (по древнерусскому подкорпусу НКРЯ).

Литература

Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб, 1992. С. 5–50.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 20–39.

Вимер Б. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронопии) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbalaspect: Grammatical meaning and context / R. Benacchio (ред.). München, 2015. С. 586–609.

Гусев В. Ю. Типология императива. М., 2013.

Добрушина Н. Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.

Добрушина Н. Р. Императив. 2014. URL: www.rusgram.ru

Добрушина Н. Р., Даниэль М. А. Русская частица *смотри* в типологическом освещении // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 293–308.

Зализняк Анна А. Презенс совершенного вида в значении настоящего времени // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелёв А. Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М., 2015. С. 314–329.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Мишина Е. А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 219–241.

Мишина Е. А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. № 1 (35). 2018. С. 161–182.

Мишина Е. А. Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (В печати).

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Пете. И. Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных и побудительных предложениях // Съпоставително езикознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive linguistics 1991. Vol. 16 (2). С. 17–21.

Пичхадзе А. А. Перифрастический прохибитив в древнерусском // *Miscellanea Slavica*. Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 228–238.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Forsyth, J. A. Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970.

Holvoet, A. Sources for historical imperatives // *Acta Linguistica Hafniensia*, Vol. 50. 2018. P. 36–51.

MacRobert C. M. The problem of the negated imperative in Old Church Slavonic // *Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča*. Belgrade, 2013. P. 277–291.

Mihaljević M., Reinhart J. The Croatian Redaction: Language and Literature // *Incontri linguistici*. 28. 2005. P. 31–82.

Reinhart J. Peryfrastyczne wyrażenie zaprzeczonego trybu rozkazującego w języku cerkiewno-słowiańskim: *ne brězi* + bezokolicznik // **Темаґу**. Księga jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin profesora Leszka Moszyńskiego. Gdańsk, 1998. S. 173–179.

Wiemer B. Major apprehensional strategies in Slavic: a survey of their areal and grammatical distribution (forthcoming).

Zorikhina Nilsson N. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings // *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs (=Studies in Language Companion Series 134)* / Ed. by F. Josephson and I. Söhrman. 2013. P. 79–106.

Ekaterina A. Mishina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

kmishina@mail.ru

THE NEGATED IMPERATIVE IN OLD RUSSIAN

This article is devoted to the study of the functions of the forms of the negated imperative in Old Russian. In modern Russian, the negated imperative is mainly imperfective. Moreover, negated imperatives of different aspects have different meanings: the imperfective imperative has a prohibitive meaning, whereas the perfective imperative has a preventive meaning. In Old Russian, the negated imperfective imperative also dominates, although the negated perfective imperative is used more widely than in modern Russian. Research reveals that the functional opposition of preventive (Pfv.) vs prohibitive (Impfv.), which is a clear general trend in modern Russian, was not yet fully formed in Old Russian. Old Russian texts, in comparison with modern Russian ones, demonstrate more free aspectual competition in negative contexts: the functional differences between forms of negated Pfv. and Impfv. imperatives were largely based on the differences in their aspectual semantics. Pragmatic functions were an additional component. Subsequently, in the process of its historical development, the perfective aspect has narrowed its functionality and become less commonly used with negated imperatives.

Keywords: negation, imperative, periphrastic imperative, preventive, prohibitive, verbal aspect, Old Russian.

References

- Biryulin L.A., Khrakovskiy V.S. *Povelitel'nye predlozheniya: problemy teorii. Tipologiya imperativnykh konstruktsiy*. St. Petersburg, 1992. S. 5–50.
- Bulygina T.V. *K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke. Semanticheskie tipy predikatov*. Moscow, 1982. S. 20–39.
- Dobrushina N.R. Grammaticheskie formy i konstruktsii so znacheniem opaseniya i predosterezheniya. *Voprosy yazykoznaniya*. 2006. №2. S. 28–67.
- Dobrushina N.R. *Imperativ*. 2014. URL: www.rusgram.ru
- Dobrushina N.R., Daniel' M.A. Russkaya chastitsa *smotri* v tipologicheskom osveshchenii. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statey v chest' E. V. Paduchevoy*. Moscow, 2008. S. 293–308.
- Forsyth, J.A. *Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge, 1970.
- Gusev V. Yu. *Tipologiya imperativa*. Moscow, 2013.
- Holvoet, A. Sources for historical imperatives. *Acta Linguistica Hafniensia*. Vol. 50. 2018. P. 36–51.

Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ*. Leningrad, 1986.

MacRobert C. M. The problem of the negated imperative in Old Church Slavonic. *Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča*. Belgrade, 2013. P. 277–291.

Mihaljević M., Reinhart J. The Croatian Redaction: Language and Literature. *Incontri linguistici*. 28. 2005. P. 31–82.

Mishina E. A. «Situatsiya naprasnogo ozhidaniya» i otritsanie. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. № 2 (24). С. 219–241.

Mishina E. A. K voprosu o vidovoy semantike prostykh (bespristavochnykh) glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. № 1 (35). 2018. S. 161–182.

Mishina E. A. Vliyanie otritsaniya na funktsionirovanie vido-vremennykh form v drevnerusskom yazyke. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2020. № 1 (forthcoming).

Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie*. Moscow, 2013.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow, 1996.

Pete. I. Upotreblenie glagolov sovershennogo vida v bolgarskikh i russkikh otritsatel'nykh i pobuditel'nykh predlozheniyakh. *S"postavitel'no ezikoznanie / Sopostavitel'noe yazykoznanie / Contrastive linguistics*. 1991. Vol. 16 (2). S. 17–21.

Pichkhadze A. A. Perifrasticheskiy prokhibitiv v drevnerusskom. *Miscellanea Slavica. Sb. statey k 70-letiyu Borisa Andreevicha Uspenskogo*. Moscow, 2008. S. 228–238.

Reinhart J. Peryfrastyczne wyrażenie zaprzeczonego trybu rozkazującego w języku cerkiewno-słowiańskim: ne brězi + bezokolicznik. **Темаґу**. *Księga jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin profesora Leszka Moszyńskiego*. Gdańsk, 1998. S. 173–179.

Vimer B. O roli vida v oblasti kratnosti i pragmaticheskikh funktsiy (eskiz s točki zreniya khronotopii). *Glagol'nyy vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst = Verbalaspect: Grammatical meaning and context*. R. Benacchio (red.). München, 2015. S. 586–609.

Wiemer B. Major apprehensional strategies in Slavic: a survey of their areal and grammatical distribution (forthcoming).

Zaliznyak Anna A. Prezens sovershennogo vida v znachenii nastoyashchego vremeni. In: Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoy pary*. Moscow, 2015. S. 314–329.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu*. Moscow, 2000.

Zorikhina Nilsson N. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings. *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs (=Studies in Language Companion Series 134)*. Ed. by F. Josephson and I. Söhrman. Amsterdam; Philadelphia, 2013. P. 79–106.

А. М. Молдован

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

alexandr.moldovan@gmail.com

ВАРИАТИВНОСТЬ СВЯЗКИ 1 Л. МН. Ч. В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Фиксируемая в древнерусских памятниках XI–XVII вв. широкая вариативность написаний бытийной связки настоящего времени 1 л. мн. ч. (**ѣсмѣ, ѣсмы, ѣсмь, ѣсми, ѣсмо, ѣсма, ѣсме, ѣсмаа**) определялась разнообразными факторами, действовавшими на разных этапах истории русской письменности. Материалы корпусов древнерусских и старорусских текстов позволяют изучать условия и закономерности действия этих факторов. Особый интерес представляет форма *есмя*, отсутствующая в других славянских языках, которая получила широкое распространение в русской деловой письменности и гибридных разновидностях книжного языка XIV–XVII вв. В статье обосновывается гипотеза о том, что написание *есмя* отражает акающее произношение диалектной формы *есме*. Появившись в зоне аканья, *есмя* утвердилось в качестве письменной нормы Посольского приказа и потому получило распространение на всей территории Московского государства, включая те области, где аканья не было.

Ключевые слова: древнерусский язык, древнерусская письменность, история русского языка, историческая диалектология.

Презентная глагольная связка в форме 1 л. мн. ч., как известно, отличалась в древнерусском языке широким разнообразием окончаний. Письменные источники XI–XVII вв. фиксируют восемь (!) вариантов окончаний этой формы, в которых представлен почти весь репертуар гласных древнерусского языка: **ѣсмѣ, ѣсмы, ѣсмь, ѣсми, ѣсмо, ѣсма, ѣсме, ѣсмаа**. Некоторые сведения об этих написаниях, собранные А. И. Соболевским, обычно приводятся в обзорах по древнерусской грамматике для иллюстрации наиболее заметных изменений форм спряжения, противопоставивших русский язык другим славянским языкам [Соболевский 1907: 161–162; Дурново 2000: 306–307; Кузнецов 1953: 206; Филин 1972: 463–468; Историческая грамматика 1982: 48–49 и др.]. Остаются, однако, в стороне вопросы, существенные для понимания эволюции этих форм, условий и закономерностей их использования. Возможность обращения к современным корпусам древнерусских

и старорусских текстов¹ открывает некоторую перспективу в изучении этих аспектов, хотя корпусные данные, к сожалению, еще далеки от необходимой степени полноты и репрезентативности. Кроме того, приходится считаться с тем, что презентные формы связки 1 л. мн. ч. редко встречаются в древних книжных текстах — во многих из них, в том числе больших рукописных книгах, отсутствуют контексты, в которых могли бы использоваться конструкции с этой связкой.

Старославянской нормой для глаголов в презенсе 1 мн. было окончание. **-мъ** (**несемъ**, **хвалимъ**, **ксмъ**, **дамъ** и т. п.)². В некоторых памятниках «старославянского канона» у нетематических глаголов 1 мн. отмечается окончание **-ѣ**, появление которого объясняется воздействием личного местоимения **мы**: **ксмѣ**, **дамѣ**, **вѣмѣ** [Вайан 1952: 250]. Новое окончание позволило различать презентные формы нетематических глаголов 1 ед. и 1 мн., в которых после падения редуцированных совпали конечные **-мъ** и **-мъ**. Характерно, что эта инновация отмечается в таких рукописях, как Клоцев сборник и Супрасльская рукопись, тогда как в старославянских евангелиях и псалтырях она практически отсутствует (единственное исключение написание — **мы вѣмѣ** в Зографском евангелии). В Клоцевом сборнике и Супрасльской рукописи окончание **-ѣ** в 1 мн. встречается не только у нетематических, но и у тематических глаголов, при этом не только в презенсе, но и в формах императива, сослагательного наклонения и аориста [Вайан 1952: 250; Селищев II, 1952: 157]: **да оувѣмѣ таинѣ** (Клоц. сб.), **накажемѣ**, **имамѣ** (Супр.), аор. **съвидохоумѣ**, **поманжхоумѣ** (Супр.) и др. В Изборнике 1073 г. словоформы на **-мѣ** представлены 57 примерами, в их числе 53 формы настоящего времени [Ралева 2013: 122]. По мнению авторов академической исторической грамматики древнеболгарского языка, непосредственным источником этой книжной инновации являются древние северо-восточные болгарские говоры [Грамматика на старобългарския език 1991: 285], хотя презентное окончание 1 мн. **-ту** представлено также в польском языке и лужицких и чешских говорах восточной Моравии [Селищев II, 1952: 157].

Несмотря на то, что связка настоящего времени в древнерусском языке на протяжении XI–XVII вв. постепенно утрачивалась, в формах 1-го и 2 л. она сохранялась в составе именных групп до XVI в. Это значит, что вплоть до этого времени употребление на письме глагольных связочных форм имело соответствие в живом языке писавших, и необходимые для этого орфографические правила усваивались писцами путем их соотнесения с особенностями устного языка.

В ранних памятниках древнерусской книжной письменности XI–XIII вв. в 1 мн. представлены старославянские написание **ксмъ**, **ксмь**, **ксмѣ**³ (см. таблицу).

¹ В работе использованы материалы древнерусского и старорусского корпусов, входящих в состав Национального корпуса русского языка, а также текстов, доступных на портале «Манускрипт».

² При этом в болгарских диалектах того времени, несомненно, были и другие формы — прежде всего формы с окончанием **-ме**, о которых свидетельствуют данные среднеболгарских памятников и современных болгарских говоров [Селищев II, 1952: 156].

³ Здесь и далее в количественных данных учтены написание отрицательных форм **нѣсмъ**, **нѣсмѣ** и т. п.

	ѣсмѣ	ѣсмь	ѣсмы
Остромирово евангелие 1056–1057 гг.	—	3	—
Архангельское евангелие 1092 г.	2	1	—
Минея служебная на октябрь 1096 г.	1	2	—
Изборник 1073 г.	23	1	5
Изборник 1076 г.	2	1	—
Пандекты Антиоха (XI в.)	57	1	—
13 Слов Григория Богослова (XI в.)	3	—	1
Ильина книга (XI–XII в.)	1	—	—
Синайский патерик (XI–XII вв.)	5	—	—
Мстиславово евангелие (XI–XII в.)	5	—	—
Стихирарь по сп. Син. 279, XII в.	—	2	—
Триодь постная по сп. Син. 319, XII в.	—	2	—
Триодь цветная по сп. Син. Тип. 138, XI/XII в. и XIII в.	2	—	—
Триодь цветная нотирован. по сп. Воскр. 27, кон. XII в.	1	—	—
Чудеса Николы (XII в.)	2	—	1
Успенский сборник (XII–XIII вв.)	24	—	5
Троицкий сборник (XII–XIII вв.)	33	1	8
Софийский пролог. Синаксарь (XII–XIII в.)	1	—	—
Захариинский паримейник (1271 г.)	1	—	1

Написание 1 мн. **ѣсмѣ** сохраняется в древнерусской письменности в качестве нормативного приблизительно до XIII в. В рукописях XIV в. оно встречается уже существенно реже, а в более позднее время практически выходит из употребления.

В то же время, как показывают приведенные данные, орфографическое противопоставление презентных связок 1 ед. и 1 мн. даже в древнюю эпоху не было вполне строгим. В частности, в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. написание **ѣсмѣ** вообще отсутствует, а единая форма **ѣсмь** используется и для 1 ед. (78х), и для 1 мн. (3х).

После падения редуцированных и отвердения конечного [м'] в древнерусском языке утратились фонологические условия для орфографического противопоставления 1 ед. **ѣсмь** и 1 мн. **ѣсмѣ**. При отсутствии у писца возможности опереться на произношение этих форм в живом языке увеличивалась вероятность неправильных написаний. Написание **ѣсмь** в значении 1 мн. встречается даже в тех рукописях XIII–XV вв., в которых уже отсутствует **ѣсмѣ** и в основном используется **ѣсмы** и другие формы: Новгородская I летопись по Синодальному списку (**ѣсмь** 1х, наряду с **ѣсмы** 3х и **ѣсме** 6х), Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (**ѣсмь** 1х, наряду с **ѣсмы** 11х, **нѣсмы** 2х, **ѣсми** 4х и **ѣсме** 2х), Киевская летопись по Ипатьевскому списку (**ѣсмь** 7х, наряду с **ѣсмы** 37х и **ѣсми** 3х), Галицкая летопись (**ѣсмь** 1х, **ѣсмы** 5х), Волынская летопись (**ѣсмь** 1х, **ѣсмы** 2х), «Пчела» (**ѣсмь** 1х, **ѣсмы** 22х) и др. [НКРЯ]. И наоборот, в некоторых других

рукописях XIV–XV вв. встречается написание **ѣсмѣ** в значении 1 ед.⁴ Например, в древнейшем списке «Жития Андрея Юродивого» (РГАДА, Син. тип. 182), относящемся к кон. XIV в., и сделанной с него копии XV в. (РНБ, Сол. 216) написание **ѣсмѣ** 6 раз употреблено в значении 1 ед. (наряду с **ѣсмь** 70х) и только 3 раза — в старом значении 1 мн. (наряду с более частотным **ѣсмь** — 12х, **ѣсмы** — 4х, **ѣсме** — 3х):

ѣсмѣ		ѣсмь		ѣсмы	ѣсме
1 ед.	1 мн.	1 ед.	1 мн.		
6	3	70	12	4	3

Большое количество написаний **ѣсмѣ** (с орфографическим вариантом **ѣсмо**) в значении 1 ед. содержится в новгородских берестяных грамотах [ДНД: 714–715]. Тем не менее в большинстве рукописей противопоставление написаний 1 мн. **ѣсмѣ** и 1 ед. **ѣсмь** сохраняется в списках приблизительно до рубежа XII–XIII вв.

С середины XIV в. в небогослужебных текстах в форме 1 мн. sporadически встречается написание **ѣсми**, которое в качестве диалектного варианта **ѣсмь** в основном было связкой 1 ед. Древнейший пример употребления **ѣсми** в значении 1 мн. (наряду с **ѣсмы**) обнаруживается в Послании Василия Калики Феодору Тверскому о рае (1347):

Тѣмъ, еже изысках, и се пишу к тебѣ, понеже, брате, по Божию повелѣнью, должъни **ѣсми** другъ къ другу послания творити о исправленыхъ намъ Божественных писаний отъ святых апостолъ и великих святитель, якоже бо тѣ святии апостоли бес престаниа послания творяху другъ къ другу, такоже и намъ подобно есть, в нихъ бо мѣсто поставлени **ѣсмы** [НКРЯ].

Исключительно в значении 1 мн. **ѣсми** используется в «Задонщине» (4х): **ѣсми** были, правнуки **ѣсми**, сами себѣ **ѣсми** два брата, **ѣсми** ... добыли.

Смещение 1 ед. и 1 мн. в употреблении формы **ѣсмь** и **ѣсми** часто встречается в летописях:

	ѣсмь		ѣсми		ѣсмы	ѣсме
	1 ед.	1 мн.	1 ед.	1 мн.		
Повесть временных лет (Ипат.)	20х	1х	—	4х	13х	2х
Киевская летопись (Ипат.)	96х	7х	12х	3х	37х	10х
Новгородская Карамзинская летопись, 2-я выборка (до 1428 г.)	14х	—	2х	1х	—	1х
Псковская 3-я летопись, Строевский список (1400–1568)	5х	—	2х	1х	1х	1х

Очень часто форма **ѣсми** используется в значении 1 мн. в Сербской «Александрии» (русский список XV в.): из 35 примеров употребления формы **ѣсми** 21 пример — 1 ед., а 14 — 1 мн. (умерли **ѣсми**, доволни... **ѣсми**, разорили **ѣсми**, прияли **ѣсми** (5х), водимы **ѣсми**, дошли **ѣсми**, видели **ѣсми** и т. п.).

⁴ По мнению авторов академической «Исторической грамматики», такие написания в списках XII–XV вв. отражают «или отверждение согласного [м'] после утраты конечного редуцированного

Столь большое количество примеров девиантного употребления форм **ѣсмь** и **ѣсми** в значении 1 мн. не может быть объяснено только ошибками или описками писцов, а, по-видимому, свидетельствуют о сближении форм 1 мн. и 1 ед. у этого глагола⁵.

С другой стороны, разнообразные коммуникативные ситуации требовали однозначного указания на агенса (прежде всего в деловых документах). Поэтому необходимость в формальном противопоставлении презенсных связок 1 мн. и 1 ед. все же должна была сохраняться. Выражением этой необходимости стало постепенное увеличение в русской книжной традиции числа написаний 1 мн. **късмы**. Эта форма не засвидетельствована в современных русских говорах, и нет данных о том, чтобы эта книжная инновация имела какое-то соответствие в живой древнерусской речи⁶. Но древнерусские книжники, издавна встречавшие в староболгарских источниках написание **късмы**, несомненно, улавливали его связь с личным местоимением **мы** и не могли не видеть в этом его очевидного преимущества перед написаниями **късмъ** и **късмь**. С XIV в. у некоторых писцов написание 1 мн. **късмы** фиксируется в качестве новой нормы. Например, в Лаврентьевской летописи 1377 г. наблюдается четкое распределение форм 1 ед. **късмъ** (26х) и 1 мн. **късмы** (30х). Но в целом экспансия написаний **късмы** при копировании древнерусских рукописей происходила не быстро. В 16-ти Словах Григория Богослова с Толкованиями Никиты Ираклийского по рукописи XIV в. (ГИМ, Син. 43), полностью написанной одним писцом, в тексте Слов Григория в значении 1 мн. используются только **късмъ** (4х) и **късмь** (7х), при этом отсутствует форма **късмы**⁷. А инкорпорированные в текст этих Слов и переписанные тем же писцом Толкования Никиты Ираклийского в 1 мн. содержат существенно меньше написаний с **-мъ** и **-мь** (**късмъ** 1х, **късмь** 4х); в основном в них используется **късмы** (29х), которое, следовательно, должно быть отнесено к орфографии антиграфа этой рукописи, а возможно, и к архетипу славянского перевода Толкований (1-я пол. XII в.). Между прочим, этот пример демонстрирует различие в орфографических стратегиях, с одной стороны, простых переписчиков, нередко сохранявших написание более древних антиграфов, а с другой — авторов оригинальных текстов и переводов, более последовательно отражавших в своей работе языковые инновации.

переднего образования, или неразвития мягкости губного перед [ь] в эпоху смягчения полумягких, в силу чего после утраты [ь] на конце слова автоматически появился твердый [м]» [Историческая грамматика 1982: 48].

⁵ Ср. аналогичное замечание А. А. Зализняка относительно трех примеров употребления **късми** в значении 1 мн. в новгородских берестяных грамотах № 370 (2х) и № 20 [ДНД: 139].

⁶ Написание **ѣсмы** встречается только в двух берестяных грамотах XII века — № 872 и Город. 1. Первая из них происходит с востока Новгородской земли, а вторая ориентирована на наддиалектные нормы [ДНД: 139].

⁷ Интересно, что даже в том месте текста, где древнейший список 13 Слов Григория Богослова (XI в.) содержит единственное написание **ѣсмы** (л. 1в), в этой рукописи XIV в. ему соответствует написание **късмь** (л. 39а).

Начиная с XV в. **есмы** становится основной формой 1 мн. в церковнославянских текстах и сохраняет этот статус на протяжении всей дальнейшей истории церковнославянского языка вплоть до новейшего времени.

Изменение письменной нормы употребления связки 1 мн., постепенно сдвигавшейся от **есмъ** к **есмы**, затронуло прежде всего канонические церковнославянские тексты и отчасти — ориентированные на них гибридные по языку древнерусские переводные и оригинальные произведения.

Традиции деловой и бытовой письменности формировали свои нормы, которые в гораздо большей степени определялись диалектными особенностями языка писавших. Так, в бытовых памятниках древненовгородского ареала для презентной связки 1 мн. издавна использовалось **късме**⁸, противопоставленное 1 ед. **късмь** (вар. **късми**). Эта диалектная норма фиксируется в новгородских берестяных грамотах со 2-й четверти XII в.: **се есме слы[шали]** № 870 (1120–1140); **ѡшелѣ ти есме** № 1007 (1140–1155); **забыли есме гюрьгеви** № 854 (1140–1160); **(ст)[орови] ти есме вохѣ** № 670 (1180–1200); **късме гнѣ погнѣли** № 361 (кон. XIV в.); **прибвижени късмь... а сами късмь...** № 248 (60-е — 90-е гг. XIV в.); **пошли есме** № 929 (1430–1450) и др. [ДНД: 715], а также в некоторых пергаменных грамотах — грамоте рижан в Витебск ок. 1300 г., грамоте Витовта 1399 г. и др. [Соболевский 1907: 161]. Использование **късме** в бытовой сфере оказывало заметное влияние и на книжную новгородско-псковскую традицию, где **късме** встречается с XIII в.: в Лобковском Прологе 1262 г. (10х), Псковском апостоле 1307 г. [Соболевский 1907: 161–162], Новгородской I летописи по Синодальному списку (6х, наряду с **късмы** 3х и **късмь** 1х) и др. В книжных текстах форма **късме** чаще всего используется в составе прямой речи светских лиц; хотя строгого функционального распределения написаний **късме** vs **късмы** не наблюдается. Например, имеющиеся в Повести временных лет по Ипатьевскому списку примеры употребления **късме** (2х) содержатся в составе авторской речи летописца: **словѣньскѣ ꙗзыкѣ оучитель естъ павелѣ. ѡ негоже ꙗзыка и мы есме рꙋсь. тѣмже и намъ рꙋси оучитель естъ. павелѣ аплѣ; тѣмже и мы должни есме. хранити достойно стрѣца хва.** В Киевской летописи, напротив, все примеры употребления **есме** (10х) содержатся исключительно в составе прямой речи светских персонажей. Правда, в Киевской летописи и другие формы 1 мн. также встречаются преимущественно в прямой речи светских лиц: все примеры употребления 1 мн. **есмь** (7х) и **есми** (3х), а также преобладающая часть примеров употребления **есмы** (37х). Некоторое количество примеров употребления 1 мн. **късме** встречается в «Житии Андрея Юродивого» (3х), «Житии Василия Нового» (1х), Псковской 1-й летописи по Погодинскому списку (1х), Псковской 2-й летописи (2х), Псковской 3-й летописи по Строевскому списку (1х) и других летописях, грамотах, повестях и «словах» и т. п. В Старорусском подкорпусе НКРЯ зафиксировано 39 примеров использования **късме** в 17 документах различных жанров (правовые

⁸ Формы на *-ме* имеются также в средне- и новоболгарском, чешском и словацком языках и в закарпатских украинских говорах. По мнению Ф. Кортланда, гласная в окончании 1 мн. *есме* была взята из окончания 2 мн. *-те* (*есте*), чтобы избежать омонимии окончаний 1 ед. и 1 мн. [Kortland 1979: 63].

документы, летописи, повести, «слова» и др.). Больше всего примеров — 16 — содержится в Новгородской V летописи (1550 г.). А. И. Соболевский обнаружил **нѣсмѣ** в евангелии 1358 г., написанном в Московской области [Соболевский 1907: 161], однако в основном употребление **ксмѣ** не выходит за пределы новгородско-псковского региона и даже в этих границах не было книжной нормой.

Иную судьбу имела диалектная форма 1 мн. **ѣсма**, получившая в русской деловой письменности и гибридных разновидностях книжного языка широкое распространение и ставшая ярким маркером русского письма XIV–XVII вв. В других славянских языках эта форма отсутствует.

Наиболее ранние написания **ѣсма** встречаются в договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готландом о пограбленном разбойниками товаре (1373 г.)⁹. В этой небольшой грамоте **ѣсма** представлено **пятью** примерами, это явно свидетельствует о нормативности его написания:

От архиепископа новгородьского владыкы Олексѣя, от посадника Юргя, от тысяцкого Матфѣя, от всего Новгорода о той жалобѣ, что у насъ былѣ на любцяны и на годьцы бережанѣ. Что взялѣ у насъ товаръ передѣ Невою розбоиники, тои товаръ творилѣ **ѣсма** въ ихъ городѣхъ. Тако и тыи товаръ, что у Стеколмѣ взялѣ, такоже **ѣсма** творилѣ во ихъ городѣхъ, в Любкѣ да у Гочкого берега. То **ѣсма** с ними доконцялѣ с ними правдою, какъми и наши: с тыхъ **ѣсма** спустилѣ на зень, что ни в которое веремея не поминать. То **ѣсма** доконцялѣ с посломъ съ Яковомъ и съ Иваномъ из Любка, да съ Григорьею да съ Иваномъ из Гоцкого берега. На томъ Яковъ да Иванъ из Любка, да Григорѣи да Иванъ из Гоцкого берега хрьсть цѣловалѣ про тыи товаръ, безъ хытрости [ГВНП, №45].

К концу XIV в. можно отнести употребление **ѣсма** в грамоте о «докончании» Дмитрия Донского с Олегом рязанским 1382 г., сохранившейся в копии 1401–1402 гг. и во множестве более поздних копий: **ѣсма** **целовали** **крѣтъ** [Дух. и дог. гр. 1950: 30]. С XV в. число примеров употребления **ѣсма** возрастает: оно встречается в грамоте новгородского посадника Александра Фоминича в Ригу, ок. 1400 г. (*послали **ѣсма** к вамъ бориса кижанинова про его обиду*) [Хрест. 1: 144]; грамоте Великого Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой (Гинце Сассенбеке) и его братом Артемием (Гертеке), орденом переводчиком, по жалобе новгородца Александра Трифонова сына в неуплате 50 рублей, 1418–1421 гг. (*А послали **ѣсма** к вамъ сю грамоту съ Олексѣемъ с поповцемъ*) [ГВНП, №58]; так называемом Списке убытков новгородцев, 1412 г. (**сѣдѣ **ѣсма**** [= [мы] **сѣдѣлѣ**

⁹ Написание **ѣсма** встречается под 1279 г. в Волынской летописи по Ипатьевскому списку: **Голодъ бы по всен землѣ. и в роуѣи и в лѣхѣ. и в лѣтѣхъ и въ лѣтѣхъ. посем же лѣтѣхъ прислаша. послѣти своя к володимирови. тако рекоуше. гнѣ княже володимере. приѣхали **ѣсма** к тебе. ѿто вси хъ лѣтѣхъ. надѣючесь на <...> бѣ. и на твоѣ здорovie.** Однако это **ѣсма**, вероятней всего, принадлежит писцу Ипатьевского списка, датированного 1420-ми гг., а не архетипу сообщения, т. к. в Хлебниковском и Погодинском списках ему соответствует **ѣсмы**: **приѣхали **ѣсмы** к тебе** [ПСРЛ II: 879].

есма — *А. М.*) [ДНД: 687] и др. В Старорусском подкорпусе НКРЯ *есмя* представлено 1755 примерами в 532 документах XV–XVII вв. Почти все они связаны с территориями среднерусских акающих говоров — псковских, тверских, московских и рязанских. Наибольшее количество — 640 примеров — содержат разнообразные грамоты, монастырские записи, посольские отчеты и другие официальные документы. В частности, впечатляющую статистику дает употребление *есмя* в посольских книгах. Так, в Посольской книге по связям Московского государства с Ногайской Ордой в 1 мн. используется исключительно *есмя*: в 4-й книге (1551–1556 гг.) оно употреблено 275 раз, а в 5-й (1557–1561 гг.) — 151 раз. Среди примеров преобладают конструкции с –л-причастием, и в подавляющем числе случаев *есмя* находится в контактной постпозиции к –л-причастию — 518 примеров. Наиболее частотным является словосочетание *дали есмя*, представленное более чем в 200 примерах. Кроме того, в этой конструкции используются л-словоформы *купили, велѣли, взяли, мѣнили, промѣнили, мѣняли, вымѣнили, вымѣняли, запечатали, кончали, дѣлали, розѣхали, пожаловали* и др.

Обращает на себя внимание четкое распределение в посольских книгах форм 1 ед. *есми* и 1 мн. *есмя*:

	1 ед. есми	1 мн. есмя
Посольская книга по связям Моск. гос-ва с Ногайской Ордой. Кн. 4-я. 1551–1556 гг.	202х	275х
Посольская книга по связям Моск. гос-ва с Ногайской Ордой. Кн. 5-я. 1557–1561 гг.	157х	151х

По-видимому, практика деловой письменности, санкционировавшая употребление диалектной формы *есмя*, способствовала тому, что ее использование приобрело более широкое нормативное значение. С XV в. *есмя* распространяется в летописных текстах: Новгородской Карамзинской летописи (8х); Псковской 1 летописи по Тихановскому списку (2х) и по Погодинскому списку (4х); Псковской 3 летописи по Архивскому (1х) и Строевскому (1х) спискам и др. Особенно часто написание *есмя* используют Никоновская летопись и Московский летописный свод:

	<i>есмы</i>	<i>есмя</i>
Никоновская летопись (859–1176 гг.)	12х	10х
Никоновская летопись (1176–1362 гг.)	2х	23х
Никоновская летопись (1362–1424 гг.)	13х	19х
Никоновская летопись (1425–1506 гг.)	15х	13х
Моск. летописный свод (1560–1570)	61х	18х

Среди художественных текстов XV–XVI вв., в которых употребляется *есмя*, — такие известные произведения, как «Задонщина» (3х, наряду с *есми* 4х), «Сказание о Мамаевом побоище» (5х, наряду с *есмы* 2х и *есми* 1х); «Сказание о князьях Владимирских» (1х, наряду с *есмо* 1х), «Хождение на Флорентийский собор» (6х, наряду с *есмы* 1х и *есми* 3х) и др.; сочинения известных авторов: Афанасия

Никитина, Нила Сорского, Геннадия Гонзова, Иосифа Волоцкого, Ивана Грозного, Андрея Курбского, Арсения Суханова и др. У Ивана Грозного встречаются четыре формы 1 мн. — *есмы*, *есми*, *есмо* и *есмя*, распределенных стилистически. При этом *есмя* значительно преобладает:

	<i>есмы</i>	<i>есми</i>	<i>есмо</i>	<i>есмя</i>
1-е послание Курбскому (1564)	—	3	—	11
2-е послание Курбскому (1577)	1	—	—	—
Послание в Кир.-Белоз. монастырь (1573)	—	—	—	7
Ответ Яну Роките (1570)	2	2	—	1
Послание Стефану Баторию (1579)	—	—	4	3
Послание Стефану Баторию (1581)	—	—	—	19
Послание английской королеве Елизавете I (1570)	—	—	—	18
Послание шведскому королю Юхану III (1572)	—	—	—	5
Послание шведскому королю Юхану III (1573)	—	—	—	10
Послание Александру Полубенскому (1577)	—	—	—	1

Существенно, что во многих этих произведениях *есмя* используется не спорадически, а последовательно, и, значит, является нормой для авторов и переписчиков этой эпохи. При этом, как правило (хотя и не всегда), соблюдается распределение форм 1 ед. и 1 мн. Так, абсолютно четкое противопоставление этих форм, подобное тому, которое наблюдается в Посольских книгах, обнаруживается в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина по списку XVI в.: 1 ед. — **есми** (28х) и **есмь** (3х), а 1 мн. — только **есма** (19х).

Наблюдение над списками летописей и других гибридных по языку текстов показывает, что различные формы связки 1 мн. принадлежат в них чаще переписчику, чем оригиналу текста. В частности, в поздних летописях (Никоновской, Вологодско-Пермской и т. п.) написание *есмя* во множестве встречается не только при описании современных летописцу событий, но и в древних частях, относящихся к домонгольскому периоду. Это значит, что употребление той или иной формы определялось орфографической выучкой писца в большей степени, чем влиянием антиграфа. Такая выучка была особенно характерна для писцов Посольского приказа. К концу XVI в. приказные нормы письменного языка широко распространились на всей территории Московской Руси, включая сюда и отдаленные сибирские окраины [Черных 1958: 140]. Авторитет Посольского приказа обеспечивал использование *есмя* в документах, относящихся к различным сферам деятельности Московского государства, в статусе общерусской нормы.

В XIV–XVII вв. форма *есмя* проникала и в списки церковнославянских текстов стандартного регистра при их копировании. Например, в московском Евангелии Успенского собора Соболевским отмечено: **сѣма овраамле есма** 15 об. [Соболевский 1907: 162]. В списке кормчей XVI в., который использовался Бенешевичем для разнотчений с Ефремовской кормчей, написанию Ефремовской кормчей **дѣлжени есмъ** соответствует **дѣлжнн есма** [Бенешевич 1906–1907]. Это, по-видимому, является закономерным следствием того, что книгописанием

в XV–XVI вв. занималось большое количество светских писцов, в том числе служащих Посольского приказа [Костюхина 1974: 14]¹⁰.

Касаясь вопроса о происхождении формы **ѣсма**, А. И. Соболевский писал, что оно «неясно», и продолжал: «но во всяком случае она не может быть объясняема из **ѣсме**, так как переход конечного ударяемого *е* в *а* ни в новгородском, ни в московском говорах никогда не был известен (ср. в тех же старых памятниках, где *есмя*, постоянное сохранение *е* в *есте*; *естя* — по образу *есмя* — появилось не раньше XV в. (грамота 1503 г. Ак. Юр. 18)» [Соболевский 1907: 162]. Мнение о том, что *есмя* — «неясная форма», повторяется в других работах, авторы которых, опираясь на материалы А. И. Соболевского, не подвергали сомнению высказанные им соображения [Филин 1972: 466; Ист. гр. 1982: 49 и др.]. Между тем нет никаких оснований считать, что окончание в форме **ѣсма** было полноударным, поскольку словоформы настоящего времени глагола *быти* представляли собой, по выражению А. Вайана, «полуэнклитики» [Вайан 1952: 412], то есть в функции связок имели статус энклитик, хотя в неслужебном значении («существовать, иметься», «пребывать, находиться») вели себя как акцентно самостоятельные [Зализняк 2008: 221]. Поэтому Н. Н. Дурново полагал, что *есмя* «получилась вследствие фонетического перехода конечного *е* в *а* в слабую ударяемом (разрядка наша — А. М.) положении (ср. такое же *а* в в.-р. *меня, тебя, себя*)» [Дурново 2000: 306–307]. Что касается указания А. И. Соболевского на отсутствие *естя* в тех древнейших памятниках, в которых появлялось *есмя*, то и оно не может быть принято по причине крайней малочисленности соответствующих данных. Наиболее ранняя фиксация *естя* относится к 1-й половине XV в., и в дальнейшем оно встречается несопоставимо реже, чем *есмя*¹¹ и только в текстах, отражающих аканье. Предположение А. И. Соболевского об аналогическом изменении *есте* в *естя* под влиянием *есмя* не подтверждается и данными псковских говоров, в которых фиксируется форма 3 ед. *ѣся* (см. ниже), представляющая собой результат фонетического изменения *есть* > *есь* в условиях аканья. Связка *естя* фиксируется приблизительно с того же времени, что и *есмя*, и ограничено общей с *есмя* диалектной территорией. Поэтому более вероятно, что их появление было вызвано фонетическими причинами.

Фонетическое объяснение происхождения *есмя* из *есме* хорошо согласуется с географией распространения *есмя*. В новгородских берестяных грамотах, отражающих новгородский диалект «в узком смысле», в 1 мн. зафиксировано только **ѣсме** (6х, см. выше), форма **ѣсма** «не встретилась» [ДНД: 139]. В отличие от нормы новгородской бытовой письменности, норма новгородских пергаменных документов формировалась, по-видимому, под влиянием акающей части новгородско-псковских говоров. И это, в свою очередь, объясняет относительную малочисленность примеров отражения на письме диалектного *есме*, которое поддерживалось

¹⁰ В XVII в. процент светских писцов по датированным рукописям достигает 45% [Костюхина 1974: 15] — в частности в Посольском приказе — притом что основной работой этих писцов было написание жалованных и иных грамот [Там же: 16].

¹¹ Старорусский подкорпус НКРЯ содержит лишь 151 пример употребления *естя*.

произношением только в восточной, окающей части новгородско-псковских говоров, тогда как в условиях аканья оно произносилось и записывалось как *есмя*. То, как это происходило, наглядно иллюстрируют региональные варианты списков Новгородской I летописи: под 1216 г. в Синодальном списке написано: *а крѣви не проливаимѣ*. В Комиссионном списке (40 гг. XV в.) — *не проливаимя* [Зализняк 2007: 41].

Говоря о «слабоударяемом положении», в котором конечное *-е* в *есме* переходило в *-я*, Н. Н. Дурново, по-видимому, имел в виду то, о чем позднее написал А. А. Зализняк [2008: 221]: «Двусложные словоформы вообще склонны к тому, чтобы даже в позициях, где они утрачивают нормальное ударение, все же сохранять некоторое ослабленное ударение (как это происходит, например, с современными *ему*, *его*, *было*)». По-видимому, этот ослабленный характер ударения на двусложной энклитике отражают единичные примеры его обозначения посредством «тупого» ударения на окончании (*есмя*) в акцентуированных рукописях XVII в. [Там же: 334].

На возможность древнего ударения *ѣсмя* косвенно указывает реликтовое употребление *ѣсмя* в современных северных и среднерусских говорах на территории Северо-Запада. Эта словоформа выступает в разных грамматических значениях — 3 мн., 3 ед. и 1 мн.: *Ѣсмя те жь мѣсныи жьытили устроѣишы и карѣф имеют; Приѣхаши-та дачники тожа ѣсмя; Кино нынче ѣсмя?; Дѣйствиельна, ѣсмя такая дѣревня* и др. [Псков. обл. сл, 2: 236–239]; *Она есмя вепс; Она здешняя есмя; Племянник есмя полковник; Отец-то еговый есмя с-под Костромы; там очень хорошо есмя — где магазин; А посконь в конопле есмя, как лен; Василий работал есмя; Може, есмя не пустят (мальчика в кино) — не детское* [Кузьмина, Немченко 1968: 150–153]; *Да почто он пришоцчи есмя?; Мы не ездивши есмя со своей деревни; Рожь-то есмя выжата; Сын есмя померши; Мы развешши есмя в 34 году; там, наверно, забравши уже есмя куры; Жена его есмя секретарем; Отец-то еговый есмя с-под Костромы; Здесь красиво есмя, воздух чистый* [Кузьмина, Немченко 1971: 181, 191]. В части этих примеров представлено однозначное употребление глагола *есть* как акцентно самостоятельной словоформы, которую не всегда удается отличить от связки. Впрочем, строгое разграничение этих употреблений в данном случае не требуется, потому что ударение в полноударных словоформах в любом случае оказывало влияние на ударение в аналогичных связках, и связки не в полной мере утрачивали то ударение, которое имела соответствующая словоформа в качестве однозначного глагола [Зализняк 2008: 224]. Приведенные выше акцентуированные материалы «Псковского областного словаря» свидетельствуют о том, что ударение в *ѣсмя* было на первом слоге. На это указывает и диалектная вариативность форм *есть*, *есть*, *е*, *ести*, *есте* и *есмя* в одинаковых синтаксических конструкциях, которые свободно чередуются в речи информантов: *Гумно на память-то оставши есть; Ребята есть курят; Пасет коров ходит есть; Тамочка есть речка была; Она немножко есть рехнувши; Он померши есть; Я съездила есь в город; Его сестра мне-ка золовка есь; Посконь раньши сохне, с зерном конопля есь; Погибиши сын у меня е; тут медведь е рывиши; как на оборты ходят, так еле живеньки е ставиши; Она же здесь вышевши есте (замуж);*

А кромка — у платка **ести**, вот эта и др. [Кузьмина, Немченко 1971: 181]. В свою очередь, ударение *эстя* делает весьма вероятным аналогичное ударение *эсмя*.

Таким образом, можно полагать, что форма *есмя* представляет собой отражение на письме акающего произношения *есме*. Появившись в зоне аканья, она стала письменной нормой Посольского приказа и потому получила распространение на всей территории Московского государства, включая те области, где аканья не было. Помимо ориентации писцов на нормы Посольского приказа, распространению этой формы за пределами акающей зоны могло способствовать то, что она обеспечила противопоставление связок 1 мн. и 1 ед. ч., что было особенно актуально для деловых и официальных документов. Заметим, что *естя* в таком качестве морфологически не требовалось, т. к. во 2 л. формы единственного числа (*еси*) и множественного (*есте*) различались достаточно хорошо, и поэтому тексты, в которых встречается написание *естя*, ограничиваются территорией аканья.

Форма *есмя* активно употреблялась в русских документах на протяжении почти четырех веков: самый поздний пример употребления *есмя* в Старорусском подкорпусе НКРЯ датирован 1668 г. Приблизительно в это время в русском языке в целом завершается процесс вытеснения связок личными местоимениями. В источниках XVIII в. *есмя* уже не встречается.

Влиянием аканья объясняется и форма *есма* (из *есмо*), распространенная в белорусских говорах, которая встречается и в некоторых русских документах. По данным Старорусского корпуса, эта форма, встречается 8 раз в шести документах. В пяти из них она используется в значении 1 мн.:

- *Приехали есма въ Трокы* [Хождение на Флорентийский собор (1437–1440)];
- *А купили есма те земли* [Купчая с отводом старца Гурия Старого, казначея Герасима Ленкова и др. на купленное у Ивана Иванова с. Кувшина-Заболоцкого с. Ангелово в Горетовск. стану Московск. у. (1532.06.10)];
- *И от тое реки шли есма войском 8 дней полями дикими и дубровами, нѣгдѣ же и лесеми* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583)];
- *бронилися есма имъ* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583)];
- *всяко благодарим Бога, иже есма, за благодатию его, от младости нашей во Священных Писаниях по силе нашей научени* [Андрей Курбский. Послание Кодиану Чапличу (1564–1583)].

В трех случаях *есма* выступает в качестве связки 1 ед.:

- *Аки бы реклъ: «Не возмогъ есма вас мучити»* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583)];
- *Се яз, Юрьи Данилов сын Скрыпеев, дал есма в дом великим страсто-терпцем христовым Борису и Глебу в манастирь в Муромском уезде в Куземском стану вотчину* [Данная Юрия Данилова сына Скрыпеева Борисогл.

монастырю на половину д. Прудец в Куземском ст. Муромского у. (1575–1576)];

— *И в том есма яз, Иван Суботин сын Чегодаев, дал сю память в дом великих страстотерпец Бориса и Глеба строителю Захарью Ржевскому з братьею за своею рукою* [Данная («память») Ивана Субботина сына Чегодаева строителю Борисогл. монастыря Захарию Ржевскому на двор на Кулишках в Москве (1603–1604)].

Сама форма 1 мн. **ѣсмо**, которая характерна для ряда славянских языков (средне- и новоболгарского, древнесербского и современного сербского, хорватского, словенского и словацкого языков, а также для украинских говоров), сравнительно редко встречается в старорусских текстах — преимущественно галицко-волынского и западно-русского происхождения. Единичные примеры отмечены в «Александрии» Хронографической редакции (сп. XV в.), в «Истории Иудейской войны» (2х), по одному примеру — в Псковской 2-й и Псковской 3-й летописи по Строевскому списку, в «Сказании о князьях владимирских» и некоторых других¹². Чаше других авторов **ѣсмо** употребляет Андрей Курбский в своих письмах (наряду с **ѣсма** и **ѣсма**). У Ивана Грозного **ѣсмо** встречается только в одном из писем — в Послании польскому королю Стефану Баторию 1579 года (4х), где, по-видимому, является стилизацией.

Источники

Бенешевич 1906–1907 — *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. Вып. 1–3. СПб., 1906–1907.

ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ДНД 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Дух. и дог. гр. 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Псков. обл. сл. 1–27- — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27-. СПб., 1967–2017-

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Хрест., 1–2 — *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1952; Ч. 2, вып. 1. М., 1949; Ч. 2, вып. 2. М., 1948.

¹² Поэтому неверно утверждение, что такие написания «в памятниках письменности не прослеживаются» [Горшкова, Хабургаев 1982: 292]. В то же время ошибочны все примеры написания *-мо* в формах глаголов 1 мн., приведенные в [Филин 1972: 467] для иллюстрации употребления этого окончания в древнерусских рукописях: формы **пѣкмо** в Изборнике 1073 г. (152а7) и **невѣроуѣкмо** в 13 Словах Григория Богослова (45а) представляют собой страдательные причастия ср. рода, а форма **прѣдстѣпакмо** в Успенском сборнике отсутствует.

Литература

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Перевод с франц. В.В. Бородич. М., 1952.

Горишкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1982.

Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1993.

Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 2-е, доп. М., 2007.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990.

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р.И. Аванесова и В.В. Иванова. М., 1982.

Костюхина Л.М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974.

Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144–170.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Ралева Ц. Наблюдения върху някои глаголни форми в Изборника от 1073 г. // Език и литература. 2013. № 1–2. С. 119–123.

Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. I–II. М., 1951–1952.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907. (Ре-принт. переизд.: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1. Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и ком-мент В.Б. Крысько. М., 2004.)

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. М.; Л., 1972.

Черных П.Я. О начале и характере формирования русского национального языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. №3. С. 130–142.

Kortland F. Toward a reconstruction of the Balto-Slavic verbal system // Lingua. 49 1979. P. 51–70.

Alexandr M. Moldovan

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

alexandr.moldovan@gmail.com

VARIATION OF THE 1ST PERSON PLURAL FORM OF THE COPULA/ AUXILLIARY IN OLD RUSSIAN TEXTS

Wide variation in the spelling of the 1st person plural form of the copula verb (*jesmъ, jesmy, jesmъ, jesmi, jesmo, jesma, jesme, jesm'a*) is attested in 11th- to 17th-century Old Russian texts. This was due to many factors that were at work in different periods of the history of the Russian written language. Old and Middle Russian corpora provide abundant material for investigating the conditions and mechanisms of operation of these factors. Of special interest is the form *jesm'a*, which is not attested in other Slavic languages, but was extensively used in the 14th to 17th century in Russian business writing and “hybrid” types of literary language. The article argues that the spelling *jesm'a* reflects the phenomenon of *akanje* in pronouncing the dialectal form *jesm'e*. Having emerged in the *akanje* zone, *jesm'a* asserted itself as a written norm in the Ambassadorial Prikaz and therefore spread all over the territory of Muscovy, including regions not affected by *akanje*.

Keywords: Old Russian language, Old Russian written culture, history of the Russian language, historical dialectology.

References

- Chernykh P. Ya. O nachale i kharaktere formirovaniya russkogo natsional'nogo yazyka. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. 1958. №3. S. 130–142.
- Durnovo N.N. Ocherk istorii russkogo yazyka. In: Durnovo N.N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka*. Moscow, 2000.
- Filin F.P. *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov: Istoriko-dialektologicheskii ocherk*. Moscow; Leningrad, 1972.
- Gorshkova K.V., Khaburgaev G.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow, 1982.
- Grammatika na starob"lgarskiya ezik. Fonetika. Morfologiya. Sintaksis*. Sofiya, 1993.
- Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. Pod red. R. I. Avanesova i V. V. Ivanova. Moscow, 1982.
- Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow, 1990.
- Kortland F. Toward a reconstruction of the Balto-Slavic verbal system. *Lingua*. 49. 1979. P. 51–70.
- Kostyukhina L. M. *Knizhnoe pis'mo v Rossii XVII v.* Moscow, 1974.
- Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. K voprosu ob upotreblenii «est'» v russkikh govorkh. *Materialy i issledovaniya po obshchieslavianskomu lingvisticheskomu atlasu*. Moscow, 1968. S. 144–170.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*. Moscow, 1971.

Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya*. Moscow, 1953.

Raleva Ts. Nablyudeniya v"rkhu nyakoi glagolni formi v Izbornika ot 1073 g. *Ezik i literatura*. 2013. No 1–2. S. 119–123.

Selishchev A. M. *Staroslavjanskij yazyk*. Ch. I–II. Moscow, 1951–1952.

Sobolevskiy A. I. *Lektsii po istorii russkogo yazyka*. Izd. 4-e. Moscow, 1907. (Reprint, pereizd.: Sobolevskiy A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. T. 1. *Ocherki iz istorii russkogo yazyka. Lektsii po istorii russkogo yazyka* / Predisl. i komment V. B. Krys'ko. Moscow, 2004.)

Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku*. Perevod s frants. V. V. Borodich. Moscow, 1952.

Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *vzglyad lingvista*. Izd. 2-e, dop. Moscow, 2007.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow, 2008.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'*. Moscow, 2014.

Г. А. Мольков

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
georgiy.molkov@gmail.com*

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТРАКТАТАХ А. П. ГАННИБАЛА ПО ГЕОМЕТРИИ И ФОРТИФИКАЦИИ (1725–1726 ГГ.): К ИСТОРИИ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Яркой особенностью трактатов А. П. Ганнибала (1696–1781) является большое количество галлицизмов в языке автора — в первую очередь, в сфере терминологической лексики. Значительную часть этих заимствований составляют имена прилагательные, основная часть которых используется в неизменяемом виде. В статье рассматривается ряд особенностей функционирования неизменяемых прилагательных у Ганнибала: наличие в некоторых случаях русских склоняемых эквивалентов к ним, попытки морфологической адаптации отдельных лексем, случаи омонимии неизменяемых адъективов и субстантивов. Автор предпочитает морфологически неадаптированные адъективы их русским эквивалентам и образованию склоняемых прилагательных с заимствованным корнем; по-видимому, эта особенность связана с терминологическим характером их употребления. В сфере фортификации заимствованные термины представлены значительно шире, чем в трактате по геометрии, т. к. базовая геометрическая терминология уже имела традицию использования в русском языке в связи с широким распространением геометрических сведений в России в допетровское время.

Язык трактатов А. П. Ганнибала является интересным свидетельством того, что потенциально русский язык был готов к появлению категории неизменяемых прилагательных уже в первой трети XVIII в. Эта возможность не была реализована, по-видимому, в связи с изменением языкового вкуса во второй половине XVIII в. и только в XX в. развилась в русском языке.

Ключевые слова: неизменяемые прилагательные, язык Петровской эпохи, А. П. Ганнибал, терминология фортификации, терминология геометрии.

Появление в русском языке неизменяемых прилагательных происходит на позднем этапе, уже в период существования литературного языка нового типа. Однако в научной литературе, непосредственно посвящённой описанию этой категории,

время её появления в языке и ранний период существования описываются очень огрублённо и неточно. В работах последних десятилетий на этот счёт можно встретить следующие суждения.

Д. В. Бондаревский в диссертации, посвящённой категории неизменяемых прилагательных в русском языке, отмечает: «Появление в русском литературном языке заимствованных неизменяемых прилагательных относится к концу 18 — началу 19 вв.» [Бондаревский 2000: 10]. В статье 2016 г. А. А. Горбов даёт ту же хронологическую привязку: «В исследованиях, посвященных проблемам описания неизменяемых элементов, выступающих в роли определения к существительным, указывается, что заимствованные единицы такого типа появились в русском языке на рубеже XVIII–XIX вв., но их список включал в себя лишь несколько цветообозначений» [Горбов 2016: 134].

При этом в указанных работах отмечается, что в активную фазу развитие этой категории вошло только в XX веке. Сам термин «неизменяемые прилагательные» был введён А. А. Шахматовым, впервые теоретически рассмотревшим этот феномен, а в сфере лексикографии эта категория впервые выделяется с помощью отдельной пометы в словаре под ред. Д. Н. Ушакова; во второй половине века категория неизменяемых прилагательных начинает регулярно фиксироваться и описываться русскими грамматиками (начиная с академической грамматики 1970 г.) и словарями (см. обзоры в [Бондаревский 2000: 10–12, 97–100; Бранднер 2001: 108]).

Возможно, названные исследования ориентируются в своей обзорно-исторической части на работы предшественников, опубликованные полвека назад. В частности, А. И. Молотков в 1960 г. в журнале «Вопросы языкознания» высказал точку зрения об отсутствии неизменяемых прилагательных в русском языке как особой морфологической категории. Говоря о проникновении первых подобных форм в русский язык, он пишет, что «время появления “неизменяемых прилагательных” в русском языке почти датировано: вполне достоверно здесь можно говорить о XIX и XX вв.» [Молотков 1960: 69].

Между тем, в процессе подготовки и издания «Словаря русского языка XVIII века» и параллельно проводимых коллективом исследований языка этого периода были описаны и лексикографически обработаны факты, показывающие неправомерность описанной оценки начального этапа функционирования неизменяемых прилагательных в русском языке. Важные сведения по этому вопросу приводятся в исследовании о заимствованиях в русском языке XVIII века: «Контексты XVIII в. демонстрируют весьма широкое употребление неадаптированных форм прилагательных в зап.-европ. или классическом (преимущественно лат.) оформлении, в функции атрибутивной и в качестве предиката. Таковы формы *женероз*, *капатель*, *комод*, *магнифик*, *комплет*, *конфини*, *аттик*, *дифферент*, *десперат*, *малконтент*, *офенсив*, *директ*, *массив*, *позитив*, *фурьез*, *комплезан*, *пропре*, *акциденталис*, *ориенталис*, *диагоналис*, *целестис*, *арктикус*, *солидус*, *меридионалис*, *милитарис*, *навалис*, *цивилис* и т.п.» [Биржакова и др. 1972: 237]. Часть подобных прилагательных представлена в СлРЯ XVIII с пометой *неизм. прил.* / *неизм.*, ср.:

ДИАГОНАЛИС 1709, *неизм., прил.* [СлРЯ XVIII 6: 123]; КАПАБЕЛЬ 1727 (копбил 1711), *неизм. прил.* [Там же, 9: 240] и др.

При полном отсутствии в специальных работах по истории неизменяемых прилагательных материалов XVIII в. остаётся актуальным суждение авторов процитированной выше коллективной монографии о перспективности исследований на этом материале: «Русские словообразовательные аффиксы, сочетающиеся с основами иноязычных прилагательных, их взаимные отношения в словообразовательной системе XVIII в., новые суффиксы и новые структурно-семантические типы как результат освоения иноязычных прилагательных должны составить предмет специального исследования» [Биржакова и др. 1972: 237, сноска 80].

В описанной ситуации большой интерес представляют неопубликованные рукописные трактаты по геометрии и фортификации (далее — Г и Ф) А. П. Ганнибала, ныне хранящиеся в основном собрании рукописного отдела БАН (СПб.) под общим шифром 17.14.4. Как указывает автор в предисловии, посвящённом Екатерине I, его пособия представляют собой переведённую с французского компиляцию: *сия книга оѡтибикаціѡ и геометрія практика переведена с ѡранцузскаго діалекта на роcсійски выѡрана и ѡ книгѣ славныѣ разныѣ авторовѣ і искусныѣ инженероѣ в котороѣ находятся всѣ части геометріи и оѡтибикаціи*. При переводе А. П. Ганнибал активно заимствовал терминологию оригиналов [Мольков 2018], в том числе и атрибутивную лексику. Как показывает сплошная выборка материала по заимствованным прилагательным, эта лексика в сочинениях Ганнибала очень активна и отличается низкой степенью морфологической адаптированности, что даёт возможность сделать подробные наблюдения, существенные для реконструкции ранней истории неизменяемых форм прилагательных в русском языке Нового времени.

Два рассматриваемых трактата отличаются разной степенью употребительности заимствованных атрибутивов. В геометрическом томе их используется ограниченное количество (не больше 10), и большинство из них известны в XVIII в. и из других сочинений и зафиксированы в СлРЯ XVIII. Среди них, например, термин *исос(с)ель* ‘равнобедренный’ — *Триангуль исоссель. котороѣ имѣеть два бока равны* [Г, с. 6]; *триангуѣ исосеѣ* [Г, с. 32]; *.3. бока, и три угла, то принадлежатъ бокамъ триангулоѣ, экилетералѣ, изоселѣ, скалена*. [Г, с. 97]; этот термин Ганнибал продолжает использовать и в томе по фортификации: *для нахождения раѡна АР. здѣлаѣ в триангуле исоссель АРВ, в котороѣ познаешь углы баѣ АВ 120 сажень, такиѣ образѣ* [Ф, с. 22]; СлРЯ XVIII приводит следующие контексты: *Из дву даныхъ прямыхъ линіи здѣлатьъ треугольникъ изосцелес, имѣющеи в себѣ двѣ стороны равныя*. Геом. 170998. *Треугольникъ изосцель*. ЛВ¹ П 227 [СлРЯ XVIII 9: 59]. При этом, по данным Словаря, слово *изосцель* является несклоняемым заимствованием, в то время как примеры из сочинений Ганнибала показывают его способность видоизменяться по именному склонению (см. подробнее ниже). Аналогичным образом представлены и антонимичные прилагательные *эго* ‘острый’ и *обтю* ‘тупой’. В трактатах Ганнибала они используются часто: *Еще углы раѡделяютца на .3. части сиесть прямои, эго, {или острой} обтю, {или тупой}* [Г, с. 3];

уго¹ *эго* содержи^т в себѣ меньше нежели 90 гра^{дусовъ}, и <...> весь уго¹ *обтю* соде^р-
житъ болше нежели .90. гра^{дусовъ} [Г, с. 6]; сей ѳланкѣ *EF*. <...> дѣлае^т с куртино^ю
EF. уго¹ *о^бтю* {тупо^ю} [Ф, с. 3] и мн. др. Слово *обтю* (в латинизированном облике
обтюс) зафиксировано в СлРЯ XVIII в сочинении С. Мордвинова 1748 г.: Угол
обтюс или тупой, которой болше прямова угла. Кн. навиг. I 9; в том же источни-
ке используется, по данным КС XVIII, и антоним: Угол *экю* или острый, которой
меньше прямова угла. Кн. навиг. I 8. Прилагательное облик ‘косой, не прямой’ также
используется Ганнибалом в обоих трактатах — И ежели та же линия *о^бликъ* дву^ю
плана^ю, то буде^т присмѣ *обликъ* * <*уклонно^ю> [Г, с. 11]; а ежели вмѣсто пара^лле-
лограма пропозують дѣлать пара^ллелограмъ *о^бликъ* {или наклонно^ю} на линии *EF*.
надобно протяну^т линию *EG*. что^б дѣлала съ *EF*. одинъ уго¹ [Г, с. 34]; ѳланкѣ *обли-*
къ {непрямо^ю} когда дѣлае^т с куртино^ю *EF* [Ф, с. 3] — и зафиксировано ещё одним
примером в том же сочинении С. Мордвинова: Линия облик или склонная. Кн. на-
виг. I 6 [СлРЯ XVIII 15: 259].

Такая относительно малая активность заимствований в сфере собственно гео-
метрической терминологии в рассматриваемых текстах, по-видимому, связана
с тем, что её развитие было поддержано широким распространением геометри-
ческих сведений в России в допетровское время — через руководства по земле-
мерию, книги по астрономии и географии, военному делу [Кутина 1964: 31–32].
В связи с этим в наименовании базовых геометрических понятий Ганнибал поль-
зовался по преимуществу сложившейся системой оригинальных русских терминов
(или более ранних заимствований).

В сочинении по фортификации таких заимствований из французского стано-
вится на порядок больше. Этот обильный материал оказывается достаточно разно-
родным по степени адаптации, которая выражается в наличии / отсутствии форм
словоизменения, в устойчивости атрибутивной позиции этих слов, а также в ис-
пользовании для части вводимых терминов дублирующих русских соответствий.
В полном тексте трактата было замечено около 70 лексем, которые можно отне-
сти к обозначенной категории; приведём их с французскими соответствиями¹:
абаскюль (в тексте — *абанюль*, описка вместо *à bascule* «откидной»), *авантаж*
(*avantage*), *антаналь* (*en tenaille*), *антере* / *энтере* (*enterré*), *анфиле* (*enfilé*), *асцие*
(*à scie*), *атребюше* (*à trébuchet*), *атюэль* / *атюгль* (*à étoile*), *афлеиш* (*à flèches*), *бас*
(*bas*), *вид* (*vide*), *виф* (*vif*), *де апрош* (*de approches*), *д’анфилад* (*d’enfilade*), *де армее*
(*de armée*), *де дефанс* (*de défense*), *де куртин* (*de courtine*), *де реверс* (*de revers*),
де фрон (*de front*), *де ла каземат* (*de la casemate*), *де ла транше* (*de la tranchée*),
дю кордон (*du cordon*), *дю фланк* (*du flanc*), *деминюе* (*diminué*), *демаше* (*détache*),
дефанс (*défense*), *дефансив* / *-и*ф (*défensive*), *диформ* (*difforme*), *дорман* (*dormant*),
дрои (*droit*), *изоле* (*isolé*), *интериор* / *энтериор* (*intérieur*), *иррегуляре* (*irrégulier*),
кавальер (*cavalier*), *каре* (*carré*), *крозе* (*croisé*), *крюкс* (*creux*), *куверт* (*couvert*), *купе*
(*coupé*), *курб* (*courbe*), *мажистрал* (*magistral*), *микст* (*mixte*), *милитер* (*militaire*),
морт (*mort*), *облик* (*oblique*), *офансив* (*offensif*), *плат* / *плато* / *пла* (*plat*), *плен*

¹ Французские примеры приводятся по словарю [ФРЛ].

(plein), пролонже (prolongé), разант (rasant), рантран / -нт (rentrant), ранфорсе / ренфорсе (renforcé), ревет /-тию (revêtu), реветемент (revêtement), регуляр (régulier), ретице (retiré), ретрание (retranché), ро́йал (royal), ро́нд (rond), сеилян / -нт / селиант / селянт / саилян (saillant), секонд (second), спе́циал (spécial), супериори (supérieur), суппюте (supputé), фишант (fichant), фланкан / -нт (flanquant), экилатерал (équilatéral), экстериор (extérieur), эн эшарп (en echarpe), энфиледе (enfilade).

Об активности неизменяемых прилагательных в сочинении Ганнибала говорит сравнение со списками подобных лексем, приводимых в исследованиях и грамматиках для русского языка XX в.; список из 51 слова, основанный на данных словаря под ред. Д. Н. Ушакова, приводит А. И. Молотков [1960: 68]; в «Русской грамматике», в параграфе, посвящённом «нулевому» склонению, представлено 69 лексем [Русская грамматика 1980: 556]. Таким образом, количество используемых в сочинениях Ганнибала атрибутивов сопоставимо по объёму употребления данной лексики в русском языке XX века в целом.

Представленные в списке заимствования можно разделить на две группы по их статусу в языке оригинала: это могут быть отдельные слова или предложно-падежные сочетания. Последние используются Ганнибалом единично, например: *ежели похотя^м взять горо^о силою надо^оно дѣлатъ транше де апрошъ*, называютъ тако^жде линей *де апрошъ*, или просто *апроши* [Ф, с. 170]; *командованъ называется де вронъ*: *когда оная вышина или приго^рки смотря^м по длине линей прямои тогда называе^мся, командеманъ дандила^о, тако^жде кома^ндеманъ де куртинъ* [Ф, с. 130]; *та которая бье^м ззади называется батарея енъ эша^нъ* [Ф, с. 34] и др. Основную же массу атрибутивов составляют заимствования, не включающие в свой состав предлога.

По отдельным лексическим и морфологическим параметрам атрибутивные заимствования применяются А. П. Ганнибалом неоднородно.

В лексическом отношении обращает на себя внимание, что часть галлицизмов снабжена поясняющими глоссами², при этом, что важно отметить, русские соответствия Ганнибал даёт для меньшей части атрибутов — только 25 слов. Единого способа подобных пояснений нет. В большинстве случаев переводящее слово даётся (чаще в скобках) в тексте после заимствования: *сей фланкъ EF. или HJ. называется фланкъ дро^н, {прямои} когда буде^м перпендикуляре^н к куртине EH. и фланкъ обликъ {непрямои} когда дѣлае^м с куртино^н EF. уго^т о^бтию {тупои}* [Ф, с. 3]; *орлионъ LM. котораго называю^м орлионъ рондъ {круглои} понеже онои кру-зль* [Ф, с. 3]; также пояснения могут вводиться при помощи дополнительных лексических средств: *Фортификовать мѣсто, или укреплять чре^з помощь нѣкатара^н табели называемои суппюте, или таблица вычетная* (заголовок) [Ф, с. 29]; *батареи ентерре сиречь батареи врытыя* [Ф, с. 34]; *бастион^н крющъ сиречь бастионъ пустои* [Ф, с. 35]; *стена называется реветементъ {сиречь одѣтая} которая*

² Ср. активное глоссирование новых заимствований терминологического характера в текстах первой трети XVIII в. [Веселитский 1965; Малышев 2013].

вышина сверху глубины рва може^т бы^т 4. сажени [Ф, с. 40]. здесь землею рампа^т та напо^тне^т весь бастио^н, и тогда называют бастио^н **пленъ** сиречь бастион полнои [Ф, с. 72].

Отдельно следует отметить интересный пример, когда Ганнибал затрудняется подобрать однословный эквивалент галлицизму: подобно^е бастио^н называе^тся ба-стио^н **дивормъ** сиречь не походит на других низче^{го} [Ф, с. 122] (объясняется значение ‘бесформенный’; см. также ниже подобный поясняющий контекст при слове *рантран* — тот которои входит внутрь).

Неоднократно используемые термины имеют такое пояснение, как правило, только при первом появлении в тексте, и далее используется уже только неизменяемое заимствование — ср. использование термина *каре*: орлио^н **каре** то есть арилио^н четвероугольникъ, какъ QR, которое закрывае^т нѣкота^рую часть ѳланка [Ф, с. 3]; линея EL, FL. буду^т ѳланки ори^тлиово^е, которы^х ауто^р дѣлае^т **каре** [Ф, с. 89]; ежели хочешь ѳрилио^н **каре**, его лицо KQ. да буде^т установлено въ Q. чре^з линею прямую тянутую о^т точки O. чре^з средину ѳланка бастио^{на} противнаго [Ф, с. 105]; оная часть стены города нѣкогда мѣрее^тся в сажени **каре** осолово о^т толсто^е стены [Ф, с. 205]; а также атрибутива *рантран*(т): Мы знаемъ так-же чре^з геометрию что уго^т **рантранъ**, тот которои входит внутрь, и скаже^т здесь по термина^м инженерски^м подобно^е уго^т называе^тся уго^т де тана^т [Ф, с. 5]; оная крѣпость <...> сочинена тремя углами саилянть, термины до^ртификаци^и на-зываютъ анго^т видѣ, то есть уго^т живо^е їли на^ружно^е и 2 угла **рантра**, которы^х называютъ англъ мортъ сиречь уго^т мертво^е [Ф, с. 67]; что^б лутче покры^т демилюнъ ауто^р дѣлае^т на углу **рантрантъ** ко^ттрѣскарпа у дву^х гранъ люне^т мало^е ревелинъ [Ф, с. 103]; по^нятие земли сочиненно^е углами **рантра** и селянтъ [Ф, с. 143]; дѣлаю^т пла^тда^тмы **рантра** которо^е стае^тся на ула^х **рантранъ**, которыя служа^т для со^бранія ко^пусовъ [Ф, с. 219]³.

Из приведённых выше примеров видно, что заимствованные атрибутивы используются в основном в неизменяемой форме. Только для отдельных лексем в тексте Ганнибала отмечены попытки морфологической адаптации, осуществлённой разными способами. В одних случаях слово склоняется по субстантивному типу. Помимо упомянутого выше *исоссель*, к ним также относятся слова *облик* и *экстериор*: а^нбразуры сѣло **облики**, и ро^е сѣло мало обороненъ. с. 12. линей L. были^б прямы и были^б крѣпче и тве^рже, и <...> оныя ѳланки LM, о^т и^х **о^блики** что^б обороняли лутче поля [Ф, с. 68]; бокъ AF, буде^т лутче укрепленъ, чре^з сию .2ю мани^ру нежели чре^з пе^рвую, гдѣ ѳланки болше **о^блики**, и того ради болше выставлены к бата-рея^м неприятелски^м [Ф, с. 118]; что^б парти **э^ктериоры** или на^ружныя ра^нпа^ты <...> лутче сваяны были, то о^бкладываютъ де^рномъ [Ф, с. 56]; протяни прямая линей пунтированныя которыя называются полигоны **э^ктериоры** [Ф, с. 148]; двои шанцы дѣлаются по края^м пла^тда^тма по линее прямо^е, о^тку^ду приближае^тся мало

³ Ср. с наблюдением В. В. Веселитского, сделанном на материале сочинений А. Д. Кантемира: «В научных и специальных контекстах предпочтение может отдаваться иноязычным словам как более “терминологичным”» [Веселитский 1965: 54].

помаду къ горо^{ду}, атакова^м по ^одине стараны **э^этериора** горада [Ф, с. 174]. Для последнего прилагательного в тексте встретился и контрпример — с неизменяемой формой в позиции косвенного падежа: *в равно^и ра^сстоянїи о^м <о>количности э^этерио^р* [Ф, с. 203].

Также параллельное употребление неизменяемой и склоняемой формы наблюдается у тех лексем, адаптация которых достигается добавлением славянского суффикса — адъективного или причастного — к заимствованной основе: *можно себѣ упо^мребить* для ра^створения начала шанецъ, тогда для при^ближения бли^з города остане^мся токмо малое ра^сстояние земли которая ^б была **андиле** о^м города [Ф, с. 173] — атакова^м по ^одине стараны э^этериора горада, таки^и образо^и что^б она небыла **андилерована** о^м города [Ф, с. 174]; а пла^с **ир^ррегуляре**, какъ о^и неимѣ^м стень свои^х равны^х [Ф, с. 34] — ежели уго^и **ир^ррегуля^рно^и** будетъ сеилянть, что^б бы^и бо^ише нежели б^о, какъ .А. [Ф, с. 123]; ка^ждая **специа^и** ква^ртира и по^ккъ свою ква^ртиру и границу имѣ^м [Ф, с. 158] — нарисуешъ тако^жде ка^ждо^и по^ккъ ка^ждую **специа^иную** ква^ртиру осо^бливо потому^же мачтапу [Ф, с. 157].

Ещё один морфологический фактор, дающий качественные отличия в функционировании неизменяемых форм в трактатах Ганнибала, напрямую соотносится с классификацией несогласуемых прилагательных современного русского языка, которую предлагает А. А. Зализняк в книге «Русское именное словоизменение». Учёный делит неизменяемые субстантивы на те, за которыми скрывается сразу два омонимичных слова — существительное и прилагательное (типа названий языков *хауса, бенгали, коми* и т. п., названий некоторых цветов *бордо, маренго* и некоторые другие слова: *соло, модерн, тет-а-тет*) и на те, которые могут являться только прилагательными (*морзе, хаки, нетто, комильфо* и др.) [Зализняк 1967: 98]. Это разделение есть уже в рассматриваемых текстах, что можно видеть из следующих примеров из тома по фортификации (слова *кавалиер, авантаж* и *танал*):

— прил.: о^днако^ж употребляють пе^рспекти^с простая и ле^че, которая называется перспективъ **кавалиеръ** тако^жде и перспективъ милитеръ [с. 45];

сущ.: терасы сиречь груды земляныя, болше или менше вышиною по по^требности нужде, котораго называю^м **кавалие^р**, которыя нѣкогда бывають камянныя [с. 35];

— прил.: я удивляюся что многия авторы уничтоживаю^м вторые вланки которые мнѣ пока^жются сѣлю **авантажи** для резону о которо^и мы говорили [с. 9];

сущ.: ра^ипарты высокїя имѣю^м **ава^ита^ж** видѣ^м лу^ише вдаль [с. 211];

— ср.: траве^рсы .. строя^м во в^ру^ть или нако^с, что^б запер^ем проходы неприятелю в мѣста^х самы^х у^зки^х. и те^и что^б у него о^тня^м способы **авантажныя** в тропинка^х которыя случаются в болота^х [с. 71];

— прил.: по термина^и инженерски^и подобно^и уго^и называе^мся уго^и де **тана^и**, или просто **тана^и** [с. 5];

сущ.: авто^р дѣлае^м во ^рву танали^и или **тана^и** сиречь **тана^и** с вланками [с. 102];

— ср.: 4 вланка а имянно городово^а, орилионно^а, **тана^ано^а**, и капониэ^р [с. 102]; парепе **танално^а** о^адинарно токмо 15^с уже, нежели у ^аруги^х крѣпосте^а 3 мя фута^а [с. 218].

По-видимому, такая омонимия была нежелательной, т.к. сопровождается более активным употреблением согласуемой адъективной формы, дополненной русским суффиксом. Редкие случаи морфологической адаптации этой разновидности (с добавлением аффиксов) оказываются в таком случае мотивированными, являясь средством снятия омонимии; в нейтральной же ситуации Ганнибал пользуется инновационными для языка неизменяемыми формами. Это несколько контрастирует с утверждением о том, что «... там, где намечалось более или менее регулярное употребление прилагательного (а не эпизодическое использование слова в речевом контексте билингва), происходило переоформление неадаптированных имен прилагательных с помощью русских суффиксов и специфической системы флексий» [Биржакова и др. 1972: 237].

Кроме того, для двух лексем — *облик* и *каре* — в сочинениях Ганнибала встретилась нехарактерная для современного русского языка омонимия прилагательного (адъективные примеры см. выше) и наречия. В трактате по фортификации слово *облик* встречается в адвербиальном употреблении: <Батарея> недо^ажна тако^жде бы^а сѣло близко города, <...> что^б не стреля^а сѣло **облики** снизу вве^рхъ [Ф, с. 167]; первыя батареи о^рдина^ано построены на нѣкаки^х малы^х вышина^х когда на^аде^ася удо^бное на мѣсте, и такъ може^а стреля^а не такъ **о^блики** понеже буде^а пониво парапета и ра^апарта города [Ф, с. 176]; на аналогичное употребление слова *каре* один пример встретился в томе по геометрии: бокъ АВ. 12 саже^а бокъ АС 15. саже^а умно^ж ихъ **каре** ꙗ приде^а. 180. сие число умно^ж двема, приде^а 360 [Г, с. 120] (для сравнения — на том же листе сочинения используется и русифицированная наречная форма этого слова: Для сыскания другога угла .В. возми проти^аны бокъ АС .15. сажень помно^ж **квадра^ано** ꙗ приде^а 225 — что только подчёркивает частеречный статус формы *каре*). Необычно в подобном употреблении ещё и то, что оригинальные французские лексемы — *oblique* и *carré* — в статусе наречия не употребляются, т.е. их адвербиальная позиция в приведённых примерах является инициативой автора русского текста.

Рассмотренные особенности употребления атрибутивной лексики, заимствованной из французского языка, показывают, что выбор неизменяемых форм для передачи терминологии геометрии и особенно фортификации у Ганнибала был вполне осознанным. Автор мог без труда перевести прилагательные на русский язык (*ронд* — *круглый*, *плат* — *плоский*, *дрои* — *прямой*, *крукс* — *пустой* и т.д.), мог во избежание омонимии образовать склоняемые адъективные формы (*иррегуляре* > *иррегулярный*, *танал* > *таналный*, *авантаж* > *авантажный*), но систематично предпочитал использование неизменяемых прилагательных, а также мог употреблять их в нехарактерной для французского языка функции наречия. Описанный прецедент говорит о том, что потенциально русский язык был готов к появлению новой категории неизменяемых прилагательных уже в первой трети

XVIII в. Эта возможность не была реализована, по-видимому, в связи с изменением языкового вкуса во второй половине XVIII в., и только в XX в. категория развилась в русском языке.

Источники и словари

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века». ИЛИ РАН (СПб.).

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22—. СПб., 1984–2019—.

ФРЛ — Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на русский язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1786, т. 1–2.

Литература

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Бондаревский Д. В. Категория неизменяемых прилагательных в современном русском языке. Дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2000.

Бранднер А. Неизменяемые прилагательные иноязычного происхождения в современном русском языке // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. A, Řada jazykovědná = Linguistica Brunensia. Vol. 50, iss. A49. 2001. S. 107–118.*

Веселитский В. В. Иноязычные слова и их русские эквиваленты у Кантемира // Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965. С. 53–58.

Горбов А. А. Аналитические прилагательные в русском языке // *Russian Linguistics. Vol. 40. 2016. P. 133–152.*

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964.

Мальшиев А. А. Толкования лексики в текстах «Примечаний к Санкт-Петербургским ведомостям» // *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IX. Ч. 2. 2013. С. 393–420.*

Молотков А. И. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? // Вопросы языкознания. 1960. № 6. С. 68–73.

Мольков Г. А. Терминология трактатов А. П. Ганнибала «Геометрия практика» и «Фортификация» 1725–1726 гг. // Терминология и знание. Материалы VI Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2018 г.). М., 2018. С. 179–188.

Русская грамматика. Том 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

Georgy A. Mol'kov
Institute for Linguistic Studies, RAS
(St. Petersburg, Russia)
georgiymolkov@gmail.com

BORROWINGS IN THE TREATISES OF A. P. GANNIBAL ON GEOMETRY AND FORTIFICATION (1725–1726): TOWARDS A HISTORY OF INDECLINABLE ADJECTIVES IN RUSSIAN

A striking feature of the treatises of A. P. Gannibal (1696–1781) is the large number of Gallicisms in the author's language, primarily in terminology. A significant portion of these borrowings consists of adjectives, the bulk of which are used indeclinably. The article discusses a number of functional features of indeclinable adjectives in Gannibal's language: the presence in some cases of Russian declinable equivalents, attempts at morphological adaptation of some lexemes, cases of homonymy of indeclinable adjectives and nouns. The author prefers morphologically unadapted adjectives to their Russian equivalents and to the formation of declinable adjectives with a borrowed root. Apparently, this feature is associated with the terminological character of their use. In the field of fortification, borrowed terms are represented much more broadly than in the treatise on geometry, because basic geometric terminology already had a tradition of usage in Russian due to the widespread dissemination of geometric knowledge in pre-Petrine Russia.

The language of Gannibal's treatises provides interesting evidence that the Russian language was ready for the emergence of the category of indeclinable adjectives in the first third of the 18th century. This possibility did not come to pass, apparently due to the change in linguistic taste in the second half of the 18th century. Indeclinable adjectives did not develop in Russian until the 20th century.

Keywords: indeclinable adjectives, language of the Petrine era, A. P. Gannibal, fortification terminology, geometric terminology.

References

Birzhakova E. E., Voynova L. A., Kutina L. L. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya*. Leningrad, 1972.

Bondarevskiy D. V. *Kategoriya neizmenyaemykh prilagatel'nykh v sovremennom russkom yazyke*. Thesis. Rostov-na-Donu, 2000.

Brandner A. Neizmenyaemye prilagatel'nye inoyazychnogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom yazyke. *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. A, Řada jazykovědná = Linguistica Brunensia*. Vol. 50, iss. A49. 2001. S. 107–118.

Gorbov A. A. Analiticheskie prilagatel'nye v russkom yazyke. *Russian Linguistics*. Vol. 40. 2016. P. 133–152.

Kutina L. L. *Formirovanie yazyka russkoy nauki (Terminologiya matematiki, astronomii, geografii v pervoy treti XVIII veka)*. Moscow; Leningrad, 1964.

Malyshev A. A. Tolkovaniya leksiki v tekstakh «Primechaniy k Sankt-Peterburgskim vedomostyam». *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. T. IX. Ch. 2. 2013. S. 393–420.

Mol'kov G. A. Terminologiya traktatov A. P. Gannibala «Geometriya praktika» i «Fortifikatsiya» 1725–1726 gg. *Terminologiya i znanie. Materialy VI Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, 8–10 iyunya 2018 g.)*. Moscow, 2018. S. 179–188.

Molotkov A. I. Est' li v russkom yazyke kategoriya neizmenyaemykh prilagatel'nykh? *Voprosy yazykoznanija*. 1960. № 6. S. 68–73.

Russkaya grammatika. Tom 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Moscow, 1980.

Veselitskiy V. V. Inoyazychnye slova i ikh russkie ekvivalenty u Kantemira. *Problemy sovremennoy filologii. Sbornik statey k semidesyatiletiju akademika V. V. Vinogradova*. Moscow, 1965. S. 53–58.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow, 1967.

М. О. Новак

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Казанский научный центр РАН
(Казань, Россия)
mariaonovak@gmail.com*

ФОРМЫ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII В. (РНБ, Ф. П. I.39)*

В статье представлены наблюдения над морфологией имен существительных в Толстовском сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39). Рассмотрены архаизмы и инновации, проявляющиеся в категориях рода, одушевленности, падежа. Выявлена конкуренция архаичных и новых черт в категории рода (согласование определений к словам *старѣишина* и *воевода* по женскому роду во множественном числе) и категории одушевленности (вариативность омонимии винительного=именительного, винительного=родительного падежа у существительных мужского рода, в том числе указывающего на лицо). Употребление падежных форм в целом отражает церковно-книжный стандарт, однако зафиксирован ряд инноваций: усвоение окончания твердой разновидности существительными женского рода на **jā-* в ед. ч., форма местного падежа ед. ч. на *-у* с предлогом *о* и в изъяснительном значении. Варьирование в произведениях Кирилла Туровского, входящих в состав сборника, может объясняться либо синтаксическими, либо риторическими факторами. Более полный анализ морфологии источника станет возможным после завершения электронной публикации Толстовского сборника, которая ведется на портале «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73>).

Ключевые слова: Толстовский сборник, древнерусская морфология, склонение существительных, архаизмы, инновации.

В статье представлены наблюдения над морфологией имен существительных в Толстовском сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39, далее *Толст*). Данный источник изучается в рамках проекта, предполагающего комплексное исследование

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ (проект «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39)», №18–012–00428 А). Выражаю искреннюю признательность коллегам, А. М. Кузнецову, Я. А. Пеньковой, Г. А. Молькову, за ценные замечания и соображения в ходе обсуждения материала.

и создание электронной копии с последующим ее размещением на портале «Манускрипт» (адрес титульной страницы публикации <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73>). Памятник содержит оригинальные и переводные произведения проповеднического, агиографического, катехизического жанра, принадлежащие либо приписываемые разным авторам: Кириллу Туровскому, Иоанну Златоусту, Кириллу Иерусалимскому, а также апокрифы [Жолобов 2018; Сводный каталог 1984: 324]. Все они, за исключением Огласительных слов Кирилла Иерусалимского, тематически и содержательно связаны с различными церковными праздниками подвижного (триодного) и неподвижного (минейного) календарного цикла. К настоящему моменту выполнена транскрипция, редактура и разметка 97 листов Толстовского сборника (до начала Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского) в электронной публикации. Именно по размеченной части источника было проведено наше исследование, касающееся морфологии имени существительного: наличие аналитической разметки позволило использовать возможности модуля поиска системы «Манускрипт» и сформировать выборки словоформ.

Мы остановились не только на вопросах именного склонения, но также рассмотрели изменения в категориях рода и одушевленности. Категория числа осталась вне описания, поскольку ее развитие в истории русского языка связано в значительной степени с эволюцией дуальных форм, а они употребляются в *Толст* без каких бы то ни было отклонений от древнеславянского книжного стандарта.

Основная наша задача — установить соотношение морфологических архаизмов и инноваций; это важно как для исторической грамматики в целом, так и для тектологии произведений, входящих в состав памятника. Исследование дало следующие результаты.

1. Категория рода

1.1. В *Толст* наблюдается согласование адъективов с формами существительных мужского рода на *-а* по женскому роду, как в единственном, так и во множественном числе:

и все се съдѣваху жидовскыа старѣшинны (л. 27.2);
тъ бо ражаа сѧ дрѣводѣла старѣшинны дрѣводѣльскы штрокъ
(л. 57.2), ср. в греч.: οὗτος γάρ ὁ γενόμενος τέκτων, ὁ τοῦ τεκτονάρχου παῖς [Migne
1857: 101] ‘ибо этот рождающийся плотник, сын старейшины плотников’;
и въпрашахуть и старѣшинны жидовскыа (л. 60.1);
пүстивъ <...> старѣшинны црквыныа и гражанъ (л. 80.2);
вокводамъ бнѣамъ (л. 38.1).

Следует, однако, заметить, что отмеченное употребление более частотно при согласовании с формами множественного числа, тогда как единственное число более последовательно представляет согласование по мужскому роду: **и пришедъ къ единому старѣшиннѣ жречьскоу (л. 70.2); великому і хвоу старѣшиннѣ мѣтвеникомъ (л. 88.1).**

Расширенный контекст словосочетания, приведенного выше последним: **хравромъ и великѣмъ вождѣмъ бѣмъ** (л. 38.1) выглядит неоднозначно. С одной стороны, форму **хравромъ** можно интерпретировать как субстантив мужского рода со значением ‘воин’; с другой стороны, это можно счесть и определением к существительному **вождѣмъ**, и в таком случае налицо колебания в согласовании форм множественного числа. На наш взгляд, первая версия менее убедительна, поскольку допускает присутствие субстантива без эпитета, что нарушило бы равновесие риторической конструкции.

1.2. В следующем контексте можно усмотреть факт приобретения окончания мужского склонения существительным, изначально принадлежавшим к женскому типу склонения: **рѣте же ми старци и соудик изъвѣ** (л. 21.1). Усвоение формы ИП мн.ч. *ї-склонения может быть поддержано аналогическим влиянием со стороны РП мн.ч. (**соудии** так же, как **гостии** и т. п.) Вместе с тем, нельзя исключить и фонетический фактор, поскольку конечное **ѣ** могло появиться в результате диалектного изменения стандартного для данной формы восточнославянского окончания **ѣ**.

2. Категория одушевленности

У существительных мужского рода в *Толст* заметно варьирование падежных форм при переходных глаголах: ВП = ИП vs. ВП = РП, с преобладанием первого вида омонимии. Так, например, для словосочетания *посълати доухъ* по результатам сплошной выборки установлено соотношение 3:1:

нѣ посъли іакоже вѣѣшалъ кси намъ твои прѣти дхъ. <...> и посълю іако вѣѣшахъ вамъ. нного параклѣта дха моего и вѣча (л. 35.2);
и вѣ ѣнѣн днѣ днешниѣ стѣти дхъ присла (л. 46.2);
да послѣтъ и намъ прѣти свои дхъ (л. 37.2).

А также:

створи голоуѣвъ златомъ чѣтомъ (л. 82.1);
нѣ вижъ ѣбо навоходоносръ іако кроводаецъ <...> бѣ (л. 97.1).

Особенно интересен первый контекст, где при одном и том же глаголе наблюдаются формы ВП, омонимичные ИП и РП. Вполне возможно, что такая вариация обусловлена риторическими задачами, которые ставил перед собой Кирилл Туровский (на лл. 32–37об. *Толст* расположено его Слово на Вознесение). Последний из приведенных фрагментов привлекает внимание присутствием в нем антропонима, который, тем не менее, употреблен в форме ВП = ИП. Последнее, впрочем, характерно для малоосвоенных библейских антропонимов иноязычного происхождения (ср. [ИИВ 2004: 21]). Что касается такой же омонимии для существительного **голоуѣвъ**, она, по-видимому, более естественна, поскольку речь в контексте идет не о птице (что предполагало бы одушевленность), но об изображении птицы из золота.

3. Деклинационные формы

3.1. В *Толст* зафиксированы отдельные случаи обобщения форм ДП ед. и МП ед. в склонении на **jā-* по твердому типу, при этом также возможно варьирование в пределах одного и того же контекста:

а блѹдницѣ ѿ любодѣкъ <...> глѣть <...> нбо и въ соухомѣ блѹдници рекѣ кътъ (л. 28.1);
 ухъ мнѣ грѣшницѣ и блѹдницѣ (л. 85.2);
 зрѣти кгоже испѣрва въ ранстѣи пищѣ (л. 46.1);
 витаста в гостиньницѣ нѣкожи (л. 77.2).

Однако «классические» формы на *-и* преобладают в указанных падежных позициях в различных произведениях, составляющих сборник, что естественно для источника XIII в.:

кгоже видѣ инаковѣ въ ноци на лѣствици оутвържающасѣ (л. 4.1);
 възѣта бо въѣста на колесници ѿгньнѣ (л. 19.1);
 пречѣи присночѣи двѣи мѣри гѣ нашего (л. 52.1);
 иже бѣ пронаречено сице въ днѣптовѣ кѹмирници (л. 61.2);
 и легоста внѣ града в гостиньници (л. 64.1–2).

3.2. Для эволюции склонения существительных мужского рода показательно взаимодействие имен **ō-* и **ī-*основ. В *Толст* самым частотным оказалось существительное *сынѣ*.

3.2.1. Сплошная выборка словоформ показала наиболее интересное соотношение старого и нового в МП ед. ч. — три исконные формы при двух инновационных, по аналогии с **ō-*склонением. Приведем все контексты:

ѡ своѣмъ снѹ въписати повелѣ (л. 40.2);
 самъ бѣ ѡцъ първоѣ повѣдакъ ѡ своѣмъ снѹ (л. 41.1);
 еже ѡ моѣмъ снѹ гѣ їсѣ хѣ беззаконьнова (л. 83.2);
 ѿ стѣхъ книгъ оуказаниѣ ѡ хѣ снѣ бѣи (л. 38.1);
 крѣпѣко подвижавъшимъсѣ по снѣ бѣжи своѣмъ цѣи (л. 38.1).

Можно предположить, что употребление той или иной формы зависит от синтаксической позиции существительного: нетрудно заметить, что форма на *-у* находится в постпозиции по отношению к притяжательному местоимению (причем эта закономерность прослеживается в разных частях сборника), тогда как форма на *-ѣ* — в препозиции по отношению к прилагательному.

3.2.2. В звательной форме существительного *сынѣ* также представлено варьирование, причем преобладают не исконные для **ī-*склонения формы:

оуѣты мнѣ снѣ неповиньнѣ сѣи пороуганѣ бѣи (л. 6.2);
 вѣрѹю въ тѣ снѣ бѣжи (л. 31.1);
 что кътъ намъ и товѣ їсѣ снѣ бѣи (л. 10.1).

Вместе с тем:

тварь съволѣзнуѣтъ ми сноу (л. 6.2);
бѣжи враже и снѣ погыбѣли (л. 40.2).

Все обнаруженные контексты входят в состав различных слов Кирилла Туровского. Как удалось установить О. Ф. Жолобову, в *Толст* практически безошибочно воспроизведен автограф «русского Златоуста» [Жолобов 2018: 73]. Таким образом, можно утверждать, что перед нами вариативность, которая была представлена уже в тексте Кирилла Туровского. Примечательно, что л. 6.2 демонстрирует обе формы вокатива — исконную и неисконную, в пределах небольшого текстового пространства (в составе Слова о снятии с креста и мироносицах). Варьирование, как кажется, не зависит ни от синтаксической позиции, ни от каких-либо других факторов. Оно свободно и отражает, по-видимому, абсолютную равнозначность обеих форм для пишущего.

3.2.3. Кроме того, в *Толст* отмечены и другие существительные **й*-склонения:

и въ црквахъ дому свого посадилъ (л. 45.1);
в доушевиѣмъ дому всего того положити (49.2);
и въкоушающе дхвѣнаго сего медоу (л. 25.1).

Как видим, формы РП и МП единственного числа сохраняют исконный стандарт деklinационного типа. Однако во множественном числе отмечена форма с окончанием **ѡ*-склонения: **еже имѣ кождо ихъ в домѣхъ** (л. 83.1).

3.3. В словоизменении существительных среднего рода результаты аналогического сближения с более крупными деklinационными типами демонстрируют, как правило, субстантивы консонантных типов. При обследовании сплошной выборки словоформ существительного **тѣло**, наиболее частотного в *Толст* среди имен **s*-склонения, обнаружилось преобладание «-es-форм» в ИП мн. ч. (**телеса**) и косвенных падежах (20 форм при 15 без показателя -es-). Напомним, что в свое время О. Ф. Жолобовым была выявлена характерная для церковно-книжных источников семантизация: «не-es-формы» выступают в значении ‘тело как целое’, а также в специализированных значениях ‘Тело Христа как жертва’, ‘Церковь как Тело Христово’, ‘Св. Дары, хлеб Евхаристии’, тогда как «-es-формы» реализуют значения ‘тело как составное, имеющее структуру; уязвимое, смертное’ [Жолобов 1988]. Материал *Толст* в целом соответствует данной схеме:

слоуживѣшааго по распати тѣлу хвѡу (л. 6.1 — ‘тело Христа’);
како прѣтѣмъ прикосноуся тѣлѣ твоѣмъ (л. 10.2 — ‘тело Христа’);
и възъмъ на тѣла могаго скотъ вънесохъ въ гостиницу стоюу црkvь (л. 22.1 — ‘тело Христа’);
льгци соущѣ тѣломъ · постыници во вѣша (л. 39.2 — ‘тело как целое’);
дшамъ и тѣломъ бооучени цѣлители (л. 44.2 — ‘тело как целое’);
пристоупити къ прѣтѣмъ таннамъ · тѣлоу и крѣви гни (л. 47.1 — ‘хлеб Евхаристии’).

Вместе с тем:

Всего прошю назараннина телесе (л. 10.1 — ‘тело как смертное (человеческое)’);

грѣси мон вса оуды телесе можего раславиша (л. 17.1 — ‘тело как составное’);

англи же повѣдахоу сна бѣа силу и санъ · члвчскымъ вбложена телесемъ (л. 36.1 — ‘тело как смертное (человеческое)’);

и блговѣрнымъ княземъ нашимъ сдравик телесомъ · и дшевнаго просите спсннѧ (л. 44.1 — ‘тело человеческое’);

собравъ оуноша оучаше ѿ дшю чѣоу не wskвернити в телесе (л. 78.2 — ‘тело человеческое’);

храмъ дховнын прокудихъ дшю паже в телеси моемъ живеть wskвернихъ (л. 85.2 — ‘тело человеческое’).

Показательно, что такая же выборка в Толстовском Апостоле XIV в. продемонстрировала нерелевантность упомянутой семантической дифференциации «-es-форм» и «не-es-форм» для более позднего источника [Новак 2016].

С точки зрения употребления падежных окончаний интересны форма ДП мн. ч. **телесомъ** (л. 44.1 — с обобщением гласного по аналогии с окончанием **ѡ*-склонения) и сохранение древней формы МП ед. ч. **телесе** (л. 78.2). Это единственный случай — в трех других контекстах МП ед. ч. омонимичен ДП (как, например, на л. 85.2). Форма РП, как можно видеть из текстовых иллюстраций, также сохраняет «классическую» форму на -*ѣ*.

Кроме того, в «-es-формах» последовательно осуществляется мена **ѣ** на **ѣ** в основе — как результат межслоговой ассимиляции (об этом и подобных случаях см. [Соболевский 1907: 90]).

3.4. В заключение прокомментируем два нетривиальных употребления в *Толст.*

3.4.1. **миръскыѧ во женитвы ї слогы не всако бѣвають по сѣдови** (л. 98.1).

Обращение к историческим подкорпусам НКРЯ показало отсутствие в древнерусских и старорусских источниках формы ДП на -*ови* с предлогом **по**, при обилии беспредложных употреблений и форм с предлогом **къ**. То же чтение в других списках Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского (Син. 478 XI–XII вв. (ГИМ), Тр 124 XV в. (РГБ), Рум. 194 XVI–XVII вв. (РГБ)) представляет стандартную форму датива *по суду*.

3.4.2. **оужасноувъ же сѧ ѿ видоу василии** (л. 83.2).

Формы МП на -*у* в изъяснительном значении у существительных мужского рода исконного **ѡ*-склонения также отсутствуют в исторических подкорпусах НКРЯ. Местный падеж в локативном значении и с предлогом **въ** возможен, но отнюдь не в ранних текстах, ср. в Псковской 3-й летописи по Строевскому списку (1400–1568): **погорѣ все Застѣнье, а Дѣтинца свѣта троица оублюдѣ в виду** [НКРЯ]. В исследовании, посвященном экспансии флексии -*у* в родительный и местный падежи существительных **ѡ*-склонения, отмечалось, что массовый характер это явление (в том числе, употребление МП на -*у* с предлогом *о*) приобрело

именно в старорусский период [Марков 1992: 58–60]. Тем более замечательно редкое употребление в *Толст* — источнике XIII в.

Подводя итоги, подчеркнем, что в целом морфология имен существительных в *Толст* лишена неожиданностей: она отражает нормы церковно-книжного языка, так что инновации уступают в количественном отношении «классическим» формам. Это предсказуемо в памятнике раннедревнерусского периода. Однако отдельные употребления вполне оригинальны и достойны упоминания в комплексном описании исторической грамматики русского языка. В ряде случаев варьирование деklinационных форм отражает узус Кирилла Туровского, который может подчиняться риторическим задачам.

Источники

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия: древнерусский перевод. Т. I. М., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Migne 1857 — *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. 10. Paris, 1857.

Литература

Жолобов О. Ф. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Труды и материалы: в 2 т. / Под общ. ред. Е. А. Горобец, О. Ф. Жолобова, М. О. Новак. Казань, Т. 2. 2018. С. 73–77.

Жолобов О. Ф. Лексико-семантические и грамматические факторы в истории слова (на материале имен существительных): Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1988.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Изд. 2-е. Ижевск, 1992.

Новак М. О. О формах имен существительных в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п.I.5) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 465–474.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.

Mariia O. Novak

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences /
Kazan scientific center of the Russian Academy of Sciences
(Kazan, Russia)
mariaonovak@gmail.com*

ON NOMINAL FORMS IN TOLSTOVSKY SBORNIK FROM THE 13th CENTURY (NLR, F.P.I.39)

This paper focuses on nominal forms found in the 13th-century Old Russian manuscript *Tolstovskiy Sbornik*. The author examines the correlation between archaic and newer forms with respect to the following grammatical categories: gender, animacy, and case. There is a peculiar competition of archaic and new features in the category of gender, namely the full agreement of the nouns *starěšina* and *vojevoda* and their adjectives in the feminine plural, even though these nouns refer to males. In the category of animacy, there is an archaic homonymy of nominative and accusative forms in masculine nouns which sometimes refer to a male person. In general, the usage of case forms reflects the Church Slavonic literary standard. Some innovations are, however, present: the acceptance of the **ā*-type ending by **jā*-type feminine nouns; a Loc. Sg. masculine form with the -*u* ending; and certain others. The variations in Cyril of Turov's works in this collection can be explained either by syntactic or rhetorical factors. More thorough analysis and more precise results will be possible after the manuscript is published digitally on the "Manuscript" portal (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73>).

Keywords: Tolstovskiy sbornik, Old Russian morphology, noun declension, archaisms, innovations.

References

Markov V.M. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Imennoe sklonenie*. Izd. 2-e. Izhevsk., 1992.

Novak M.O. O formach imen sushchestvitel'nykh v Tolstovskom Apostole XIV v. (RNB, Q.p.I.5). *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 10. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii «Grammaticheskie processy i sistemy v sinchronii i diachronii» (30 maia — 1 iunia 2016 g.)*. Moscow, 2016. P. 465–474.

Sobolevsky A.I. *Leksii po istorii russkogo iazyka*. Izd. 4-e. Moscow, 1907.

Zholobov O.F. *Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie faktory v istorii slova (na materiale imen sushchestvitel'nykh)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Lexical, semantic, and grammatical factors in word history (on material of nouns). Abstract of the Candidate of Philology Thesis]. Leningrad, 1988.

Zholobov O.F. Tolstovskii sbornik XIII v. kak megatekst. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia razvitiia russkogo iazyka v usloviakh politnicheskoi sredy: opyt i perspektivy: tr. i mater.: 2 vols*. Ed. by E.A. Gorobets, O.F. Zholobov, M.O. Novak. Vol. 2. Kazan', 2018. P. 73–77.

П. В. Петрухин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

ppetrukhin@gmail.com

К ПЕРЕВОДУ НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ №383

В статье предложен новый перевод берестяной грамоты №383, лишенный тех лингвистических и прагматических затруднений, с которыми сталкивается ныне принятая интерпретация.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусская лексика, древненовгородский диалект.

Об этой грамоте А. В. Арциховский писал: «Грамота №383 найдена в 1960 г. на Торговой стороне, в Славенском конце, на Ильинской улице, у дома №2. Нашел ее рабочий А. П. Семенов в котловане городского водопровода, на глубине 3,0 м, в срубе. Б. А. Колчин дендрохронологически определил бревна этого сруба, они датируются 1380 г.» [НГБ VI: 82]. Привожу текст грамоты по [ДНД₂: 632]:

приказъ Ѡ романа к пате-
лѣю цо прилбница. Ѡ тебе Ѡ-
ндрѣкѣва. прилбница. да-
и Ѡндрѣю.

А. В. Арциховский перевел грамоту следующим образом: «Приказ от Романа к Пантелею. Что шлем у тебя Андреев, шлем отдай Андрею» [НГБ VI: 84]. В [ДНД₂: 632] этот перевод сохранен, но приближен к нормам современного русского языка: «Распоряжение от Романа Пятелею. Ондреев шлем, который находится у тебя, дай Ондрею».

Слово *прилбница* (от древнерусского *лѣбъ* ‘череп’) переведено А. В. Арциховским как ‘шлем’ со ссылкой на словарь И. И. Срезневского [Срезн. II: 1427]. Перевод Срезневского, в свою очередь, опирается на западнославянские параллели, ср. польск. *przyłbica*, чеш. *přilba, přilbice* ‘шлем, каска’. В [СДРЯ XI–XIV, 8: 491] слово *прилбница* толкуется так же. Напротив, в [СлРЯ XI–XVII, 19: 195] (автор словарной статьи Г. П. Смолицкая) дано более осторожное определение: «Часть воинского боевого головного убора; подшлемник (?); шлем (?)».

В самом деле, трудно не заметить, что значение ‘шлем’ плохо подходит для контекстов, в которых слово *прилбица* встречается в древнерусской письменности. Таких контекстов (помимо грамоты №383) всего два. Один из них представлен в летописном рассказе за 1169 г. о битве дружины князя Михалка с половцами: после того, как половцы убили «стяговника» (знаменосца) княжеской дружины и сорвали со стяга «чёлку»¹, воевода князя Володислав «замысли стагъ взати Михалковъ и натъкнуги на нь прилбицю» (Лавр., л. 121 об.; ср. Ипат., л. 199). Глагол *натъкнуги* означает здесь, очевидно, ‘проткнув насквозь, наколоть’, ср. [СлРЯ XI–XVII, 10: 286]²: «прикрепить» шлем к древку знамени в соответствии с толкованием [СДРЯ XI–XIV, 5: 207] в разгар боя было бы, вероятно, проблематично. Еще важнее свидетельство Галицкой летописи, рассказывающей под 1241 г., что когда «дворецкий» Даниила Галицкого настиг одного из врагов князя, епископа Перемышльского, он (по-видимому, из уважения к сану не тронув самого епископа) «слоуги его разыграби гордые и тоулы ихъ. бобровые раздра. и прилбичѣ ихъ вольчѣе. и борьсоуковые раздраны быша» (Ипат., л. 267 об.). Форма *прилбичѣ* здесь — искаженное *прилбицѣ* (в Хлебниковском списке: «прилбѣцѣ»), причем эти «прилбицы» были изготовлены из волчьего и барсучьего меха. Таким образом, к обоим контекстам значение ‘подшлемник’ подходит лучше, чем значение ‘шлем’, ср. [Кирпичников 1971: 31]. Вообще подшлемник — такой же обычный атрибут воинского снаряжения, как и шлем: по словам А. В. Арциховского, шлемы «не носились без подшлемников» [НГБ VI: 83].

Помимо перевода слова *прилбица*, предложенная Арциховским интерпретация вызывает и другие вопросы. Прежде всего, настораживает именительный падеж *прилбица* при императиве *дай*: если в сочетании с инфинитивом (конструкция типа *трава косить*) именительный падеж существительных женского рода хорошо известен как в древнерусской письменности, так и в современных диалектах, то сочетания типа *прилбица дай* более нигде не встречаются [ДНД₂: 156]. Далее, повтор слова *прилбица* семантически не мотивирован и аномален для древнерусского синтаксиса. И наконец, несколько странно выглядит сама ситуация, когда Пантелею требуется разрешение некоего третьего лица, чтобы, как пишет А. В. Арциховский, «выдать Андреев шлем Андрею» [НГБ VI: 83], т. е. чтобы отдать вещь ее хозяину. Разумеется, можно выдвигать разные версии, объясняющие данную ситуацию (см. ниже), но предпочтительнее была бы более простая трактовка.

В переводе, который я хочу предложить, отсутствуют указанные языковые и прагматические затруднения. Этот перевод таков (пока опускаю адресную формулу): ‘Подшлемник, который находится у тебя, — Ондреев подшлемник. Отдай [его] Ондрею’.

¹ Бунчук, крепившийся на древко стяга, ср.: «Чрьлень стягъ, бѣла хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю!» (Слово о полку Игореве, цит. по [Зализняк 2008: 463]).

² Ср.: «Якоже бо и ловящей рыбы удами, аще чрвь на уду не натъкнеть, не могутъ яти рыбы» (Беседа Козмы пресвитера на новоявившуюся ересь богомилов) [СлРЯ XI–XVII, 10: 286].

Несмотря на изменение общей синтаксической структуры текста, здесь сохраняется отмеченное А. А. Зализняком в [ДНД₂: 632–633] относительное придаточное архаического типа, предшествующее главному предложению и содержащее в себе «определяемое» существительное [Зализняк, Падучева 1975/2002: 670–673], ср., например: **цѣто еси прислалѣ дова человека, тѣ побѣгли** ‘Те два человека, что ты прислал, бежали’ (№ 582, к. XIII в.) [ДНД₂: 514].

В представленной трактовке информация о том, что находящийся у Пятеля подшлемник принадлежит Ондрею, не является пресуппозицией, — напротив, в этой информации заключен основной смысл грамоты: Роман с о б щ а е т Пятелею о том, что хозяином подшлемника является Ондрей, и на этом основании просит (или распоряжается) отдать его Ондрею.

Из перевода А. В. Арциховского можно было заключить, что помимо «Ондреевой прилбицы» у Пятеля имелись и другие. Отсюда, в свою очередь, делался вывод, что Пятелей по роду своих занятий был связан с изготовлением или хранением оружия и доспехов, а Роман, отдающий распоряжения Пятелею, был над ним начальником. Конкретно были предложены три гипотезы, две из которых принадлежат А. В. Арциховскому и одна — Л. В. Черепнину. По А. В. Арциховскому, «[в]ероятно, Пантелей заведовал складом, где хранились шлемы и вообще оружие отдельных воинов, т. е. арсеналом. Арсенал этот мог быть и казенным. Оружие выдавалось на руки лишь по приказу начальника, а таковым был Роман. Могли, впрочем, шлемы подчиненных Роману воинов храниться и на лично принадлежащем ему складе различного имущества» [НГБ VI: 83]. Второе предположение А. В. Арциховского состоит в том, что «шлем мог быть заложен у ростовщика», однако ученый тут же отмечает, что «такое объяснение здесь едва ли возможно: ростовщики всегда хранили свои заклады у себя, а тут кладовщик Пантелей находился в некотором отдалении от начальника (или хозяина) Романа, почему и потребовалось письмо» [Там же]. Л. В. Черепнин [1969: 263] предложил «третье понимание текста: Роман и Пантелей — горожане-ремесленники, занимавшиеся выделкой предметов вооружения; Андрей, может быть, — тоже ремесленник (только другой специальности), может быть, — княжеский воин»; «можно высказать предположение, что в ремесленной мастерской Романа — Пантелея был выделан или отремонтирован шлем (*прилбица*) для Андрея. Заказчик пожелал получить свою вещь, и Роман распорядился, чтобы Пантелей ее выдал. Возможно, Роман был мастером, Пантелей — подмастерьем или учеником».

Перевод, предложенный в настоящей статье, не дает специальных оснований думать, что Роман и Пятелей заведовали складом или занимались производством оружия и доспехов (хотя, конечно, и не исключает такой возможности).

Нет веских причин и для того, чтобы полагать, что Роман был начальником над Пятелеем. Сама по себе адресная формула со словом *приказъ*, характерная для грамот 2-ой пол. XIV — 1-ой пол. XV в. [ДНД₂: 37], не доказывает этого. На данный момент известно всего 16 грамот с этой адресной формулой (включая грамоту № 383; к примерам, перечисленным в [ДНД₂: 786], добавилась грамота № 1075 [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 8–9]). Эти грамоты показывают, что слово *приказъ* вовсе

не обязательно указывает на отношения «начальник – подчиненный». Так, в двух случаях речь идет о «приказе» от жены к мужу (грамоты №№ 538, 931), в одном — от отца к сыну (Ст. Р. 2), в грамоте № 622 действующие лица — «явно компаньоны» [ДНД₂: 579]. В целом А. А. Зализняк лишь в двух грамотах переводит *приказъ* как ‘распоряжение’ (помимо рассматриваемой грамоты № 383, это грамота № 144), в остальных же случаях использовано слово «наказ», нейтральное в плане наличия/отсутствия иерархических отношений между участниками ситуации. Думаю, что такой же перевод предпочтителен и для грамоты № 383. Таким образом, в целом для грамоты предлагается следующий перевод: «Наказ от Романа Пятелею. Подшлемник, который находится у тебя, — Ондреев подшлемник. Отдай [его] Ондрею».

Можно предполагать, что упомянутый в грамоте Ондрей лично получил грамоту от Романа и доставил ее Пятелею. Примеры подобного рода приведены в работе [Гиппиус 2004]. Вполне вероятно также, что непосредственно перед написанием грамоты Роман продал «прилибицу» Ондрею. В этом случае предназначение грамоты состояло в том, чтобы, во-первых, зафиксировать факт покупки, во-вторых, удостоверить устное сообщение Ондreja Пятелею (ср. соображения А. А. Гиппиуса [Там же] о роли «посыльного» в берестяной корреспонденции и о возможности использования берестяной грамоты в качестве «мандата»).

Источники

ДНД₂ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1997.

НГБ VI — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). Т. VI. М., 1963.

НГБ XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–12-. Москва, 1988–2019-.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30-. Москва, 1975–2015-.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. Спб., 1893–1903.

Литература

Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Том XI. М., 2004. С. 183–232.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 51–102 (переиздано в: Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, М., 2002. С. 648–698; ссылка на данное издание).

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / Отв. ред. М. К. Каргер. Л., 1971.

Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Pavel V. Petrukhin

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

ppetrukhin@gmail.com

ON THE TRANSLATION OF THE NOVGOROD BIRCHBARK LETTER NO. 383

The article offers a new translation of the Novgorod birchbark letter no. 383 without the linguistic and pragmatic deficiencies of the previous interpretation.

Keywords: birchbark letters, Old Russian vocabulary, Old Novgorod dialect.

References

Cherepnin L. V. *Novgorodskie berestyanye gramoty kak istoricheskiy istochnik*. Moscow, 1969.

Gippius A. A. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Tom XI. Moscow, 2004. S. 183–232.

Gippius A. A., Zaliznyak A. A., Toropova E. V. Berestyanye gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2017. № 4. S. 7–24.

Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3. Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX–XIII vv.* Отв. ред. М. К. Каргер. Leningrad, 1971.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. Moscow, 2008.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения. *Semiotika i informatika*. Vyp. 6. Moscow, 1975. S. 51–102 (reprint: Zaliznyak A. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu, Moscow, 2002. S. 648–698; edition is being referred to).

А. А. Пичхадзе

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

rusyaz@yandex.ru

ОТРИЦАНИЕ ПРИ СОСТАВНОМ СКАЗУЕМОМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается положение отрицания при составном сказуемом в древнерусском языке. Древнерусские данные сопоставляются с древнеболгарскими. В качестве источников были использованы Супрасльская рукопись и древнерусские летописи и берестяные грамоты. Исследование показало, что в Супрасльской рукописи отрицание может стоять как при связке, так и при смысловой части составного сказуемого; позиция при связке фиксируется немного чаще. В древнерусских текстах явно выражена тенденция помещать отрицание при смысловой части; отрицание помещается при связке только в двух случаях: в контекстах, испытывавших влияние церковнославянского языка (библейских цитатах и т. п.), и в высказываниях, содержащих опровержение пресуппозиции и противопоставление её реальной — с точки зрения говорящего — ситуации. Таким образом, в древнерусском позиция отрицания в составном сказуемом использовалась для выражения его разных функций — констатации отсутствия признака (в этом случае отрицание помещалось перед смысловой частью) или опровержения пресуппозиции (в этом случае отрицание помещалось перед связкой).

Ключевые слова: отрицание, составное сказуемое, связка, древнерусский язык.

Известно, что между древнеболгарскими и восточнославянскими диалектами существовало отличие, касающееся позиции отрицания при аналитических формах прошедших времен глагола: в южнославянских памятниках письменности отрицание обычно примыкает к вспомогательному глаголу, в древнерусских — к смысловой части [Хабургаев 1978: 46; Migdalski 2006: 104–105, 114–116], ср. **жънѣ идеже нѣсмъ сѣпалъ** и **сѣвиражъ идеже нѣсмъ расыпалъ** Супрасльская рукопись 377 vs. **нѣ помыслилъ есмъ** *зла братьи моеи ни в чѣмъ* *Повесть временных лет* [ПСРЛ II: 241]. Помимо аналитических глагольных форм, существует ещё одна сложная форма, при которой положение sententialного отрицания может варьировать: это составное сказуемое. Оно состоит из связки и смысловой части,

в которой в средневековых славянских текстах обычно фигурируют прилагательные и образованные от них наречия и предикативы, а также предложно-падежные сочетания и существительные. Соответственно, отрицание может непосредственно примыкать к связке или к смысловой части. Вопрос о том, как располагалось отрицание при составном сказуемом и существовала ли разница в местоположении отрицания при аналитических формах глагола и при составном сказуемом в средневековых славянских диалектах, до сих пор не ставился. Он будет рассмотрен в настоящей статье.

Трудность в исследовании этого вопроса связана прежде всего с тем, что южнославянские древние памятники переведены с греческого и довольно строго следуют словопорядку своих оригиналов. Тем не менее было отмечено, что в старославянских текстах отрицание часто находится в контактной препозиции к связке и сливается с формами глагола **быти**, если они начинаются с гласного, — в результате возникают формы типа **нѣсмъ**, **нѣсть** и т. п. [Večerka 1989: 34; Willis & al. 2013: 347–348]. Между отрицанием и связкой могла помещаться энклитическая частица **во**, хотя, по наблюдениям Р. Вечерки [Večerka 1989: 46], сочетания типа **не во бѣ**, **не во то есть** редки не только в старославянском языке, но и в церковнославянских памятниках, не входящих в старославянский канон. Однако количественные данные, которые позволили бы оценить распространенность положения отрицания перед связкой или смысловой частью в южно- и восточнославянских диалектах в древности, до сих пор не были собраны. Ниже предпринимается попытка хотя бы отчасти восполнить эту лауну. Рассматривается только глагол **быти** в роли связки; контексты, в которых **быти** имеет значение ‘существовать, быть в наличии’ или модальные значения возможности, предназначенности и т. п., во внимание не принимались.

Супрасльская рукопись

В последнее время благодаря созданному в Тромсё (Норвегия) корпусу средневековых текстов TOROT (<https://nestor.uit.no>) появилась возможность получить исчерпывающие данные по Супрасльской рукописи — старославянскому памятнику, содержащему жития святых, переведенному с греческого в X в. Несмотря на то, что перевод житий в Супрасльской рукописи не так строго копирует словопорядок оригинала, как старославянские переводы библейских книг, в значительной части случаев позиция связки в составном сказуемом точно совпадает с греческим текстом. Такие случаи при анализе, результаты которого приводятся ниже, в расчет не принимались¹, равно как и примеры из житий, греческий оригинал которых не обнаружен.

Прежде всего, нужно выделить категорию примеров, в которой отрицание в Супрасльской рукописи регулярно помещается при смысловой части сказуемого.

¹ В том числе и контекст **не оу искоусянь бывъ томъ пѣстына**, πρὶν ἐν πεῖρα τῆς αὐτῆς γένηται ἐρήμου ‘будучи пока незнаком с этой пустыней’ 289.15, где πρὶν ‘пока не’ передано как **не оу**, а взаиморасположение смысловой части и связки то же, что и в греческом оригинале.

Это контексты, в греческом оригинале которых нет связки: переводчик воспроизводит греческий порядок «отрицание + смысловая часть», а затем добавляет связку: **НЕ ДОБРО КСТЪ МНОГОМЪ БОГОМЪ БЫТИ**, οὐκ ἀγαθόν 100.26–27² и т. п. (см. 42. 20, 87.1–2, 167.24, 325.6, 528.10). Таким же образом переводчик добавляет причастие-связку: **КДНѢМЪ ТЪЧЫЖ НЕ ПОДОВЫНЪ³ БЫВЪ МѠСЄΩВИ**, ἀνόμοιος 277.20 и др. (93.7, 369.5, 370.25, 392.20, 494.5). Примеры с добавленной связкой отчасти детерминированы текстом оригинала и в силу этого не показательны.

Однако в трех примерах связка добавлена непосредственно после отрицания (и сливается с ним); эти случаи симптоматичны, поскольку не обусловлены влиянием греческого синтаксиса: **НИКОЛИЖЕ СВОИМЪ НѢСТА СЫТА**, μηδέποτε τοῖς ἰδίοις ἀρκοῦμενοι 172.19; **СЪТВОРЕНО ДѢЛО · КЖЕ НѢСТЪ ДѢЛО ОУСПѢШНО**, μὴ... ὠφέλιμον 346.9; **НѢ ЧОУДО** ‘это неудивительно’, οὐ μέγα 437.12. В первом из этих трех предложений отрицание находится при связке, возможно, потому, что в предложении есть отрицательное наречие времени **НИКОЛИЖЕ** (подробнее см. ниже).

Еще четыре примера с добавленной после отрицания связкой встретились в общевопросительном предложении. Вероятно, вопрос, относящийся к сказуемому, являлся фактором, способствующим присоединению отрицания к связке. В греческом оригинале дважды употреблено усиленное отрицание: **ТО НѢ ЛИ КРОТЪКЪ · НѢ ЛИ ПРАВЪДЕНЪ**, οὐχὶ πρᾶϋς; οὐχὶ δίκαιος; ‘так разве он не кроток или не праведен?’ 337.12. В следующих двух примерах связка добавлена для преобразования греческой медиальной конструкции в славянскую безличную с субъектом, выраженным дательным падежом: **НѢ ЛИ ТИ · ТАЖЪКО СЛАВИМОУ · НѢ ЛИ ТИ · ПЕЧАЛЬНО**, οὐ βαρύνη... οὐκ ἄχθη 330.19–20.

Отрицание всегда располагается перед связкой в повелительном наклонении: **НЕ БЖДИ ДОСАДИТЕЛЬ ВЛАДЫКАМЪ ВСЕА ВСЕЛЕНЫА**, μὴ ὑβρίσῃς ἔσο 13.4 (см. еще 53.15–16, 319.12–13, 319.13, 420.10, 421.11, 494.14). Возможно, это связано с тем, что в императивных формах употребляется основа будущего времени, а в будущем времени отрицание обычно стоит перед вспомогательным глаголом — как в северно-, так и в южнославянских языках [Willis 2013: 346]. Неясно, связано ли положение отрицания с просодическим статусом связки⁴, но нужно отметить, что, в отличие от форм настоящего и прошедших времен глагола **БЫТИ**, основа **БЖД-** в древности не становилась энклитикой.

В единственном контексте с зависимым инфинитивом и предикативом, имеющим зависимое слово, отрицание тоже располагается перед связкой: **ОУЧЖ ЛИХО МѢРЫ НЕ БЫТИ · И МНОГЖЖ ПИШТЖ ОТЪВРѢШТИ**, παραινῶ τῆς χρείας γίνεσθαι ‘учу не превышать меру и отказаться от излишеств’ 494.26; очевидно, отрицание перед некоторыми словосочетаниями было нежелательным (**НЕ ЛИХО МѢРЫ БЫТИ**).

² Примеры цитируются с указанием страницы и строки по изданию [Заимов, Капалдо 1982–1983] с минимальными упрощениями в орфографии.

³ Раздельное или слитное написание смысловой части сказуемого с отрицанием в изданиях средневековых славянских памятников проводится очень непоследовательно; здесь и ниже в формах с отрицанием дается то же словосочетание, что и в изданиях.

⁴ В настоящей статье этот вопрос не обсуждается.

Особый случай представляет собой контекст, в котором греческому субстантивированному причастию с предлогом, являющемуся смысловой частью сложного сказуемого, соответствует славянская инфинитивная конструкция: **нѣстъ ꙗкоже стоꙗти ꙗмоу· нѣ издѣхнѣти и оумрѣти**, οὐχὶ ἐν τῷ καθεστῶτι ἐστὶν ‘он не в благополучном (букв.: устойчивом) состоянии, но вот-вот испустит дух и умрет’ 149.27. Возможно, **нѣстъ** нужно трактовать здесь как бытийный глагол: ‘не так обстоит дело, чтобы он был в благополучном состоянии’. В греческом оригинале — усиленное отрицание.

Остальной материал представлен в таблице.

Супрасльская рукопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
6 ...иномоу никомоу же не лѣпо кстѣ нѣ добротѣ твои и чюдѣнамъ сѣдинамъ, οὐκ ἄλλω τινὶ πρέπουσα 48.18 ниже и недостоини кстѣ жити, οὐκ ἔξεστιν ὑμᾶς ζῆν 130.27 томоу нына не мошѣтно ꙗ быти, οὐκ ἔστιν δυνατὸν γενεσθαι 295.21–22 аште ти покажѣ нына· не соуле ти кстѣ, οὐ συμφέρει σοι 394.11 намъ не достоинно кстѣ погоубити никогоже, οὐκ ἔξεστιν 433.9 не лѣтъ ти кстѣ оуже възлюбькне· безъ оудръжаныа жити, οὐκ ἔξεστι 496.28	5 кто оуже притѣ. ꙗко нѣстъ вѣик тоу пришествикъ, τίς ἀμφιβάλλει θεοῦ παρουσίαν; 95.17 самъ себе да сѧ плачетѣ. о мнѣ бо нѣстъ трѣбѣ плакатисѧ. ни миловати, οὐκ εἰμι ἐλεεινὸς οὐδὲ κλαύσιμος 102.15 не можешн съде прѣбыти. глагола ꙗмоу паула. нѣстъ ми лѣтъ ннамо ити, ἀδυνατὸν ἐστὶ 170.21–22 нждени бѣсъ син отъ чловека сего. да цѣла ѡдетѣ въ свои домъ. и да прославитѣ бога. глагола ꙗмоу паула. а ты что. рече кмѧ антонни. нѣсмъ праз- денъ азъ ино дѣло нмамъ, οὐ σχολάζω 172.3 нѣсмъ бо тольма слави· да оставимъ жизнодавьца, οὐχ οὕτως ἄνδρoι ἔσμεν 176.17–18
Претериты	
	4 не бо бѣаше томоу непричастъникъ, οὐ γὰρ τούτου ἀμοιβός... ὑπῆρχεν 60.22 оучити инѣхъ поржчени· не быша достоинни своихъ зѣловож, οὐδὲ ἠζιώθησαν 333.14 не бѣ ꙗмоу трѣбѣ да кто послоушествоикѣтъ о чловецѣ, οὐ γὰρ χρειάν εἶχε 404.16–17 не бѣ даженъ хъ· ни дрѣжимъ бѣ, οὐκ ὠφεῖλεν... οὐδὲ κατεῖχето 494.8–9

Не вполне ясно, как нужно интерпретировать первый пример с отрицанием на связке: предложение **кто оуже притѣ. ꙗко нѣстъ вѣик тоу пришествикъ** можно понимать как ‘кто станет спорить, [утверждая, что] это не Божие пришествие?’ или как ‘кто станет спорить, [утверждая, что] здесь нет Божьего пришествия’ — в последнем случае **нѣстъ** нужно считать не связкой, а бытийным глаголом, однако при таком прочтении ожидался бы родительный **вѣика** <...> **пришествиа**.

Релевантный материал Супрасльской рукописи невелик, но он склоняет к выводу, что отрицание употреблялось в древнеболгарских памятниках как при связке, так и при смысловой части составного сказуемого, хотя, по-видимому, несколько чаще при связке, чем при смысловой части. К приведенным в таблице пяти примерам с отрицанием при связке в презенсе можно, с оговорками, присоединить и три прокомментированных выше примера с добавленной переводчиком связкой

(172.19, 346.9, 437.12) — или по крайней мере два из них, поскольку в первом такому словорасположению могло способствовать наличие отрицательного наречия времени.

В то же время нужно отметить, что наличие во фразе отрицательного местоимения — в отличие от отрицательного наречия — в Супрасльской рукописи не вызывает употребление отрицания при связке. В левом столбце таблицы приведены два примера, в которых отрицание находится при смысловой части: **ино-моу нико-моу же не лѣпо кстѣ нъ добротѣ твои и чоудѣнамъ сѣдинамъ** 48.18 и **намъ не достоинно кстѣ погоубити никѣдно-гоже** 433.9. Как и в древнерусских примерах, которые будут приведены ниже, связка в контекстах с отрицательными наречиями и местоимениями помещается после смысловой части сказуемого.

В целом в Супрасльской рукописи с небольшим перевесом преобладает расположение отрицания перед связкой; регулярно такой порядок фиксируется в повелительном наклонении. Тем не менее довольно часто встречается и отрицание перед смысловой частью сказуемого, причем определить, какими факторами мотивирован тот или иной словоупотребление, не всегда удастся. Можно отметить, что во всех пяти примерах с отрицанием при связке в настоящем времени содержится опровержение ложной с точки зрения говорящего пресуппозиции. Первый пример представляет собой риторический вопрос о том, кто может отрицать Божие пришествие, несмотря на непререкаемые свидетельства. Во втором примере говорящий отвергает мысль о том, что он достоин жалости; в третьем — отказывается уходить, вопреки призыву своего собеседника; в четвертом — не принимает предложение исцелить бесноватого, ссылаясь на занятость; в последнем мученики, принуждаемые тираном приносить жертвы языческим богам, заявляют, что не так слабы духом, как он мог о них подумать. В схожих контекстах, как будет показано ниже, отрицание при связке употребляется и в древнерусских памятниках. Однако ни четыре примера с отрицанием при связке в аористе и имперфекте, ни три примера с добавленной связкой настоящего времени опровержения ложной пресуппозиции не содержат.

Древнерусские памятники

Для древнерусского языка вопрос о местоположении отрицания в составном сказуемом решается проще, чем для древнеболгарского, благодаря наличию большого массива ранних оригинальных текстов и единообразию их показаний. В восточнославянских памятниках отрицание ведет себя иначе, нежели в Супрасльской рукописи.

В древнерусском языке отрицание, как правило, примыкает к смысловой части составного сказуемого. О местоположении отрицания в составном сказуемом можно составить довольно четкое представление по данным древнерусских летописей⁵.

⁵ Здесь и ниже Лаврентьевский список Повести временных лет цитируется по [ПСРЛ I], Ипатьевский — по [ПСРЛ II], Галицкая и Волынская летописи — по [ПСРЛ II], Суздальская

Вот как распределяются контексты с отрицанием при связке и при смысловой части в древнейшем летописном своде — Повести временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам:

Повесть временных лет

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
7 не любю ми естъ в киевъ быти Л 67= (жити) И26г26 се не добро еже малъ городъ уколоу киева Л 121= (се не добро естъ мало городовъ) И45г5 не хужи естъ бѣса Л 135= (хужь) И51а10 не добро бо естъ преступати предѣла чюжего Л 183= (не доброе естъ) И67г10 не добро естъ лежати. ѡцю нашему Ѡеодосьеви. кромѣ монастыря цркве своета Л 209=И77в2 аще бы пристроилъ и ѿ тысячъ не лихо то ксть Л 218=И80г4 аще и в(а)та мого ѹбилъ то естъ недивно Л 238=И87а30	7 вы нѣста княжа. ни рода княжа. но азъ есмь роду княжа Л 23=И9г14 нѣ(с) се влегъ. но стын. дмитрин Л 30=И1261 не суть бо бѣи на [вместо но] древо Л 82=И32в14 дружини же глаголю сны Амоновы. се же нѣ(с) тако. снве бо Моавли Хвалиси. а снве Аммонови Болгаре Л 234 = (Амоновы. нѣ(с) тако) И86а8 но не суть таци. каци суть поставлени слезамн. пощеньемъ... Л 159=И59в32 нѣ(с) мене лѣпо судити еп(с)пу. ли нгумено(м). ли смердо(м) Л 230=И84в17 нѣ(с) добро законъ ихъ Л 108= (добръ) И41626
Претериты	
6 се ему бѣ не любю Л 85= (се бѣ ему не любю) И33в10 братъи же нелюбю бы(с) Л 187=И69а18 се же знамень не добро бы(с) Л 163=И61а33 не хужни бѣ первы(х) праведни(к) Л 281 (в И нет связки) бѣ бо нетвердъ верою Л 182 (И67619: баше бо не твердо вѣрѹта) се же бѣаше не угнены столпъ. но видъ англескъ Л 284 =И98а20 (баше не угнь. но...)	2 и не бѣ ср(д)це ихъ с нимъ Л 132=И49г21 санце премѣниса. и не бы(с) свѣтло. но акы м(с)ць бѣ(с) [так!] Л 164=И61в13

В Повести временных лет число контекстов с расположением отрицания при связке и при смысловой части в презенсе одинаково, но в аористе или имперфекте — в отличие от Супрасльской рукописи — отрицание чаще располагается при смысловой части. Как видно по таблице, показания обеих ветвей текстуальной традиции — Лаврентьевского и Ипатьевского сводов — в этом отношении почти полностью совпадают. Обнаружилось только одно расхождение: **се же ѿ ѿмѣнь створи. егоже не баше лѣпо створити** Л 268, но **се второе ѿмѣнь створи. егоже баше не лѣпо створити** И92а32. Учитывая тенденцию к помещению отрицания при смысловой части, отчетливо прослеживающуюся в древнерусских летописях, чтение Ипатьевского списка следует признать вторичным.

летопись — по [ПСРЛ I], Киевская летопись — по [Юрьева 2017], Новгородская I летопись — по компьютерному набору, подготовленному А. А. Гиппиусом, по которому памятник размечен в [НКРЯ]. Для Ипатьевского списка Повести временных лет, Киевской и Новгородской I летописи указываются листы и строки рукописи, для остальных летописей — страницы издания.

В позднейших летописях отрицание фиксируется при смысловой части гораздо чаще, чем при связке, как в презенсе, так и в простых претеритах. Обратное соотношение наблюдается только в будущем времени. Ниже в таблице приведены данные Киевской летописи XII в.

Киевская летопись	
не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
14 ѿ не оубица (!) есмь бра(тѣ)и своен 144в16 не ю верема нынѣ есть 146б14 се ны(н) же оуже есть не верема 147г6 азъ же не простъ есмь не простъ ходатаи межи вами 142г20–21 цитъ твон и мон не розно еста 148а25 тоти не крилати соутъ 155б17 се ни (не Погодинский, Хлебниковский сп.) ажа ти есть 183г17 не бѣго есть саково знаменне 184г9 се есть не на добро знаменне се 223б29 да не дивно есть разоумѣюци. братья оумрети 224а22 не жаль ми есть 226б28 мы есмы не оугре ни лѣхове. но единого дѣда есмы вноуци 237в26 азъ про тебе же с ни(м) е(с)мь не добръ и воевалъса с ними 241а20 не наше есть верема 223в16–17	0
Претериты	
14 не твердъ емоу бѣ бродъ 154б13 мртвы(х) же бѣ не много 204б30 аньдрѣвѣ. же. не люво баше. сѣдѣнне володимере киевѣ 201в11 нгореве же башеть не люво. оже емоу тако молвѣть дружина 223а21 недостонно ми башеть жити 224г19 и не мило башеть тогда комоуждо свое ближнее 225в7 стославоу же не люво башеть поустити володимера 227б14 не вси бѣхотъ в доумѣ тон 229в20 а король бы не пороженъ 140б18 нзаславу же бысть велми не люво 141а9 и не оугоденъ бы(с) кпаномъ нгорь 119б33–119в1 и нелюбо бы(с) емоу 225б11 парославоу же нелюбо бы(с) дале понти 227г8 и бы(с) нелюбъ путь тѣ всимъ людемъ сямъ 201а30	6 ср(д)це нхъ не бѣ право с ни(м) 193а11, 194а1 имѣнниа бо не бѣ сытъ 197в27 не бѣхотъ его воли 112в17 не бѣхотъ вси во шдинон мысли 230в14 не бѣ то и еше до- сыти 122г13–14
Будущее	
0	2 и еше и раненъ велми. и не бѣдетъ живъ 162в23 а състѣпиши. то не бѣдеш живъ 166в12

В Новгородской I летописи XIII–XIV вв. отрицание при связке не засвидетельствовано ни в презенсе, ни в претеритах, и только в конструкции долженствования с частицей **да**, как и в других памятниках, отрицание стоит при связке в будущем времени.

Кроме того, в Новгородской I летописи имеются 3 контекста, где отрицание относится не к сказуемому, а к его аргументам — наречию или местоимению, непосредственно

Новгородская I летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
1 намъ ксте не бра(ѣ)а 105об.15	0
Претериты	
2 не добро же бы(ѣ) і самомоу 164.15 и не досыти бы зла 106об.2	0
Будущее	
	1 да не воудеть новын тѣргъ новгородомъ 83.13

перед которыми оно и помещается: **и не тоу бы того досыти зла** ‘и даже на этом не закончились эти несчастья’ 119об.12; **и не то баше зло. нѣ боле почаства копити вон** ‘и даже на этом не закончилось несчастье, но еще больше стали собирать войска’ 16.18; **і не то бы(ѣ) зло. но и тесовѣ възаша** ‘и даже на этом не закончилось несчастье, но и Тесов захватили’ 128.16. Эта эмфатическая конструкция со значением ‘и даже мало того’ является характерной особенностью Новгородской I летописи.

В Суздальской летописи XIII в. отмечены следующие примеры:

Суздальская летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
1 мы ксмы ци не князи же 397	2 нѣ(ѣ) бо достоинно наскакати на стительскыи чинѣ на мѣздѣ 391 и нѣм же кленуци(м)са и ротащи(м). тако нѣ(ѣ) то тако 431
Претериты	
9 имѣнья бо бѣ не сытъ акы адъ 356 не твердѣ бѣ кмѣ бродѣ 332 бы(ѣ) не любѣ пѣтъ всѣ(м) люде(м) симъ 364 непогодѣ е(ѣ) зимѣ воевати Болгарѣ 364 и невидима бы(ѣ) 447 и не годно бы(ѣ) людемъ 313 бѣ бо Мнѣхалъ не правѣ въ кр(ѣ)тнмъ целованьи 455 Бжѣю м(ѣ)тѣю невре[же]нѣ бы(ѣ) 480 тависа звѣзда на западѣ · и бѣ ѿ неѣ луча не в зра- кѣ члвкмъ · но тако к полуднѣю по двѣ въсходящи с вечера 447	2 ср(д)це же ихъ не бѣ право с нимъ 430 идеже не бѣ проходно полку Влександрову здѣ шербѣтоша много множество избѣены(х) ѿ англа Г(ѣ) на 480

Данные Галицкой летописи второй половины XIII в. представлены в таблице ниже (см. след. стр.).

Единственный контекст, где в будущем времени отрицание стоит перед смысловой частью, подчеркивает, что отрицание относится именно к местоимению **тѣмъ**: Мстислав волен дать Галич, кому хочет, или не дать никому, и речь идет не о том, что он не может его добыть, а о том, что, если он отдаст его Данилу, город всегда будет под чужой властью.

Галицкая летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
8 син градъ не твои ли естъ 756 ѡже есте мирни но мнѣ есте не мирни 754.21 не лѣпо ми естъ быти кромѣ ваю 770 не лѣпо естъ держати наше ѡтчины . крижевни- комъ Тепличемъ 776 ѡ князи Василян не вѣдомо естъ 781 си бо еста недостойна. ни Вотънина держати 790 не вѣренъ ти естъ 790 аще насть пошл[еш]и. напере(ѡ) кого. не послушно естъ 831	4 такоже пишеть во книгахъ нѣ(с) в силѣ брань. но в Бѣѣ стоитъ побѣда 833 не е(с) лѣпо боариноу княжити в Га- личи. но поими дщерь мою за сѣна свое- го Коломана и посади н в Галичи 731 не соутъ вон твои. но соутъ. ѡсобни князи 792 тако не естъ во свѣтѣ. с Михаиломъ 789
Претериты	
3 словесы лестными не возможно бѣ гра(ѡ) приати 780 н се знамение не на добро бы(с) 802 не мошно бѣ емоу выѣхати 837	1 николиже не бы(с) на помощь емоу 836
Будущее	
1 аже даси королевичю когда восхоуеши. можеши ли [нет в др. сп.] взати под нимъ. даси ли Данилови. в вѣки не твои боудеть Галичъ 750	1 аще Данилъ поедеть. и не боудеть с добромъ 846

Примеры не е(с) лѣпо боариноу княжити в Галичи 731 и не естъ во свѣтѣ. с Михаиломъ 789 показывают, что в древнерусских памятниках, в отличие от древнеболгарских, сочетание не естъ не всегда образует слитную форму.

В Волынской летописи конца XIII в. отрицание почти всегда помещается при смысловой части:

Волынская летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
1 ты оуже не братъ еси 852	0
Претериты	
6 городъ же не твердъ баше 855 Володимѣроу же не любо бы(с). велико на брата своего 900 не мошно бы(с) розметати 850 зане немошно бы(с) ѡвинити 866 а инѣмъ полкомъ немошно бы(с) помощи ниѡкоудже тѣснотою 866 тѣмже немошно бы(с) пристоупити к емоу 934	1 не бы(с) мочно никоудже 935

Таким образом, материал древнерусских летописей демонстрирует явную тенденцию к расположению отрицания при смысловой части составного сказуемого. Эти данные подтверждают и новгородские берестяные грамоты — впрочем, число примеров здесь весьма невелико:

Берестяные грамоты

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
3 а тобѣ вѣдѣ ако есть не годѣнъ 752 а не виноватѣ есмѣ · нн вѣк(ъ)шею 834 а не виноватѣ · ксмѣ · ннкому ницимъ 519/520	0

По местоположению отрицания в составном сказуемом от остальных предикативов несколько отличается **лъзѣ** — видимо, потому, что он имеет другую структуру, а именно представляет собой дательный падеж существительного **льга** ‘свобода делать что-л’. Частотность употребления отрицания при предикативе **лъзѣ** и при связке в древнерусских летописях показана в следующей таблице⁶:

	не бѣ лъзѣ	не лъзѣ бѣ/бѣ не лъзѣ
Повесть временных лет	10	0
Киевская летопись	2	17
Новгородская I летопись	0	5
Суздальская летопись	1	2
Галицкая летопись	0	0
Волынская летопись	1	1

Судя по данным Повести временных лет, первоначально отрицание в сочетании с **быти лъзѣ** помещалось при связке. Впоследствии — очевидно, под влиянием частотного употребления отрицания перед отадъективными предикативами — в сочетаниях с **лъзѣ** отрицание переместилось в контактную препозицию смысловой части.

Отрицание при наличии отрицательных местоимений и наречий

Если в предикации есть отрицательное местоимение или наречие, отрицание может находиться как при связке, так и при смысловой части:

а не виноватѣ · ксмѣ · ннкому ницимъ Берестяная грамота № 519/520,
а инѣмъ полкомъ немочно бы(с) помощи ниѡкоудаже тѣснотоу Волын-
ская летопись 866,
но: николиже не бы(с) на помощь емоу Галицкая летопись 836,
и нача Левъ ѣздити школо горо(а). абы емоу коуда мочно взати... и не
бы(с) мочно никоудаже. весь бо ваше оучиненъ ѿ камени. и оутвержение

⁶ Повесть временных лет: Л 59=И23г16, Л 65=И26а25, Л 65=И26а31, Л 67=И26г2, Л 73=29б26, Л 77 (в И нет связки 30 об.), Л 127 =И47г28, Л 142=И53в31, Л 202=И75а33, Л 221=И81в32; Киевская летопись: 225а27, 226г21 vs. 110б33, 110в3, 112в25, 116г20, 117б23, 120в20–21, 132в3–4, 132г6, 142в4, 150в4, 154а1–2, 157в14, 157в20, 187г28, 227б28, 227г2, 232в18; Новгородская I летопись: 64.14, 65.13, 144.18, 30об.10, 128об.6; Суздальская летопись: 447.13 vs. 311.28, 384.4–5; Волынская летопись: 856 vs. 934.

его не мало ‘и начал Лев ездить вокруг города [высматривая], как бы можно было его взять с какой-то стороны... и было невозможно ниоткуда, ибо он весь построен был из камня и укрепление его было немалое’ Волынская летопись 935. Этот пример отличается от остальных тем, что в предикации с отрицанием дано эксплицитное опровержение presupпозиции **абы ёмоу коуда мочно възати**. Как будет показано ниже, в таких случаях отрицание регулярно помещается при связке.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусских примерах с отрицательными местоимениями и наречиями, как и в Супрасльской рукописи, если отрицание находится при смысловой части, смысловая часть предшествует связке; если отрицание находится при связке, смысловая часть следует за связкой (как в двух последних примерах). Разумеется, имеющегося материала недостаточно для обобщений, тем не менее можно задаться вопросом, не действовала ли в древности та же закономерность, что и в современном русском языке: если в состав сказуемого входит предикатив, «возможна постановка частицы *не* как перед служебным глаголом, так и перед предикативом, и обе формы тяготеют к выражению общего отрицания <...> Общий характер отрицания в предложениях, где частица *не* ставится непосредственно перед предикативом, поддерживается и постпозицией формы глагола *быть*. <...> Неправильно: **Никогда ему было не стыдно*; **Нигде им было не скучно*» [Русская грамматика 1980: 408–409, § 2656]. При наличии отрицательных местоимений и наречий *не* является sentенциальным отрицанием, а постановка его перед смысловой частью, с точки зрения авторов «Русской грамматики», создает нежелательную возможность трактовать его как частное (присловное) отрицание. Действительно, контекст из Волынской летописи 935 кажется допустимым с другим порядком: **бы(с) не мочно никоудже** ‘было невозможно ниоткуда [взять город]’ — однако при таком прочтении *не* следовало бы, скорее, считать приставкой предикатива **немочно**. Однако сформулированный «Русской грамматикой» запрет может быть нарушен, если связка ведет себя как слабоеударное слово. Вот несколько примеров: *оплатить кредит с пакета было никогда не возможно* (<https://www.banki.ru/>), *Мясо дожидаться было никогда не возможно, его нужно было караулить* (<https://tophotels.ru>), *Ничего, кроме воды, и жить было нигде невозможно* (М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005, НКРЯ) и др.

В контексте из Галицкой летописи, где в состав сказуемого входит предложно-падежное сочетание, положение отрицания перед связкой представляется единственно возможным вариантом (недопустимо ***николиже бы(с) не на помощь ёмоу**). В современном русском языке, тем не менее, предложно-падежное сочетание с непосредственно предшествующим отрицанием тоже может иногда находиться за связкой, если связка помещается в Вакернагелевской позиции, т.е. ведет себя как энклитика: *Алексей же был никогда не против этого* (<https://rg.ru/2014/01/04/bobsley-site-anons.html>). Впрочем, подобные примеры очень редки и, очевидно, возможны не со всеми предложно-падежными сочетаниями.

Положение отрицания в составном сказуемом и его функции

Исходя из приведенных данных, можно констатировать, что к началу XII в. в древнерусском языке в составном сказуемом ощутимо преобладало положение отрицания при смысловой части. Это дало толчок образованию многочисленных прилагательных, наречий и предикативов с приставкой *не-* [Шаламова 1997: 45–47].

Однако, как показано выше, примеры с постановкой отрицания при связке тоже фиксируются в древнерусских летописях. Возникает вопрос, какие факторы приводили к такому — сравнительно редкому — словопорядку.

Прежде всего, можно предположить, что он мог быть вызван церковнославянским влиянием. Действительно, такое объяснение вероятно для следующих примеров:

но не сѹтъ таци. каци сѹтъ поставлени слезами. пощеньемь... Повесть временных лет, Л 159=И59в32 (впрочем, причина постановки отрицания на связке в этом случае могла быть другой, см. ниже);

также пишеть во книгахъ нѣ(ѣ) в силѣ брань. но в Бѣжѣ стоитъ побѣда Галицкая летопись 833;

нѣ(ѣ) во достоинно наскакати на стѣпительскыи чинъ на мѣздѣ Суздальская летопись 391;

идеже не бѣ проходно полку Александрову здѣ вѣрѣтоша много множество избѣены(х) ѿ англа Г(ѣ)на Суздальская летопись (Житие Александра Невского) 480.

Вероятно, к этой группе нужно отнести и фразу **имѣниа во не бѣ сыть** Киевская летопись 197в27.

Кроме того, в летописях неоднократно повторяется цитата из Псалтыри (77. 37): **и не бѣ ср(ѧ)це ихъ с нимъ** Повесть временных лет (Л 132=И49г21), **ср(ѧ)це ихъ не бѣ право с ни(м)** Киевская летопись 193а11, 194а1, **ср(ѧ)це же ихъ не бѣ право с нимъ** Суздальская летопись 430.

Остальные примеры с отрицанием при связке — это контексты, содержащие опровержение ложной пресуппозиции и противопоставленное ей утверждение, который говорящий считает истинным. Обычно противопоставление эксплицитно выражается с помощью противительного союза **нѣ**, ср. в Повести временных лет:

вы нѣста княжа. ни рода княжа. но азъ есмь роду княжа ‘вы не князья и не княжеского рода, но я княжеского рода’ Л 23=И 9г14;

нѣ(ѣ) се Олегъ. но стѣи. дмитрии ‘это не Олег, но святой Дмитрий’ Л 30=И12б1;

друзни же глѹтъ сѣи Аммоновы. се же нѣ(ѣ) тако. сѣве бо Моавли Хвали-си. а сѣве Аммонови Болгаре Л 234=И86а8 — в этом примере противительный союз отсутствует, однако имеется предикация, которая вводится частицей **бо** и содержит истинное объяснение, противопоставленное ложной пресуппозиции: ‘А другие говорят, что они — сыны Амона. Это не так, ибо хвалисы — сыновья Моава, а сыны Амона — болгары’;

не сѣтъ бо бѣи на [вместо **но**] древо ‘это не боги, но дерево’ Л 82=И32в14; сѣнце премѣни^са. и не вы^(с) свѣтло. **но** акы м^(с)ць бѣ^(с) [так!] ‘солнце переменилось и перестало светить, но стало как месяц’ Л 164=И61в13.

То же в Киевской летописи:

не бѣ то и еше досыти **но** идоста на Игореве селче ‘и даже этого было недостаточно, но пошли на Игореве сельцо’ 122г13–14;

моужи же галичкни не бахоу^ть вси во ѡдиной мысли. **но** чин бахоу^ть сѣве и братьяни [так!] оу корола то ти держахоу^ться крѣпко по королевичи ‘А мужи галичские не были единомышленны, но те, чьи сыны и братья были у короля, крепко держались королевича’ 230в14.

В Галицкой летописи имеется два аналогичных примера:

не е^(с) лѣпо бояриноу княжити в Галичи. **но** помни дщерь мою за сѣа своего Коломана и посади и в Галичи ‘не подобает боярину княжить в Галиче, но возьми мою дочь замуж за Коломана и посади его в Галиче’ 731.1;

не соу^ть вон твои. **но** соу^ть. ѡсобнии князи ‘они не твои воины, но независимые князья’ 792.19.

К примерам из летописей можно добавить данные Послания Владимира Мономаха, которое сохранилось в составе Лаврентьевского летописного свода. В Послании отрицание в составном сказуемом фиксируется трижды, всегда при связке и в контекстах опровержения, содержащих противительный союз **нѣ**:

нѣсмъ ти ворожитъ. ни мѣстникъ. не хотѣхъ бо крови твоеа видѣти оу Стародуба. **но** не дан ми бѣ крови ѡ рѣкѣ твоею видѣти. ни ѡ повелѣныа своего ‘я не враждебен, не мстителен, — ведь я не хотел видеть твоей крови у Стародуба, — но не дай мне Бог видеть кровь от твоих рук или из-за моего повеления’ 254;

не бо сѣтъ тѣжка. ни ѡдиночество. ни чернечество. ни голодъ. ꙗко нини добрии терпѣтъ. **но** малы^(м) дѣломъ оулучити мал^(с)ть бѣю ‘не тяжело ни одиночество, ни монашество, ни голод, которые терпят некоторые достойные люди, но [эти три вещи позволяют] снискать Божью милость малым делом’ 244;

а вѣ ѡму не бѣде^ть мѣстника. **но** възложивѣ на бѣ ‘а мы ему не будем мстителями, но возложим на Бога’ 252.

Таким образом, постановка отрицания на связке при обозначении пресуппозиции, которая опровергается предикацией, вводимой противительным союзом, является регулярной. Во всем просмотренном материале обнаружился только один контрпример — в Киевской летописи: **то мы есмы не оугре ни ляхове. но единого дѣда есмы внуци** ‘так мы не угры и не ляхи, но того же самого деда внуки’ 237в26, однако говорящие здесь не опровергают мнение оппонентов (которые прекрасно знали, что Ольговичи не венгры и не поляки), но утверждают, что они им не чужие. Еще один контекст с таким словопорядком содержит опровержение,

выраженное однородным членом, а не предикацией; отрицание помещается здесь при смысловой части, поскольку связка у однородных членов общая: **се же бѣаше не ѡгнѣныи столпѣ. но видѣ ангѣлскѣ** ‘это был не огненный столб, но видение ангела’ Л 284 = И98а20 (**баше не ѡгнь. но...**).

В число высказываний, содержащих опровержение, нужно включить и несколько контекстов, в которых нет эксплицитного противопоставления истинной ситуации ложной пресуппозиции, однако имплицитно оно, видимо, присутствует:

нѣ(с) мене лѣпо сѹдити еп(с)пѹ. ли игѹмено(м̃). ли смердо(м̃) Повесть временных лет, Л 230 = И84в17;

нѣ(с) добро (в др. сп.: **добрѣ**) **законѣ ихѣ** Повесть временных лет, Л 108 = И41б26;

но не сѹтъ [учрежденные богачами монастыри] **таци. каци сѹтъ поставлени слезами. пощеньемъ мѣтвоею бдѣньемъ** Повести временных лет, Л 159 = И59в32;

ѡнѣмъ же кленѹци(м̃)сѡ и ротѡци(м̃). тако нѣ(с) то тако Суздальская летопись 431;

показа правдоѹ свою. тако не естъ во свѣтѣ. с Мѹханомѣ Галицкая летопись 789.

В первом примере из Повести временных лет субъект высказывания отвергает предложение других князей о мирном договоре, не желая подчиняться мнению священников и советников. Во втором примере в рассказе о выборе веры князем Владимиром решительно отвергается мусульманское богослужение. В третьем отрицается пресуппозиция, заключающаяся в том, что во всех монастырях отношение к вере одинаково ревностное; для этого контекста, кроме того, можно предполагать церковнославянское влияние. В примере из Суздальской летописи выражено опровержение ложного обвинения в адрес субъекта, подкрепленное клятвой. В контексте из Галицкой летописи субъект очевидным образом — своим поведением — опровергает подозрения в соучастии в заговоре.

Наконец, еще один пример содержит составное сказуемое, в смысловую часть которого входит местоимение, и в случае постановки отрицания перед ним отрицание могло быть воспринято не как сентенциальное, а как относящееся только к местоимению **его**, что исказило бы смысл высказывания: **заточени были** (в др. сп.: **были**) **Мѹстиславомѣ великомѣ. зане не бѡхѹтъ его воли. и не слышѡхѹтъ его. коли є зѡвашеть в Рѹсскоѹ землю в помощь** ‘они были заточены Мстиславом Великим, потому что не подчинялись ему и не слушали его, когда он звал их в Русскую землю на помощь [себе]’ Киевская летопись 112в17 — летописец сообщает лишь о том, что княжичи не подчинялись Мстиславу, а не о том, что они подчинялись кому-то другому.

Принимая во внимание эти факты, можно попытаться ответить на вопрос, что отражает позиция связки в составном сказуемом в древнерусском языке.

В индоевропейском отрицание функционировало в двух разновидностях. Одна из них представлена приставкой, которая восходит к нулевой ступени **n̥* и в греческом и санскрите имеет форму *an-* (перед согласными *-n-* выпадает), в латыни — *in-* и т. д. [Frisk 1941; Коресну & al. 1980: 449–450]. С помощью этой приставки образуются прилагательные, она переходит к образованным от них существительным, наречиям и предикативам; гораздо реже она служит для образования существительных непосредственно от существительных. Перед глаголами и местоимениями употреблялась другая форма — **ne*, она же использовалась и в контекстах противопоставления и опровержения. В истории разных индоевропейских языков она могла замещаться новыми формами, но само противопоставление двух видов отрицания сохранялось, ср.:

	Приставка	Отрицание при глаголе и местоимении, в контекстах противопоставления и опровержения
Греческий	ἀ(v)- (ἀν-αῖτιος ‘невиновный’)	οὐ
Латынь	in- (in-nocens ‘невиновный’)	non
Немецкий	un- (un-schuldig ‘невиновный’)	nicht
Славянские языки		ne(-)

Аналогичная дистрибуция двух видов отрицания существует и за пределами индоевропейской семьи языков. Например, в арабских языках Северной Африки одна форма отрицания употребляется при глаголе-сказуемом, а другая — при остальных членах предложения, выраженных именами и причастиями [Horn 1989: 449].

В индоевропейских языках дифференциация двух форм отрицания соответствует его разным функциям. Одна форма указывает на то, что объект характеризуется отсутствием определенных свойств; она употребляется при прилагательных, существительных и предикативах, которые обозначают соответствующее свойство. Она не употребляется при местоимениях (которые сами по себе не обозначают какое-либо качество, но лишь отсылают к обозначенному другими частями речи) и финитных глаголах. Другая форма отрицания употребляется со всеми частями речи; она служит для опровержения пресуппозиции и указывает на отсутствие свойства в конкретной ситуации (а не как на характерный признак объекта). Так, например, в греческом существовал предикатив ἀ-δύνατον ‘невозможно’, но могло использоваться и сочетание οὐ δύνατον с тем же значением — в контекстах, где отсутствие возможности обуславливалось конкретной ситуацией, ср. в 10-й Никейской оде Пиндара: ἀλλὰ χαλκὸν μυρίον οὐ δύνατὸν ἐξελέγειν — μακροτέρας γὰρ ἀριθμῆσαι σκολᾶς ‘но медь многочисленную невозможно исчислить — чтобы сосчитать, потребовалось бы больше труда’ (т. е. в какой-то другой ситуации исчислить было бы всё-таки возможно).

В славянских языках старое распределение не сохранилось, отрицание имеет только одну форму *ne(-)*. Тем не менее в древнерусском языке дифференциация двух разных функций отрицания, по-видимому, находит выражение в положении связки в составном сказуемом: в контекстах отрицания пресуппозиции и противопоставления её реальной — с точки зрения говорящего — ситуации отрицание помещается при связке, в остальных случаях — при смысловой части.

Использование позиции отрицания в составном сказуемом для выражения его разных функций характерно для литовского языка [Ambrasas & al. 1997: 669–670], в котором отрицание также выражается только продолжениями и.-е. *ne(-)*⁷. Можно предположить, что древнерусский язык отражает исконную ситуацию, затемненную в древнеболгарском тенденцией к обобщению позиции отрицания при связке, отчетливо проявившейся в перфекте. В древнерусском языке действовала противоположная тенденция — к употреблению отрицания при смысловой части; в перфекте она реализовалась еще более последовательно, чем противоположная тенденция в древнеболгарском: в этой форме сентенциальное отрицание в древнерусских летописях отмечено исключительно при смысловой части. В современном русском языке эта тенденция ощущается еще отчетливее, чем в древности: в составном сказуемом словопорядку с отрицанием при смысловой части отдается предпочтение даже там, где в древнерусском фиксируется отрицание при связке; ср. приведенные выше примеры и их переводы: **не бѣ то и еше досѣти** ‘и даже этого было недостаточно’ (предпочтительнее, чем ‘и даже этого не было недостаточно’), **и не бы(с) мочно никоу даже** ‘и было невозможно ниоткуда’ (предпочтительнее, чем ‘и не было возможно ниоткуда’).

Источники

Алексеев и др. 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 1998.

Займов, Капалдо 1982–1983 — *Займов Й., Капалдо М. Бѹпрастѣлски или Рѣтков сборник*. Т. 1–2. София, 1982–1983.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Юрьева 2017 — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

Литература

Аркадьев П. М. Взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке: ареальная и типологическая перспектива // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды

⁷ Как показал П. М. Аркадьев, в литовском отрицание используется аналогичным образом и в перфекте: оно располагается непосредственно перед связкой в отрицательных высказываниях, «в которых отсутствие некоторой ситуации в текущем мире дискурса противопоставляется возможным мирам, в которых эта ситуация имела место», в то время как предложения с отрицанием перед причастием «являются утвердительными высказываниями, сообщающими, что в мире дискурса наблюдаются результаты отсутствия ситуации, или характеризующими субъект предложения как обладающий свойством неучастия в соответствующей ситуации» [Аркадьев 2016: 134].

Института лингвистических исследований. Т. XII. ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта. СПб., 2016. С. 115–162.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Хабургаев Г. А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1978. № 4. С. 42–53.

Шаламова А. Н. Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (по материалам авторских томов) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 35–54.

Ambrazas V., Geniušienė E., Girdenis A., Sližienė N., Tekorienė D., Valeckienė A., Valiulytė E. Lithuanian Grammar / Ed. by V. Ambrazas. Vilnius, 1997.

Frisk H. Über den Gebrauch des Privativpräfixes im indogermanischen Adjektiv // Göteborgs Universitets Årsskrift. 47. 1941/II. S. 1–47 (= Frisk H. Kleine Schriften zur Indogermanistik und zur griechischen Wortkunde. Göteborg, 1966. S. 183–229).

Horn L. A Natural History of Negation. Stanford, 1989.

Kopečný & al. 1980 — Etymologický slovník slovanských jazyků. Sv. 2: spojky, částice, zájmenná adverbia / Sest. F. Kopečný, V. Šaur, V. Polák; Red. F. Kopečný (věd. red. B. Havránek). Praha, 1980.

Migdalski K. The Syntax of Compound Tenses in Slavic. Utrecht, 2006.

R. Večerka. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Bd. I. Die lineare Satzorganisation (Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. T. XXVII) / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Freiburg i Br., 1989.

Willis D. Negation in the history of the Slavonic languages // The History of negation in the Languages of Europe and the Mediterranean. Vol. I: Case studies / Ed. by D. Willis, Ch. Lucas, and A. Breitbarth. Oxford University Press, 2013. P. 341–398.

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

rusyaz@yandex.ru

NEGATION IN NON-VERBAL PREDICATES IN OLD RUSSIAN

The paper examines the position of negation in non-verbal clauses with an adjectival, nominal or adverbial predicate in Old Russian. The Old Bulgarian *Codex Suprasliensis*, Old Russian chronicles and birchbark letters were analyzed, Old Russian data being compared with those from Old Bulgarian. It is shown that in *Codex Suprasliensis*, negation occurs adjacent either to the copula or to the predicative expression; negation of the copula occurs marginally more frequently than that of the predicative expression. In Old Russian texts, negation tends strongly to be used in front of the predicative expression and occurs before the copula only in two cases: 1) if the context is influenced by Church Slavonic (in Bible quotations etc.) or 2) if the sentence asserts that the presupposition is

false and contrasts it to a true situation (from the speaker's point of view). Thus, in Old Russian the position of negation in non-verbal clauses depended on its function: if the speaker intended to affirm an absence of an attribute, the negation preceded the predicative expression; if he intended to deny the presupposition, the copula was negated.

Keywords: negation, non-verbal clauses, copula, Old Russian.

References

Ambrasaz V., Geniušienė E., Girdenis A., Sližienė N., Tekorienė D., Valeckienė A., Valiulytė E. *Lithuanian Grammar*. Ed. by V. Ambrasas. Vilnius, 1997.

Arkad'ev P. M. Vzaimodeystvie perfekta i otritsaniya v litovskom yazyke: areal'naya i tipologicheskaya perspektiva. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. XII. ch. 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 7: Tipologiya perfekta*. St. Petersburg., 2016. S. 115–162.

Etymologický slovník slovanských jazyků. Sv. 2: spojky, částice, zájmenná adverbia. Sest. F. Kopecny, V. Saur, V. Polak; Red. F. Kopecny (věd. red. B. Havránek). Praha, 1980.

Frisk H. Über den Gebrauch des Privativpräfixes im indogermanischen Adjektiv. *Göteborgs Universitets Årsskrift*. 47. 1941/II. S. 1–47 (= Frisk H. *Kleine Schriften zur Indogermanistik und zur griechischen Wortkunde*. Göteborg, 1966. S. 183–229).

Horn L. *A Natural History of Negation*. Stanford: CSLI Publications, 1989.

Khaburgaev G. A. Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavyanskikh analiticheskikh form v russkom yazyke. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 1978. №4. S. 42–53.

Migdalski K. *The Syntax of Compound Tenses in Slavic*. Utrecht, 2006.

Russkaya grammatika. T. II. Sintaksis. Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Moscow, 1980.

Shalamova A. N. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: problemy i rezul'taty (po materialam avtorskikh tomov). *Voprosy yazykoznaniiya*. 1997. №5. S. 35–54.

Večerka R. *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Bd. I. Die lineare Satzorganisation (Monumenta linguae Slaviae dialecti veteris. T. XXVII)*. Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Freiburg i Br.: U. W. Weiher, 1989.

Willis D. Negation in the history of the Slavonic languages. *The History of negation in the Languages of Europe and the Mediterranean. Vol. I: Case studies*. Ed. by D. Willis, Ch. Lucas, and A. Breitbarth. Oxford University Press, 2013. P. 341–398.

И. А. Подтергера

Славянский институт Гейдельбергского университета им. Рупрехта и Карла
(Гейдельберг, Германия)
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

**ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В РУССКО-ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ
«ЛАТИНСКИХ» КНИГ ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ
(на примере 1-ой книги Паралипоменон)**

В статье предлагается систематический анализ относительных конструкций в одной из «латинских» книг Геннадиевской библии, а именно в 1-й книге Паралипоменон. Цель статьи — выявить, какое место в системе относительных предложений данного конкретного переводного текста занимали предложения, вводимые релятивизатором *который* и находящиеся в постпозиции к определяемому имени. Этот аспект представляет особенный интерес для изучения «европеизации» синтаксиса русского литературного языка, поскольку постпозитивные относительные придаточные со склоняемым местоимением входят в число характерных особенностей языков так называемого средневропейского стандарта (*Standard Average European*, или *SAE*). При этом считается, что в западноевропейских стандартных языках относительные предложения современного типа развились под влиянием латинского языка.

В первой части статьи обсуждаются существующие на сегодняшний день гипотезы о происхождении в русском литературном языке относительных предложений общеевропейского типа (А. Исаченко, Г. Хюттль-Фольтер, В.М. Живов, Р. Майер). Далее предлагается подробный анализ относительных придаточных в 1-й книге Паралипоменон из Геннадиевской библии 1499 г. В центре внимания находятся при этом относительные предложения с релятивизаторами *иже*, *который*, *кой* и *что*. На основании полученных данных в заключительной части статьи делаются предварительные предположения о возможной роли латинского языка в истории европеизации русского письменного синтаксиса и о связи синтаксических «нововведений» с традициями языкового употребления в церковнославянских книжных текстах.

Ключевые слова: относительное подчинение, релятивизатор *который*, переводы с латинского, влияние церковнославянского, внутриславянский языковой контакт, европеизация синтаксиса.

История относительных предложений в русском языке — одна из наиболее актуальных тем современной исторической русистики. В последние годы она затрагивалась в работах И. Мендозы [Mendoza 2008], А. Мурелли [Murelli 2011: 297–369], О. В. Митрениной [Mitrenina 2012], Ф. Р. Минлоса [Minlos 2012], А. Даниленко [Danylenko 2014: 194–195; 2018: 375–377] и др. Особенный интерес в рамках предлагаемой статьи представляет, однако, исследование Р. Майера, вышедшее в 2017 г. в посвященном историческому синтаксису выпуске журнала «Language» [Meyer 2017]. Р. Майер датирует происхождение современных относительных предложений с местоимением *который* XVI–XVII вв. и объясняет их как результат внутриславянского языкового контакта, а именно влияния на русский язык польского через посредство «рутенского» языка, или простой мовы, как его обычно принято называть:

[... T]he career of *kotoryj* should [...] be ascribed to an (earlier) inner-Slavic situation of language contact, namely the influence of Polish on Russian during the time of the Polish-Lithuanian ‘Real Union’ (1569–1795). [...] The main route of borrowing, however, led through Ruthenian, the common historical predecessor of Belorussian and Ukrainian. In the seventeenth century, the so-called *prosta mova* ‘simple speech’, a variety based on the East Slavic vernacular with massive loans from Polish, had acquired the function of a written standard language in the Ruthenian territories. [...] The Ruthenian scribes enjoyed a high reputation in Moscow and exerted influence not only on Church Slavonic [...] but also on the Russian literary and chancellery language through their work for the central printing institution, the *pečatnyj dvor* [Meyer 2017: e106–e107].

The Russian relative pronoun *kotoryj* is an innovation based on the influence of West Slavic Polish on East Slavic varieties, spread into Russian via the layer of so-called ‘interference’ texts. This and other facts support the hypothesis of a contact-induced change to *kotoryj* in Russian relative clauses in the sixteenth/seventeenth century [Ibid.: e111].

Этим выводом Р. Майер опровергает утверждение А. Исаченко о том, что до конца XVII в. в русском языке якобы не было относительных предложений с местоимением *который* в постпозиции к вершине именной группы, т. е. к определяемому имени (к антецеденту) [Issatschenko 1983: 512–513]. Согласно А. Исаченко, до конца XVII в. по-русски невозможно было образовать предложения типа *Профессор, с которым ты переписывался, давно умер* [Ibid.: 513]. Примерам таких предложений, например, в Новгородской I летописи, А. Исаченко не придавал значения, очевидно, считая их слишком малочисленными и случайными [Ibid.]. По поводу основанного на анализе текстов вывода Р. Б. Кершиене о ведущем положении в старорусских памятниках XV–XVII вв. «определительны[х] предложени[и], присоединяемы[х] к главному местоимению *который*» [Кершиене 1973: 7], А. Исаченко замечал:

Allerdings unterscheidet sich die Verwendung des Pronomens *который* in der älteren Sprache ganz wesentlich von der heutigen. Zum einen steht das Pronomen in der Regel im Vordersatz (und hat deshalb die Bedeutung eher ‘derjenige, welcher’), zum

anderen wird in der Rechtssprache *который* mit dem Nomen zu einem Syntagma verbunden, wie etwa im Deutschen: ‘... eine Erklärung, *welche Erklärung* auch vorgelegt wurde’ [Issatschenko 1983: 513].

‘Тем не менее использование местоимения *который* в старорусском языке существенно отличается от сегодняшнего. Во-первых, местоимение, как правило, находится в предшествующем предложении (и потому, скорее, имеет значение ‘тот, кто/который’. Во-вторых, в языке права *который* связывается вместе с существительным в одну синтагму, как, например, в немецком языке: ‘... объяснение [деklarация?], *какое* [-вая?] бы объяснение [деklarация?] ни было [-ла?] представлено [-на]’.

Конструкция с постпозицией относительного предложения, вводимого относительным местоимением, согласующимся по роду и числу с определяемым именем в матричном (главном) предложении, по А. Исаченко, была знакома только церковнославянскому языку (с его относительным местоимением *иже*) [Ibid.: 512]:

Es muß noch einmal mit allem Nachdruck unterstrichen werden, daß die ostslavische Volkssprache keine echten Relativpronomina oder -adverbien kannte. Deshalb finden wir im ältesten Schrifttum der Dokumentation zunächst keine echten Relativsätze. [...] selbst im 17. Jh. [existierten] (außerhalb der Hochsprache) noch keine echten Relativsätze [...] [Ibid.: 512–513].

‘Еще раз следует категорически подчеркнуть, что народный восточнославянский язык не знал настоящих относительных местоимений или относительных местоименных наречий. Поэтому в древнейших деловых памятниках невозможно найти настоящих относительных предложений. [...] и даже в XVII в. настоящие относительные предложения все еще не существовали вне высокого языка. [...]’

Ошибочность этого утверждения А. Исаченко не вызывает сомнения. Так, еще в монографическом исследовании В. И. Троицкого об относительных предложениях в не книжных текстах, близких к живому разговорному языку, на большом числе примеров было показано, что относительные придаточные с местоимением *который*, «по своей структуре одинаковые с современными», были в XVI–XVII вв. уже достаточно распространенным явлением [Троицкий 1968: 200 и разбор примеров на стр. 145–147, 165–167, 170–171]. А. Исаченко не учитывал результатов этого исследования. (Здесь, однако, следует заметить, что второй том его «Истории русского языка» был сдан в печать после его смерти и представляет собой не законченную книгу, а лишь предварительные заметки автора.)

В 1980-е — 1990-е гг. тезис А. Исаченко развивала Герта Хютль-Фольтер, пытавшая доказать на анализе трех русских переводов с французского, что современные относительные предложения в русском языке получили распространение только в XVIII в. под влиянием французского языка [Хютль-Фольтер 1987: 280–284; Hüttl-Folter 1996: 35–71]. Несостоятельность выводов Г. Хютль-Фольтер иллюстрируется

в упомянутой выше статье Р. Майера, показавшего на основе статистического анализа, что экспансия употребления относительного местоимения *который*, согласованного с антецедентом, начинается примерно в XVII в. («we observe the expansion of *kotoryj* ‘which’ (in this function) roughly since the seventeenth century» [Meyer 2017: e106]). В выборке текстов из Вестей-Курантов за 1656–1665 гг. (тексты 0–24), по данным Р. Майера, из 262 постпозитивных относительных предложений в 212 в качестве маркера подчиненной относительной связи используется именно релятивизатор *который*: «In our sample of the Vesti-kyranty (i.e. No. 0–24 (1656–1665) [...], the relative marker *kotoryj* greatly predominates (212 of 262 relative clauses) [...]» [Ibid.].

Еще раньше В. М. Живов в статье-рецензии на книгу Г. Хютль-Фольтер [Hüttl-Folter 1996] оспорил выводы исследовательницы, обратив внимание на многочисленные примеры в текстах второй половины XVII в. предложений с относительным местоимением *который*, согласованным с определяемой именной группой [Живов 1997: 60–64]; см. также [Живов 2017: 963–969]. Главный упрек В. М. Живова к методам исследования Г. Хютль-Фольтер заключается в том, что, сделав вывод об относительных конструкциях как инновации XVIII в., исследовательница не учла языкового материала предыдущих эпох, при том что «оценить новизну проанализированных синтаксических конструкций можно лишь на фоне аналогичных данных для более ранних периодов (прежде всего XVII в.)» [Живов 1997: 61]. В. М. Живов исходит из того, что современные относительные предложения в русском языке как синтаксическая конструкция развились под влиянием церковнославянского языка, в котором они утвердились под влиянием греческого языка, при этом на русской почве в рамках существующей относительной конструкции произошла лексическая замена: церковнославянский релятивизатор *иже* был заменен на русский релятивизатор *который*¹:

Перелом [в XVIII в. — *И. П.*], видимо, и в самом деле имел место, и внешние [французские. — *И. П.*] образцы сыграли в нем определенную роль, однако вряд ли при этом стоит преуменьшать значение преемственности. Относительные союзы *иже*, *яже*, *еже* действительно перестают употребляться в текстах XVIII в., и их место занимает союз *который*, однако это по существу лексическая замена, не меняющая сама по себе синтаксического построения. При этом нет никаких оснований думать, что в данном изменении как-либо сказалось французское влияние [Там же: 61].

В статье 1986 г. В. М. Живов показал на примере перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения, как Софроний Лихуд (автор корректур, по В. М. Живову) русифицировал изначально более церковнославянизированный перевод Федора Поликарпова: среди прочих морфологических и синтаксических изменений Лихуд достаточно

¹ О влиянии церковнославянских относительных конструкций с *иже* на формирование современных конструкций с *который*, *кто*, *что* в конце 1960-х гг. писал еще В. И. Троицкий: «Под этим воздействием закрепляются, по-видимому, ставшие нормой в национальном литературном языке особенности порядка слов и положения придаточной части по отношению к поясняемому слову главной в сложном предложении с относительным местоимением *который*» [Троицкий 1968: 250].

последовательно заменил *иже* на *который*, оставив при этом саму конструкцию без изменений [Живов 1986: 253]. Замена релятивизатора *иже* на *который* в начале XVIII в. была одним из методов устранения признаков книжности и целенаправленного разрыва с церковнославянской традицией [Живов 2017: 964]. В вышедшей *posthum* книге В.М. Живова еще раз настоятельно подчеркивается преемственность кажущихся нововведений по отношению к предшествующей письменной традиции:

Относительное подчинение было широко представлено в синтаксисе книжных регистров письменного языка, входило в навыки книжного изложения, и трансформация этих навыков состояла лишь в том, что вместо одного относительного местоимения авторы новых текстов стали употреблять другое. Синтаксическое построение при этом никак существенно не изменилось [...] [Там же].

В содержательно и методически очень интересной статье Р. Майера, к сожалению, не учитываются работы В.М. Живова 1986 и 1997 гг. и его полемика с Г. Хютль-Фольтер. Объявляя относительные предложения современного типа инновацией XVII в., вошедшей в язык под польско-рутенским влиянием, Р. Майер допускает ошибку Г. Хютль-Фольтер: он не учитывает языкового материала предшествующих эпох. В статье Р. Майера не предлагается сравнения с текстами XV–XVI вв., несмотря на то что автор эксплицитно подчеркивает: «the fifteenth to seventeenth centuries was the decisive period of development toward the modern standard» [Meyer 2017: e105] и в заключительной части своего исследования делает вывод об изменениях в системе относительного подчинения, имевших место также уже в XVI в. (см. цитату выше). Статистические данные, с которыми Р. Майер сравнивает результаты своего исследования «Вестей-Курантов», основаны на анализе текстов, составивших 15-й и 16-й тома «Библиотеки литературы Древней Руси» [Ibid.: e107]. Однако оба тома содержат тексты XVII в. (даже если некоторые из этих текстов по содержанию относятся к XVI в.). Позволим себе перенести на выводы Р. Майера замечание, сделанное В.М. Живовым по поводу выводов Г. Хютль-Фольтер:

Это общее заключение, видимо, справедливо, однако, на наш взгляд, оно требует определенных уточнений. Уточнить следует, что именно было инновацией и какие именно инновативные черты обусловлены [польским. — И. П.] влиянием [Живов 1997: 61] (в связи с книгой Г. Хютль-Фольтер у Живова речь идет о французском влиянии).

Польское влияние на синтаксис русского литературного языка вне всяких сомнений имело место (см. подробно [Moser 1998]), и мы не оспариваем этого факта. Однако в случае с относительным подчинением оно заключалось, думается, не в том, что конструкция вместе с релятивизатором была заимствована из польского через посредство простой мовы, а в том, что польский и рутенский языки (проста мова) сыграли стабилизирующую роль в стандартизации этой конструкции в русском языке. При этом, по данным наших исследований, ни в коем случае нельзя считать относительные предложения с местоимением *который* в постпозиции к антецеденту инновацией XVII в.

Цель предлагаемой статьи — предложить обстоятельный анализ системы определительных относительных предложений в переведенной с латинского языка 1-й книге Паралипоменон из Геннадиевской библии 1499 г. Это позволит нам сделать новые наблюдения о развитии относительных конструкций с местоимением *который* до XVII в. и о роли в этом процессе внутриславянского языкового контакта, а также предложить ответ на вопрос, в чем могло проявляться влияние латинского языка на формирование синтаксиса русского литературного языка.

Относительное подчинение в Геннадиевской библии: постановка вопроса, источники

Еще Ф. И. Буслаев обращал внимание на частое употребление относительных предложений, вводимых местоимением *который* в Геннадиевской библии: «*Который*, в значении относительного местоимения, весьма употребительно уже в Библии 1499 г.» [Буслаев (1959)²1863: 529]. Г. Фрайдхоф в качестве одной из языковых особенностей Геннадиевской библии подчеркивал разнообразие релятивизаторов:

Neben dem Relativpronomen *иже*, *иже*, *еже*, das sehr häufig nicht mehr in der grammatischen Kongruenz gebraucht wird, und dem die Kongruenz wählenden Relativpronomen *который*, *-а*, *-а*, *-о* ist in GB bisweilen unter dem Einfluß der Umgangssprache das Relativum *что* in Nominativ und Akkusativ für alle Genera, vorzugsweise aber im Sg. gebräuchlich [Freidhof 1972: 140].

‘Наряду с относительным местоимением *иже*, *иже*, *еже*, которое очень часто употребляется грамматически несогласованно [с определяемым именем. — И. П.] и сохраняющим согласование относительным местоимением *который*, *-а*, *-а*, *-о*, в Геннадиевской библии под влиянием разговорного языка время от времени используется релятивизатор *что* в именительном и винительном падежах всех родов, однако преимущественно в единственном числе.’

Наблюдения Г. Фрайдхофа вызывают значительный интерес, тем не менее остаются открытыми вопросы о соотношении употребления различных определительных относительных местоимений в этом памятнике:

— Что значит *частое* несогласованное употребление церковнославянского *иже*: как часто оно имеет место и чем объясняется несогласованность определяемого и определяющего — ошибкой переводчика или писца, влиянием латинского оригинала или другими факторами?

— Что значит *наряду*: *который* употребляется так же часто, как *иже*, и в тех же самых конструкциях, т. е. может полностью заменять *иже*, или встречается всего несколько раз, но при этом чаще, чем *что*?

— Что значит использование релятивизатора *что* «время от времени»: в скольких случаях он употребляется и что это за конструкции?

— Используется ли в Геннадиевской библии также относительное местоимение *кои*? Этот вопрос тем более оправдан, что в качестве переводчика «латинских» книг предполагается хорват Вениамин [Ромодановская 2010].

Конечно, языковые исследования Геннадиевской библии значительно затрудняются тем фактом, что текст до сегодняшнего дня остается неизданным. Но, поскольку с латинского языка были переведены всего лишь несколько книг (см. перечень [Там же]), обстоятельный анализ конкретных языковых феноменов в этих книгах представляется вполне выполнимой задачей, особенно когда анализ проводится поэтапно, будучи сконцентрированным на отдельных книгах Библии.

В дальнейшем предлагается систематический обзор относительных конструкций, вводимых местоимениями-прилагательными *иже/которые/кои/что* в 1-й книге Паралипоменон. При этом мы следуем методике анализа, разработанной в книге Г. Хютль-Фольтер, адаптируя критерии классификации к языковым особенностям перевода с латыни. Сначала мы обратимся к вопросу о воспроизведении в славянском переводе синтаксических образцов латинского оригинала. Особный акцент будет при этом сделан на тип антецедента (именная группа без или с детерминантом, коррелятивное местоимение и др.) и на позицию относительного придаточного по отношению к матричному предложению: находится ли подчиненное предложение в препозиции, постпозиции или в интерпозиции и совпадает ли эта позиция с латинским оригиналом. В заключительной части в виде сводной таблицы будет представлена частота употребления для каждого относительного местоимения; кроме того, будет описана полная парадигма относительных местоимений проанализированного русско-церковнославянского переводного текста. Все это вместе позволит в полном объеме показать, как в области относительного подчинения латинский синтаксис оригинала проецировался на русско-церковнославянский языковой материал.

Источником предлагаемого исследования является текст Геннадиевской библии [ГБ] по рукописи ГИМ, Синод. собр. 915, представляющей собой «наиболее ранн[ую] сохранивш[уюся] полностью рукопись библейского кодекса», которая датируется 1499 г. [Горский, Невоструев 1855: 1–164; Ромодановская 2010]. Для выявления характерных именно для Геннадиевской библии переводческих решений и связанных с ними особенностей языкового употребления в ряде случаев проводилось сравнение с переводами соответствующих мест в Острожской библии 1581 г. [ОБ], Московской библии 1663 г. [МБ] и в Синодальной русской библии [СР].

Латинский текст Вульгаты цитируется по изданию «*Biblia sacra vulgata*», вышедшему в серии «*Sammlung Tusculum*» [Hieron. Vulg.]. Для сравнения привлекается учитывающее разночтения издание Бонифация Фишера «*Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem*» [Bibl. Vulg.]. Кроме того, в ряде случаев было необходимо сверить цитируемые места с латинским изданием Библии Антона Кобергера, вышедшим в Нюрнберге в 1487 г. Как известно, это издание среди прочего содержит комментарии к библейскому тексту Николая де Лиры — «*Biblia cum postillis Nicolai de Lyra*» [Bibl. c. post.]. Предполагается, что в Геннадиевском кружке как возможный источник перевода использовалось одно из нюрнбергских изданий Кобергера: или издание, вышедшее в 1485 г., или же издание 1487 г. [Ромодановская 2010].

Поскольку предметом исследования в настоящей статье является только 1-я книга Паралипоменон, при цитировании латинского источника в круглых скобках

делаются ссылки только на главу и на соответствующий стих — без указания книги. При цитировании других книг Библии перед главой и стихом называется также книга. Цитаты со славянским переводом сопровождаются указанием листа по рукописи Син. 915 (ГБ) или по изданиям ОБ и МБ.

Предложения с относительным местоимением *иже*

Относительные предложения, вводимые церковнославянским местоимением *иже*, являются наиболее частотными в переводе 1-й книги Паралипоменон: мы насчитали 155 таких предложения. Они представляют собой различные типы конструкций с точки зрения:

- (1) морфосинтаксиса, т.е. согласованности по роду и числу с определяемым именем (антецедентом), грамматической формы относительного местоимения и его синтаксической функции внутри придаточного предложения, а также
- (2) расположения относительного придаточного по отношению к матричному предложению: пре-, интер- или постпозиция внутри предложения.

Формы мужского рода

Большая часть относительных предложений с *иже* встречается в конструкциях с **именным антецедентом** мужского рода единственного и множественного числа именительного падежа, при этом на единственное число приходится 34 конструкции, на множественное — 32. В значительно меньшем количестве случаев формы относительного местоимения *иже* мужского рода употребляются в косвенных падежах: три раза в РП ед. ч., девять раз в ДП ед. ч., три раза в ВП ед. ч. и два раза в ВП мн. ч.

Образование конструкций **ИП** м. р. не доставляло сложностей переводчику. Даже в случаях, когда в латинском оригинале антецедент и определяющее его относительное местоимение имели иную грамматическую форму, это, как правило, не смущало переводчика:

- (1) и цѣтцова въ єго мѣсто сдѣлаъ ѡ роѡбоѡѣ. иже близъ амнемъ [*in marg.: рѣка*] поставленъ ѿ (f.236r) — et regnavit pro eo Saul de Rooboth quae iuxta amnem sita est (1:48);
- (2) и поразиша ѡстанкы иже ѡйти не моглоша ѡмалехитѡ (f.238v) — et percusserunt reliquias quae evadere potuerant (4:43);
- (3) и погребоша кости єго по дѣбѡ иже бѣ въ ѡдвесь (f.243r) — et sepelierunt ossa eorum subter quercum quae erat in Iabes (10:12);
- (4) И сниде дѣдъ и всакъ мѡжъ ѡла къ холмѡ кариат\ѡ/и\ѡ/римъ иже ѿ въ ѡудеи (f.245r) — et ascendit David et omnis vir Israhel ad collem Cariathiarim quae est in Iuda (13:6).

Особенно показателен пример (1): заканчивающееся на согласный название города согласуется в русско-церковнославянском переводе с определяющим относительным местоимением мужского рода, хотя в латинском тексте предикативное ядро в соответствующем относительном придаточном имеет форму женского рода. В ОБ и МБ топоним Ровводъ также употребляется в м. р.: и ѿрѣтова въ ѣго мѣсто саоуль ѿ ровѣда, ѿже блѣзъ рѣки (ОБ: f.185v; ср. МБ: f.151v). При этом очевидно, что переводчик ГБ одновременно стремился достаточно точно следовать латинскому оригиналу. Так, он заимствовал в перевод латинизм амнемъ (лат. ИП *amnis* — ВП *атнет*, ср. [Горский, Невоструев 1855: 47]), несмотря на то что заимствование не является именем собственным². (В ОБ и в МБ латинизм был переведен.) Однако таким образом можно было подчеркнуть, что референт топонима Ровводъ в данном случае отличен от референтов омонимичных топонимов, упоминаемых в других книгах Библии (см. лемму Ровводъ в [Библ. Энц. III: 160])³. Как латинское заимствование, так и адаптация морфосинтаксиса к русским языковым моделям свидетельствуют, скорее всего, об осознанных решениях переводчика.

В одном случае с точки зрения современных языковых представлений может показаться, что относительное придаточное не согласовано по числу с антецедентом:

- (5) Пойде въ іѡавъ и людѣ ѿже сѣи въ противъ сѣра къ ѡполченію (f.248v) — *perrexit ergo Ioab et populus qui cum eo erat contra Syrum ad proelium* (19:14).

Это подозрение усиливается за счет того, что в другом месте та же самая форма ѿже в относительной конструкции с глаголом *быти* согласуется во множественном числе:

- (6) Сѣтвори же сѣбѣ пакы дѣадемъ. плѣны же ѡрбисъ [*in marg.*: грѣскы] многы възалъ. людѣ же ѿже въхъ в ѿ немъ извелъ (f.249r) — *fecitque sibi inde diadema manubias quoque urbis plurimas tulit populum autem qui erat in ea eduxit* (20:2–3).

Однако можно назвать ряд причин, не позволяющих считать пример (5) ошибочным. Прежде всего, здесь невозможно полностью исключить влияние латинского оригинала: ед. ч. антецедента и определяющего его относительного предложения могло поддерживать осмысление собирательного имени *людие* в значении ‘народ’ как *люд*. Думается, скорее всего, мы здесь имеем дело с *constructio ad sensum*, которая, например, в латинском языке употреблялась часто именно с собирательными именами (см. [Menge ³2007: 329–332] и на примере переводов

² Г. Фрайдохф подчеркивает явную склонность переводчика ГБ к латинизмам [Freidhof 1972: 55]. А. В. Горский и К. И. Невоструев полагали, что стремление переводчика ГБ оставлять латинские лексемы без перевода следует связывать не обязательно с его недостаточными знаниями латинского языка, но, возможно, также с тем, что он хотел ‘придать своему переводу более достоинства [...]’. Такая привычка пестрить свою речь иностранными словами, и именно Латинскими [...], известна у писателей Польскихъ въ цветущее время ихъ словесности“ [Горский, Невоструев 1855: 48, прим.].

³ Как известно, при переводе Геннадиевской библии использовались различные справочные пособия, объясняющие библейские места. В число этих пособий входили как комментарии (постилы) к библейским книгам, так и толковый словарь Рейхлина [Ромодановская 2001; 2004; 2010]. Поэтому предположение, что переводчик в данном случае выяснил значение топонима, вполне оправданно.

Курбского [Bounatirou 2018: 385]). Лексема *люд* встречается, например, в текстах второй половины XVII в., связанных с именем Епифания Славинецкого. Так, в «Алфавитарь ради учения малых детей» был включен отрывок из речи Епифания, начинающейся евангельской цитатой: *Людъ съдѣаѣи въ тѣмъ видѣ свѣтъ вѣлѣи* (Мф 4:16) [Алф.: 280], см. [Подтергер 2015: 236–237]. В списках Евангелия, перевод которого также связывается с деятельностью Епифания Славинецкого, в этом же самом месте наблюдается показательное варьирование лексов вокабулы *люди*⁴: (1) *Людѣа съдѣаѣи въ тѣмъ видѣ свѣтъ вѣлѣи* [SlavynEv: Mt 4:16] vs. (2) *лѣдъ съдѣаѣи въ тѣмъ видѣ свѣтъ вѣлѣи* [SlavynNT: Mt 4:16]. При этом в обоих списках лексы употребляются в форме ед. ч. м. р., что следует из формы согласованного с ними причастия. Лексема *люд* была известна как южно-, так и западнославянским языкам [ЭССЯ 15: 194–200]. Кроме того, она была достаточно распространенной в восточнославянской письменности. В СлРЯ XI–XVII вв. [8: 341] она фиксируется с XVI в. Поиск в старорусском подкорпусе НКРЯ показывает, что она многократно встречается у Курбского: в «Истории о великом князе Московском», в Предисловии к «Диалектике» Иоанна Дамаскина и в Предисловии к «Новому маргариту». Она также зафиксирована у Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря» (XV в.), в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (XV в.), в «Казанской истории» (XVI в.) и др. Еще один любопытный пример обнаруживается в «Житии Александра Невского»: в редакции текста, составленной во второй половине XVII в., словоформа *людие* как вершина именной группы согласуется с относительным предложением в ед. ч., при этом с предикатом, включающим глагол *быти*: «По нѣколицѣхъ же днехъ обрѣтоша нѣцѣи людѣе, иже бѣ гараздо знающе его, честную его и святую главу» [ЖАН: 206]. Кроме того, следует учитывать широко распространенное в восточнославянской письменности с XIV в. использование аориста без согласования по числу [Успенский 2002: 220–225, 238–247; Bounatirou 2018: 523–527]. Таким образом, пример (5) не является грамматической аномалией, а находит объяснение с точки зрения языкового узуса, к которому он восходит.

В следующем случае нет оснований полагать, что переводчик образцовал в славянском тексте относительное предложение или, по крайней мере, относительное местоимение и тем самым якобы отступил от латинского оригинала:

- (7) *Семенѣ иже [sic!] сѣдѣ его рожени сѣтъ сѣве [...]* (f.252r) — *Semeiae autem filio eius nati sunt filii [...]* (26:6) — ср.: *Semeie aut[em] filio eius nati sunt filii [...]* [Bibl. c. post.: Bildnr. 886/f.441v].

Сравнение с латинским текстом показывает, что в славянском переводе здесь, несмотря на маркирование спиритусом начала нового слова, следует иначе проводить словораздел, а именно ⟨*Семенѣ же*⟩ в соответствии с ⟨*Semeiae autem*⟩. Избыточное ⟨и⟩ возникло, скорее всего, как результат слогового произношения *и* в конце слова (см. анализ подобных написаний в рукописи Курбского в [Bounatirou 2018: 117–118]).

⁴ Мы следуем различению терминов *лексема* — *вокабула* — *лекс*, принятому в [Bounatirou 2018: 24–26].

Предложение (8) также не содержит отступления от латинского источника, поскольку в издании Кобергера определение к имени *Аммиуд* также выражено относительным предложением:

- (8) [...] ла́аданъ. Сего же сѣъ амми́дъ иже рѣ́ элизама (f.231r) — [...] Laadan huius quoque filius Ammiud genuit Elisama (7:26) — ср.: [...] laadan. Huius q[u]o[-que] filius ammiud q[ui] genuit elizama [Bibl. c. post.: Bildnr. 865/f.431r; см. также разночтения в Bibl. Vulg.: 557].

В двух случаях в латинском источнике относительные предложения имеют целевое значение, которое в латинском языке передается сочетанием относительного местоимения с предикатом в конъюнктиве:

- (9) Поставѣи прѣ кивотѣ гнѣмъ ѿ левитѣ иже бы сѣдѣху и да поманѣтсѣ дѣла еѣго (f.246v) — *constituitque coram arca Domini de Levitis qui ministrarent et recordarentur operum eius* (16:4);
- (10) Сего ради дѣдъ и мастеръ [*in marg.* ето магистратѣ] воины ѿдѣиша въ сѣдѣхъ сѣвъ ѡсѡфѡвъ и еманъ и идидумъ. иже прѣрѣхѣху въ гѣсѣ и ѡсалтерѣ и кимбалѣ [...] (25:1) — *igitur David et magistratus exercitus secreverunt in ministerium filios Asaph et Heman et Idithun qui prophetarent in citharis et psalteriis et cymbalis* [...] (25:1; f.251v).

В примере (9) в славянском переводе целевое значение в первом случае передано формой глагола в сослагательном наклонении в относительной конструкции, во втором случае — юссивом с частицей *да* (см. целевые и оптативно-императивные конструкции с частицей *да* в [Успенский ³2002: 259–260; Пичхадзе 2010; Bounatirou 2018: 628–632]). Смена конструкции для передачи предиката *recordarentur*, надо думать, вызвана тем, что переводчик прочитал латинский отложительный глагол как пассивную форму. Тем не менее фразу *qui ministrarent* он передал с помощью относительной конструкции (о синонимии конструкций типа «чтобы они» и «которые бы» см. в грамматике латинского языка [Соболевский 1998: 272, § 940]). Поэтому в приводимой ниже статистике пример (9) также учитывается среди относительных предложений. В примере (10) целевое значение относительной конструкции передано формой настоящего-будущего времени. Такое употребление чистых презентных форм также засвидетельствовано в восточнославянской письменности — на примере оптативно-императивных конструкций [Пичхадзе 2010: 14–15; Bounatirou 2018: 629]. Однако оптативно-императивные конструкции могут также иметь целевое значение [Успенский ³2002: 259]. Мы исходим из того, что выбор формы настоящего-будущего времени в данном случае был осознанным и что переводчик передавал таким образом целевое значение латинского придаточного, оставаясь при этом в рамках относительного предложения. Поэтому данный случай также учтен в заключительной статистике среди относительных предложений.

От описанных явлений следует отличать другой языковой феномен, а именно относительное присоединение (*coniunctio relativa*, Relativischer Anschluss) [Hofmann,

Szantyr 1997: 569–572]. Его особенность заключается в том, что относительное местоимение выполняет функцию личного или указательного местоимения, при этом оно вводит не придаточное, а главное предложение:

- (11) Трѣ во тѣ посредѣ ѡбстоянїа филистимѣ поидоша и почерпаше водѣ ѡ кладѣза ведлема иже бѣ въ вратѣхъ и принесоша къ дѣдѣ да пїетъ. Иже не хоташе нѣ и паче лезнѣ тѣхъ гѣи гл҃юще. [...] (f.243v) — tres ergo isti per media castra Philistinorum perrexerunt et hauserunt aquam de cisterna Bethleem quae erat in porta et attulerunt ad David ut biberet qui noluit sed magis libavit illam Domino dicens [...] (11:18) — cp.: Tres ergo isti p[er] media castra philistinorum p[er]rexer[un]t et hauserunt aquam de cisterna bethleem q[uae] erat in porta et attulerunt ad D[avi]d ut biberet. Qui noluit s[ed] magis libavit illam d[omi]no dicens. [...] [Bibl. c. post.: Bildnr. 870/f.433v];
- (12) Кто во ѣ инѣи иже твои иже языкъ единый на земли ѡ которого проиде бѣ да избави и сътворитъ люди себѣ и величества своего и страшны изгонѣ родовъ ѡ лица его иже ѡ егѣпта избави (f.247v) — quis autem est alius ut populus tuus Israhel gens una in terra ad quam perrexit Deus ut liberaret et faceret quem de Aegypto liberarat (17:21). — cp.: Quis e[ni]m est alius ut p[o]pulus tuus isr[ahel] gens una in terra ad quam p[er]rexit deus ut liberaret et faceret p[o]p[u]l[u]m sibi: et magnitudine sua atq[ue] terrorib[us] ei[us] ceret nat[i]ones a facie eius quam de egypto liberaret: [...] [Bibl. c. post.: Bildnr. 878/f.437v].

В примере (11) референтом местоимения *иже/qui* в последнем предложении является упоминаемый в предыдущем предложении *Давид*. Однако при прочтении *иже/qui* как ‘который’ и при подчинении тем самым последнего предложения предыдущему значительно усложнится синтаксическая структура, что осложнит понимание текста из-за перенасыщения информацией, поскольку две самостоятельные коммуникативные единицы с собственным актуальным членением будут объединены в одну. Начало нового предложения в славянском переводе, как и в латинском издании Кобергера маркировано на уровне пунктуации и орфографии: после придаточной целевой конструкции *да пїетъ/ut biberet* поставлена точка, а следующее предложение начинается с большой буквы. Это неслучайное совпадение; известны также другие переводы с латинского языка, в которых переводчик следовал пунктуации латинского источника (см. на примере Курбского [Bounatirou 2018: 489–490]). Таким образом в славянских переводах одновременно сохранялась коммуникативная структура латинских предложений [Ibid.: 489]. Варианты перевода в Острожской и в Московской библии, исходящие из греческого источника, подтверждают тот факт, что с *qui noluit* начинается новая коммуникативная единица и что местоимение *qui* в данном случае больше не функционирует как относительное: И трѣ тїи проїдоша посредѣ ѡбстоянїа иноплемѣническа. и почрпаше водѣ ѡ кладѣза иже въ видлѣмѣ, иже бѣ въ вратѣхъ. и принесоша къ дѣдѣ да пїетъ. и не хоташе дѣдѣ пїти еѣ и возлѣ ю гѣи. И рѣ [...] [ОБ: f.190v]; cp. [МБ: f.156r]. В примере (12) местоимение *иже/quem/(quam)*

отсылает к имени людѣ/*populus* (в издании Кобергера к *gens/языкъ*, что не меняет смысла предложения). Однако антецедент отделяется от предполагаемого определения, которое должно быть выражено относительным предложением, тремя придаточными. Такое дистантное расположение делает относительную связь невозможной, поскольку не позволяет образовать именную группу с вершиной в матричном предложении и примыкающим к ней определением в виде относительного предложения. Дистантное расположение, таким образом, не допускает прямую постпозицию придаточного предложения. Примеры (11) и (12) мы не рассматриваем как примеры относительных предложений. Это так же касается употребления местоимения *иже* в м. р. мн. ч. еще в двух стихах 1-й книги Паралипоменон: 19:2 (f.248r) и 19:5 (f.248v). И в этих случаях мы имеем дело с относительным присоединением.

Формы **косвенных падежей** м. р. относительного местоимения *иже*, как было показано выше, встречаются значительно реже. Из трех словоформ в **РП** ед. ч. две имеют посессивное значение и соответствуют в латинском источнике местоимению *cuius*, а одна используется в конструкции с предлогом *от* как эквивалент латинской предложной группы *ex quo*:

- (13) Но и сѣи ѿмре и цѣрѣова въ єго мѣсто ададъ. єгоже града ѿма бѣ фадъ (f.236rv) — sed et hic mortuus est et regnavit pro eo Adad cuius urbis fuit nomen Phou (1:50);
- (14) сѣи же Соломонъ робоамъ: єгоже абѣа сѣи роди аса (f.237v) — filius autem Salomonis Roboam cuius Abia filius genuit Asa (3:10);
- (15) [...] іораи роди ѿіа: ѿ негоже роженъ є іоасъ (f.237v) — [...] Ioram genuit Ohoziam ex quo ortus est Ioas (3:11).

Важно заметить, что пример (15) представляет собой один из редких случаев (а для мужского рода даже единственный) употребления формы относительного местоимения *иже* в предложной группе.

Конструкции, в которых используется **ДП** местоимения *иже* м. р. ед. ч., передают три значения: посессивное, характеризующее и объектное:

- (16) Сѣи же ананіи фалтіасъ ѿць єсені. ємѣже сѣи рафанъ. томѣ же сѣи арнавѣ: ѿ которого родиса абѣа: ємѣже сѣи бѣ сехеніа. сѣи сехеніи: семена: ємѣже сѣи аттѣсъ и єгидалъ и варіа и нааріа. и сафатъ и сеса шесть числѣ. (f.237v) — filius autem Ananiae Phaltias pater Ieseiae cuius filius Raphaia huius quoque filius Arnam de quo natus est Obdia cuius filius fuit Sechenia filius Secheniae Semeia cuius filii Attus et Iegal et Baria et Naaria et Saphat sex numero. (3:21–22) — Filius autem ananie phaltias pater hieseie: cuius filius raphaia. Huius q[uoque] filius aruau: de quo natus est obdia: cuius filius fuit sechenias. Filius sechenie: semeia: cuius filii Attus et egiaal et baria et naaria et saphat et sesa sex numero. (3:21–22);
- (17) И тои порази мѣжа єгѣптанина ємѣже възрѣстѣ въ пѣ ласѣ: (f.243v) — et ipse percussit virum aegyptium cuius statura erat quinque cubitorum (11:23);
- (18) И сѣтвори вса и сѣиже домъ ємѣже расхѣ ѿготовѣ. (f.255r) — et faciat universa et aedificet aedem cuius impensas paravi (29:19).

В примере (16) зафиксированы сразу три посессивных относительных придаточных, вводимых согласно церковнославянской традиции словоформой ѿмѣже (в дательном притяжательном), которая передает латинское относительное местоимение *cuius* в РП в посессивном значении. В двух придаточных выпущена при этом связка *est* (об эллипсисе связки в латинском языке см. [Hofmann, Szantyt 1997: 419–421]; и особенно [Stotz 1998: IV, 375–377, § 94.1–5]), что также нашло отражение в славянском переводе. Показательно следование переводчика пунктуации латинского издания: относительные предложения как новые коммуникативные сегменты маркируются двоеточием. Вводимые формой ѿмѣже посессивные относительные придаточные встречаются по меньшей мере еще четыре раза: 1:34 (f.236r), 8:37 (f.241v), 20:5 (f.249r) и 26:25 (f.252v); в последнем также выпущена связка. В примерах (17) и (18) дательный падеж ѿмѣже вновь соответствует относительному местоимению *cuius*, и конструкции с дательным падежом передают характеризующее (17) и объектное (18) значение.

ВП представлен как единственным, так и множественным числом. При этом, если формы РП и ДП м. р. образовывались согласно церковнославянскому стандарту, в формах ВП ед. ч. есть отклонения от стандарта, которые, однако, находят объяснение в языковом узусе. В двух случаях в славянском переводе с именем мужского рода согласовано относительное местоимение в форме ѿже. В латинском оригинале в соответствующих местах и антецедент, и местоимение имеют форму ж. р. ВП:

- (19) вѣдомѣ ѿже създа Соломонѣ (f.229r) — in domo quam aedificavit Salomon in Hierusalem (6:10) и
 (20) по всѣмъ ѿже писана сѣтъ вѣ законѣ гнѣмъ ѿже повелѣтъ ѿлю (f.246v) — [...] iuxta omnia quae scripta sunt in lege Domini quam praecepit Israheli (16:40).

В русско-церковнославянском переводе в ВП ж. р. ожидалась бы форма ѿже, поэтому в данных случаях невозможно с уверенностью исходить из влияния латинского оригинала: ѿже грамматически не соответствует *quam*. Одновременно мы, конечно, не можем исключить того, что выбор местоимения женского рода все же был результатом механического перевода с латинского языка. Тем не менее по многочисленным примерам из других восточнославянских памятников XV–XVII вв. известно, что независимое от рода употребление форм ѿже, еже, ѿже было характерной особенностью языкового узуса того времени [Троицкий 1968: 203–251; Keipert 1968: 210–212; Bounatirou 2018: 385–386]. О том, что переводчик был в состоянии согласовывать эти лексемы по роду, свидетельствуют следующие примеры (при этом в примере (21) относительное местоимение, как и в примере (19), употребляется в форме ВП, но ВП = РП):

- (21) Домъ же ѿгоже съзидати хощѣтъ таковоѣ имѣти быти [...] (f.250r) — domus autem quam aedificari volo Domino talis esse debet [...] (22:5);
 (22) Да въведѣтся кивѣмъ мирныи [in marg.: заветѣ] ѿ създѣны гнѣмъ ѿсѣнены вѣ домъ ѿже съзидѣтся имени гнѣмъ (f.250v) — [...] ut introducatur arca foederis Domini et vasa Domini consecrata in domum quae aedificatur nomini Domini (22:19); и др.

Лексема *закон* согласуется с м. р. в сочетании в| *законѣ моѣ* (f.258v) — *in lege mea* (2 Пар 16:6) и в примыкающем относительном предложении:

- (23) *тои ѣздѣа възшелъ ѿ вавилонѣ и тои писецъ скорѣ въ| законѣ мѡѡсеѡвѣ иже гѣ бѣ далъ иѡю.* (f.287v) — *ipse Ezras ascendit de Babylone et ipse scriba velox in lege Mosi quam dedit Dominus Deus Israhel* (1 Езд 7:6).

С этой точки зрения выбор *иже* для ВП м. р. ед. ч. вполне можно считать осознанным: надо думать, что форма *иже* была альтернативной формам *егоже* и *иже*, представленным примерами (21) и (23). Выбор в примере (21) формы *егоже* (ВП = РП) вместо ожидаемой формы *иже* для ВП м. р. ед. ч., как в примере (23), объясняется, скорее всего, расширением категории одушевленности в том числе под влиянием живого разговорного языка, предпочитавшего форму ВП = РП [Keipert 1968: 211, 253, 265–270; Крысько 1994].

Одно из двух относительных местоимений м. р. мн. ч. ВП примыкает к одушевленному существительному и соответственно имеет форму *ихже*, т. е. ВП = РП (15:2, f.245v). Эта форма, кстати, также зафиксирована в приведенном выше примере (12); во втором случае придаточное предложение относится к неодушевленному antecedенту и вводится относительным местоимением в форме *иже* (ВП = ИП) — 23:5 (f.250v):

- (24) *Не подобно ѣ да ѿ всякого же носится кивотъ вѣи токмо ѿ левитъ ихже избра гѣ к|ношенію его и къ слѣженію себѣ даже въ|вѣки.* (f.245v) — *illicitum est ut a quocumque portetur arca Dei nisi a Levitis quos elegit Dominus ad portandum eam et ad ministrandum sibi usque in aeternum* (15:2);
- (25) [...] *Паки ꙗѡѡ двѣрниковъ и толко псалтєсъ поющіи гѣи въ ѡрганы иже сътвори къ гѣнїю* (f.250v) — *porro quattuor milia ianitores et totidem psaltae canentes Domino in organis quae fecerat ad canendum* (23:5).

Для выбора формы *иже* в примере (25) возможны два объяснения. Можно предположить, что *иже* в данном случае употребляется как неизменяемое относительное местоимение, что было характерно для языкового узуса того времени [Keipert 1968: 211; Bounatirou 2018: 385–386]. Однако показательно, что форма *иже* в данном стиле сохранена также в Острожской и в Московской библиях [ОБ: f.195v; МБ: f.160r]. Это свидетельствует о том, что она воспринималась как ожидаемая в данном случае. Поэтому здесь, скорее, следует принимать во внимание параллельный процесс синкретизма ИП и ВП в парадигме мужского рода в живом народном языке.

В ряде случаев *антецедент* выражается *местоимением*. Так, в ИП ед. ч. м. р. в качестве определяемого трижды выступает личное местоимение 1-го л. (*азъ/ego*, все три раза: f.249v, 21:17) и один раз — 2-го л. (*ты/tu*: f.243r, 11:2). Как местоимение 3-го лица дважды используются формы анафорического *j*-местоимения, которым в латинском тексте соответствуют формы местоимения *is*: *ѡ него иже преже тебе бѣ.* (f.247v) = *ab eo qui ante te fuit* (17:13) и *что ѡвѣщаѣ ѣмѣ иже посла ма.* (f.249v) = *quid respondeam ei qui misit me* (21:12). Один раз коррелятом относительного местоимения является указательное местоимение *тои*: *Тои ѣ иже сѣиєство сотвориъ ѣсть въ| домѣ*

[...] (f.239r) = ipse est qui sacerdotio functus est in domo [...] (6:10). Во всех этих случаях ИП относительного местоимения выражается формой *иже*.

В ИП мн. ч. м. р. относительное местоимение *иже* коррелирует с формами *выи* и *тѣ*. Первым в латинском тексте соответствуют *universi* (f.239r, 5:20) и *omnes* (f.244r, 12:15); последним — формы указательных местоимений *hic* (f.240r, 6:66 и f.244r, 12:1) и *iste* (f.244r, 12:15). Один раз в качестве коррелята выступает анафорическое *j*-местоимение как соответствие форме латинского *is*: *имѣна ѿ иже родишѣ въз ѿѣрлимѣ*. (f.245r) = et haec nomina eorum, qui nati sunt ei in Hierusalem (14:4).

Форма **ВП** мн. ч. м. р. местоимения *иже* с коррелятом *тѣ* нам встретилась только один раз: *тѣ ѡбо прїидоша ѿхже выше ѡписахѣ имѣнѣ* (f.238v) = *hii ergo venerunt quos supra descripsimus nominatim* (4:41). Поскольку референт указательного местоимения одушевленный, относительное местоимение имеет форму ВП = РП. Еще один раз в качестве коррелята выступает местоимение *весь*:

- (26) *Гѣи нѣ пѡбен тѣбѣ: ѿ нѣ бѣ развѣ тѣбѣ ѡ всѣ ѿхже слышахѣ ѡшима нашими*. (f.247v) — Domine non est similis tui et non est alius deus absque te ex omnibus quos audivimus auribus nostris. (17:20).

Форму *ѿхже* в примере (26) мы рассматриваем как м. р. мн. ч., исходя из латинского текста, в котором относительное местоимение однозначно употреблено в форме м. р. В таком случае в форме *ѿхже* следует видеть одушевленную форму мн. ч. ВП = РП. Однако для славянского перевода возможна еще одна интерпретация, а именно, что *ѿхже* — это управляемый предикатом слышати РП ср. р. мн. ч. По смыслу здесь скорее ожидается именно ср. р. со значением ‘из всего, что мы слышали’, а не одушевленная конструкция ‘от всех, [от] которых мы слышали’. Показательна в этой связи правка в Острожской и Московской библиях [ОБ: f.193v; МБ: f.158v], в которых *ѿхже* было заменено на универсальную форму *иже*, нивелирующую значение одушевленности в ВП.

Формы женского рода

Формы местоимения *иже* в женском роде в 1-й книге Паралипоменон, по нашим подсчетам, встречаются всего 15 раз. Во всех случаях они примыкают к именному antecedенту.

ИП ед. ч. ж. р. употребляется десять раз, при этом в четырех случаях относительное местоимение имеет форму *ѿже*, а в шести случаях — *иже*:

- (27) *начинаѣ первая книга двѣреѡминѣ. ѿ ѣ паралипоменѡ: иже мѣ глѣти* [*in marg.*: *можѣ*] *слова дѣи*: (f.235v) — Incipit liber Dabreiamin id est Verba dierum qui Graece dicitur Paralipomenon [*var. lect.*: liber primus paralipomenon hebraice dibre haiaimim] [Bibl. Vulg.: 547] — Incipit primus liber dabreiamin. i.[d est] p[ar]alypomenon. [Bibl. с. post.: Bildnr. 850/f.423v];
- (28) *Пакы дѣдѣ на чѣ ѡрѣ сїѡнѣ: ѿже ѣ грѣ дѣдовѣ*. (f.243r) — porro David cepit arcem Sion quae est civitas David (11:5);

- (29) $\epsilon\gamma\delta\alpha$ $\mu\epsilon\tau\alpha$ $\beta\epsilon\iota$ $\lambda\acute{\upsilon}\beta\alpha$: $\text{Pr}\acute{\iota}\alpha\tau\zeta$ $\eta\eta\delta$ $\kappa\alpha\lambda\epsilon\upsilon\zeta$ $\epsilon\phi\text{r}\alpha\tau\alpha$: $\iota\alpha\eta\epsilon$ $\rho\omicron\delta\iota$ $\epsilon\mu\delta$ $\gamma\delta\text{r}\zeta$. (f.236v) — cumque mortua fuisset Azuba accepit uxorem Chaleb Ephrath quae peperit ei Ur (2:19);
- (30) $\text{Pos}\epsilon$ $\eta\epsilon$ $\nu\eta\iota\delta\epsilon$ $\epsilon\sigma\text{r}\omicron\mu\zeta$ $\kappa\tau\zeta$ $\delta\iota\text{t}\epsilon\text{r}\eta$ $\mu\alpha\chi\iota\text{r}\omicron\upsilon\epsilon\tau$ $\omega\iota\tau\alpha$ $\gamma\alpha\lambda\alpha\acute{\alpha}\delta\zeta$ η $\text{pr}\acute{\iota}\alpha\tau\zeta$ $\epsilon\alpha$. $\epsilon\gamma\delta\alpha$ $\beta\epsilon\iota$ $\lambda\epsilon\beta$ $\cdot\zeta\epsilon$: $\iota\alpha\eta\epsilon$ $\rho\omicron\delta\iota$ $\epsilon\mu\delta$ $\sigma\epsilon\gamma\delta\upsilon\beta\zeta$: (f.236v) — post haec ingressus est Esrom ad filiam Machir patris Galaad et accepit eam cum esset annorum sexaginta quae peperit ei Segub (2:21);
- (31) $\epsilon\gamma\delta\alpha$ $\eta\epsilon$ $\lambda\mu\epsilon\text{r}\alpha\zeta$ $\beta\epsilon\iota$ $\epsilon\sigma\text{r}\omicron\mu\zeta$: $\nu\eta\epsilon\lambda\zeta$ ϵ $\kappa\alpha\lambda\epsilon\upsilon\zeta$ $\kappa\tau\zeta$ $\epsilon\phi\text{r}\alpha\tau\epsilon\text{r}$. $\eta\mu\epsilon\lambda\zeta$ $\eta\epsilon$ $\epsilon\sigma\text{r}\omicron$ $\eta\eta\delta$ $\lambda\beta\iota\omicron$ $\eta\eta\epsilon$ $\rho\omicron\delta\iota$ $\epsilon\mu\delta$ $\lambda\sigma\sigma\delta\text{r}\zeta$ $\omega\iota\tau\alpha$ $\text{t}\epsilon\chi\delta\epsilon$. (f.236v) — cum autem mortuus esset Esrom ingressus est Chaleb ad Ephrath habuit quoque Esrom uxorem Abia quae peperit ei Assur patrem Thecue (2:24).

В примере (27) выражение *иже* есть соответствует латинскому сложному союзу *id est*, которым вводится пояснительная конструкция (о статусе лат. *id est* и его славянских соответствий см. [Bounatirou 2018: 637–638]). В латинском источнике связь сочинительная. Однако славянский переводчик перевел сочинительную конструкцию подчинительной (относительным предложением), согласовав местоимение по роду с предшествующим ему именем. Это та же конструкция, что в примере (28). Такой перевод вполне возможен, поскольку обе конструкции близки по смыслу. В 1-й книге Паралипоменон пояснительный оборот *id est*, помимо заглавия, зафиксирован четыре раза: 9:24, 20:6, 24:3 и 26:10; в славянском переводе он трижды передается как *иже есть* (f.242r, 249r, 252r) и один раз как *еже есть* (f.251r). При этом ни в одном из этих случаев нет согласования по роду с предшествующей именной фразой. Таким образом у нас есть все основания рассматривать славянскую версию примера (27) как относительную конструкцию.

В примере (30) мы снова сталкиваемся с относительным присоединением, как в примерах (11) и (12). Из-за дистантного расположения невозможно образовать именную группу с вершиной *ѡа* или *дщєрь*. Местоимение, которым начинается последнее предложение, функционирует не как относительное, а как личное местоимение 3-го лица. Эта семантика находит подтверждение в Острожской и в Московской библиях, в которых данный стих переведен с греческого, при этом последнее предложение здесь не является подчинительным: *и роди ѡмδ γεγδѡа*. [ОБ: f.285v]; ср. [МБ: f.352r]. Поэтому в заключительной сводной таблице пример (30) учитывается не среди относительных предложений, а в рубрике *coniunctio relativa*.

Примеры (29) и (31) иллюстрируют вариативность форм местоимения *иже* ж. р. ед. ч. ИП в рамках одной и той же конструкции с одинаковой семантикой, что свидетельствует о синонимии этих форм: они могли заменять друг друга. При этом показательно, что примеров с *иже* больше, чем примеров с *иже*, даже если количественные данные не позволяют делать каких-либо выводов о преимущественном употреблении одной из форм. Так, *иже* в форме ИП ж. р. ед. ч., помимо упомянутых примеров, встречается также в стихах 2:26 (f.236v), 2:29 (f.237r), 2:35 (f.237r), 5:10 (f.238v) и 7:24 (f.241r). Многие из относительных предложений с *иже* при антецеденте ж. р. также вошли в ОБ и МБ, например: *И бѣ женѡ ѡнаѡрамѡѡлѡ ѡменѡмъ ѡтѡра, иже вѡѡтъ мѡти ѡуѡмла*. [ОБ: f.285v]; ср. [МБ: f.352r] и [ГБ: f.236v] — duxit

quoque uxorem alteram Hieramehel nomine Atara quae fuit mater Onam (2:26) или *ѿ ѿма женѣ ѿвѣѣръ ѿвѣгѣа, ѿже родѣ ѿмѣ ѿсвѣа, ѿ модѣдѣа*. [ОБ: f.285v; ср. МБ: f.352r и ГБ: f.237r] — nomen vero uxoris Abisur Abiail quae reperit Ahobban et Molid (2:29). Кайперт указывает на такое же употребление *ѿже* в ж. р. во «Временнике» Ивана Тимофеева [Keipert 1968: 210–211].

Кроме того, форма *ѿже* в ж. р. может иметь значение **ИП мн. ч.** и **ВП мн. ч.** Мы обнаружили два примера на ИП (27:28, f.253v и 27:29, f.253v) и один пример на ВП (22:13, f.250r). Эти примеры также находят параллели в русско-церковнославянской письменности [Ibid.: 211]. В **ВП ед. ч.** может употребляться как ожидаемая форма *ѿже* (4:18, f.238r), так и форма *ѿже* (10:13, f.243r). Однако следует заметить, что *ѿже* используется как соответствие латинскому *quod*, т. е. относительному местоимению ср. р.:

- (32) *Оумре ѿво саѣлаз. ради безаконїи свой: про то ѿ престѣпиль єѣ заповѣдь г҃ню ѿже повелѣ [...]* (f.243r) — mortuus est ergo Saul propter iniquitates suas eo quod praevaricatus sit mandatum Domini quod praeceperat [...] (10:13).

Возникает вопрос, не это ли было причиной выбора переводчиком именно формы *ѿже*, тем более что *ѿже* как соответствие *quod* в том же предложении встречается в сложном союзе *про то ѿже* (*eo quod*). Ответить на этот вопрос на данном этапе исследования невозможно, поскольку мы пока не располагаем другими примерами таких соответствий.

Кроме того, обращает на себя внимание *ѿже* как относительное местоимение в примере (27). Нет сомнений в том, что в рамках относительного придаточного оно выполняет функцию объекта и имеет форму ВП ед. ч. Однако возникает вопрос, к какому antecedенту оно относится: к *книга*, к *давренѣмьни* или к *паралипомѣнѣ*. Возможно, сразу к трем, что, предположительно, и объясняет выбор *ѿже* как универсального относительного местоимения. Но также есть основания полагать, что *ѿже* относится только к *книге*, т. е. ‘книга [...], которую мы можем называть [...]’. Поскольку это предположение обосновано как синтаксически, так и семантически, мы считаем *ѿже* также одной из возможных форм для передачи значения ВП ж. р. ед. ч., там более что, как уже упоминалось выше и как будет показано в дальнейшем, *ѿже* могло использоваться как несклоняемое местоимение.

Формы среднего рода

Достаточно пестрая картина наблюдается в парадигме среднего рода.

В **ИП** единственное число представлено только двумя примерами, и оба они вводятся формой *ѿже*: 15:12 (f.245v) и 16:39 (f.247r). Употребление *ѿже* вместо *ѿже* (точнее *ѿже*) в значении ср. р. ед. ч. ИП имело место уже в памятниках древнецерковнославянской письменности [Vondrák 1912: 623]. Во мн. ч. из семи бесспорных случаев, определяемых как ИП, только один раз используется форма *ѿже* — при местоименном antecedенте *всѣ* (f.246v) в соответствии с латинской коррелятивной конструкцией *omnia quae* (16:32). В шести случаях ИП ср. р. мн. ч. передается

формой иже: трижды с именным антецедентом (8:6, f.241r; 27:25, f.253v; 29:30, f.255r) и трижды в коррелятивных конструкциях: по всѣмъ иже писана сѣтъ въ законѣ гнѣхъ (f.247r) — *iuxta omnia quae scripta sunt in lege Domini* (16:40); Всѣмъ иже въ срѣдѣ твоѣ сѣтъ сътвори. (f.247r) — *omnia quae in corde tuo sunt fac* (17:2); Всѣмъ иже на нбси сѣтъ (f.254v) — *cuncta enim quae in caelo sunt* (29:11).

Еще один случай требует специального комментария в более широком контексте:

- (33) Поставлени бо сѣтъ жребїи ѿ которого: и малыѣ и великыѣ по семьямъ своимъ на едины коаже врата. Падѣ вѣмъ жребїи възсточныи селемїе. Паки Захарїи снѣ его мѣждѣ премѣдрѣишѣ и ѿченѣ до паластра на сѣвернаа. Въведѣдомѣ бо и снѣмъ его къ югѣ въ которонъ части дѣ въ старцѣ совѣтомъ: сѣфима и госа къ западѣ близъ вратъ иже ведѣ къ пѣти възношенїа: (f.252v) — *Miss[a]e sunt ergo sortes ex [a]lequo: et parvis et magnis per familias suas in unamquamque portarum. Cecidit ergo sors orientalis selemi[a]e. Porro zachari[a]e filio eius viro prudentissimo et erudito [sortito] obtigit plaga septentrionalis. Obededom v[er]o et filiis eius ad austrum in qua p[ar]te domus erat seniorum concilium: sephima et hosa ad occidentem iuxta portam q[u]ae ducit ad viam ascensionis: [Bibl. c. post.: Bildnr. 886/f.441v (26:13–16)].*

Ср.: Поста́влены бо сѣтъ жребїи ко́ждо ихъ, малы́хъ и вели́кихъ, по семья́хъ своихъ, на еди́ны коа́ждо врата. Падѣ же жребїи възсточныи селемїю. Захарїю же снѣ его мѣждѣ премѣдрѣишѣ. падѣ жребїи страны сѣверныа. Авдѣдомѣ же и снѣмъ его къ югѣ противѣ домѣ сѣвима втораго. Седимѣ и асѣю, къ западѣ, близъ вратъ иже ведѣтъ къ пѣти възхоженїа [ОБ: f.196v];

Ср.: Поста́влены бо сѣтъ жребїи ко́ждо ихъ, малы́хъ и вели́кихъ, по семья́хъ своихъ, на еди́ны коа́ждо врата. Падѣ же жребїи възсточныи селемїю. Захарїю же снѣ его мѣждѣ премѣдрѣишѣ, падѣ жребїи страны сѣверныа. Авдѣдомѣ же и снѣмъ его къ югѣ, противѣ домѣ сѣвима втораго. Седимѣ и асѣю, къ западѣ, близъ вратъ иже ведѣтъ къ пѣти възхоженїа [МБ: f.161r].

Принимая во внимание, что иже может употребляться безотносительно рода и числа, т. е. как универсальное относительное местоимение, фактически как маркер книжности, пример (33) вряд ли следует рассматривать как случай несогласованного употребления относительного местоимения. Исходя из формы мн. ч. антецедента, можно было бы интерпретировать иже в этом примере также как форму мн. ч. Однако обращает на себя внимание единственное число предиката, воспроизводящее ед. ч. предиката латинского текста, в котором, тем не менее, и антецедент имеет форму ед. ч. Здесь можно усматривать результат механического переноса конструкций исходного языка в целевой. Однако обращение к контексту заставляет считаться с возможностью, что в данном случае мы, как и в примере (6), снова имеем дело с *constructio ad sensum* (см. выше). Единственным числом предиката, как мы полагаем, подчеркивалось, что имеются в виду только одни из четырех «ворот», на которые был брошен жребий (на едины коаже врата), т. е. одна из четырех частей света, или также *ворота* в значение ‘дверь’. Такое осмысление кажется тем более вероятным, что, например, в предыдущем стихе речь идет

об одной части света, при этом в комментариях Николая де Лиры, которыми сопровождается библейский текст в нюрнбергском издании Антона Кобергера, предлагается специальное объяснение к этой части света. Намеренность выбора единственного числа предиката подтверждается, кроме того, передачей этих же стихов в Острожской и Московской библиях (см. цитаты): несмотря на явные корректуры, внесенные в текст особенно ОБ, относительное предложение в последнем стихе осталось без изменений — следовательно, его понимание не вызывало затруднений при подготовке текста к изданию. Наконец, еще один веский аргумент из языкового узуса второй половины XVI в.: князь Курбский, используя лексему *врата* как соответствие латинской лексеме *porta*, согласует ее с анафорическим *j*-местоимением в ед. ч.: *ибо не неподобно емоу было чрез заключенные врата проити, и еи не наруушити печати* = *Non enim impossibile illi erat, per clausam portam transire, et illius non laedere signacula* [Dg. 134b: 19–20, S. 536–537]. Скорее всего, за этим стоит представление о *вратах* как о двери, что находит подтверждение в переводе лексемы *porta* как *дверь* в [Dg. 28a26, 145a13, 159b2]⁵. На основании этих данных и по аналогии с примером (6) мы относим форму *иже* в примере (33) семантически к единственному числу.

ВП ед. ч. ср. р. представлен формами *еже*, *ѡже* и *иже*. Форма *еже* встречается три раза: один раз с антецедентом *ратице* (11:23, f.243r) и два раза с антецедентом *слово* (13:2, f.245r и 21:19, f.249v). Еще в одном случае *еже* употребляется в предложной группе и потому имеет форму *въ неже* (точнее *в'нѣ*); этой формой определяется существительное *время* (17:5, f.247r). Это второй и последний случай использования местоимения *иже* в предложной группе в 1-й книге Паралипоменон (ср. пример 15). Форма *ѡже* в значении ср. р. ед. ч. ВП встретилась три раза, при этом дважды антецедентом выступает именная группа *слово Господне* (11:3, f.243r и 11:10, f.243r) и один раз — *мѣсто* (15:3, f.245v). Во всех этих случаях *ѡже* перешло в Острожскую библию [ОБ: ff.190r, 190v, 192r], но дважды было откорректировано в Московской библии [МБ: *ѡже* 11:3, f.155v; но *еже* 11:10, f.156г и 15:3, f.157r]. Надо думать, это объясняется тем, что ко времени издания Острожской библии форма *ѡже* в значении ВП ед. ч. ср. р. была альтернативной форме *еже*, тогда как никоновские справщики ориентировались на норму, предписанную грамматикой Мелетия Смотрицкого (см. о корректуре относительных местоимений в середине XVII в. [Успенский 2002: 458–459]). Форму *иже* в том же грамматическом значении мы зафиксировали три раза: один раз — с антецедентом *время* (20:1, f.248v), один раз — с *жилице* (21:29, f.250r) и один раз — с местоименным антецедентом в коррелятивной конструкции *надъ тѣмъ ѿ* = *super haec quae* (29:3, f.254v). В последнем случае средний род устанавливается только по латинскому источнику. В славянском переводе форма ТП антецедента *тѣмъ* может указывать как на средний, так и на мужской род, так что выбор *иже* здесь в определенном смысле закономерен. В Острожской

⁵ „Аномалии“ в употреблении рода существительных подробно обсуждаются в [Bounatirou 2018: 723–733]. Здесь среди прочего указывается на часто встречающиеся примеры существительных исконно среднего рода, но согласующихся с женским родом.

и в следующей ей Московской библии данные стихи переведены иначе, так что сравнение оказывается невозможным. Тем не менее параллельные примеры использования *иже* в значении ВП ед. ч. ср. р. зафиксированы в переводах Курбского [Bounatirou 2018: 286].

В ВП **мн. ч.** употребляются главным образом две формы: *ѡже* и *иже*, при этом примеров с *иже* больше, чем примеров с *ѡже*. Однако общее количество обнаруженных примеров еще не позволяет делать выводов о преимущественном употреблении *иже* по сравнению с *ѡже*. Ожидаемая согласно нашим представлениям о церковнославянском стандарте форма *ѡже* встретила нам в трех фактически следующих друг за другом случаях с именным антецедентом: один раз — с *чюдеса* (16:12, f.246v) и дважды — со *слова* (16:15 и 16:16, оба f.246v). Еще раз *ѡже* употребляется в коррелятивной конструкции с местоименным антецедентом: *всѧ ѡже ѡмѡше* (f.245r) в соответствии с латинской конструкцией *omnibus quae habebat* (13:14). Форма *иже* встречается два раза с именной группой в вершине и пять раз в коррелятивных конструкциях: *Древа кедрова... иже сидони и тѣри принесоша* (f.250r) = *ligna quoque cedrina... quae Sidonii et Tyrii deportaverant* (22:4) и *на скровици сѣтими иже ѡсѣи Дѣдъ* (f.252v) = *super thesauros sanctorum quae sanctificavit David* (26:26); *всѧ иже въздержѧхъ* (f.229r) = *omnia quae possederant* (5:21), по *всѧ иже повелѣ мѡисѣи* (f.229v) = *iuxta omnia quae praecepit Moses* (6:49), *ѡмѣ и иже на сквадѣ пражашѣ* (f.242v) — *eorum quae in sartagine frangebantur* (9:31); *всѧ иже помысли* (f.254r) = *omnium quae cogitaverat* (28:12) и *Прочѣ тѣ иже ѡготовѧ въ дѡ сѣи* (f.254v) = *exceptis his quae paravi in aedem sanctam* (29:3). Употребление *ѡже* и *иже* в значении ВП ед. ч. ср. р. зафиксировано также во «Временнике» Ивана Тимофеева [Keipert 1968: 211], так что вариативность этих форм в данном грамматическом значении была характерной особенностью языкового узуса.

Помимо этого, в одном случае в ВП **мн. ч.** употребляется форма *иѡже*, т. е. ВП = РП, как это уже имело место в мужском роде. Однако, в отличие от примеров с **м. р.**, в данном случае форма *иѡже* относится к неодушевленным предметам:

- (34) Гѣ бѣ нашь: Всѧ сѧ мноства иѡже ѡготовѧхъ да съзиждѣ дѡ ѡмени сѣомъ твоѣмъ ѡ рѣкѣ твоѣ и твоѧ сѧ всѧ. (f.255r) — *Domine Deus noster omnis haec copia quam paravimus ut aedificaretur domus nomini sancto tuo de manu tua est et tua sunt omnia* (29:16).

Мы интерпретируем форму *иѡже* как ВП, исходя из латинского источника, в котором относительное местоимение имеет форму ВП. Перед нами еще одно свидетельство расширения категории одушевленности в русско-церковнославянском языке и влияния на письменный узус процессов, происходивших в живом народном языке (см. комментарий к примеру (23) выше и подобные примеры в [Keipert 1968: 268]).

Из косвенных падежей в ср. р. встречается, кроме того, один пример на **ТП ед. ч.**: *слово ѡмѣ глѧлъ еси рѡвъ твоѣмъ* (f.247v) = *sermo quem locutus est famulo tuo* (17:23).

Предложенный здесь обзор показывает, что в ВП ср. р. наблюдается самая большая вариативность форм относительного местоимения.

Согласование *иже* с антецедентами разного рода

В 1-й книге Паралипоменон нам встретился всего один случай согласования относительного местоимения *иже* с антецедентами разного рода:

- (35) Имаши же многы ѿмодѣлници: Каменостѣецъ и ѿзвистарѣи рѣскодѣлницѣи дрѣво и всѣ ѿмѣлы кѣ сътворенію дѣла: разѿмнѣиши: Въ златѣ и сребрѣ. в мѣди и желѣзѣ. Иже нѣ числа. (f.250rv) — *habes quoque plurimos artifices lamotos et cementarios artificesque lignorum et omnium atrium ad faciendum opus prudentissimos in auro et argento aere et ferro cuius non est numerus* (22:15–16).

Форма *иже* относится одновременно к нескольким антецедентам и для ДП мн. ч. является стандартной для всех родов.

Субстантивные относительные предложения с *иже*

Отдельную группу составляют субстантивные относительные предложения, т. е. предложения, которые заменяют имя существительное и выполняют в предложении синтаксическую функцию субъекта:

- (36) И иже ѿбиташа первѣи въ ѿдержаніи и въ градѣхъ своихъ іѣль: и сѣѣнницы и левити: и надиннеи: ѿташа сѣ въ іерѣлимѣ ѿ сѣновъ іудинъ и ѿ сѣновъ венѣаминъ. (f.241v) — *qui autem habitaverunt primi in possessionibus et in urbibus suis Israhel et sacerdotes Levitae et Nathinnei commorati sunt in Hierusalem de filiis Iuda et de filiis Benjamin* (9:2–3).

В примере (36) относительное предложение выполняет функцию субъекта матричного предложения, имеются в виду «первые жители, которые жили во владениях своих» (СБ: 386). В славянском переводе 1-й книги Паралипоменон Геннадиевской библии мы насчитали семь таких субъектных конструкций: помимо процитированного стиха 9:2–3, они встречаются также в стихах 4:22 (f.238r), 9:29 (f.242r), 11:5 (f.243r), 12:33 (f.244v), 12:40 (f.244v) и 28:1 (f.253v). Все они вводятся местоимением *иже* ИП м. р., но в 4:22 в ед. ч., а во всех остальных случаях — во мн. ч. Выполняя функцию субъекта матричного предложения, они в большинстве случаев находятся в препозиции к его предикату. Эти конструкции имитируют латинский источник, но при этом не являются обусловленным им нововведением, поскольку субстантивные относительные придаточные были распространены уже в древнецерковнославянской письменности под влиянием греческого языка [Večerka 2002: 190].

Предложения с относительным местоимением *который*

Наряду с местоимением *иже* для образования относительных предложений переводчик Геннадиевской библии активно использовал местоимение *который*. В 1-й книге Паралипоменон мы насчитали 32 подчиненные относительные

конструкции с *который*. С одной стороны, это в пять раз меньше, чем предложений с *иже*. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что *который* лишь частично пересекается с *иже* в грамматических значениях. Системный анализ распределения форм приводит к выводу, что местоимение *который* дополняет парадигму относительного местоимения *иже*, зачастую выполняя функции, которых не было у *иже*. В ряде других случаев *который* вступает в конкуренцию с *иже*. Таким образом, различие в употреблении *иже* и *который* следует рассматривать не как количественное, а как качественное.

В **III** ед. ч. м. р. *который* встретилось только два раза, при этом в позиции спецификатора, т. е. при повторяющейся в относительном предложении вершине:

- (37) сѣъ ѡво аѡфамъ іеси: которои іеси роди сесанъ. (f.237r) — filius vero Apphaim Iesi qui Iesi genuit Sesan (2:31)
 (38) ѿ того же родиса іѡсаѡфатъ ѡцъ іѡрамъ: которыи іѡрѡ роди ѡрѡа: ѿ негоже роженъ ѿ іѡаѡъ. (f.237v) — de hoc quoque natus est Iosaphat pater Ioram qui Ioram genuit Ohoziam ex quo ortus est Ioas (3:10–11).

Относительное местоимение в позиции спецификатора было весьма распространенным явлением в русско-церковнославянской письменности XV–XVII вв. [Троицкий 1968: 148–155; Meyer 2017: 97e; Mitrenina 2012: 66–67]. В приведенных примерах славянский переводчик следует латинскому тексту. В Острожской библии, которая правилась по греческим источникам, перевод тех же стихов иной (см. ff.185v, 186r).

Который в ИП в функции субъекта не используется в постпозитивных относительных предложениях, поскольку эта позиция в парадигме относительного местоимения в языковой компетенции переводчика была прочно занята местоимением *иже*. Об этом свидетельствуют 108 примеров употребления форм *иже* в ИП всех родов и чисел, тогда как местоимение *который* зафиксировано только два раза, при этом в позиции спецификатора, в которой, по крайней мере в 1-й книге Паралипоменон, не встречается *иже*.

В **РП** местоимение *который* употребляется наиболее часто, особенно в группе с предлогом *от* в значении родительного происхождения. Если с *иже* мы обнаружили только один такой случай, то с *который* их 13, из них 10 приходится на м. р. ед. ч. (2:11, f.236v; 3:12–13, f.237v; 3:21, f.237v; 4:2, f.237v; 7:3, f.240v; 7:25, f.241r; 7:26, f.241r; 8:37, f.241v; 9:43, f.242v и 17:21, f.247v), один — на м. р. мн. ч. (1:12, f.235v) и два — на ж. р. ед. ч. (2:18, f.236v и 18:7–8, f.248r):

- (39) Наѡсонже ѡво роди салма: ѿ которого роженъ ѡѡъъ (f.236v) — Naasson quoque genuit Salma de quo ortus est Boez (2:11);
 (40) Калевъ ѡво сѣъ ѡсромовъ прѡатъ женѡ именѡ азѡба: ѿ которыа роди ѡродъ (f.236v) — Chaleb vero filius Esrom accepit uxorem nomine Azuba de qua genuit Ierioth (2:18);
 (41) Прѡатъ же дѡдъ тѡлы златы которыа имѡша раби ѡдадѡзеръ: и принесе іѡ въ іѡрлимъ: такѡ ѿ теѡатъ [*var. lect.: теѡадъ*] и хѡмъ градовъ ѡдадѡзеровъ мѡди мнѡство. ѿ

которыа сътвори соломонъ море мѣдано и столпы и съсѣды мѣдныа. (f.248r) — tulit quoque David faretras aureas quas habuerant servi Adadezer et adtulit eas in Hierusalem necnon de Thebath et Chun urbibus Adadezer aeris plurimum de quo fecit Salomon mare aeneum et columnas et vasa aenea (18:7–8).

В латинском источнике этой конструкции соответствует *ablativus originis* с предлогом *de*. В большинстве случаев это конструкция *de quo natus est (nati sunt)* или ее варианты. Только пример (41) составляет исключение. Кроме того, в одном случае переводчик поменял перспективу, переведя латинскую предложную группу *ad quam* антонимичной конструкцией с родительным происхождением, т. е. «от + который в РП», см. выше, пример (12): Кто во ѿ иныи тако людѣ твои иѣль ѣзыкъ ѣдинъ на земли ѿ котороу проеде бѣ (f.247v) = quis autem est alius ut populus tuus Israhel gens una in terra ad quam perrexit Deus (17:21). Возможно, это снова пример семантического перевода, т. е. *constructio ad sensum*: славянский переводчик думал при этом о Христе, тогда как в латинском тексте речь идет о Боге Всевышнем. В Острожской библии это место было переведено как ѣзыкъ ѣдинъ на земли, ѣгоже ради проеде бѣ (f.193v).

Еще в одном случае предложная группа «от + который в РП» имеет иное значение:

- (42) Послаша же жребїи по кратїи свой ѿ котороу толко болши колко менши ѣченъ такъ же и неѣченъ. (f.252r) — miseruntque sortes per vices suas ex aequo tam maior quam minor doctus pariter et indoctus (25:8).

Здесь который используется не как относительное местоимение, а, судя по контексту, в значении ‘каждый’ (т. е. ‘каждый в свою очередь’, или дословно ‘в свой черед от каждого: от больших и малых [...]’) в соответствии с латинским *ex aequo*, т. е. ‘равным образом’. Трактовать эту конструкцию как относительное придаточное здесь не представляется возможным, поэтому эти примеры исключены из итоговых подсчетов.

Кроме значения родительного происхождения, РП используется по одному разу как родительный посессивный (в форме м. р. ед. ч.) и родительный времени (в форме м. р. мн. ч.):

- (43) моса во роди ваана котороу снъ рафаїа роди еласа: ѿ котороу родиса есель. (f.242v) — Mose vero genuit Baana cuius filius Raphaia genuit Elasa de quo ortus est Esel (9:43);
- (44) ни снѣе безаконїа поперѣть и тако ѿ начаала: ѿ днїи которы дѣ сѣдїа людѣ моимъ иїлю: (f.247rv) — nec filii iniquitatis adterent eos sicut a principio ex diebus quibus dedi iudices populo meo Israhel (17:9–10).

Образуя конструкцию с родительным времени (пример (44)), переводчик имитировал беспредложный *ablativus temporis* латинского источника, согласовав относительное местоимение с антецедентом в форме РП м. р. мн. ч. и отказавшись от повторения предлога (дословно ‘от дней, от которых’; литературно ‘от дней, в которые’). В посессивном значении (пример (43)) местоимение который

употребляется наряду с местоимением *иже* (см. выше (13) и (14)), но обнаруженных примеров еще недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы о предпочтении того или иного местоимения, тем более что значение принадлежности в церковнославянском языке было закреплено за дательным падежом.

Еще в одном случае РП со значением прямого объекта используется при отрицании, т. е. как *genetivus negationis*:

- (45) И дѣ́ томѣ́ сла́вѣ́ цѣ́рква: Которыа ни є́динъ ѿмѣ́ прѣ́ є́го цѣ́рь ѿле́вѣ́. (f.255r) — et dedit illi gloriam regni qualem nullus habuit ante eum rex Israhel (29:25).

Особенность этого случая заключается в том, что *который* здесь, скорее, имеет значение ‘каковой’, о чем свидетельствует латинское соответствие *qualis*. Тем не менее и в данном случае мы имеем дело с относительным предложением. В Острожской библии в этом стихе вместо *который* используется *иже*: и дѣ́сть є́мѣ́ сла́вѣ́ цѣ́рква, ѣ́же ни є́динъ ѿмѣ́ прѣ́же є́го. (f.188v).

В общем и целом обращает на себя внимание тот факт, что в РП преимущественно используется *который* и лишь в единичных случаях *иже*. Соотношение *который* к *иже* составляет 16 : 3.

В ДП *который* используется один раз в значении дательного притяжательного (в форме ед. ч. м. р.) и также один раз в значении дательного непрямого объекта (в форме мн. ч. м. р.):

- (46) Исаи же роди пръвѣ́нца є́ліа́вѣ́: второго ѡ́минадава. третѣ́го симмага: четвѣ́ртаго на́данаи́ла: пѣ́того ра́ддаи́. шѣ́стого ѡ́сонъ. сѣ́мага дѣ́да: которомѣ́ сестры быша сарвѣ́а ѿ ѡ́вигайль: (f.236v) — Isai autem genuit primogenitum Heliab secundum Abinadab tertium Samaa quartum Nathanahel quintum Raddai sextum Asom septimum David quorum sorores fuerunt Sarvia et Abigail (2:13–16);
- (47) Ни ли глѣ́лъ є́смь ли є́диномѣ́ сѣ́дѣи ѿле́вѣ́ которыи повелѣ́хъ да пасѣ́ люди моѧ (f.247r) — numquid locutus sum saltim uni iudicum Israhel quibus praesceperam ut pascere populum meum (17:6).

В примере (46) относительное местоимение в славянском переводе употреблено в ед. ч.; тем самым оно определяет только последнего из названных сыновей, тогда как в латинском источнике (и в том числе в издании Кобергера [Bibl. s. post.: Bildnr. 853/f.425r]) оно имеет форму мн. ч., относясь ко всем сыновьям Исаи. В примере (47) функция относительного местоимения в славянском переводе совпадает с функцией относительного местоимения в латинском источнике.

Даже эти два примера, зафиксированные на данный момент, показывают, что в ДП *который* начинает вступать в конкуренцию с *иже*, несмотря на то что *иже* все же еще удерживает прочные позиции. Соотношение *который* к *иже* в ДП составляет 2 : 10.

В ВП право преимущественного употребления также принадлежит местоимению *иже*. С местоимением *который* нам встретились всего пять относительных предложений. В двух из них *который* в форме ж. р. мн. ч. функционирует как прямой объект: [...] прочѣ́и ꙗ́ко колесницѣ́ которыа въздержалъ сѣ́вѣ́. (f.248r) = [...] exsertis

centum quadrigis quas reservavit sibi (18:4) и тѣлы златыя которыя имѣша раби ѿдадезеръ в примере (41) выше. В трех других предложениях относительное местоимение имеет форму ВП = РП:

- (48) вера сѣѣ ѿго: которого плѣнѣна ѿведе дегаатъ фалласаръ црь ассирийскыи. (f.238v) — Beera filius eius quem captivum duxit Theglathphalnasar rex Assyriorum (5:6);
- (49) Уставиша же тѣ богы свои: которыѣ дѣдъ повелѣ съжещи. (f.245v) — dereliqueruntque ibi deos suos quos David iussit exuri (14:12);
- (50) Дастъ же дѣдъ число и которыѣ ѿбыде: (f.249r) — deditque David numerum eorum quos circumierat (21:5).

Во всех этих случаях антецедент — одушевленное имя или же местоимение, как в примере (50), в котором под *их* подразумеваются люди, учтенные в переписи.

В значении ВП = РП местоимение *который* в форме мн. ч. м. р. один раз употребляется также в сочинительной относительной конструкции (*coniunctio relativa*):

- (51) Всѣ сѣи ѿбраннѣи въ двѣрницѣ по вратѣ ꙗко и ·вѣ· и ѿписаны в селѣ истиннѣ которыѣ поставиша дѣдъ и самуиѣлъ видати въ вѣрѣ своей: (f.242r) — omnes hii electi in ostiarios per portas ducenti duodecim et descripti in villis propriis quos constituerunt David et Samuhel videns in fide sua (9:22).

Дистантное расположение относительного местоимения и антецедента не позволяет образовать именную группу с антецедентом в вершине, поэтому мы не рассматриваем этот пример как относительное подчинение. Тем не менее он симптоматичен, поскольку показывает, что *который* начинает занимать позиции в том числе в конструкциях с сочинительным относительным соединением. Что *который* в примере (51) функционирует не как относительное, а как личное или указательное местоимение, подтверждает перевод этого места в Острожской библии: Сѣи вси ѿбраннѣи въ двѣрницѣхъ иже въ числѣ ꙗко и вѣ, сѣи в селѣхъ ихъ по племѣнемъ ихъ сочтѣно, и сѣхъ постави дѣдъ и самуиѣлъ видати въ вѣрѣ своей. (f.189v).

В целом соотношение *который* к *иже* в функции прямого объекта составляет 5 : 33, что свидетельствует о преимущественном употреблении форм *иже* в ВП.

Самостоятельную группу образуют примеры с **ПП**. Они тем более показательны, что в 1-й книге Паралипоменон нет ни одного примера на *иже* в ПП. Кроме того, помимо двух упомянутых выше исключений, *иже*, в отличие от *который*, не используется в предложных группах. Формы ПП в 1-й книге Паралипоменон употребляются в предложных конструкциях с местным и временным значениями:

- (52) ѿвѣрѣтоша паствы ѿбилны и стѣло добры: и землю пространѣишѣ и поконнѣ и носациѣ. в которой прѣ ѿбитахѣ ѿ колѣна хамова. (f.238v) — inveneruntque pascuas uberes et valde bonas et terram latissimam et quietam et fertilem in qua ante habitaverunt de stirpe Ham (4:40);
- (53) По сѣ начатся брань в газеръ, сѣпротивѣ филистимѣ: в которой повилъ совохаи ѿсадитесь сафаи ѿ рода рафанима и смирилъ ѿ. Инаѣ же брань сътворена ѣ противѣ

филистимѡ: в' | которон побилъ ѿздана снъ салтѹсѣ ведлеемитесь брата голѡда геден. емѡже ратице древаное бѣ іако вратило ткѹщій. Но инаа слѹчиса вѣ гедѣ в' | которон бѣ члѣкъ должаша сеносъ имѣюща прѣзеты [...] (f.249r) — Post h[aec] initum est *bellum* in gazer adversum philistheos: in q[uo] percussit sobochai usathites saphai de genere raphaim: et humiliavit eos. |Aliud q[uo]que *bellum* gestum e[st] adversus philistheos: in q[uo] p[er]cussit adeodatus filius saltus bethleemites fratrem goliath gethei cuius hast[a]e lignum erat quasi liciatorium texentium. Sed et aliud bellum accidit in geth in quo fuit homo longissimus senos habens digitos [...] [Bibl. c. post.: Bildnr.: 880/ f.438v (20:4–6)].

В местном значении мы зафиксировали два примера с формой ж. р. ед. ч.: см. (52) и последнее относительное предложение в (53); два примера с формой м. р. ед. ч.: кѣ камени в' | которѡ бѣ дѣдъ (f.243v) = ad petram in qua erat David (11:15) и ѡлтарь же в' | которѡ кадишѣ темѡанъ (f.254r) = altari autem in quo adoletur incensum (28:18), и один пример на ср. р. ед. ч.: кѣ [in marg.: кѣ привѣжицѣ] помощи в' | которомъ живашѣ дѣдъ. (f.244r) = ad praesidium in quo morabatur David (12:16). Употребление ПП во временном значении иллюстрируют первые два относительных предложения с *который* в форме ж. р. ед. ч. в примере (53).

В примере (33) местоимение *который* также употребляется в предложной группе с местным значением: ѡведѡмъ бо ѡ снѡмъ его кѣ югѣ вѣ которон чѣсти дѡ бѣ старцѣ совѣтомъ: (f.252v) = Obededom v[er]o et filiis eius ad austrum in qua p[ar]te domus erat seniorum concilium: [Bibl. c. post.: Bildnr. 886/f.441v (26:15)]. Однако здесь оно не функционирует как относительное местоимение: в предшествующем предложении нет antecedenta, с которым бы *который* образовывало именную группу, согласуясь с ним по роду и числу. Наоборот, оно определяет следующее далее имя, т. е. функционирует как указательное местоимение со значением 'этот'. Это еще один пример явления, называемого в латинистике *coniunctio relativa*, когда относительное местоимение выступает в роли личного или указательного местоимения.

Показательно, что ни одно предложение с относительным местоимением *который* не перешло в Острожскую и Московскую библии: одна часть стихов была переведена заново по греческому источнику, в другой формы *который* были исправлены на соответствующие формы *иже*.

Предложения с относительными местоимениями *что* и *кой*

Относительные придаточные в Геннадиевской библии также могут вводиться местоимениями *кой* и *что*. Нам удалось обнаружить в 1-й книге Паралипоменон по пять примеров на *кой* и *что* в функции относительных местоимений.

Относительное местоимение кой

Во всех примерах с *кой* относительное местоимение употребляется в значении прямого объекта. В четырех случаях оно имеет форму ВП = РП (м. р., мн. ч.),

но при этом только в трех из этих случаев *кой* относится к одушевленному antecedенту:

- (54) снѣ же фѣре наложници аврамѣ. кой роди: Замрамъ іѣксанъ маданъ ісвокъ и сѣе. (f.236r) — filii autem Cetthurae concubinae Abraham quos genuit Zamram Iecsan Madan Iesboc Sue (1:32);
- (55) и поплззѣшѣ по вѣсѣхъ людемъ земля: кой вѣдѣтъ гъ прѣ ними. (f.239r) — et fornicati sunt post deos populorum terrae quos abstulit Dominus coram eis (5:25);
- (56) Сїи [= Сїове. — *И. П.*] сѣтъ кой постави дѣдъ на пѣвцы домѣ гнѣ: вѣдѣдѣ посади ѣ кивотъ: (f.239v) — isti sunt quos constituit David super cantores domus Domini ex quo conlocata est arca (6:31);
- (57) даша по жребію ѣ колѣна снѣвъ іудинъ. и ѣ колѣна снѣвъ симеонъ. и ѣ колѣна снѣвъ венѣминъ. грады тѣ. кой зваша имѣны своими. (f.240r) — dederuntque per sortem ex tribu filiorum Iuda et ex tribu filiorum Symeon et ex tribu filiorum Beniamin urbes has quas vocaverunt nominibus suis (6:65).

В примере (56) обращает на себя внимание еще одно относительное предложение, начинающееся местоименным наречием вѣдѣдѣ, характерным для разговорного языка. Показательно, что в Острожской библии оба относительных местоимения были «окнижнены»: Сїи же сѣтъ иже постави дѣдъ на пѣвцы домѣ гнѣ. и дѣже постави кѣотъ. (f.187v). Для формы ВП = РП в примере (57) возможна двойная интерпретация: во-первых, она может быть результатом уже не однажды упомянутого выше расширения категории одушевленности; во-вторых, можно предположить, что *грады* в данном контексте метафорически действительно понимается как имя одушевленное, поскольку города были населены людьми.

Еще в одном случае местоимение *кой* употребляется в форме ВП ср. р. ед. ч.:

- (58) Три тебѣ избранїа даю: ѣдино кое възхоцѣши избери да сѣтворю тебѣ. (f.249r) — trium tibi optionem do unum quod volueris elige et faciam tibi (21:10).

Примеры с (54) по (57) в Острожской библии были откорректированы: *кой* было заменено на *иже*. Эти корректуры перешли в Московскую библию. В примере (58) местоимение *кой* сохранилось как в Острожской (f.194v), так и в Московской библии (f.259v).

Употребление местоимения *кой* в качестве относительного характерно для восточнославянских как книжных, так и некнижных текстов; см., например, [СлРЯ XI–XVII, 7: 228–229]. Это местоимение было распространено в южнославянских и в том числе в древне- и среднецерковнославянских памятниках и до сих пор употребляется в южнославянских языках как относительное местоимение [СлССЯ II: 97; ЭССЯ 13: 176–177]. Тем более знаменательно, что в 1-й книге Паралипоменон мы обнаружили всего пять примеров с этим местоимением. Это ставит под сомнение авторство хорвата Вениамина как предполагаемого переводчика всех «латинских» книг Геннадиевской Библии: от переводчика-хорвата ожидалось бы более активное использование *кой* как относительного местоимения.

Относительное местоимение что

Местоимение *что* употребляется преимущественно также в ВП и относится к antecedентам ср. р. ед. и мн. ч.:

- (59) Принесоша ѿбо кивѣ въѣи и поставиша его посреди жилища что възъвиже емѣ дѣдѣ. (f.246r) — *adtulerunt igitur arcam Dei et constituerunt eam in medio tabernaculi quod tetenderat ei David (16:1);*
- (60) Поможе же емѣ гъ възъ вѣѣ на что ѿзыде. (f.248r) — *adiuvitque eum Dominus in cunctis ad quae perrexerat (18:6);*
- (61) съ сребрѣ и златѣ что възалъ ѿ вѣѣ ѿзыкѣ (f.248r) — *cum argento et auro quod tulerat ex universis gentibus (18:11);*
- (62) Спѣлъ же гъ дѣда възъ вѣѣ на что ѿзыде. (f.248r) — *salvavitque Dominus David in cunctis ad quae perrexerat (18:13).*

Но в одном случае *что* используется в ТП, определяя antecedент м. р. мн. ч.:

- (63) Но и волове дѣ на всеѣжженіе. и трибѣлѣсъ [*in marg.: и каткы ѿ земли магѣхъ*] възъ дрова и пшеницѣ възъ жрътвѣ: (f.255v) — *sed et boves do in holocaustum et tribulas in ligna et triticum in sacrificium (21:23).*

Относительное предложение образовано в маргинальной глоссе, комментирующей латинское заимствование *трибѣлѣсъ* в переводном тексте. Поскольку это комментарий, он в большей степени ориентирован на узус разговорного языка, чем и объясняется выбор формы *чимѣ*. В Острожской библии заимствование *трибѣлѣсъ* заменено на *плѣгъ* (f.195r), ср. [Freidhof 1972: 153].

Ни один из примеров с относительным местоимением *что* не перешел из Геннадиевской библии в Острожскую и в Московскую. Во всех приведенных случаях (кроме примера (63), поскольку маргинальные комментарии ГЪ не вносились в ОБ или в МБ) *что* было заменено на формы *иже*, в том числе с предлогом.

Позиция относительных предложений

Вопрос о позиции относительного предложения по отношению к матричному актуален в связи с упомянутым выше мнением о том, что до конца XVII в. русский язык не знал постпозитивных относительных предложений. Г. Хютль-Фольтер сделала выводы о французском влиянии на русский синтаксис, в том числе исходя из того, что в русском переводе в абсолютном большинстве случаев воспроизводится позиция относительного придаточного французского оригинала. Однако это в такой же степени характерно для церковнославянских переводов с греческого вообще и анализируемого русско-церковнославянского перевода с латыни в частности. В 1-й книге Паралипоменон нет фактически ни одного случая, когда бы переводчик отступил от задаваемой латинским оригиналом синтаксической структуры сложного предложения. В этой связи детальное исследование позиции относительных придаточных может показаться излишним. Мы предложим его в виде сводной

таблицы, в которой в зависимости от типа относительного местоимения (*иже, который, кто* или *что*) расклассифицированы данные о позиции относительных предложений по отношению к матричным. Кроме того, в отдельном столбце в таблице учитываются случаи сочинительной относительной связи, т. е. относительно-присоединения (*coniunctio relativa*).

Относительное местоимение	количество	позиция в предложении			coniunctio relativa
		препозиция	интерпозиция	постпозиция	
иже	155	5	46	104	+ 5
которые	32		2	30	+ 2
кои	5		2	3	
что	5			5	

В латинском языке атрибутивные относительные предложения передают зачастую греческие причастные конструкции, поэтому в латинских текстах используется больше относительных предложений. Славянский переводчик перенес их в свой текст, всякий раз сохраняя синтаксическую структуру латинского оригинала⁶. Перевод 1-й книги Паралипоменон не содержит конструкций, которые считаются типичными для живого разговорного языка того времени. Относительные придаточные в препозиции повторяют заданные модели латинского источника. Функционирование относительного местоимения как спецификатора также было задано латинским оригиналом. Интерпозиция относительного предложения подразумевает расположение придаточного внутри главного или матричного предложения, но при этом относительное предложение примыкает непосредственно к антецеденту, т. е. находится в постпозиции к нему.

Во вступительной части к статье упоминался тезис В. М. Живова о том, что *который* как относительное местоимение в современном стандартном русском языке является результатом лексической замены в рамках уже существующей в письменности синтаксической конструкции, которая в русский язык была заимствована из церковнославянского. Приведенный в данной главе обзор фактически иллюстрирует этот тезис В. М. Живова.

Выводы

Совершенно очевидно, что «латинские» книги Геннадиевской библии переводились на гибридный церковнославянский язык, когда переводчик целенаправленно использовал как типично книжные, так и, скорее, некнижные элементы или, по крайней мере, элементы, менее характерные для книжного регистра, даже если они в нем тоже могут использоваться. Об этом свидетельствует парадигма

⁶ Следует заметить, что в славянском переводе также есть случаи, когда относительные предложения латинского источника переводились на славянский язык иначе. Такие случаи единичны. Мы не задавались целью исследовать относительное подчинение в сравнении с латинским оригиналом. Это тема самостоятельного исследования. При этом точных результатов можно будет добиться только с помощью корпусных методов анализа.

относительного местоимения, в которой требуемые книжным «стандартом» формы *иже* дополняются формами местоимений *который*, *кой* и *что*.

Род, число Падеж	м. р.		ж. р.		с. р.		мн. ч. (вне родовых различий)
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	
ИП	иже (42), которон (1), которын (1)	иже (44)	ѣже (4), иже (6)	иже (2)	иже (3)	иже (6), ѣже (1)	
РП	егоже (2), ѿ него- же (1), ѿ которого (9), ѿ котораго (1), которого (1)	ѿ которыхъ (1), кото- рыхъ (1)	ѿ которыа (2), которыа (1)				
ДП	емѣже (9), которо- мѣ (1)	которымъ (1)					имже (1)
ВП	егоже (1), ѣже (2); (одуш.) кото- рого (1)	иже (1), коихъ (1); (одуш.): их- же (3), кото- рыхъ (2), коихъ (3)	юже (1), ѣже (1), иже (1)	иже (1), кото- рыа (2)	ѣже (3), еже (3), въ неже (1), иже (3), кое (1), что (2)	ѣже (4), ихже (1), иже (7), что (2)	
ТП					имже (1)	чѣй (2)	
ПП	въ которомъ (2)		въ которон (4)		въ которомъ (1)		

В именительном, дательном и винительном падежах *иже* сохраняет свои позиции, тогда как в родительном и предложном падежах преимущественно употребляется *который*. Помимо этого, в форме ВП = РП при антецедентах мужского рода формы местоимений *который* и *кой* также предпочитают формам местоимения *иже*. Многочисленные «отступления» в использовании форм *иже*, ожидаемых согласно реконструированному в современной лингвистической науке церковнославянскому «стандарту», находят объяснения в языковом узусе. Сводная таблица всех обнаруженных форм показывает, что книжники вырабатывали со временем совершенно новые правила распределения старинных форм, которые не имели ничего общего (или же имели мало что общего) с их исходным употреблением. Дополняя эти «нестандартные» формы местоимениями, характерными в большей степени для устной речи, они создавали собственный «гибридный» язык, в котором вырабатывались конструкции, перешедшие в так называемый русский литературный язык нового типа.

Литературные языки развиваются в контакте с другими литературными языками [Keipert ²1999: 726]. Вряд ли следует сомневаться в том, что современные относительные предложения с *который* развились в результате языкового контакта. Однако активное употребление местоимения *который* в качестве относительного, вне всяких сомнений, начинается еще в период до интенсивных польско-русских письменных контактов (что, впрочем, не отменяет полностью влияние польского языка). А. А. Зализняк обнаружил большое число относительных предложений, вводимых местоимением *который* с релятивизаторами *же* и *то*, т. е. *который то*

и *который же*, в восточнославянских грамотах до конца XV в. При этом он замечает, что в южных и юго-западных грамотах число предложений с *который* несколько больше, чем в северо-восточных [Зализняк 1981].

Думается, что современные относительные предложения с местоимением *который* развились в первую очередь как результат внутривосточнославянского контакта, который поддерживался церковнославянским языком, задававшим синтаксические модели. При этом следует учитывать, что контакты между восточными славянами в древнейшую эпоху были настолько тесными, что далеко не всегда можно однозначно локализовать языковые явления. Поскольку переводы с латыни конца XV в. лингвистически до сих пор не изучены, трудно делать выводы об их влиянии на становление русского синтаксиса. Однако проведенный анализ показывает перспективу таких исследований. Показательно, что большое число относительных предложений с *который* засвидетельствовано именно в переводе с латинского языка. Вызвано ли это тем, что латинский язык, в отличие от греческого, в русском ортодоксальном сознании не был окружен ореолом святости, поэтому в переводах с латыни допускались не книжные конструкции и не книжная лексика, или, может быть, тем, что переводчик стремился сделать текст более доступным для потенциальных читателей, или также тем, что он лучше владел формами *иже* в ИП, ДП и ВП и в худшей степени в других падежах, особенно в тех, которых нет в греческом языке (т. е. ТП и ПП), так что для него было трудно соотносить известные ему формы с моделями латинского источника, — все это должны показать будущие исследования.

Мы согласны с Р. Майером в том, что в XVII в. употребление относительных предложений с *который* значительно расширилось. Однако польский язык напрямую или через посредство рутенского языка не был при этом языком-донором, но играл стабилизирующую роль. Совершенно очевидно, что *который* как относительное местоимение не было инновацией XVII в., а вошло в употребление значительно раньше. В общеевропейском контексте истории новых европейских письменных языков, в которых современные относительные предложения сформировались под влиянием латинского синтаксиса [Haspelmath 2001: 1507], очень показательно, что вводимые местоимением *который* постпозитивные относительные придаточные активно используются именно в гибридном русско-церковнославянском переводе с латыни. Это свидетельствует об особенной роли гибридного регистра в европеизации русского синтаксиса, что должно стать темой последующих исследований.

Источники и словари

Алф. — *M. C. Bragone*. *Alfavitari radi učenija malych detej*. Un abbecedario nella Russia del Seicento (= Biblioteca di Studi Slavistici. Bd. 6). Firenze, 2008.

Библ. Энци. — *В. Никифоров*, арх. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. Вып. III. Москва, 1892.

ГБ [Геннадиевская библия] — рукопись ГИМ, Синод. собр. № 915, 1007ff., in folio, 1499 г.

ЖАН — В. Мансика. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст (= Памятники древней письменности и искусства. № 180). СПб., 1913.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (поиск в Старорусском подкорпусе: http://www.ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html).

ОБ [Острожская Библия] — Библіа сирѣвъ книгы вѣтхаго и новаго заветѣ, по ѡзыкъ словенскѣ [...]. Острог, 1581.

МБ [Московская Библия] — Библіа сирѣвъ книгы вѣтхаго и новаго заветѣ, по ѡзыкъ славѣнскѣ [...]. Москва, 1663.

СБ [Синодальная Библия] — Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М., 1999.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980; Вып. 8. М., 1981.

СлССЯ — Словарь старославянского языка. Т. 2. СПб., 2006.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13. М., 1987; Вып. 15. М., 1988.

Bibl. c. post. — Nicolaus [de Lyra], Paulus [Burgensis], Doering, Matthias. [Biblia], Bd.: 1, Nuremberge, [ca. 1487]. Münchner digitale Sammlung der Bayerischen Staatsbibliothek (<http://daten.digital-sammlungen.de/~db/0002/bsb00025811/images/>).

Bibl. Vulg. — B. Fischer. Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem / Adiuuantibus B. Fischer, Io. Gribomont, H. F. D. Sparks, W. Thiele. Recensuit et brevi apparatu instruxit R. Weber. Stuttgart, 1975.

Dg. — J. Besters-Dilger. Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 35). Freiburg i. Br., 1995.

Hieron. Vulg. — Hieronymus. Biblia sacra vulgata. Vol. II: Iosue — Iudices — Ruth — Samuhel — Malachim — Verba dierum — Ezras — Tobias — Iudith — Hester — Iob / Hrsg. v. M. Fieger, W.-W. Ehlers, A. Beriger (= Sammlung Tusculum). Berlin; Boston, 2018.

SlavynEv — Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavynec'kyj, Moskau, 1673: Facsimile-Ausgabe / Besorgt und eingeleitet von O. B. Strakhov. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002 (= Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln. Bd. 3).

SlavynNT — Neues Testament in der Übersetzung des Priestermönchs Jepifanij Slavynec'kyj / Hrsg. T. A. Isačenko. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002 (= Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln. Bd. 2).

Литература

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959 [первое изд. — 1863].

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1: Священное писание. М., 1855.

Живов В. М. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. Т. XLV, вып. 3. 1986. С. 246–260.

Живов В. М. Заметки об историческом синтаксисе русского языка (По поводу книги: G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Böhlau Verlag. Wien; Köln; Weimar, 1996. 319 S.) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 58–69.

Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2017.

Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 89–107.

Керишине Р. Б. Сложноподчиненные определительные предложения // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения / Отв. ред. В. И. Борковский. М., 1973. С. 5–73.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.

Подтергера И. А. Грамматическая часть в «Алфавитаре ради учения малых детей»: структура, содержание, источники // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 233–288.

Ромодановская В. А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб., 2001. С. 138–167.

Ромодановская В. А. Заметки о переводе «латинских» книг Геннадиевской библии 1499 г.: библейский текст и энциклопедические глоссы // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 56. СПб., 2004. С. 235–250.

Ромодановская В. А. Геннадиевская библия // Православная энциклопедия. Т. 10. 2010. С. 584–588 (электронная публикация: <http://www.pravenc.ru/text/162049.html>).

Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб., 1998.

Троицкий В. И. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII веков. Казань, 1968.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е. М., 2002.

Хютль-Фольтер Г. О синтаксисе «Рассуждения о оказательствах к миру...» 1720 г. // Russian Linguistics. Vol. 11. No 2. 1987. С. 279–296.

Bounatirou E. Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus (= Slavistische Beiträge. Bd. 509). Wiesbaden, 2018.

Danylenko A. On the relativization strategies in East Slavic // Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of slavists (= Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники. Bd. 55) / M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper (eds.). München; Berlin; Washington D. C., 2014. P. 183–204.

Danylenko A. A tale of two pathways: On the development of relative clause chaining in East Slavonic // Diachronic Slavonic syntax: The interplay between internal development, language contact and metalinguistic factors (= Trends in linguistics: Studies and monographs. Vol. 315) / J. Grković-Major, B. Hansen, B. Sonnenhauser (eds.). Berlin; Boston, 2014. P. 361–386.

Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe III: Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 21). Frankfurt a. M., 1972.

Haspelmath M. The European Linguistic Area: Standard Average European // Language Typology and Language Universals: An International Handbook (= HSK 20.2) / M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Bd. 2. Berlin; New York, 2001. P. 1492–1510.

Hofmann J. B., Szantyr A. Lateinische Syntax und Stilistik. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 2, Bd. 2). München, 1997.

Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien; Köln; Weimar, 1996.

Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache. Bd. 2: Das 17. und 18. Jahrhundert. Heidelberg, 1983.

Keipert H. Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des „Vremennik Ivana Timofeeva“. Bonn, 1968.

Keipert H. Geschichte der russischen Literatursprache // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen (= Slavistische Studienbücher. N. F. Bd. 8) / H. Jachnow (Hg.). Wiesbaden, 1999. S. 726–779.

Mendoza I. Relativsätze in den Birkenrindentexten // Linguistische Beiträge zur Slavistik. XIII. JungslavistInnen-Treffen in Leipzig. 23.–26. September 2004 (= Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 149) / U. Junghanns (Hg.). München, 2008. S. 49–62.

Menge H. Lehrbuch der lateinischen Syntax und Semantik / 3. Aufl. Völlig neu Bearbeitet v. T. Burkard u. M. Schauer. Darmstadt, 2007.

Meyer R. The C system of relatives and complement clauses in the history of Slavic languages // Language. Vol. 93. No 2, June 2017. P. e97–e113.

Minlos Ph. R. Slavic relative *što/co* between pronouns and conjunctions // Slověne. Vol. 1. 2012. No 1. P. 74–91.

Mitrenina O. V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *ko-toryj* ('which') in Middle Russian // Slověne. Vol. 1. 2012. No 1. P. 61–73.

Moser M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts (= Schriften über Sprachen und Texte). Frankfurt a. M. et al., 1998.

Murelli A. Relative constructions in European non-standard varieties (= Empirical approaches to language typology. Vol. 50). Berlin; New York, 2011.

Stotz P. Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 4. Formenlehre, Syntax und Stilistik (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 5, Bd. 4). München, 1998.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. Bd. IV. Die Satztypen: Der zusammengesetzte Satz (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 27.4). Freiburg i. Br., 2002.

Vondrák W. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.

Irina A. Podtergera

*Institute of Slavic Studies, Ruprecht Karl University of Heidelberg
(Heidelberg, Germany)*

irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

RELATIVE CLAUSES IN THE RUSSIAN CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF THE “LATIN” BOOKS OF THE GENNADIUS BIBLE (THE CASE OF 1 CHRONICLES)

The article presents a systematic analysis of relative constructions in one of the “Latin” books of the Gennadius Bible, and specifically in 1 Chronicles. The aim of the article is to ascertain the part played in the system of relative clauses of this translated text by relative clauses introduced by the relativizer *kotoryj* in postposition to nouns. This aspect is of particular interest in the study of the “Europeanization” of the syntax of Standard Russian, inasmuch as postpositive relative subordinate clauses with a declining pronoun are one of the characteristic features of so-called Standard Average European (SAE) languages. It is, moreover, thought that modern-type relative clauses in standard Western European languages developed under the influence of Latin.

The first part of the article discusses existing hypotheses about the origin of Standard Average European-type relative clauses in Standard Russian (A. Issatschenko, G. Hüttl-Folter, V. Zhivov, R. Meyer). There then follows a detailed analysis of relative subordinate clauses in the book of 1 Chronicles in the Gennadius Bible of 1499. At the center of attention are relative clauses with the relativizers *īze*, *kotoryj*, *koi*, and *čto*. In the concluding section of the article, some preliminary suggestions are made on the basis of the data analyzed, concerning the possible role of Latin in the history of the Europeanization of the syntax of written Russian and the link between syntactical “innovations” and traditions of the use of language in Church Slavonic texts.

Keywords: relative subordination, relativizer *kotoryj*, translations from Latin, influence of Church Slavonic, intra-Slavic language contact, Europeanization of the syntax.

References

Bounatirou E. *Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus* (= Slavistische Beiträge. Bd. 509). Wiesbaden, 2018.

Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow, 1959/²1863.

Danylenko A. On the relativization strategies in East Slavic. *Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of slavists* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände/Sborniki. Bd. 55). München, Berlin, Washington/D. C., 2014. P. 183–204.

Danylenko A. A tale of two pathways: On the development of relative clause chaining in East Slavonic. *Diachronic Slavonic syntax: The interplay between internal development, language contact and metalinguistic factors* (= Trends in linguistics: Studies and monographs. Vol. 315). Berlin; Boston, 2014. P. 361–386.

Freidhof G. *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer* (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe III: Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 21). Frankfurt a. M., 1972.

Gorskii A. V., Nevostruev K. I. *Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi Sinodal'noi biblioteki*. Otd. 2: *Svyashchennoe pisanie*. Moscow, 1855.

Haspelmath M. The European Linguistic Area: Standard Average European. *Language Typology and Language Universals: An International Handbook* (= HSK 20.2). M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Bd. 2. Berlin; New York, 2001. P. 1492–1510.

Hofmann J. B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik* (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 2, Bd. 2). München, 1997.

Hüttl-Folter G. O sintaksise „Rassuzhdeniya o okazatelstvakh“ k” miru...“ 1720 g. *Russian Linguistics*. Vol. 11, Hft 2. 1987. P. 279–296.

Hüttl-Folter G. *Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen*. Wien; Köln; Weimar, 1996.

Issatschenko A. *Geschichte der russischen Sprache*. Bd. 2: *Das 17. und 18. Jahrhundert*. Heidelberg, 1983.

Keipert H. *Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des „Vremennik Ivana Timofeeva“*. Bonn, 1968.

Keipert H. *Geschichte der russischen Literatursprache. Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen* (= Slavistische Studienbücher. N. F. Bd. 8). H. Jachnow (Hg.). Wiesbaden, ²1999. S. 726–779.

Kershiene R. B. *Slozhnopodchinennye opredelitel'nye predlozheniya. Srvanitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Slozhnopodchinennye predlozheniya*. Moscow, 1973. P. 5–73.

Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlennosti v istorii russkogo yazyka*. Moscow, 1994.

Mendoza I. Relativsätze in den Birkenrindentexten. *Linguistische Beiträge zur Slavistik. XIII. JungslavistInnen-Treffen in Leipzig. 23.–26. September 2004* (= Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 149). München, 2008. P. 49–62.

Menge H. *Lehrbuch der lateinischen Syntax und Semantik*. 3. Aufl. Völlig neu Bearbeitet v. T. Burkard u. M. Schauer. Darmstadt, 2007.

Meyer R. The C system of relatives and complement clauses in the history of Slavic languages. *Language*. Vol. 93, No 2, June 2017. P. e97–e113.

Minlos Ph. R. Slavic relative čto/co between pronouns and conjunctions. *Slověne*. Vol. 1. 2012. No 1. P. 74–91.

Mitrenina O. V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *ko-toryj* ('which') in Middle Russian. Vol. 1. *Slověne*. No 1. 2012. P. 61–73.

Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts* (= Schriften über Sprachen und Texte). Frankfurt a. M. et al., 1998.

Murelli A. *Relative constructions in European non-standard varieties* (= Empirical approaches to language typology. Vol. 50). Berlin; New York, 2011.

Pichkhadze A. A. Sredstva vyrazheniya imperativnoi i optativnoi semantiki v drevnerusskikh i staroruskikh preskriptivnykh pamyatnikakh. *Voprosy yazykoznanija*. No 5. 2010. P. 14–24.

Podtergera I. A. Grammaticheskaya chast' v „Alfavitare radi ucheniya mal'nykh detei“: struktura, soderzhanie, istochniki. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 5. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. 2014–2015. Moscow, 2015. P. 233–288.

Romodanovskaya V. A. Ob istochnikakh i karaktere énciklopedicheskikh gloss Gennadijevskoi biblii (1499 g.). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. T. 52. St. Petersburg, 2001. P. 138–167.

Romodanovskaya V. A. Zametki o perevode „latinskikh“ knig Gennadijevskoi biblii 1499 g.: bibleiskii tekst i énciklopedicheskie glossy. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. T. 56. St. Petersburg, 2004. P. 235–250.

Romodanovskaya V. A. Gennadijevskaya Bibliya. *Pravoslavnyaya énciklopediya*. T. 10. P. 584–588 (<http://www.pravenc.//>).

Sobolevskiy S. I. *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast'. Morfologiya i sintaksis*. St. Petersburg, 1998.

Stotz P. *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters*. Bd. 4. *Formenlehre, Syntax und Stilistik* (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 5, Bd. 4). München, 1998.

Troickij V. I. *Otnositel'noe podchinenie v yazyke russkoi pis'mennosti XVI–XVII vekov*. Kazan', 1968.

Uspenskij B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow, 2002.

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. Bd. IV. Die Satztypen: Der zusammengesetzte Satz* (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 27.4). Freiburg i. Br., 2002.

Vondrák W. *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin, 1912.

Zaliznyak A. A. Protivopostavlenie otnositel'nykh i voprositel'nykh mestoimenii v drevnerusskom. *Balto-slavyanskije issledovaniya 1980*. Moscow, 1981. P. 89–107.

Zhivov V. M. Novye materialy dlya istorii perevoda „Geografii general'noi“ Bernarda Vareniya. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. T. XLV, vyp. 3. 1986. P. 246–260.

Zhivov V. M. Zametki ob istoricheskom sintaksise russkogo yazyka (Po povodu knigi: G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Böhlau Verlag. Wien; Köln; Weimar, 1986. 319 S.). *Voprosy yazykoznaniya*. 1997. No 4. P. 58–69.

Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti*. Moscow, 2017.

О. Г. Ровнова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
supilinn@mail.ru*

СЛЕДЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ЭНКЛИТИК В ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ*

В статье представлены наблюдения над функционированием обнаруженной в говоре южноамериканских старообрядцев-«харбинцев» группы дискурсивных слов, элементы которых восходят к древнерусским энклитикам *же, ти*. Это частицы *жеть, дажеть, ужеть*, наречие *тожеть*, союз *чтобыть*, модальное слово *можеть*. Исследование основано на материале полных расшифровок аудиозаписей речи пяти старообрядцев продолжительностью 7,5 часов, по 1,5 часа от каждого информанта. В статье обсуждается связь этих дискурсивных единиц с энклитиками древнерусского языка, приводятся примеры их функционирования в говоре старообрядцев Южной Америки, устанавливается их распространение на русской диалектной территории, рассматривается вопрос об их употребительности в диалектной речи.

Исследованный материал подтверждает положение, что говоры старообрядцев зарубежья сохраняют древние языковые черты, утраченные говорами метрополии.

Ключевые слова: русские говоры старообрядцев, старообрядцы Южной Америки, русские говоры зарубежья, древнерусские энклитики, дискурсивные слова.

Предварительные замечания

Частицы в русских говорах, состоящие из отдельных партикул и их разнообразных комбинаций, восходящие к ряду древнерусских клитик и их сочетаний, представляют собой обширный, чрезвычайно интересный и недостаточно изученный в диалектологии класс слов. Некоторый реестр частиц, бытующих в севернорусских и южнорусских говорах, представлен в [Касаткина 2005].

* Исследование проводится в рамках проекта «“Испоконный язык неисковерканный”. Словарь говора старообрядцев Южной Америки», поддержанного грантом РФФИ № 17–04–00 566–ОГН.

Опираясь на данные диалектных словарей и хрестоматий, в обширном массиве частиц Р. Ф. Касаткина выделила 3 основные группы: 1) партикулы элементарного типа: *ле, бо, ак*; 2) частицы, образовавшиеся путем десемантизации полных слов: *бат, ват* (из *бывает* или *баёт* ‘говорит’), *гліко, глікося, глїшь* (из *гляді-ко, гляді-ко-ся, глядішь*), *ку* (из *кажу* ‘говорю’); 3) частицы, союзы, наречия, образовавшиеся путем «склеивания» элементарных партикул: *дакося, жеж, налі, нуткосе, дак* и др. По ее наблюдениям, наиболее богато партикулами Северное наречие¹.

В говоре старообрядцев Южной Америки отмечены частицы, союзы и наречия преимущественно третьего типа, такие как *ажно, анэжно, дажно, дажев* ‘даже’; *эжлив, эслив, эзлив, эли, элив* ‘если’, *как бўдтося* ‘как будто’; *де-ка* ‘где’, *де-тося* ‘где-то’, *как-тося* ‘как-то’.

Особую группу в говоре образуют 6 дискурсивных слов, отличающихся от соответствующих слов литературного языка наличием финали *-ть*: частицы *жеть, дажеть, ужеть*, наречие *тожьеть*, союз *чтобыть* (с редуцированными вариантами *чтобить, чтоть*), модальное слово *можеть*. Ниже обсуждается связь этих дискурсивных единиц с энклитиками древнерусского языка, приводятся примеры их функционирования в говоре старообрядцев Южной Америки, устанавливается их распространение на русской диалектной территории, рассматривается вопрос об их употребительности в диалектной речи.

Основным материалом статьи являются полные расшифровки аудиозаписей речи пяти старообрядцев — двух мужчин и трех женщин — продолжительностью 7,5 часов (см. «Сведения об информантах» в конце статьи). Записи сделаны во время экспедиций — в Бразилии (2008), Боливии (2013, 2014), селе Дерсу Красноармейского района Приморского края (2017; здесь с 2011 г. живут старообрядцы — переселенцы из Уругвая), а также в Москве, где гостила приехавшая из Бразилии Д (2015). По отношению друг к другу информанты представляют три возрастные группы: старшую (А — 52 года на момент записи), среднюю (Б — 39, В — 38, Г — 35 лет), младшую (Д — 20 лет, дочь В). Длительность записи от каждого из информантов одинакова — 1,5 часа, что важно для сопоставления употребительности рассматриваемых дискурсивов и выявления индивидуальных предпочтений в употреблении той или иной единицы. В отдельных случаях привлекается диалектный материал, полученный от других старообрядцев.

Для установления географического распространения исследуемых слов с финалью *-ть* использован Русский диалектный гизаурус (РДГ), разработанный коллективом программистов под руководством С. В. Лесникова (ИЛИ РАН) и ставший доступным для пользования в начале 2019 г. РДГ представляет собой оцифрованный, снабженный поисковой системой корпус диалектных словарей [Лесников 2018].

¹ См., например, лексикографическую трактовку *да, дак* в Архангельском областном словаре [АОС 10: 174–178, 232–241], *тожно* в [СРНГ 44: 171–172], описание *бы, бат, бай, буде* и др. [Пожарицкая 2010], *лиже* [Бегунц 2017].

Общая характеристика говора и исследованного материала

Современный говор старообрядцев Южной Америки является многожды переселенческим. Его носители прошли 300-летний миграционный путь. Он начался в 1660-е гг. на Керженце — старообрядческом центре в Заволжье (бывшая Нижегородская губерния), проходил через Урал, Западную и Восточную Сибирь, через Казахстанский Алтай и китайскую провинцию Западный Синьцзян для одной группы старообрядцев и через Дальний Восток и китайскую Маньчжурию — для другой и завершился в 1960-е гг. в Аргентине, Бразилии, Боливии и Уругвае. Формирование и современное состояние говора связано с историей миграции старообрядцев и неизбежно возникающими междиалектными и межъязыковыми контактами; он не испытал влияния литературного русского языка, стирающего или изменяющего диалектные черты. В говоре отчетливо проступает севернорусская основа, однако система вокализма с неполным оканьем сменилась системой с сильным аканьем. Поскольку говор совмещает языковые черты Северного и Южного наречий, его можно назвать среднерусским, при этом по комплексу языковых черт он не совпадает ни с одной группировкой первичных среднерусских говоров на территории Центральной России, что типично для переселенческих говоров.

Говор имеет две разновидности, связанные с различием в миграционном пути двух групп старообрядцев — «синьцзянцев» и «харбинцев», как они называют себя сами в соответствии с местами «исхода» из Китая. Синьцзянцы — старообрядцы, переехавшие в Южную Америку из Западного Синьцзяна, куда в конце 1920-х гг. бежали от советской власти из Казахстанского Алтая, харбинцы — старообрядцы, жившие в Маньчжурии, в окрестностях Харбина, и бежавшие туда с Дальнего Востока. Различия между синьцзянской и харбинской разновидностями говора незначительны [Ровнова 2015], дискурсивные слова с финалью *-ть* являются диагностической чертой говора именно харбинцев. Например, в книге «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева», автор которой является носителем «образцового» синьцзянского говора, нет ни одного примера типа *да-жеть* или *чтобыть* [Зайцев 2015]. Случаи же употребления отдельных слов на *-ть* в речи синьцзянцев, которые изредка приходится отмечать, являются вероятнее всего результатом заимствования, поскольку в условиях разрешенных браков между синьцзянцами и харбинцами и постоянных контактов идет активный процесс междиалектного взаимодействия. Примеры от синьцзянцев в статье не используются.

В исследованном материале семантические и синтаксические различия между дискурсивными словами с *-ть* и без *-ть* не выявлены. Вполне обычно употребление обоих вариантов в одном контексте²:

² Примеры даются в орфографической записи. Пояснения к ним приводятся в круглых скобках, вопросы собирателя, текстовые пропуски и вставки — в квадратных. Значения диалектных слов раскрываются в постраничных сносках. После примера указываются место, год записи и буквенный индекс информанта. См. «Сведения об информантах» и «Сокращения географических названий» в конце статьи.

- (1) [— А как относятся к тем девушкам, мужчинам, которые отошли от старой веры? Вы их осуждаете или спокойно к этому относитесь?] — *Но как-то не шибко принимают их, **уже** не завсяко-просто. То... как мно́ги, молодёжь, то, кажется, ничё, нормально, а вот как старики **ужэть**, это, которые постарше, онé **уже** их не хотят. [...] Как вот тятенька³, он шии-тат, что **уже** раз ушли, не захотели здесь быть, то большие суды́ не лезьте и не мешайтесь. То так. [...] А потом начнут, что «нет, этих **ужэть**, это, оставим, не хотим йих».* БРЗ. 2008. В.
- (2) (О сложных отношениях с бабушкой.) *И тогда она взяла и вот так вот мне сказала, мне **да́жеть** обидно показалось, знашь, что⁴ бабушка своя. Менé **даже** и бывало охота сходить попровéдовать её, что⁵ а вдруг да по-мрёт. [...] А когда сходила, опять мне ниско́ль опять неохота к имя́ ходить, не пойду **да́жеть**. Попрошалась та́ма с эй: «Прости» и ушла, и всё. И не знаю, когда большие пойду.* БРЗ — Мск. 2015. Д.
- (3) [— А имя Никон можно давать ребенку?] — *Никон можно, вот у Ивана есь Никон. Он святой был Никон-то. Не именно тем, который был [патри-арх], а другим называют, а́а. Ну у нас, как бы сказать, Никон есь, он Дий **то́жеть** ведь есь этот, как его, он был, ну боу́-то эти йдо́льски, идол-то был, Дий был — все онé, вот этих много, и онé идолы были — называют **тоже**.* БЛВ – Дрс. 2017. А.
- (4) *Трёття сестра, она живёт с бразиля́нином, то она **ужэть** просто живёт, что... Ну, знашь, **уже** совсем старую веру оставила, никогда больше не носит такие рубахи. [...] А брат женился **то́жеть** с бразилю́хой, то **тоже** по-бразильски всё.* БРЗ. 2008. Б.
- (5) *Здесь в Боливии нету, вот эти вот индейцы, у их нету это, что взять ружьё или ножик убить человека, у их нету. Они вот: «Мужик, давай на кулаки!» [...] Толька кулаком. А так, **что́быть** это, **что́ть** убить, — но⁶. Он проки-пятитца, прозлитца, запомнит тебя, что с тобой дружбы большие нету.* БЛВ. 2013. Б.

В говоре старообрядцев Южной Америки нет постпозитивных согласующихся частиц *-от, -та, -то, -ти* и местоимения 2 л. *ти*, с которыми можно было бы связать наличие финали *-ть* в дискурсивных словах. Она представляет собой след одной из древнейших энклитических частиц — *ти*, которая, как показал А. А. Зализняк, была известна всем диалектам древнерусского языка и особенно широко распространена в древненовгородском диалекте. Поведение этой частицы рассматривается в ряде его исследований [Зализняк 1993; 1995; 2008].

При анализе диалектного материала существенны следующие положения, высказанные А. А. Зализняком.

³ Свекор.

⁴ Потому что.

⁵ Потому что.

⁶ Исп. *no* 'нет'.

1) В древнерусском языке энклитика *ти* встречается в свободных и несвободных употреблениях. В свободных употреблениях эта частица выступает как «усилитель индикативности»: «она подчеркивает, что факт имел место, и указывает на его значимость для адресата речи» [Зализняк 2008: 32]; она означает ‘обращаю твое внимание на следующий факт’ [Зализняк 1995: 178]. Такие примеры широко представлены в памятниках XI–XII вв.; после XII в. свободное употребление *ти* постепенно угасает. В говоре старообрядцев свободное употребление *ти* отсутствует.

2) В несвободных употреблениях, т.е. в сочетании с определенными лексемами или словоформами, она выступает в усеченной форме *ть*, а ее собственное значение (усилительное) может «несколько модифицироваться или затемняться». А. А. Зализняк приводит примеры сочетаний этой частицы с условными союзами (*оже ти (ть)*, *аже ти (ть)*, *аче ти (ть)*, *али ти (ть)* и др.) и, что особенно важно, сращения с другими элементами, из которых в древнерусском языке возникают такие слитные союзы, как *дати (дать)* ‘пусть’, ‘чтобы’, *ати (ать)* ‘пусть’, ‘если’.

Именно такая картина наблюдается в говоре старообрядцев Южной Америки⁷. Слова *ужэть*, *да́жэть*, *то́жэть*, *что́быть* — это результат сращения частицы *ти* с цельными лексическими единицами *уже*, *даже*, *тоже*, *чтобы*, которые выступают как базис для энклитической частицы, см. раздел «Проклитико-энклитические комплексы и сращения» в [Зализняк 2008: 72–78].

Что касается диалектной частицы *жэть*, то она образовалась в результате сращения двух частиц — частицы 1-го ранга *же* и частицы 4-го ранга *ти*. Сращение произошло строго в соответствии с обнаруженным А. А. Зализняком в древнерусском языке ранговым принципом сочетаемости частиц, см. приводимый им пример из Волынской летописи под 1289 г.: *не поѣдеш ли вонъ, ѿ же ти боудоу помочник брат своему на тѣѧ* [Зализняк 2008: 29], в котором отражено сочетание, но еще не сращение двух частиц. Говор старообрядцев, таким образом, демонстрирует следующую ступень их взаимодействия — слияние в одну частицу.

Иллюстративный материал и комментарии

жэть < *же* + *ти*

Это редкая частица (9 примеров), была замечена в звучащем материале позже других слов на *-жэть*. Она используется в диалогическом речевом режиме, при обмене репликами. Отмечена с усилительным значением, унаследованным от энклитики *ти*, и отождествительным значением — от энклитики *же*.

С усилительным значением:

⁷ Т. М. Николаева указывает, что изолированное употребление частицы *ти* свойственно современному словенскому языку и кайкавскому наречию сербского языка, а также приводит пример сохранения ее в просторечном слове *нетути* [Николаева 2008: 294]. К этому примеру можно добавить диалектное и просторечное *надоть*, бранное *тудыть-растудыть*.

- (6) (Показывает свой сад.) [— Малина?] — *Ауа... Её надо было иио́ вчера́в со-
брать жеть. Поди́, много спелой.* БРЗ. 2008. В.
- (7) *Мне кажется, как ты сказала, староверы, они сами всё делали. Они муку
делали и картошку там садили, всё сами жеть в деревнях делали. То это
да, мне кажется нормально.* БРЗ — Мск. 2015. Д.
- (8) (Рассматривает фотографии, привезенные из России.) *Фижон⁸ растёт.
(О молодежи на фотографии — детях отца по имени Ульянов.) А вот это
жеть Ульяновы, да?* БЛВ. 2013. Б.

С отождествительным значением:

- (9) [— А тятя парнишка один у дедушки? У него все остальные сёстры? Или
там еще братья есть?] — *Нет, ещё двое старших тяти.* [— А, есть. А где
они живут?] — *Там жеть.* [— Там же?] — *Вот это деда живет, и сбоку
один дом от него.* БРЗ — Мск. 2015. Д.
- (10) [— Домашняя сметана это, да?] — *Да, да... Мы коров до́им, молоко сдаём.
Здесь жеть для себя напропускашь молока и. Сметаны, творогу́ — всего
полно́...* БРЗ. 2008. В.
- (11) (О родственниках, которые не приглашают к столу не старообрядцев.)
... *а других не иишитают, что другие-то то́жеть такие жеть, как онё.*
БРЗ — Мск. 2015. Д.

В примере (6) частица *жеть* является фразовой и усиливает значение сказуе-
мого *надо было собрать*. В случаях (7)—(11) она представляет собой локальную
частицу, стоящую в постпозиции к местоименным словам, значение которых мо-
дифицируется в сторону усиления или отождествления.

Проверка по РДГ распространения частицы *жеть* показала, что она не зафик-
сирована ни в одном диалектном словаре.

ужеть < уже +ть

Слово зафиксировано только в речи информантки В. Нам близка трактовка часте-
речной принадлежности *уже / ужеть* как частицы. Она принадлежит к тому же типу
частиц, что и *только, все-таки, даже*: все они «вызывают в сознании воспринимаю-
щего некие дополнительные, невербализованные смыслы» и «являются свернутым
знаком той предваряющей ситуации (пресуппозиции), на фоне которой формирует-
ся высказывание с данной частицей» [Панова 2010: 397]. Эти «невербализованные
смыслы» не всегда легко определить. Как следует из примеров, при отнесенности
к глаголу (12) или глагольной группе (13, *ужеть**) с помощью частицы может акцен-
тироваться какая-либо временная характеристика действия или состояния:

- (12) (Об обучении детей в деревне церковнославянскому и русскому языку.)
*Хто, знаишь, ужётъ учитца в (бразильской) школе, умеют уже всё это пи-
сать-читать, имя быстро понять. Такое, как вот наши.* БРЗ. 2008. В.

⁸ Фасоль, порт. *feijão*.

- (13) [— А вот Расскажи, как вам было учиться по-бразильски?] — *Нормально... Трудно по-русски, потому что по-русски-то мы только здесь (в деревне) слышим, а по-бразильски-то везде. То нормально учились. У нас вот то́жесть учатца, онé когда пойдут по-бразильски учитьца, ужэть* язык знают, всё... А как по-русски, ужэть** отдельно-то имя надо учитьца, — вот это трудно-то. А по-бразильски нормально учутца, и всё.* БРЗ. 2008. В.

При отнесенности к слову другой части речи частица *ужэть* усиливает значимость слова, как *ужэть*** в (13), а также (14), (15):

- (14) *И вот онé (дед и его сестры) больше не виделись никогда, и он так и помер, а две сестры там (в России). То час это... дядя ужэть это, как мой дядя, он как деда Тимофеев сын, он ездил этих тётток смотреть.* БРЗ. 2008. В.
- (15) (О том, во сколько встают к утренней службе в моленной.) *Ну это только дедушка стаёт в три, Владимир (муж) тоже рано уходит, а как ребятишки-то идут — после ужэть, в пять часов.* БРЗ. 2008. МК.

Эта частица может стоять в препозиции и постпозиции к слову и сочетанию слов. Проверка географии *ужэть* выявила всего три населенных пункта в Кировской области, где она была зафиксирована, из каждого словарь приводит по одному примеру [ОСВГ 11: 146].

дажэть < даже + ть

Слово отмечено в двух функциях — функции частицы (16) и присоединительного союза с оттенком усиления (17). Иллюстрации:

- (16) (Разговор о том, как трудно было девушке из старообрядческой среды отвоевать право учиться за пределами деревни.) *Они (три сестры матери) в город потом перекочевали, чтоб учиться, их в деревне больше не приняли. Сейчас принимают, что люди привыкли. А так не принимали дажэть. Они в Америку ездили, в Америке там праздновали всё, а в Бразилии, что в Гоясе, их дажэть не принимали. Что, как ты сказала, пальцами показывали, ааа, точно. Что уже как в проститутку ушла, знашь, вот такое вот начали говорить. Точно.* БРЗ — Мск. 2015. Д. — частица с усилительно-выделительным значением, употребляется в постпозиции и препозиции.
- (17) *И мы чё-то два или три года назад, два кажется, услышали, что девчонка в больнице бёбу лóвит⁹, дажэть не знали, что она бёбу дожидáет¹⁰, не знали ничё этого.* БРЗ — Мск. 2015. Д. — присоединительный союз с оттенком усиления.

⁹ Рожаёт ребенка.

¹⁰ Ждет ребенка, беременная.

тожеть < тоже + ть

Наречие употребляется с отождествительным значением ‘равным образом, в равной мере, также’. Примеры:

- (18) [— В Москве в этом году очень много гриппом болели.] — *Здесь тожеть, здесь тожеть час такое.* БЛВ – Дрс. 2017.
- (19) [— Голубая скорлупа у куриных яиц — в Аргентине мы видели.] — *Да, здесь (в Бразилии) тожеть голубые-то.* БРЗ. 2008. В.
- (20) (Разговор о сложных отношениях с дедом и бабушкой.) *А потом, ты знаешь, просто тятя говорит: хошь он (отец тяти, дед) бы замечал, что я ему делаю, а он не замечает. Не плотит, не замечает, ни спаси Христос — ни чё. Знаешь, так, что обязан вроде тятя мой это делать. То ишибко тожеть он обижаецца на их. А к баби (бабушке — матери отца) он не ходит тожеть. Такой... просто от их отделённо живём.* БРЗ — Мск. 2015. Д.

Наречие *тожеть*, согласно результатом поиска по РДГ, отмечено в отдельных южнорусских говорах — на Дону, в Краснодарском крае, Молдавии¹¹, а также в отдельных говорах Предуралья, Западной и Восточной Сибири.

чтобыть < чтобы + ть

Подчинительный союз *чтобыть* имеет в говоре два редуцированных варианта — *что́ить* и *что́ть*. Он присоединяет придаточные двух видов — со значением цели:

- (21) *Как я поняла, Россия она ишибко много импортует от других странов — и мясо, и еду всякую. То онé (власти) вот это вот делают, как дядя Ивосиф с тёткой Мариной, что́быть у их было своё, что́быть свои люди это сеяли, и скота ро́стили.* БРЗ — Мск. 2015. Д;
- (22) (О конфессиональных спорах между общинами двух старообрядческих деревень в Бразилии.) — *Трудно у нас та́ма получаютца. Такие маленькие деревни, ишиб разделяютца. Все потеряютца скоро, и всё. Вот когда из Уругваю приезжали туды́, что́ить [...] их вместе, знаешь, исделать опять, знаешь, что... ну ко(з)да это... [— Как один собор, да?] — У-у́. Как дядя Иван помер, то приезжали туды́, что́ить все опять вместе стали. Но онé всё равно разделённые, а дёда их не принимают.* БРЗ – Мск. 2015. Д;
- (23) (Об оформлении рабочей визы в Канаду.) *Ты на моё имя документ мой выпишешь, визу, так прямо, оттуда, выхлопочешь, в государьсво отдаёшь, знаешь, что тебе надо столь рабочих и менé неинтересно здеиных людей, менé интересно тéх людей, что́ть онé работали.* БЛВ. 2013. Б;

¹¹ Наречие *тожеть* зафиксировано Л. Л. Касаткиным в говоре старообрядцев села Кунича Флорештского района Молдавии [Касаткин 2014: 367].

изяснительное придаточное:

- (24) (О подходящей для посева температуре пахотной земли.) *Ниже тринадцати — уже трудной всход. И не растёт растение. Но всё равно — земля холодная, надо, **чтобыть** земля тёпла была.* БЛВ. 2014. Г;
- (25) *Тяньенька ийбко хотел, **чтобыть** он приехал на свáльбу вот суды.* БЛВ. 2013. Б.
- (26) (Об одном из старообрядцев, который решил переселиться из Боливии в Россию.) *Вот он тоже с этой же программой поехал, что ему в консульстве сказали, что «вам дадим это, мы хочем, **чтоь** Россию сделали, как это сказать, в капиталі, что, знашь, аґрикультура¹² пошла [...]».* БЛВ. 2013. Б.

Проверка по РДГ показала, что этот союз не отмечен ни в одном диалектном словаре. Исторические словари дали всего один пример из Разговорника Фенне:

- (27) *Торғуй ты тово товару, которой с твоими деньгами вровень, **чтобы-ть** себѣ сорома не было.* Разг. Фенне, 349, 1607 г. [СОРЯ 3: 104 s.v. **ВРОВЕНЬ**].

Модальное слово *может*

Модальное слово *мóжет*, как и *может* литературного языка и других говоров, выражает в говоре старообрядцев предположение говорящего о вероятности или возможности соответствия содержания высказывания действительности и функционирует в высказывании как вводное слово. Обращает на себя внимание несоответствие морфологического оформления модального *мóжет* форме 3 л. ед. ч. глагола *могчй* ‘мочь’ и его приставочных производных в говоре харбинцев.

Во-первых, формы глаголов 3 л. ед. и мн. ч. обоих спряжений имеют у харбинцев твердый *т*, что является одним из проявлений севернорусской основы их говора. Во-вторых, спряжение глаголов с основой на заднеязычные *г, к* (*могчй, пекчй* и под.) сопровождается не старым чередованием *г//ж, к//ч*, а сменившим его чередованием твердых согласных основы с мягкими [Русская диалектология 2012: 157–158], в результате чего лично-числовая парадигма глагола *могчй* выглядит в говоре так: *мо[г]ý, мо[г’]ешь, мо[г’]ет, мо[г’]ем, мо[г’]ете, мо[г]ут*, см. *не бере-гём, не мóжет* в (33).

Примеры (27а) и (27б) из речи В, (28а) и (28б) из речи Г, (29а) и (29б) из речи Д показывают формальное и функциональное противопоставление модального *мóжет* и личного глагола *мóет*:

- (27а) [— Не знаешь ты ее, Евдокию? Она подруга Анфисы.] — *Я не знаю, про каку́ ты говоришь. **Мóжет**, я знаю. Она, поди́, была... Она не была́ за это, за Анфисыным братом ввййдена?* БРЗ. 2008. В;
- (27б) *Ну а как вы приедете туды́ в Рио-Вёрде, вас там **мóет** моя сестра встретить, Ксения.* БРЗ. 2008. В;

¹² Сельское хозяйство, исп. *agricultura*.

- (28а) *Я смотрел в России: там есь эта же тэхника, и те же жондирá¹³, даже есь другй трактора, даже, **мóжет**, и дешевле, но дешевле нет, чем в Америке.* БЛВ. 2014. Г;
- (28б) (Об обработке земли в Боливии и России.) *Здесь восемь раз орошáм¹⁴ от болезней, там один раз — то где человек **мóжет** выиграть? Расходов меньше — доходов больше.* БЛВ. 2014. Г;
- (29а) (Стелем постель и разговариваем.) — *Ну как это, ты одеёшь на одеяло. А мы и так, дáжет не одеём на одеяло никого. У нас одеяло просто, и всё. [— Ну, может быть, всё из-за того, что у вас жарко?] — **Мóжет**. Мы и так, мама шьёт которые одеялья, но говорит «наволочка на одеяло», и всё.* БРЗ — Мск. 2015. Д;
- (29б) (О трудных родах матери.) *Когда она сказала, что она шió одного [ребенка] дожидáт, онé (доктора) ей сказали, что она даже дурная, что **не смóжет** его родить, что ей шióбко трудно будет. Но нормально всё прошло, и Боу, наверно, захотел так, чтóить у ей шió один стал. Но онé ей сказали, что никак другого **не мóжет** принести¹⁵.* БРЗ — Мск. 2015. Д.

В функции вводного слова выступает и личный глагол, но такие примеры редки:

- (30) *Какóй-тося не такой, голова чё-тося болит. (Шутит.) Волосá, **мóжет**, пострíгчи?* УРГ. 2015. Е (по скайпу).

Реже, чем **мóжет**, употребляется вводное сочетание **мóжет быть**:

- (31) (Из разговора о том, какие овощи хорошо растут на Дальнем Востоке.) *Нравитца морковка, редька, репа, свёкла. Там виноград хорошо растёт, должен зарости. [...] **Мóжет быть**, кинталéру везти? То онé скажут там, то ли... кого нам (что нам везти). [...] Здесь у нас тыкву называют кинталíру, онé до 50, до 80 килограмм растут.* БЛВ. 2013. Б.

Образование модального слова **мóжет** не связано с древней частицей *жеть*. Это древнерусская глагольная форма, которая обособилась от лично-числовой парадигмы и которую не затронули ни проходивший с XIII в. в северных диалектах древнерусского языка процесс отвердения [т'] в личных окончаниях глаголов 3 л. (см. [Иванов 1990: 319–323; Силина 1995: 379–380]), ни смена типа чередования конечных согласных основы при спряжении. Другими словами, модальное **мóжет** в говоре харбинцев Южной Америки — частный случай конверсии в историческом словообразовании¹⁶. Его сохранению способствует существование

¹³ Тракторы и комбайны марки John Deere, выпускаемые американской фирмой Deere & Co.

¹⁴ *Орошáть* — опрыскивать всходы, поливать землю раствором пестицидов для уничтожения вредителей сельскохозяйственных культур.

¹⁵ Родить.

¹⁶ Согласно грамматикам современного русского языка, модализация — образование модальных слов путем конверсии, т. е. перехода в модальные слова словоформ знаменательных частей речи или связанных сочетаний, — является единственным способом образования модальных слов [Панова 2010: 406–408].

в харбинской разновидности говора целой группы дискурсивных слов на *-жеть*, в которую входит и вводное слово *мóжетъ*¹⁷.

Употребительность дискурсивных слов на *-ть*

Все дискурсивные слова с наличием и отсутствием финали *-ть* относятся к частотной лексике говора, употребляются старообрядцами разных поколений. В речи каждого из них слова с *-ть* и без *-ть* существуют как варианты. Количественные данные, основанные на подсчете употреблений этих вариантов в полуторачасовой аудиозаписи от каждого из пяти информантов, приведены в таблице.

Употребительность дискурсивных слов с *-ть* и без *-ть* в речи информантов

	жеть	же	дажеть	даже	ужеть	уже	тожеть	тоже	мóжетъ	чтобыть	чтобы	чтоить	чтоть
А	2	5	4	4	—	24	1	36	3	—	1	—	—
Б	1	26	—	16	—	41	—	18	1	4	11	2	7
В	2	7	5	6	12	31	8	16	4	3	1	—	—
Г	—	19	1	6	—	36	2	7	2	11	4	—	—
Д	4	12	25	23	—	21	26	3	1	+	—	12	1
	9	51	40	49	12	153	37	80	11	18	17	14	8
	60		89		165		117		11		57		

Материал показывает, что в речи информантов самым употребительным дискурсивом оказывается *ужеть* / *уже* (165 употреблений), за ним следуют *тожеть* / *тоже* (117 употреблений) и *дажеть* / *даже* (89 употреблений); примерно поровну употреблений у *жеть* / *же* (60) и *чтобыть* / *чтобы* / *чтоить* / *чтоть* (57). В группе дискурсивов с финалью *-ть* самым редким словом является, как уже было сказано, частица *жеть* (9 употреблений), примерно равную употребительность имеют *дажеть*, *тожеть*, *чтобыть* с его редуцированными формами (соответственно 40, 37, 40 употреблений). Довольно скромный показатель у *мóжетъ* объясняется его специальным модальным значением и употреблением только тогда, когда говорящий относится к содержанию высказывания как предположению. В мужской речи (Б, Г) вариантов на *-жеть* меньше, чем в женской, но именно в речи Б преобладает, являясь яркой чертой его идиолекта, максимально редуцированная форма союза *чтобыть* — *чтоть*. Индивидуальной чертой идиолекта В (женщина) является использование варианта *ужеть*, при том что в речи ее дочери Д он не зафиксирован. Идиолекту Д свойственны не только редуцированные формы *чтоить*, *чтоть* союза *чтобыть*, но и его нередуцированная форма: она не встретилась

¹⁷ Похожий случай обособления вводного слова от глагольной парадигмы и лексикализации в нем морфологического явления наблюдается в говоре староверов Эстонии, где вводное *мóже* употребляется на фоне глаголов с конечным *т* в формах 3 л. ед. и мн. ч. независимо от спряжения и места ударения [Ровнова, Кюльмоя 2008: 289].

в расшифрованном материале, но зафиксирована в других записях от Д, см. (21). Таким образом, употребительность дискурсивов на *-ть* в идиолектах определяется не возрастом и полом информантов-старообрядцев, а индивидуальными предпочтениями в использовании ресурсов диалектного языка.

По количеству дискурсивов с финалью *-ть* «лидирует» 20-летняя Д — представительница третьей возрастной группы. Ниже приводится ее рассказ о том, что в Южной Америке старообрядцы почитают до седьмого колена не только кровное, но и духовное родство, «по Христу», что обнаружение духовного родства у предков препятствует заключению брака и поэтому в последнее время в крестные берут кровных родственников. Рассказ длится 2,5 минуты, он насыщен дискурсивами: *что́ить* — 4 раза, *то́жеть* — 2, *да́жеть* — 1, *жеть* — 1:

[— А у вас можно крестить, чтобы родная сестра была и крестной?]

— *Можно, да. Из-за того, что нас мало в Бразили как, то мы родни́м. То э́злив разные*¹⁸ *бы люди бы става́ли*¹⁹, *то мы шй́боко бы родня бы става́ли, все бы родня бы стали по Христу. И вот, и жени́тца-то с кем бы, кому осталось? То так, все [стремятся] братья́в или та́ма тётку поставить. Но тётку — это уж когда нету бра́тчика, что́ить, знаишь, стал крёстной, то тётку или та́ма своёго хрёсника поставить, что́ить крёстной был от детей*²⁰.

*И у нас (в семье) так вобч́е. Как у меня э́зив дети будут, Маркья́ник (младший брат), он мой хрёсник, то он будет крёстной от моих детей. То так всегда и и́дёт, что тя́тя — хрёсней от своего брата, от всех от ребятишек. То онé (семья родной сестры) хочут, что́ить это, то́жеть Маркья́ник става́л для йй́хных, что*²¹ *родня всё равно, как*²² *братья жеть. И это уже тянетца, родня, то не хочут, ну́ише что́ить расходилось. Мне кажетца, правильно даже так думают, а то бы...*

*Как раньше-то не бы́ло, как сразу же-то из Китая приехали, то настави́ли — це́ла куча хрёсных, и до меня это тянулось, теперь, после меня, уже прошло. Что*²³ *моя бабушка там хрёсней стала кому́-тося, что совсем не родня. И у меня да́жеть это получилось. Я бы взáмуж бы вышла то́жеть мо́лоденькея, что*²⁴ *у мя был жених. И я его любила, и он менé гляну́лса*²⁵, *я ему гляну́лася, и собра́лися жени́тца. Мне было пятна́дцать лет, пятна́дцать. И родня мне стал по Хриссу́: моя бабушка ево́иной бабушке хрёсна. И то... у нас по семь степеней нельзя жени́тца, то оказалась родня. Но мы последни уже как, уже шесь мы степеней, то други́ уже восе́мь — то могут жени́тца. А не жалею, ниско́ль не жалею. БРЗ — Мск. 2015. Д.*

¹⁸ Другие.

¹⁹ Становились.

²⁰ Детям; диал. *быть крёстным от кого-л.* в соответствии с лит. *быть крёстным кому-л.*

²¹ Потому что.

²² Так как, потому что.

²³ Потому что.

²⁴ Потому что.

²⁵ Понравился.

В других харбинских аудиоматериалах, полные расшифровки которых для статьи не производились, отмечены дискурсивы с твердой финалью *-т*: *да́же*[т], *мо́же*[т], *что́бы*[т], например:

- (32) [— А что значит «жилы засорёны»?] — *Это, кров, де́-ка жилы, де²⁶ кров ходит, как бы кров густая очень, должна она лучше быть. Чтобы сердцу работать оно ловко, хорошо работать сердцу, надо, **что́быт** она была жидка кров, нормальна она, что не засорёна.* УРГ – КЛГ. 2015. Е;
- (33) (О том, что организм может сам справляться с болезнями.) *Он справитца, он может справитца, ему Господь дал этого, **что́быт** он справился, а мы его не бережём, и он поэтому не мо́жет.* УРГ – КЛГ. 2015. Е.

Единичные случаи произнесения дискурсивов с твердым [т] встретились в речи Б, (*что́бы*[т]), В (*ужё*[т], *мо́же*[т]) *быть* при дважды отмеченной личной форме *мо́жет*) и Г (*мо́жет*) (они не включены в таблицу):

- (34) *Люба́ страна в этих краях, оне́ мостя́тца²⁷ так: **что́быт** вырастить и продать, вырастить и продать, что́быт больше капитала в страну заходило. Налогу больше даст народу, будет, знаишь, что́быт капитал рос, большой капитал рос.* БЛВ. 2013. Б;
- (35) — *У йих тама как... ййхной отец есь, старик, деда Сидор.* [— Сам старик Сидор Иванов?! Жив, да?] — *Ауа. То я да́жесть не знаю, я **ужё́т**... я давно́ там уже не была.* БРЗ. 2008. В;
- (36) (О куриных яйцах с голубой скорлупой.) *Час посмотрю, даже были, **мо́жет быть** [найду]... (Уходит и приносит яйца.) Вот эти вот не шибко угодáли²⁸? А есть кото́ры просто ярке-голубые!* БРЗ. 2008. В;
- (37) (О ценах на сельскохозяйственную технику в России.) *Ближе [к Владивостоку] смотре́л — нет. Есь, **мо́жет**, судá ближе, но там дороже, видишь, она уже пойдёт ну́ише на восток — ну́ише дороже.* БЛВ. 2014. Г.

Подобные примеры свидетельствуют о происходящем в говоре процессе отвердения финали *-ть* и появлении у дискурсивов еще одного, твердого, варианта: *уже* / *ужё́ть* / *ужё́т*, *мо́жесть* / *мо́жет*, *что́быть* / *что́быт* и др. Этот процесс требует специального изучения.

Выводы

1. В говоре старообрядцев-харбинцев сформировалась целая группа относящихся к частотной лексике дискурсивных слов, маркированных финалью *-ть*, которая является усеченным вариантом древнерусской энклитической частицы *ти*.

²⁶ Где.

²⁷ Стараются.

²⁸ Оказались похожими.

Частица *жеть* восходит к сочетанию частиц *же* и *ти* древнерусского языка; слова *ужеть*, *да́жить*, *то́жить*, *что́быть* образовались в результате сращения частицы *ти* с цельными лексическими единицами *уже*, *даже*, *тоже*, *чтобы* и ее редукции; модальное слово *мо́жет* является по происхождению древнерусской глагольной формой 3 л. ед. ч.

2. Употребительность дискурсивов с финалью *-ть* в говоре ниже по сравнению с дискурсивными словами без такой финали. При этом положение слов на *-ть* в диалектной системе вполне устойчиво: они используются харбинцами всех поколений, заимствуются синьцзянской разновидностью говора, переживают новый процесс — отверждение финали, союз *что́быть* приобретает редуцированные варианты формы *что́ить*, *чтоот*.

3. Сделанный с помощью Русского диалектного гизауруса анализ распространения этих дискурсивных слов на диалектной территории показал, что они как единая группа не сохранились ни в говорах Центральной Европейской части России, ни в переселенческих говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Отдельные слова на *-жить* изредка встречаются в некоторых южнорусских говорах центра, например смоленских, а также в переселенческих говорах южнорусского происхождения, в том числе старообрядческих (Дон, Краснодарский край, Одесская область, Молдавия). Отмечены они в отдельных переселенческих говорах Предуралья (Оренбургская область), Восточной Сибири (Красноярский край, Забайкалье), Западной Сибири (Томская область). Следует признать, что говор старообрядцев-харбинцев Южной Америки, чей миграционный путь проходил через Урал и Сибирь, является в настоящее время единственным известным говором, в котором продолжает функционировать целостная группа из шести дискурсивных слов с финалью *-ть*, образование которых относится к языку древнерусского периода.

Представленный материал подтверждает высказанное в трудах Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной, В. Н. Чекмонаса и других исследователей старообрядческих говоров зарубежья положение о том, что эти говоры сохраняют явления, утраченные в материнских говорах метрополии.

Сведения об информантах

А — женщина, родилась в 1965 г. в Бразилии, в раннем детстве вместе с семьей родителей переехала в Уругвай, с 1984 г., выйдя замуж, жила в Боливии, с 2010 г. живет на Дальнем Востоке. Запись 2017 г., с. Дерсу Красноармейского р-на Приморского края.

Б — мужчина, родился в 1979 г. в Бразилии, с раннего детства живет в Боливии. Запись 2013 г., Боливия.

В — женщина, родилась в 1976 г. в Бразилии. Запись 2008 г., Бразилия.

Г — мужчина, родился в 1974 г. в Бразилии, с 9 лет живет в Боливии. Запись 2014 г., Боливия.

Д — женщина, родилась в 1995 г. в Бразилии, дочь А, имеет среднее специальное юридическое образование. Запись 2015 г., Москва.

Е — мужчина, родился в 1992 г. в Уругвае, с 2016 г. живет в России. Запись 2015 г., Уругвай (по скайпу), Калуга.

Сокращения географических названий

БЛВ — Боливия

БРЗ — Бразилия

Дрс — с. Дерсу Красноармейского р-на Приморского края, с 2011 г. — место жительства старообрядцев-харбинцев — переселенцев из Уругвая.

Клг — Калуга

Мск — Москва

УРГ — Уругвай

Словари

АОС 10 — Архангельский областной словарь. Вып. 10. Готóвыш — Дéло / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1999.

ОСВГ 11 — Областной словарь вятских говоров. Вып. 11. Т — Х / Под ред. З. В. Сметаниной. Киров, 2017.

СОРЯ 3 — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 3. Вор — Вящий. СПб., 2010.

СРНГ 44 — Словарь русских народных говоров. Вып. 44. Телепай — Транба / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2011.

Литература

Бегуниц И. В. К изучению служебных частей речи в архангельских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / Отв. ред. О. Е. Кармакова. М., 2017. С. 62–72.

Зайцев Д. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева / Подгот. к изданию О. Ровнова. М., 2015.

Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте 1984–89. М., 1993. С. 191–321.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

Касаткин Л. Л. Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2014. С. 325–373.

Касаткина Р. Ф. Калейдоскоп частиц в русских народных говорах // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 2005. С. 365–373.

Лесников С. В. Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. / Отв. ред. О. Е. Кармакова. М., 2018. С. 148–149.

Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). М., 2008.

Панова Г. И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2010.

Пожарицкая С. К. Модальные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать*, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. № 19 (1). 2010. С. 103–131.

Ровнова О. Г. «По спичьи» и «за спичьями»: наблюдения над междиалектными контактами в старообрядческих общинах Южной Америки // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 173–175.

Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П. Говоры староверов в современной Эстонии // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 280–299.

Русская диалектология. Учеб. изд. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012.

Силина В. Б. Глагол. Настоящее время. Формы и парадигмы // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1995. С. 378–382.

Olga G. Rovnova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

supilinn@mail.ru

TRACES OF OLD RUSSIAN ENCLITICS IN THE OLD BELIEVER DIALECT OF SOUTH AMERICA

The article presents observations on the function of discourse words found in the Russian dialect of Old Believers in South America or “the Old Believers from Harbin”, elements that can be traced back to the Old Russian enclitics *zhe*, *ti*. They include the particles *zhet'*, *dazhet'*, *uzhet'*, the adverb *tozhet'*, the conjunction *chtobyt'*, and the parenthetical word *mozhet'*. The study is based on full transcripts of audio recordings, amounting to 7.5 hours, of the speech of five Old Believers, with 1.5 hours from each informant. The author demonstrates the semantics of discourse units, which are variants of the words without the final *-t'* in the speech of the Old Believers from Harbin; analyzes the individual preferences of the informants for using one variant or the other; and presents the

results of the linguistic geographical analysis of the material using the Russian dialectal hypertext thesaurus. The investigated material confirms the statement that the dialects used by Old Believers living abroad preserve ancient linguistic features lost in the mother country's dialects.

Keywords: Russian dialects of the Old Believers, Old Believers of South America, Russian dialects abroad, Old Russian enclitics, discourse words.

References

Begunts I. V. K izucheniyu sluzhebnykh chastey rechi v arkhangel'skikh govorakh. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 12. Dialektologiya*. Otv. red. O. E. Karmakova. Moscow, 2017. S. 62–72.

Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow, 1990.

Kasatkin L. L. Russkiy govor sela Kunicha Floreshtskogo rayona Moldavii. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 3. Dialektologiya*. Otv. red. L. L. Kasatkin. Moscow, 2014. S. 325–373.

Kasatkina R. F. *Kaleydoskop chastits v russkikh narodnykh govorakh. Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statey k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy*. Otv. red. V. N. Toporov. Moscow, 2005. S. 365–373.

Lesnikov S. V. Konstruirovaniye gipertekstovogo svoda leksiki narodnykh govorov russkogo yazyka. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 26–28 oktyabrya 2018 g.* Otv. red. O. E. Karmakova. Moscow, 2018. S. 148–149.

Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika: (Istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)*. Moscow, 2008.

Panova G. I. *Morfologiya russkogo yazyka: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. Moscow, 2010.

Pozharitskaya S. K. Modal'nye slova, proizvodnye ot glagolov byt', byvat', v severnorusskoy dialektnoy rechi. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. №19 (1). 2010. S. 103–131.

Rovnova O. G. «Po spich'i» i «za spich'yami»: nablyudeniya nad mezhdialektnymi kontaktami v staroobryadcheskikh obshchinakh Yuzhnoy Ameriki. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii 30 oktyabrya — 1 noyabrya 2015 g.* Moscow, 2015. S. 173–175.

Rovnova O. G., Kyul'moya I. P. Govory staroverov v sovremennoy Estonii. *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya: Sbornik statey k XIV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov*. Otv. red. L. L. Kasatkin. Moscow, 2008. S. 280–299.

Russkaya dialektologiya. Ucheb. izd. 3-e izd., ispr. i dop. Pod red. L. L. Kasatkina. Moscow, 2012.

Silina V. B. Glagol. Nastoyashchee vremya. Formy i paradigm. In: *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* Otv. red. V. V. Ivanov. Moscow, 1995. S. 378–382.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow, 2008.

Zaliznyak A. A. K izucheniyu yazyka berestyanykh gramot. In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste 1984–89*. Moscow, 1993. S. 191–321.

Zaytsev D. *Povest' i zhitie Danily Terent'yevicha Zaytseva*. Podgot. k izdaniyu O. Rovnova. Moscow, 2015.

Д. В. Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /

НИУ «Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

mitrius@gmail.com

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

В данной статье я излагаю наблюдения, связанные с интерпретацией четырёх берестяных грамот. Эти наблюдения накопились при подготовке посмертного издания книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект. Дополнение», над которой он (параллельно с новой редакцией «Древнерусского ударения») работал до последних дней жизни. В настоящее время эта книга готовится к публикации под редакцией А. А. Гippiуса, моей и М. Н. Толстой.

Статья распадается на две части, посвященные двум грамотам каждая: это коррективы к чтению давно найденных берестяных грамот, связанные с фонетическими явлениями, которые были выявлены уже после новых находок, и интерпретации надписей на берестяных рисунках. Коррективы, предложенные в первой части, кажутся наиболее надёжными. Что касается надписей на рисунках, то здесь речь идёт лишь о версиях: скудный контекст и высоковероятное наличие искажений не дают возможности настаивать на предложенных решениях с полной уверенностью. Соответственно, наиболее развёрнуто изложены именно эти, менее надёжные гипотезы, с учётом «за» и «против».

Поправки и дополнения к чтениям берестяных грамот (в том числе к найденным когда-то им самим) всегда приносили А. А. Зализняку большую радость. Особенно ему нравилось, когда открытия новых текстов помогали пересмотреть давно устоявшиеся чтения «старых» грамот: «эта версия продержалась тридцать лет, пока не пала...». Для таких сюжетов он не жалел времени на своих публичных «берестяных» лекциях, приравнивая их к новым находкам документов. Думаю, подобная статья (раздел 1.1. которой подхватывает тему последней статьи Андрея Анатольевича) будет уместна в сборнике его памяти.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древненовгородский диалект, фонетические изменения, орфография, колбязги, рисунки, гимнаграфия.

* Работа выполнена в Институте славяноведения РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00352).

1. «Новые» фонетические явления и темные места в «старых» грамотах

1.1. Грамота 831: Лукерья и колбяги

Грамота № 831 (вторая четверть XII в.) — это один из самых длинных берестяных текстов: письмо от Кузьмы «и его детей» к старейшине Рагуилу, которого автор упрекает в необоснованных, в том числе судебных, претензиях, несмотря на лояльное поведение самого Кузьмы. Это также единственный заведомо известный нам черновик будущего послания на пергамене, что видно из финальной инструкции автора писцу Степану. Нас интересует следующий весьма эмоциональный пассаж:

... боудть да то тоу боудоу ото нхо посадь[ник]о(у) [с]о [пи](скоупомо...) ото весьхо шьсть. А ни а тобе кобажанино, ни а то[бъ] скоу[дь]тина! А и горьзно ми [бе]шь тоу(жно) тъгда.

В «Древненовгородском диалекте» [Зализняк 2004: 303] эта часть толкуется так (с учетом конъектур, предложенных в [Гиппиус 2004б: 224–226]):

«...дескать, я тут от них от всех (т. е. от своих детей) посаднику с [епископом за- платил только] шесть (вероятно, гривен). А я тебе не кобязанин, я тебе не «ску- дятина» (т. е. нищий)! А уж очень мне было туго (?) тогда».

Итак, Рагуил несправедливо обвиняет семью Кузьмы («я и мои дети» постоянно выступают в грамоте как единый субъект) в недостаточной уплате податей. В издании [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 50] это место откомментировано подробнее: «Для *боудоу* (*заплатил*) при такой интерпретации предполагается модальное значение, приблизительно переданное с помощью ‘дескать’». Предыдущее слово *боудть* — по гипотезе А. А. Гиппиуса [2004б: 226], финал фразы типа ‘Если кто-то тебе про меня и про моих детей сказал...’; «при этом глагол, как и в следующей фразе, раскрывающей содержание этого гипотетического высказывания, стоял в предположительном наклонении (например, *рекль будеть*)». Семантика двух форм второго будущего (А. А. Зализняк и вслед за ним А. А. Гиппиус используют термин «предположительное наклонение») — как в *боудоу* (*заплатил*) со значением ‘якобы, дескать’, так и в (*рекль*) *боудть* со значением условия — прекрасно соответствует типологически выявленным Я. А. Пеньковой для предбудущего значениям (ср. [Пенькова 2018] и ряд других её работ). Однако в специальной статье Я. А. Пеньковой [2019] о втором будущем в берестяных грамотах эти реконструируемые два вхождения не учтены (как и некоторые другие не столь надёжные примеры, тоже основанные на тех или иных конъектурах: № 430, 592 [Гиппиус, Зализняк 2015: 240, 251–252], № 834 [Зализняк 2004: 311–312]). Ближе всего к семантике снятой утвердительности (‘якобы, дескать’) пример из берестяной грамоты № 531: *оже боудоу люди при комо боудоу дала роукоу за зате* ‘если будут свидетели, при ком я [якобы] поручилась за зятя’ ([Пенькова 2019: 74]; там же параллели из книжных памятников).

В ответ Кузьма заверяет в своей платежеспособности, ссылаясь на трудные обстоятельства и восклицает, что он не «кобязанин» и не «скудятина» (не

исключено, что в грамоте прямо так и написано *скоу[да]тина*, но возможно и *скоу[дь]тина* с ранним переходом [а] в [е] между мягкими). Ни то, ни другое слово ранее в источниках не встречалось. А. А. Зализняк комментирует это место так: «Остается пока невыясненным, кто были те презренные кобяжане, приравнивание к которым Кузьма считает для себя оскорблением. Здесь слово *кобѣжанинъ*, по-видимому, выступает как синоним скряги, скупца. Бранное слово *скудѣтина* образовано по той же модели, что современные разговорные и диалектные *дохлѣтина*, *мерзлѣтина*, *серѣтина*, *подлѣтина*, *грубѣтина* и др. (все они могут относиться и к человеку)» [Зализняк 2004: 303–304]. А. А. Гиппиус объясняет эти слова схожим образом: «Можно понять и смысл упоминания в этом контексте загадочного кобяжанина. Это слово, по-видимому, выступает здесь как экспрессивное обозначение скупца, синоним скряги, скупердяя. Таким же экспрессивным синонимом для бедняка, нищего является «скудѣтина»» [Гиппиус 2004б: 226].

В словоуказателе к «Древненовгородскому диалекту» [Зализняк 2004: 748] слово *кобѣжанинъ* получило пометку *жит.*; иными словами, суффикс *-jan-* интерпретируется как образующий имя жителя некоего населенного пункта или территории, аналогично хорошо известным названиям *кыѣнинъ* (от *Кыѣвь*), *бужанинъ* (от *Бугъ*), *рушанинъ* (от *Руса*), *имоволожанинъ* (от *Имоволожь* или *Имоволоже*), *волочанинъ* (от *Волокъ*), *шижѣнинъ* (от *Шижна*) и т. д. (ср. список встретившихся до 2004 г. на бересте таких катойконимов в обратном индексе к словоуказателю [Там же: 833]). Однако как называлась территория, жители которой получили столь красноречивую репутацию (теоретических вариантов топонима тут с учетом чередований последнего согласного основы, морфологического рода и возможных суффиксов, немало: **Кобѣжско*, **Кобѣдинъ*, **Кобѣга* и многое другое), было неясно, и какую-либо этимологию для этой основы предложить было затруднительно.

Кажется, сейчас уже можно ответить на вопрос о том, «кто были те презренные кобяжане», с большей определенностью.

Последняя статья А. А. Зализняка «Эффект Лукерьи» [Зализняк 2019] посвящена последней грамоте, найденной при его жизни — грамоте № 1102, где речь идет о подготовке поминок. В ней рассматривается ранее не описанный фонетический эффект *ол > о*, названный в честь автора грамоты № 1102 (середина XIV в.) — новгородки Лукерьи, которая «на бегу» (*шлю ти бижѣ*) чрезвычайно точно фонетически записывала свою речь, в частности, дважды написала *потину*, *потинуо* вместо *полтину*. Обнаружились как более ранние примеры такого перехода в берестяных грамотах (*по цетверта* ‘три с половиной’ в № 707, посл. треть XIII в., *потори коробиш* ‘полторы коробы’ в № 689, 60–70-х гг. XIV в., *поторѣ коробыи* в № 521, посл. четв. XIV — нач. XV в.), так и многочисленные систематически не исследованные параллели в современных говорах, замечательные примеры современных фамилий типа *Поторацкий*, *Хостинкин* или *Токачев*, а также вошедшая в литературные восточнославянские языки утрата [л] в слове *солнце*. При подготовке книги «Древненовгородский диалект. Дополнение» А. А. Гиппиус поставил в этот же ряд

и исправление *з догомъ* на *з долгомъ* (л вписано над строкой) в грамоте Ст. Р. 39 (последняя четверть XIV в.).

Учёт перехода *ол > о* позволяет видеть в слове *кобѣжанинъ* этнонимическую основу *кълбѣг-*. Это обозначение северного народа, дважды упоминаемого в Русской Правде (оба раза рядом с варягами), а также в ряде других источников, в том числе скандинавских и греческих. Этимологически его связывают с др.-сканд. *kylfingr* от *kylfa* ‘дубина’; название колбягов, не содержащее прогрессивной палатализации, «входит в ряд заимствований из древнескандинавского, воспринятых несомненно в первую очередь новгородско-псковским диалектом» [Зализняк 2004: 46]. Ряд исследователей [Рыдзевская 1934: 511; Мачинский, Мачинская 1988; Кулешов, Мачинский 2004] видит в колбягах приладожских финнов, испытывавших скандинавское влияние, археологическим свидетельством деятельности которых является приладожская курганный культура. Существует также ряд других толкований этого этно(социо)нима; ср. недавний обзор с общим скептическим выводом насчёт самой возможности археологической локализации колбягов [Михайлова 2019]. В берестяных грамотах колбяги упоминаются только один раз, в документе № 222 (первое двадцатилетие XIII в.), в не совсем ясном контексте: запутанные финансовые дела двух княжеских сборщиков подати зависят, в частности, от того, «бежали» колбяги или нет.

После этого шага можно попробовать найти и исходный топоним, ставший основой для нарицательного употребления в грамоте № 831. *Кълбѣжанинъ* — это житель населенного пункта, название которого содержит основу *кълбѣг-*, например, деревни *Кѳлбѣги* (в более позднем виде *Кѳлбѣги (-га)* и ныне *Кѳлбѣки* в Бокситогорском районе Ленинградской области). Возможны и иные кандидаты: так, с 1501 г. известен также погост *Колбежицы*, административный центр Колбежицкой губы, в современном Островском районе Псковской области. Ср. аналогичный ряд от тесно связанного с этим этнонимом в Русской Правде названия *варѣгъ: Вѣряжа* (река) и другие подобные названия, от варианта **вѣрѣгъ*, более точно отражающем **vaering-* [Васильев 2012: 343–347] — *верезжане* (в маргиналии, интерполированной в текст «Устава Ярослава о мостех», см. [Гиппиус 2005]). Не исключено, что *кълбѣжанинъ* могло быть и просто более редким обозначением колбяга (ср. сингулятив *вожанинъ* от *водь*), «что, впрочем, может сводиться к одному и тому же», как сказал бы А. А. Зализняк [2004: 241, 289, 384], ведь Колбяги явно получили название по жителям, а соответствующий этнос в XII веке заведомо существовал.

Не удивительно, что носителей приладожской курганной культуры, «живших в маленьких неукреплённых посёлках, вдалеке от военно-торговых центров типа Ладоги, Смоленска/Гнёздова или Киева» [Кулешов, Мачинский 2004: 210–211], в столице Новгородской земли могли считать неплатежеспособными — будь то по бедности или по скупости. Более того, как сообщил нам Вяч. С. Кулешов (по неизданным этнографическим данным С. Л. Кузьмина), слово *колбѣжка* в юго-восточном Приладожье дожило даже до XX в. и считалось у старожилов уничижительным/оскорбительным ещё в 1980–1990-е годы. Но и это ещё не всё. Адресат

письма, состоятельный боярин «Рагуил старший», по гипотезе А.А. Гиппиуса [Гиппиус 2004а: 181], тождествен Рагуилу, получившему в 1132 году посадничество в Ладоге. Как бы «вдалеке» от города Ладоги ни находились посёлки колбягов/колбяжан (до собственно Колбягов/Колбеков от нее 150 км; впрочем, многие археологические следы соответствующей культуры, например, на реке Сясь, заметно ближе), эти люди заведомо были знакомы ладожскому посаднику, который мог первым обозвать Кузьму «колбяжанином и скудятиной», а тот в таком случае возмущенно это опровергает, цитируя характерные словечки обидчика. Если этот Рагуил ещё и действительно принадлежал к потомкам Рёгнвальда Ульвссона, получившего Ладогу в ярлство еще в начале XI в. (гипотеза о родстве с ним нескольких семейств новгородского боярства принадлежит А.А. Молчанову и развита, опять же, Гиппиусом [2006: 103]), то, конечно, он мог относиться к скандинавизированному финскому населению этих краёв свысока.

Учитывая наличие четырёх или пяти описок [Зализняк 2004: 304] в этой длинной грамоте, надо проверить и версию о простом пропуске *л* в *ко(л)блжанино*. Однако типологически эти описки объясняются легко (повтор, предвосхищение, смешение похожих букв), в то время как пропуск *л* графическим контекстом не мотивирован.

Такое прочтение не только убедительно объясняет тёмное место грамоты и пополняет немногочисленный фонд свидетельств источников о колбягах, но и имеет важные лингвистические последствия. Во-первых, «эффект Лукерьи», первые примеры которого датировались XIII в., удревняется до второй четверти XII в.

Во-вторых, сразу же встаёт вопрос об относительной хронологии этого изменения; как отмечает А.А. Зализняк [2019], «с хронологической точки зрения начало перехода [ол] в закрытом слоге в [о] должно быть отнесено ко времени... не ранее прояснения (а тем самым и падения) редуцированных (поскольку *ъл* должно было успеть перейти в *ол*)». С учётом того, что в этой грамоте уже есть один пример позднерусского состояния (*полоуторь*, здесь *-ь* = <*-b̥*>), надо полагать, что и в основе *кълблаг-* редуцированный перед плавным еще до осуществления данного эффекта прояснился¹. Таким образом, грамота №831 становится важным документом по истории эволюции редуцированных. Только дополнительные фонетические изменения в основах *коблаг-* < *кълблаг-* и *полоутор-* < *поль+втор-* вынудили Кузьму «выдать» результаты падения и прояснения редуцированных на письме (в то время как в остальном безупречное раннедревнерусское состояние его большого послания может быть отчасти результатом отличного применения орфографических правил).

¹ Имеется также этимология [Кулешов, Мачинский 2004], согласно которой слав. *колблагъ* (не *кълблагъ*) < герм. **kalb-ing* от **kalba-* ‘меч’, сохранённого в финском *kalpa* ‘вид меча’ (сп. ответ одного из соавторов на возникшую полемику: [Кулешов 2014]), отделяемое от означającego тот же этнос скандинавского *kylfingr* от *kylfa* ‘дубина’. Ожидалось бы, правда, **колоблагъ* (стандартный восточнославянский рефлекс) или по крайней мере северные варианты типа **колыблагъ* или **клоблагъ* (об этих рефлексах см. [Зализняк 2004: 39–40]). Вопреки соавторам, *колоблагъ* в берестяной грамоте №222 нельзя считать свидетельством полногласного рефлекса; при традиционной этимологии эта запись без труда объясняется как обычный новгородский диалектный рефлекс *ТЬгьТ*, развившийся из **ТЬгТ* [там же: 43–44] и записанный по бытовой орфографии.

1.2. Грамота 528: «Вологодский» Гяков в столице

Только что разобранный грамота Кузьмы (№ 831) — длинный риторически выстроенный и аргументированный текст, достойный пергамента, на который Степан его перепишет. Грамота Лукерьи (№ 1102) поначалу казалась малограмотной, но позже оказалась фонетически адекватной и с уместными синтаксическими эллипсисами. А письмо отца к Александру (№ 538, 70–80-е годы XIV века) — редкое в корпусе берестяной письменности действительно неумелое и небрежное (на разных языковых уровнях) сочинение. Приводим его текст с комментарием А. А. Зализняка; финал (после *Климу*) даём без разделения на слова.

От[о]ди поклонъ к Олоскадру. [Сто б]ы [еси] д[об](рѣ дос)пѣле сто у тьбѣ сиры, то бы еси ма[сло], то бы еси продале с Климомъ. А ѿ тобѣ кланаосѧ: продава да бы еси Климу. гиевѣкѧ стопанѧ братомъ гѧкова

«Письмо начинается несколько нестандартной адресной формулой: ‘Отчий поклон к Олеска(н)дру’. Основная фраза текста, возможно, означает: ‘Управился бы ты хорошенько с теми, что у тебя, сырами; а масло бы продал с помощью Клима (или: [отправив] с Климом)’’. Или, несколько иначе: ‘Если ты [уже] хорошо управился с теми, что у тебя, сырами, то продал бы ты [и] масло с помощью Клима’. Далее: ‘А я тебе кланяюсь: продавал бы ты Климу’. По-видимому, это просто повторение предыдущего совета (Клим мог выступать в роли перекупщика). После этого идет некий реестр, о характере связи которого с основным содержанием письма можно лишь строить предположения: ‘3 — Иевко, Степан с братом, 3 — Яков’ (мы принимаем здесь предложенную В. Б. Крысько [1993: 83] трактовку словоформ *Иевѣкѧ*, *Стопанѧ*, *Акова* как номинативов; в издании и в НГБ VIII они рассматривались как генитивы)» [Зализняк 2004: 577].

Начиная с издания, две буквы *г* в заключительной фразе грамоты (*гиевѣкѧ*, *гѧкова*) интерпретировались как цифры перед именами: ‘3 — Иевко, <...> 3 — Яков’, хотя титла или точек при них нет и аналогичное положение цифр в реестрах на бересте не известно.

После находки в 2015 г. примера *Гѧково* в вологодской грамоте № 1 (XIV в.) [Кукушкин, Гиппиус, Зализняк 2018], где через *гѧ* передано [ja], в грамоте № 528 следует видеть два примера такой же редкой записи начальной йотации, причем один раз просто с тем же самым именем. Запись йота через *г* была известна на бересте и ранее (*погиха(ти)* ‘поехать’ в № 266, *мравгици* ‘муравьичей’ в № 273), однако увидеть ее в начале слова, где часто можно предположить цифру, и тем более в начале имени собственного психологически сложнее.

Для *Гиевѣкѧ* тем самым надо предполагать произношение с начальным [ji], ср. иную фонетику после предлога: *оув Бѧвѣкѧ* в грамоте № 521².

² [Примечание А. А. Гиппиуса.] Яркое наблюдение Д. В. Сичинавы, превращающее непонятные *3 Иевѣкѧ* и *3 Акова* в фонетически закономерные *Гиевѣкѧ* и *Гѧкова*, само по себе не проясняет смысла последней фразы и ее связи с остальным текстом, а грамота в целом продолжает

2. Две подписи под картинками

2.1. К вопросу о дате на бересте

Большую литературу вызвала дата, усматриваемая исследователями на двусторонней берестяной иконке с изображением Христа и св. мученицы Варвары начала XI в. (№ 915-И): достаточно сказать, что вокруг нее велась в свое время дискуссия с участием А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского (подробности выступления которых мы опустим).

Краткое резюме возможных интерпретаций даты под образком св. Варвары, принятое в [Зализняк 2004: 276], выглядит так: «Внизу: *е*[??]*з*; после *е* стоит либо неумело написанное *ф*, либо латинское *D*; на третьем месте стоит либо *о*, либо *л* (различить их затруднительно). Это явно запись даты, но, по-видимому, неумелая. Интерпретация *ефоз* (или *еDоз*) дает дату 6577, т. е. 1069 г.; интерпретация *ефлз* (которая лучше соответствует стратиграфической дате) дает 6537, т. е. 1029 г.».

производить впечатление написанной крайне неумело. И все же это наблюдение позволяет, как кажется, приблизиться к пониманию того, что хотел сказать автор письма, а также причин постигшей его неудачи. Реконструируя замысел грамоты, естественно думать, во-первых, что перечень *Гиевька, Стопана <с> братомъ, Гакова* должен был каким-то образом вписаться в смысловую и синтаксическую структуру текста. Единственным способом включить его в эту структуру выглядит связь со словами *с Климом* в составе фразы примерно следующего вида: ‘С Климом (заодно действуют/торгуют) Иевко, Степан с братом, Яков’. Таким образом устраняется и видимое противоречие между указаниями продать Климу и продать «с Климом». Далее, для слов *сто у тѣбѣ сиры*, которые А. А. Зализняк трактует как дополнение при *досѣлѣ*, более подходящим кажется положение в начале синтаксического периода, ср. начало № 713: *Цето ти воудоро, цето ти церѣмени, цето ти роудавещене и голубине добре...* ‘[Всѣ], сколько у тебя есть выдр, сколько у тебя есть красной ткани, сколько у тебя есть хорошей буро-красной и голубой ткани ...» (следовало указание, что со всем этим товаром нужно сделать)’ [Зализняк 2004: 426]. Фраза *Сто бы еси добръ досѣлѣ* оказывается в таком случае синтаксически полной: ‘Устроил бы ты хорошо: ...’. В продолжении текста, сообщающем, что именно нужно сделать, троекратно повторяется, варьируясь и обрастая новыми компонентами, одна и та же синтаксическая фигура: *то бы еси..., то бы еси продале..., продава да бы еси Климу...* Похоже, что автор несколько раз начинал фразу, но дважды забраковывал ее и приступал снова. Текст грамоты, будь он написан с первого захода, мог бы иметь вид: **Отоци поклонъ к Олоскадру. Сто бы еси добръ досѣлѣ: сто у тѣбѣ сиры, масло, то бы еси продале Климу. С Климомъ Гиевька, Стопана с братомъ, Гакова*. Первый раз автор забыл написать *масло*. Дописав это слово, он начал заново: *то бы еси продале...*, но вместо *Климу* написал *с Климомъ*, перескочив к началу следующего предложения. С третьей попытки он наконец справился с фразой, попутно модифицировав ее: добавил вежливое *а л тобѣ кланалосл* (<*кланалосл*>) и употребил форму несовершенного вида: *продавал бы* (с последующей, также неудачной правкой на *продава да бы*). Поскольку начало следующей фразы — *с Климомъ* — уже было написано, автор решил не повторять этих слов и выписал только продолжение фразы, которое таким образом оказалось оторванным от начала. Подобным же образом оторванным от сыров оказалось масло, но автора письма это не смущало, как не смущало его и сохранение в тексте в незачеркнутом виде начатых и брошенных фрагментов. Перед своим мысленным взором автор как будто все время имел только «измененный документ» и совершенно не заботился о том, как произведенные исправления будут восприниматься читателем.

Версию С. Г. Болотова о латинском D на фоне кириллицы, по-видимому, все-речь обсуждать не приходится, несмотря на остроумные аргументы В. Л. Янина (возможные связи с Западной Европой, а именно со славянским побережьем южной Балтики, где св. Варвара считалась покровительницей рыбаков) [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 108–109]. Недавно появилась интерпретация В. К. Зиборова [2018], усматривающая во второй букве *х*. В его версии грамота датируется 6637 (1129) годом, то есть веком позже стратиграфической даты; такое сильное расхождение с датировкой археологического слоя и иконки, и залежавшего рядом с ней знаменитого Новгородского кодекса объясняется тем, что их в древности выбросили в глубокую яму. В версии В. К. Зиборова есть ряд привлекательных ходов (отмена столетней хронологической цезуры между датировкой грамоты и возникновением на этом месте Варваринского монастыря, впервые упоминаемого в 1138 г., или идея с альтернативным дугообразным знаком для обозначения тысяч), но многое и смущает. Трактовка: «дату на этой бересте предположительно обозначает год основания церкви св. Варвары и образовавшегося вокруг нее девичьего монастыря» — кажется подозрительно современной для XII в. (что-то вроде логотипа с фразой «since 1129»). Буква *х*, получающаяся у В. К. Зиборова, едва ли более убедительна, чем предлагавшиеся ранее *ф* и *D*; она имеет палеографически очень странную форму (с сомкнутыми или по крайней мере почти сомкнутыми нижними штрихами). Наконец, отметим, хотя это и не имеет прямого отношения к нашей теме, что для В. К. Зиборова вопрос о датировке иконки № 915-И преследует вспомогательную цель — передатировать сам Новгородский кодекс (которому и посвящена его статья). А последний, всё же, по языку текста псалмов (старославянскому с небольшим количеством ошибок-русизмов) и последовательно одноеровой орфографии вряд ли может относиться к концу первой трети XII в., даже если мы не будем доверять ни стратиграфии, ни действительно слишком широкому диапазону, который даёт радиоуглеродный анализ воска. Если и принимать зиборовскую транскрипцию *exlax*, то как минимум необходимо менять хронологию; *х* ‘600’ могло быть написано по ошибке вместо «шестой сотни»³.

Для оценки этих споров полезно отметить, что открытие точно обозначенной даты на бересте — вполне понятная мечта самых широких кругов исследователей (далеко не только «берестологов») с самого 1951 года, и это ожидание постоянно — возможно, даже бессознательно — подталкивает к подобным интерпретациям. А. В. Арциховский, встретив во фрагменте № 62 сочетание слов «декабря» и «Евгения» (празднуется 24 декабря), с удовольствием отметил: «Можно надеяться на находки датированных грамот» [Арциховский 1954: 64]. Позже связь имени и названия месяца была поддержана и А. А. Зализняком [2000: 85], который, правда, в отличие от А. В. Арциховского, не видел здесь даты как таковой, а лишь некий текст «о святых, празднуемых в декабре», и усмотрел там также имя св. Феодула, от которого исследователи теперь отказались [Гиппиус, Зализняк 2015: 199–200].

³ Эту версию высказал А. А. Гиппиус при обсуждении с нами данного сюжета.

Вспомним, наконец, полувековую дискуссию вокруг даты, предположительно выставленной Онфимом в грамоте № 206 (резюме см.: [Янин, Зализняк 2000: 91–92]). Она до деталей напоминает наш сюжет — и несколько конкурирующих интерпретаций, и неточное соотношение со стратиграфической датой, и общий вывод о неумелой записи, наконец, даже конкретные позиции цифр, вокруг которых ведется дискуссия. Именно с онфимовской датой издатели прямо сопоставляли дату из грамоты № 915-И [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 109]:

«В берестяной письменности обозначение даты — вещь почти беспрецедентная. Единственный известный до сих пор пример — запись некоей даты в грамоте № 206, написанной мальчиком Онфимом. Но Онфим плохо справился с этой записью, исказив две цифры из четырех (а именно, вторую и третью), так что остается даже не вполне ясно, какую именно дату он хотел изобразить <...> Характерно, что и в нашем случае писавший не очень удачно справился ровно с теми же звеньями цифровой записи. По-видимому, при обращении с цифрами оба писавших испытывали сходные затруднения: они твердо знали обозначения единиц (а тем самым и тысяч) и менее твердо — обозначения десятков и в особенности сотен (при невысоком уровне опытности такая ситуация вполне естественна)».

Благодаря открытию священника А. Н. Троицкого [Гиппиус, Зализняк 2015: 212] ныне ясно, что в грамоте Онфима даты, будь то умелой или неумелой, на самом деле нет: запись **иже во 5 чс** означает *иже во 6 (день же и) часъ*, это начало тропаря шестого часа, которое становится в один ряд с другими фрагментами церковнославянских текстов в онфимовских грамотах.

С нашей точки зрения, скорее всего, нет никакой даты и на иконке св. Варвары, которая после пересмотра анализа грамот №№ 62 и 206 остается последним берестяным документом, претендующим на наличие даты в тексте. Если представить себе, что это действительно запись из четырех знаков, то, помимо того, что половина их не имеет однозначной интерпретации, они вдобавок изображены неровно и неуверенно, с разным нажимом, имеют разный размер. Последний знак **з** написан с непропорционально большим отступом и приподнят (в текстуре бересты ничто таких сдвигов не диктует, в то время как и предполагаемое **а**, и предполагаемое **о/л** изображены прямо поверх чечевичек; последнее, собственно, неоднозначно читается именно с учётом этого обстоятельства). Подпись *Варвара* вокруг головы святой выполнена заметно чётче, в иной манере нанесения изогнутых штрихов и с совсем другим межбуквенным интервалом; ее вывел человек, обладающий гораздо более твёрдыми навыками письма (пусть и, судя по знаку со значением «святой (м. р.)» рядом с именами Варвары и Христа, не искушённый в греческом). В случае с «датой Онфима» хотя бы предполагалось, что мальчик неуверенно владел большими числовыми значениями букв и менял их при списывании на похожие, при этом уже освоив собственно технику письма; «дата Варвары» требует, на наш взгляд, еще более сильных допущений, а именно о наличии второго писца, еще только учившегося выводить буквы.

Вместе с тем возможна интерпретация, согласно которой по крайней мере три фигуры из четырёх — вообще не буквы. Действительно, два неровных (почти) замкнутых элемента посередине подозрительно похожи (с поворотом на 90 градусов) на явно орнаментальные кружки на одеянии святой под воротником, состоящие из двух дуг. При таком взгляде орнаментальный характер носит и боковая линия, которую принимают за **з**, и вертикаль от предполагаемого **ф/Д** (или дугообразный знак тысяч в версии В. К. Зиборова) на второй позиции. Подобные кривые могут изображать складки на одежде — ср. сложную штриховку на образе Христа с другой стороны нашей иконки или мозаику с изображением св. Варвары того же XI века из греческого монастыря Осиос-Лукас. (Собственно иконографический анализ изображения и его возможных прототипов, насколько нам известно, искусствоведом не проводился — хотя **древнейшая русская икона**, какими бы скромными ни были ее художественные достоинства, этого, безусловно, заслуживает.)

Такую же трактовку (как орнамент или складки одежды) в принципе допускает и последняя ломаная линия, интерпретируемая как **з**, хотя, конечно, из четырех предполагаемых знаков она более всего похожа на реальную букву (ср. начерк в ранней грамоте №913). Если это буква, то имела ли она цифровое значение 7 или нет — неясно (В. К. Зиборов усматривает горизонтальную черту, играющую роль титла, но соответствующий штрих фактически касается верха предполагаемого в этой версии **з** и не заходит правее).

2.2. Страж и крест: бессвязен ли набор букв из грамоты №376

Грамота №376 (Неревский раскоп, усадьба И-1, условная дата 1280–1300) — надо полагать, детское упражнение, аналогичное хорошо известным грамотам Онфима (но более позднее). Об этом, помимо характера схематического рисунка, говорит прежде всего то, что она представляет собой донце берестяного туеса со следами кругового шва, которое веками было классическим полем для таких упражнений. Именно на донцах написаны: онфимовская грамота №199 (ср.: «Донышко было оторвано от туеса, вероятно, отслужившего свой срок, и дано ребенку для его занятий» [Арциховский, Борковский 1963: 17]); относящаяся к тому же времени, что и №376, грамота №759, где точно так же, как и в №376, сверху выписан ряд цифр; грамоты №401 (конец XIV в.; «береста, которой отремонтировано дно корчаги»⁴; имитация письма крайне неумелой рукой) и №865 (XII в.; полоска, вырезанная из такого донца, где «человеком, который лишь довольно приблизительно и неполно помнил алфавит и даже начертание букв освоил еще нетвердо» [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 74], записан фрагмент азбуки и другие буквы; ср. похожие, уже не на донцах, несовершенные попытки изобразить азбуку: №№ 74, 444, Торж. 1). Разумеется, для уверенного заключения о возрасте

⁴ Строго говоря, здесь несколько иной случай; при раскопках найден глиняный сосуд, дно которого было в древности отбито и заменено на берестяное. Возможно, для ремонта была взята подошедшая (и уже исписанная) деталь берестяного туеса того же диаметра.

писавшего (а учиться писать могли и неграмотные взрослые) в каждом конкретном случае этого недостаточно, но это для логики наших рассуждений неважно; главное, что данный корпус документов относится именно к начальному освоению грамоты и его можно не смешивать с пробами пера (ср. №№ 702, 797, 966, 1085, 1089).

Грамота № 376 содержит цифры от 1 до 4, рисунок (забавная схематичная фигура человека, пересеченная крестом) и наборы букв и буквообразных знаков. Хотя ученик, безусловно, лучше владел техникой письма, чем авторы перечисленных выше грамот (кроме разве что Онфима), ряд букв интерпретируется неоднозначно; на первый взгляд их сочетания носят почти целиком бессвязный характер, поэтому выбор между альтернативными вариантами контекстом не подсказывается.

Основная надпись при рисунке находится слева от него, в четыре строки. А. В. Арциховский [1963: 76] отметил как осмысленную только финальную последовательность **стражь** и оговорил, что вообще описывает документ только для полноты картины: «Настоящая находка включена в общую нумерацию грамот, поскольку туда надо включать всякую исписанную бересту...». В дальнейшем новых интерпретаций в печати не предлагалось. Попробуем это сделать, двигаясь от отрезка **стражь** назад⁵.

Слово *стражь* — церковнославянское с неполногласием. Перспективно попытаться увидеть в записи из грамоты № 376 видоизмененный церковный текст, аналогично грамотам Онфима с их цитатами из Псалтири и Часослова (см. выше, раздел 2.1). В предшествующих буквах **лкѣ** тоже можно увидеть церковнославянское слово, а именно *лко*. Запись **ѣ** вместо *о* можно объяснить как опиской (смещением под пером ученика похожих букв), так и фонетически: исследованиями последнего времени уже накоплен целый ряд свидетельств уканья в безударной позиции в берестяных грамотах (*лоуни* в № 88, исправленное на *лони*; *умули* в № 395 вместо *умоли*, *жалуби* в № 301 вместо *жалоби* [Гиппиус, Зализняк 2015: 205, 236]⁶).

Поиск в церковных текстах сочетания **іако стражь** в готовом виде находит ряд сходных пассажей в составе служб святым, традиционно уподобляемых в гимнографии стражам (φρουροί), например, в Ильиной книге XI в. (здесь иная падежная форма): **Непрѣстанно гоу о насъ молиса о поущицѣхъ тѣхъ блажене іако хѣа мжченика... іако стража неоусыпаема и іако застоупника тиѣ** [Ильина книга 2005: 294].

⁵ При обсуждении статьи А. А. Гиппиус указал нам на ранее обдумывавшуюся им теоретическую возможность чтения надписи на рисунке по строкам снизу вверх (с иной интерпретацией ряда букв и с игнорированием знака после **ѣ**): **стражь** | **Гл{л}кѣ|нѣ ѣ|клл** ‘сторожа Якун залял’ (с такой же записью начального йота в имени через **ѣ**, как в грамотах № 528 и Вол. 1, см. раздел 1.2 настоящей статьи). О возможности чтения **р** вместо **г** см. примечание 8. Есть также чтение С. М. Михеева, также ориентированное снизу вверх и по составу букв совпадающее с предыдущим, кроме последней буквы (она соединяет элементы **а** и **л**): **стражь|гл л кѣ|нѣ ѣ|клл** ‘постаравшись, я денег (или: Якун (?)) заложил (?) [в этот туес (?)]’.

⁶ Сюда же и **гозѣ** в № 330 вместо *гузу* [Зализняк 2000: 99], хотя и с оговорками (замена гласного тут носит лексический характер по образцу И. ед. *гузѣ*, в В. ед. было *гузу*).

Конкурентоспособно также похожее сочетание *ѡко стражь(шии)* с русским рефлексом и элементом бытовой орфографии: *е* → *ь* (возможно, под влиянием существительного *стражь*), для которого находится неплохая параллель в Постной Триоди — тропарь крестобогородичен из службы на среду ваий (шестой недели поста). Современный текст здесь такой: *Видѣши висима Хрѣсте, чистѡ рождишаа Та, повѣсившаго на водахъ землю Члѣволюбче, взываше: оувы Мнѣ, что странное видѣнїе, какѡ заиде доброта Твоя, сладчайшїи Сїе, безмѣрнаа, величаю Твою млѣтъ, ѡкѡ страждеши волею за всѣхъ*. К сожалению, мы пока не можем указать параллелей для этого текста в древнерусской письменности (в частности, другой вариант крестобогородична с тем же инципитом из рукописи РНБ, Соф. 96 — нотированный стихирь XIII в. новгородского происхождения — обсуждаемого текста не содержит⁷⁾).

Если принять последний вариант, то появляется возможность истолковать и еще пять букв из грамоты № 376, непосредственно примыкающие к *ак҃ѣстражь* слева; это *з҃а[г҃][р]а⁸*, в которых можно опознать фразу *зайде доброта Твоя* из предшествующей части того же тропаря. Из первого слова взяты две первых буквы, из второго — две следующие (на тех же позициях); из последнего — последняя буква. Это напоминает сцепление фрагментов слов, в том числе гаплографическое, которое практиковал Онфим (только наш ученик уделяет меньше внимания сегментации на слоги).

Наконец, перед $\mathfrak{Z}[\mathfrak{E}][\mathfrak{P}]\mathfrak{A}$ читается и открывает всю обсуждаемую последовательность букв отрезок (-)к $\mathfrak{A}$ анъ (второе $\mathfrak{A}$ переправлено из $\mathfrak{a}$), с весьма странной фигурой в начале, внешне больше всего похожей на перевернутый зеркальный $\mathfrak{b}$. возможно, слитый с последующим к. Отметим, что на листе в разных местах есть другие буквы, написанные верхом вниз по отношению к рисунку, цифрам и основной надписи, поэтому, возможно, этот знак и не имеет отношения к нашему тексту. Начальный отрезок можно прочесть как целое слово ($\mathfrak{o}$)к $\mathfrak{a}$ анъ (автор сначала написал ($\mathfrak{o}$)к $\mathfrak{A}$ анъ, переставив две похожие буквы, но потом исправил только вторую). Тогда в первой фигуре, если это действительно принадлежащий дальнейшему тексту геометрически преобразованный $\mathfrak{b}$, можно — предельно осторожно — предположить знак для $\mathfrak{o}$, записанный с нарушением обычного для бытовой орфографии запрета на еры в начале слога, из которого на бересте известно только три исключения: №№ 561, 737 и 927 [Зализняк 2004: 24], ср. также предположительно читаемое *погребъше* $\mathfrak{b}$ в надписи на Городище о смерти Всеволода Мстиславича в 1138 г. [Гиппиус, Михеев 2019: 38]; незнание этой тонкой конвенции вполне естественно для ученика. Впрочем, для реконструкции это не принципиально, поскольку писец заведомо мог записывать не целые слова, а их фрагменты.

⁷ Благодарим Т. И. Афанасьеву и Р. Н. Кривко за консультацию.

⁸ Буква **р** (интерпретированная так в издании) допускает также чтение **г** (с большой засечкой, наклоненной внутрь); именно так ее читают А. А. Гиппиус и С. М. Михеев (см. выше, примечание 5). Действительно, в *стражь* **р** имеет иную форму, с замкнутой петлей, но в составе цифр над рисунком иначе выглядит и **г**, с вертикальной засечкой; перед нами некоторая промежуточная конфигурация. У буквы **б** на фотографии не видно нижней горизонтали, но иное истолкование (например, небрежно написанное **к**) менее вероятно (в чтениях А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева она игнорируется как незначимая или как часть рисунка).

Слово *окаѡнъ* (-ныи) весьма частотно в богослужебных текстах и присутствует, в частности, в песнопениях недели ваий из Постной Триоды, предшествующих среде, ср. современный текст: *Помышляю множество согрѣшеній, и оуязвленъ жалою совѣсти, ѡкоже въ пламени болю окаѡнный* (вторник недели ваий; еще два примера в понедельник).

Неумелое изображение фигуры человека, пересеченной огромным крестом, в сочетании с фрагментами богослужебных текстов (тем более если среди них крестобогородичный тропарь) наводит на мысль о попытке срисовать икону (ср. упомянутую выше грамоту №915-И, а также, особенно, отпечаток двух фигур святых и большого креста на грамоте №955), хотя, конечно, никакой обязательности в этом нет (ср. вполне светских онфимовских человечков рядом с фрагментом тропаря в грамоте №206). Ученик, как и Онфим, явно не придавал никакого связного смысла своим тренировочным выпискам, тем более в комплексе с рисунками (если верна наша реконструкция, сочетание вышло кощунственным).

Еще раз подчеркнем сугубую гипотетичность такого анализа, который, возможно, смогут уточнить дальнейшие находки в гимнографическом корпусе. В любом случае, идентификация грамоты №376 как детского упражнения в письме представляется вполне надёжной, а связь финального отрезка *акѡстражъ* с богослужебными текстами и интерпретация его как *ак<о> стражъ* либо *ак<о> страж<е>(ши)* кажется высоковероятной.

Литература

Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

Гиппиус А. А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004а. С. 164–182.

Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004б. С. 183–232.

Гиппиус А. А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. №4. С. 9–24.

Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology. Ed. by Juhani Nuorluoto. (Slavica Helsingiensia 27.) Helsinki, 2006. P. 93–108.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Том XII. М., 2015. С. 196–275.

Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 35–54.

Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. С. 82–122.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк А. А. «Эффект Лукерьи»: переход *ол* > *о* в истории русского языка // А. Ф. Журавлев, Ф. Б. Успенский (ред.). Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова М., 2019. С. 82–96.

Зиборов В. К. О древнейшей книге Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 63. 2018. Вып. 3. С. 949–956.

Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. / Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.

Крысько В. Б. Новые материалы к истории древненовгородского номинатива на *-e* // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 78–88.

Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая берестяная грамота из Вологды // Российская археология. 2018. № 1, С. 164–172.

Кулешов Вяч. С. Колбяги и Ладожское ярлство (заметки к теме) // Северная Русь и Балтика в середине XII столетия. СПб., 2014. С. 129–139.

Кулешов Вяч. С., Мачинский Д. А. Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев: восьмье чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004, С. 207–227.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 52–54.

Михайлова Е. Р. Северные окраины Древней Руси: история поиска колбягов // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт-2. Восьмье Шёгреневские чтения. СПб., 2019. С. 7–15.

Пенькова Я. А. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // Вопросы языкознания, 2018. № 2. С. 53–70.

Пенькова Я. А. Предбудущее (второе будущее) в древненовгородском диалекте: время или наклонение? // Russian linguistics. Vol. 43. 2019. № 1. С. 65–77.

Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Известия АН СССР. VII сер. Отделение общественных наук. 1934. № 7. С. 485–532.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

Dmitry V. Sitchinava

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences / Higher
School of Economics — National Research University
(Moscow, Russia)
mitrius@gmail.com*

ON THE INTERPRETATION OF CERTAIN BIRCHBARK LETTERS

The article proposes amendments and additions to the interpretation of four birchbark documents. The mysterious word *kob'azhaninъ* in letter No. 831 is interpreted as a derivative of the ethnonymic base *kъlb'ag-* (it thus contributes to the body of evidence on the ethnic category of Kolbyags). In letter No. 528, the segments *gievk'a*, *g'akov'a*, which had previously been regarded as the Cyrillic numeral '3' (ѣ) preceding the names *Ievko* and *Yakov*, were reinterpreted as renderings of an initial [j] in these two names using the letter *g*. The key evidence for these readings comes from the birchbark letters discovered in recent years (Novgorod No. 1102 and Vologda No. 1, respectively), where the relevant phonetic effects have been discerned. We consider these two readings to be quite reliable. In addition to these readings, we also offer versions for the analysis of documents No. 915-I and 376, which feature drawings. Even the presence of a meaningful text is here a matter of conjecture, so we cannot insist on these versions with certainty. Document No. 915-I (the oldest Russian icon) does not seem to contain a date, and document No. 376 probably features fragments of a church text recorded by the pupil who engraved both the letters and the drawing on the birchbark.

Keywords: birchbark letters, Old Novgorod dialect, phonetic change, orthography, Kolbyags, drawings, hymnography.

References

- Artsikhovskiy A. V. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1952 g.)*. Moscow, 1954.
- Artsikhovskiy A. V. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961 gg.)*. Moscow, 1963.
- Artsikhovskiy A. V., Borkovskiy V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1956–1957 gg.)*. Moscow, 1963.
- Gippius A. A. O neskol'kikh personazhakh novgorodskikh berestyanykh gramot XII veka. In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Moscow, 2004a. S. 164–182.
- Gippius A. A. K pragmatike i kommunikativnoy organizatsii berestyanykh gramot. In: V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, A. A. Gippius. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Moscow, 2004b. S. 183–232.
- Gippius A. A. K izucheniyu knyazheskikh ustavov Velikogo Novgoroda: «Ustav knyazya Yaroslava o mostekh». *Slavyanovedenie*. 2005. №4. S. 9–24.

Gippius A. A. Skandinavskiy sled v istorii novgorodskogo boyarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'yego roda Gyuryatinichey-Rogovichyey). *The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. Ed. by Ju. Nuorluoto (=Slavica Helsinkiensia 27.) Helsinki, 2006. P. 93–108.

Gippius A. A., Mikheev S. M. Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche: predvaritel'nyy obzor. *Arkhitekturnaya arkheologiya*. 2019. № 1. S. 35–54.

Gippius A. A., Zaliznyak A. A. Popravki i zamechaniya k chteniyu ranee opublikovannykh berestyanykh gramot. In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Tom XII. Moscow, 2015. S. 196–275.

Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131. Lingvisticheskoe izdanie, podgotovka grecheskogo teksta, kommentarii, slovoukazateli V. B. Krys'ko. Moscow, 2005.

Krys'ko V. B. Novye materialy k istorii drevnenovgorodskogo nominativa na -e. *Voprosy yazykoznaniya*, 1993. № 6. S. 78–88.

Kukushkin I. P., Gippius A. A., Zaliznyak A. A. Pervaya berestyanaya gramota iz Vologdy. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2018. № 1. S. 164–172.

Kuleshov Vyach. S. Kolbyagi i Ladozhskoe yarlstvo (zametki k teme). *Severnaya Rus' i Baltika v seredine XII stoletiya*. St. Petersburg, 2014. S. 129–139.

Kuleshov Vyach. S., Machinskiy D. A. Kolbyagi. *Ladoga i Gleb Lebedev: vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoy*. St. Petersburg, 2004. S. 207–227.

Machinskiy D. A., Machinskaya A. D. Severnaya Rus', Russkiy Sever i Staraya Ladoga v VIII–XI vv. *Kul'tura Russkogo Severa*. Leningrad, 1988. S. 52–54.

Mikhaylova E. R. Severnye okrainy Drevney Rusi: istoriya poiska kolbyagov. *Severo-Zapad: etnokonfessional'naya istoriya i istoriko-kul'turnyy landshaft-2. Vos'mye Shegrenovskie chteniya*. St. Petersburg, 2019. S. 7–15.

Pen'kova Ya. A. Ot retrospektivnosti k prospektivnosti: grammatikalizatsiya predbudushchego v yazykakh Evropy. *Voprosy yazykoznaniya*. 2018. № 2. S. 53–70.

Pen'kova Ya. A. Predbudushchee (vtoroe budushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremya ili naklonenie? *Russian linguistics*. Vol. 43. 2019. № 1. S. 65–77.

Rydzhevskaya E. A. K varyazhskomu voprosu. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. VII ser. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 1934. № 7. S. 485–532.

Vasil'yev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoy zemli*. Moscow, 2012.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Moscow, 2004.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. *Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*. Moscow, 2000.

Zaliznyak A. A. «Effekt Luker'i»: perekhod ol > o v istorii russkogo yazyka. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Slavistika. Indoevropеistika. Kul'turologiya. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Nikolaevicha Toporova*. A. F. Zhuravlev, F. B. Uspenskiy (red.). Moscow, 2019. S. 82–96.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. 2-e izd. Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A. Popravki i zamechaniya k chteniyu ranee opublikovannykh berestyanykh gramot. In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. *Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*. Moscow, 2000. S. 82–122.

Ziborov V. K. O drevneyshey knige Rusi. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. T. 63, 2018. Vyp. 3. S. 949–956.

Витторио С. Томеллиери
Мачератский университет
(Мачерата, Италия)
vittorio.tomelleri@unimc.it

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЦИЦЕРОНОВЫХ «ПАРАДОКСОВ» В ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ПЕРЕВОДЕ А. М. КУРБСКОГО

В третьем послании князя Андрея Михайловича Курбского царю Ивану Грозному, датированном 1579-м годом, имеется чрезвычайно любопытный перевод двух Цицероновых «Парадоксов стоиков». Славянский текст представляет собой дословную передачу латинского подлинника, точно отражая его порядок слов. В статье предпринимается попытка на основе конкретных примеров выявить некоторые проблемы филологического и лингвистического характера, связанные с пока еще довольно загадочной историей возникновения и распространения этого перевода на Руси.

Ключевые слова: А. М. Курбский, Цицерон, «Парадоксы стоиков», перевод и его бытование.

1. Введение

Настоящая статья находится на стыке филологии и лингвистики, по мере сил продолжая традиции Андрея Анатольевича Зализняка, всегда умело сочетавшего в своих работах тонкое лингвистическое чутье и математическую строгость изложения при теоретическом обобщении и никогда не терявшего при этом филологическую любовь к конкретным фактам и мелким деталям.

Как известно, изучение древнерусских текстов ставит исследователя перед сложной задачей: ответить на ряд вопросов, касающихся временной и пространственной локализации данного сочинения, его авторства и условий возникновения и дальнейшего распространения. В случае переводных памятников, занимающих львиную долю в древнерусской письменной традиции, ситуация осложняется еще и необходимостью точной идентификации источника, легшего в основу славянского перевода.

В настоящей статье речь пойдет о довольно любопытном древнерусском переводе второго и четвертого «Парадоксов стоиков», составленных римским оратором

и философом Марком Туллием Цицероном в сложный период его политической и общественной жизни. Славянский текст вошел в состав третьего послания князя Андрея Михайловича Курбского царю Ивану Грозному; в нем попавший в опалу князь доказывает свою невиновность и утверждает, что его вынужденный побег никак не может считаться изменой Родине. Для этой цели Курбский ссылается на идеального предшественника Цицерона, разделившего его тяжкую судьбу изгнания; классический пример из римской истории служит образцом как морально-го поведения, так и высокого уровня образованности и стилистического преимущества перед соперником:

а вѣсакѣ посылаю ти двѣ главы выписав отъ кнѣги | премудраго цицерона римскаго наипшшаго син|ганта | ажъ еще тогда владѣли римляне всею | вселенною а писалъ тои отвѣтъ к недрѣгомъ своимъ ажъ ѡкарташе || (л. 147) его изогнанцомъ и ѡзменникомъ томѣ подобно ѡко твое | величество насъ ѡбѣхъ не могуще воздержати | лютоѣ твоего гонения стрѣлающе насъ | издалѣча стрѣлами огненными | сикованціи твоеѣ тѣмъ и всѣмъ | андрѣи курбскіи кнѣжа | на ковлѣю [Ерусалимский 2009, II: 321–322]¹.

Перед нами стоит ряд проблем, связанных с отождествлением переводчика и суждением о качестве перевода; кроме этого, высказанные гарвардским историком Эдуардом Кинаном сомнения в подлинности переписки Ивана Грозного с Курбским косвенно побуждают к размышлениям и уточнению некоторых не совсем убедительных положений, выдвинутых американским ученым по поводу периферийного характера Цицеронова текста в XVI веке². Кроме того, отсутствие критического издания этого местами неудобопонятного перевода «Парадоксов стоиков» остается до сегодняшнего дня нерешенной проблемой.

¹ Цитаты приводятся по новейшему изданию К.Ю. Ерусалимского [2009, II: 321–333], воспроизводящему точно (буква в букву, строка в строку, лист в лист) основную рукопись ГИМ, Увар. № 301, причем здесь текст дается без подчеркивания и курсива, указывающих на выносные буквы, в том числе с покрытием. Предыдущие издания охватывают длинный временной отрезок, начиная с дореволюционных изданий Н.Г. Устрялова [1868: 205–209] и Г.З. Кунцевича [1914: ст. 137–140] — с латинским оригиналом по парижскому изданию [Cicero 1541] и кончая изданиями Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова [Переписка 1979: 110–113] и А.И. Филиوشкина [2007: 465–475]. В статьях [Tomelleri 2013a: 190–194; 2013b: 52–57] предпринимается попытка осторожного восстановления архетипа на основе интерлинейного сравнения латинского и славянского текстов. О рукописной традиции «Парадоксов» см. также в работах [Переписка 1979: 250–315; Беляева 1984: 119–120; Ерусалимский 2009, I: 321–332].

² Пресловутая монография Э. Кинана [Keenan 1971], в которой автор, на основе подробного анализа лишь первого послания Курбского Ивану Грозному, выражал свои сомнения в подлинности переписки, считая её подделкой XVII-го века, стала крупным научным скандалом, вызвавшим бурную и оживленную дискуссию, в которой приняли участие ведущие советские и зарубежные специалисты, в основном историки по специальности (см., например, статьи [Kappeler 1974; Andreyev 1975; Wójcik 1975; Skrynnikov 1978; Halperin 1998]). Не будем здесь останавливаться на изложении его аргументов по поводу «Парадоксов стоиков»; во всяком случае, трудно себе представить, чтобы более поздний русский фальсифика(в)тор мог выбрать именно это сочинение и передать его содержание таким смешанным образом.

Следующие соображения исходят из предварительных исследований немецкого слависта Дитриха Фрайданка, еще в восьмидесятые годы прошлого столетия предложившего методологически правильную постановку вопроса: текст «Парадоксов стойков» следует изучать в рамках польской гуманистической культуры XVI в. с учетом латинского подлинника, часто дающего ключ для объяснения некоторых особенностей или неправильностей славянского текста. Сам текст содержит многочисленные лексико-синтаксические элементы, указывающие на возможную посредническую роль польской языковой среды, под сильным влиянием которой находился Курбский.

Д. Фрайданк подчёркивал большое расстояние, — более чем сто лет, — лежащее между временем предполагаемого создания перевода и древнейшими сохранившимися списками, существенно ограничивающее возможности текстологического анализа:

„Von der Cicero-Übersetzung, die spätestens 1579 entstanden sein muß, gibt es keine zeitgenössischen Handschriften, weder aus dem westrussischen noch aus dem Moskauer Raum. Zwischen der Entstehung des Textes und den bisher bekannten ältesten Handschriften klafft eine Lücke von 100 Jahren. Das bestimmt die Möglichkeiten unserer Textkritik“ [Freydank 1988: 809].

С полным правом считают, что при переписке синтаксические характеристики обычно переходят из рукописи в рукопись гораздо лучше, чем, например, фонетико-орфографические и морфологические признаки. Следовательно, в этом случае временная дистанция не играет, как правило, определяющей роли:

«Хронологическая дистанция между оригиналом и последующими списками в общем, однако, не мешает изучению синтаксиса, который меньше всего пострадал при копировании» [Ляпон 1971: 129].

В случае «Парадоксов стойков», однако, мы обнаруживаем как раз противоположную ситуацию, так как именно их синтаксис, первоначально верно отражавший сложную структуру латинских предложений, представляется в существенно искаженном виде. Московские переписчики, не имея перед глазами латинского оригинала, совершенно не справились с непонятным текстом, пестрящим лексическими (и не только) полонизмами, подчиненными синтаксическими конструкциями и своеобразными риторическими фигурами (*ablativus absolutus*, винительный с инфинитивом, повторы, анафоры и т. п.).

Как уже отмечено, порядок слов славянского перевода почти без исключений³ повторяет синтаксические и риторические особенности латинского подлинника, нередко нарушая правила славянского синтаксиса; с другой стороны,

³ Ср., например, **призван бых во град** 328, *arcessitus in civitatem sum*; **мене коснѣтися** 328, *pervenisse ad me*. Другие более «естественные» случаи, как **а аз** 327, *ego vero*, **ибо которон естъ град** 327, *quae est enim civitas?* и **ибо не** 327, *non igitur* не показательны, поскольку здесь следование латинскому словопорядку было невозможно.

встречающиеся в списках разночтения (отклонения) не затрагивают порядка слов: перед нами случай довольно механической передачи текста.

Отдельно от филологического сравнения списков следует оценивать степень “полонизации” в сочинениях Курбского: в «Парадоксах стойков» обнаруживается больше полонизмов, чем в самом послании [Freydank 1988: 809]. Стоит задаться двойным вопросом о том, кому принадлежит перевод и существовал ли промежуточный польский перевод, оказавший какое-то влияние на восточнославянскую версию, как она дошла до нас. И, наконец, хотя это не менее значимо, идентификация латинской модели, предполагающая всесторонний анализ славянского текста, является необходимой составляющей при восстановлении последнего.

Этим проблемам и будет посвящено наше изложение, которое указывает возможный путь к осторожной реконструкции первоначального перевода, основанной на внимательном филологическом и лингвистическом анализе обоих текстов. Известно, что Д.С. Лихачев неоднократно предостерегал от любого рода реконструкций архетипа или авторского текста, причем он приводил и аргументы языкового порядка:

«Реконструировать текст, не учитывая возможных его языковых особенностей, свойственных тому времени, к которому исследователь его относит, — значит искусственно создавать текст, который заведомо не мог существовать. Между тем, конечно, реконструкция языка памятника или необходимость учитывать его языковые изменения — самое трудное, что стоит перед каждым реконструктором» [Лихачев 1957: 164].

По поводу того, что «литовское» наследие Курбского обычно рассматривалось в контексте развития русского языка, высказывался с оговоркой издатель Сборника Курбского:

«Этот контекст неудачен, поскольку, как правило, приводит к неразличению языковых реалий Московской Руси и Речи Посполитой второй половины XVI в. и заставляет обходить стороной проблему «полонизмов», которая, как сейчас ясно, затрагивает не только лексику, но и орфографию, грамматику и синтаксис Сборника Курбского. Вместе с тем «литовские» сочинения Курбского заняли устойчивое место в истории московской литературы наравне с его посланиями середины 1560-х годов <...>» [Ерусалимский 2009, I: 287].

Здесь следует обратить внимание на лингвистические особенности переводческого сочинения, предположительно свойственные не только другому времени, но и другому культурно-языковому пространству, находящемуся под сильным влиянием польского языка и западной гуманистической культуры. Более того, текст в таком виде, как он представлен в сохранившихся списках, во многих местах невозможно понять, на что указывают не только разные переводы на современные языки [Томеллеры 2015], но также факт, что на сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом), где помещено полное издание переписки Ивана

Грозного с Курбским с параллельным переводом на современный русский язык⁴, нет ни текста «Парадоксов стойков», ни его перевода – вместо них, без объяснения, дано троесточие [...]. Текст на самом деле нуждается в очень непростой «хирургической операции» (слова, заимствованные у самого Д. С. Лихачева [1957: 156]), которая, как, впрочем, любая операция, таит в себе известную опасность. Неясность и непонятность перевода, на наш взгляд, являются не только следствием того, что чрезвычайно трудно дословно передать синтаксическую изысканность латинского подлинника, но и результатом искажения самого по себе тяжелого и отчасти запутанного текста со стороны переписчиков. Отдавая себе отчет в гипотетичности подобного восстановления, основанного на сравнении неизвестного оригинала с явно испорченным переводом, мы все-таки с большей долей смелости, чем уместности, вступаем на почву филологических раскопок.

2. Исследуемый материал

В основе настоящих заметок лежит текст, изданный К. Ю. Ерусалимский [2009], в котором воспроизводится текст основного списка без учета его более или менее явных ошибок. Приведенные в критическом аппарате разночтения по другим спискам, однако, в отдельных случаях позволяют исправить механические ошибки переписчиков; поэтому в ходе изложения мы будем обсуждать архетип и, при необходимости, предлагать осторожную интерпретацию переводческих ошибок. Сравнение разночтений показывает текстологическую важность Тихонравовского списка, которая уже неоднократно отмечалась в литературе⁵.

Издание К. Ю. Ерусалимского выделяется тем, что почти дипломатическое воспроизведение основного списка сопровождается подачей в критическом аппарате всех разночтений, засвидетельствованных в остальных списках. Для латинского текста привлекаются печатные издания конца XV — первой половины XVI в., так как критические издания классической разновидности авторского текста (например [Cicero 2011: 210–215, 220–226]) не содержат текстовые варианты, отраженные в славянском переводе.

2.1. Ошибки в передаче текста

В отдельных случаях главный текст, судя по латинскому оригиналу, нуждается в исправлении, которое подсказывают свидетельства других списков, чьи разночтения приведены в критическом аппарате (правильное чтение дается в круглых скобках):

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век. СПб., 2001. [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8869> (09.10.2019)].

⁵ «При этом Тихонравовский список в разночтениях давал представление о более ранней традиции «Истории» и посланий Курбского Ивану Грозному» (Ерусалимский 2009/1: 243, прим. 47), см. также Tomelleri (2013b: 45–46).

- (1) на (ТЯВМСАП нн) сановитость нн вѣра 323, *non gravitas non fides*;
- (2) и мене измѣнником. твоимъ именемъ нарицаѣтъ (ТВМСАП нарицаѣш) 330, *et me exulem tuo nomine appellas*.

Во многих местах относительно просто, привлекая латинский текст, исправить примеры старательного, но ложного копирования, которые представляют собой явные механические изменения, проникшие в текст в ходе его копирования (Überlieferungsfehler):

- (3) Ака н я маріуса видѣхом < а каня маріуса видѣхом 323, *Caïum vero Marium vidimus* [Freydank 1988: 810];
- (4) А коему надѣялся разумъ н мышление < А коему надѣя вся разумъ н мышление 325, *cui spes omnis et ratio et cogitatio* [Ibidem].

В трех списках (ЯВМ) действительно засвидетельствовано чтение **надѣявста**, представляющее собой, по всей видимости, промежуточный этап в цепи: **надѣя вста** > **надѣявста** > **надѣялста**.

- (5) виситъ сшастыа < виситъ с шастыа 325, *pendet ex fortuna* [Idem: 811].

В трех списках (ВМС) обнаруживается слитно написанное предложное сочетание **сшастыа**, без следов фонетической ассимиляции. Нельзя пренебрегать тем обстоятельством, что значение латинского слова *fortuna* здесь, как и на стр. 327, относится к семантическому полю судьбы или случая.

Еще один лексический «полонизм» имеется в другом пассаже второго парадокса, где лексема **мѣсто** в одном и том же предложении соответствует двум латинским словам, *locus* и *urbs*:

- (6) а изгнание есть страшно тѣмъ нхже ꙗкобы описано есть мѣсто обиталища а не тѣмъ которые всяа земан округъ мѣсто едино мнятъ 326, *exilium autem est terribile his, quibus quasi circumscriptus est habitandi locus, non his, qui omnem orbem terrarum unam urbem esse ducunt*.
- (7) ани коегъ преподавѣя (Т преподавѣе) н обычанъ похвалный сѣтъ того бы житіе непохвално было 326, *Nec vero cuius virtus moresque laudandi sunt, eius non laudanda vita est*.

Предшествующее относительное местоимение в родительном падеже **коегъ** легко могло ввести переписчика в заблуждение.

- (8) но безумнымъ н неистовымъ вещми доведи (ТВМ доведѣ) истинными 327, *sed dementem et insanum rebus addicam (<adducam?) necessariis*.

Это место латинского текста явно повреждено [Heine 1855: 120]. Пробел в средневековье восполнялся по-разному, так что рукописная традиция показывает довольно пеструю картину. Предпочтительная славянская глагольная форма **доведѣ** восходит, возможно, к очень редко встречающемуся в рукописной традиции варианту *adducam* [Сісего 1846: 337] или является просто результатом неправильной интерпретации чтения *addicam*.

- (9) **встакое ли лотров ї бегунов || собрание на единое мѣсто множество — *со-
брано** 327–328, *omnisne enim fugitivorum ac latronum congregata unum in locum multitudo* [Freydank 1988: 811];
- (10) **сенатѹ имя вещи обшен не было — в вещи (ТМ) общен (ТВМСАП) 328, *senatus nomen in re publica non erat*** [Ibidem];
- (11) **до твоен злости свѣрообразня — злости и 328, *ad tuum scelus furoremque*;**
- (12) **али ты гражданина от сѣпостата естеством и мѣстом а не ѹмомъ ||
дѣла разделяеш — и дѣлы 329–330, *An tu civem ab hoste natura ac loco, non animo factisque distinguis?***

2.2. Переводческие ошибки

Особо должны трактоваться переводческие ошибки (Übersetzungsfehler), кото-
рые часто объясняются дословным подражанием латинскому синтаксису:

- (13) **тому ты члвкѹ грози смертен або изгнанен прещенми если которого
бѹдеш такового обрящеш 325, *Eum tu hominem terreto, si quem eris nactus, istiusmodi mortis aut exilii minis*** (должно быть просто **обрящеш** или **бѹдеш
обрѣл**).

Следует здесь отметить морфологически неправильную передачу сложного бу-
дущего времени латинского подлинника (*eris nactus* от глагола *nanciscor*). Кро-
ме того, здесь нарушается принцип сохранения порядка слов оригинала, так что
наречная форма *istiusmodi* синтаксически поглощается двойной (ошибочной) гла-
гольной формой. Не исключено, что именно морфологическая путаница привела
к частичному, хотя бы синтаксически “осмыслительному”, перераспределению
слов: «если будешь, найдешь такового».

Что касается передачи латинских относительных предложений и соответствую-
щих местоименных форм, перед нами следующее распределение:

а) Когда относительное предложение предшествует главному, в котором вы-
ступает указательная форма местоимения, переводчик всегда выбирает форму **кон**:

- (14) **в коемъ прѣдвие есть тому ничесо ж ѹбываетъ ко [w]блженномѹ⁶ житию**
323, *In quo virtus sit ei nihil deesse ad beate vivendum*;
- (15) **а коемѹ надѣялся (*надѣя вся) расѹм и мышление висит с счастья томѹ
ничесоже быти может извѣстнаго 323, *cui spes omnis et ratio et cogitatio
pendet ex fortuna, huic nihil potest esse certi*).**

б) При обратном порядке (антецедент — относительное местоимение) в функ-
ции относительного местоимения выступают как церковнославянская форма **иже**,
так и более новая **которыи**:

- (16) **всѣхъ злыхъ и безѣжныхъ ихже тобя вождем быти исповѣдѣш ихже зако-
ны изгнаниемъ каженныхъ быти хотятъ изгнанцы сѣть 330, *Omnes scelerati***

⁶ Указанное в аппарате разночтение **блженномѹ** предпочтительнее.

atque impii, quorum tu te ducem esse profiteris, quos leges exilio affici volunt, exules sunt;

- (17) а каня мари[8]са видѣхом который мнѣ в цасливыхъ вещахъ един отъ цастливыхъ люден а в противныхъ един з нанвышшихъ мѡжен видѣлся быти 323, *Caïum vero Marium vidimus, qui mihi secundis in rebus unus ex fortunatis hominibus, in adversis unus ex summis viris videbatur.*

В примере (18) передача придаточного предложения цели содержит множество синтаксически неясных мест:

- (18) смерт ли мнѣ грозитъ ижебы ем вонстинну отъ люден || або изгнанен да отъ злыхъ отшествие бѣдетъ ми 325–326; лат. *Mortemne mihi minitaris, ut omnino ab hominibus, an exilium, ut ab improbis demigrandum sit.*

Имя существительное **изгнанен**, возможно, стоит в родительном падеже множественного числа по аттракции со стороны предыдущего **люден**, тогда как соответствующая ему латинская форма *exilium* выполняет роль прямого дополнения, зависящего от глагола *minari*. Смущает здесь не совсем понятная форма **ем**, которая, судя по переводам на современные языки, часто принимается за глагол **яти**, так как глагол **ѣсти** по смыслу никак не подходит. Можно выдвинуть осторожное предположение о том, что в архетипе здесь стояла западнославянская (польская) комбинация подчинительного союза со связкой в первом лице единственного числа: **ижебым**. Дистантная позиция герундивной формы, в конце предложения, способствовала возникновению синтаксической ошибки. В других местах «Парадоксов стоиков» встречаются подобные комбинации союза или отрицания с глаголом *быти* в настоящем времени:

- (19) если бы еси⁷ мнѣ выдралъ ѡма моего вѣчную неподвижность 329, *Si mihi eripuisses divinam animi mei constantiam;*
 (20) если тогѡ вѣчнагъ добродѣинства бесмертнѣю памѣатъ потребилъ бы еси 329, *si huius aeterni beneficii immortalem memoriam delevisse;*
 (21) аще оныѣ ѡмѣ тые совѣты проиыдоша мнѣ исторглъ бы еси 329, *si illam mentem, unde haec consilia manarunt, mihi eripuisses;*
 (22) ты аки нѣе вонстинну гражданномъ нѣсть еси 329, *Tu ne nunc quidem es civis.*

Употребленный дважды *ablativus absolutus* ошибочно передается простым творительным падежом:

- (23) егда мечем изгнанными властелми сенатѹ нмя (*в) вещи обшен не было 328, *cum ferro pulsus magistratibus senatus nomen in re publica non erat;*
 (24) разбойниковъ оное стечение и тобою вожем разбойничество 328, *praedonum ille concursus et te duce latrocinium.*

⁷ В списках САП формы **еси** нет, скорее всего позднее исправление московского переписчика.

Иногда трудно сказать, на каком уровне возникла ошибка, при переводе или по вине переписчика архетипа:

(25) **смерт ли мнѣ грозит** 325, *Mortemne mihi minitaris* — должно быть **грозиш**.

3. Итоги

Приведенный — хотя еще в отрывочной форме — материал позволяет считать, что любопытный славянский текст «Парадоксов стоиков», дошедший до нас в механически искаженном виде, требует многослойного и разностороннего изучения с целью хотя бы предварительного восстановления утраченного первоначального текста и его возможного подлинника. Только решив поставленную здесь задачу, можно будет разъяснить темные места славянского перевода и продвинуться на пути изучения этой страницы древнерусской письменности, без сомнения, важной с культурной и лингвистической точки зрения.

Источники

Кунцевич Г.З. Сочинения князя Курбского. Т. I: Сочинения оригинальные. СПб., 1914 (= Русская историческая библиотека. Т. 31).

Переписка 1979 — Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков (подготовили текст). Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1979.

Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 1868 [1833¹]. [<https://reader.digitale-sammlungen.de/resolve/display/bsb10530323.html> (22.09.2019)]

Cicero, Marcus Tullius. Bartholomaeus Latomus. Paradoxa, ad Marcum Brurum, cum adnotationibus. Paris, [Jean Loys] apud Jean de Roigny, 1541.

Cicero M. Tullius, *De legibus. Paradoxa Stoicorum* / Über die Gesetze. Stoische Paradoxien / Lateinisch und deutsch, herausgegeben, übersetzt und erläutert von R. Nickel. Berlin 2011 [Sammlung Tusculum].

Cicero 1846 — M. Tullii Ciceronis Paradoxa, ad codd. mss. partim recens collatorum editionumque veterum fidem recognovit, prolegomena, excerpta scholarum D. Wytttenbachii, annotationem veterum et recentiorum interpretum selectam suamque, excursus et indicem rerum verborumque adiecit Georgius Henricus Moser. Göttingae, 1846.

Литература

Беляева Н.П. Материалы к указателю переводных трудов А.М. Курбского // Древнерусская литература: источниковедение. Сборник научных трудов / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1984. С. 115–136.

Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского: исследование книжной культуры. Т. I–II. М., 2009.

Лихачев Д. С. К вопросу о реконструкции древнерусских текстов // Исторический архив. 6. 1957. С. 154–166.

Ляпон М. В. Сочинения Курбского — источник для исследования явлений модальности // Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971. С. 127–150 [<http://www.ruslang.ru/doc/lingistoch/1971/08-ljapon.pdf> (22.09.2019)].

Томеллер В. С. Вокруг «Парадоксов» Цицерона в мнимом переводе А. М. Курбского. Проблемы и перспективы // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской / Отв. ред. Ромодановская В. А., Силантьев И. В., Титова Л. В. Т. 2. М., 2015. С. 233–244.

Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.

Andreyev N. The Authenticity of the Correspondence between Ivan IV and Prince Andrey Kurbsky // The Slavonic and East European Review. Vol. 53. 1975. No. 133. P. 582–588.

Freydank D. Zwischen griechischer und lateinischer Tradition. A. M. Kurbskij's Rezeption der humanistischen Bildung // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 33. 1988. Lfg. 6. S. 806–815.

Halperlin Ch. J. Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyj Correspondence in Hindsight // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, Bd. 46. 1998. Lfg. 3. S. 376–403.

Heine O. Kritische Bemerkungen zu Ciceros Bemerkungen // Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum 10. 1855. S. 116–125.

Kappeler A. Die sowjetische Reaktion auf Keenans Häresie // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, Bd. 22. 1974. Lfg. 2. S. 187–198.

Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi apocrypha: the seventeenth-century genesis of the «correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass. 1971.

Skrynnikov R. G. On the Authenticity of the Kurbskii–Groznyj Correspondence: A Summary of the Discussion // Slavic Review. Vol. 37. 1978. No. 1. P. 107–115.

Tomelleri V. S. Il paradosso dei Paradoxa Stoicorum di Cicerone nella presunta traduzione del principe Kurbskij // Contributi italiani al XV congresso Internazionale degli Slavisti / M. Garzaniti et al. (ed.). Firenze, 2013a. P. 157–195.

Tomelleri V. S. Ancora sulla traduzione slavo-orientale dei Paradoxa Stoicorum di Cicerone. Il quarto paradosso // Russica Romana. 20. 2013b. P. 33–57.

Wójcik Zb. Wokół epoki Iwana Groźnego // Kwartlanik Historyczny. R. 82. 1975. Nr. 2. S. 374–403.

Vittorio S. Tomelleri
Università degli Studi di Macerata
(Macerata, Italia)
vittorio.tomelleri@unimc.it

PHILOLOGICAL PROBLEMS AND LINGUISTIC INTERPRETATION OF THE TRANSLATION OF CICERO'S "PARADOXES" ATTRIBUTED TO ANDREY KURBSKY

The third letter of Prince Andrey Mikhailovich Kurbsky to Tsar Ivan the Terrible, dated 1579, contains an extremely curious translation of two of Cicero's *Stoic Paradoxes*. The Slavic text is a literal translation of the Latin original, accurately reflecting its word order. The paper aims to identify, using concrete examples, some philological and linguistic problems related to the rather mysterious history of the origin and diffusion of this translation in Russia.

Keywords: A. M. Kurbsky, Cicero, *Paradoxa Stoicorum*, translation and transmission.

References

Andreyev N. The Authenticity of the Correspondence between Ivan IV and Prince Andrey Kurbsky. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 53. 1975. No. 133. P. 582–588.

Belyaeva N.P. Materialy k ukazatelyu perevodnykh trudov A.M. Kurbskogo. *Drevnerusskaya literatura: istochnikovedenie. Sbornik nauchnykh trudov*. Otv. red. D. S. Likhachev. Leningrad, 1984. S. 115–136.

Erusalimskiy K. Yu. *Sbornik Kurbskogo: issledovanie knizhnoy kul'tury*. T. I–II. Moscow, 2009.

Filyushkin A.I. *Andrey Mikhaylovich Kurbskiy. Prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskiy kommentariy k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu*. St. Petersburg, 2007.

Freydank D. Zwischen griechischer und lateinischer Tradition. A.M. Kurbskijs Rezeption der humanistischen Bildung. *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 33. 1988. Lfg. 6. S. 806–815.

Halperin Ch. J. Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyj Correspondence in Hind-sight. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, Bd. 46. 1998. Lfg. 3. S. 376–403.

Heine O. Kritische Bemerkungen zu Ciceros Bemerkungen. *Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum* 10. 1855. S. 116–125.

Kappeler A. Die sowjetische Reaktion auf Keenans Häresie. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, Bd. 22. 1974. Lfg. 2. S. 187–198.

Keenan E.L. *The Kurbskii-Groznyi apocrypha: the seventeenth-century genesis of the «correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. Cambridge, Mass. 1971.

Likhachev D.S. K voprosu o rekonstruktsii drevnerusskikh tekstov. *Istoricheskiy arkhiv*, 6. S. 154–166.

Lyapon M.V. Sochineniya Kurbskogo — istochnik dlya issledovaniya yavleniy modal'nosti. *Russkiy yazyk. Istochniki dlya ego izucheniya*. Moscow, 1971. S. 127–150 [<http://www.ruslang.ru/doc/lingistoch/1971/08-ljapon.pdf> (22.09.2019)].

Skrynnikov R.G. On the Authenticity of the Kurbskii–Groznyj Correspondence: A Summary of the Discussion. *Slavic Review*. Vol. 37. 1978. No. 1. P. 107–115.

Tomelleri V.S. Il paradosso dei Paradoxa Stoicorum di Cicerone nella presunta traduzione del principe Kurbskij. *Contributi italiani al XV congresso Internazionale degli Slavisti*. M. Garzaniti et al. (ed.). Firenze, 2013a. P. 157–195.

Tomelleri V.S. Ancora sulla traduzione slavo-orientale dei Paradoxa Stoicorum di Cicerone. Il quarto paradosso. *Russica Romana*. 20. 2013b. P. 33–57.

Tomelleri V.S. Vokrug «Paradoksov» Tsitserona v mnimom perevode A.M. Kurbskogo. Problemy i perspektivy. *Krugi vremen. V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy*. Otв. red. Romodanovskaya V.A., Silant'yev I.V., Titova L.V. T. 2. Moscow, 2015. S. 233–244.

Wójcik Zb. Wokół epoki Iwana Groźnego. *Kwartlanik Historyczny*. R. 82. 1975. Nr. 2. S. 374–403.

А. В. Циммерлинг

*Государственный институт русского языка имени А. С.Пушкина/ Институт
языкознания РАН / Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
fagraey64@hotmail.com*

ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК? ПЕРЕВОДНЫЕ И ОРИГИНАЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ ИВАНА III*

В статье обсуждаются лингвистические характеристики крупного массива памятников делового стиля старорусского языка — посольских книг Ивана III. Посольские книги Ивана III не являются однородным в языковом отношении собранием текстов, поскольку к оригинальным текстам, написанным на идиоме Великого княжества Московского, без существенной правки добавлялись присылавшиеся в Москву оригинальные грамоты, написанные на других восточнославянских идиомах и диалектах старорусского языка, а также переводные документы, составленные писцами-билингвами. Переписка и переговоры с Литовским государством при Иване III и позже велись без переводчика, что позволяет установить по посольским книгам Москвы характерные синтаксические особенности как идиома Великого княжества Московского, так и того идиома Великого княжества Литовского, который использовался в дипломатической переписке. Параметризация грамматики русского языка конца XV в. позволяет определить границы варьирования в каждом из двух данных основных идиомов посольских книг и охарактеризовать ряд других идиомов. Лингвистический анализ подтверждает свидетельство посольских книг о том, что в 1501 г. кафинский посол Алакозь привез в Москву две грамоты русского письма: эти две грамоты были написаны на староукраинском языке в самой Кафе. Характерная особенность северо-западного диалекта обнаруживается в присланной из Ивангорода в июне 1505 г. переводной грамоте, записанной Дмитрием Щербатовым. На основании лингвистических и исторических данных переводчик этой грамоты может быть отождествлен с русским книжником новгородского происхождения Дмитрием Герасимовым. Варьирование параметров старорусской

* Работа написана при поддержке проекта РФФИ 17-04-00444, реализуемого в МПГУ. Я благодарю А. В. Дыбо и Л. В. Мошкову за замечания и за консультацию. Ответственность за все недочеты несет автор.

грамматики в ряде случаев полнее отражено в переводных грамотах, поскольку билингвы — носители татарского языка — в большей степени, чем авторы оригинальных грамот, ориентировались на узус младшего поколения на фоне происходивших в московском диалекте синтаксических сдвигов.

Ключевые слова: русский язык XV в., Великое княжество Московское, Великое княжество Литовское, посольские книги, параметрическое варьирование, порядок слов, клитики, связки, плюсквамперфект, идентификация писцов, Дмитрий Герасимов.

*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat.*

1. Посольские грамоты Ивана III. Свое и чужое

Баллада Кипплинга, цитата из которой использована в заглавии, — о том, что хотя Запад есть Запад, а Восток есть Восток, их представители порой вступают в диалог и договариваются. Поэт не уточняет, на каком языке общались его герои. В Великом княжестве Московском (далее — ВКМ) при Иване III (1462 — 1505) и его преемниках с основным внешнеполитическим противником — Великим княжеством Литовским (далее — ВКЛ) говорили на том же языке: различия между идиомами ВКМ и ВКЛ были не столь велики, чтобы прибегать к переводчику¹. К эпохе Ивана III относятся четыре книги дипломатических сношений с иностранными державами, являющиеся не только важнейшими историческими источниками [Бантыш-Каменский 1808/1893; Рогожин 1994], но и рубежными памятниками старорусского языка, запечатлевшими нормы приказного стиля в массиве текстов беспрецедентного для своего времени объема и сложности. Близость идиомов ВКЛ и ВКМ создает обманчивое ощущение языковой однородности посольских книг и оказывает русистам медвежью услугу: раз составители посольских книг Москвы *de facto* подтвердили, что политические конфликты не переносятся на язык, объединив грамоты Литвы и Москвы в своих книгах, зачем искать разноречия? Это иллюзия: различия между идиомами писцов не столь эфемерны, чтобы из них нельзя было извлечь исторически ценной информации об условиях написания и обработки грамот. Лингвистическая специфика переводных грамот с татарского тоже не вполне освоена, их полноценного сравнения с оригинальными московскими грамотами до сих пор не проведено. Между тем, татарские грамоты посольских книг Ивана — это, по большей части, тексты, переведенные билингвами на идиом ВКМ. Сравнив их с оригинальными текстами, написанными на ВКМ в тот же период, мы получаем уникальную информацию о границах варьирования русского языка в ситуации многоязычия и интерференции диалектов конца XV в.

¹ Напомним, что западная граница ВКМ к началу сохранившейся переписки с ВКЛ (1487 г.) проходила между Можайском и Вязьмой, а последний город отошел к ВКМ лишь по мирному договору 1494 г. Об обстоятельствах его заключения подробно рассказывают посольские книги Ивана III.

1.1. Книги и грамоты. Филология и лингвистика

Дошедшие до нас посольские книги содержат не только окончательные тексты мирных договоров и их проекты, но и *вѣрющие* (верительные), грамоты, *памяти* (инструкции для послов), а также заготовленные и произнесенные речи, протоколы переговоров, донесения, записки и справочную информацию². Под ‘посольской книгой сношений с X-ом’ здесь и далее, если не оговаривается обратное, имеется в виду тематическая подборка посольских грамот и массив текстов, а не книга в техническом смысле слова как переплетенный и сброшированный кодекс. Не установлено, в какой форме хранились подборки посольских грамот в конце XV в. и оформлялись ли они как кодексы при жизни Ивана III. Выдвигались аргументы в пользу того, что оформление посольских книг как кодексов относится к началу правления сына и преемника Ивана III, Василия III (1505 — 1533), см. [Мошкова 2017a; 2017b]. По мнению Л. В. Мошковой, исследовавшей рукописи посольских книг в Российском государственном архиве древних актов, водяные знаки обычно указывают на начало XVI в. как на время создания кодекса, но иногда допустима и датировка концом XV в. В самых крупных книгах — Крымской (1474 — 1505 гг.), РГАДА, ф.123, оп. 1, № 1, 2, 4° и первой Литовской (1487 — 1500), РГАДА, ф.79, оп.1, № 1, 4°, — явных почерковых швов нет³ [Мошкова 2017б: 237 — 238]. Текст Литовской книги редактировался, в ней заменялись и добавлялись не только отдельные грамоты (см. л. 197), но и целые тетради [Там же: 238]. В Ногайской книге (РГАДА, ф.123, оп. 1, № 1, 4°) есть один почерковый шов, который проходит по л. 33 и разделяет события весны 1497 г. и ноября 1501 г. [Там же: 237]. В Имперской книге (РГАДА, ф.32, оп. 1., № 1, 8°) есть интерполяция — после л. 167 (1509 г.) вставлены листы о сношениях Москвы с Венгерским королем Матвеем Корвином (л. 168 — 202), относящиеся к 1488 г., ср. издание [ПДС 1: 159 — 171]. Л. В. Мошкова делает вывод о том, что общее количество почерков в посольских книгах пока не поддается определению, а идентифицировать писцов при помощи одних кодикологических и палеографических методов нельзя [Там же: 240]. Тем не менее, она выдвигает гипотезу о том, что посольские книги не переписывали с более ранних оригиналов, а «именно составляли — т. е. подбирали и копировали документы» [Там же: 242].

Правомерно поставить вопрос: можно ли доказать или опровергнуть вывод Л. В. Мошковой лингвистическими методами? Для того, чтобы доказать, что составители посольских книг Ивана III включали в них оригинальные тексты, нужно

² Ср., например, добавленную к самой первой грамоте Имперской книги справку о том, как выбирают императора Священной Римской империи: она начинается словами «А се написано памяти для. *Выбирають на цесарство на римское цесаря три свѣтскихъ, а три духовныхъ...*» [ПДС 1: 13].

³ Ср.: «Явных почерковых швов в этой <Крымской. — А. Ц.> книге не обнаружено. Смена исполнителей происходит постепенно и в конце книги преобладают другие почерки, а не те, которыми написано ее начало» [Мошкова 2017б: 238].

доказать, что разные грамоты посольских книг представляют неидентичные языковые идиомы. Шанс установить это возникает в двух случаях:

- (i) Язык грамот Ивана III, написанных на московском диалекте, отличается от языка грамот, написанных на других диалектах, в том числе, на идиоме ВКЛ.
- (ii) Язык оригинальных московских грамот Ивана III отличается от языка переводных московских грамот, составленных московскими переводчиками-билингвами.

Настоящая статья является первой попыткой проверить гипотезы (i) и (ii). Возникает второй, технический, вопрос, какие именно аспекты языковой структуры нужно проверять в первую очередь при отсутствии критических изданий памятников. Наш ответ — морфосинтаксис и лексику. В дальнейшей части статьи примеры из посольских книг Ивана III приводятся в орфографии изданий XIX в. [ПДС 1; 35; 41; 95], за вычетом десятиричного *i*, которое заменяется на обычное *и*⁴.

1.2. Свои и чужие. Восток и Запад

Своеобразие языковой ситуации состоит в том, что при Иване III переговоры и переписка ВКМ с главным противником — ВКЛ — шла без толмачей и письменных переводчиков, так как идиомы ВКМ и ВКЛ были взаимопонятны. Напротив, переговоры с главным союзником, Крымским ханством, а также с союзниками потенциальными — Ногайской Ордой, Турцией и Священной Римской Империей — шли через толмачей: переговаривающиеся стороны либо прибегали к услугам билингвов, знавших русский и татарский язык, либо к языку-посреднику, в роли которого при переговорах с Римской Империей выступал латинский язык. Основной политический конфликт, стоящий за всем этим массивом текстов, тем самым, связан с линией Запад vs Восток, хотя конфликтующие стороны говорили на одном языке. Точное определение этого языка тоже связано с конфликтом, но уже не между державами XV в., а между современными филологами.

Первая грамота в переписке с Крымской и Ногайской Ордами, Турецким и Кафинским султанами — инструкция (память) послу Никите Беклемишеву, ездившему в Крым для заключения союза с ханом Менгли-Гиреем, — датируется мартом 1474 г. [ПДС 41: 1]. Первая грамота в переписке со Священной Римской Империей

⁴ Как мы могли убедиться по фотокопиям РГАДА, сам по себе знак десятиричного *i* в рукописях посольских книг был. Но чтобы убедиться, что знак *i* в изданиях XIX в. в каждом случае соответствует *i* в рукописи, нужно сверять все посольские книги в полном объеме. Аналогичная трудность связана с буквой *я* в изданиях XIX в., хотя обычно, как показывают рукописи, *я* в изданиях посольских книг передает *л*. Что касается конечного *ь* в изданиях XIX в., оно часто набирается после выносных букв конечных твердых согласных *л*, *н* и т. п. рукописи. Но порой конечный *ь* выписывался писцами полностью, ср. *не могъ бы твоєїи млѣти* в начале Имперской книги на л. 3.

и Венгрией — переговоры с послом Николаем Поплевой (Николаусом Поплау) в Москве, — датируется 1488 г. [ПДС 1: 35]. Первая грамота в переписке с Великим княжеством Литовским — посольство князя Тимофея Мосальского в Москву — датируется октябрём 1487 г. [ПДС 35: 1]. Наиболее интенсивной была переписка с главным противником, Великим княжеством Литовским, и главным на тот период внешнеполитическим союзником — Крымским ханством.

1.3. Идентификация авторов

В дальнейшем изложении сведения о возможных авторах и переводчиках грамот обсуждаются в перспективе уточнения лингвистических особенностей посольских грамот и языковой ситуации конца XV — начала XVI вв. В отдельных случаях принятое в посольских книгах протокольное перечисление членов посольств, приставов и толмачей помогает идентифицировать лиц, упоминаемых в других частях книг. Многие дьяки, подьячие, приставы и отдельные переводчики параллельно упомянуты в локальных актах и иных памятниках [Зимин 1988; Корзинин, Сосницкий 2018]. В то же время отсутствие унификации именований и разные варианты обозначений одного и того же лица, зафиксированные посольскими книгами, порой делают отождествление писцов, переводчиков и действующих лиц труднодостижимым. Эти проблемы обсуждаются далее в разделах 4—6 и 7.4—7.5 на примере упоминаний Дмитрия Герасимова, Кулпы Аксентьева и других лиц, благодаря которым возникали и передавались посольские грамоты.

2. Язык Великого княжества Литовского и посольские грамоты

Язык ВКЛ, в зависимости от избранного подхода, может определяться как койне, связанное с юго-западными (= «староукраинский язык») или западными диалектами (= «старобелорусский», «западный диалект позднерусского языка» [Соболевский 1980: 71; Stang 1935; 1939], либо как особый язык (= «русинский», «руска мова»), см. [Иванов 2003]. Происхождение большинства писцов неизвестно, но сохранилось много локальных актов XIV — начала XVI в., связанных с Полоцком, ср. критическое издание [Хорошкевич 2015, I]. Язык полоцких грамот (далее ПГ) близок к языку посольских грамот литовской стороны, что едва ли удивительно. В качестве послов и в составе посольств ездили Ян Заберезинский⁵ (см. ПГр №№ 256, 256а, 257, 258, 263, 264, 267, 295, 308а, 322, 323, 396, 400, 411а, 423, 462б, 464а в составе упомянутого издания) и Станислав Глебович⁶ (см. ПГ №№ 21, 91, 153, 193, 295а, 327, 345, 353, 358, 362, 369 — 375, 379, 380, 383, 389, 390, 393, 396, 402 — 403а, 405, 408а, 410, 414б, 418, 428 — 431а, 434в, 437, 440,

⁵ Полоцкий наместник в 1484 — 1486 гг. См. о нем [Хорошкевич 2015, II: 185].

⁶ Полоцкий наместник в 1501 — 1513 гг. О нем и о связанных с ним полоцких актах см. [Хорошкевич 2015, II: 234 — 235, 349, 392].

449 — 455, 457, 462, 462в, 464 — 468, 471, 474, 477, 479 — 481, 482а), в разные годы державшие полоцкое наместничество, зять Станислава Глебовича, магнат Ян Сапега (*Иван Семенович*, он же *Ивашко Сопѣжыч*⁷), полоцкие бояре и дворяне. Вполне вероятно, что их речи писали те же писцы, которые оформляли для них локальные акты.

Характерными особенностями грамот литовской стороны, соответствующих узусу полоцких грамот того же периода, являются форма союза и местоимения *што* при московском *что* и южнорусском (староукраинском) *що*, а также частое употребление союзов *штобы* и *штоже*. Используются отсутствующие в грамотах московской стороны союзы *ижбы* и *ажбы*, а также спрягаемые формы аориста глагола *быти* — *быхъ*, *быхмо* и т. д., в том числе — после начального союза *а*: *абыхъ* и т. д. Эти и многие другие черты идиомы ВКЛ отражают влияние польского языка. Имеются бесспорные полонизмы в области лексики, в том числе — использование слова *лист* в значении ‘грамота’, *жадный* в значении ‘ни один’ и т. п.

Маловероятно, чтобы варьирование формы связки 1 л. мн. ч. или произношение начальных согласных в союзе *что* как /ч’т/ ~ /ш’т’/ ~ /шт/ серьезно затрудняло переговоры. Для признания идиомы ВКЛ и идиомы ВКМ в массиве посольских грамот разными языками ничуть не больше оснований, чем для признания новгородского диалекта XI — XV вв., фонетика и грамматика которого детально описана в [Зализняк 2004], отдельным языком, отличным от древнерусского. Некоторые писцы и переводчики посольских грамот могли быть новгородского происхождения, см. наблюдения над почерками первых писцовых книг в [Мошкова 2017б: 235], но это — тема, заслуживающая специального обсуждения.

3. Есмо vs есмя, есме, есмы

Форма связки 1 л. мн. ч. в памятниках XIV—XVI вв. отражает распределение диалектов позднерусского и старорусского периодов.

3.1. Полоцкие грамоты, посольские грамоты и Литовская Метрика

В написанных в Полоцке локальных актах 4 раза встречается диалектная северо-западная форма 1 л. мн. ч. *есме* (ПГ №№ 2, 52 и 162), еще один пример обнаруживается в рижской грамоте 1405 г., связанной с Полоцком (ПГ № 49). В посольских грамотах литовской стороны этой формы нет, обобщено употребление формы 1 л. мн. ч. *есмо*.

В полоцких грамотах ВКЛ и Литовской Метрике 1479 — 1506 г. [LM 4; LM 6] нет формы 1 л. мн. ч. *есмя*, которая, как показано в [Молдован 2020], развилась из *есме* в являющих центрально-великорусских диалектах конца XIV — XV вв. В посольских грамотах литовской стороны она встретилась несколько раз, что можно объяснить ошибками московских писцов, переписывавших литовские грамоты.

⁷ О Иване Семеновиче Сапеге и его полоцких связях см. [Хорошкевич 2015, II: 251, 291].

3.2. Посольские грамоты ВКМ

В переписке с Крымом и Ногайской Ордой форма *есмя* обобщена, в том числе — в речах татарской стороны, зато в грамотах московской стороны западная форма *есмо* вместо ожидаемого *есмя* встречается несколько раз в контексте пересказа слов литовской стороны. Этот курьез можно объяснить двояко — либо небрежностью переписчика, либо этикетным копированием предшествующего текста, подтверждающим, что московская сторона точно поняла (*дополна розумѣла*) обращенные к ней речи. Вероятность данных гипотез определяется местом *есмя* в грамоте ВКЛ. Спорадические случаи употребления *есмя* вместо ожидаемого *есмо* в преамбуле речи или грамоты ВКЛ (ср. *Перво сего до тебѣ есмя посылали пословъ своихъ великихъ* [ПДС 35: 14]) при 7 примерах *есмо* в той же литовской грамоте 1488 г. легче объяснить небрежностью московского переписчика, в то время как спорадически встречающееся *есмя* в пересказе речей литовской стороны может быть этикетным копированием. Полное отсутствие *есмо* в переводных татарских грамотах, включенных в посольские книги Ивана III, подтверждает, что переводчики, записавшие эти грамоты, не имели отношения к идиому ВКЛ.

Церковнославянской / южнорусской формы 1 л. мн. ч. *есмы* в массиве переписки с Литвой нет. В полоцких грамотах она зафиксирована несколько раз (№№ 1, 11, 16, 474), но бесспорных примеров в текстах XV в. нет⁸. Об употреблении формы *есме* в уникальной переводной грамоте ВКМ, составленной Дмитрием Щербатым [ПДС 1: 128], см. ниже раздел 7.5. Как и в других позднерусских и старорусских памятниках, спорадически встречается недифференцированное употребление *есмы* в значении 1 л. ед. ч. (= *есмь, есми*), т. е. эффект отвердения конечного — *м'* с аналогическим распространением финали —*мы* на ед. ч., см. об этом [Молдован 2020]. Ср., например, один раз встретившееся *есмы* = *есми* в переводе

⁸ Полоцкая грамота № 1 (грамота князя Гирденя), где в предложении *какъ миръ есмы створил(и)* представлено *есмы*, датируется 1263 г.. Она сохранилась в том же списке XV в., что полоцкая грамота № 2 (1264–1267 гг.), где зафиксировано *есме*: *Чего са есме штступили въ | Ризе*. Полоцкая грамота № 11 (ок. 1370 — 1377 или 1381 — 1387 гг.) сохранилась в поздних списках латинским письмом, предположительно сделанных с копии конца XVI в. В этой грамоте по одному разу представлены *есмы* — *Daly iesmy Fe|doru i synu jeho Dmytryiu i есмо — А | тому сету welyty iesmo y rubesz zarubity od reki od Berezwiaczzy*. Полоцкая грамота № 474 (уставной привилей Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка, 1511 г.) дошла до нас в списке XVII в. и обнаруживает те же колебания: 1 раз встречается форма *есмы* (*А так, як есмы были с п(а)ны радами | нашими*) и 2 раза — стандартное для идиома ВКЛ *есмо* (всего более 400 примеров в массиве полоцких грамот): *а потом в той речи возъвали есмо | их перед нас и при том есмо их zostавили*. Систематически *есмы* вместо *есмо* встречается лишь в одном тексте XIV в. — жалованной грамоте короля Владислава-Ягайло литовскому князю Скиргайлу (28 апреля 1387 г.), сохранившейся в подлиннике: в этом памятнике *есмы* встречается 5 раз. Тем самым, форма *есмы* в полоцких памятниках XV в. не документирована вообще. Три примера *есмы* в памятниках до и после XV в. могут быть подлинными (что особенно вероятно для ранней грамоты князя Гирденя, относимой к 1263 г.), но не относятся к тому же самому идиому ВКЛ, на котором написаны прочие полоцкие грамоты и все посольские грамоты.

речей Николая Поплевы в 1488 г. в начале Имперской книги [ПДС 1: 11] при двух примерах стандартной для идиома ВКМ формы 1 л. ед. ч. *есми* в соседних предложениях. Так же в подорожной пристава Кулпы Аксентьева, написанной от имени Ивана III и включенной в ту же Имперскую книгу ближе к ее началу: *послалъ есмы съ Юриемъ съ Грекомъ въ Нѣмцы Кулпу Оксентьева* [ПДС 1: 23], далее следуют четыре примера *послалъ есми*. Данное явление, равно как архаизирующее употребление форм 1 л. ед. ч. *есмь* и *есмъ* вместо стандартной формы 1 л. ед. ч. *есми* в переводных грамотах — например, в других речах Николая Поплевы (под 1490 г.) *радъ есмъ да и готовъ есмъ всякъ часъ* [ПДС 1: 56] — нуждается в более детальном изучении.

3.3. Ипатьевская летопись

Колебания между формами *есмы* и *есме* обнаруживаются в Ипатьевской летописи — памятнике южнорусского происхождения, в XV в. переписанном в Северо-Западной Руси, по одной из гипотез — в Псковской земле [Зализняк 2007: 103]. По подсчетам А. М. Молдована [2020: 184–187], на 50 случаев употребления в 1 л. мн. ч. *есмы* (включая 2 примера в составе *нѣсмы*) в «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку и в Киевской летописи приходится 12 примеров формы *есме*. Такую пропорцию легче всего объяснить тем, что северо-западное *есме* в диалекте переписчика XV в. наложилось на южнорусское/литературное *есмы* в антиграфе. Однако точное распределение конкурирующих форм в Киевской летописи еще ждет своего объяснения. В нескольких случаях колебания либо внесенные при переписывании искажения обнаруживаются в пределах одного абзаца, см. диалогические фрагменты Ипат., л. 127 (под 1147 г.), л. 136 (под 1149 г.) и л. 193 (под 1170 г.).

- (1) и ре^ѣ имѣ. се **есмы** поуѣть замыслили великъ. а то естъ оутвержение дѣдъ нашихъ вѣдъ нашихъ хрѣтъ **есме** цѣловали. а извѣстимса и ѣще. ако на семь пути. ни тажи. имѣти ни которогоже извѣта (Ипат., л. 127, под 1147 г.);
- (2) и нача молвити Мьстиславъ братъи свои. се браѣ Половцемъ **есме** много зла створили. вежѣ ихъ поимали **есмы** дѣти ихъ поимали. **есмы**. и стада и скоть (Ипат., л. 193, под 1170 г.).

Обращает на себя внимание, что *есме* в Киевской летописи часто встречается в клишированных фрагментах, включая формулу ‘мы целовали крест’. Кроме (1), сюда относятся еще два примера из тех же речей: *хрѣтъ бо есме цѣловали к тобѣ* (Ипат, л. 127, под. 1147 г.), *браѣ цѣловали есме крѣтъ къ Сѣославоу Сѣлговичю* (Там же), также: *а мы есме к тобѣ хрѣтъ целовали с тобою быти* (Ипат., л. 136, под 1149 г.). В непосредственном соседстве с последним примером дважды повторяется и вариант с *есмы*: *хрѣтъ есмы цѣловали* *яко вси^а намъ быти за вѣдинъ... тако ти молвить Изаславъ браѣ твои хрѣтъ есмы браѣ на то^а целовали* *вже быти вамъ со мною* (Ипат., л. 136 об., под 1149 г.). К клишированным сочетаниям в первом диалогическом фрагменте (диалоги, связанные с действиями князя Изяслава

в 1147 г.) следует отнести также конструкцию не книжного плюсквамперфекта с *быль*, ср. *а оуже брате. кде есме были доумали* (Ипат., л. 127), поскольку она предполагала фиксированный порядок связочных энклитик [Зализняк 2008: 40; Циммерлинг 2019б].

3.4. Есме в полоцких грамотах

Из пяти встретившихся в полоцких грамотах примеров употребления формы 1 л. мн. ч. *есме* два связаны с грамотой середины XV в., сохранившейся в подлиннике:

- (3) Посылали **есме** до ваше м(и)л(о)сти посольством брат(ь)ю свою | Григорья Ильинича а Матфел Нאוумович(а). ПГ № 162 (1464 — 1465 гг.);
- (4) Про то ж и н(ы)нѣ послали **есме** | к вашей м(и)л(о)сти посолствомъ братью свою, мѣстичѣвъ | полоцких Григорья Ильинича а Микиту Колѣчижи|нич(а). ПГ № 162 (1464 — 1465 гг.).

Заслуживает полного доверия и более ранняя полоцкая грамота № 52 — составленный в Полоцке проект мирного договора 1405 г. с Ригой, дошедший до нас в копии начала XV в. [Хорошкевич 2015, I: 130].

- (5) А томъ **есме** къ вам | послали свои добрыи люд(и) чесныи (21 июня 1405 г.).

Форма *есме* имеется также в неидентичном рижском проекте того же договора с Полоцком. И эта грамота (№ 49), возможно, написанная на другом западном или северо-западном диалекте русского языка, дошла до нас в раннем списке начала XV в. [Там же: 119].

- (6) Мы, ратьмане ризькии, скончали **есме** съ полочан(ы), на Б(о)жью м(и)л(о)сть надеючес(а), што же полочаном всем | немечькымъ купьцем ризьким слично и право дѣлати всакомъ торговем дѣлѣ и торговлю, без всаа | хитрости право чинит(и) на обѣ сторон(е) межи собою. (17 мая 1405 г.)

В полоцком проекте мирного договора 1405 г. (ПГр № 52) есть еще одна характерная, хотя и не уникальная особенность северо-западных и западных диалектов русского языка — модальная конструкция им. п. + инфинитив типа *вода пити* [Циммерлинг 2019а], причем не только в канцелярской формуле *дати правда*, но и в свободном сочетании *а белка купити*. В более поздних полоцких грамотах формулы *дати правда* нет, не имеет аналогов и коллокация *белка купити*, хотя сам оборот им. п. + инфинитив встречается при другом лексическом наполнении. Все это побуждает считать, что полоцкие грамоты ПГр №№ 52 и 162, а также список XV в. с ранней полоцкой грамоты XIII в. (№ 2) доказывают наличие *есме* в живой речи носителей полоцкого диалекта вплоть до середины XV в.

В том идиоме ВКЛ, который в последней четверти XV в. использовался в посольских грамотах, а также в современных им локальных полоцких актах 1470–1511 гг. формы *есме* уже нет, употребление *есмо* является стандартом приказного языка.

4. Перевод и переводчики

4.1. Устный перевод

Переговоры с Литвой в эпоху Ивана III и позже шли без переводчика. Тексты приказного стиля строились по сходным шаблонам. Литовские магнаты, ездившие с посольствами в Москву, вероятно, владели устной формой старорусского языка на бытовом уровне. Кроме того, в их распоряжении были русские писцы, готовые записать любой акт. Эта ситуация подтверждается перепиской виленского наместника Яна Заберезинского с новгородским наместником Яковом Захарьичем Кошкиным в 1492 г., в которой зондировалась почва для заключения мирного договора между Литвой и Москвой и брачного союза между дочерью Ивана III и Великим князем литовским Александром. Ян сперва посылает к Якову своего писаря *Лаврина*, а затем — гонца по имени *Ивашко Ермолов* [ПДС 35: 85—88]. Переговоры с немецкими и венгерскими послами изначально шли через толмачей, знавших латинский язык: как-то объясниться с Николаусом Поплау мог и один из руководителей внешней политики Ивана III, дьяк Федор Курицын⁹.

В составе посольств, направлявшихся в Крым, Казань и Ногайскую Орду, всегда были толмачи, знавшие татарский язык. Толмачи, знавшие русский язык, иногда упоминаются и в составе посольств из Крыма. Имена московских толмачей — *Иванча*, *Борис*, *Илейка*, *Якуш*, *Коняй*, *Кудаш* — свидетельствуют о том, что среди них были как крещенные, так и некрещенные татары, лояльность которых была проверена. Напротив, новокрещеным толмачам не всегда доверяли. Так, в 1491 г., при посыле по имени *Степан Федцов Мансуров*, направлявшемся в Ногайскую Орду и Казань, находился *Бориско Марков*, имевший, в современных терминах, доступ к секретной информации: он мог переводить *речи наодинѣ*. Второй толмач, *Петруша Новокрещеной*, такого доступа не имел, и инструкции посла предписывали его к переговорам *наодинѣ* не привлекать [ПДС 41: 130—131].

В XV — начале XVI в. на службе великих князей Московских, в том числе в самой Москве¹⁰ и в Подмоскovie [Зайцев 2018], было много билингвов, знавших русский и татарский языки. Они регулярно ездили в качестве гонцов, курьеров, приставов и толмачей. Подобные билингвы были и в распоряжении крымского

⁹ И <князь великий> велѣлъ *Феодору* у него <посла Николая> его рѣчи выписати того дѣла, что онъ толмачемъ не хотѣлъ говорити [ПДС 1: 40]. Послы должны были передать текст своих речей заранее, если речь была публичной. Если же посол претендовал на то, чтобы Великий князь выслушал конфиденциальную информацию *наодинѣ*, т. е. без бояр, он должен был предоставить запись этих речей. Что посол и сделал при помощи Федора. Речи, которые русские послы должны были произнести публично или *наодинѣ*, писались заранее: в случае нападения посол должен был уничтожить их. Это произошло с князем Иваном Кубенским летом 1500 г.: отчитываясь, он сообщает в Москву о том, что при нападении разбойников *потопил* посольские списки [ПДС 41: 321].

¹⁰ Московских татар посольские книги именуют *слободскими*, к ним принадлежали, например, гонцы *Кудаш Шемякин сын* и *Кожух Карачеев сын* [ПДС 41: 129], а также толмач *Коняй*, ездивший в составе посольств в Крым и Валахию [Там же: 156].

хана. Их имена известны хуже¹¹, но в дипломатической переписке сообщается о том, что в 1500 г. из Крыма в Москву пришли татарские грамоты с приложенным русским текстом [ПДС 41: 286] — эти грамоты крымский хан переслал в Москву; соответствующий факт упомянут и в переписке с ВКЛ. Этот случай не был первым: уже в 1492 г. хан Менгли-Гирей присылал в Москву грамоту, написанную *рузьскимъ письмом* [Там же: 155]. Житель одного из крупнейших торговых городов Восточной Европы — Кафы (Феодосии), *Алакозь* (Ала-Гёз, в посольских грамотах имя передается и как *Алагиозь*, *Алакозь*, *Алякозь*), сперва ездил толмачом при посольстве кафинского султана в октябре 1499 г. [Там же: 283], а позже сам был послом в Москве¹². В начале 1501 г. упоминается о том, что Великий князь Литовский Александр посылал с дипломатическим поручением в Крым своего толмача, армянина *Берендея* [Там же: 333, 347]. В это время прикомандированный к московскому послу князю Федору Ромодановскому толмач *Илейка* был захвачен в плен и предположительно уведен в Азов, причем в нападении на московских послов участвовал не названный по имени азовский толмач [Там же: 349]. Тот же Берендей фигурирует в рассказе о событиях 1493 г., где говорится о том, что от Великого князя Александра в Крым приезжал толмач *Ивашко* [Там же: 182]. О русских толмачах в Кафе и других русскоязычных людях в этом городе см. ниже раздел 8.

4.2. Письменный перевод

Письменный перевод с татарского и на татарский требовал большей квалификации и уровня образования, но соответствующие специалисты были. С октября 1489 г. татарские и турецкие грамоты в Москве переводил *Абляз Бакшей* (Аблез Бакши ⇒ Абу Ильяс), пользовавшийся особым доверием Великого князя [ПДС 41: 78, 335]. В одном случае мы располагаем если не параллельным текстом, то разными переводами двух версий послания турецкого султана (1498 г.): один из переводов выполнен самим Аблязом Бакшеем, а другой — неким *молной* (т. е. муллой) *Шамахийским*.

Неясно, кто переводил грамоты (ярлыки) татарских ханов до 1489 г., но в посольских книгах приведен русский текст ярлыка хана Большой Орды Муртазы, адресованный Ивану III, а также перехваченный ярлык Муртазы, адресованный касимовскому хану Нур-Девлету: оба ярлыка были пересланы в Крым хану Менгли-Гирею [Там же: 68—70]. В апреле 1490 г. (грамота №24) впервые прямым текстом говорится, что московская грамота в Крым была направлена *татарским письмом* в переводе Абляза Бакшея. В ноябре 1491 г., когда по случаю эпидемии

¹¹ В грамоте №39, датируемой январем 1493 г., хан Менгли-Гирей требует *поминков* (т. е. подарков) для своих сторонников, благоволящих интересам Москвы, и просит поощрить писца этой грамоты, бакши *Ешперды Афыза* [ПДС 41: 173]. Однако нет непосредственных свидетельств того, что Ешперды Афыз переводил на русский. Тот же бакши, возможно, приезжал в Москву в 1495 г.

¹² Тот же Алакозь был послом и в Великом княжестве Литовском не ранее 1497 г. [LM 6: 82].

крымских послов не допустили до Москвы и поместили под карантин в Волконе, Аблязу Бакшею и приданным ему толмачам *Борису Тарханову* и *Чюре* было поручено не только перевести привезенные из Крыма грамоты, но и протоколировать все речи послов [Там же: 120—121]. Параллельно опрашивался пришедший из Крыма московский посол князь Василий Ромодановский, «и онъ сказывалъ то же, что и цареви послы сказывали и что въ грамотах писано» [Там же: 127]. Тем самым, перевод Абляза Бакшея и его помощников подтвердился.

Оба сотрудника, приданных Аблязу Бакшею в 1491 г., были достаточно известны в Москве и за ее пределами. Толмач и подьячий Борис Тарханов, он же *Борис Белый*¹³, упоминается с 1488 г. В этом году ногайский мурза Янкуват просит Ивана III выслать ему Бориса для мирных переговоров. Судя по контексту, в данном случае речь шла об устном переводе [ПДС 41: 74]. С Борисом был хорошо знаком хан Менгли-Гирей, который упоминает в письме о том, что в 1493 г. Борис выполнял функции пристава при крымском после Арслан Суффе [Там же: 176], а также, разумеется, московские послы в Крыму и Кафе. Сын Бориса Тарханова, Никита, в апреле 1498 г. тоже упоминается как подьячий и участник посольства Бориса Челищева [ПДС 41: 249]. Интересный момент связан со связями Бориса Тарханова в 1499—1500 гг. В марте 1500 г. Бориса направляют в составе посольства в Кафу, причем посольские книги называют его (бывшим) толмачом князя Семена Ряполовского, казненного в начале февраля 1499 г. [Там же: 292—293] (о казни Ряполовского см. [Корзинин 2016: 173]). Та же характеристика повторяется в сентябре 1503 г., когда Бориса вновь направляют в Крым, на сей раз с послом Иваном Мамоновым [ПДС 1: 487].

Второй помощник Абляза Бакшея в 1491 г., толмач Чюра Албазеев¹⁴, известен в течение еще более длительного времени. Он упоминается в связи с посольствами в Крым, в Киев (из Крыма) и Астрахань [ПДС 41: 120, 184, 191, 261, 367, 369, 486, 490], его хорошо знали Менгли-Гирей и царица Нур-Султан (ум. 1519 г.). Последняя в 1493 г. пишет в Москву, что толмачу Чюре хорошо известны обстоятельства жизни и проблемы татарских князей в ВКМ [ПДС 41: 194]. 13 сентября 1515 г., после смерти Менгли-Гирея, Чюра был отправлен в Крым с важной миссией: он анонсировал новому хану Мехмет-Гирею приезд в Крым большого посла, которым оказался тот самый Иван Мамонов, при посольстве которого Чюра уже состоял в 1501 г. Кроме того, в почте Чюры было письмо к царице Нур-Султан, а также письма к четырем татарским князьям [ПДС 95: 184 — 186]. Все это свидетельствует о том, что в 1515 г. в Крым был послан человек, которого там хорошо знали.

¹³ Издатель посольских грамот, видный историк Г. Ф. Карпов, с нашей точки зрения, неверно обобщил в указателе форму *Бѣлаго (Бѣлова)* [ПДС 41: 17 указ.]. Повтор предлога у показывает, что речь идет о согласуемом прозвище: *А у Бориса у Белого у подьячего, который съ нимъ шолъ* [Там же: 407]

¹⁴ В указателе Г. Ф. Карпова он отождествлен как *Чюра Аблезов сын* [ПДС 41: 57 указ.], но такой формы в посольских книгах, насколько мы знаем, нет, в отличие от формы *Албазеев*, зафиксированной в посольской грамоте от 13 сентября 1515 г. [Бантыш-Каменский 1808/1893: 6]. Было бы заманчиво считать, что толмач Чюра был не только сотрудником, но и сыном Абляза Бакшея. Но для доказательства этой догадки не хватает данных.

В электронной базе посольских книг России конца XV — начала XVIII в. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html> нет сведений о загадочном коллеге Абляза Бакшей в 1491 г., молне Шамахийском. Выскажем гипотезу о личности этого человека. В посольских книгах не сказано, где именно сделан последний перевод молны Шамахийского — в Стамбуле, Крыму или Москве. Поскольку Абляз Бакшей был постоянным переводчиком в Москве, альтернативный перевод мог быть привезен в Москву извне. Но в донесении московского посла в Крыму (№ 68. III), князя Ивана Кубенского, датированном октябрём 1500 г., сообщается о том, что Абляз Бакшей предыдущей осенью посылал в Астрахань к купцу *Хонезу* (варианты передачи имени — *Хозенез*, *Нияз* ⇒ *Ходжа Нияз*) двух татар с грамотами и ценным товаром. В грамоте Абляза Бакшей, которую по сведениям посла, зачитывали в Астрахани при свидетелях, говорилось о том, что брат Хонеза по имени *Ахмолна*, а также другие удерживаемые в Москве астраханцы не вернутся домой, если астраханский хан *Абле-Керим* (⇒ Абд эль Керим ибн Махмуд) не обеспечит охрану московских послов и купцов. Сходную версию сообщает московский посол в Кафе, Андрей Лапенко Кутузов [ПДС 41: 333]. Упоминаемый здесь Ахмолна мог быть тем же человеком, что и молна Шамахийский.

5. Качество перевода и коммуникация

5.1. Язык ВКМ vs язык ВКЛ

В массиве грамот о сношениях ВКМ с ВКЛ нет указаний на то, что расхождения между двумя идиомами русского языка XV в. мешали ведению переговоров. Однако сами речи московской и литовской стороны обладают вполне определенными характеристиками в области лексики, грамматики и стилистики, которые служат маркерами данных идиомов.

5.2. Русский язык vs татарский язык

В данной паре имеется один случай, где одна из сторон выразила недовольство качеством письменного перевода. Впрочем, достоверность свидетельства трудно проверить, так как претензия к качеству перевода была поводом для задержки гонца (по совместительству — толмача) Иллыза. В ноябре 1502 г. хан Менгли-Гирей писал в Москву:

- (7) А нынѣчи Александро король, Илязомъ зовут, толмача своего ко мнѣ прислалъ: а котораа посланая грамота, **ино неумѣющей еѣ человекъ писалъ по бесерьменски**; и мы иное прочли, а иного не умѣлъ есми прочести, **и что прочель есми, тѣ рѣчи Иллызь изо устъ мнѣ говорилъ, то все опытавъ и написавъ, къ тебѣ есми послалъ, ты бы то видѣлъ**; и печать есми его къ тебѣ есми послалъ. № 87 [Там же: 445].

Московская дипломатия в условиях войны с Литвой всячески поощряла задержку посла противника, который остался в Крыму до апреля 1503 г. Содержание самого письма и разъяснений Иллыза было параллельно доложено московским послом Алексеем Заболоцким [Там же: 448—449]. Тем самым, в Москве могли оценить как текст противника, так и искренность союзника.

5.3. Плохо написанная грамота и возможный виновник

Личность писца, плохо переведшего на «бесерменский» язык послание великого князя Литовского Александра, устанавливается с некоторой степенью гипотетичности. Сам задержанный в Крыму гонец-толмач Ил(л)яз — то же лицо, что и упоминаемый в Литовской Метрике *Ильяс Тиморчин*, бравший заволжских татар на поруку в 1506 г. [LM 6: 68—69], но Ильяс Тиморчин, в отличие от четырех других литовских татар, упоминаемых в том же тексте, не назван толмачем. Зато он указан как толмач в более ранней грамоте 1486 г., где он назван братом *Хидиря* [LM 4: 31], и в двух грамотах 1489 г., [Ibid.: 82, 86]. В грамоте 1494 г., подтверждающей права владения на землю Трепунскую, Ильяс и его братья *Хидыр* и *Абрагим* названы *Тимирчычами*, т. е. сыновьями Тимура. Все эти люди были хорошо известны в Крыму. В 1484 г. Менгли-Гирей специально пишет королю Казимиру, отцу Великого князя Александра, о том, что Хидыр, выполняя поручения короля, сделал в дороге долгов на пятьсот алтын: ради него хан одолжил денег у кафинского богача, еврея <Хаджи> Кокозя, и оплатил долг, но теперь Ильяс, младший брат Хидыра, должен будет отдать долг тому посланцу хана, который приедет в Литву [Ibid.: 103]. Чуть позже хан требует от Ильяса немедленно прислать в счет долга *один постав новогонского сукна* [Ibid.: 106]. Хидыр, как указывает другая включенная в Литовскую метрику грамота, посылался в Крым 1.05.1481 г. [Ibid.: 34], хан упоминает о нем также в грамоте от 01.08.1482 г. [Ibid.: 89]¹⁵.

По локальным актам Абрагим (*Обрагим*) известен еще лучше, чем его братья: известно, что в 1484 г. он ездил как толмач в Большую Орду. В ранних грамотах 1480-х гг. Абрагим обычно называется толмачом [LM 4 : 65, 71, 79, 99], но грамоты 1490-х и 1500-х уже неизменно называют его *татарским писаром* (в данном случае — аналог ранга бакши). В 1496 г. Абрагим Тимирчычъ, названный в грамоте *татарским писаром*, получил от Великого князя Александра подтверждение на владение имением Саковщина [LM 6: 122]. В 1499 г. Абрагим, снова названный *писаром татарским*, упоминается как лицо, продавшее писарю Федку Григорьевичу двор (*дворец*) с землей и сеножатыми возле с. Гердутишки [LM 6: 222]. Данный акт также включен в последнее издание полоцких грамот (ПГр № 358), см. [Хорошкевич 2015, I: 492]. Абрагим упоминается и в 1502 г.: он просит и получает

¹⁵ В 1482 г. Хидыр был отпущен Менгли-Гиреем в Литву вместе с крымским послом. Это полностью согласуется с упоминанием в позднейшей грамоте хана 1484 г. о том, что долг Хидыра взыскивается с его младшего брата Ильяса, который отпущен в Литву в 1484 г. Нет оснований сомневаться в том, что Хидыр крымских грамот 1481 г. и 1484 г. — одно и то же лицо.

от короля пять служб в Роготном и три пустовщины в Белицком повете [Ibid.: 277]. В том же 1502 г. князь *солтан Охмет* просит Великого князя Литовского Александра отправить к нему посла, желательно *Обрагима*: «а естли к намъ кого приишьлете, и вы Обрагима приишлите, приязни зная то будет» [Ibid.: 95]. Почти за двадцать лет до этого, в 1484 г., хан Большой Орды Муртаза просит короля Казимира вознаградить толмача Обрагима, который «на сеи дорозе много томъли мель» [LM 4: 99]. Наконец, в 1505 г. Абрагим за свою *верную, николи не вмешканую справедливою службу* получает грамоту в вечное пользование крепостных для своих владений Саковщины, Андреевщины в Белицком повете и Роготной [LM 6: 60]. По всей видимости, услуги, которые оказывал Абрагим, были крайне важны: он был одним из письменных переводчиков короля Казимира и его сына Великого князя Александра, если не главным переводчиком с татарского. Мог он переводить и устно, о чем говорит слово *толмач* в акте 1488 г.: король Казимир шлет указание своему канцлеру и виленскому воеводе Олехну Судимонтовичу удовлетворить просьбу *толмача нашего татарского Обраима, Тимирчина сына*, и выделить ему Медевешевскую землю в Виленском повете [LM 4: 130].

Вполне возможно, что Абрагим перевел на татарский и вызвавший недовольство хана текст послания, с которым в 1502 г. ездил в Крым его брат Иллез.

5.4. Латинский и церковнославянский языки

В сношениях Москвы с Римской империей и Венгрией латынь при Иване III выступала в качестве языка-посредника, что порой приводило к напряженности: переводчики того времени передавали латинскую риторику при помощи церковнославянской. В зимой 1502/1503 гг. в Москву прибыл посол короля Венгрии и Чехии, венгр Сигизмунд Сантаи, который, видимо, не говорил на славянских языках. Он привез латинские грамоты папы Александра VI и кардинала Регинуса и 1 января 1503 г. озвучил послание папы. Все это московские переводчики переложили на церковнославянский язык [ПДС 35: 341–346]. Во время великокняжеского угощения посол получил бытовую травму и на следующий день не смог самолично озвучить ключевое сообщение — послание от короля Венгрии с предложением посредничества в заключении мира между Москвой и Литвой. Его коллеги, а по совместительству — толмачи посольства, передали заранее заготовленные речи посла (неясно, озвучивались ли они) боярам. На осмысление информации и ее языковой оболочки у московской стороны ушло десять дней. После этого 13 января 1503 г. бояре вызвали послов к себе и Яков Захарыч Кошкин объявил послу, что буквальный перевод в таких условиях затрудняет общение¹⁶:

¹⁶ В оправдание буквализма московских переводчиков с латинского можно сказать, что таковы были вмененные им инструкции руководителей внешней политики ВКМ того времени, ср.: *а какъ напишутъ грамоту латинскимъ письмомъ или немѣцкимъ, ино та грамота перевести на руское писмо того дѣля*, чтобы пришла та грамота по великого князя списку слово в слово (1490 г.) [ПДС 1: 41]. Спустя два месяца после прибытия в Москву посол Сигизмунт Сантаи и его переводчики, по-видимому, прониклись идеей важности буквального перевода, судя по записи

- (8) Пане Жидимонте! Которые рѣчи государь нашъ велѣлъ намъ тебѣ говорити, ино, пане, ты рускому языку не розумѣешь, а говоришь по угорьский, а государя нашего толмачи и они говорятъ по латыни; и **только намъ съ тобою говорити толмачи, ино та рѣчь длинна будетъ**. И мы велимъ тебѣ государьские отвѣты диакомъ государьскимъ чести, **чтобы тебѣ та рѣчь внятна была**. № 73.8 [ПДС 35: 350].

Возможно, бояре были шокированы не только качеством перевода, но и фактом внедрения церковнославянского языка в несвойственную для него сферу, поскольку нормы приказного стиля имели последовательно светский характер. Тем не менее, речи дьяков тоже были слишком длинны для спонтанного восприятия¹⁷, что позволило послу нанести ответный укол:

- (9) Честные господа! Что есте от своего государя говорили, и **мы то не все уразумѣли**, и вы бы **намъ дали отвѣты въ писаньи**. № 73.10 [ПДС 35: 358].

Наготове у московской стороны письменного латинского текста не было, поэтому понадобились совместные усилия:

- (10) И Жидимонтъ говорилъ, чтобы князь велики велѣлъ тѣ списки отвѣтные перевести по латынски; и князь велики **велѣлъ своимъ толмачемъ латынскимъ съ его писаремъ зъ Дитрохомъ съести да списки перевести по латынски**. И даны ему обои списки отвѣтные, русские и латынские. № 73.11 [ПДС 35: 359].

В данном случае известно имя только одного человека, чей перевод вызвал нарекания — это пришедший с венгерским послом толмач, капеллан Дитрих (*Дитрох*). Московские латинисты в 1503 г. остались анонимны. Было бы заманчиво считать, что среди них был русский книжник Дмитрий Герасимов (ок. 1465 — после 1535 г.), владевший латинским и немецким языками, но посольские книги с Литвой знают его только как переводчика с немецкого (*Митя Герасимов, толмач нѣметский*), проезжавшего через литовские земли в 1525 г. причем это упоминание возникает в контексте его посольства в Рим в 1525 г. [ПДС 35: 692, 694, 698], хотя Герасимов правил посольство по латыни. В посольских книгах сношений со Священной Римской Империей имя Дмитрия Герасимова удивительным образом отсутствует. О возможном отождествлении Герасимова с *Дмитрием Щербатым*, фигурирующем в ивангородском деле 1505 г., см. ниже раздел 7.4.

Литовской книги: *И угорьский посолъ пришедъ подалъ запись, одну латынскимъ письмомъ, а другую рускимъ, а обѣ слово въ слово* (15 марта 1503 г., Москва) [ПДС 35: 386].

¹⁷ То же самое два года спустя отмечали ливонские послы в Ивангороде, общавшиеся с подьячими князя Константина Ушатого через толмачей: *Твои господине, дѣти боярские Жукъ и Некрасъ отвѣтъ намъ учинили, и мы, господине, отвѣтъ выслушали*, и ты бы господине, пожаловалъ, съ того отвѣта далъ намъ списокъ, занже господине, дѣло велико, рѣчей много, нельзя намъ ихъ вспоминать [ПДС 1: 126–127]. С некоторой вероятностью можно предположить, что в московских переговорах в январе 1503 г. участвовал тот же толмач Дмитрий Щербатый (⇒ ? Дмитрий Герасимов), что и в ивангородской встрече в июне 1505 г.

6. Синхронное варьирование грамматики старорусского языка

В лингвистической литературе посольские книги Ивана III изучались как компендиум фактов, относящихся к истории отдельных форм и конструкций. Описание синхронного варьирования русской грамматики в массиве посольских грамот этого периода сдерживается тремя обстоятельствами: 1) критические издания отсутствуют, материалы грамот не добавлены в исторические корпуса текстов, поиск и обработка информации затруднены; 2) в массиве сношений с татарскими Ордами и Кафой не всегда ясно, где переведена грамота татарской стороны — в Москве или за ее пределами; 3) многие параметры синтаксического описания русского языка конца XV в. эксплицитно не выделены. Наивно пытаться решить все эти проблемы сразу, но можно обозначить путь их решения.

6.1. Программа исследования. Оригинальные и переводные грамоты

Первым шагом должно быть разделение грамот на два массива — оригинальные тексты, записанные в Москве носителями центрально-великорусского диалекта vs прочие тексты (памятники других диалектов и переводные грамоты). Рабочая гипотеза заключается в том, что настройки грамматики в этих двух массивах различны. На втором шаге проверяется гипотеза о том, что в переписке ВКМ vs ВКЛ немосковские грамоты отождествимы с памятниками ВКЛ. Внешняя проверка на соответствие идиому ВКЛ предполагает сопоставление с полоцкими грамотами и другими текстами того же периода, включенными в Литовскую Метрику. Выделяется не менее 10–20 параметров в области морфосинтаксиса, значение которых будет проверено в обоих массивах.

6.2. Внутриязыковое и межъязыковое варьирование параметров описания

Чтобы избежать недоразумений с понятиями внутри- и межъязыкового варьирования, которые используются в разных лингвистических традициях (ср. [Henry 1998; Baker 2008]), сразу укажем, что под ‘внутриязыковым варьированием’ (language-internal variation) мы в этой статье понимаем ситуацию, когда разные значения того же параметра допускаются в пределах одного и того же языка / идиома. Пусть известны два идиома, Идиом 1 и Идиом 2, и заданы два параметра. Первый параметр задает упорядочение элементов a и b либо в виде $a > b$ ‘ a предшествует b ’, либо в виде $b \geq a$ ‘ b предшествует a ’. Второй параметр задает реализацию некоторого значения M посредством формы α , либо формы β , либо формы γ . Очевидно, что если элементы типа a и b есть и в Идиоме 1, и в Идиоме 2, а значение M в обоих идиомах выражается элементами из множества $\{\alpha, \beta, \gamma\}$, оба параметра можно применить для описания обоих идиомов сразу. Однако варьирование, по данному выше определению, все равно останется внутриязыковым, если хотя бы один из идиомов допускает более одного значения параметра — например, Идиом 1 допускает как порядок $a > b$, так и порядок $b > a$, а Идиом 2 допускает реализацию значения M как формой α , так и формой β .

Межъязыковое варьирование (cross-linguistic variation), не являющееся при этом внутриязыковым, — некоторый упрощенный случай, когда параметр, принимающий два или более значения, можно задать для разных идиомов, но эти значения распределены в них дополнительно. Например, Идиом 1 допускает только порядок $a > b$, а Идиом 2 — только порядок $b > a$, а обратные порядки запрещены. Перспективность этой сравнительно несложной программы описания естественного языка состоит в том, что грамматика любого языка равнозначна набору ограничений. Лингвистически содержательная интерпретация некоторого множества случаев употребления (массива текстов) основана на разграничении статистических тенденций и запретов, носящих жесткий характер. Эмпирическим путем было установлено, что некоторый идиом может, например, одновременно требовать в зн. '1 л. мн. ч.' связки *есмя* (см. выше раздел 3 об идиоме ВКМ в XV в.), но допускать варьирование в контексте *дал есми был* ~ *дал был есми*. Тем самым, модель внутриязыкового варьирования формализует ситуацию, когда распределение конкурирующих вариантов носит статистический характер и не связано с прямым запретом. Наоборот, модель межъязыкового варьирования формализует ситуацию, когда статистически значимого распределения вариантов в данном идиоме нет, а запрет на альтернативные варианты, известные по другим идиомам, носит жесткий характер.

- (iii) Внутриязыковое варьирование отражает статистические тенденции употребления, межъязыковое варьирование отражает грамматикализованные запреты.

В следующих трех разделах обсуждается диагностика, основанная на пяти параметрах, и результаты анализа. В разделе 7 обсуждаются два параметра междиалектного варьирования, жестко разграничивающих идиомы ВКМ и ВКЛ в массиве посольских грамот. В разделе 8 обсуждаются три параметра, где выбор одного из конкурирующих вариантов носит статистический характер. В разделе 9 подводятся итоги исследования.

7. Параметры междиалектного варьирования

Употребление форм связки 1 л. мн. ч. и формы союзного слова **что* являются изоглоссами, т. е. параметрами межъязыкового (междиалектного) варьирования. Внутри одного идиома варьирования по данным параметрам быть не должно, в соответствие с распределением (iv):

- (iv) Идиом 1 имеет вариант А, Идиом 2 имеет вариант В, Идиом 3 имеет вариант С... Идиом n имеет вариант N.

Если вариант *што* и форма 1 л. мн. ч. *есмо* — модельная характеристика идиома ВКЛ, а вариант *что* и форма 1 л. мн. ч. *есмя* — модельная характеристика идиома ВКМ, то появление иных вариантов свидетельствует о том, что в посольскую книгу попал текст, не относящийся ни к идиому ВКЛ, ни к идиому ВКМ. Мы

покажем ниже, что именно это произошло при включении в Крымскую книгу двух грамот, переданных кафинским послом в Москве в 1501/1502 гг.: данные грамоты написаны на староукраинском языке и не правились в Москве. В качестве проверочного критерия берется лексическая изоглосса, связанная со словом, означающим ‘свидетель’. Мы также покажем, что употребление форм связки 1 л. мн. ч. в двух грамотах, пересланных из Ивангорода в Москву летом 1505 г., доказывает, что эти две грамоты написаны на разных идиомах, отклоняющихся от стандарта посольских грамот ВКМ, причем одна из этих грамот несет отпечаток диалекта новгородского переводчика.

7.1. Есмо и грамота Кадыша

Как указано выше в п. 3, употребление формы 1 л. *есмо* вместо московского *есмя* в массиве татарских грамот указывает на то, что грамота или речь посла не является переводным текстом, записанным в Москве. Этот критерий подтверждает свидетельство посольских книг о том, что летом 1500 г. гонец Кадыш Абашев привез в Москву из Крыма вместе с грамотами хана Менгли-Гирея написанную по-татарски грамоту Великого князя Александра с приложенным русским списком [ПДС 71: 372]. Несколько грамот Менгли-Гирея, адресованных Великому князю Литовскому, попали в Литовскую Метрику, см. [LM 6: 79, 81]. Сопоставление их с грамотами Менгли-Гирея, адресованными Ивану III и включенными в посольские книги Москвы, показывает, что, даже если изначально существовали русские списки с посылаемых татарских грамот крымского хана, их окончательный вид — дело рук литовских и московских писцов. В московской версии речей Менгли-Гирея форма связки 1 л. мн. ч. неизменно имеет вид *есмя*, а в литовской — *есмо*. В формуле ‘Я враг твоего врага’ московские переводчики используют слово *не-друг*, а литовские — слово *неприятель*. Само имя крымского хана в литовских грамотах обычно пишется *Мендъли-*, *Менди-Гирей*, в то время как в московских — *Менли-Гирей*.

В грамоте хана, переведенной в Москве Аблязом Бакшеем или — что менее вероятно — в Крыму кем-то из носителей московского диалекта, мы находим закономерную форму *есмя*, а в литовской грамоте — форму *есмо*. Присутствует в этой грамоте и форма *штожь* (2 раза), характерная для языка ВКЛ и полоцких грамот. Кроме того, в грамоте имеются иные характеристики, подтверждающие ее принадлежность к приказному стилю ВКЛ, ср. форму аориста *ажъбыхмо*, лексемы *жадание*, *завъжды*, написание /г/ в имени Гирей через <кз> и т. д. Напротив, форма *есмя* в изложении речей Илляза, прибывшего в 1502 г. из Литвы в Крым с *плохо написанной по бесеръменски* грамотой, см. выше п. 5.2, выдает московскую руку:

- (11) Молвя, **приказные наши рѣчи то писали есмя**, такъ вѣдайте, къ намъ пришло слово и печать то съ тѣми рѣчами съ черленою печатью и грамоту **послали есмя** іюля мѣсяца 14 день, во вторникъ, до обѣда. № 87.2. [ПДС 41: 449].

Речи Иллыза, как указано выше, — это записанные крымцами результаты его допроса, отправленные в Москву. Оригинал грамоты Александра, с черленою печатью, как мы знаем, был написан по-татарски, и с татарского же языка московский переводчик перевел его на русский.

7.2. Що и местные акты Кафы

В массиве переписки с Крымом и Кафой имеются две грамоты, где вместо *что* / *што* употреблено *що*. Как указано выше в п. 3, такой формы не было ни в идиоме ВКМ, ни в том идиоме ВКЛ, который использовался в посольских грамотах. В сентябре 1501 г. кафинский посол Алакозь, понимавший русский язык, подал в Москве две грамоты, написанные от имени турецкого султана Баязида II и его сына Махмет Бега Шихзоды (⇒ Мехмет-бек Шехзаде) *рускимъ письмомъ*.

Первая, № 80.1.a, написана стандартным для массива переводных грамот языком, используется форма 1 л. мн. ч. *есмя*, контекста для проверки союза *что/што/що* нет. Можно предположить, что перед нами не оригинальный текст, а результат перевода или редактуры московских писцов. На это как будто указывает добавленная переписчиком фраза: *а имяни салтанова бакшей у ней не перевель* [ПДС 41: 390]. Поскольку имя султана в начале грамоты все же названо, по-видимому, имелось в виду, что Абляз Бакшей не перевел величальную формулу султана Баязида II, которая была в составе печати. Тем самым, переписчик начала XVI в., скорее всего, ошибся, и в посольскую книгу попал не оригинал, якобы написанный по-русски, а плод трудов переводчика.

Вторая грамота, № 80.1.b, написана не на стандартном для массива посольских грамот идиоме ВКЛ, а на некотором юго-западном диалекте, где /ѣ/ и /о/ отражалось как /и/, ср. *кили, ихаль, билки, на Москви* вместо *коли, ѣхаль, бѣлки, на Москвѣ*, в новозакрытых слогах /е/ переходит в /ю/ (ср. *опускаюмъ*), а 1 л. мн. ч. имеет окончание *—мо*, ср. *имаемо*. В грамоте не только систематически используется форма 1 л. мн. ч. *есмо*, в том числе в изложении речей московских послов и купцов, но и 41 раз употреблена форма *що*. Идиоматичность этого текста, где красочно переданы препирательства русских в суде и при прохождении таможни, не вызывает сомнений. Столь же несомненно, что этот текст составлен за пределами Москвы и северо-востока ВКЛ, скорее всего — кем-то из купцов или толмачей в самой Кафе. Характерно, что конфискация выморочного имущества купца, умершего в мусульманских землях (бейт-уль-мал), в грамоте № 80.1.b. названа словом *умеричина*, в то время как в оригинальных московских грамотах она неизменно называется словом *зауморицина*.

В какой-то момент Алакозь также подал грамоту хана Менгли-Гирея, № 80.1.c., с просьбой поддержать ходатайство кафинцев. Этот короткий текст составлен по стандартам, характерным для переводных грамот Менгли-Гирея, правда, в нем нет контекстов для проверки *есмя/есмо* и *что/што/що*. В марте 1502 г. Алакозя вновь вызвали ко двору и озвучили ему встречные претензии к кафинцам и условия Москвы. На этот случай у посла была припасена еще одна грамота *руськимъ письмомъ*, которую он тут же подал. Эта короткая грамота, № 80.2.b, написана

на том же староукраинском идиоме, что пространный текст № 80.1.b. 2 раза встречается *що*, есть примеры иканья: *ихаль* и *тижъ* (= тожь). Содержание этого текста столь же замечательно, как его форма: описывается случай хулиганства, с обменом речами, и случай контрабанды:

- (12) И тижъ твоей милости купецъ, на имя Иванъ Страховъ, ихаль от Кафы до Азова: и онъ у ночи свои рухляды спускалъ съ муру зъ города за ужишчи¹⁸. № 80.2.b [ПДС 41: 395–396].

Благодаря Алакозю в посольские книги Москвы, возможно, попало два подлинных образца речи носителей староукраинского диалекта в кафинской диаспоре. Обращает на себя внимание то, что в грамоте Шихзоды, скорее всего, написанной в самой Кафе носителем староукраинского диалекта, и в грамоте Менгли-Гирея, скорее всего, переведенной в Москве Аблязом Бакшеем, имя посла передано по-разному. Кафинская грамота № 80.1.b. трижды называет посла *Алагиозом*, что больше соответствует тюркской форме его имени, Ала Гёз, букв. ‘пестрый глаз’. Между тем, в грамоте Менгли-Гирея он назван *Алакоземь/Алакозомъ*, и именно так к нему обращается московская сторона в лице Великого князя Ивана III и казначея Дмитрия Владимировича Овцы Ховрина [Там же: 397–398]. В посольских книгах Ивана III в грамотах московской стороны вариант *Алакозь* с мягким *з’* значительно преобладает [Там же: 283–286, 298, 300, 351, 388, 402–404, 411–413, 415, 471]. Данный вариант, возможно, был изначально выбран Аблязом Бакшеем при представлении Алакозя в 1499 г. и впоследствии укоренился при передаче имени уже знакомого москвичам человека¹⁹. Несколько раз встречаются написания *Алакошь* [Там же: 297] и *Алякозь* [Там же: 300], вариант с твердым *з* встречается гораздо реже, см. [Там же: 433]²⁰.

7.3. Свидетели и изоглоссы

В первой, пространной, грамоте Алакозя (№ 80.1.c), имеется, возможно, лексическая характеристика северо-восточного диалекта — значение ‘свидетель’ передано словом *послухъ*²¹, в то время как в идиоме ВКЛ в текстах XV в. данное значение передается словом *свѣдокъ* (*свѣтокъ*). Но слово *послухъ* впервые встречается именно в речах московской стороны, ср. изложение прений в кафинском суде между неким *Данилом*, присвоившим товар умершего в Кафе московского гостя

¹⁸ То есть перекидывал свой товар через крепостную стену на веревках.

¹⁹ Известны имена двух московских чиновников, непосредственно имевших дело с Алякозем, — пристава Федда Кузьминского [ПДС 41: 284] и дьяка Семена Башинина [ПДС 41: 403].

²⁰ В Литовской Метрике при описании посольств того же лица в Литву преобладает вариант *Алакозь* [LM 6: 82, 94], один раз встречается форма *Алакозь* [Ibid.: 83]. Не очень понятно, почему в «Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 гг.», составленным Н. Н. Бантыш-Каменским в 1808 г., попала форма им. п. *Алакоза* [Бантыш-Каменский 1893: 5] — по всей видимости, она является результатом неправильного чтения.

²¹ Слово *послухъ* присутствует, в частности, в инструкции посла Александра Голохвастова [ПДС 41: 403].

Васюка, и людьми Великого князя *Кулпой, Алексеем и Борисом*. Данил утверждает, что москвичи сами могли состряпать завещание умершего и требует представить свидетелей. Кулпа сначала объявляет себя свидетелем, — *а же я знаю* ‘а я вот знаю!’, но потом, по кафинской версии, идет на попятный.

- (13) И они рекли: **не маемо послуховъ**; казали они, **имаемо духовный листъ, що онъ умираючи отказаль**. И Данило рекъ: **можете вы и сами писати духовницу, але да и тые люди, при комъ онъ писалъ**. И Кулпа рекъ такъ: **ажъ я знаю**. И судьи рекли: **ишче и другово послуха надоби**. И они рекли: **нить другого тутъ, на Москви есть**. А опосле и Кулпа ся заприль, рекъ: **и я не знаю** [ПДС 41: 393—394].

Еще более важно то, что слово *послух* надежно задокументировано и в юго-западных диалектах. Один пример встречается в Галицкой летописи под 1257 г., см. (14), и еще два — в Волынской летописи под 1289 г. (Ипат., л. 304 г., л. 304 об.). Оно встречается также в локальных староукраинских актах XIV в., дошедших до нас в оригинале, см. пример (15), датируемый 1368 г., ср. также грамоту № 32 (8.04.1385 г.) по изданию [Пешак 1974].

- (14) ...король. много вбѣщаеть. но нѣ исправить. азъ же глѣо правдоу. и поставлю ти **послоуха** вѣа си папоу. и .Вѣ. пискоупа. на **послоужьство**. и вдамъ ти полъ земли Нѣмѣцкои (Ипат., л. 279 г, под 1257 г.);
- (15) А кто на то оустанеть тотъ заплатитъ гривну золота вины **а гривну золота послухомъ**. А на то **послуси** князь юрьи глѣбовичъ белзьский. панъ Ота пилецкий... № 21 (1.01.1368 г.) [Пешак 1974: 41].

Таким образом, слово *послух* вполне могло звучать в Кафе в речи носителя староукраинского языка на рубеже XV–XVI вв. Напротив, в том идиоме ВКЛ, который использовался в посольских книгах времени Ивана III, этой лексемы нет. Тексты, включенные в Литовскую Метрику, в основном используют форму *свѣдокъ*, мн. ч. *свѣдци*.²² В массиве полоцких грамот такой формы нет, зато в описании судебных прений в ситуациях, близких к тем, в которой оказались московские гости в Кафе, в 1480-е гг. используется слово *свѣтокъ*, мн. ч. *свѣтки*, ср. (16)—(17), а акт свидетельства характеризуется глаголом *свѣтчить*, ср. (18)—(19).

- (16) И мы пытали: «Ес(ть) **у тебѣ свѣтки**, штобы ты вѣщее заплатил?» И **Сѣдам** на то **свѣтъковъ** не дал. ПГ, № 238 (1480—1481 гг.);
- (17) И Адам рек: «Давалом на то **свѣтъки**, што есми вѣщее заплатил, и тыи суд(ь)и **свѣтъковъ моих** не приняли». Там же;

²² Форма мн. ч. *сведоки* ‘свидетели’ имеется в 3-й книге Литовской Метрики, в самой первом из нумерованных и датированных в ней текстов — грамоте короля Казимира от 24.07.1459 г. [ЛМ 3: 59]. Однако записи 3-й книги, скорее всего, были сделаны во времена Великого князя Александра [Бережков 1948: 71—78], при этом существует мнение, что писарь в 1597 г. переписывал 3-ю книгу Литовской Метрики не с оригинала, а с копии. В любом случае, несинкопированная форма *сведоки* вместо *сведци* в лингвистическом плане не вызывает доверия.

- (18) И мы | тех мѣщан перед собою впытали, как им тоє дело свѣдомо, абы **свѣтчили** подлуг правды. Там же;
- (19) И тыи купци **то посвѣтчили**, и ны тоє щькоды үсее зличили вдинадцат(ь) коп, што ся Ивану у тех селедцах стало. ПГ №239 (1480—1484 гг.).

Достоверность полоцких грамот № 238—239, откуда взяты примеры (16)—(19), несмотря на их полонизированный язык — ср. форму *давалом* (= *даваль есми*) в речи немца (sic) Адама — не подлежит сомнению, поскольку эти грамоты дошли до нас в оригинале²³.

Можно считать слово *послухъ* ‘свидетель’ в реферате прений в кафинском суде, несмотря на наличие этой лексемы в идиоме ВКМ, еще одним аргументом в пользу того, что две грамоты Алакозя, где детально описываются проступки московских гостей и посольских людей в Кафе, не имеют отношения к стандартному для посольских грамот идиому ВКЛ. Они сочинены в самой Кафе носителем староукраинского диалекта. Мы не знаем имени автора грамот № 80.1.b. и № 80.2.a., но это точно был не Алакозь, о чем говорит он сам:

- (20) А что сказывали, будто послу великого князя Ондрею Кутузову въ Кафѣ нечестъ чинилася, да и гостемъ, **и государь мой не велѣль быть мне того сказывати, что люди великого князя приѣзжая чинять въ Кафѣ; а даль ми грамоту съ своимъ клеймомъ, русским писмомъ**, а приказаль ми: а учнуть тебѣ говорити, что ихъ людемъ сила чинится въ нашихъ земляхъ, **и ты ту грамоту тогды дай; Ино восе о томъ государя моего грамота** [ПДС 41: 395].

7.4. Култа, Култа и Костя: правились ли имена в посольских книгах?

Кафинское дело 1500–1501 гг. и отражение его в грамотах 1502 г. побуждает поднять вопрос о том, редактировались ли имена собственные при составлении посольских книг и проверялись ли при этом параллельно составлявшиеся книги. Разнобой при передаче имени наблюдается и в пределах одной книги. Так, имя короля (впоследствии императора) в ранних грамотах Имперской книги (1488—1493 гг.) передается как *Максимианъ/Максимьянъ*, а в более поздних — как *Максимилианъ*; трудно объяснить этот факт иначе, чем сохранением оригинальных написаний, которые были в грамотах²⁴.

²³ Однокоренное слово *свѣточно* ‘доподлинно известно, подтверждено надежным свидетельством’, при стандартном для идиома ВКЛ в XV в. *свѣдомо* и *вѣдомо* в идиоме ВКМ, встречается в полоцких грамотах № 128 (1447 — 1459 гг.), № 211 (1476 г.), № 241 (1481 г.), № 248 (1482–1483 гг.). Все эти грамоты дошли до нас в подлиннике, причем грамоты №№ 211, 241, 248 написаны одним и тем же писцом — полоцким дьяком Борисом Толандиничем. Можно с уверенностью заключить, что *свѣтокъ* и *свѣточно* были характерными для полоцкого диалекта XV в. словами.

²⁴ Спорадические употребления формы *Максимианъ*, чередующиеся с *Максимилианъ*, встречаются и после 1494 г., что заслуживает специального исследования. В предварительном порядке

Личности всех московских участников кафинского процесса могут быть определены. *Алексей* — это член московского посольства Андрея Лапенка Кутузова, подъячий (позже — дьяк) *Алексей Жерцов сын Лукина*, отправленный в Кафу 16 марта 1500 г. [ПДС 41: 292]. Он присутствовал в Москве при рассказе Алакозя и 29 февраля 1502 г. опознал у кафинцев похищенное у него в степи имущество. С учетом этого, у изложенной в грамоте Алакозя версии было в Москве мало шансов. *Алексей Жерцов сын Лукина* многократно упоминается и в других документах с 1507 по 1521 гг.

Култа — это другой член того же посольства, который в других посольских грамотах с Крымом, Кафой и Турцией назван *Култой* или *Константином Оксентьевым* (Авксентьевым). В 1496 г. Култа ездил вместе с послом Михаилом Плещеевым в Стамбул: в первой *русской* грамоте Алакозя (№ 80.1.b.) инкриминируемые турецкой или кафинской стороной проступки этого посольства красочно описаны [ПДС 41: 392]. В более ранних грамотах 1489 г., включенных в Имперскую книгу, подъячий Аксентьев сокращенно именуется не *Култой*, а именно *Култой*²⁵, т. е. ровно так, как его называли в кафинском суде. Ранее, в 1489 г., Култа Аксентьев подвозил из Москвы в Ругодив (Нарву) дополнительные грамоты для московского посла Юрия Траханиота Старого, ранее отправленного с посольством в Римскую империю [ПДС 1: 14, 23—24]. Здесь мы, однако, сталкиваемся с труднообъяснимым фактом, который не комментируется ни в базе данных по посольским грамотам <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html>, ни в базе данных по служилой элите конца XV — начала XVI вв. <http://ruling-elite.spbu.ru>. В подорожной 1489 г. из упомянутой книги одновременно упомянуты и *Костя Оксентьев*, член посольства, подъячий, который едет вместе с Юрием Траханиотом и Иваном Халепой за границу к Максимилиану, и *Култа Оксентьев*, пристав, провожающий посольство Юрия Траханиота до Ругодива. Подъячему Косте на пути до границы полагается три подводы, а приставу Култе — две:

можно отметить, что на л. 155 Имперской книги приходится почерковый шов при смене чернил: более ранний писец дает форму *Максимьянь*, а более поздний — *Максимилиань*. Дьяки и подъячие старшего поколения вполне могли заучить форму *Максимиань*: так, в изложении речей дьяка Болдыря Паюсова, передающего слова Великого князя в 1506 г., неизменно употребляется форма *Максимьянь*, но на тех же страницах письменный переводчик употребляет форму *Максимилиань* [ПДС 1: 144—146, 148, 150]. Тот же казус связан с записями годом ранее, когда в изложении Ивангородского дела 1505 г. преобладает форма *Максимилиань*, но ивангородский наместник князь Константин Ушатый почему-то получает инструкции, *как ему велети отвечать* Максимианову человеку [ПДС 1: 132], в то время как отправленному в Ивангород московскому толмачу Власу предписывается уточнить, *какой человекъ привезъ грамоты от* Максимилиана короля [Там же: 139].

²⁵ Хотя в посольских книгах вариант *Култа* представлен только один раз, а форма *Култа* встречается десять раз (правда, всего в двух эпизодах), доказать, что вариант с *-т* ошибочен, не удастся. Словарь В. И. Даля объединяет диалектные слова *кульпа*, и *культя* ‘обрубок, культя, искалеченная конечность’, ‘человек с искалеченной конечностью, косолапый, криворукий, беспалый’ в одно гнездо, указывая на объединяющую их форму *культена*, *культяна* [Даль II: 216]. Правда, варианта с твердым *-т* Даль не дает. Требуется дополнительное исследование прозвищ *Кульпа* и *Культя*/-я и восходящих к ним фамилий. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» [СРЯ XI—XVII, 8: 116] фиксирует слово *культя* в значении ‘женский головной убор у татар’ (1654 г.).

(21) ... а **Костѣ** три же подводы, а **Кулпѣ** двѣ подводы [ПДС 1: 24].

У Кости и Кулпы, согласно Имперской книге, разные инструкции и разные задачи. Если сами грамоты о посольстве Юрия Траханиота в 1489 г. подлинные и раздвоение подьячего Аксентьева на Костю и Кулпу/Култу не является фантомом, сходным с появлением подпоручика Киже в начале XVI в., напрашивается вывод о том, что посольские книги с Крымом и Кафой, в отличие от более ранних и достоверных грамот сношений с Римской Империей, записанных в 1489 г., когда Костя и Кулпа заведомо были живы и другие подьячие в Москве это знали, путают двух Аксентьевых²⁶. Возможна, впрочем, и более изысканная версия: Кулпа как тень всюду следует за Костей в дипломатических поездках, полное имя у них обоих одинаково — *Константин*, но об этом не упоминается как об общеизвестном факте. Но это менее вероятно, так как все подьячие и приставы посольств в Крым и Кафу в Крымской книге обычно скрупулезно указываются. Версию о двух тезках-родственниках нельзя исключить полностью, но более простое объяснение состоит в том, что *Култа* в кафинском суде и подьячий московского посольства в Кафе [ПДС 41: 231, 292] — одно и то же лицо²⁷, тем более, что два других московских представителя в кафинском суде — это два других подьячих из того же посольства — Алексей Жерцов и Борис Тарханов. Мы полагаем, что к моменту составления Крымской книги обоих Аксентьевых не было в живых и память о них успела стереться. Известно, что московский посол Андрей Лапенок Кутузов был убит на обратном пути из Кафы. Посольские грамоты сообщают об ущербе, понесенном двумя уцелевшими подьячими — Алексеем Жерцовым (ограблен на 250 рублей) и Борисом Тархановым (ограблен на 84 рубля) [ПДС 41: 487], но не говорят об ущербе, понесенном Костей/Кулпой, который при отправке в Кафу назван в списке посольства вторым. Возможно, он погиб вместе с послом или умер в плену, и об этом в Москве не знали точно. Не исключено, что к 1502 г. это было точно известно кафинцам, и они неслучайно приписали отказ от ранее данных показаний не вернувшему в Москву Кулпе.

Наконец, Борис — это еще один член того же посольства, отправленный в Кафу 16 марта 1500 г. *Бориско*, толмач князя *Семена Ряполовского* [ПДС 41: 292 — 293]. Скорее всего, это то же лицо, что упоминаемый с 1488 г. толмач и подьячий *Борис Тарханов*, он же *Борис Белый* [ПДС 41: 74, 407], лицо, хорошо известное хану Менли-Гирею [ПДС 41: 176, 487]. Он тоже был ограблен в степи с посольством Андрея Лапенка Кутузова. Нет особых оснований сомневаться в идентичности Бориса, так как посольские книги с Крымом дают согласованную версию, а в других

²⁶ Дополнительное раздвоение происходит в указателе Г. Ф. Карпова к изданию [ПДС 41], где Култа и Кулпа трактуются как разные лица.

²⁷ Возможно, что составители Крымской книги допустили ошибку в первом из двух упоминаний имени подьячего Аксентьева, где он назван *Костей* при отправке в Кафу 11 сентября 1496 г. [ПДС 41: 231]. Если же ошибки нет, можно допустить, что в Кафу в 1496 г. направлялся Костя, а 13 марта 1500 г. — уже Кулпа/Култа [Там же: 292]. В любом случае, мы не видим альтернативы признанию того факта, что Кулпа в кафинском суде и подьячий посольства 1500 г. — это одно и то же лицо.

посольских книгах он не упомянут. Тем не менее, обращает на себя внимание большое количество вариантов наименования, что потенциально может служить источником ошибки при наличии тезок среди подьячих.

7.5. В поисках исчезнувшего книжника: переводные грамоты Дмитрия Герасимова?

То, что трудности современных историков и филологов в связи с идентификацией переводчиков и фигурантов грамот подпитываются неунифицированными обозначениями этих лиц в посольских книгах и возможными огрехами самих составителей книг, показывают упоминания другого лица, которое не могло не быть задействовано в переводах с латинского и немецкого, — Дмитрия Герасимова, младшего брата иеромонаха, затем *игумена Герасима Поповки* (до 1465 г. — не ранее 1502/1502 гг.), о последнем см. [Лурье 1960: 208, 266—268].

В такой форме именования Дмитрий посольским книгам неизвестен. В грамоте Литовской книги от 1525 г. он назван *Митей, толмачем немѣцкимъ*, в контексте его посольства в Рим. Имена *Дмитрий, Митя* не уникальны, но по другим источникам известно, что в Рим в это время ездил именно Герасимов. Никоновская летопись говорит о толмаче *Мите Малом* и его переводах: его отождествление с Дмитрием Герасимовым более гадательно, хотя оно принимается в исторической литературе [Казакова 1972; 1988]: предполагается, что людей с навыками и познаниями Герасимова в России того времени было мало. Наконец, Е. Е. Голубинский отождествил Герасимова с приставом и гонцом *Дмитрием Зайцевым (Заецовым)*, который упоминается в трех посольских книгах [Голубинский 1900: 891]. Но это, похоже, ложный след. В Крымской книге сказано, что Федор Курицын в августе 1492 г. отправлял московскому послу Константину Заболоцкому инструкцию (*память*) по запросу последнего, и эту память послу доставил гонец *Митя Заецов* [ПДС 41: 164]. Если это то же лицо, которое упоминается в Литовской книге в рассказе о двух событиях 1494 г. и в Имперской книге в рассказе о приеме у имперского посла Герберштейна в 1517 г., а не полный тезка, речь идет о постельничем *Дмитрии Ушаке Федорове сыне*, который дважды назван в Литовской книге и Имперской книге *Ушаком Заецовым* [ПДС 35: 134; ПДС 1: 186] и один раз *Митей Заецовым* [ПДС 35: 158], он упомянут также в Разрядной Книге и других источниках²⁸. Гораздо более вероятно отождествление Герасимова с толмачем *Дмитрием Щербатым (Щербачом)*, упоминаемым в рассказе о приходе имперского гонца в Ивангород в июне 1505 г. [ПДС 1: 125—127]. В следующем разделе обосновывается гипотеза о том, что именно Герасимов перевел две латинские грамоты, попавшие в 1505 г. в Ивангород. Если это отождествление верно, мы получаем подтверждение того, что одно и то же лицо имело три типа идентификаторов. В церковных и книжных кругах

²⁸ Ср. данные в базе служилой элиты XV–XVI вв.: <http://ruling-elite.spbu.ru/component/fabrik/details/1/3228.html?Itemid=108>. Из набора упоминаний Дмитрия Ушака Федорова сына вытекает, что речь идет человеке по имени *Дмитрий Ушак*, сын Федора, по прозвищу *Заец*.

Дмитрий известен как брат иеромонаха Герасима, отсюда именование по брату, *Герасимов*. Возможно, так он представлялся сам. Но его светские начальники в Новгородской земле, а также кураторы в Москве зовут его в 1505 г. по прижизненному прозвищу — *Щербатый*, *Щербач*. Будучи направлен в 1525 г. в Рим в ранге гонца (*легкого посла*), он упоминается в посольской книге без прозвища, но с указанием на род и на его занятие — просто *Митя Герасимов*, *толмач нѣметский*. Наконец, летописец, говоря о его переводах, называет его *Митей Малым*, чтобы отделить от других, старших, переводчиков и писателей, носивших имя *Дмитрий*.

Таблица 1

Вероятные обозначения Дмитрия Герасимова

	Прижизненное прозвище	Родовое имя	Дополнительный идентификатор
Посольские грамоты	<i>Дмитрий Щербатый</i> [ПДС 1: 125—126] <i>Дмитрий Щербач</i> [ПДС 1: 139]	Нет	<i>Митя Герасимов</i> , <i>толмач нѣметский</i> [ПДС 35: 692]
Книжные источники	Нет	<i>Дмитрий Герасимов</i>	<i>Митя Малой</i>

7.6. Есме и естя в Ивангороде

В посольских грамотах ВКМ, написанных в Москве, северо-западной диалектной формы 1 л. мн. ч. *есме* нет. В посольских книгах сношений с Римской Империей мы обнаружили две присланные в июне 1505 г. в Москву грамоты, отклоняющиеся от стандарта переписки ВКМ. В одной из них (что необычно — переводной) дважды встретилась форма *есме*. В другой грамоте — оригинальной, пересланной в Москву одновременно с первой, представлена не только стандартная для идиома ВКМ форма 1 л. мн.ч. *есмя*, но и одно из первых употреблений образованной по аналогии московской/ центрально-великорусской формы 2 л. мн. ч. *естя*²⁹. Автором оригинальной грамоты был ивангородский наместник князь *Константин Ушатый*, писцом переводной — новгородский переводчик на службе ВКМ Дмитрий Щербатый (предположительно — книжник Дмитрий Герасимов). Отправка этих грамот связана с нетипичной ситуацией.

16 июня 1505 г., в последние месяцы жизни Ивана III, ивангородский наместник князь Константин Ушатый отправил в Москву по инстанции через своих начальников, новгородских наместников, князей Даниила Васильевича Щени Патрикеева и Василия Шуйского, донесение о чрезвычайном происшествии — внезапном появлении на границе гонца императора Священной Римской Империи Максимилиана I, по имени *Юшть* (⇒ Юстус³⁰) *Кантингер*. Гонец затребовал

²⁹ Первый пример фиксации *естя* (в локальных актах ВКМ), как указывает А. М. Молдован [2020], всего на два года раньше.

³⁰ В посольских книгах имя имперского гонца порой обретает диковинную уменьшительную форму: *Юдокъ* и даже *Едокъ*.

знакомого ему переводчика Дмитрия Щербатого в сопровождении подьячего, чтобы передать в Москву письма от императора и его сына короля Филиппа. Кроме того, у Ушатого потребовали аудиенции ливонцы, которые известили его о предстоящем приходе императорских послов в Москву. Это было исполнено. Дмитрий Щербатый перевел эти грамоты или воспроизводящие их слова гонца, которые Константин Ушатый отослал в Москву вместе со своим письмом. Как следует из приложенного письма князей Щени с Шуйским, других переводчиков, которые могли бы решить эту задачу, в тот момент в Новгородской земле не было [ПДС 1: 125]. Поскольку ливонцы пришли к Ушатому в Ивангород со своим толмачом, можно заключить, что речь шла о письменном переводе с латинского языка; кроме того, в Новгороде традиционно были люди, говорившие по-немецки. Слова Щени и Шуйского «*Прислалъ, государь, намъ съ Иванягорода, князь Костянтинъ Феодоровичъ свою грамоту да грамоту Цесарского короля, да Испанского короля. И тое, государь, грамоты, у насъ перевѣсти нѣкому, и мы, государь, тѣ грамоты послали к тебѣ ко государю*» можно толковать двояко. Либо они отослали в Москву имперские грамоты без русских списков, которые были сделаны чуть позднее, либо не захотели верифицировать перевод, который до них был сделан в Ивангороде Дмитрием. Возможно, они побоялись вскрывать грамоты, адресованные Великому князю, чтобы не дать повод обвинить себя в измене³¹. Однако из их же слов «*И тое, государь, грамоты, у насъ перевѣсти нѣкому*», вытекает, что они имели право так поступить с приходящими к ним грамотами. Нам кажется крайне маловероятным, чтобы имперские грамоты ушли в Москву без русских списков Дмитрия, поскольку все грамоты из Ивангорода попали в Москву 16 июня 1505 г., а уже 19 июня 1505 г. в Ивангород был отправлен подробный ответ.

Имеются явные основания отождествить Дмитрия Щербатого, далее названного в пришедшей из Москвы грамоте *Дмитрием Щербачом* [ПДС 1: 139], с книжником Дмитрием Герасимовым, участвовавшим в составлении Геннадиевской библии 1499 г. (см. [Томеллери 1999: 21]), а позже сотрудничавшим с Максимом Греком в 1518 г. (о последнем письменном переводе Герасимова, сделанном ок. 1535 г., см. [Томеллери 2017]). На помощь Щербачу в Ивангород в 1505 г. был отряжен тот самый толмач *Влас Игнатов*, вместе с которым Герасимов позже переводил речи Максима Грека. Более того, отвечать имперскому гонцу Влас с Дмитрием по инструкции должны были вместе [Там же: 132]. Тем самым, Дмитрий Щербатый явно разделяет с книжником Дмитрием Герасимовым не только навыки (переводит с немецкого и латинского), но и часть биографии. Так или иначе, из посольских книг мы знаем, что переводчик Дмитрий Щербатый был связан с Новгородом

³¹ Когда Юстус Кантингер в 1506 г. сам прибыл в Москву с грамотами, печать его грамоты была порушена, и к грамоте возникли претензии, но ему удалось оправдаться тем, что к грамоте дважды была приложена *королевская рука*, которую московские толмачи признали подлинной [ПДС 1: 146]. Возможно, в 1505 г. грамоты Кантингера были не в лучшем состоянии, и Щени с Шуйским не пожелали ставить себя под удар и сразу объявили о том, что они имперских грамот не трогали.

и Ивангородом и бывал в немецкоязычных землях, где ранее встречал гонца Юшта Кантингера³².

Переводные грамоты Щербатого/Герасимова написаны книжным языком. В грамоте Максимилиана связка 1 л. мн. ч. не встретилась, а в грамоте Филиппа дважды употреблено диалектное *есме*:

- (22) Понужаеми **есме**, наияснѣишии начальниче, о вещи необычной и наипача нами невидѣнной къ высотности Вашей грамоту дати. [ПДС 1: 128];
- (23) И нынѣ **есме** первое уверилися, коимъ чиномъ въ брани нѣкое и валкѣ недавно противу болшого нѣмецкого чина великого магистра и вѣрныхъ и православныхъ тое жѣ ливонские отчины, и иныхъ ихъ тоземцевъ и порубежеи отъ ясности вашей крѣпко побѣжая пленени быша мнози и поимани отъ вашихъ, ведени и велми тесно въ тѣмницу заключени. [Там же].

Не совсем ясно, почему Дмитрий остановил свой выбор на диалектной форме *есме*, но, видимо, альтернативы были непривлекательны. Книжную форму *есмы* он мог забраковать как неуместный для грамоты церковнославянизм, а якаящая форма *есмя* могла восприниматься им как вульгарная и плохо сочетающаяся с риторикой грамоты.

Грамота князя Константина Ушатого, напротив, написана разговорным языком на якающем центрально-великорусском диалекте: здесь, помимо *есмя* и *естя* (1 пример при 2 примерах формы *есте*), есть также форма *нелзя*³³. Встречается конструкция *им. п. + инфинитив*, причем после каузативного предиката *а велѣно*, что несвойственно русскому языку XI — начала XV в. [Циммерлинг 2019а: 304, 315] и нехарактерно для московских посольских грамот ВКМ:

- (24) А самому ми у вашего князя не велѣно быть, а **велѣно ми ему та грамота дать** из Ругодива, а мнѣ ждаты тое грамоты отвѣта въ Ругодивѣ. [ПДС 1: 129].

Яркий пример яканья — *иванягородский* — представлен также в краткой грамоте Щени и Шуйского [Там же: 125]. В грамоте Ушатого стоит *–е–*: *иванегородскои* [Там же: 126]. Еще два примера с *–е–* есть в ответной московской грамоте, отправленной в Ивангород: *иванегородская грамота, намѣстникъ иванегородскои* [Там же: 131—132]. В названии города ответная московская грамота дает форму *Иваньгород* (2 раза), ср. также *на рѣку ли на Иванъ ли городъ* [Там же: 132] но *Иваньгородъ* в памяти для Власа.

Итак, две грамоты, пересланные в Москву из Новгорода с одним и тем же гонцом³⁴ в июне 1505 г., написаны на разных идиомах старорусского языка. Скорее

³² При дворе Ивана III к 1505 г. позабыли детали первого визита Юшта в Москву в 1502 г., поэтому Власу предписывалось навести у Дмитрия о нем справки [ПДС 1: 139]. Эта деталь, возможно, указывает на то, что между 1502 и летом 1505 г. в Москве сменилась часть дьяков и подьячих.

³³ Употребление формы 1 л. мн.ч. *есмя* отнюдь не всегда предполагало последовательное отражение яканья в других словах. В Имперской книге, л. 1 — 167 в предикативе (*не*)*лзѣ* отражаются формы без яканья: *лзѣ* [ПДС 1: 86], *нелзѣ* [Там же: 96], *нелзе* [Там же: 104].

³⁴ Имя гонца известно — это был *Степан Ширяев сын Левонтьева* [ПДС 1: 125].

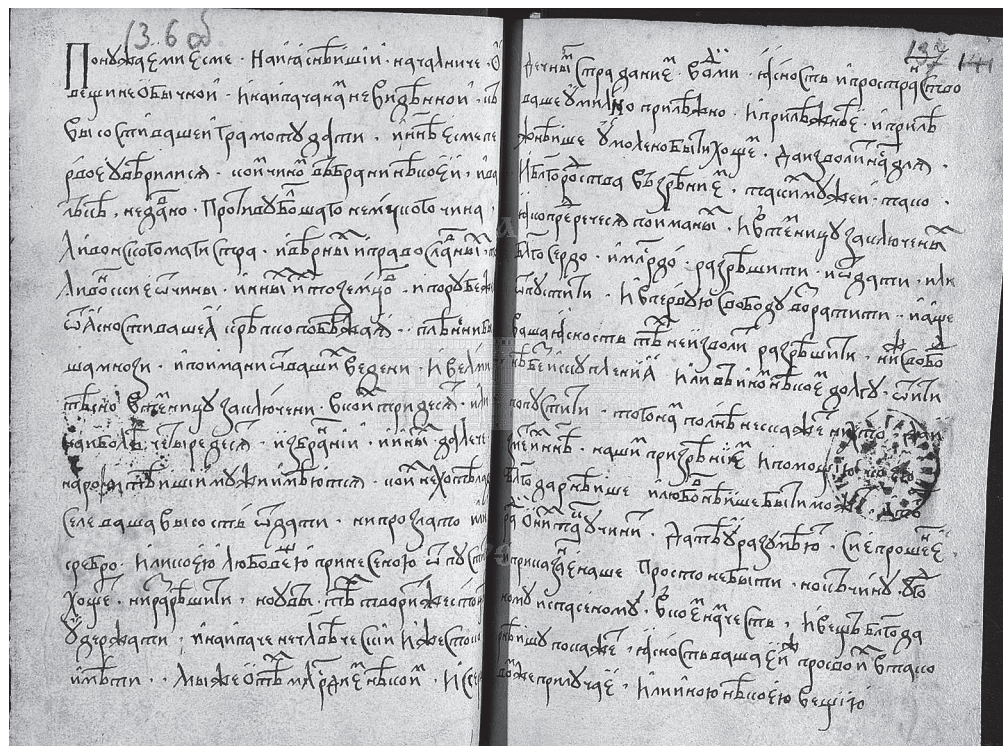

Рис. 1. Имперская книга (РГАДА, ф. 32., оп.1, №1), л. 136 об.
Форма 1 л. есме употреблена в первой и третьей строчках

всего, их включили в посольские книги без правки. Парадоксальным образом, отголоски новгородского диалекта обнаруживаются в переводной грамоте, написанной книжным слогом, в то время как написанная разговорным языком оригинальная грамота московского наместника, скорее всего, к этому диалекту отношения не имела. Как и в случае с кафинскими грамотами Алакозя, мы видим, что оригинальные и переводные грамоты, написанные на идиомах, отличных от московского, не подвергались языковой правке со стороны составителей посольских книг, если они считали форму изложения адекватной.

8. Параметрическое варьирование и статистически значимое распределение

Большинство морфосинтаксических параметров, значение которых проверяется по корпусам текстов современных и древних языков, допускают внутриязыковое варьирование. Если при описании разных языков или разных идиомов одного языка используется одна и та же сетка параметров или признаков, что соответствует современным подходам в социолингвистике и лингвистической типологии [Henry 1998; Baker 2008; Лютикова, Герасимова 2019; Лютикова, Циммерлинг 2018; Циммерлинг 2018], в простейшем случае можно ожидать распределения вида (v), (vi), (vii):

- (v) Идиом 1 предпочитает вариант А, но допускает вариант В. Идиом 2 предпочитает вариант В, но допускает вариант А. <зеркальное соответствие идиомов>.
- (vi) Идиом 1 предпочитает вариант А, но допускает вариант В. Идиом В обобщает вариант В. <асимметричное соответствие>.
- (vii) Идиомы 1 и 2 ведут себя в плане употребления вариантов А и В одинаково.

Сценарий (vii) означает, что выбранный признак не различает идиомы 1 и 2. Это может быть связано либо с тем, что ни вариант А, ни вариант В ни в одном идиоме не имеют приоритета, либо с тем, что соотношение А/В неизменно, при том, что один и тот же вариант является приоритетным в обоих идиомах.

К настоящему времени выборочно описано всего несколько параметров и диагностических признаков позднерусской грамматики. В их числе — грамматикализованные или тяготеющие к грамматикализации правила контактного расположения энклитик, так называемые правила рангов энклитик в полоцких грамотах [Дойкина 2019], синтаксис не книжного плюсквамперфекта [Циммерлинг 2019б] и употребление слова *будет* в союзной функции [Пенькова 2014].

В данной статье распределение порядков связочных энклитик плюсквамперфекта впервые проверяется на материале посольских книг Ивана III. Кроме того, мы сопоставили дистрибуцию двух формул — формулы аутентификации *‘то есть/то суть наши речи’* и формулы рекламации *‘гораздо ли ся то/ то ся дѣеть’* в массивах посольских грамот ВКЛ и ВКМ. Строго говоря, данные формулы как часть текста посольских грамот являются диагностическими маркерами идиомов ВКЛ и ВКМ, а не параметрами грамматики как таковыми. Однако их легко задать на более абстрактном метаязыке синтаксического описания. В этом случае выбор варианта *‘то суть наши рѣчи’* будет интерпретирован как реализация ‘механизма согласования связки с постфинитной подлежащей именной группой’, а выбор варианта *‘то есть наши речи’*, соответственно, — как отсутствие согласования с группой указанного типа. Порядок слов *‘гораздо ли то ся дѣеть’* в этом случае интерпретируется не только как факт, касающийся употребления конкретного клише, но и как ‘грамматикализация правила рангов, где безударное неодушевленное местоимение *то* трактуется как часть цепочки энклитик и ставится перед возвратной энклитикой’. Соответственно, отсутствие линейного порядка *ли то ся* в формуле рекламации будет интерпретировано либо как отражение другого правила рангов энклитик, если реальная картина соответствует сценарию (v), либо как отсутствие грамматикализованного правила рангов при данном сочетании элементов, если реальная картина соответствует сценарию (vi). Реализация сценария (vii) будет означать отрицательный результат применения процедуры — в этом случае сам параметр подобран неверно.

Выше в разделе 7. уже упоминался еще один возможный сценарий, когда варьирование внутри одного идиома устранено, но введение параметра позволяет представить соотношение идиомов как ситуацию межъязыкового варьирования:

- (viii) = (iv) Идиом 1 имеет вариант А, идиом 2 имеет вариант В, идиом n — вариант N. <межъязыковое варьирование>

8.1. Разбиение на периоды

Выделение двух периодов в массиве посольских грамот Ивана III мотивировано двумя обстоятельствами. Во-первых, с конца 1490-х гг. интенсивность дипломатической переписки повышается. Во-вторых, в 1490-х гг. меняется поколение московских послов и служилых людей. В самой первой дошедшей до нас посольской грамоте Ивана III под 1474 г. фигурирует посол Никита Васильевич Беклемишев, известный по локальным актам с 1460-х гг. В 1490-е гг. в посольских книгах начинает упоминаться его сын Иван Никитич Берсень (ум. в 1525 г.). В 1490 г. он выступает в качестве пристава, а в 1504 г., тридцать лет спустя после отца, сам едет послом в Крым, ср. о нем [Зимин 1972: 272–273].

8.2. То есть наши рѣчи

В речах послов почти всегда присутствует формула аутентификации типа ‘изложенному верить’. В паре ВКМ ~ ВКЛ данная формула обычно имеет вид *то есть/суть наши рѣчи*. Проведенный анализ показал, что в массиве грамот ВКМ, адресованных литовской стороне, связка почти всегда стоит в ед. ч., а в массиве грамот ВКЛ, адресованных московской стороне, — почти всегда стоит во мн. ч. Данные указаны в таб. 2. Отдельная статистика приводится по периодам 1487—1499 гг. и 1500—1505 гг.

Таблица 2

Формула аутентификации в переписке с ВКЛ

I. 1487—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка в ед. ч.	то есть наши рѣчи	44	1
связка во мн. ч.	то суть наши рѣчи	0	25
связка опущена	то наши рѣчи	0	0
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка в ед. ч.	то есть наши рѣчи	5	1
связка во мн. ч.	то суть наши рѣчи	0	7
связка опущена	то наши рѣчи	0	5
Всего:		49	39

Московский порядок *то есть наши рѣчи* по одному разу встречается в литовском массиве ближе к концу выделенных периодов, что примерно совпадает с окончанием очередной посольской тетради. 5 примеров с опущением связки — *бо то наши/мои речи* имеют иное объяснение: по-видимому, такой вариант утвердился в приказном стиле ВКЛ именно в 1500-е гг. Из 5 примеров 1 встретился в речи гонца Петрашки Эпимаховича, полочанина, а 3 примера пришлось на письма великой княгини Елены своему отцу Ивану III и прочим членам семьи. Историки спорят, были ли эти письма, где Елена укоряет отца и просит заключить мир,

действительно написаны ею самой или же их записали под диктовку неких польско-литовских советников. Наши данные говорят о том, что в январе 1497 г., два года спустя после приезда в Литву, Елена или ее писец еще употребляет в своем письме (№ 44) московский вариант *то есть наши рѣчи*, а в начале 1500 гг. переходит на вариант, компромиссный между идиомами ВКЛ и ВКМ.

8.3. Порядок связок плюсквамперфекта

Недавно было установлено, что в конструкции некнижного плюсквамперфекта, или сверхпрошедшего времени (ср. *послать былъ*), московский диалект и (юго-)западные диалекты обобщили разный порядок связочных энклитик в 1–2 л.³⁵ В XIV — первой половине XV в. в московском диалекте доминировал контактный порядок *<послать> есмь былъ <что> есмь былъ <послать>*, а в языке полоцких грамот XIV — начала XVI в. был обобщен обратный порядок *<послать> былъ есмь | <что> былъ есмь <послать>*. В XVI в. контактный порядок *былъ есми* утвердился и в московском диалекте [Циммерлинг 2019б]. Порядок связок плюсквамперфекта в московских памятниках конца XV в. ранее не изучался, поэтому массив посольских грамот Ивана III в этом плане особо важен. Конструкция некнижного плюсквамперфекта была приурочена к контекстам отмененного (X выехал, но вернулся обратно) или утратившего актуальность действия (X послал Y-у письмо, но адресат письма умер), ср. подробнее [Петрухин 2013]. В контекстах данного типа некнижный плюсквамперфект можно воспринимать как клише приказного стиля. Чтобы проверить порядок связок, нужны предложения в 1–2 л., так как в 3 л. в конструкции плюсквамперфекта связки наст. вр. не было. Примеры с дистантным расположением связок плюсквамперфекта, типа *<послать> есмь ... былъ*, для выявления диалектных черт синтаксиса менее важны: на дистантные порядки связок не распространяются ограничения, связанные с реализацией цепочки древнерусских энклитик.

С учетом диахронической тенденции к сдвигу *<послать> есми былъ* ⇒ *<послать> былъ есми* в московском диалекте рабочая гипотеза такова: в массиве грамот ВКЛ ожидается фиксированный порядок *былъ есми*, а в массиве оригинальных грамот ВКМ ожидаются колебания, с увеличением доли порядка *былъ есми* к концу периода. Проведенный предварительный анализ показал, что этот прогноз в основном оправдался, но в блоке сношений с ВКЛ статистически значимой выгрузки для контактных порядков нет. Косвенным подтверждением можно считать появление варианта с опущением связки наст. вр. в 1–2 л., ср. в идиоме ВКЛ в грамоте 1488 г.: *Ино мы про то были послали отъ насъ намѣстника на Великие Луки пана Сенка Григорьевича дѣлъ нашихъ смотреть и дани на тое брать* [ПДС 35: 15] и в идиоме ВКМ в грамоте 1501 г.: *А мы были взяли любовь и dokonчание съ*

³⁵ Ограничение связано с принципами расстановки древнерусских энклитик. В конструкции перфекта типа *былъ есмь дома* ~ *есмь былъ дома* форма *былъ* не имела статуса энклитики, поэтому порядок мог быть любым.

великимъ княземъ Александромъ и свойство съ нимъ учинили [Там же: 318]. Такой выбор уместен в ситуации, где связка наст. вр. становится факультативной, а пишущий колеблется между порядками *есми быть* и *быль есми*.

Таблица 3

Порядок связок плюсквамперфекта в переписке с ВКЛ

I. 1487—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка наст. вр. > связка пр. вр.	ЕСМЬ БЫЛЬ	0	0
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЬ ЕСМЬ	0	2
связка наст. вр. опущена	Ø БЫЛЬ	0	3
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка наст. вр. > связка пр.вр.	ЕСМЬ БЫЛЬ	1	0
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЬ ЕСМЬ	1	1
связка наст. вр. опущена	Ø БЫЛЬ	5	3
Всего:		7	8

Переписка с Крымской, Ногайской Ордами и Кафой дает большую выгрузку, но в общем случае неизвестно, относится ли перевод с татарского, сделанный билингом, к диалекту, отличному от московского. В оригинальных московских текстах в 1474 — 1499 гг. примеров контактного порядка связок плюсквамперфекта нет, но есть 4 примера с опущением связки наст. вр. Это соответствует картине, которая наблюдается в переписке с ВКЛ. В период 1500—1505 гг., в соответствии с прогнозом, наблюдаются колебания между порядком связок *есми быть* (10 примеров) и *быль есми* (7), еще 5 примеров показывают опущение связки. В переводном массиве изначально преобладает свойственный западному диалекту порядок *быль есми* (7 примеров против 0, самый ранний пример зафиксирован в октябре 1487 г. в грамоте Муртазы, переведенной неизвестным лицом), в 1500 — 1505 гг. картина существенно не меняется (6 примеров против 2).

Таблица 4

Порядок связок плюсквамперфекта в переписке с Крымом

I. 1474—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Переводной массив
связка наст. вр. > связка пр. вр.	ЕСМЬ БЫЛЬ	0	0
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЬ ЕСМЬ	0	7
связка наст. вр. опущена	Ø БЫЛЬ	4	1
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Переводной массив
связка наст. вр. > связка пр.вр.	ЕСМЬ БЫЛЬ	10	2
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЬ ЕСМЬ	7	6
связка наст. вр. опущена	Ø БЫЛЬ	5	5
Всего:		26	21

Большее приближение к «западному» порядку связок в переводных посольских грамотах, записанных московскими переводчиками, можно объяснить тем, что в последние десятилетия XV в. в московском диалекте наметился сдвиг <послаль> *если быль* ⇒ <послаль> *быль если*, при этом переводчики-билингвы в большей степени, чем составители оригинальных московских грамот, ориентировались на новую норму.

8.4. Формула рекламации и место возвратной клитики

В массиве посольских грамот ВКЛ регулярно используется клише ‘*гораздо ли то ся дѣеть*’, которое можно назвать ‘формулой рекламации’: дипломатический агент озвучивает претензии к другой стороне (грабежи, убийства, захват территории, задержка гонцов, волокита, вероломство и т. п.) и после этого задает риторический вопрос, соответствует ли поведение контрагента правильному стандарту поведения. Формулы рекламации и жалобы на обиды литовской стороны присутствуют и в московских грамотах ВКМ, но ровно такой порядок энклитик *ли то ся* почти не встречается.

8.4.1. Позиция местоимения *то* и процедура определения его ударности/безударности

По предварительной гипотезе, в идиоме ВКЛ, как и в некоторых древних западнославянских языках (ср. [Циммерлинг 2013: 469; Zimmerling 2014: 401] для древнечешского), имеется тенденция к вовлечению безударного неодушевленного местоимения *то* (им. — вин. п. ср. р. ед. ч.) в правило рангов энклитик и постановке его после энклитических частиц (для идиома ВКЛ это, прежде всего, *же*, *ли* и *бы*), но перед старыми местоименными энклитиками.

Др.-рус. *ли* и *ся* обладают всеми свойствами энклитик: они не могут начинать предложения и имеют фиксированное место по отношению ко всем прочим древнерусским энклитикам [Зализняк 2008: 28]. Др.-рус. *тъ* > *то* полнотой свойств энклитик не обладает: оно может быть как ударным, так и безударным, стоять как в начале предложения, так и во внутриклаузальной позиции. Поэтому интерпретация *то* как энклитики существенно зависит от занимаемого данным элементом места. Если *то* устойчиво воспроизводится в неначальной позиции в составе цепочки *ли то ся*, это значит, что *то* в данной позиции трактуется как энклитика, поскольку, по общему принципу, цепочки энклитик не могут произвольно разбиваться ударными словами [Зализняк 1993: 281]. Напротив, при порядке *ли ся то* на основе письменного текста, как правило, невозможно определить, произносилось ли *то* как ударное или безударное слово, если непосредственно после него не было другой энклитики (ср. теоретически возможную комбинацию ... *ся то если*). Полная форма указательного местоимения (*тое*) не энклитизировалась, поэтому в порядках типа *ли ся то* ее следует интерпретировать как ударную.

8.4.2. Распределение порядков с энклитическим и не энклитическим *то*

Материал подтвердил гипотезу о том, что энклиза *то* при порядке *ли то ся* характерна для идиома ВКЛ и нехарактерна для идиома ВКМ, но выгрузка оказалось небольшой. Это предсказуемо, поскольку в 83 блоках переписки формула рекламации не может повторяться неограниченное количество раз; кроме того, не каждая посольская грамота связана с рекламацией. Для грамот ВКМ контактная реализация безударного *то* с энклитикой *ся* нехарактерна: можно с определенностью утверждать, что говорившие на идиоме ВКМ/писцы ВКМ обычно избегали таких порядков в устной речи и на письме. Именно поэтому наиболее распространенной московской стратегией реализации формулы рекламации был вариант без энклитики *ся*: *гораздо ли то*, *гораздо ли такъ*. Тем не менее два примера с порядком *ли то ся* в массиве ВКМ все же обнаруживаются. И наоборот, в массиве ВКЛ находятся два примера с порядком *ли ся то*. Это подтверждает изначально принятую гипотезу о том, что правила упорядочивания безударного *то* носят статистический, а не жестко детерминированный характер в обоих идиомах, при этом тенденция к энклитизации *то* в идиоме ВКЛ выражена сильнее. Литовцы жалуются в посольских грамотах чаще: 40 примеров при 24 примерах в идиоме ВКМ. К 1500 — 1505 гг. положение слегка меняется, при общем убывании выгрузки. Но едва ли это связано с собственно языковыми особенностями грамот.

Таблица 5

Формула рекламации в переписке с ВКЛ

I. 1487—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
<i>то</i> — часть цепочки энклитик	гораздо ли то ся	1	10
ударность <i>то</i> не определяется	гораздо ли ся то	0	2
ударное местоимение после <i>ся</i>	ли ся то е	0	2
местоименное наречие после <i>ся</i>	(ли) ся такъ	4	2
<i>ся</i> после <i>ли</i> опущено	гораздо ли то, гораздо ли такъ	9	19
<i>ся</i> клитизируется к глаголу	гораздо ли то деѣтся	0	1
		14	36
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
<i>то</i> — часть цепочки энклитик	гораздо ли то ся	1	2
ударность <i>то</i> не определяется	гораздо ли ся то	0	0
ударное местоимение после <i>ся</i>	ли ся то е	0	0
местоименное наречие после <i>ся</i>	(ли) ся такъ	0	0
<i>ся</i> после <i>ли</i> опущено	гораздо ли то, гораздо ли такъ	9	2
<i>ся</i> клитизируется к глаголу	гораздо ли то деѣтся	0	0
		10	4
Всего:		24	40

9. Осознанное и автоматическое. Статистика и запрет

У читателя, воспитанного на историко-филологической традиции, может возникнуть вопрос, был ли выбор той или иной формы или порядка слов в зоне варьирования осознанным и как статистические данные о распределении значений параметров в массивах посольских грамот, составленных разными людьми, согласуются с данными о предполагаемых авторских употреблениях наиболее образованных писцов и переводчиков, вроде Дмитрия Герасимова и Абляз Бакшея.

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос зависит от избранных для проверки параметров и от количества текстов. Собственно языковые механизмы всегда реализуются автоматически, независимо от того, становятся ли они предметом рефлексии говорящих и пишущих. В этом плане правила порядка слов, если они выделены верно, ничем не отличаются от правил употребления звуков /e/ и /ja/ в ударном и безударном положении. Для доказательства этого утверждения нужна количественная база, которой в исторических корпусах текстов часто не хватает. Но как раз посольские книги Ивана III в плане объема выгодно отличаются от других коллекций древнерусских и старорусских грамот. Отрицательный момент состоит лишь в отсутствии корпуса как такового и критического издания, что технически затрудняет извлечение и обработку данных.

Распределение значений параметров, регулирующих порядок слов в конструкции плюсквамперфекта с *был* и рассмотренных формулах аутентификации и рекламы в идиомах ВКЛ и ВКМ, носит статистический характер: в каждом случае, по крайней мере в одном из сопоставляемых идиомов, обнаруживаются выраженные предпочтения. Эти статистические предпочтения объективны и служат главным фактором выбора линейного порядка в каждой из изученных трех конструкций, хотя прямого запрета на другой порядок не было. Использование запасных стратегий в ситуации выбора между конкурирующими порядками $a > b$ vs $b > a$, например, опущение связки наст. вр. в плюсквамперфекте и в формуле аутентификации, т. е. реализация фраз типа *вы* ∅ *были дали* при наличии вариантов *дали были есте* ~ *дали есте были* и *то* ∅ *наши рѣчи* в ситуации выбора между формами ед. и мн. ч. *то есть наши рѣчи* ~ *то суть наши рѣчи* весьма показательно. Такие стратегии свидетельствуют либо об отсутствии приоритета в данном идиоме, либо о наметившемся синтаксическом сдвиге.

Грамматикализованные запреты на линейные порядки, формы слов и комбинации элементов действуют несколько иначе. Если человек владеет только своим идиомом, где обязательны форма 1 л. мн. ч. *есмо*, а союз 'что' произносится *що*, его письмо просто отражает устную практику. Именно так следует расценивать два кафинских письма, зачитанных в Москве в 1501—1502 гг.. Даже если их автор, говоривший на староукраинском идиоме, понимал, что письма попадут в московский архив, у него не было ни желания, ни умения подстраиваться под нормы московского диалекта. Аналогичным образом мы интерпретируем большинство оригинальных московских грамот: в них нет черт идиома ВКЛ не потому, что писцы их избегали, а потому, что они им активно не владели. Напротив, для билингвов,

переводивших с татарского на идиом ВКМ, соблюдение норм этого диалекта было условием успешности их работы. Поэтому, даже если они слышали другие формы 1 л. мн. ч., кроме *есмя*, они неизменно употребляли ту форму, которая была частью освоенной ими приказной традиции. Наконец, полиглот Дмитрий Щербатый (⇒ ?Дмитрий Герасимов), переводивший с далеких языков высоким слогом, столкнулся с контекстом, где церковнославянское *есмы* было неуместным, а формы *есмя* (ВКМ) и *есмо* (ВКЛ) воспринимались как простецкие. В этой ситуации он прибег к своей диалектной новгородской форме 1 л. мн. ч. *есме*, которую он мог считать архаичной. И современные лингвисты его поддерживают, так как центрально-великорусское *есмя* с эффектом яканья возникло именно из *есме*. Это уже свидетельствует об определенном уровне метаязыковой рефлексии со стороны образованного носителя старорусского языка.

Описанные в данной статье три конструкции (плюсquamперфект с *был* и две клишированные формулы), а также выражаемые ими значения и связанные с ними речевые действия — обозначение ретроспективного сдвига, аутентификация говорящего и рекламация на поведение адресата — могут показаться маргинальными. Но это — лакмусовая бумажка, маркеры русских идиомов конца XV в. и связанных с ними массивов грамот. Чем больше таких маркеров, опирающихся на параметры грамматики русского языка конца XV в., будет проверено, тем точнее будут определены эти идиомы.

Проверка жестко закрепленных за группами восточнославянских диалектов маркеров *есмо* vs *есме* vs *есмя* и *што* vs *что* vs *цо* на массиве грамот, где диалекты писцов заранее точно неизвестны, тоже дает повод для количественных методов, но в ином плане. При оценке параметрического варьирования в зоне, где прямых запретов нет, в иных терминах — там, где варьирование в н у т р и одного и того же идиома допустимо, лингвистически наиболее содержательные результаты связаны со статистикой варианта, приоритетного для проверяемого идиома. Изначально принимаемая гипотеза заключается в том, что при проверке значения некоторого параметра в двух или более идиомах такой приоритетный вариант обнаруживается хотя бы в одном идиоме (см. выше сценарий (v) в п. 8), если сам параметр выделен правильно. Напротив, при оценке межъязыкового варьирования — см. выше сценарий (viii) — на множестве текстов, где число идиомов заранее неизвестно, лингвистически наиболее содержательные результаты связаны с пороговым числом исключений. Так, в массиве посольских грамот, где значительное большинство текстов написаны на идиоме ВКЛ (форма связки 1 л. ед. ч. *есмо*) либо на идиоме ВКМ (форма связки 1 л. ед. ч. *есмя*), уже само появление какой-то иной формы 1 л. ед. ч., например, *есме* в грамоте Дмитрия Щербатого (см. выше раздел 7.5) дает повод для гипотезы, что такая грамота написана на идиоме, не совпадающем ни с идиомом ВКМ, ни с идиомом ВКЛ. Но подтвердить эту гипотезу удастся только потому, что в массивах посольских грамот ВКЛ и ВКМ нет варьирования типа *есмо* | *есме* и *есмя* | *есме* или число исключений статистически ничтожно. Ключевое значение имеет тот факт, что варьирования такого типа нет в той же самой коллекции данных: как указано выше в разделе 3.4, форма *есме*

существовала на территории ВКЛ вплоть до 1465 г. и другая коллекция текстов — массив полоцких грамот — реально отражает варьирование *есмо* | *есме*.

Вполне очевидно, что определять идиомы по единственному лингвистическому параметру или признаку нельзя. Так, в идиоме ВКЛ связка 1 л. мн. ч. имеет вид *есмо*, и этого признака достаточно для противопоставления идиому ВКМ, где та же связка 1 л. мн. ч. имела вид *есмя*. Однако в староукраинском языке XV в. связка 1 л. мн. ч. тоже имеет вид *есмо*. Добавление еще одного признака — реализации союза ‘что’ показывает, что использованный в посольских грамотах идиом ВКЛ характеризуется набором маркеров {*есмо*, *што*}, в то время как староукраинский язык двух кафинских грамот характеризуется маркерами {*есмо*, *що*}. Наконец, добавление третьего маркера — лексической изоглоссы, связанной с реализацией значения ‘свидетель’, показывает, что идиом кафинских грамот объединяется с идиомом ВКМ в том, что оба они используют лексему *послух*, в то время как в идиоме ВКЛ вместо нее использовались лексемы *свѣдок*, *свѣток* (см. раздел 7.3). Таким образом, идиом ВКМ имеет характеристику {*есмя*, *что*, *послух*}, идиом ВКЛ — характеристику {*есмо*, *што*, *свѣдок/свѣток*}, а идиом кафинских грамот — характеристику {*есмо*, *що*, *послух*} и т. п. Именно так, методом изоглосс, межъязыковое (междиалектное) варьирование традиционно описывается в исторической диалектологии, в том числе — в славянской. Мы старались показать, что сходные методы должны применяться и к случаям внутриязыкового варьирования в синтаксисе. Разные идиомы старорусского языка и близкородственных восточнославянских языков имеют непосредственно сопоставимые явления, что позволяет описать их грамматику при помощи одной и той же сетки параметров.

10. Выводы

Посольские книги Ивана III не являются вполне однородным в языковом отношении собранием текстов. Они дают богатую картину варьирования грамматики русского языка конца XV в. — первых лет XVI в., что позволяет при помощи лингвистических методов определить идиомы авторов и переводчиков посольских грамот. Варьирование порядка слов и способов реализации синтаксических конструкций отражает статистические предпочтения, которые сложились в доминирующих диалектах посольских книг — идиомах ВКМ (= «восточной диалект») и ВКЛ (= «западный диалект»).

Приходящие в Москву грамоты, написанные на других восточнославянских идиомах и диалектах, не подвергались существенной языковой правке при составлении посольских книг. Анализ статистических предпочтений и ограничений, связанных с четырьмя параметрами старорусского морфосинтаксиса и двумя лексическими изоглоссами, позволяет считать, что по этим параметрам идиомы ВКМ и ВКЛ четко различались, хотя расхождения в этот период не препятствовали общению.

По одному из проверенных параметров — синтаксису конструкции плюсквамперфекта с *был* — оригинальные московские грамоты противопоставлены переводным текстам, записанным билингвами — носителями татарского языка. Этот

результат может быть интерпретирован как свидетельство наметившегося к концу 1490-х гг. сдвига в идиоме ВКМ и приближение в плане синтаксиса плюсквамперфекта к тому стандарту, который ранее был закреплён в идиоме ВКЛ. При этом московские переводчики-билингвы в большей степени, чем авторы оригинальных грамот, ориентировались на речь младшего поколения.

Лингвистический анализ подтверждает утверждение Крымской книги о том, что две из четырех грамот, привезённых кафинским послом в Москву в 1501 г., были написаны русским письмом: эти две грамоты написаны на староукраинском языке в самой Кафе. В грамоте, присланной в июне 1505 г. из Ивангорода в Москву в переводе Дмитрия Щербатого, имеется бесспорная черта северо-западного (новгородского) диалекта. На основании лингвистических и исторических аргументов переводчик Дмитрий Щербатов может быть отождествлён с книжником новгородского происхождения Дмитрием Герасимовым. Разнобой в обозначениях этого лица объясняется тем, что составители посольских книг не заботились об унификации имен переводчиков, подъячих и приставов. Тем не менее, всех упоминаемых в староукраинской грамоте представителей ВКМ в кафинском суде можно непосредственно отождествить с подъячими московского посольства, отправленными в Кафу в сентябре 1500 г.

Источники

Даль П — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 2. И — О. М., 1881.

ПДС 1 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. С 1488 по 1594 г. Спб., 1851.

ПДС 35 — Сборник императорского русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. 1 (с 1487 по 1533 год). Спб., 1882.

ПДС 41 — Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и съ Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 год. Спб., 1884.

ПДС 95 — Сборник императорского русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и с Турциею. Т. II. 1508—1521 гг. Спб., 1895.

Пещак 1974 — Грамоты XIV ст. / Ред. Пещак М. М. Київ, 1974.

Посольские книги России конца XV — начала XVI в.: URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html>

Правящая элита русского государства последней четверти XV — начала XVI вв.: URL: <http://ruling-elite.spbu.ru/>

СРЯ XI–XVII, 8 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 8. М., 1981.

Хорошкевич 2015 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Том 1–2 / Ред. Хорошкевич А. Л. М., 2015.

LM 3 — Lietuvos metrika. 3. 1440—1498. Vilnius, 2001.

LM 4 — Lietuvos metrika. 4. 1479—1491. Vilnius, 2004.

LM 6 — Lietuvos metrika. 6. 1494—1506. Vilnius, 2007.

Литература

Бантыш-Каменский Н. М. Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 года, учиненный Н. Н. Бантыш-Каменским в 1808 г. / Предисл. Ф. Ф. Лашкова. Симферополь, 1893.

Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 г. М.-Л., 1948.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Период второй, московский. Т. 2. М., 1900.

Дойкина К. Ю. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах // Вестник Санкт-Петербургского университета, Сер. Язык и литература. Т. 16. 2019. № 3, С. 400 — 419.

Зайцев И. В. Великокняжеские служилые татары в XV — первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (дата обращения: 18.08.2019).

Зализняк А. А. Лингвистические исследования // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191—321.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 2-е изд. М., 2007.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV в. — в первой трети XVI в. М., 1988.

Иванов Вяч. Вс. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 258–288.

Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 248–266.

Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов (Митя Толмач, Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. 2. Вып. 1. Л., 1988. [Цит. по: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3816> (дата обращения: 18.09.2019).]

Корзинин А. Л. «Государь всяя Руси» Иван III и русская аристократия // Исторический формат. 2016. № 1 (5). С. 163—180.

Корзинин А. Л., Сосницкий Д. А. Электронный портал «Правящая элита русского государства последней четверти XV — середины XVI века»: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование и цели его создания // Мавродинские чтения 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. Спб., 2018. С. 233—236.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

Лютикова Е. А., Герасимова А. А. Послеложные конструкции татарского языка: методики оценки внутриязыкового варьирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 18 (25). 2019. С. 435—457.

Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. Почему языки такие предсказуемые? Типология морфосинтаксических параметров // Типология морфосинтаксических параметров. Т. 1. Вып. 1. 2018. С. 11—30.

Молдован А. М. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 1. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. М., 2020. С. 182—197.

Мошкова Л. В. Кодикологический анализ посольских книг конца XV — начала XVI в.: поиск методики // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции. М., 2017а. С. 24—27.

Мошкова Л. В. Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование централизованного Российского государства: глобальные и локальные контексты. Материалы всесоюзной с международным участием конференции. Калуга, 2017б, С. 232—249.

Пенькова Я. А. О некоторых региональных различиях синтаксических стратегий в деловой письменности Руси XV в. // Писменото наследство и информационите технологии : материали от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / Отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 297—300.

Петрухин П. В. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch. Neue Folge. Bd. 1. 2013. С. 74—98.

Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994.

Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.

Томеллеры В. Заметки о деятельности Геннадиевского кружка // Russica romana. Vol. 6. 1999. С. 11 — 27.

Томеллеры В. С. Апостольский символ веры (Symbolum Apostolorum) в церковнославянском переводе Дм. Герасимова. Введение. Интерлинейное издание // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Т. 16. 2017. № 4. С. 6—40.

Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.

Циммерлинг А. В. Два диалекта русской грамматики. Корпусные данные и модель // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17 (24). М., 2018. С. 818—830.

Циммерлинг А. В. Кому *проспати заутреня* и *ловити рыба*? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // *Die Welt der Slaven*. 2019а. №2. С. 299—337.

Циммерлинг А. В. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV—XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Т. 18. 2019б. №4. С. 520—535.

Baker M. The macroparameter in a microparametric world // *The limits of variation* / Biberauer T. (ed.). Amsterdam, 2008. P. 351—370.

Henry A. Dialect variation, optionality and the learnability guarantee // *Linguistica Atlantica*. 20. 1998. P. 51—71.

Stang Chr. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.

Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polock. Oslo, 1939.

Zimmerling A. Clitic Template and Discourse Marker TI in Old Czech // *New Insights into Slavic Linguistics*. Series: «Sprach und Kulturkontakte in Europas Mitte. Studien zur Slawistik und Germanistik». Frankfurt-am-Main, 2014. P. 393—406.

Anton V. Zimmerling

*Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences / Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)
fagraey64@hotmail.com*

EAST IS EAST? TRANSLATED AND ORIGINAL LETTERS IN THE EMBASSY BOOKS OF IVAN III³⁶

This paper discusses the embassy books of Ivan III as key sources for the sociolinguistic situation in Middle Russian of the 15th century. The embassy books of Ivan III are a non-homogeneous collection of texts, since original texts written in the idiom of the Grand Duchy of Moscow have been supplemented by the original documents written in other Late East Slavic idioms as well as by translated documents. I argue that the newly added documents written in other Russian dialects and East Slavic idioms were normally

³⁶ This paper has been written with support from the Russian Foundation for Basic Research, project RFBR 17-04-00444, realized at Moscow Pedagogical State University.

not converted into the idiom of the Grand Duchy of Moscow. The original diplomas from the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania were based on closely related and mutually intelligible idioms. The microparametric variation in these two idioms can be described on the basis of the same set of parameters for word order, dialectal isoglosses and distribution of the diagnostic constructions, such as the so-called vernacular pluperfect with *byl*. Intralinguistic variation is occasionally displayed in translated diplomas created by bilingual scribes proficient in the Tatar language. Such scribes tended to focus on the speech of the younger generation during a time of ongoing syntactic change in the Moscow dialect, whereas the authors of the original diplomas were more conservative. A linguistic analysis verifies the statement made in the embassy books that it was possible for Alagioz, the envoy of the Kefe Sultan, to deliver two letters written in 'Russian letters' in 1501: these two letters had indeed been written in Kefe by a scribe speaking a variety of Old Ukrainian. A clear marker of the North-Eastern dialect has been found in a translated document sent to Moscow from Ivangorod (Jaanelinn) in June 1505. The interpreter, a certain Dmitry Shsherbaty, can be identified with the Russian author Dmitry Gerasimov, who was of Novgorodian origin.

Keywords: Russian language of the 15th century, Grand Duchy of Moscow, Grand Duchy of Lithuania, embassy books, Tatar language, translation, parametric variation, word order, clitics, auxiliaries, pluperfect, identification of scribes, Dmitri Gerasimov.

References

Baker M. The macroparameter in a microparametric world. *The limits of variation*. Biberauer T. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 351–370.

Bantysh-Kamenskii N.N. *Reestr delam Krymskogo Dvora s 1474 po 1779 god, uchinennyj N.N. Bantysh-Kamenskim v 1808 godu* [The Registry for the Crimean Court affairs from 1474 to 1779 undertaken by N.N. Bantysh-Kamenskii in 1808]. Simferopol, Tauride Provincial Government Publ., 1893. (in Russ.)

Berezhkov N.G. *Litovskaja Metrika kak istoricheskii istochnik, 1. O pervonachal'nom sostave knig Litovskoj Metriki po 1522 god* [Lithuanian Metrics as a historical source, p. 1. On the initial composition of book in the Lithuanian Metrics by 1522 A.D.]. Moscow; Leningrad, Russian Academy of Science Publ, 1948. (in Russ.).

Doikina K. Yu. Nekotorye osobennosti sistemy enklitik, otrazhennoj v polockix gramotax [On the characteristics of the enclitic system in the Polock letters]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. Yazyk i literatura*. T. 16. 2019. №3. P. 400–419 (in Russ.)

Golubinskii E.E. *Istorija russkoj cerkvi. Period vtoroj, moskovskij* [The History of the Russian church. Part 2, the Moscow period.]. Moscow, Imperial Society for History and Russian Antiquities, 1900. (in Russ.).

Henry A. Dialect variation, optionality and the learnability guarantee. *Linguistica Atlantica*. 20. 1998. P. 51–71.

Ivanov Vyach. Vs. Slavjanskije dialekty v sootnoshenii s drugimi jazykami Velikogo kniazhestva Litovskogo [Slavic dialects compared to other languages in the Grand

Dutchy of Lithuania]. *Slavjanskoe jazykoznanie. XIII mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Ljubljana, 2003. Doklady rossijskoj delegacii* [Slavic linguistics. XIII International Conference of Slavists. Ljubljana, 2002. Contributions of the Russian delegation]. Moscow, Indrik Publ., 2003. S. 258–288. (in Russ.)

Kazakova N. A. Dmitry Gerasimov i russko-evropejskie kulturnye svjazi v pervoj treti XVI veka [Dmitry Gerasimov and Russian-European cultural contacts in the first third of the XVI century]. *Problemy istorii mezhdunarodnyx otnoshenij* [Issues in the history of international relations]. Leningrad, Nauka Publ. 1972. S. 248 —266. (in Russ.)

Kazakova N. A. Dmitry Gerasimov (Mitja Tolmach, Mitja Malyj [Dmitry Gerasimov (Mitja Tolmach, Mitja Malyj)] // *Slovar kniznikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Vol. 2, issue 1. Leningrad. Institute of Russian Literature, Russian Academy of Science Publ., 1988. Quoted after: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3816> (date of access: 18.09.2019).

Korzinin A. L. “Gosudar’ vseja Rusi Ivan III i russkaja aristokratija [“The Sovereign of all Russia” Ivan III and Russian aristocracy]. *Istoriceskij format*. 2016, № 1 (5). S. 163–180. (in Russ.)

Korzinin A. L. Sosnitskij D. A. Elektronnyj portal “Pravjashchaja elita russkogo gosudarstva poslednej chetverti XV — serediny XVI veka”: elektronnaia baza dannyx i I istoriko-genealogicheskoe issledovanie i celi ego sozdaniia [The online portal “The ruling elite of the Russian state of the last quarter of the XV — middle of the XVI centuries”: the web data base, its goals and the historical-genealogical analysis. *Mavrodinskie chtenija 2018. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 110-letiju so dnja rozhdenija professora Vladimira Vasiljevicha Mavrodina*. A. Ju. Dvornichenko (ed.). St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2018. P. 233–236. (in Russ.)

Lurie Ja. S. *Ideologicheskaja bor'ba v russkoj publicistike konca XV — nachala XVI veka* [The ideological struggle in the Russian pamphlets of the late XV — early XVI centuries]. Moscow; Leningrad, 1960. (in Russ.)

Lyutikova E. A., Zimmerling A. V. Pochemy jazyki takie predskazuemye? Tipologija morfosintaksicheskix parametrov [Why are world's languages so predictable? Typology of morphosyntactic parameters]. *Typology of morphosyntactic parameters*. Vol. 1, issue 1. 2018. S. 11–30. (in Russ.)

Lyutikova E. A., Gerasimova A. A. Poslelozhnye konstrukcii tatarskogo jazyka: metodiki ocenki vnutrijazykovogo varjirovanija [Postpositional constructions in Tatar: methodologies for measuring intralingual variation]. *Computational linguistics and intellectual technologies, issue 18 (25). Proceedings of the international conference “Dialogue 2019”*. Moscow: Russian University of Humanities Publ., 2019. S. 435–457. (in Russ.)

Moldovan A. M. Variativnostj svjazki 1Pl v drevnerusskoj pismennosti. [The variation in the form of the 1 Pl. auxiliary in the Old Russian writing]. *Trudy Instituta russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova, No. 1. Grammaticheskie protsessy i sistemy v diakhronii. Pamyati Andreyana Anatol'jevicha Zaliznyaka*. 2020. S. 182–197. (in Russ.)

Moshkova L. V. Kodikologicheskij analiz posol'skix knig konca XV — nachala XVI vekov: poisk metodiki [The codicological analysis of the embassy books from the late

XV — early XVI centuries: in search of a methodology]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXIX mezhdunarodnoj konferencii* [Auxiliary historical disciplines in the present day science, Proceedings of the XXIX international conference]. Moscow, 2017. S. 24–27. (in Russ.)

Moshkova L. V. Russkie posol'skie knigi: nachalo formirovanija [Russian embassy books: the origins]. *Velikoe stojanie na reke Ugre i formirovanie centralizovannogo Rossijskogo gosudarstva: globalnye i lokalnye konteksty. Materialy vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem konferencii* [The standing on the Ugra river and the formation of the centralized Russian state: global and local contexts]. Kaluga, 2017, S. 232–249. (in Russ.).

Pen'kova Ja. A. O nekotoryx regionalnyx razlichijax sintaksicheskix strategij v delovoj pismennosti Rusi XV veka [On some regional markers of syntactic strategies in the Russian official style texts of the XV century]. *Pismenoto nasledstvo i informacionniete tehnologii: materialy ot V mezhdunarodna nauchna konferencija (Varna, 15–20.09.2014)*. V. A. Baranov, V. Zheljazkova, A. M. Lavrentiev (eds.). Sofia, Izhevsk, 2014. S. 297–300. (in Russ.)

Petrukhin P. V. K pragmatike sverhslozhnogo proshedshego vremeni v vostochnoslavjanskoj pismennosti [On the pragmatics of the hyperpast tense in the East Slavic writing]. *Wiener Slawistischer Jahrbuch*. Neue Folge 1, 2013. S. 74–98. (in Russ.)

Rogozhin N. M. *Posol'skie knigi Rossii konca XV — nachala XVII vekov* [The Embassy books of Russia from late XVI to the beginning of the XVII century]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Science Publ., 1994. (in Russ.)

Sobolevskii A. I. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka* [The History of Literary Russian]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. (in Russ.)

Stang Chr. S. *Die alttrussische Urkundensprache der Stadt Polock*. Oslo, J. Dybwad, 1939.

Stang Chr. S. *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*. Oslo, J. Dybwad, 1935.

Tomelleri V. S. Apostolskij simvol very (Symbolum Apostolorum) v cerkovnoslavjanskom perevode Dm. Gerasimova. Vvedenie. Interlinearnoe izdanie [The Apostolic Symbol of Faith (Symbolum Apostolorum) in the Church Slavonic Translation by Dmitry Gerasimov. Introduction. An Interlinear Edition]. *Vestnik Volgoradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie*. Vol 16. 2017. № 4. S. 6–40. (in Russ.)

Tomelleri V. Zametki o dejatel'nosti Gennadievskogo kruzhka [Notes on the activity of Gennadi's circle]. *Russica romana*. Vol. 6. 1999. P. 11–27. (in Russ.)

Zaliznjak A. A. “*Slovo o Polku Igoreve*”: *vzgliad lingvista* [“Slovo o Polku Igoreve”: a linguist's view]. Moscow, LRC Press, 2007. (in Russ.).

Zaliznjak A. A. *Drevnenovgorodskij dialect*. 2-e izd. [The Old Novgorod dialect. 2nd ed.] Moscow, LRC Publ., 2004. (in Russ.).

Zaliznjak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, LRC Publ., 2008. (in Russ.).]

Zaliznjak A. A. Lingvisticheskie issledovanija [Linguistic investigations] In: Janin V. L., Zaliznjak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1984–1989 gg.*

[Novgorod birch bark letters from the excavations 1984–1989] Moscow: Nauka Publ., 1993. P. 191–321. (in Russ.).

Zaytsev I. V. *Velikoknjazheskie sluzhilye tatary v XV — pervoj polovine XVI veka i ix zemlevladienie v Moskovskom krae* [The Grand Ducal service Tatars in the XV — first half of the XVI centuries and their land tenure in the Moscow region]. Available at: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (date of access: 18.08.2019). (in Russ.).

Zimin A. A. *Formirovanie bojarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV veka — v pervij treti XVI veka* [The formation of boyar aristocracy in Russia in the second half of the XV century and in the first third of the XVI century]. Moscow, Nauka Publ., 1988.

Zimin A. A. *Rossija na poroge Novogo vremeni. Oчерki politicheskoj istorii Rossii pervoj treti XVI veka* [Russia on the threshold of the New Age. (Essays on the political history of Russia in the first third of the XVI century)] Moscow, Mysl Publ, 1972. (in Russ.).

Zimmerling A. V. *Sistemy porjadka slov slavjanskix jazykov v tipologiceskom aspekte* [Slavic word order systems from a typological perspective]. Moscow, LRC Publ, 2013. (in Russ.).

Zimmerling A. Clitic Template and Discourse Marker TI in Old Czech. *New Insights into Slavic Linguistics. Series: «Sprach und Kulturkontakte in Europas Mitte. Studien zur Slawistik und Germanistik»*. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2014. P. 393–406.

Zimmerling A. V. Dva dialekta russkoj grammatiki. Korpusnye dannye i model [Two dialects in Russian grammar: corpus data and a formal model]. *Computational linguistics and intellectual technologies. Issue 17 (24). Proceedings of the international conference “Dialogue 2018”*. Moscow: Russian University of Humanities Publ., 2018. S. 818–830 (in Russ.).

Zimmerling A. V. Komu prospati zautrenja i loviti ryba? Imenitel'nyj padezh dopolnenija infinitiva kak predmet grammaticeskogo opisanija [To sleep through Matins and to catch fish: the nominative of the infinitival object as a grammatical phenomenon] // *Die Welt der Slaven*. 2019a. No 2. S. 299–337. (in Russ.).

Zimmerling A. V. Sviazki pluskvamperfekta v russkom jazyke XIV — XVI vekov [Pluperfect auxiliaries in the Russian language of the XIV–XVI centuries]. *Vestnik Volgoradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie*. 2019b. №4. S. 41–57. (in Russ.).

И. С. Юрьева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

iriwonok@yandex.ru

ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА МЕЖДУ НАЧАТИ И ПОЧАТИ В ПЕРИФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ?

В статье рассматривается соотношение инфинитивных конструкций с глаголами *начати* и *почати* в переводных и оригинальных древнерусских текстах разных жанров. Главная задача статьи — показать различия в употреблении этих глаголов между формами «сложного будущего» и «сложного прошедшего», а также дать основные инфинитивы, способные образовывать сочетания с каждым из двух синонимичных фазовых глаголов.

Ключевые слова: древнерусский язык, церковнославянский язык, перифрастический претерит, «сложное будущее», фазовые глаголы.

1. Инфинитивные сочетания с начинательными глаголами могли в древнерусских текстах служить формами «сложного будущего» и «сложного прошедшего». Семантически никаких различий между общеславянским вариантом с **na-* и его восточнославянским аналогом с **po-* найти не удаётся: фазовый глагол в любом своём виде маркирует начало ситуации. Но в зависимости от жанра очень различается и частотность употребления инфинитивных конструкций с *начати* (*почати*) вообще, и соотношение как перифрастического футурума и перифрастического претерита, так и собственно вариантов *начати* и *почати*.

2.1.1. Если рассматривать бытовые тексты, то в берестяных грамотах единственный вариант конструкций такого рода — обороты с презенсом. Единственный же вариант фазового глагола — древнерусский. Во всех семи инфинитивных конструкциях БГ используется только *почати*: 1) *дан намъ ржи на полтину какъ людомъ поцнешь давать* (364, 1380-е–1400-е гг.); 2) *ци ти пѣцѣ[ь]не князь кѣпѣцѣ надѣлнвати* (794, 60–80 гг. XII в.). 3) *ажѣ ми сѧ поцньши насмихати а соудити бѣ [и] моѧ хоудость* (752, 1080-е–1100-е гг.); 4) *а поцне прошати жени или синовѣ жени г бели а синѣ белка* (406, 1360–1380); 5) *только поцне продавать товѣ и тѣ ѹ ки купи* (129, 1410–1420); 6) *ачи то ти поцне пѣ[ь]нати несми вѣрѣ соуд[и]и[лѣ]...* (820, 60-е–70-е гг. XII в.); 7) *тамо поценешѣ тиро(вати)...* (227, 60–90-е гг. XII в.).

2.1.2. Что касается жалованных и духовных древнерусских грамот, то по материалам ГВНП **почати**, как и в берестяных грамотах, — единственный вариант¹: две конструкции есть в двинских актах и семь — в грамотах центра, ср.: 1) **а хго почне настѹпати на ти земли. нно вчищивати ти земли внищифору и его дѣтемъ** [ГВНП 177, 1/2 1460-х гг.]; 2) **которын князь по моѹмъ княжении почынетъ хотѣти ѿати оу сѣго георгия, а бѣъ воудн за тѣмъ и сѣаа вѣа, и тѣ сѣын георгия оу него то ѿтимаеъ** [ГВНП 81, 1130 г.]; 3) **или кто почнетъ са запирати того, тѣ станетъ со мною передъ бѣмъ** [ГВНП 105, 1255–1257 гг.] — и т. д.

В. И. Борковский тоже не отмечает среди форм аналитического футурума варианта с **начати**, ср. [Борковский 1949: 147].

Можно предположить, что, раз в грамотах нет инфинитивных оборотов с **начати**, вариантом сложного будущего в живом древнерусском языке были именно конструкции с **почыноу**, а не **начыноу**.

2.1.3. И вероятно, именно «**почыноу** + инфинитив» был самым ранним продуктивным вариантом древнерусского сложного будущего.

В раннедревнерусских письменных памятниках в инфинитивных оборотах со значением будущего помимо фазовых глаголов могли использоваться глаголы **хочу** и **имѹ**.

Что касается **хочу**, то настоящих проспективов (‘нечто вот-вот произойдёт, собирается случиться, должно произойти’) крайне мало в древнерусских текстах² — из ранних летописей, например, они имеются только в трёх: Повести временных лет, Киевской и Суздальской летописи — и их там соответственно 8, 3 и 2. В текстах других жанров их тоже немного: в житиях обычно бывает по несколько примеров, в бытовых и деловых текстах проспективные обороты с **хотѣти** не встречаются вовсе. Со временем их частотность в текстах остаётся примерно на том же уровне, ср. [Юрьева 2018: 146–150].

Живые древнерусские [Кузнецов 2004; Гудков 2007] обороты с **имѹ** в ранних текстах тоже не слишком распространены — первая письменная фиксация относится к началу XIII в. Это пример из Договора неизвестного смоленского князя с Ригю и Готским берегом, 1223–1225 [Смоленские грамоты: 10–17]. Церковнославянские обороты с глаголом **имамъ**, которые лишь условно можно считать альтернативой **имѹ**-оборотов, встречаются только в определённом типе контекстов в клишированных оборотах [Юрьева 2011]. К XV в. число **имѹ**-конструкций в древнерусских нарративных текстах не растёт, зато в грамотах они становятся относительно распространёнными. Во всём корпусе берестяных грамот встречается лишь один случай будущего с **имѹ** — это **имеешь продавать** из поздней грамоты 1380-х–1400-х гг. № 364 [Зализняк 2004: 606], причём в той же грамоте есть и **почыноу**-оборот. А В. И. Борковский в исследованных им текстах грамот

¹ За исключением Духовной грамоты Антония Римлянина, в которой трижды встречаются обороты с **начати**: *начнет хотети, начнет... деяти и начнет... ставити*. Безотносительно споров о подлинности этого текста, см. [Валк 1937; Тихомиров 1945; Янин 1991: 355–357], грамота представлена списком XVI в., и вариант с *на-* вполне мог принадлежать переписчику.

² О проспективах в старославянском языке см. [Козлов 2014].

отмечает уже 44 *иму*-конструкции — в противовес 32 формам с *почну/учну* [Борковский 1949: 147]. Таким образом, **иму** по крайней мере после XIV в. начинает серьёзно конкурировать с **почьноу** в формах сложного будущего³. Но несмотря на появление такой альтернативы, можно говорить о полноценном функционировании **почьноу**-оборотов с футуральным значением в живом языке.

2.2. В других источниках, где есть презентные обороты, соотношение фазовых синонимов иное.

В законодательных актах, — тоже в связи с особенностями жанра, — как и в грамотах, встречаются исключительно обороты с презентом.

Но, в отличие от грамот, здесь присутствует вариант **начати**, и именно он значительно преобладает. Например, в Русской Правде Краткой редакции 6 контекстов с **начати** против одного с **почати**, в Русской Правде Пространной редакции соотношение этих вариантов 13/1. Ср. примеры из Русской Правды Краткой редакции: 1) *А иже изломить коньѣ, любо щитѣ, любо портѣ, а начнетъ хотети его держати оу себе, то приати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнетъ приметати, то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ* [Тихомиров 1953: 79]; 2) *Аже где възыщеть на друзѣ проче, а он ся запираати почнетъ, то ити ему на изводъ пред 12 человека...* [Там же: 78].

С чем это может быть связано?

Следует заметить, что глагол **начати** в формах будущего сложного вообще нехарактерен для южнославянских памятников и достаточно редок по сравнению с другими вариантами [Вайан 2004: 377; Birnbaum 1958: 194]. Поэтому вряд ли можно говорить об условно церковнославянской конструкции, победившей в памятниках определённого жанра соответствующую древнерусскую, — скорее **начати**, нормативный для южнославянских текстов по сравнению с **почати**, воспринимался древнерусскими книжниками как нейтрально-письменный вариант последнего.

3. Такое же соотношение можно видеть, если обратиться к **претеритным** конструкциям⁴ с этими двумя глаголами. Такие конструкции свойственны текстам других жанров — они служат основным перифрастическим оборотом с фазовыми глаголами в нарративных памятниках. В древнерусских летописях они явно могут претендовать на законное место в претеритной системе [Юрьева 2018]. Как и в случае с «будущим сложным», обороты с аористом **начати** / **почати** как разновидность сложного претерита — специфически восточнославянские. Помимо летописей, они относительно частотны в переводных памятниках восточнославянского происхождения.

3.1. Что касается ранних житийных памятников, похоже, в их языке конструкции с **почати** не считались допустимыми. Так, например, в переводном Житии Андрея Юродивого беспрецедентно много **нача**-оборотов (128 из 278 конструкций

³ Исследователи, занимавшиеся формами с *иму*у, отмечали у этого глагола начинательное значение (ср. [Соколова 1972; Шевелева 2017]), которое, вероятно, и способствовало такой конкуренции.

⁴ В абсолютном большинстве случаев это аорист **начати** / **почати** + инфинитив.

с **начати** вообще), и это выделяет его даже в ряду восточнославянских переводов и приближает к оригинальным древнерусским летописям. Но, несмотря на большое количество перифрастических конструкций с фазовыми глаголами, в ЖАЮ ни разу не встречается **почати**. В ранних оригинальных русских житиях из Успенского сборника **почати** тоже нет. Во всех перифрастических оборотах (28 в СкБГ и 33 в ЖФП) используется только **начати**. В более поздних памятниках, если судить по данным старорусского корпуса НКРЯ [http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html], такая тенденция сохраняется. Единственный пример с **почати** (причём в презенсе) найден системой в Повести о житии Михаила Клопского — то есть, собственно, не относящемся к каноническому житийному жанру тексте.

3.2. Среди других рассмотренных древнерусских переводных нарративов **почати** встречается только в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия (10 раз из 56, 18%) и в Повести об Акире Премудром (1 раз из 16). В Александрии (38 контекстов с **нача**-оборотами), Девгениевом деянии (44 контекста), Чудесах Николы (16 контекстов) вариантов с **по**- нет.

3.3. Чаше всего перифрастические претериты с **почати** встречаются в ранне-древнерусских летописях.

В оригинальных летописях соотношение **начати** / **почати** следующее (по убыванию частотности, в скобках указан процент сочетаний с **почати**): СЛ 43/36 (46%); КЛ 150/94 (39%); НПЛС 32/19 (37%); ПВЛ 150 /45 (23 %); ВЛ 87/21 (19%); НПЛК 115/25 (18%); МС 458/43 (9%)⁵.

Поскольку НПЛК и МС — самые поздние летописи в приведенном списке, можно предположить, что со временем число **поча**-оборотов снижается. Это как будто подтверждают и данные старорусского корпуса. Так, например, согласно [http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html], в Псковской Первой летописи всего трижды встречается перифрастический претерит с **почати**, во Второй **почати** не встречается, хотя **нача**-конструкции там есть, и их немало; в Архивском списке Псковской Третьей летописи четыре **поча**-оборота. В Строевском списке той же летописи 17 контекстов с **поча**-конструкциями, и это почти четверть от всех перифрастических претеритных оборотов с начинательными глаголами — но пропорционально общему объёму текста этих конструкций всё равно очень немного.

3.4. Итак, похоже, что в летописном нарративе, как и в процитированных выше законодательных актах, **начати** используется как «литературный» эквивалент **почати**.

Но в случае с формами «сложного будущего» мы имеем дело либо непосредственно с живыми формами, либо с их нейтрально-письменными эквивалентами. При этом весьма маловероятно, что параллельные претеритные конструкции активно функционировали в живом языке именно как часть системы претеритов — хотя бы

⁵ Из списка летописей намеренно исключены данные ГЛ. Хотя в ГЛ есть и **начати**, и **почати** и их соотношение — 80%/20%, что, казалось бы, вполне вписывается в общие данные, но язык ГЛ особый, летописец отталкивается от многих древнерусских особенностей, обыкновенно допустимых в летописном повествовании, в том числе избегает **нача**-конструкций [Юрьева 2016], которых в этой большой по объёму летописи всего 15.

потому, что длинные повествовательные периоды вообще мало свойственны живому языку, а **нача**-обороты в летописях характерны для распространённых повествовательных отрезков.

Безусловно, сам по себе оборот с начинательным глаголом — совершенно обыкновенная конструкция для славянских языков. Но в летописях она употребляется систематически и даже становится традиционной, закрепляется как специфически летописная форма. Поэтому мы всё равно имеем дело с некоей условностью, возникшей на почве живого синтаксиса благодаря продуктивности начинательных глаголов как грамматического показателя в восточнославянских языках.

Вспомогательный глагол в таких претеритных оборотах до конца XV в. почти всегда стоит в аористе (или — на несколько порядков реже — в причастии). Случаи, когда вместо аориста в древнерусской летописи употребляется перфект, не превышают статистической погрешности, даже в текстах с относительно высокой долей перфекта и с большим количеством перфектов без связки — таких как КЛ и ВЛ. Со временем начинательная претеритная конструкция, по всей видимости, теряет поддержку со стороны живого узуса. Система перестраивается: с одной стороны, утрачиваются древние простые претериты, с другой стороны, часть стандартных контекстов с **начати** / **почати** заменяется оборотами со **стати**, которые постепенно распространяются начиная с XV в. [Молдован 2010: 7], и с **оучати**, ср. [Пенькова, в печати].

Чем меньше остаётся связи с живым языком, тем сильнее тенденция стандартизировать внешний вид конструкции, и это приводит к сокращению количества конструкций с древнерусским вариантом фазового глагола, как видно по более поздним летописям.

Позже исчезает и сама конструкция. Согласно материалам старорусского корпуса НКРЯ, после XV в. достаточно резко падает частотность претеритных оборотов с фазовыми глаголами, а сама форма фазового глагола — всё чаще уже не аорист, а -л-претерит. Таким образом, особое положение **нача**-конструкций утрачивается, они теряют своё место в претеритной системе [Юрьева 2018: 141], и ситуация становится близка к современной.

4. Как было сказано выше, глагол **почати** в претеритных перифрастических сочетаниях чаще всего встречается в раннедревнерусских летописях. Поскольку этот глагол, как видно из приведённых данных, нейтральным вариантом не был, соотношение синонимов с **по**- и **на**- может быть значимым для языка памятника.

Рассмотрим с этой точки зрения Киевскую летопись. Несмотря на то, что некоторые языковые явления распределяются в тексте КЛ достаточно однородно, с точки зрения соотношения отдельных грамматических и лексических синонимов можно выделить текстологические швы. Разные фрагменты КЛ очень различаются, в частности, по употреблению **начати** / **почати**, ср. данные таблицы 1:

Так, если данные первой части («короткие статьи», до 1145 г.) не очень показательны, то начиная со второй (до 1149 г.) можно видеть, что доля **почати** с относительно высокого процента (35 %) постепенно снижается: в третьей части (до 1159 г.) **почати** меньше 30 %, в четвёртой (до 1174 г.) ещё меньше — 11 %, а вот

Соотношение начати и почати в разных фрагментах КЛ

нача / поча + инфинитив	до л. 118, до 1145 г.	лл. 118–143, до 1149 г.	лл. 144–177, 1150–1159 гг.	лл. 178–204, 1159–1174 гг.	лл. 205–245, 1175–1200 гг.
	6 / 7 (46 % / 54 %)	22 / 12 (65 % / 35 %)	52 / 21 (71 % / 29 %)	55 / 7 (89 % / 11 %)	18 / 41 (31 % / 69 %)

последняя, пятая часть даёт обратное соотношение: **поча**-конструкции составляют здесь 69 %, что очень много, если судить по летописям в целом, как было показано выше.

5.1. Оба фазовых синонима могут употребляться не только с одним и тем же инфинитивом, но и в одном и том же контексте, причём направление редактирования может быть разным. Например: 1) **андрѣи поча радити полкъ ѿца своего** (КЛ, 158, 1151) — **андрѣи нача радити полкъ ѿца своего** (СЛ, 111 об, 1151); 2) и **ѿ сего начаша оумирати снове пре(д) ѿцмъ** (ПВЛ, 36) — **и от сего почаша умирати сынове пред отци** (НПЛК 52, текст ПВЛ); 3) **И убоявшися почаша ся возити на одну вперед къ святѣи Софѣи** (НПЛК 177) — **а людие начаша возитися на ону сторону ко святѣи Софѣи** (МС, 180об., 1259); 4) **они же нѣ вдавѣ имъ сна но поча имъ давати брата свое(ѣ) мьстислава. они же не въсхотѣша** (КЛ, 183, 1161) — **Онъ же сына не да имъ, но нача имъ давати брата Мьстислава, они же его не восхотѣша** (МС, 83/83об, 1160)

Тем не менее можно попытаться установить, с какими инфинитивами чаще всего встречается **почати**. Логично было бы предположить, что русский вариант фазового глагола должен иметь тенденцию сочетаться с русизмами.

Как показывает материал, можно, хотя и с осторожностью, говорить о сознательном выборе вспомогательного глагола. В пользу этого предположения свидетельствуют случаи, когда, например, в памятнике с высокой долей **поча**-оборотов с разными инфинитивами в одном контексте фигурируют разные глаголы, ср.: **и сѣде сѣтополкъ съ своею дружиною. а володимеръ съ своею дружиною. а въ единомъ шатрѣ и поча думати. и начаша глѣти дружина сѣтополча. не верема веснѣ боевати** (СЛ, 132, 1184).

Обнаруживается некоторая зависимость и у конструкций с глаголами речи. Так, например, из трёх глаголов **мълвити** — **глаголати** — **говорити** больше всего склонен сочетаться с **почати** восточнославянский [Пичхадзе 2011: 137] вариант **мълвити**. Всего с ним обнаружено 58 конструкций, в 20 из них он употребляется с **почати**. Инфинитив **глаголати** зафиксирован в 79 конструкциях, из них с **почати** он сочетается только дважды. Глагол же **говорити** используется исключительно с **начати**.

Глагол **вѣзати** в значении ‘связывать, привязывать’ фиксируется только с **начати**, а в значении ‘судить’, специфически древнерусском, встречается и с **почати**.

Но при этом русизмы **жаловати** (в ПВЛ) и **жаловатисѧ** (в СЛ), **лоупити** ‘грабить’ (НПЛ), **пристраватисѧ** (ВЛ) обнаруживаются только с **начати**, несмотря на то что в памятниках, где есть конструкции с этими инфинитивами, **почати** относительно частотен.

Глаголы со специфически восточнославянскими суффиксами **-ива-/ыва-** тоже далеко не всегда обнаруживают способность сочетаться с **почати**. Только шесть из 29 таких глаголов встречаются с **почати**: **въскладывати** (МС), **замышливати** (СЛ), **израживати** (ВЛ), **надѣливати** (БГ), **попѣзыватьсѧ** (КЛ, МС), **съвъкоупивати** (ВЛ). Остальные 23 инфинитива выступают только в конструкциях с **начати**: **въспрашивати** (МС), **исправляватисѧ** (ИИВ), **намѣвливати** (МС), **нараживати** (ВЛ), **отъказыватисѧ** (МС), **перемѣвливати** (ВЛ), **перепытывати** (МС), **повадыватисѧ** (ВЛ), **повѣдывати** (МС), **подъговаривати** (МС), **подъмѣвливати** (МС), **подъписывати** (МС), **поноуживати** (КЛ), **поостривати** (ПВЛ), **попавляватисѧ** (МС), **приказывати** (МС), **припрашивати** (КЛ, МС), **приставляти** (ВЛ), **пристраивати(сѧ)** (НПЛС, ВЛ), **роскопывати** (ВЛ), **съкладывати** (КЛ), **съкоупивати** (КЛ), **сърыскивати** (НПЛК). Правда, 10 из них приходится на МС, в котором, как уже говорилось, относительная доля **поча**-конструкций намного ниже, чем в ранних летописных памятниках.

6. Если вернуться к вопросу о разнице между **начати** и **почати** в перифрастических конструкциях, приходится признать, что она в большей степени стилистическая: в высокие жанры **почати** не допускался вовсе; в нарративах этот глагол в той или иной степени считался допустимым, но нейтральным вариантом явно был его синоним **начати**. При этом положение **почати** в формах перифрастического футурума было значительно прочнее, чем в формах перифрастического претерита, благодаря поддержке живого языка.

Что касается самих инфинитивов, используемых в перифрастических конструкциях с фазовыми глаголами, то если глагол употребляется только с **почати**, это, как правило, единственный контекст или два–три примера в одном памятнике. Отдельные инфинитивы, такие как **бити**, **быти**, **воеватисѧ**, **доумати**, **мѣлвити**, обнаруживают относительно большую склонность сочетаться с вариантом **почати**.

7. Приложение 1. Инфинитивы, фигурирующие с фазовыми синонимами **почати** и **начати**

Всего с начинательными глаголами во всех исследованных древнерусских памятниках из 476 инфинитивов 107 встречаются с **почати**.

7.1. Ниже приводятся списки инфинитивов: а) встречающихся исключительно с **почати**; б) встречающихся только с **почати** хотя бы в части памятников; в) встречающихся не только с **почати**.

А. Есть всего 28 инфинитивов, которые встретились исключительно с **почати**. В скобках после глагола указано количество употреблений:

1. **бродити** (1): *Того дни прошла река Москва, а назаутрее почали бродити через нее на конех* (МС 455об., 1478);
2. **винити** (1): *... отъа от него волость сына дѣля своего, и тѣмъ поча винити тѣстя своего и крестъное цѣлование поминая ему* (МС 117об., 1196);

3. **воеватисѧ** (3): 1) и почаша воеватисѧ со ѡлгови(ч) (КЛ 239, 1196); и почашь сѧ воквати (СЛ 136об, 1186); и поча воеватися с ними (МС 114, 1186). Это один из самых показательных примеров: три разные летописи, как минимум два разных контекста. В ВЛ, правда, инфинитив **воеватисѧ** стоит при форме **начаста**, но выбор **начати** в данном контексте можно объяснить влиянием первого инфинитива: и **начаста. вражѣствовати межн собою. и воеватисѧ** (ВЛ 283, 1281);
4. **вѣзати** ‘судить’ (1): и почаша вѣзати и рѣшати ꙗже хотѣху (ИИВ 349об);
5. **зѧмышливати** (1): приде к гюргеви галичскаѧ помощь. зѧне бѣ почалъ рать зѧмышливати дѣдвнчъ (СЛ 115об/116, 1154);
6. **карити** (1): оумре княгини миндовговаѧ. и поча карити по неи башеть бо сестра ен. за домонтомъ (ВЛ 286, 1262);
7. **крыти** (1): *Онъ же отвѣща имъ: «да како азъ възглаголю: братие моя, по-тягнемъ вкупѣ съ единого, а сам лице свое почну крыти или хоронитися назади* (МС 282об., 1380);
8. **крѣстити** (2, в одном и том же контексте): а *Ижеру почаль крестити въ свою вѣру* (НПЛК 214, 1348; МС 235, 1348);
9. **коупити** (2, в одном и том же контексте): почахомъ коупити хлѣбъ. по . и. коупчъ (НПЛС 111, 1230; НПЛК 152об., 1230);
10. **лѣстити** (1): ти же почаша лѣстити подъ кнѣземъ своимъ (КЛ 120, 1146);
11. **надѣниматисѧ** (1): *По семъ же кровь почат надниматися, отецъ же его духовны Осиа именем священноиноук, затѣкну бумашкою ноздри его* (МС 364об., 1440);
12. **надѣливати** (1): ... пѣц[ь]не князь кѣпцѣ надѣливати (БГ 794, 60–80 гг. XII в.);
13. **насмѣхатисѧ** (1): аже ми сѧ поцьньши насмѣхати (БГ 752, 1080-е — 1100-е гг.);
14. **насылати** (1): а на сѣслава. поча насылати. тако река. како еси послалъ сѧ свое(ѣ) (КЛ 230, 1189);
15. **перевозити** (1): почаша в насаде(хъ) дръжинѣ е(ѣ) перевозити на сю сторону в подолье (КЛ 146, 1150);
16. **подѣниматисѧ** (1): половци же оубоѡавшесѧ того почаша подѣниматисѧ прочь (СЛ 118об, 1152);
17. **позывати** (1): *Князи же сему совѣту внимаху, нежели первому, надѣющесѧ на множество вои, и почаста позывати к Липицамъ на бои* (МС 138об., 1216);
18. **(не)помогатисѧ** (1): *Того же мѣсяца июня 26 архиепископъ Новгородскыи Сергѣи остави архиепископью и прииде ко Троицѣ в Сергеевъ манастирь во свое пострижьние, поне же бѣ почал непомогатися* (МС 467об., 1484);
19. **попѣлзыватьи(сѧ)** (2, в одном и том же контексте): а тѣ тогда не жалѣи на мѧ. вже сѧ почнешь поползыватьи. и-щернигова к новѣ городу (КЛ 179, 1159; МС 78об., 1159);

20. *продавати* (1): только поцьне продавати товѣ и тѣ ꙗки купи (БГ 129, 1410–1420);
21. *пѣнати* (1): ачи то ти почьне пѣнати несми вѣрѣ соу[л]и[лѣ]... (БГ 820, 60–70 гг. XII в.);
22. *слабѣти* (1): *а он по многомъ плачи начат изнемогати тѣломъ, почат бо слабѣти рука ему, такоже и нога* (МС 421, 1473);
23. *стеречи* (1): и послоушавѣ же изаслава мьстиславица. ростиславѣ и поча стеречи волости его (КЛ 122об, 1146);
24. *стоупати* (1): *Стрѣльцем же стрѣляющимся о рѣку Стугну, поча ступати Володимерко съ силою своею* (МС 57об., 1150);
25. *сѣвѣкоупливати* (1): и *поча совокоупливати* силоу свою (ВЛ 288, 1268);
26. *тировати* (1): тамо поценешн тиро(вати)... (БГ 227, 60-е – 90-е гг. XII в.);
27. *оубывати* (3, в одном и том же контексте): въ ·аѣ· днѣ · передѣ вечернею · поча оубывати сѣнца · и погыбе всѣ (НПЛС 10 об., 1124; НПЛК 101, 1124; МС 32об., 1124);
28. *оучити* (1): нестерѣ п(ѣ)пѣ сѣждальскомѣ живѣщю. перехвативѣ нестеровѣ столѣ. поча сѣждали оучити не ѣсти мѣсѣ. въ г(ѣ)дѣскыа праздни[кы] (СЛ 118, 1154).

Можно добавить в этот список ещё четыре инфинитива, которые употребляются только с *почати* в тех источниках, где *почати* вообще фиксируется:

1. *водити* (3): и *поча и водити* подѣ сѣ (КЛ 121, 1145 г); *королевичъ же имѣ имѣ вѣрѣ поча ихъ водити ко кр(ѣ)стоу* (КЛ 230об., 1189); *и нѣ же поча ихъ водити. подѣт(ѣ)ча на воевание* (КЛ 231об, 1190). Помимо КЛ, этот глагол встречается в ЖАЮ в сочетании с *начати* — но в этом памятнике нет инфинитивных оборотов с *почати*;
2. *горѣти* (1): *потом же и городѣ поча горѣти* (ВЛ 284об, 1261). Как и предыдущий, этот инфинитив встречается в сочетаниях с *начати* в ЖАЮ;
3. *простирати* (1): *сновидѣ изечевѣчѣ. конюхѣ сѣтополчѣ. и дмитрѣ конюхѣ двѣбѣ. почаста простирати коворѣ. и простерша гѣста василка и хотѣща па поврѣщи* (ПВЛ 89об, 1097). В сочетании с *начати* этот инфинитив встречается в ЖФП;
4. *славити* (1, ИИВ): ... *почаста славити. и хвалити* нрода. *оумомѣ и хитро-стнию* (357). С *начати* глагол *славити* употребляется в Ал (2 раза) и ЖАЮ (2).

Б. Ещё 38 инфинитивов зафиксированы только с *почати* в части памятников. В приведённом ниже списке помимо контекста с *почати* указывается также соотношение *почати/начати* в конструкциях с каждым инфинитивом в других памятниках, в которых фиксируются *почати*-конструкции:

1. *бити* (1, ПВЛ): *не ѣ бо почалѣ бра(т)ю бити но и нѣ* (ПВЛ 30об, 980). Тот же глагол в других текстах с *почати/начати*: КЛ 2/1, НПЛК 1/ 4, Акир 1/1, МС 1/25;

2. быти (5, ПВЛ): си бо оугри почаша быти. при раклии ц(с)ри (ПВЛ 6); и манастыреве почашу быти (ПВЛ 57, 1037); и в кое лѣ(т) почалъ быти манастырь (ПВЛ 60, 1051); се же знаменье поча быти ѿ дрюцька (ПВЛ 79об., 1092); се же нынѣ третъек лѣто. поча быти (ПВЛ 86, 1096). В других памятниках: МС 4/5, ВЛ 0/4;
3. владѣти / володѣти (2, в одном и том же контексте в НПЛС и МС): и самъ поча владѣти пльсковомъ с нѣмци. воюа села новгородьская (НПЛС 128, 1242; МС 166об., 1242). В других памятниках: ПВЛ 1/1, НПЛК 0/3;
4. возитиса (1, НПЛК): И убожавъшися почаша ся возити на одну вперед къ святѣи Софѣи (НПЛК 177, 1259). В МС 0/2;
5. въпра/ошати (1, СЛ): и почаша впрашати живыхъ [изыманы(х)] много ли ваши(х) назади (СЛ 121, 1169). В ВЛ 0/4, МС 0/3, ИИВ 0/1.
6. въставати (1, КЛ) по малѣ же времени почаша въставити (!). новгородци оу вѣчи (КЛ 113об, 1140). ПВЛ 0/1: и слыша и на ноги нача въставати (71об, 1074);
7. (нѣ) гравити (3: КЛ, НПЛ): почаша не гравити (КЛ 209, 1175); а въ пльсковѣ почали бахоу гравити недобрии лю(д)е. села. і дворы в городѣ (НПЛС 158об, 1314); (НПЛК 195об., 1314). С начати этот инфинитив есть в ПВЛ и МС;
8. давати (2, КЛ, БГ): они же нѣ вдавъ имъ сна но поча имъ давати брата свое(г) мьстислава. они же не въсхотѣша (КЛ 183, 1161);... поцнешь давати (БГ 364, 1380-е — 1400-е гг.). В МС 1/1, НПЛК 0/1;
9. давати (2, СЛ) начатъ слатиса къ Изаславу мира проса. поча давати подъ собо(ю) Къивѣ. а подъ Мстиславо(м) Переяславль (СЛ 114об, 1154, контекст КЛ); Андрѣи же князь поча давати имъ Мстислава брата своего. они же ко не всхотѣша (СЛ 117об, 1160). В КЛ из трёх контекстов оба претеритных — с почати: начатъ слатиса къ изаславу къ двдовичю мира проса поча давати ему подъ собою киевъ. а подо мьстиславомъ переяславль (КЛ 170об, 1154); наоутрѣа же поча давати сангатъ. княземъ и мѹжемъ (КЛ 202, 1174), а оборот со значением будущего — с начати: что въ начнеть давати (КЛ 117об, 1145). В ПВЛ, НПЛК, МС с этим инфинитивом употребляется только начати;
10. доумати (1, СЛ): а самъ поча думати с дружиною (СЛ 132, 1184). В ПВЛ 2/6, КЛ 10/10, ВЛ 2/5, МС 0/11;
11. държати (2, ПВЛ, НПЛС): и по сен братъи почаша държати родъ ихъ княжение (ПВЛ 5об); поча всѣславъ рать държати (НПЛС 3об, 1065). В МС — один контекст с начати.
12. жечи / жеци (2, ВЛ, ИИВ): и почаша воевати. и села жечи (ВЛ 288, 1268); и ѿсѣкоша. к. сажень своими рѣками. поченше жеци стѹе (ИИВ, л. 446). КЛ 0/1, МС 0/4;
13. жити (1, ВЛ): и поча жити (!) в манастырѣ (ВЛ 288 об, 1268), ПВЛ 1/2, КЛ 0/2;
14. зажигати (1, НПЛС): почаша добрыхъ лю(д)и домъ зажігати (НПЛС 113об, 1230). В КЛ, МС и ИИВ — 0/1;

15. *запиратисѧ* (1, РПК): *Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запира-ти почнетъ, то ити ему на изводъ пред 12 человека* (РПК с. 78). РПП 1/1, НПЛК 0/1;
16. *зъвати* (2, НПЛС); *съзѡва вѣче на гарослави дворѣ. и поча звати новго-родъче кыквоу* (НПЛС 79, 1214); *кнѣзь же мьстиславъ въ вѣче поча звати. они же не пондоша* (НПЛС 79, 1214). ПВЛ 1/3, НПЛК 1/1, КЛ 2/2, МС 0/2;
17. *имати* (1, ПВЛ): и примучивъ ѿ. *поч(а)* на ни(х) дань *имать*. по чернѣ кунѣ (ПВЛ 10, 883). НПЛК 0/1, КЛ 0/1, ВЛ 0/1, МС 0/3;
18. *имѣти* (2, ГЛ, СЛ): *видивъ бо лестько се. и поча имѣти любовь великоу. ко кнѣзю данилоу. и братоу его василкоу* (ГЛ 238об., 1211); в то же лѣ(тѣ). *поча-ша съ ѡговичи рать имѣти. и начаша воевати. села и городы по бѣлѣ* (СЛ 101, 1136). ПВЛ 1/2, МС 0/2, ИИВ 0/2;
19. *молитисѧ* (1, НПЛС): *мьстисла(вѣ) же поца молити сѧ княземъ роуьсьскымъ. бра(тѣ)и свои* (НПЛС 97, 1224). НПЛК 0/4, ПВЛ 1/2, КЛ 2/5, СЛ 3/4, МС 1/9, НПЛК 0/4, ИИВ 0/2;
20. *мълвити* (1, НПЛК): *Почаша молвитѣ о сужальствѣ воинѣ новгородци* (НПЛК 102об., 1132). Как говорилось выше, этот глагол относительно ча-стотен с *почати*, ср.: КЛ 15/15, ВЛ 2/10, СЛ 1/2, МС 1/6, ПВЛ 0/3, НПЛС 0/1;
21. *мъножитисѧ* (1, ПВЛ): и чернорисци *поча множитисѧ...* (ПВЛ 57, 1037). НПЛК 0/1;
22. *наражати* (1, СЛ): в сѣ(бѣ)тѣ. *мѧ(сѣ)пѣ(сѣ) ·ю. почаша наражати лѣсы* (СЛ 160об., 1237). ВЛ 0/2;
23. *от(ъ)имати* (2, КЛ): и почаша оу ни(х) возы *ѡимати* (КЛ 158, 1151); *по-чаша ѡимати...* (КЛ 231, 1189). НПЛК 0/1;
24. *пи(в)сати* (3, НПЛС, ВЛ, МС): а на весноу *почаша пьсати сѣоую софию ·стажаникъмъ сѣго влѣкы* (НПЛС 7, 1108); *поча(а) же баше писатѣ ю и спи-са всѣ три олтарѣ* (ВЛ 305, 1288); *И почаша оканнии ѣздяще по улицам писати дома христьяньские* (МС 180об., 1259), НПЛК 1/1, СЛ 2/2, ПВЛ 0/1, СЛ 0/11;
25. *пома/огати* (1, ВЛ): *кнѧжащюу же ѡншельковн в Литвѣ. и поча емоу по-магати* (ВЛ 287, 1264). ПВЛ, КЛ, МС — 0/1;
26. *правити* (2, КЛ, СЛ): *почаша правити лодѣи своѣ уколо пѣска. подлѣ свою стороноу* (КЛ 154, 1151), СЛ: *потомъ поча рѣдѣ правити* (СЛ 148, 1206), В ВЛ единственный контекст — с *начати*;
27. *пра/ошати* (2, НПЛК, БГ): *Посемъ же поча прошати его...* (НПЛК 93об., 1071); а *поцне прошати жени или синовн...* (БГ 406, 1360–1380). КЛ 2/4, МС 0/2, ИИВ 0/1;
28. *пристоупати* (2, КЛ, СЛ) : и *поча володимеръ пристѣпати силою* (КЛ 145об., 1150); *поча пристѣпати Володимерко с силою своєю* (СЛ 109, 1150). МС 1/3, ПВЛ 0/1;
29. *поушати* (1, СЛ): *романко поча пушати дчерь рюриковѣ хотѧшетъ ю по-стричи* (СЛ 140, 1197). ПВЛ 0/1, КЛ 0/1, МС 0/3;

30. ставлати (1, КЛ): и в божницахъ почаша кони ставлати и в ѳызбахъ. иная многа насильа дѣяти (КЛ 231, 1189). СЛ 0/1;
31. съвъкоупити ‘собирать’ (1, КЛ): почаша совокупити дружинѹ къ собѣ (КЛ 208, 1175), ПВЛ 0/1, МС 0/1;
32. твърдити (1, СЛ): она же ѳвѣдаста почаста городѣ твърдити (СЛ 135об, 1186). ИИВ 1/1;
33. тоужити (2, КЛ, ИИВ): галичани же почаша тоужити велми. и много кашасѧ. прогнавшѧ князѧ своего (КЛ 231, 1189); и почаша тоужити глѹще. ѳѳи и дѣди наши свѣсдохетци быша (ИИВ, л. 365). МС 0/1;
34. оумирати (1, НПЛК): и от сего почаша умирати сынове пред отци (НПЛК 52). ПВЛ 0/1 (тот же контекст);
35. ходити (1, КЛ): они же поча ходити микѹлицѧ со сѣю бѣю. в ризахъ по городѹ... (КЛ 209, 1175). ПВЛ 2/1, МС 0/1;
36. чьстити (1, ИИВ): поча его чтити паче мною (ИИВ 369об.). ПВЛ 0/1;
37. ѳздити (2, НПЛС, НПЛК, в одном и том же контексте): и почаша ѳздити оканьнии по ѳаницамъ. пишюче домъ хр(ѣ)тыаньскыа (НПЛС 138, 1259; НПЛК 177, 1259). ВЛ 0/1, МС 0/2;
38. пастн / ѳсти (1, ПВЛ): и почаша пастн первое самн. потом же и печенѣзѣ (ПВЛ 48об, 999). ВЛ 0/1.

В. Ещё 13 инфинитивов в некоторых памятниках могут употребляться с поча-ти, но ни в одном из них глагол с по- не является единственным выбором:

1. воевати: ПВЛ 5/3, КЛ 4/1, ВЛ 5/2, СЛ 4/3, МС 1/12, НПЛС 0/1, НПЛК 0/2, ИИВ 0/1;
2. дѣяти: КЛ 3/1, ИИВ 2/1, НПЛК 1/1, МС 1/3;
3. копити: НПЛС 2/1, НПЛК 4/1, МС 1/2;
4. подъписывати: МС 5/2;
5. стрѣлатисѧ: КЛ 2/1, МС 0/1;
6. съвъкоуплати: СЛ 1/2, МС 1/3, ПВЛ 0/1, НПЛК 0/2, КЛ 0/1;
7. сълати: СЛ 8/10, МС 2/6, ПВЛ 0/1, НПЛС 0/1, НПЛК 0/1, ВЛ 0/1;
8. сълатисѧ: КЛ 4/5, СЛ 1/2, МС 1/4;
9. сѣч/ци: ПВЛ 1/2, КЛ 1/4, НПЛС 0/1, ВЛ 0/1, СЛ 0/3, МС 0/9;
10. творити: КЛ 1/3, ПВЛ 0/5, НПЛК 0/3, МС 0/2;
11. търговати: НПЛК 1/2;
12. ц(ьс)арьствовати: ПВЛ 2/1;
13. чинити: МС 1/2, НПЛС, НПЛК — 0/2.

7. 2. Приложение 2. Инфинитивы, зафиксированные только с начати⁶

1. <u>бесѣдовати</u>	3. <u>бл҃юстисѧ</u>	5. <u>боротисѧ</u>
2. <u>благословлати</u>	4. <u>болѣти</u>	6. <u>богатисѧ</u>

⁶ Приводятся только инфинитивы, встречающиеся в источниках, где есть почати в перифрастических конструкциях.

7. бродитисѧ	50. завидѣти	93. напиватисѧ
8. боудити	51. закалати/ заколати	94. нароубати
9. бърати	52. заниматисѧ	95. наражатисѧ
10. бѣситисѧ	53. запинати	96. нараживати
11. вавити	54. заходити	97. наѣздити
12. вадити	55. звонити	98. негодовати
13. велѣти	56. (не) знати	99. обидѣти
14. веселитисѧ	57. зъватисѧ	100. обличати
15. винити	58. играти	101. обмышлати
16. возитисѧ	59. избирати	102. обходити
17. вражѣствовати	60. изгонити	103. обрѣтати
18. вѣвѣроватисѧ	61. исповѣдатисѧ	104. обѣдати
19. вѣзбоужати	62. исправливатисѧ	105. одалати
20. вѣзвѣщати	63. казнити	106. одолѣвати
21. вѣздаѧ/ва/ти	64. каѧтисѧ	107. одолѣти
22. вѣздвиг/зати	65. класти	108. одолати
23. вѣзирати	66. клеветати	109. орати
24. вѣзмоущати	67. клепати	110. оскоудѣвати
25. вѣзносити	68. кликати	111. (не) оставати
26. вѣороужатисѧ	69. клѧти	112. отиматисѧ
27. вѣпити	70. ковати	113. отъдавати
28. вѣскладывати	71. кричати	114. отъказыватисѧ
29. вѣспрашивати	72. крѣпити	115. отъпоускати
30. вѣсходити	73. ладитисѧ	116. отъстоупати
31. выти	74. лежати	117. отъсылати
32. вѣровати	75. литоургисати	118. падати
33. вѣзати	76. лишатисѧ	119. пакостити
34. гасити	77. лоупити	120. палати
35. гнити	78. любити	121. переливати
36. гнѣватисѧ	79. метати	122. перемълавивати
37. говорити	80. метатисѧ	123. перепытывати
38. грызти	81. (не) миловати	124. пити
39. гразноути	82. миритисѧ	125. плавати
40. гърдѣти	83. молити	126. плакати(сѧ)
41. гы(в)ноути	84. (не)мощи	127. платити
42. даватисѧ	85. моудрити	128. плодитисѧ
43. dospѣвати	86. моучити	129. победаватисѧ
44. дѣлѧти	87. мыслити	130. повѣдывати
45. жалити	88. мытисѧ	131. погивати
46. жаловати	89. мързноути	132. подъговаривати
47. жаловатисѧ	90. нанмовати	133. подъмълавивати
48. жрети	91. налегати	134. познавати
49. забывати	92. намълавивати	135. понмати

136. полошати	178. работати	220. съвъкоуплатисѧ
137. поминати	179. (не) радити	221. съвършати
138. помышлати	180. радоватисѧ	222. съзиратисѧ
139. поноужати	181. разбивати	223. съказати
140. поноуживати	182. раздавати	224. съкладывати
141. поостривати	183. раздирати	225. съкоупливати
142. пороубати	184. раздроушатисѧ	226. съмотри/ѣти
143. постригати	185. ра/оꝝмышлати	227. (не) съмѣти
144. (не) пощаѣти	186. разоумѣти	228. съпиратисѧ
145. пооуцати	187. расканватисѧ	229. сърыскивати
146. погавливатисѧ	188. расти	230. съ(т)рѣтати(сѧ)
147. прельщати	189. расточати	231. съставляти
148. прибывати	190. ра/осылати	232. съходити
149. приводити	191. ригати	233. съѣждатисѧ
150. призывати	192. роздавати	234. тишитисѧ
151. примати	193. роскопывати	235. тишѣти
152. приказывати	194. росходитисѧ	236. троуѣти
153. прилагати	195. роу҃гатисѧ	237. тѣшатисѧ
154. примѣтати	196. роу҃шитисѧ	238. тъмнѣти
155. припрашивати	197. рѣпѣтати	239. тѣшити
156. приставливати	198. рыдати	240. оуѣѣшати
157. пристраватисѧ	199. рѣзати	241. оука/орати
158. пристранвати	200. рѣатисѧ	242. оукрѣплати
159. пристранватисѧ	201. рѣшати	243. оумѣножити
160. присылатисѧ	202. радитисѧ	244. оупихати
161. притоужати	203. садитисѧ	245. (не) оуправлати
162. приходити	204. сваритисѧ	246. оуродѣствовати
163. причащатисѧ	205. скакати	247. оутапати
164. приати 'любити'	206. скѣрѣѣти	248. хвалити(сѧ)
165. продавати	207. слоужити	249. хвостатисѧ
166. прозыватьсѧ	208. слыти	250. хоронитисѧ
167. проливати	209. смн/ѣатисѧ	251. хотѣти
168. промышлати	210. соватисѧ	252. хракати
169. проповѣд(ыв)ати	211. (не) ставати	253. храматн
170. пророчѣствовати	212. ставитисѧ	254. хоулити
171. простиратисѧ	213. строитисѧ	255. цѣловати
172. прощатисѧ	214. стрѣлати	256. чи/ѣсти
173. (не) поустити	215. стоужати	257. чървити
174. поутѣшѣствовати	216. стѣнати	258. тавлатисѧ
175. пѣнати	217. соудити	259. тати (вѣроу)
176. пѣрѣтисѧ	218. съвирати	
177. пѣти	219. съборовати	

Источники

Акир — Повесть об Акире премудром // *Григорьев А. Д.* Повесть об Акире премудром. М., 1913. С. 3–235.

Ал — Александрия // *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследования и текст. М., 1893. С. 5–105

БГ — новгородские берестяные грамоты // *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

ВЛ — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Вейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ГЛ — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715–848.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // *Молдован А. М.* «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000. С. 159–450.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71–135.

КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М. 2017.

МС — Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

НПЛК — Новгородская Первая летопись младшего извода по Комиссионному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 101–427.

НПЛС — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.

ПВЛ — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. 5-е изд. М., 2001. С. 2–285.

СкБГ — Сказание о житии Бориса и Глеба // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 43–71.

СЛ — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М. 1997. С. 287–540.

Смоленские грамоты — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Изд. подгот. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.

Литература

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. 3-е изд. М., 2004.

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. статей / Ред. А. С. Орлов. М.; Л., 1937. С. 285–318.

Гудков В. П. Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках // Гудков В. П. Исследование частных вопросов истории славянских языков. М., 2007. С. 12–22.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Козлов А. А. К грамматической семантике старославянских конструкций **хотѣти/имѣти** с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2004.

Молдован А. М. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.

Пенькова Я. А. *Иму, учьну, стану, буду*: Корпусное исследование перифраз будущего времени в старорусской письменности // Slavistica Revija, в печати.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в Древней Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Соколова И. Г. Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века. Автореф. ... к. филол. наук. Ташкент, 1972.

Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 225–244.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

Шевелева М. Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.

Юрьева И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имать* и *имуу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.

Юрьева И. С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования / Jitka Komendová a kol. Olomouc, 2016. С. 65–78.

Юрьева И. С. Грамматика нарратива в ранних древнерусских летописях // Письменность, литература, фольклор славянских народов. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 137–155.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

Birnbaum H. Untersuchungen zu den Zukunftumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslawischen. Stockholm, 1958.

Irina S. Yurieva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

iriwonok@yandex.ru

IS THERE A DIFFERENCE BETWEEN *NACHATI* AND *POCHATI* IN PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS?

The present article analyzes infinitive constructions with the verbs *NACHATI* and *POCHATI* in translated and original Old Russian texts of different genres. The main aim of the article is to show the differences between periphrastic future and periphrastic past tense in the use of these verbs, and to give a list of commonly used infinitives that can form constructions with each of these two synonymous inchoative verbs.

Keywords: Old Russian, Church Slavonic, periphrastic past tense, periphrastic future, inchoative verbs.

References

Birnbaum H. *Untersuchungen zu den Zukunftumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslawischen*. Stockholm, 1958.

Borkovskiy V.I. *Sintaksis drevnerusskikh gramot (prostoe predlozhenie)*. L'vov, 1949.

Gudkov V.P. Parallel' iz istorii form budushchego vremeni v serbskokhorvatskom i russkom yazykakh. In: Gudkov V.P. *Issledovanie chastnykh voprosov istorii slavyanskikh yazykov*. Moscow, 2007. S. 12–22.

Kozlov A.A. K grammaticheskoy semantike staroslavjanskikh konstruktsey khot'ti/im'ti s infinitivom. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. № 1 (27). S.122–149.

Kuznetsov P.S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya*. Moscow, 2004.

Moldovan A.M. K istorii fazovogo glagola stat' v russkom yazyke. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. № 1 (19). S. 5–17.

Pen'kova Ya. A. Imu, uch'nu, stanu, budu: Korpusnoe issledovanie perifraz budushchego vremeni v starorussoy pis'mennosti. *Slavisticna Revija* (forthcoming).

Pichkhadze A.A. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v Drevney Rusi: lingvisticheskiy aspekt*. Moscow, 2011.

Sheveleva M.N. K probleme grammaticheskoy semantiki konstruktsey tipa imat' byti vs. khochet' byti v rannikh vostochnoslavjanskikh tekstakh. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017. № 2 (34). S. 194–218.

Sokolova I.G. *Budushchee vremya glagola v russkoy i ukrainskoy delovoy pis'mennosti XV veka*. Avtoref. Thesis. Tashkent, 1972.

Tikhomirov M.N. O chastnykh aktakh v Drevney Rusi. *Istoricheskie zapiski*. T. 17. Moscow, 1945. S. 225–244.

Tikhomirov M. N. *Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy*. Moscow, 1953.

Valk S. N. Nachal'naya istoriya drevnerusskogo chastnogo akta. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Sbornik statey* / Red. A. S. Orlov. Moscow; Leningrad, 1937. S. 285–318.

Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku*. 3-e izd. Moscow, 2004.

Yanin V. L. *Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskij kommentarij*. Moscow, 1991.

Yur'yeva I. S. Infinitivnye sochetaniya s glagolami imam' i imou v drevnerusskikh tekstakh. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2011. № 2 (22). S. 68–88.

Yur'yeva I. S. Lingvisticheskie parametry stilisticheskikh razlichij mezhdru Galitskoy i Volynskoy letopisyami. *Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya* / Jitka Komendová a kol. Olomouc, 2016. S. 65–78.

Yur'yeva I. S. Grammatika narrativa v rannikh drevnerusskikh letopisyakh. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. XVI Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiyskoy delegatsii*. Moscow, 2018. S. 137–155.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskij dialekt*. Moscow, 2004.

Научный журнал

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

№ 1. 2020

Грамматические процессы и системы в диахронии
Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 30.07.2020. Формат 70×100 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 31,9. Заказ № 1984
Тираж 300 экз.

Адрес редакции: г. Москва, 119019, Волхонка 18/2

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86